

УДК 821.111
ББК 84(7США)
Ю16

Eliezer YUDKOWSKY
Harry Potter and the Methods of Rationality

Элиезер ЮДКОВСКИЙ
Гарри Поттер и методы рационального мышления

Перевод с английского — коллектив переводчиков:

Дмитрий Новицкий, Александр «Аларик» Бидерман, Глеб Мазурский, Виктор Гавриш, Мария Шадрина, Светлана «Chaika-che» Выприцкая, Юлия Ноздрина, Илья Nighthawk, Анна Новицкая, Юлий Лобарёв, StrangeCat, Sergcold, Polina, You_know_who, baskakov_dima, kle, Elspet, Asya, Dima, Kaplya smysla, Remlin, Constantine, Kuuff, Антон Скобин, Валя Гаврилова, Berik, Alexqwesa, Lavash, Denker.

Коллектив переводчиков разрешает распространять и использовать перевод на условиях лицензии Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International в случаях, когда его распространение и использование позволяют другие правообладатели, в частности, Дж. К. Роулинг и Элиезер Юдковский.

Полный текст книги доступен бесплатно на <https://гпмрм.рф>

Юдковский, Элиезер Шломо

Ю 16 Гарри Поттер и методы рационального мышления. Роман в трёх книгах. Книга третья / Элиезер Шломо Юдковский ; [пер. с англ. коллектива переводчиков]. — Москва: ИП «Самин Михаил Иванович», 2018. — 688 с.

Петунья вышла замуж не за Дурсля, а за университетского профессора, и Гарри попал в гораздо более благоприятную среду. У него были частные учителя, дискуссии с отцом, а главное — книги, сотни и тысячи научных и фантастических книг. В 11 лет Гарри знаком с квантовой механикой, когнитивной психологией, теорией вероятностей и другими вещами. Но Гарри не просто вундеркинд, у него есть загадочная Тёмная Сторона, которая явно накладывает свой отпечаток на его мышление.

Умный Гарри Поттер сталкивается с магией, размышляет, как она работает, почему нарушает привычные законы физики, и применяет научный метод, чтобы в ней разобраться и подчинить себе.

УДК 821.111
ББК 84(7США)

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Дж. К. Роулинг, 1997–2007 — весь волшебный мир, включая персонажей, сюжеты, магию и всё-всё-всё.

© Элиезер Юдковский, 2011–2015 — текст.

© Элиезер Юдковский, 2018 — предисловие к русскому изданию.

Элизер Юговский

Гарри Поттер
и методы
рационального
мышления

книга третья

Москва
2018

Глава 78

Цена бесценного. Прелюдия: журналичество

Суббота, 4 апреля 1992 года.
Мистер и миссис Дэвис выглядели довольно нервно. Они сидели в особой ложе на квиддичном стадионе Хогвартса, но сегодня из мягких кресел открывался вид не на летающие метлы, а на гигантский квадрат из чего-то, похожего на пергамент. На большой белой пустоте вскоре появятся окна, через которые будут видны трава и солдаты. Но сейчас там было лишь отражение серого пасмурного неба. (Судя по всему, вскоре разразится буря, хотя маги-синоптики обещали, что дождь начнётся не раньше наступления темноты.)

По древней традиции Хогвартса всяким там родителям следовало держаться подальше — примерно по тем же причинам, по которым нетерпеливым детям говорят выйти из кухни и не путаться под ногами. Учитель встречался с родителями, только если он считал, что те ведут себя как-то неправильно. Нужны были исключительные обстоятельства, чтобы администрация Хогвартса подумала, что она должна перед вами оправдываться. Грубо говоря, в каждом конкретном случае на стороне администрации Хогвартса были восемьсот лет выдающейся истории, которых не было у вас.

Поэтому мистер и миссис Дэвис настаивали на аудиенции у заместителя директора МакГонагалл с определённым трепетом. Было трудно набраться надлежащего чувства возмущения, чтобы противостать той же почтенной ведьме, которая двенадцать лет и четыре месяца назад назначила вам обоим двухнедельные отработки, застукав за актом зачатия Трейси.

С другой стороны, набраться храбрости мистеру и миссис Дэвис помог экземпляр «Придиры», которым они сердито размахивали. Передовица журнала ярким жирным шрифтом вещала на весь мир:

СОГЛАШЕНИЯ С ПОТТЕРОМ? БОУНС, ДЭВИС, ГРЕЙНДЖЕР В ЛЮБОВНОМ ПРЯМОУГОЛЬНИКЕ СТРАХА

И таким образом мистер и миссис Дэвис пробили себе дорогу в преподавательскую ложу на трибунах квиддичного стадиона Хогвартса, откуда открывался прекрасный вид на экраны, установленные профессором Квирреллом, и теперь они могли своими глазами увидеть, «Что за чертовщина происходит в этой школе, простите за выражение, заместитель директора МакГонагалл!»

Место слева от мистера Дэвиса занимал ещё один обеспокоенный родитель — беловолосый мужчина в элегантной чёрной мантии непревзойдённого качества. Некий Люциус Малfoy — политический лидер сильнейшей фракции Визенгамота.

Слева от лорда Малfoя, с презрительной ухмылкой на покрытом шрамами лице сидел аристократ, которого Дэвисам представили как лорда Джагсона.

Ещё левее расположился пожилой, но обладающий пронзительным взглядом тип по имени Чарльз Нотт, который, по слухам, был почти так же богат, как лорд Малfoй.

Справа от миссис Дэвис можно было обнаружить прелестную леди и ещё более привлекательного лорда Благородного и Древнейшего Дома Гринграсс. Молодые по меркам волшебников лорд и леди были одеты в серые шёлковые мантии, на которых крошечными тёмными изумрудами были вышиты травинки. После того как её мать удивительно быстро удалилась от дел, леди Гринграсс считалась одним из самых влиятельных независимых членов Визенгамота. А её очаровательный супруг входил в совет попечителей Хогвартса, хотя его род сам по себе не был благородным или богатым.

Справа от них сидела старая ведьма с квадратной челюстью, чрезвычайно сурового вида, которая пожала руки Дэвисам без малейшего намёка на высокомерие. То была Амелия Боунс, директор Департамента магического правопорядка.

Место справа от Амелии Боунс занимала пожилая женщина, которая когда-то потрясла мир моды магической Британии, используя в качестве украшения своей шляпы живого грифа. Некая Августа Лонгботтом. Она не носила титул «леди», но тем не менее, фактически именно она являлась главой семьи Лонгботтомов до тех пор, пока последний наследник не достигнет совершеннолетия. Мадам Лонгботтом считалась важной фигурой в одной из небольших фракций Визенгамота.

А сбоку от неё сидел не кто иной, как Верховный чародей Визенгамота и председатель Международной Конфедерации Магов, директор Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор, знаменитый победитель Гриндевальда, алхимик, заново открывший легендарные двенадцать способов использования драконьей крови, самый могущественный волшебник мира и так далее.

И, наконец, самое крайнее место справа занимал загадочный профессор Защиты, Квиринус Квиррелл, который, словно отдыхая, сидел откинувшись в мягком кресле. Казалось, он чувствует себя совершенно непринуждённо в компании голосующего кворума совета попечителей Хогвартса, который в этот прекрасный субботний день собрался, чтобы узнать, что за чертовщина происходит в Хогвартсе в целом и с Драко Малфоем, Теодором Ноттом, Дафной Гринграсс, Сьюзен Боунс и Невиллом Лонгботтомом в частности. Также в дискуссии часто упоминалось имя Гарри Поттера.

Да, и конечно нельзя забывать про Трейси Дэвис. Директор Боунс заинтересованно подняла брови, когда молодая чета представилась как её родители. Лорд Джагсон бросил на них быстрый недоверчивый взгляд, презрительно фыркнул и отвернулся. Люциус Малфой поприветствовал их вежливо. Правда, в его улыбке была нотка чёрного юмора, смешанного с жалостью.

Мистер и миссис Дэвис, чьё последнее волеизъявление по сколько-нибудь важному вопросу заключалось в прикосновении палочкой к табличке с именем министра Фаджа, у которых в хранилище в Гринготтсе лежало всего триста галлеонов, которые зарабатывали себе на жизнь, продавая котлы в магазине зелий и зачаровывая очки соответственно, сидели в мягких креслах, тесно прижавшись друг к другу и не шевелясь. В их головах навязчиво крутилась мысль, что им следовало надеть мантии получше.

Мрачное небо, полностью затянутое тёмно-серыми и светло-серыми облаками, обещало бурю. Но пока ещё не было видно сверкания молний и не было слышно раскатов грома. Лишь угрожающе упало несколько капель дождя.

* * *

Солнечный Отряд маршировал по лесу к назначенной им позиции для старта, хотя на самом деле это было больше похоже на неторопливую прогулку — бессмысленно тратить силы ещё до начала битвы. Дул неприятно влажный, хотя и прохладный, апрельский

ветер. Впереди, принаравливаясь к скорости их шага, летело и указывало Отряду путь жёлтое пламя.

В течение всего их пути по сумрачному лесу Сьюзен Боунс озаченно оглядывалась на Солнечного генерала. Разнос, устроенный профессором Снейпом, судя по всему, всерьёз подкосил Гермению. Она даже пропустила официальное заседание штаба Солнечного Отряда, и её можно было понять. Но когда Сьюзен зашла к ней позже, чтобы её поддержать, Гермения Грейнджер, запинаясь, ответила, что потеряла счёт времени. Это было для неё очень необычно, к тому же она выглядела измученной и напуганной, словно её продержали три дня взаперти в туалетной кабинке наедине с дементором. Даже сейчас, когда Солнечному генералу стоило бы сосредоточиться на предстоящей битве, юная когтевранка постоянно осматривалась по сторонам с таким видом, будто боялась, что сейчас из кустов выпрыгнут Тёмные волшебники и принесут её в жертву.

— После запрета магловских артефактов у нас стало гораздо меньше вариантов, — кисло сказал Энтони Голдштейн. Подобный тон он использовал, когда хотел подчеркнуть свой показной пессимизм. — У меня была идея трансфигурировать сети и бросать их в противника, но...

— Не пойдёт, — Эрни Макмиллан, который выглядел ещё серьёзнее, чем Энтони, покачал головой. — В смысле, это то же самое, что и кидать проклятия — от них можно увернуться.

Энтони кивнул.

— Именно так я и подумал. Симус, а у тебя есть идеи?

Бывший лейтенант Хаоса, ныне маршировавший вместе со своими новыми товарищами по Солнечному Отряду, до сих пор, судя по его виду, был не в своей тарелке.

— Извините, — ответил свежее испечённый капитан Финниган. — Я больше по стратегической части.

— Я занимаюсь стратегической частью, — безапелляционно заявил Рон Уизли.

— Армий — три, — язвительно вмешалась Солнечный генерал, — то есть мы сражаемся сразу с двумя, поэтому нам нужен больше чем один стратег, поэтому заткнись, Рон!

Рон удивлённо и обеспокоенно посмотрел на своего генерала.

— Эй, — успокаивающим тоном сказал гриффиндорец, — ты не должна позволять Снейпу так на тебя влиять...

— А по-вашему, что мы должны делать, генерал? — быстро и очень громко спросила Сьюзен. — Я хочу сказать, на данный момент у нас вообще нет плана.

Заседание штаба провалилось совершенно ошеломляюще — Гермियोны не было, а Рон и Энтони одновременно считали, что должны взять на себя командование.

— А нам действительно нужен план? — немного рассеянно отозвалась Солнечный генерал. — У нас есть ты, я, Лаванда, Парвати, Ханна, Дафна, Рон, Эрни, Энтони и ещё капитан Финниган.

— Это... — начал Энтони.

— Довольно неплохая стратегия, — одобрительно кивнул Рон. — У нас сильных солдат столько же, сколько в остальных армиях вместе взятых. У Хаоса остались только Поттер, Лонгботтом и Нотт, ну и Забини, думаю, тоже надо посчитать...

— И Трейси, — заметила Гермiona.

Несколько человек нервно глотнули.

— Ой, хватит вам, — резко сказала Сьюзен. — Генерал всего лишь подразумевала, что Трейси — закалённый боец ЖОПРПГ.

— И всё-таки, — Эрни с серьёзным видом повернулся к Сьюзен, — думаю, капитан Боунс, вам лучше пойти с той группой, которая будет сражаться с Хаосом. Я знаю, вы можете использовать ваши дважды магические способности только когда невинные в опасности, но... просто на случай, если мисс Дэвис, ну, выйдет из-под контроля и попытается съесть чью-нибудь душу...

— Я с ней справлюсь, — заверила его Сьюзен самым убедительным тоном. Надо сказать, что в данный момент на месте Сьюзен не было метаморфомага, но и Трейси сейчас скорее всего не Дамблдор или кто-нибудь ещё под обратным зельем.

Капитан Финниган изобразил низкий рокошущий голос:

— Меня тревожит этот недостаток скептицизма, — Симус протянул руку в сторону Эрни, почти соединив при этом указательный и большой пальцы.

Энтони Голдштейн почему-то внезапно закашлялся*.

— И что это должно было значить? — спросил Эрни.

— Так иногда говорит генерал Поттер, — ответил капитан Финниган. — Забавно, когда впервые оказываешься в Легионе Хаоса, кажется, что вокруг тебя полное сумасшествие. А через пару месяцев понимаешь, что на самом деле сумасшедшие — все, кто не в Легионе Хаоса...

— По-моему, — громко перебил его Рон, — это довольно неплохая стратегия. Мы ничего не трансфигурируем, мы не тратим сил, мы справляемся с тем, что применяют они, а затем быстро их выносим.

— Хорошо, — сказала Гермiona. — Так и поступим.

— Но... — Энтони сердито посмотрел на Рона, — генерал, у Гарри Поттера осталось в армии всего шестнадцать человек. У нас и у Драконов — двадцать восемь. Гарри это знает, он понимает, что ему нужно сделать что-то невероятное...

— Например? — нервно спросила Гермиона. — Если мы не знаем, что он планирует, мы можем сберечь нашу магию для массового *Фините*. Как мы и должны были сделать в прошлый раз!

Сьюзен мягко тронула Гермиону за плечо.

— Генерал Грейнджер? Думаю, вам стоит немного отдохнуть перед битвой.

Она ожидала, что Гермиона начнёт спорить, но та лишь кивнула и зашагала чуть быстрее, отделяясь от штаба Солнечного Отряда. Когтевранка по-прежнему посматривала в сторону леса и иногда — на небо.

Сьюзен последовала за ней. Если бы она этого не сделала, со стороны это выглядело бы, словно Солнечного Генерала выгнали из собственного штаба.

— Гермиона? — мягко окликнула Сьюзен, когда они отошли подальше. — Тебе надо сосредоточиться. Здесь всем заправляет профессор Квиррелл, не Снейп, и он не позволит, чтобы что-то плохое случилось с тобой или кем-нибудь ещё.

— Не в этом дело, — дрогнувшим голосом ответила Гермиона. — Дело совсем не в этом, капитан Боунс.

Девочки зашагали ещё быстрее. Они обходили кругом своих солдат, осматривая строй и поглядывая на окружающие деревья.

— Сьюзен? — тихо заговорила Гермиона, когда они оказались вдалеке от всех остальных. — Как ты думаешь, Дафна права? Драко Малфой что-то замышляет?

— Да, — совершенно без раздумий ответила Сьюзен. — Можешь не сомневаться. Ведь в его имени есть буквы М, А, Л, Ф, О, а также И краткое.

Гермиона огляделась по сторонам, словно пытаясь убедиться, что никто за ними не наблюдает — хотя это безусловно был прекрасный способ привлечь к себе внимание.

— Может Малфой стоять за тем, что сделал Снейп?

— Снейп может стоять за Малфом, — задумчиво ответила Сьюзен, вспомнив разговоры за обедом, которые она слышала у тети, — а Люциус Малфой может стоять за ними обоими.

От последней мысли у Сьюзен самой по спине слегка побежали мурашки. Внезапно совет просто сосредоточиться на предстоящей битве, который она дала Гермионе, показался намного менее разумным.

— А что, у тебя появились какие-то улики?

Гермиона покачала головой.

— Нет, — по голосу казалось, что она сейчас расплачется. — Я просто... размышляла. И всё.

* * *

В лесу близ Хогвартса, в назначенном месте, куда привело их красное пламя, под серыми небесами стояли и ждали генерал Драконов и его армия.

По правую руку от Драко стояла Падма Патил, его заместитель, которая однажды руководила всей Армией Драконов, пока он был без сознания. За его спиной был Винсент из Крэббов — семьи, которая с незапамятных времён служила Малфоям. Мускулистый мальчик был настороже, как и всегда, вне зависимости от того, была ли битва или нет. Чуть дальше позади, рядом с одной из двух мётел, выданных Армии Драконов, стоял Грегори из Гойлов. Хоть Гойлы и не служили Малфоям столь же долго, как Крэббы, но их служение было не менее безупречно.

По левую руку сегодня стоял Дин Томас из Гриффиндора, грязнокровка или, возможно, полукровка, который ничего не знал о своём отце.

Драко был уверен, что Гарри умышленно определил Дина Томаса в Армию Драконов. К Драконам попали ещё три бывших легионера Хаоса, и все трое коршунами следили — не нанесёт ли Драко их бывшему лейтенанту хоть малейшую обиду.

Кто-то назвал бы это диверсией, но Драко знал в чём дело. Гарри также отдал лейтенанта Финнигана в Солнечный Отряд, хотя профессор Квиррелл постановил, что Гарри должен отдать только одного лейтенанта. Это тоже был намеренный ход, который ясно говорил, что Гарри не воспользовался случаем, чтобы избавиться от самых нелюбимых бойцов.

С одной стороны, Драко было бы гораздо легче завоевать верность своих новых солдат, если бы они думали, что Гарри посчитал их ненужными. С другой... ну, это было нелегко выразить словами. Гарри отдал ему хороших солдат, не задев их гордость, но это было не всё. Гарри проявил доброе отношение к своим солдатам, но и это было не всё. Гарри не просто играл честно, он поступал так... что его действия невозможно было не сравнивать с тем, как играют в Слизерине.

Поэтому Драко не нанёс мистеру Томасу ни малейшей обиды, напротив — поставил рядом с собой, и тот теперь подчинялся лишь

Драко и Падме и более никому. Драко объявил мистеру Томасу и всем остальным, что это испытание, а не повышение. Мистер Томас должен будет показать, что он достоин такого ранга в Армии Драконов — ему дан шанс, и оценка будет справедливой. Во время церемонии мистер Томас выглядел очень удивлённым (насколько знал Драко, в Легионе Хаоса подобных формальностей не придерживались), но, выслушав речь нового командира, гриффиндорец чуть сильнее расправил плечи и кивнул.

Затем, после того, как мистер Томас достаточно хорошо показал себя на одной из тренировок Армии Драконов, его пригласили на мероприятие по разработке стратегии в огромный штаб Армии Драконов. Спустя несколько минут после начала мероприятия Падма как бы ненароком поинтересовалась, есть ли у мистера Томаса идеи, как победить Легион Хаоса.

Гриффиндорец весело отозвался, что Гарри предвидел, что генерал Малфой попросит одного из своих солдат спросить его об этом, и что Гарри просил передать, что генерал Малфой должен спросить самого себя — в чём может заключаться его относительное преимущество — что Драко Малфой должен сделать, или что Армия Драконов должна сделать, чтобы Легион Хаоса не смог ничего этому противопоставить, а затем попробовать использовать это преимущество в полной мере. Дин Томас понятия не имел, что бы это могло быть, но если у него появятся идеи, как побить Хаос, он ими поделится. В конце концов так ему приказал Гарри.

Эхх, — подумал Драко, поскольку не мог вздохнуть вслух. Но это был хороший совет, и Драко воспользовался им. Он сел за стол в своей спальне, взял перо и пергамент и выписал всё, что могло бы стать относительным преимуществом.

И, к его собственному удивлению, у него появилась идея. Настоящая. Вообще-то даже целых две.

Разнёсшийся над лесом гулкий звон колокола показался как никогда зловеющим. В тот же миг два пилота крикнули: «Вверх!», вскочили на метлы и устремились в серое небо.

* * *

Мистер и миссис Дэвис уже слегка опирались друг на друга: нервное напряжение отняло у них слишком много сил. На огромном белом экране перед ними появились три больших окна, словно в нём прорезали дыры, через которые можно было увидеть лес и три армии

на марше. Меньшие окна показывали шестерых всадников на мётлах. В углу пергамента изображался лес в целом, светящиеся точки обозначали армии и разведчиков.

Окно к Солнечным показывало, как генерал Грейнджер и её капитаны шагают в центре Солнечного отряда под защитой щитов *Контего*, поддерживаемых другими учениками. Профессор Квиррелл пояснил, что Солнечный отряд прекрасно осведомлён, что у них намного больше опытных бойцов, и потому защищает этих бойцов от внезапного нападения. А в остальном Солнечные уверенно двигались вперёд, сохраняя силы.

Солдаты в армии генерала Малфоя — по крайней мере те, у кого были хорошие оценки по трансфигурации — подобрали листья и трансфигурировали их... ну, если посмотреть на Падму Патил, которая почти закончила свою работу, то можно было увидеть, что её лист, похоже, превратился в перчатку на левую руку со свисающим ремешком. (Окно приблизило изображение.)

Мрачно смотревший на экран лорд Джагсон заговорил:

— Что делает ваш сын, Люциус? — его голос сочился надменностью.

Ведьма-иностранка, стоящая справа от Драко Малфоя, уже закончила трансфигурировать свою перчатку и поднесла её генералу Драконов, словно жертву.

— Я не знаю, — спокойным, но не менее аристократическим тоном ответил Люциус Малфой, — но я верю, у него на это есть веские причины.

Падма надела перчатку на левую руку, затянула ремешок и протянула руку в перчатке Драко Малфоя. Вся Армия Драконов остановилась. Генерал Малфой несколько раз глубоко вздохнул, поднял палочку, чётко выполнил последовательность из восьми движений и выкрикнул:

— *Коллопортус!*

Воин Драконов вскинула руку в перчатке, сжала её в кулак и коротко поклонилась Драко Малфоя. Тот ответил более лёгким поклоном, но при этом его немного покачнуло. Падма вернулась на своё место справа от Драко, и Драконы зашагали снова.

— Ну хорошо. Не мог бы кто-нибудь объяснить, что происходит? — поинтересовалась Августа Лонгботтом.

Амелия Боунс, не отрывая взгляда от экрана, слегка нахмурилась.

— По той или иной причине, — насмешливо ответил профессор Квиррелл, — наследник Малфоев, судя по всему, способен исполь-

зывать удивительно сильную магию для первокурсника. Несомненно, дело в чистоте его крови. Уверен, добрый лорд Малфой не стал бы открыто нарушать законы о колдовстве несовершеннолетних, обеспечивая своего сына палочкой до принятия в Хогвартс.

— Я бы посоветовал вам быть осторожнее с намёками, Квиррелл, — холодно прервал его Люциус Малфой.

— О, конечно, — отозвался профессор Квиррелл. — Заклинание *Коллопортус* нельзя снять с помощью *Фините инкантатем*, для этого требуется заклинание *Алохомора* равной силы. До тех пор зачарованная таким образом перчатка неуязвима для умеренных физических воздействий и будет блокировать усыпляющее и оглушающее проклятья. И, поскольку ни мистер Поттер, ни мисс Грейнджер не в состоянии применить достаточно мощное противозаклинание, такие чары неодолимы на этом поле боя. Изначально это заклинание служит для других целей, и мистера Малфоя ему научили, чтобы он мог ускользнуть от врагов. Но, судя по всему, мистер Малфой учится творческому подходу.

Пока профессор Защиты говорил, осанка Люциуса Малфоя становилась всё более царственной. Теперь он сидел совершенно прямо и держал голову ощутимо выше, чем раньше. В его голосе зазвучала тихая гордость:

— Он будет самым великим лордом Малфоем из всех, кто носил это имя.

— Сомнительное достижение, — буркнула себе под нос Августа Лонгботтом.

Амелия Боунс усмехнулась. На какую-то крошечную роковую долю секунды усмехнулся и мистер Дэвис, но тут же осёкся, и смех превратился в странный булькающий звук.

— Полностью согласен, — было неясно, к кому обратился профессор Квиррелл. — К несчастью, творческий подход для мистера Малфоя ещё в новинку, и потому он совершил классическую ошибку когтевранца.

— Какую же именно? — голос Люциуса Малфоя опять превратился в лёд.

Профессор Квиррелл откинулся на спинку скамьи, бледно-голубые глаза на секунду расфокусировались, и изображение в одном из окон сместилось и увеличилось, показав капли пота, выступившие на лбу Драко Малфоя.

— Идея показалась настолько прекрасной, что мистер Малфой полностью упустил из виду некоторую её непрактичность.

— Нельзя ли объяснить поподробнее? — спросила леди Гринграсс. — Не все здесь эксперты в подобных... делах.

— У них появится искушение ловить проклятья, от которых мудрее было бы увернуться, — бесстрастно сказала Амелия Боунс. — Особенно, если на тренировку этого навыка у них было мало времени. И к тому же такое количество заклинаний утомит их самого сильного бойца.

Профессор Квиррелл обозначил кивок в сторону директора ДМП.

— Совершенно верно, мадам Боунс. Мистер Малфой — новичок в искусстве поиска идей. Поэтому, найдя одну, он гордится уже этим. Пока у него недостаточно идей, чтобы решительно отбрасывать те, что в некоторых отношениях прекрасны, но в других — непрактичны. У него нет уверенности в том, что он сможет придумать идеи лучше, когда они ему понадобятся. Боюсь, то, что мы видим, не лучшая идея мистера Малфоя, а его единственная идея.

Лорд Малфой молча повернулся обратно к экранам, словно профессор Защиты исчерпал своё право на существование.

— Но... — заговорил лорд Гринграсс, — во имя Мерлина, что Гарри Поттер...

* * *

Шестнадцать оставшихся солдат Легиона Хаоса — или скорее пятнадцать плюс Блейз Забини — уверенно маршировали по лесу, их обувь глухо стучала по ещё сухой земле. Их камуфляжная форма смешивалась с лесом даже больше обычного — все цвета растворились в оттенках пасмурного дня.

Шестнадцать легионеров Хаоса против двадцати восьми воинов Драконов и двадцати восьми солдат Солнечных.

Солдаты Хаоса единогласно пришли к мнению, что при настолько плохих шансах практически невозможно проиграть. В конце концов, в таких условиях генералу Хаоса придётся устроить нечто особенно впечатляющее.

Судя по всему, все теперь считали, что Гарри способен вытаскивать чудеса из шляпы всегда, когда это ему потребуется. В этом было что-то кошмарное. Получалось, что если ты не можешь сделать невозможное, ты разочаровываешь своих друзей и не используешь свой потенциал...

Гарри не стал беспокоить профессора Квиррелла жалобами на «слишком большое давление». Его мысленная модель профессора

Защиты предсказывала, что тот будет выглядеть изрядно раздражённым и скажет — помимо прочего — «Вы прекрасно способны решить эту задачу, мистер Поттер. Вы хотя бы пробовали?» и после этого снимет несколько сотен баллов Квиррелла.

Сверху, где две метлы наблюдали за их продвижением, раздался звонкий крик Тессы Уолш:

— Свой!

И через мгновение:

— Пряник!

Несколько секунд спустя к отряду подбежала солдат, взявшая себе кодовое имя «Пряник», слегка вспотевшая от пробежки к дубу, который заметил Невилл, и обратно на холодном, но влажном воздухе. В горстях она несла жёлуди. Пряник подскочила к Шэннон, которая держала в руках форменную рубашку с завязанным горлом, чтобы не трансфигурировать сумку. Когда Пряник попыталась бросить жёлуди в импровизированную сумку, Шэннон хихикнула и отдёргнула рубашку вправо, а затем, когда Пряник предприняла вторую попытку, — влево. Наконец, после резкого окрика «Мисс Фридман!» от лейтенанта Нотта, Шэннон вздохнула и прекратила дурачиться. Пряник бросила свои жёлуди в рубашку и побежала за следующей порцией.

Где-то на заднем плане Элли Найт распевала собственную версию марша Легиона Хаоса и примерно половина солдат пытались под неё шагать, хотя и не знали мотива. Неподалёку Нита Бердин, у которой были высокие оценки по трансфигурации, закончила создавать ещё одну пару зелёных очков*, и вручила их Адаму Берингеру, который сложил их и убрал в карман своей формы. Некоторые солдаты, несмотря на пасмурный день, уже надели собственные зелёные очки.

Можно было предположить, что всему этому есть чрезвычайно сложное и интересное объяснение, и попасть в точку.

Двумя днями ранее, в промежутке между уроками и обедом, Гарри сидел посреди книжных полок в уютном кресле-качалке, которое он приобрёл для подвального уровня своего сундука, и размышлял о силе.

Чтобы шестнадцать солдат Хаоса победили двадцать восемь Солнечных и двадцать восемь Драконов, их надо как-то усилить. Есть пределы тому, чего можно достичь манёвром. Обязано существовать какое-то тайное оружие, и оно обязано сделать их непобедимыми. Ну или по крайней мере достаточно неостановимыми.

Магловские артефакты теперь, после министерского эдикта, в учебных битвах Хогвартса оказались вне закона. Можно было

найти какое-то умное и необычное заклинание, но проблема заключалась в том, что армия вдвое большего размера грубой силой заклинания *Фините* справится практически с чем угодно. Солнечный отряд не додумался до этой тактики в случае с трансфигурированными кольчугами, но после того, как на это указал профессор Квиррелл, никто больше не допустит такой ошибки. И как грубое противозаклинание, *Фините инкантатем* требует по меньшей мере столько же магии, сколько нужно на отменяемое заклинание... что в условиях значительного численного перевеса противника выводит военную задачу на совершенно новый уровень. С помощью *Фините* враг может покончить со всем, что вы используете, и после этого у него останется ещё достаточно магии на щиты и залпы усыпляющими заклинаниями.

Если, конечно, не применить какое-нибудь колдовство, в котором будут задействованы силы, лежащие за пределами возможностей первокурсника Хогвартса. Что-нибудь слишком мощное для вражеского *Фините*.

Поэтому Гарри спросил Невилла, не слышал ли тот о каких-нибудь маленьких и безопасных ритуалах с жертвоприношениями...

А затем, когда вопли и крики поутихли, когда Гарри оставил спор о Нерушимых обетах и просто принял как данность, что с позиции взаимоотношений с общественностью эта идея неприменима, он осознал, что ему не нужны ритуалы. На обычных уроках в Хогвартсе их учили колдовству, в котором действовали силы, превышающие их собственные.

Иногда, даже глядя на что-то в упор, невозможно понять, на что именно ты смотришь, пока не задашь совершенно конкретный вопрос...

Защита. Чары. Трансфигурация. Зелья. История магии. Астронумия. Полёты на метлах. Травоведение...

— Враг! — раздался крик сверху.

* * *

К счастью, Невилл Лонгботтом совершенно не представлял, что за ним наблюдает его бабушка. Иначе он бы постеснялся выкрикивать из всех сил страшные боевые кличи, которые он издавал в трёхсекундных промежутках между *Люминосами*. Невилл висел на хвосте у Грегори Гойла и ракетой мчался за ним сквозь густой лес.

(— Но... — Августа Лонгботтом была изумлена чуть ли не больше, чем обеспокоена. — Но Невилл боится высоты!

— Не все страхи вечны, — сказала Амелия Боунс, оценивающе наблюдая за происходящим на широком экране перед ними. — Или он нашёл в себе храбрость. Итог в целом один и тот же.)

Красный отблеск...

Невилл уклонился — еле-еле разминувшись с деревом, но всё же уклонился. А потом каким-то образом сумел увернуться почти от всех веток, прежде чем они ударили его по лицу.

Метла мистера Гойла уходила в отрыв всё дальше и дальше — их метлы были одинаковы, и мистер Гойл весил больше, но у Невилла всё равно не получалось его догнать. Поэтому Невилл притормозил, подал назад, направил метлу к лесу и поспешил обратно, туда где всё ещё маршировал Легион Хаоса.

Через двадцать секунд — это была недолгая погоня, но захватывающая — Невилл уже был среди своих друзей из Хаоса и слез с метлы, чтобы немного пройтись по земле.

— Невилл, — не глядя в его сторону, сказал генерал Поттер, — я же говорил, Невилл, ты не должен...

Гарри осторожно двигался сквозь лес с палочкой, по-прежнему прижатой к почти законченному объекту, который он медленно трансфигурировал. Позади него Блейз Забини, похожий на бредущего инфернала, работал над меньшей копией того же объекта.

— Нет, должен, — отозвался Невилл. Он посмотрел на свои пальцы, сжимающие метлу, и заметил, что дрожат и пальцы, и вся рука. Но после дуэльных занятий с мистером Диггори, ежедневно по часу в день, а потом ещё часа самостоятельного обучения прицеливанию, Невилл, вероятно, стрелял с метлы лучше всех в Хаосе (если, конечно, кто-нибудь ещё не занимался таким же образом), пусть и не был самым лучшим наездником.

— Отличное шоу, Невилл, — сказал Теодор. Он шагал впереди всех в одной нижней рубашке, ведя Легион Хаоса сквозь лес.

(Августа Лонгботтом и Чарльз Нотт изумлённо переглянулись и быстро отвели взгляды, словно обжёгшись).

Невилл несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь в руках и подумать. Скорее всего, Гарри не до глубокого обдумывания стратегии, пока он занят сложной трансфигурацией.

— Лейтенант Нотт, у вас есть идеи, зачем Армия Драконов пошла на это? Они потеряли метлу... — Драконы начали сражение с отвлекающего манёвра, призванного скрыть приближение мистера Гойла из леса. И Невилл только в последний миг понял, что их атакуют сразу две метлы. Но Легион Хаоса сбил второго наездника. Собственно

поэтому метлы обычно не вступали в бой до прямого столкновения армий, поскольку иначе весь огонь армии будет сосредоточен на одной метле. — И Драконы ведь даже никого не зацепили?

— Именно! — гордо воскликнула Трейси Дэвис. Она шагала рядом с генералом Поттером с палочкой наготове. Её глаза непрерывно сканировали окружающий лес. — Я выпустила Радужную сферу за долю секунды до того, как заклинание мистера Гойла чуть не попало в Забини. И учитывая то, как была вытянута другая рука мистера Гойла, думаю, он намеревался заодно вырубить и генерала, — слизеринка хищно ухмыльнулась. — Мистер Гойл попробовал использовать заклятие Пронзающего бура, но к своему отчаянию уяснил, что его слабая магия — ничто по сравнению с моими недавно обретенными тёмными силами, ха-ха-ха-ха!

Некоторые легионеры засмеялись вместе с ней, но у Невилла засосало под ложечкой, когда он понял, насколько Легион Хаоса был близок к полному провалу. Если бы мистер Гойл сумел прервать обе трансфигурации...

* * *

— Докладывай! — скомандовал генерал Драконов, изо всех сил пытаясь не показывать усталость, охватившую его после семнадцати Запирающих заклятий. А ведь впереди их было ещё много.

На лбу Грегори виднелись капельки пота.

— Враг сбил Дилана Вогана, — отчеканил он. — Поттер и Забини трансфигурируют что-то тёмно-серое и кругловатое, каждый своё. По-моему оно не было закончено, но выглядело как что-то большое и пустое, вроде как в форме котла. У Забини оно меньше, чем у Поттера. Я не смог достать никого из них или нарушить их трансфигурацию — меня блокировала Трейси Дэвис. Невилл Лонгботтом на метле. Летает он до сих пор ужасно, но целится очень здорово.

Драко, нахмурившись, выслушал Грегори, после чего посмотрел на Падму и Дина Томаса. Те дружно покачали головами, показывая, что они тоже не могут придумать, что может быть большим, серым и в форме котла.

— Что-нибудь ещё? — спросил Драко. Если это всё, что они узнали, то они зазря потеряли метлу...

— Я заметил ещё только одну странную штуку, — немного растеряно произнёс Грегори. — Некоторые из Хаоса носят... что-то типа защитных очков?

Драко задумался над этим, не замечая, что он остановился и вся Армия Драконов автоматически остановилась вместе с ним.

— В этих очках было что-то особенное? — спросил он.

— Эм-м... Они были... может быть, зеленоватые...

— Хорошо, — Драко машинально двинулся дальше, и Драконы последовали его примеру. — Вот наша новая стратегия. Мы отправим против Легиона Хаоса только одиннадцать Драконов, не четырнадцать. Этого должно быть достаточно, раз мы теперь можем нейтрализовать их особое преимущество.

Он рисковал, но, чтобы победить в трёхсторонней битве, иногда нужно рисковать.

— Генерал Малфой, вы разгадали план Хаоса? — крайне удивлённо спросил мистер Томас.

— Что они задумали? — спросила Падма.

— Понятия не имею, — Драко очень самодовольно ухмыльнулся. — Мы просто сделаем то, что напрашивается само собой.

* * *

Гарри закончил создание котла и теперь аккуратно складывал жёлуди в ёмкость, пока разведчики искали поблизости источник воды, которая послужит жидкой основой. Во время движения через лес они часто проходили мимо впадин и миниатюрных ручьёв, так что это не должно занять много времени. Ещё один разведчик принёс прямую палку для помешивания, так что Гарри не нужно будет трансфигурировать и её.

Иногда, даже глядя на что-то в упор, невозможно понять, на что ты смотришь, пока не задашь совершенно конкретный вопрос...

Как можно заполучить магическую силу, недоступную первокурсникам?

Как-то раз профессор зельеварения в назидание рассказал им историю (сопровождая её насмешками и издёвками, чтобы глупость не казалась романтической и смелой) о второкурснице из Шармбатона, которая украла запрещённые для учеников и очень дорогие ингредиенты и попыталась сварить Обратное зелье, чтобы принять облик другой девочки для целей, которые лучше оставить за пределами повествования. Но она умудрилась испортить зелье кошачьей шерстью и вместо того, чтобы немедленно обратиться к лекарю, спряталась в туалете, надеясь, что колдовство развеется само. Когда её нашли, было уже слишком поздно, чтобы совершить полную обратную

трансформацию, так что она была обречена влачить дальнейшее существование в виде гибрида девочки и кошки.

Гарри осознал смысл этой истории лишь в тот миг, когда придумал правильный вопрос — история подразумевала, что юный волшебник или ведьма с помощью зельеварения, способны делать нечто такое, чего они никогда бы не смогли достичь заклинаниями. Обратное зелье известно как одно из самых могущественных зелий... Но зельем уровня ТРИТОН Обратное делал не возраст волшебника и соответствующий ему запас магии, а точность, которую необходимо соблюдать при его изготовлении, и последствия, которые наступали, если зельевар ошибался.

Никто ни в одной из армий ещё не пробовал варить зелья. Но профессор Квиррелл разрешил почти что угодно, если это что-то можно было бы использовать и в настоящей войне. «Жульничество — это тактика, — однажды сказал им профессор Защиты. — Или даже, жульничество — это слово, которым неудачники называют тактику, и оно будет вознаграждено дополнительными баллами Квиррелла, если пройдёт успешно». В принципе, нет ничего нереалистичного в трансфигурации пары котлов и изготовлении зелий из подручных средств, если до столкновения армий достаточно времени.

Поэтому Гарри достал свой экземпляр «Волшебных снадобий и зелий» и начал искать безопасное, но полезное зелье, которое он мог бы сварить за несколько минут до того, как грянет битва — зелье, которое могло бы закончить бой до того, как с вражеской стороны полетят ответные заклинания, или эффект от которого сможет устоять против *Фините* первогодок.

Иногда, даже глядя на что-то в упор, невозможно понять, на что именно ты смотришь, пока не задашь совершенно конкретный вопрос...

Какое зелье можно сварить, используя ингредиенты, собранные в обычном лесу?

Все рецепты в «Волшебных снадобьях и зельях» содержали по крайней мере один ингредиент от волшебного растения или животного. Что было печально, поскольку все волшебные растения и животные находились в Запретном лесу, а не в безопасном, маленьком лесу, где проводились битвы.

Кто-нибудь другой на этом мог бы уже сдаться.

Гарри перелистывал страницы, один рецепт за другим. Он пролистывал их всё быстрее и быстрее, осознавая то, что он уже читал, но раньше не видел.

Каждый рецепт зелья требовал по крайней мере один волшебный ингредиент, но почему это должно быть правдой?

Заклинания не требовали материальных компонентов вовсе. Нужно было просто сказать слова и взмахнуть палочкой. Гарри решил, что по своей сути зельеварение работает аналогично. Просто вместо произнесения слогов, которые по непонятной причине вызывают действие заклинания, нужно собрать кучку отвратительных ингредиентов и помешать их по часовой стрелке четыре раза.

И в таком случае, зная, что большинство зелий включают и обыкновенные компоненты, вроде иголок дикообраза или тушёных слизней, можно ожидать, что существуют и зелья, в которых используются только обычные компоненты.

Но вместо этого все рецепты в «Волшебных снадобьях и зельях» требовали по крайней мере один компонент волшебного растения или животного — например паутину акромантула или лепестки Венериной огнеловки.

Иногда, даже глядя на что-то в упор, невозможно понять, на что именно ты смотришь, пока не задашь совершенно конкретный вопрос...

Если создание зелья похоже на произнесение заклинания, то почему я не падаю от истощения, сварив лекарство от ожогов?

В предыдущую пятницу Гарри на сдвоенном занятии по зельеварению сварил зелье от ожогов... хотя лечить даже самыми простыми заклинаниями при помощи палочки и словесной формулы могли только ученики с четвёртого курса и старше. И после того урока, все чувствовали себя как обычно после урока зельеварения, то есть без сколько-нибудь заметных следов магического истощения.

Гарри захлопнул «Волшебные снадобья и зелья» и устремился в гостиную Когтеврана. Он нашёл семикурсника, готовившего домашнее задание по зельям для ЖАБА и заплатил сикль, чтобы одолжить на пять минут «Самые могущественные зелья». Гарри не хотелось бежать за подтверждением своих мыслей в библиотеку.

Быстро пробежав пять рецептов в книге за седьмой курс, Гарри остановился на шестом рецепте «Зелья огненного дыхания», для которого требовались яйца пеплозмея... Учебник предупреждал, что получившийся огонь будет не горячее, чем магический огонь, который вызвал к жизни пеплозмея, отложившего эти яйца.

Гарри крикнул «Эврика!» прямо посреди гостиной Когтеврана, за что получил строгий выговор от ближайшего старосты, который подумал, что мистер Поттер пытается произнести заклинание. Ни один волшебник в мире не знал и не хотел знать ни о каком-то древнем

магле по имени Архимед, ни об осознании доисторическим физиком факта, что вода, вытесненная из ванны, по объёму равна объекту, погрузившемуся в ванну...

Законы сохранения. На них было основано больше магловских открытий, чем Гарри смог бы легко сосчитать. В технологиях маглов нельзя поднять перо на один метр от земли, если к нему не приложена хоть какая-нибудь сила. Если посмотреть на лаву, извергаемую вулканом, и спросить — откуда идёт жар, то физик рассказал бы о радиоактивных тяжёлых металлах в ядре Земли. Если спросить, откуда берётся энергия для питания радиоактивности, физик указал бы на эру формирования Земли, изначальный взрыв сверхновой в дни зарождения галактики, испёкший атомные ядра тяжелее естественного для них веса, сжавший протоны и нейтроны в плотную, нестабильную структуру, которая при распаде отдаёт часть энергии той сверхновой. Лампочка питается электричеством, питаемым атомной электростанцией, питаемой сверхновой... Эту последовательность можно проследить назад вплоть до Большого Взрыва.

Магия же, мягко говоря, работала не так. Отношение магии к законам, таким как закон сохранения энергии, было чем-то между гигантским оттопыренным средним пальцем и абсолютно безразличным пожиманием плечами. *Агуamenti* создавало воду из ничего — во всяком случае, так считалось. Никто не знал озера, в котором уровень воды понижался бы всякий раз при использовании этого заклинания. Простого заклинания уровня пятого курса, довольно посредственного на взгляд волшебников, поскольку создание стакана с водой не кажется им чем-то удивительным. И плевать они хотели на то, что масса должна сохраняться, или что создание грамма вещества эквивалентно созданию 90 000 000 000 000 джоулей энергии. Как-то раз Гарри наткнулся на описание высокоуровневого заклинания, словесная формулировка которого прямо буквально звучало как «Аресто моментум». И когда он спросил, деается ли «моментум» куда-нибудь, то получил в ответ лишь недоумевающие взгляды. Гарри продолжал отчаянно искать хоть какой-нибудь закон сохранения в магии, хоть где-нибудь...

...и всё это время он был прямо перед ним на любом занятии по зельеварению. Изготовление зелий не создавало магию, оно сохраняло магию. Вот почему в каждом зелье обязательно присутствует хотя бы один волшебный ингредиент. А следуя инструкциям, вроде «помешать четыре раза против часовой стрелки и один раз по часовой» — предположил Гарри — зельевар создаёт маленькое заклинание, которое придаёт другую форму магии в ингредиентах

(и расщепляет физическую форму, так что ингредиенты вроде еловых иголок растворяются в пригодную для питья жидкость. Гарри сильно подозревал, что если варить точно такое же зелье будет маг, то в итоге у него получится лишь колючая каша.) Вот чем на самом деле было изготовление зелий — искусством трансформации существующих волшебных эссенций. Поэтому после урока зельеварения есть лишь лёгкая усталость — не нужно напивать зелье своей магией, нужно лишь изменить форму магии, которая уже существует. Вот почему второкурница смогла сварить Обратное зелье, ну, то есть почти смогла.

Гарри продолжил листать «Самые могущественные зелья» в поисках опровержения своей новой блестящей теории. Через пять минут он кинул старшекласснику ещё один сикль (несмотря на его протесты) и вновь вернулся к учебнику.

«Зелье силы гиганта» требовало, чтобы хлюпнявок, используемых в качестве ингредиента, расплющил рэем. Это было странно, поскольку раздавленные хлюпнявки не были сильны сами по себе, они будут просто... очень, очень сильно раздавлены после того, как по ним пройдёт рэйем.

В другом рецепте говорилось «коснуться кованой бронзой», то есть взять кнат щипцами и поводить по поверхности зелья. Учебник предупреждал, что если уронить кнат в котёл, то зелье мгновенно перегреется и выкипит из котла.

Гарри вглядывался в рецепты и их предупреждения и формировал вторую, более странную гипотезу. Ну конечно, всё было сложнее, чем просто «изготовление зелий использует магический потенциал, скрытый в ингредиентах», как магловские машины используют потенциал сгорания бензина. Магия никогда не была столь вменяема...

И Гарри отправился к профессору Флитвику — поскольку не хотел приближаться к профессору Снейпу, кроме как на занятиях. Гарри сказал профессору Флитвику, что хочет изобрести новое зелье, знает, какие ингредиенты в нём должны быть, и что зелье должно делать, но не знает, как вычислить правильную последовательность помешиваний...

Некоторое время профессор Флитвик кричал от ужаса и бежал маленькими кругами. Затем последовал жёсткий допрос. Профессор Флитвик призвал к себе на помощь профессора МакГонагалл, и они убедили Гарри, что в данном случае не только допустимо, но и важно, чтобы он раскрыл свою предполагаемую теорию. В итоге выяснилось, что Гарри не совершил оригинальное открытие в магии,

а лишь заново открыл закон столь древний, что никто не знал, кто именно первым его сформулировал.

Зелье тратит то, что было вложено в создание его ингредиентов.

Жар печей гоблинов выплавил бронзовый кнат, сила рэйма раздавила хлюпнявок, магический огонь вызвал к жизни пеплозмея — всю эту истраченную мощь можно вызвать вновь и вложить в иную структуру с помощью процесса помешивания ингредиентов по определённом шаблону.

(С магловской точки зрения это выглядело странно. Как безумная версия термодинамики, изобретённая кем-то, кто считал, что всё должно быть честно. С магловской точки зрения, жар, потраченный при выплавлении кната, не оставался в бронзе, а уходил и растворялся в окружающей среде, навсегда становясь менее доступным. Энергия сохраняется и не может быть ни создана, ни уничтожена, энтропия всегда растёт. Но волшебники так не думали: с их перспективы, если вложить какую-то работу в создание кната, то и обратно можно получить такое же количество работы. Гарри попытался объяснить, почему это звучит немного странно для выросшего среди маглов, на что профессор МакГонаггалл удивлённо поинтересовалась, чем же магловская точка зрения лучше магической.)

Фундаментальный принцип изготовления зелий не имел ни названия, ни общепринятой формулировки, поскольку в противном случае кто-нибудь мог захотеть её записать.

И кто-нибудь, не способный найти этот принцип самостоятельно, мог его прочесть.

И начать выдавать всевозможные светлые идеи по изобретению новых зелий.

И превратиться в девочку-кошку.

Гарри кристально ясно объяснили, что после битвы он не должен делиться этим своим открытием ни с Невиллом, ни с Гермионой. Он попытался сказать, что Гермиона в последнее время не в духе и это могло бы её приободрить. На что профессор МакГонаггалл сухо ответила, чтобы он даже не думал об этом, а профессор Флитвик поднял свои маленькие руки и сделал жест, будто ломая палочку пополам.

Тем не менее профессора оказались достаточно добры и посоветовали: раз мистер Поттер знает, какими должны быть ингредиенты, он может поискать уже существующий рецепт, позволяющий добиться того же магического эффекта, и профессор Флитвик упомянул несколько томов в библиотеке Хогвартса, которые могли оказаться полезными...

* * *

Экран, похожий на огромный пергамент, теперь показывал лишь лес с высоты птичьего полёта. Только с трудом можно было различить одетые в камуфляж три армии — каждая из которых была разбита на две группы, — сходящиеся для трёхсторонней битвы.

Скамьи квиддичного стадиона быстро заполнялись зрителями, которые хотели пропустить всю скучную подготовку и увидеть только саму битву. (Общественное мнение сходилось на том, что если в битвах профессора Квиррелла и было что-то неправильное, так это то, что они, действительно начавшись, длились гораздо меньше, чем квиддичные матчи. На это профессор Квиррелл ответил лишь: «Это реализм», и тема была закрыта.)

В гигантском окне — всё теперь было в одном окне, через которое открывался вид с большой высоты — бесформенное собрание крошечных одетых в камуфляж фигур стало ближе.

Ещё ближе.

До них уже почти можно было дотронуться...

* * *

Огромное белое пергаментное окно показывало первое столкновение между Солнечными и Хаосом. Масса вопящих детей, на груди которых красовалась эмблема с улыбающимся лицом, неслась вперёд с поднятыми щитами *Контего*. Некоторые кричали «*Сомниум!*»...

Внезапно один из них перепугано взвизгнул «*Призматис!*», и все атакующие резко остановились. Перед ними выросла сияющая стена силы.

Из-за деревьев вышла Трейси Дэвис.

— Правильно, — низким голосом зловеще заявила Трейси, направляя палочку на Радужный барьер. — Вы должны бояться меня. Ибо я Трейси Дэвис, Тёмна леди! Т-Ё-М-Н-А, без Я!

(Амелия Боунс, директор Департамента магического правопорядка, вопросительно посмотрела на мистера и миссис Дэвис, которые выглядели так, будто предпочли бы провалиться сквозь землю.)

За Радужным барьером среди Солнечных последовал приглушённый спор. Судя по всему, один из них активно препирался с другими.

И спустя секунду вздрогнула уже Трейси.

Из рядов Солнечных вперёд вышла Сьюзен Боунс.

(— Ничего себе, — пробормотала Августа Лонгботтом. — Как вы думаете, чему ваша внучатая племянница учится в Хогвартсе?)

— Не знаю, — спокойно ответила Амелия Боунс, — но я пошлю ей шоколадную лягушку и настоящий совет выучиться этому побольше.)

Радужный барьер исчез.

Солнечные солдаты снова ринулись в атаку.

Высоким от напряжения голосом Трейси выкрикнула «*Инфлам-маре!*», и Солнечные опять резко остановились, поскольку полусухая трава между ними вспыхнула линией огня, которая увеличивалась, следуя за движениями палочки Трейси. Сьюзен Боунс в ответ крикнула «*Фините инккантием!*», и пламя потускнело, вспыхнуло опять и снова потускнело — воля Трейси и воля Сьюзен сошлись в поединке. Остальные солдаты начали прицеливаться в Трейси, и в этот миг с небес с воплем спикировал Невилл Лонгботтом.

* * *

Один из бойцов Драконов, Рэймонд Арнольд, сделал жест рукой, указав вперёд и влево. Среди остальных солдат пронёсся приглушённый шёпот, и все они тихо повернулись в направлении врага. Солнечные знали, что они здесь, обе армии знали, что враг совсем рядом. Но в этот момент все инстинктивно притихли.

Драконы осторожно двинулись дальше, ещё дальше. Неброский камуфляж Солнечных уже виднелся за деревьями в отдалении, но все по-прежнему вели себя тихо, никто не призывал к атаке.

Драко был впереди своих солдат, Винсент следовал сразу за ним, а Падма шла там, где заканчивалась его тень. Если их троица сможет ошеломить лучших из Солнечных, то у остальной армии Драконов будет шанс.

И тут Драко увидел одну из Солнечных, издалека смотрящую на него, в авангарде её собственной армии. Смотрящую с гневом...

Их глаза встретились.

У Драко была только доля секунды, чтобы самым краешком сознания задаться вопросом — почему Гермiona Грейнджер так злится. А потом обе армии разразились криками, и все устремились в атаку.

* * *

Другие легионеры Хаоса уже появились из-за деревьев — некоторые из них даже спрыгнули с деревьев, — битва теперь была в самом разгаре. Все стреляли во всех направлениях в каждого, кто походил

на врага. В придачу, некоторые из Солнечных кричали «Люминос!» в Невилла Лонгботтома. Пуффендуец Хаоса уворачивался и метался над полем боя. Его передвижения сложно было описать иначе, кроме как словом «хаотичные».

И так уж случилось — в учебных воздушных битвах такое происходило лишь в одном случае из двадцати, — что метла Невилла Лонгботтома, стиснутая у него в руках, засияла ярко-красным цветом.

Это должно было означать, что Лонгботтом выбыл из игры.

И тут трибуны стадиона Хогвартса вскрикнули.

Боевой реализм. Главное правило профессора Квиррелла. Можно делать всё, что угодно, если это реалистично. А в реальной жизни солдат не исчезает, если проклятье попадает в его метлу.

Невилл спрыгнул с метлы и крикнул: «Приземление Хаоса!». Легионеры Хаоса отвлеклись от битвы и использовали чары левитации (одновременно разбегаясь в разные стороны, чтобы не быть удобными мишенями). Почти все остальные остановились и застыли с открытым ртом...

И Невилл Лонгботтом рухнул на усеянную увядшими листьями землю, приземлившись на колено, ногу и обе руки, словно он преклонил колено для посвящения в рыцари.

Всё остановилось. Даже Трейси и Сьюзен временно прекратили свою дуэль.

Стадион затих.

Воцарилась тишина, состоявшая из изумления, озабоченности и благоговейного трепета, заставляющего потерять дар речи. Все замерли, ожидая, что будет дальше.

Невилл Лонгботтом медленно поднялся на ноги и направил палочку на Солнечных солдат.

Хотя никто на поле боя этого и не слышал, многие на стадионе начали скандировать: «ДУМ ДУМ ДУМ ДУМ ДУМ». С каждым словом скандирование становилось громче. Просто нельзя было наблюдать это и не подумать, что тут нужно музыкальное сопровождение.

— Стадион приветствует вашего внука, — заметила Амелия Боунс. Старая ведьма оценивающе изучала экран.

— Действительно, — отозвалась Августа Лонгботтом. — Если я правильно расслышала, некоторые кричат: «Наша кровь для Невилла! Наши души для Невилла!»

— В самом деле. — Амелия сделала глоток из чашки, которой ещё мгновением раньше не было. — Судя по всему, у парня есть лидерский потенциал.

— Эти крики, — ещё более ошеломлённо заметила Августа, — кажется, несутся с рядов Пуффендуя.

— Это факультет верных, дорогая, — сказала Амелия.

— Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор! Что, во имя Мерлина, происходит в этой школе?!

Люциус Малfoy взирал на экран с ироничной улыбкой на лице. Его пальцы отстукивали по подлокотникам что-то неритмичное.

— Я не знаю, что пугает больше: мысль, что за всем этим стоит какой-то его тайный план, или мысль, что этого плана нет.

— Смотрите! — закричал лорд Гринграсс. Элегантный молодой человек привстал в кресле и показал пальцем на экран. — Она идёт!

* * *

— Набрасываемся на него одновременно, — прошептала Дафна. Она знала, что пары страшных минут настоящего боевого опыта несколько раз в неделю может быть недостаточно, чтобы сравниться с регулярными дуэльными занятиями Невилла вместе с Гарри и Седриком Диггори. — Ни ты, ни я не справимся с ним поодиночке, но мы вместе... я использую свои чары, а ты просто попытаешься его ошеломить...

Стоявшая рядом Ханна кивнула, и затем они обе закричали что было сил и бросились вперёд, двое Солнечных солдат поддерживали их чарами левитации, позволяя им двигаться быстро и легко. Дафна уже кричала «*Тонаре!*», а Ханна поддерживала перед ними огромный щит *Контэго*. Сила левитации на миг увеличилась, они взмыли над головами впереди стоящих солдат и приземлились перед Невиллом. Их волосы развевались на ветру...

(Фотографировать на всех играх Хогвартса было строго запрещено, но тем не менее, каким-то образом эта сцена оказалась на следующий день на первой странице «Придиры».)

...и сразу же — драки со старшими хулиганами выжгли малейшие остатки нерешительности — Ханна выстрелила первым Усыпляющим заклинанием в Невилла (она начала произносить его ещё в воздухе), а Дафна, стараясь ударить быстрее, нежели сильнее, рубанула своим Древнейшим клинком туда, где по её ожиданиям должны были оказаться бёдра Невилла после того, как он увернётся...

Но Невилл подпрыгнул вверх, а не вбок, подпрыгнул выше, чем она могла ожидать, и её светящийся меч разрезал лишь воздух под его ногами. Дафна осознала, что Невилла всё ещё левитируют

другие солдаты Хаоса, и вскинула свой меч высоко над головой, но Невилл упал слишком быстро, и когда его Клинок опустился на её меч, девочке показалось, будто в неё попали бладжером. Дафна рухнула на траву и больно ударилась спиной. Её спасло лишь то, что Невилл сам слишком сильно ударился о землю и опустился на колени, судорожно втягивая воздух. И прежде чем он вновь замахнулся своим светящимся мечом, Ханна крикнула «*Сомниум!*», и Невилл лихорадочно увернулся назад — хотя, конечно, никакого заклинания она не выпустила, девочка не могла восстановиться так быстро после первого Сонного проклятия — что дало Дафне секунду, чтобы подняться на ноги и снова взяться за палочку обеими руками...

* * *

— О, Мерлин, — вымолвила Леди Гринграсс взволнованно, её аристократизм дал трещину. — Моя дочь бьётся чарами Древнейшего клинка. На первом курсе. Никогда бы не подумала, что у неё... настолько выдающиеся способности...

— Отличная кровь, — одобрительно заметил Чарльз Нотт. Августа фыркнула.

— Моя добрая леди, — серьёзно произнёс профессор Квиррелл, — не обижайте свою дочь. Сейчас вы наблюдаете не просто способности, — его голос стал чуть бесстрастнее. — Скорее, вы видите, что происходит, когда дети вкладывают свои соревновательные усилия в игру, которая требует настоящего использования заклинаний.

* * *

— *Экспеллиармус!* — крикнул Драко, стараясь, чтобы его голос не дрогнул, и одновременно уворачиваясь от сияющего красного ступка, выпущенного в него Гермионой. Мышцы заныли, поскольку уворачиваться пришлось в неожиданном направлении — Гермиона прицелилась ему в левую часть тела, а затем неуловимым движением дёрнула палочку и выстрелила правее.

Гермиона увернулась от быстро движущегося дуэльного проклятия и почти без паузы крикнула «*Стелеус!*» Это проклятие распространилось широким углом, поэтому Драко не мог от него увернуться, но ему удалось направить палочку на своё лицо и крикнуть «*Квиескус!*», прежде чем внезапный позыв вдохнуть превратится в приступ чихания, который мог бы закончить битву.

Драко Малфой уже наполовину выдохся от всех Запирающих заклинаний и трансфигураций, которые ему пришлось сегодня сделать, но усталость начала отступать перед его собственной закипающей кровью, он не знал, почему вдруг Грейнджер нападает на него так яростно, но если она так хочет боя, она его получит...

(Драконы и Солнечные не останавливались, чтобы посмотреть на дуэль своих генералов. Драконы были слишком дисциплинированы, чтобы останавливаться и глазеть, и это значило, что Солнечным тоже приходилось биться. Но публика на стадионе Хогвартса, разинув рты, отвлеклась даже от зрелища, устроенного Невиллом и Дафной, и теперь смотрела на дуэль двух генералов. Малфой и Грейнджер обменивались заклинаниями со скоростью, недоступной другим первокурсникам — дуэльному опыту генерала Драконов противостояла яростная энергия Солнечного генерала. Двое самых одарённых магической силой первокурсников быстро перешли к заклинаниям более экзотичным, нежели обычное Сонное проклятье, и теперь их бой напоминал взрослую дуэль.)

...хотя Драко начал осознавать: когда он, Гарри Поттер и профессор Квиррелл посчитали, что у мисс Грейнджер примерно такая же готовность убивать, как у миски спелого винограда, они не видели её в гневе.

* * *

Дафна взмахнула Древнейшим мечом, опять не пытаясь бить сильно, а лишь максимально быстро. Одновременно Ханна крикнула «*Сомниум!*», и Невилл снова отпрыгнул назад. Но это оказался очередной обманный трюк, и Ханна бросилась вперёд, чтобы выстрелить настоящим заклинанием почти в упор...

...а Невилл Лонгботтом сделал в точности то — как он объяснил позже — чему Седрик Диггори научил его, на тот случай, если он будет биться с Беллатрисой Блэк. Он крутанулся и очень сильно пнул Ханну в живот.

Девочка с Пуффендуя печально всхлипнула, задыхаясь от боли, и свалилась на землю.

На мгновенье бой замер. Застыло всё, кроме падающего тела Ханны.

Затем лицо Невилла отразило полнейшее смятение, он опустил палочку. Лейтенант Хаоса инстинктивно шагнул к своей однокласснице и протянул ей руку...

...а Ханна в падении перекатилась, вскинула палочку и выстрелила в него.

Спустя долю секунды Дафна, тоже без колебаний, воткнула Древнейший Клинок прямо в спину Невилла. Парализующая магия Клинка охватила его одновременно с Сонным проклятием Ханны, мускулы содрогнулись в конвульсиях, и последний отпрыск Лонгботтомов рухнул с застывшим на лице выражением абсолютного удивления.

* * *

— Сегодня мистер Лонгботтом выучил важный урок о том, к чему приводят чувства жалости и раскаяния, — сообщил профессор Квиррелл.

— И рыцарство, — добавила Амелия, сделав из чашки ещё один глоток.

* * *

— Ты в порядке? — прошептала Дафна, прикрывая Ханну, которая лежала на земле, схватившись за живот. Судя по донёсшимся в ответ звукам, Ханна пыталась одновременно сдерживать рвотные позывы и не расплакаться.

Как-то получилось — хотя скорее всего это было и не очень хорошо с тактической точки зрения, возможно, было бы лучше, если бы Ханну выбило заклинанием сразу, тогда её не нужно было бы защищать, — что вокруг Ханны собралось множество Солнечных, которые крепко сжав палочки в руках, гневно смотрели на легионеров Хаоса. Кто-то поднял Радужный барьер между двумя группами — Дафна не заметила, кто именно.

И Хаос почему-то не развивал наступление. Даже Трейси полностью отбросила свой суровый вид и переминалась с ноги на ногу, как будто не могла вспомнить, на чьей она стороне...

— Остановитесь! — раздался крик. — Прекратите бой!

Особой битвы и так уже не было, но они остановились.

Генерал Поттер, который всем своим видом сейчас напоминал, что он — Мальчик-Который-Выжил, вышел из-за деревьев. Под рукой он нёс что-то большое и накрытое камуфляжной тканью.

— У мисс Аббот с дыханием всё в порядке? — крикнул генерал Поттер.

Дафна не стала оглядываться. Она не верила, что это не ловушка — если Хаос воспользуется такой возможностью для напа-

дения, профессор Квиррелл не только признает это допустимым, но и наградит их дополнительными очками после битвы. Но Дафна прекрасно слышала, как дышит Ханна, и потому ответила:

— Вроде того.

— Она должна выбраться туда, где есть кто-нибудь, кто может использовать лечащие чары, — сказал Гарри. — Просто на случай, если ей что-то сломали.

Позади Дафны послышались тихие всхлипы:

— Я... ещё... могу... драться...

— Мисс Аббот, не надо... — сказал Гарри, а позади Дафны послышался звук, будто кто-то попытался подняться на ноги, но снова свалился на траву. Все содрогнулись, но Дафна не стала поворачиваться спиной к Гарри.

— Почему учителя не остановят сражение? — сердито спросила Сьюзен.

— Полагаю, потому, что у мисс Аббот нет неизлечимых повреждений и профессор Квиррелл считает, что сейчас мы получаем важный урок, — твёрдо ответил Гарри. — Послушайте, мисс Аббот, если вы сейчас уйдёте, Трейси тоже выйдет из боя. У Солнечных уже есть численное преимущество, так что для вас это очень хорошая сделка. Соглашайтесь.

— Ханна, уходи! — воскликнула Дафна. — В смысле, просто скажи, что ты вне игры!

Дафна оглянулась назад и увидела, что Ханна мотает головой, по-прежнему лёжа на траве и свернувшись калачиком.

— Так, к чёрту всё! — объявил Гарри. — Солдаты! Чем быстрее мы победим, тем быстрее она выйдет из боя! Мы постараемся сделать это очень быстро, пусть даже мы понесём потери! Перемирие окончено! ТУНЕЦ!*

У политического чутья Дафны было лишь мгновение, чтобы восхититься тем, как всего лишь несколько слов Гарри превратили Хаос в «хороших парней».

После чего legionеры Хаоса практически синхронно запустили руки в карманы и вытащили зелёные очки незнакомого фасона. Не такие, как носят на пляже, а что-то похожее на очки для уроков сложных зелий...

Дафна вдруг поняла, что сейчас произойдёт, и вскинула руку, чтобы закрыть свои глаза. И в ту же секунду Гарри сорвал ткань с котелка.

Он выплеснул содержимое котелка в воздух, и разлившаяся жидкость засияла так ярко, что невозможно было смотреть. Не-

возможно было вообразить такое сияние. Она сверкала как солнце, увеличенное в дюжину раз...

(чем она собственно и была)

(солнечный свет, который был вложен, чтобы создать жёлуди, яркая энергия, которая питала росток, чтобы он стал деревом)

(сверкающий обжигающим пурпуром, цветом смешанных электромагнитных волн синей и красной частей спектра, которые поглощал хлорофилл)

(и почти не содержащий волн зелёной части спектра, которые хлорофилл отражал, создавая зелёный цвет листы)

(цвет, который был также цветом очков Легиона Хаоса, пропускавших зелёную часть спектра и блокирующих синюю и красную, уменьшающих самый ослепительный пурпурный блеск до приемлемого уровня)

...фиолетовый свет сиял и сиял, Дафна попыталась отвести руку от глаз, но обнаружила, что не может ни на что смотреть прямо, даже ослабленный отражённый пурпурный свет был так ярко, что ей приходилось щуриться. Ей удалось лишь один раз крикнуть *Фините инкантатем*, которое не сработало, прежде чем в неё попало Сонное проклятье.

Битва — если это можно было так назвать — продлилась недолго.

* * *

— ДАВАЙ! — заорал Блейз Забини, в прошлом Солнечный, а теперь командующий отделением легионеров Хаоса. — В смысле, ТУНЕЦ! — Слизеринец покрепче ухватил ткань, закрывающую котёл от дневного света, который должен был активировать заклинание.

— ДАВАЙ! — заорал Дин Томас, в прошлом легионер Хаоса, а ныне командующий отрядом Драконов. — ДЕЛАЙТЕ ТО ЖЕ, ЧТО И ОНИ!

Легионеры Хаоса из отделения Забини сунули руки в карманы своей формы и выхватили зелёные солнечные очки...

...а Дин Томас и его Драконы почти зеркально повторили их действие. И когда фиолетовое сияние ударило из котла, оба отряда оказались в очках.

(Как ранее объяснил генерал Малфой, если мистер Гойл докладывает, что Легион Хаоса носит зелёные защитные очки, не обязательно понимать, зачем они это делают, чтобы трансфигурировать несколько экземпляров для себя.)

— ЭТО ЖУЛЬНИЧЕСТВО! — завопил Блейз Забини.

— ЭТО ТАКТИКА! — крикнул в ответ Дин. — ДРАКОНЫ, ВПЕРЁД!

(— Простите, — сказала леди Гринграсс, — мистер Квиррелл, вы не могли бы перестать так смеяться? Это нервирует.)

— ФИНИТЕ ПО ИХ ОЧКАМ! — закричал Блейз Забини. Обе армии неслись друг на друга сквозь вездесущее режущее глаза сиреневое сияние. — МЫ ЕЩЁ МОЖЕМ ПОБЕДИТЬ!

— ВЫ СЛЫШАЛИ?! — заорал Дин. — БЕЙТЕ ПО ИХ ОЧКАМ!

Ответ Блейза Забини нельзя было назвать членораздельным.

Эта битва продлилась гораздо дольше.

* * *

— *Ступефай!* — пронзительно крикнула Солнечный генерал.

Драко не увернулся, не ответил контрзаклинанием, у него ни на что ни осталось сил. Всё, что он мог, — вскинуть левую руку и надеяться...

Очередной красный сгусток рассеялся, ударившись в зачарованную *Коллопортусом* перчатку. Драко трансфигурировал её и запер у себя на руке точно так же, как и остальным в Армии Драконов. Только этот щит и спасал его сейчас.

Нужно было контратаковать, но Драко успевал только перевести дыхание. Дуэльный танец, который они вели, метаясь туда-сюда между деревьями, казался нескончаемым. Напротив него тяжело дышала генерал Грейнджер. Пот на её лице блестел как роса, каштановые волосы намокли и слиплись в коричневые патлы. Камуфляжная форма когтевранки покрылась мокрыми пятнами, плечи заметно тряслись от магического истощения, но палочка её была по-прежнему твёрдо направлена на Драко. Глаза Грейнджер сверкали, лицо горело от ярости.

Девочка, почему ты сегодня делаешь вид, что дерёшься, как взрослая?

Драко не стал произносить это вслух, ему не нужно было, чтобы Грейнджер разозлилась ещё сильнее. Поэтому он просто спросил — и услышал свой срывающийся голос:

— У тебя ко мне какие-то претензии, Грейнджер?

Девочка тоже судорожно дышала, её голос дрожал:

— Я знаю, что ты замышляешь, — громко заявила она. — Я знаю, что вы со Снейпом замышляете, и знаю, кто за этим стоит!

— Что? — машинально переспросил Драко.

Казалось, ярость Грейнджер от этого только усилилась. Её пальцы, сжимавшие направленную на Драко палочку, побелели.

И тут до Драко дошло, и от осознания у него в венах закипела кровь. Даже она думает, что он втайне строит козни против неё...

— И ты туда же?! — заорал Драко. — Я помогал тебе, криво-зубая дура! Ты, ты, ты... — Драко лихорадочно перебрал известные ему Тёмные проклятья и нашёл нужное: — *ДЕНСОГИО!*

Но Грейнджер метнулась в сторону и увернулась от Зубоудлиняющего проклятья, и её палочка теперь смотрела на него почти в упор. Драко опять вскинул левую руку как щит, поставил запертую магией перчатку между собой и чем она там собиралась стрелять. Голос Солнечного генерала поднялся до визга, слышного на всём поле боя...

— *АЛОХОМОРА!*

Время должно было остановиться.

Но этого не случилось.

Вместо этого застёжка щёлкнула и свалилась с перчатки.

Вот и всё.

Вот и всё.

Экраны показали это очень отчётливо. Всему стадиону Хогвартса.

И ужасающая тишина, окутавшая каждую скамью на каждом ярусе стадиона говорила о том, что абсолютно все совершенно чётко понимают, что это значит: магию наследника Дома Малфоев только что преодолела маглорождённая.

Гермиона Грейнджер не остановилась, по ней даже не было видно, что она вообще поняла, что совершила. Магловским пинком она вышибла у Драко палочку — потрясённый разум и тело слизеринца двигались слишком медленно. Драко нырнул за своей палочкой, лихорадочно шаря по земле, но сзади раздался хриплый голос девочки:

— *Сомниум!*

И Драко Малфой упал, и уже не поднялся.

Последовало ещё одно мгновение неподвижной тишины. Солнечный генерал пошатнулась, казалось, она сейчас упадёт в обморок.

И тут воины-Драконы заорали изо всех сил и ринулись в атаку, чтобы отомстить за своего павшего командира.

* * *

Мистер и миссис Дэвис, покачиваясь, поднялись с мягких кресел преподавательской ложи квиддичного стадиона. Нельзя сказать, что они вцепились друг в друга, но, уходя, они крепко держались за руки

и изо всех сил притворялись невидимками. Будь они детьми, они бы, наверное, спонтанно сотворили на себя чары Разнаваждения.

Пожилой Чарльз Нотт поднялся со своего кресла молча. Покрытый шрамами лорд Джагсон поднялся со своего кресла молча.

Люциус Малфой встал молча.

Все трое развернулись и зашагали к лестнице, ведущей с трибуны вниз. Они двигались синхронно, словно трио авроров, что выглядело довольно зловеще...

— Лорд Малфой, — негромко произнёс профессор Защиты. Он до сих пор сидел в своём кресле и смотрел на свои похожие на пергамент экраны. Его руки безвольно свисали по бокам. Ему словно почему-то не хотелось двигаться.

Беловолосый человек остановился у самого выхода из ложи. Пожилой человек и человек со шрамами замерли у него по бокам. Лорд Малфой повернул голову, слишком слабо, чтобы считать это знаком внимания, но всё-таки в направлении профессора Защиты.

— Ваш сын замечательно проявил себя сегодня, — продолжил профессор Квиррелл. — Должен признаться, я недооценивал его. И он заслужил верность своей армии, чему вы были свидетелем, — Профессор по-прежнему говорил очень спокойно. — Как учитель вашего сына хочу заметить, что ему не пойдёт на пользу ваше вмешательство...

Лорд Малфой и его спутники покинули ложу.

— Хорошая попытка, Квинус, — тихо сказал Дамблдор. На его лице проступили неглубокие морщины беспокойства. Как и Квиррелл, он по-прежнему сидел в кресле и смотрел на пергаментные экраны, словно они до сих пор работали. — Думаете, он прислушается?

Плечи профессора Защиты слегка дёрнулись. Это было первое его движение после окончания битвы.

— Ну что ж, — леди Гринграсс встала, потянулась и хрустнула костяшками пальцев. Её супруг безмолвно встал рядом с ней. — Должна сказать, это было довольно... занимательно...

Амелия Боунс поднялась беззвучно.

— Действительно занимательно, — сказала она. — Признаюсь, я даже обеспокоена мастерством, с которым эти дети сражались друг с другом.

— Мастерством? — переспросил лорд Гринграсс. — Мне их заклинания вовсе не показались впечатляющими. Конечно, если не считать Дафну.

Старая ведьма продолжала пристально смотреть на лысеющий затылок профессора Защиты.

— Оглушающее проклятье — заклинание не для первокурсников, лорд Гринграсс. Но я подразумевала не это мастерство. При помощи этих простых заклинаний они поддерживали друг друга, они быстро реагировали на неожиданности... — директор ДМП остановилась, словно подыскивая слова, которые поймут простые гражданские. — В гуще битвы, — наконец произнесла она, — когда повсюду летают заклинания... эти дети, судя по всему, чувствуют себя как дома.

— Да, директор Боунс, — подтвердил профессор Защиты. — Некоторые искусства лучше всего начинать изучать с самого детства.

Глаза старой ведьмы сузились.

— Вы готовите из них военных. С какой целью?

— Подождите! — вмешался лорд Гринграсс. — Многие школы учат дуэлям на первом курсе!

— Дуэлям? — отозвался профессор Защиты. Сзади нельзя было увидеть, появилась ли улыбка на бледном лице. — Дуэли не имеют ничего общего с тем, чему учатся мои ученики, лорд Гринграсс. Они учатся не медлить, попав в засаду или столкнувшись с превосходящими силами. Они учатся приспосабливаться, когда условия боя меняются снова и снова. Они учатся защищать своих союзников, защищать тех, кто более ценен, и бросать тех, кого уже не спасти. Они учатся тому, что для выживания в сражении нужно следовать приказам. Некоторые даже немного учатся творческому подходу. Нет, лорд Гринграсс, когда придёт следующая угроза, эти волшебники не будут прятаться в своих особняках и ждать, пока их защитят. Они будут знать, что знают, как сражаться.

Августа Лонгботтом трижды громко хлопнула в ладоши.

* * *

Мы победили.

Это было первое, что Драко услышал, когда пришёл в себя на поле боя. Падма рассказала ему, как рассвирепели его солдаты, когда он пал. Она рассказала, как мистер Томас повёл свой отряд в бой против Хаоса и, благодаря мудрому решению генерала Драконов, победил. Как генерал Поттер разбил часть войск Солнечных. Как солдаты мистера Томаса воссоединились с основными силами Драконов, надев свои собственные зелёные очки и захватив очки побеждённых солдат Хаоса. Как лишь мгновенья спустя оставшиеся силы генерала Поттера атаковали и Солнечных и Драконов, используя зелье, источавшее нестерпимо яркий пурпурный свет. Но Драконы

имели численное преимущество и перед Солнечными и перед Хаосом, у них было достаточно зелёных очков, и потому Падме удалось привести унаследованную армию к победе.

Судя по сияющим глазам Падмы и её надменной улыбке, которая сделала бы честь даже представителю дома Малфоев, она ожидала поздравлений. Драко удалось проглотить сквозь зубы что-то вроде похвалы, и потом он не смог вспомнить своих же слов. Судя по всему, родившаяся за границей ведьма совершенно не понимала, что произошло или что это означает.

Я проиграл.

Под серым небом Драконы двинулись обратно к Хогвартсу, холодные капли одна за другой падали на лицо Драко. Пока он лежал без сознания, наконец-то пошёл давно обещанный дождь. Теперь у Драко был только один вариант действий. Вынужденный ход, как назвал бы его мистер МакНейр, обучавший Драко шахматам. Наверняка это не понравится Гарри Поттеру, если он действительно влюблён в Грейнджер, как все говорят. Но вынужденный ход — согласно определению мистера МакНейра — это такой ход, который нужно делать, если хочешь, чтобы игра вообще продолжалась.

Эти мысли снова и снова крутились в его голове. Словно автоматом, Драко прошёл через массивные ворота Хогвартса, двумя резкими словами отослал Винсента и Грегори и остался один в своей личной спальне. Он сидел на кровати и смотрел в стену перед своим столом. Эти мысли наполняли его разум, как будто дементор запер его в ужасных воспоминаниях.

Застёжка щёлкает и падает с перчатки....

Драко знал. Он прекрасно знал, что он сделал не так. После наложения двадцати семи Запирающих заклинаний для всех своих солдат он слишком устал. Меньше минуты отдыха после каждого заклинания было явно недостаточно для восстановления сил. И потому он просто наложил *Коллопортус* на свою перчатку, просто использовал заклинание, не вложил все силы, чтобы сделать его сильнее, чтобы Гарри Поттер или Гермиона Грейнджер не смогли бы его отменить.

Но никто в это не поверит, даже если это правда. Даже в Слизерине никто в это не поверит. Это выглядело как отговорка, и все увидят лишь отговорку.

Грейнджер увернулась, крутанулась, а потом крикнула «АЛО-ХОМОРА!»...

Мозг Драко воспроизводил этот момент снова и снова, и возмущение росло.

Он же помогал Грейнджер... они объединились, чтобы запретить предателей... он держал её за руку, когда она сорвалась с крыши... остановил стычку, чуть не случившуюся из-за неё в Большом зале... понимала ли она хоть немного, чем он рисковал, что он, наверняка уже потерял, что означало для наследника Дома Малфоев сделать это для грязнокровки...

И вот теперь оставался только один ход, и особенностью вынужденного хода было то, что тебе приходится его делать, даже если за этим последует наказание в виде отработок и потеря баллов факультета. Профессор Снейп, конечно, поймёт, но существовал предел тому (отец предупреждал его), на что Снейп может закрыть глаза.

Вызвать Грейнджер на дуэль, открыто игнорируя правила Хогвартса. Напасть на неё на месте, если она попробует отказаться. Разгромить её один на один, при всех, не с помощью хитрой дуэльной тактики, а взяв над ней верх одной лишь магией. Победить явно, однозначно, раздавить её полностью, как сам Тёмный Лорд давил своих врагов. Обставить всё совершенно чисто, так, чтоб никто не усомнился в том, что во время сегодняшней битвы у Драко просто кончились силы от слишком частого использования заклинания. Доказать, что кровь Малфоев сильнее, чем кровь любой грязнокровки...

Только ведь это не так, прошептал голос Гарри Поттера в голове Драко. Легко забыть настоящую правду, Драко, когда ты пытаешься достичь политической победы. Но в действительности есть лишь одна штука, делающая тебя волшебником, помнишь?

Драко знал, в глубине сознания он знал причину этого беспокойства. Но он глядел в стену и размышлял о вынужденном ходе. Всё должно было быть просто — когда у тебя есть лишь один ход, тебе остаётся просто его сделать, но...

Грейнджер вертелась, кружилась, взмоклише от пота волосы взвивались вокруг неё, чары слетали с её палочки так же быстро, как и с его, заклинание и противозаклинание, светящиеся летучие мыши летели ему в лицо, и всё это на фоне ярости, сверкающей в глазах Грейнджер...

Какой-то своей частью он восхищался происходящим, пока всё не пошло наперекосяк, восхищался яростью и силой Грейнджер. Той частью, что была в восторге от первого в жизни настоящего боя, против...
...равного противника.

Если он вызовет Грейнджер на дуэль и проиграет...

Этого не может быть, ведь Драко получил свою палочку на два года раньше, чем любой ученик из его класса.

Но волшебники не просто так не давали палочки девятилетним. Важен не только опыт, возраст тоже имеет значение. День рождения Грейнджер был в самом начале года, когда Гарри купил ей кошель. Значит, сейчас ей двенадцать, ей было двенадцать почти с самого начала первого курса. И, по правде говоря, Драко мало занимался, кроме как на уроках, практически наверняка он занимался гораздо меньше, чем Гермiona Грейнджер из Когтеврана. Драко не предполагал, что ему понадобится практиковаться, чтобы оставаться впереди всех...

И Грейнджер тоже потратила много сил, прошептал голос внутреннего оппонента. Грейнджер должна была выдохнуться от всех этих сногшибателей, но даже в таком состоянии она смогла отменить его Запирающее заклинание.

Драко никак не мог позволить себе вызвать Грейнджер при всех, один на один, без отговорок, и проиграть.

Драко знал, что следует делать в таких ситуациях. Надо жульничать. Но если кто-нибудь об этом узнает, результат будет катастрофическим, это будет идеальнейший материал для шантажа, даже если его никогда не предадут огласке. И любой наблюдающий слизеринец поймёт. Они будут искать...

А затем Драко Малфой встал с кровати и подошёл к столу, достал лист тончайшего пергамента из овечьей кожи и чернильницу из жемчуга с зелёно-серебряными чернилами, сделанными из настоящего серебра и толчёных изумрудов. Из огромного сундука в изножье кровати он достал книгу под названием «Этикет Домов Британии», переплёт которой также был украшен серебром и изумрудами. Драко взял новое, чистое перо и начал писать, периодически сверяясь с книгой. Мальчик выписывал каждую букву аккуратно, как отдельное произведение искусства, и зловеще улыбался, что делало юного Малфоя очень похожим на своего отца.

От Драко, сына Люциуса сына Абраксаса, Лордов Благородного и Древнейшего Дома Малфоев, а также сына Нарциссы, дочери Дрээллы, Леди Благородного и Древнейшего Дома Блэков, сына и наследника Благородного и Древнейшего Дома Малфоев
Гермione, первой Грейнджер:

(Давным-давно, когда эту форму обращения изобрели, она задумывалась, как вежливая. Но сейчас, после веков использования для обращения к грязнокровкам, она приобрела чудесный оттенок выдержанного яда)

Я, Драко из Благородного и Древнейшего Дома, требую удовлетворения за

Драко выдержал паузу, осторожно убрав перо в сторону, чтобы с него не капнуло. Ему требовался повод, по крайней мере, если он хотел сам выбирать условия дуэли. Возможность выбирать условия была у вызываемого, если только он не оскорбил Благородный Дом. Драко нужно было подать всё так, будто Грейнджер оскорбила его...

О чём он думает? Грейнджер ведь действительно оскорбила его.

Драко перелистнул книгу на страницу со стандартными формулами и нашёл подходящую.

Я, Драко из Благородного и Древнейшего Дома, требую удовлетворения за то, что я трижды оказывал вам помощь и предлагал вам лишь своё расположение, а в ответ вы ложно обвинили меня в интригах против вас,

Драко остановился перевести дыхание и успокоить кипевший гнев, он и в правду начал чувствовать себя оскорблённым. Написав последнюю фразу, он машинально подчеркнул её, будто писал обычное письмо. Поразмыслив, он решил оставить всё, как есть, пусть это и не совсем официальная формулировка, но её грубый и сердитый тон казался соответствующим.

и это оскорбление вы совершили на глазах у всей Британии.

Таким образом, я, Драко, принуждаю вас, Гермиона, по обычаю, по закону, по

— Семнадцатому постановлению тридцать первого Визенгамота, — сказал Драко вслух, не глядя в книгу, эта фраза упоминалась во множестве пьес. Он выпрямился, ощущая, как благородная кровь бьётся в его жилах.

Таким образом, я, Драко, принуждаю вас, Гермиона, по обычаю, по закону, по 17 постановлению 31-го Визенгамота, встретиться со мной на магической дуэли со следующими условиями: Каждый из нас явится один, не говоря об этом никому ни до, ни после,

Если дуэль пойдёт неудачно, Драко сможет просто промолчать и всё оставить, как есть. А если он победит Грейнджер, то получит экспериментальное подтверждение тому, что сможет победить

её снова, вызвав уже при свидетелях. Это не обман, это — Наука, что почти так же хорошо.

НА ПОЕДИНОК В ОДНОЙ ЛИШЬ МАГИИ, НЕ ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИЙ СМЕРТИ
ИЛИ ДЛИТЕЛЬНЫХ ЧВЕЧИЙ,

...где? Драко когда-то рассказывали об одном зале в Хогвартсе, весьма подходящем для дуэлей, все ценное там уже было защищено заклинаниями, и сплетничающие портреты отсутствовали... что же это был за зал...

В ЗАЛ ТРОФЕЕВ ЗАМКА ШКОЛЫ ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕБСТВА ХОГВАРТС,

Лучше организовать их вторую, публичную дуэль пораньше, например завтра. Для того, чтобы его репутацию в Слизерине необратимо втоптали в грязь потребуется совсем немного времени. Ему нужно первый раз биться с Грейнджер уже этой ночью.

В ПОЛНОЧЬ, КОТОРАЯ ОЗНАМЕНУЕТ КОНЕЦ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ.

ДРАКО ИЗ БЛАГОРОДНОГО И ДРЕВНЕЙШЕГО ДОМА МАЛФОВ.

Драко подписал официальный пергамент, затем достал обычный пергамент поменьше, и свои обычные чернила, чтобы написать постскрипту:

Если ты не знаешь правил, Грейнджер, объясняю: ты оскорбила Древнейший Дом, и у меня есть законное право вызвать тебя на дуэль. Если ты нарушишь условия, например, притащишь в зал трофеев Флитвика или даже просто расскажешь кому-нибудь ещё, мой отец заставит тебя и твою фальшивую честь предстать перед Визенгамотом.

ДРАКО МАЛФО

На последней букве перо надавило на пергамент так неистово, что кончик сломался, разлив по пергаменту полосу чернил и оставив маленькую дырку. Драко счёл, что это тоже выглядит соответствующе.

* * *

Вечером, во время ужина, Сьюзен Боунс подошла к Гарри Поттеру и сказала, что она думает, что Драко Малфой собирается привести в исполнение свой план против Гермионы в самое ближайшее время.

Она предупредила всех членов ЖОПРПГ, она уже предупредила профессора Спраут и профессора Флитвика, она собирается этим вечером послать своей тётушке письмо, и вот теперь она предупреждает ещё и Гарри Поттера. Сьюзен очень серьёзно добавила, что они не говорили на эту тему только с Падмой, так как та разрывается между верностью Гермионе и верностью своему генералу.

Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес, который к концу беседы был весьма огорчён всей этой ситуацией и не мог думать о чём-то продуктивном, резко ответил ей, что «да, что-то с этим нужно сделать».

После того, как Сьюзен Боунс ушла, Гарри бросил взгляд на противоположный конец стола Когтеврана, туда, где сидела Гермиона — вдалеке от него, Падмы, Энтони и всех своих друзей.

Судя по её виду, Гермиона была не в настроении беседовать с кем бы то ни было.

Позже, оглядываясь назад, Гарри задумается о том, что во всех прочитанных им фантастических романах люди всегда совершают большой, значимый выбор по большим, значимым причинам. Гэри Селдон создал Основание, чтобы на обломках Галактической Империи выстроить новую империю, а не потому, что ему хотелось выглядеть значительнее, руководя собственной исследовательской группой. Рейстлин Маджере отказался от своего брата потому, что хотел стать богом, а не потому, что плохо разбирался в человеческих отношениях и не хотел просить совета, как их улучшить. Фродо Бэггинс взял Кольцо потому, что был отважным героем, желающим спасти Средиземье, а не потому, что было бы слишком неловко отказаться*.

Если бы кто-то когда-нибудь написал истинную историю мира — хотя никто и никогда не сможет и не захочет — наверняка 97% всех ключевых моментов судьбы оказались бы слепленными из лжи, салфеток и незначительных мелких мыслей, которые человек мог бы легко переиначить.

Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес посмотрел на Гермиону Грейнджер, сидевшую на другом конце стола, и почувствовал, что ему не хочется беспокоить её, когда она, видимо, и так уже в плохом настроении.

Затем Гарри подумал, что наверняка будет более разумно сначала поговорить с Драко Малфоем, чтобы иметь возможность совершенно однозначно уверить Гермиону в том, что Драко на самом деле ничего против неё не замышляет.

Позже, после ужина, Гарри спустился в подземелья Слизерина и услышал от Винсента: «Босс не хочет, чтобы его беспокоили».

У него мелькнула мысль, что наверное ему стоит узнать, не согласится ли Гермиона поговорить с ним прямо сейчас. Он подумал, что ему пора просто начать разгребать всю эту кучу, пока она не соберётся ещё больше. Гарри спросил себя, быть может, он просто медлит? Может, его разум просто нашёл удобную отговорку, чтобы оставить кое-что неинтересное-но-необходимое на потом?

Он правда об этом думал.

А потом Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес решил, что он просто поговорит с Драко Малфоем на следующее утро, после воскресного завтрака, а уже потом поговорит с Гермионой.

Люди постоянно так делают.

* * *

Воскресным утром, 5 апреля 1992 года, имитация неба над Большим залом Хогвартса демонстрировала густые потоки дождя, струящиеся вниз так плотно, что вспышки молний гасли и разбивались на мелкие осколки белого света, которые периодически озаряли факультетские столы. Лица учеников в этом свете становились бледными, из-за чего все на мгновение походили на призраков.

Гарри сидел за столом Когтеврана и медленно жевал вафлю. Он ждал появления Драко, чтобы наконец начать разбираться в этой истории. По рукам ходил экземпляр «Придиры» с изображением Ханны и Дафны на первой странице, но до Гарри он пока не добрался.

Через пару минут он доел вафлю и посмотрел на стол Слизерина в поисках Драко.

Странно.

Драко Малфой почти никогда не опаздывал.

Гарри смотрел в другую сторону и не заметил, как сквозь огромные двери Большого зала прошла Гермиона Грейнджер. Потому он вздрогнул, когда повернулся и увидел Гермиону, сидящую за столом прямо рядом с ним, словно она вовсе не избегала его уже больше недели.

— Привет, Гарри, — сказала она почти совершенно нормальным голосом. Гермиона потянулась за тостом, затем начала накладывать в тарелку свой обычный набор полезных для здоровья фруктов и овощей. — Как ты?

— В рамках стандартного отклонения от моего своеобразного среднего уровня, — машинально ответил Гарри. — А ты как? Ты нормально спала?

Под глазами Гермионы виднелись тёмные круги.

— Пожалуй, да, я в порядке, — сказала Гермиона Грейнджер.

— Э-э, — произнёс Гарри. Он положил на свою тарелку ломтик пирога (мозг Гарри был занят другими мыслями, потому он просто взял самое вкусное блюдо в радиусе досягаемости, не размышляя о том, готов ли он есть десерт — сейчас это были слишком сложные материи). — Э-э, Гермиона, нам с тобой надо будет поговорить сегодня, немного попозже, хорошо?

— Конечно, — ответила Гермиона. — Почему бы и нет?

— Потому что... — сказал Гарри, — ну... мы с тобой не общались... последние несколько дней...

Заткнись, посоветовала та часть Гарри, которая недавно была назначена ответственной за решение вопросов, относящихся к Гермионе.

В любом случае, Гермиона, казалось, почти не обращала на него внимания. Она просто уставилась в свою тарелку и, примерно через десять секунд неловкого молчания, начала есть лежащие на ней ломтики помидора, один за другим, без остановки.

Гарри отвёл взгляд и начал есть ломтик пирога, неизвестно как материализовавшийся на его тарелке.

— Итак! — неожиданно нарушила тишину Гермиона, после того, как опустошила большую часть своей тарелки. — Сегодня что-нибудь происходит?

— Э-э... — произнёс Гарри. Он начал лихорадочно оглядываться вокруг, как будто в поисках чего-то, что происходит, и что можно использовать в качестве подпитки для диалога.

И потому Гарри был одним из первых, кто заметил вошедших, и молча указал пальцем, хотя разбегающийся по Большому залу шёпоток означал, что многие их тоже заметили.

Характерный малиновый оттенок мантий был хорошо узнаваем, но Гарри потребовалось несколько мгновений, чтобы вспомнить лица. Строгий мужчина азиатской внешности, сегодня выглядящий скорее мрачным. Человек с чёрными длинными волосами, собранными в хвост, осматривавший зал пронзительным взглядом. И третий мужчина, худой, бледный и небритый, с лицом бесстрастным, как камень. Потребовалось несколько мгновений, чтобы Гарри нашёл в памяти эти лица и вспомнил имена из того давным-давно прошедшего дня в январе, когда в Хогвартсе появился дементор: Комодо, Бутнару, Горянов.

— Трио авроров? — произнесла Гермиона странно радостным голосом. — Интересно, что они тут делают.

Их сопровождал Дамблдор, выглядевший более обеспокоенным, чем Гарри когда-либо его видел. Возникла небольшая заминка,

пока старый волшебник обводил взглядом Большой зал, а ученики перешёптывались, а затем он указал...

...прямо на Гарри.

— Ой, ну что ещё, — пробурчал Гарри. В его мыслях было заметно больше паники, чем в словах, он лихорадочно размышлял, не догадался ли кто-то о его связи с побегом из Азкабана. Как будто невзначай он бросил взгляд на преподавательский стол и осознал, что этим утром он нигде не видел профессора Квиррелла...

Авторы направлялись к нему быстрым шагом, аврор Горянов приближался с противоположного края стола Когтеврана, как будто отрезая любую возможность сбежать в этом направлении, авторы Комодо и Бутнару приближались со стороны, где сидел Гарри, а директор следовал за ними по пятам.

Все разговоры за столами смолкли.

Авторы добрались до места, где сидел Гарри, окружив его с трёх сторон.

— Да? — насколько возможно обычным голосом сказал Гарри. — В чём дело?

— Гермiona Грейнджер, — бесстрастно произнёс аврор Комодо, — вы арестованы за покушение на убийство Драко Малфоя.

Глава 79

Цена бесценного. Часть 1

Гермиона Грейнджер, — бесстрастно произнёс аврор Комодо, — вы арестованы за покушение на убийство Драко Малфоя.

Эти слова проникли в сознание Гарри. Его мысли разлетелись в разные стороны сотней осколков неверия. Всплеск адреналина породил столь сильное смятение, что...

— Она... Она бы ни... ЧТО?!

Авроры не обратили на него внимания. Комодо продолжил тем же бесстрастным голосом:

— Мистер Малфой пришёл в сознание в больнице Святого Мунго и заявил, что именно вы напали на него. Он повторил свои показания после двух капель Веритасерума. Охлаждающее кровь проклятье, которое вы наложили на мистера Малфоя, убило бы его, если бы его не нашли и не оказали помощь. Вам должно было быть известно, что это заклинание приводит к летальному исходу. Поэтому вы арестованы по обвинению в преднамеренном покушении на убийство. Вас препроводят в тюрьму Министерства для допроса под тремя каплями Веритасерума...

— Вы спятили?! — вырвалось у Гарри. Он вскочил из-за стола за секунду до того, как рука аврора Бутнару тяжело опустилась ему на плечо. Гарри даже не посмотрел на него. — Вы хотите арестовать Гермину Грейнджер! Самую добрую девочку в Когтеварне. Она помогает пuffedуицам делать домашнюю работу, она сама умрёт, прежде чем попытается убить кого-то...

Лицо Гермину Грейнджер исказилось.

— Это я, — тихо прошептала она. — Это сделала я.

Ещё один огромный камень рухнул на мысли Гарри, разрушив их хрупкий порядок и растерев фрагменты осознания в пыль.

Лицо Дамблдора за несколько секунд состарилось на десятки лет.

— Мисс Грейнджер, почему? — его голос был едва громче шёпота. — Почему вы это сделали?

— Я, — начала было Гермиона, — я, я... извините... Я не знаю, почему я...

Её голос затих. Она поникла и только всхлипывала, единственными словами, которые она смогла произнести, были:

— Я думала... что убила его... извините...

Гарри должен был что-то сказать, должен был что-то сделать, должен был отпрыгнуть в сторону, оглушить всех трёх авроров и затем сделать что-то невероятно умное. Но осколки его дважды разбитых мыслительных процессов не выдавали ничего. Рука Бутнару вежливо, но настойчиво усадила Гарри обратно на скамью, и он обнаружил, что прилип, будто его приклеили. Он попытался достать палочку, чтобы сделать *Фините*, но та не вытаскивалась из кармана. Три аврора и Дамблдор вывели Гермиону из Большого зала, в котором начала подниматься буря возгласов. Двери уже закрывались за ними — всё это было полнейшей бессмыслицей, абсолютно за гранью реальности, казалось его переместили в параллельную вселенную. И в разуме Гарри вдруг ярко вспыхнул другой день замешательства, и в каком-то отчаянном вдохновении он наконец понял, что именно близнецы Уизли сделали с Ритой Скитер. И он закричал:

— ГЕРМИОНА ЭТО СДЕЛАЛА НЕ ТЫ ЭТО ЗАКЛИНАНИЕ ЛОЖНОЙ ПАМЯТИ!

Но двери уже закрылись.

* * *

Минерва не могла стоять на одном месте. Она ходила туда-сюда по кабинету директора, краешком сознания ожидая, что Северус или Гарри скажут ей сесть и заткнуться. Но ни профессор зельеварения, ни Мальчик-Который-Выжил не обращали на неё внимания. Они оба пристально смотрели на Альбуса Дамблдора, появившегося из камина. Шум устройств в кабинете тоже никто не замечал. Северус с бесстрастным, как всегда, выражением на лице сидел в маленьком мягком кресле у директорского стола. Старый волшебник, грозно выпрямившись, стоял у всё ещё горящего камина. Он был одет в мантию, чёрную, как беззвёздная ночь, и излучал силу и тревогу. Собственные мысли Минервы были заполнены смятением и ужасом. Гарри Поттер сидел на деревянном табурете. Его пальцы вцепились в сидение, а в глазах были гнев и ледяной холод.

В 6:33 утра Квиринос Квиррелл обратился через каминную сеть в больницу Святого Мунго, чтобы они незамедлительно приняли Драко Малфоя. Профессор Квиррелл обнаружил мистера Малфоя в зале трофеев Хогвартса на краю гибели, под действием Охлаждающего кровь проклятья, которое медленно понижало температуру его тела. Профессор Квиррелл незамедлительно развеял проклятье, наложил на мистера Малфоя стабилизирующие заклинания и левитировал в свой кабинет, чтобы переправить его в больницу Святого Мунго для дальнейшего лечения. После этого профессор Квиррелл проинформировал о случившемся директора: коротко перечислил факты и исчез в камине — авроры, оповещённые больницей, потребовали его присутствия для дачи показаний.

Охлаждающее кровь проклятье было использовано с целью убить Драко Малфоя так медленно, чтобы охранные чары Хогвартса, настроенные реагировать на внезапные травмы, не сработали. Во время дознания профессор Квиррелл сообщил аврорам, что в январе, вскоре после возвращения мистера Малфоя в Хогвартс, он наложил на него несколько следящих заклинаний, поскольку узнал, что у некой персоны есть мотив причинить мистеру Малфоя вред. Профессор Квиррелл отказался открыть личность этой персоны. Следящие чары профессора Квиррелла были настроены сигнализировать, если уровень здоровья мистера Малфоя упадёт ниже определённого уровня, а не на внезапное изменение его состояния, и потому оповестили профессора Квиррелла прежде, чем Драко умер.

Две капли Веритасерума — достаточная доза, чтобы предотвратить любое приукрашивание или сокрытие информации в речи мистера Малфоя — позволили выяснить, что мистер Малфой (легально по законам Благородных Домов и нелегально по внутреннему распорядку Хогвартса) вызвал Гермиону Грейнджер на дуэль. Мистер Малфой победил в дуэли, но, когда он попытался уйти, мисс Грейнджер атаковала его со спины Оглушающим проклятьем. Дальнейшее мистер Малфой не помнит.

Три капли Веритасерума — достаточная доза, чтобы получить всю достоверную информацию — позволили получить признание Гермионы Грейнджер в том, что она оглушила Драко Малфоя со спины и затем в приступе гнева использовала на нём Охлаждающее кровь проклятие с целью убить его так медленно, чтобы избежать опознания охранными чарами Хогвартса, о принципах работы которых она узнала в книге «Хогвартс: История». Проснувшись на следующее утро, она была в ужасе от содеянного, но никому не рассказала о случившемся,

полагая, что Драко Малфой уже мёртв. Каким он и был бы по прошествии семи часов, если бы магия его тела не сопротивлялась эффекту Охлаждающего кровь проклятья.

— Суд над ней назначен на полдень завтрашнего дня, — подытожил Альбус Дамблдор.

— Что?! — выпалил Гарри. Мальчик-Который-Выжил не поднялся со стула, но Минерва заметила, как побелели его пальцы, схватившиеся за деревянное сидение под ним. — Это безумие! Невозможно провести полицейское расследование за один день...

— Это не магловская Британия, мистер Поттер! — повысил голос профессор зельеварения. Его лицо ничего не выражало, но голос был резким. — У авроров есть обвинение, полученное под Веритасерумом, и признание, полученное под Веритасерумом. Поэтому они убеждены, что расследование завершено.

— Не совсем, — добавил Дамблдор, когда Гарри, похоже, был уже готов взорваться. — Я поговорил с Амелией и настоял, чтобы по делу была проведена тщательнейшая проверка. К сожалению, злосчастная дуэль состоялась в полночь...

— Предполагаемая дуэль, — резко вставил Гарри.

— Поскольку предполагаемая дуэль состоялась ночью — да, ты правильно заметил, Гарри — она вне пределов досягаемости Маховиков времени...

— Что также — только предположение, — холодно отозвался Мальчик-Который-Выжил. — И довольно подозрительное, между прочим, поскольку обвиняемая в заявленном убийстве не знает о Маховиках. Я надеюсь, аврор под чарами невидимости, был незамедлительно отправлен в максимально далёкое прошлое, чтобы изучить...

Дамблдор кивнул.

— Я отправился лично, Гарри, как только узнал. Но, когда я оказался в зале трофеев, мистер Малфой уже был без сознания, а мисс Грейнджер уже ушла...

— Нет, — возразил Гарри Поттер. — Вы добрались до зала трофеев и увидели Драко без сознания. Это всё, что вы видели, директор. Вы не видели там Гермиону и не видели, как она уходила. Давайте разделять наблюдения и предположения.

Мальчик повернулся к Минерве.

— Имперкус, Обливиэт, заклинание Ложной памяти, Легилименция. Профессор МакГонагалл, упустил ли я какое-либо заклинание, влияющее на разум, которое могло бы заставить Гермиону верить в то, что это сделала она?

— Заклинание Конфундус, — ответила Минерва. И, хотя она никогда не изучала Тёмные искусства, она знала: — И определённые Тёмные ритуалы. Но ни один из них невозможно использовать в Хогвартсе, не подняв тревогу.

Мальчик кивнул, он продолжал смотреть на неё.

— Какое из этих заклинаний можно обнаружить? Какие из них попробовали бы обнаружить авроры?

— Заклинание Конфундус развеивается в течение нескольких часов, — подумав секунду, ответила она. — Об Империиусе мисс Грейнджер бы помнила. Стирание памяти обнаружить невозможно, но наложить такое заклинание в Хогвартсе, не подняв тревогу, может только кто-то из профессоров. Легилиментцию, полагаю, может обнаружить только другой легилимент...

— Я потребовал, чтобы мисс Грейнджер была проверена судебным легилиментом, — сказал Дамблдор. — Исследование показало...

— Мы ему доверяем? — перебил Гарри.

— Ей, — поправил Дамблдор. — Софии МакГоргенсон, которую я помню честной ученицей Когтеврана. И она связана Нерушимым обетом говорить только правду о том, что она видит...

— Мог ли кто-то играть её роль, используя Обратное зелье? — снова перебил Гарри. — Что вы видели, директор?

— Личность, которая выглядела, как мадам МакГоргенсон, — тяжело ответил Альбус, — сообщила нам, что лишь один легилимент немного касался разума мисс Грейнджер несколько месяцев назад. Гарри, это случилось в январе, когда я общался с мисс Грейнджер по поводу некоего дементора. Это было ожидаемо. Но я не ожидал остального, что обнаружила София.

Старый волшебник повернулся к камину. Отблески пламени легли на его лицо.

— Как ты и сказал, Гарри, заклинание Ложной памяти могло иметь место. Когда оно наложено идеально, оно неотличимо от настоящей памяти...

— Неудивительно, — вставил Гарри. — Исследования показали, что человеческие воспоминания в той или иной степени переписываются всякий раз, когда мы их вспоминаем...

— Гарри, — тихо сказала Минерва, и мальчик тут же умолк.

Старый волшебник продолжил:

— ...но наложение заклинания Ложной памяти такого качества требует столько же времени, сколько и настоящая память. Создание детальных воспоминаний о десяти минутах займёт десять минут.

И согласно судебному легилименту, — лицо Альбуса вновь стало усталым и морщинистым, — мисс Грейнджер заикнулась на мистере Малфое со дня, когда Северус... накричал на неё. Она думала, что мистер Малфой заодно с профессором Снейпом. Что он собирается причинить вред ей и Гарри. Она думала об этом часами, каждый день. Невозможно создать ложную память о таком длительном сроке.

— Видимость безумия... — тихо пробормотал Северус, словно самому себе. — Может ли это безумие быть реальным? Нет, последствия слишком ужасны, чтобы это оказалось чистой случайностью, и слишком удобны для кое-кого, без сомнения. Возможно, магловский наркотик? Но этого было бы недостаточно — безумие мисс Грейнджер нужно было направить...

— А! — вдруг воскликнул Гарри. — Теперь я понял. Первое заклинание Ложной памяти было использовано на Гермионе после того, как профессор Снейп накричал на неё. И оно навязало ей мысли о том, что Драко и профессор Снейп, например, замышляют убить её. А прошлой ночью эта ложная память была удалена Обливиэтом. После чего у неё остались воспоминания о её заикливости на Драко без видимых причин, и одновременно ей и Драко были вложены фальшивые воспоминания об их дуэли.

Минерва ошеломлённо моргнула. Чтобы она сама подумала о такой возможности, потребовалась бы тысяча лет.

Профессор зельеварения задумчиво нахмурился, его глаза сузились.

— Реакцию на заклинание Ложной памяти сложно предсказать заранее без легилименции, мистер Поттер. Когда субъект впервые вспоминает внушённые события, он не всегда действует, как ожидалось. Это был бы рискованный план. Но, полагаю, это единственный способ, которым профессор Квиррелл смог бы добиться такого эффекта.

— Профессор Квиррелл? — переспросил Гарри. — Но какой у него мотив, чтобы...

— Профессор Защиты всегда под подозрением, мистер Поттер, — бесстрастно произнёс зельевар. — Со временем вы заметите тенденцию.

Альбус поднял руку, призвав к тишине. Все головы повернулись к нему.

— Но в этом деле есть и другой подозреваемый, — тихо сказал он, — Волдеморт.

Смертоноснейшее из непроизносимых слов эхом разнеслось по комнате и, казалось, забрало весь жар у оранжевого пламени в камине.

— Я не уверен, — медленно продолжил старый волшебник. — Слишком мало известно мне о пути Волдеморта к бессмертию.

Полагаю, он изучил те книги до меня. Всё, что я смог найти, — древние легенды, разбросанные по слишком многим томам, чтобы он мог уничтожить их все. Но добираться до правды, сокрытой среди множества историй — это тоже часть искусства волшебника, и в нём я попытался преуспеть. Человеческие жертвоприношения, хладнокровнейшие убийства, жертвы, умирающие в ужасе. Старые, старые легенды об одержимых волшебниках, которые совершали безумные деяния, объявляли себя Тёмными Лордами и были повергнуты. И обычно упоминается некое устройство, которое Тёмный Лорд носит с собой... — древние глаза Альбуса изучающе смотрели в молодые глаза Гарри. — Я считаю, Гарри — хотя ты назовёшь это лишь предположением, — что совершение убийства разрывает душу. И чернейший, ужасный ритуал привязывает отделённый фрагмент души к этому миру. К материальному предмету в этом мире. Который должен быть или который становится артефактом силы.

«Крестраж». Ужасное название всплыло в памяти Минервы, хотя, видимо, по какой-то причине Альбус не хотел произносить это слово в присутствии Гарри.

— А затем, — продолжил старый волшебник, — оставшаяся часть души привязывается к отделённой части и после уничтожения тела остаётся здесь. Полагаю, печальное и полное боли существование в виде, меньшем чем дух, меньшем чем призрак... — старый волшебник и Гарри продолжали смотреть друг на друга, мальчик нахмурился. — Должно пройти время, прежде чем эта искалеченная душа вновь обретёт подобие жизни. Вот почему, полагаю, у нас была отсрочка в десять лет, вот почему Волдеморт не вернулся мгновенно. Но с течением времени... дух способен подняться вновь, — старый волшебник говорил с мрачной чёткостью. — Легенды говорят совершенно ясно, что Тёмные лорды, которые вернулись, вселившись в чужое тело, обладали меньшей силой, чем прежде. Я не думаю, что Волдеморта это устроит. Он использует другой путь к возрождению. Но Волдеморт был слизеринцем даже большим, чем Салазар. Он использовал все возможности. Поэтому, будь у него причина, он бы использовал своё жалкое состояние, использовал способность вселяться в чужое тело — если бы мог получить выгоду от необъяснимой ярости другого, — голос Альбуса стих почти до шёпота. — Это, я подозреваю, и случилось с мисс Грейнджер.

У Минервы пересохло в горле.

— Он здесь, — охнула она. — Здесь, в Хогвартсе...

Она прервалась, потому что причина, по которой Волдеморт явился в Хогвартс...

Старый волшебник коротко посмотрел на неё и прошептал:

— Прости, Минерва, ты была права.

— Права в чём? — резко спросил Гарри.

— Самый желанный путь к жизни для Волдеморта, — тяжело ответил Дамблдор, — тот, который он предпочтёт больше других и, пройдя которым, он восстанет ещё более сильным чем прежде. Он хранится здесь, внутри замка...

— Простите, — вежливо обратился Гарри, — вы дурак?

— Гарри, — начала она, но в её голосе не было силы.

— То есть, может, вы не замечали, директор Дамблдор, но в этом замке полно ДЕТЕЙ...

— У меня не было выбора! — воскликнул Дамблдор. Голубые глаза засверкали под очками-полумесяцами. — Я не хозяин той вещи, которую желает Волдеморт. Она принадлежит другому и хранится здесь по его воле! Я спрашивал, можно ли спрятать её в Отделе Тайн. Но он был против — он сказал, что эта вещь должна быть за охранными чарами Хогвартса, в месте, защищённом Основателями...

Дамблдор провёл рукой по лбу.

— Нет, — его голос стал тише. — Я не могу перекаладывать вину на него. Он прав. Слишком много силы в этой вещи, слишком много того, чего желает человек. Я согласился, что ловушку нужно поставить в стенах Хогвартса, в месте моей силы, — волшебник склонил голову. — Я знал, что Волдеморт ухитрится каким-то образом проникнуть сюда, и хотел поймать его. Но я не думал, не мог даже представить, что он задержится в крепости врага хоть на минуту больше необходимого.

— Но, — с некоторым удивлением спросил Северус, — зачем Тёмному Лорду могла понадобиться смерть единственного наследника Люциуса?

— Всё по порядку, — резко сказал Гарри. — Вычисление мотивов того, кто стоит за этим, не является первостепенным. Самое приоритетное на данный момент то, что невинная ученица Хогвартса — в беде!

Зелёные и голубые глаза скрестились...

— Верно, мистер Поттер, — слова просто сошли с её языка, она даже не успела подумать. — Альбус, кто присматривает сейчас за мисс Грейнджер?

— К ней отправился профессор Флитвик, — отозвался директор.

— Ей нужен адвокат, — сказал Гарри. — Любому, кто ляпнул полицейским «Это сделал я»...

— К сожалению, — в голос Минервы помимо её воли прокралась привычная чопорность профессора МакГонагалл, — я сомневаюсь, что услуги юриста могут пригодиться мисс Грейнджер, мистер Поттер. Она предстанет перед судом Визенгамота, и крайне маловероятно, что они освободят её из-за какой-либо формальности.

Гарри посмотрел на неё с таким выражением недоверия, словно она предложила кинуть Гермиону в костёр.

— Она права, мистер Поттер, — тихо сказал Северус. — В этой стране защитники участвуют в очень малом количестве судебных процессов.

Гарри приподнял очки и быстро потёр глаза.

— Ладно. Как именно мы снимем Гермиону с крючка? Я полагаю, раз здесь нет адвокатов, то слишком самонадеянно ожидать, что судьям настолько хорошо знакомы понятия «здравого смысла» и «априорной вероятности», чтобы они понимали, что двенадцатилетние девочки не совершают хладнокровных убийств?

— Она предстанет перед Визенгамотом, — повторил Северус, — перед старейшими Благородными Домами и другими влиятельными волшебниками, — на лице зельевара отразился привычный для него сарказм. — Что же до ожиданий... полагаю, с тем же успехом вы можете ожидать, что они приготовят вам бутерброд, Поттер.

Гарри кивнул.

— Какое наказание грозит Гермione? Сломанная палочка и исключение из школы...

— Нет, — ответил Северус. — Всё не так просто. Поттер, вы намеренно делаете вид, что не понимаете? Она предстанет перед Визенгамотом. Не существует свода наказаний, только голосование.

Гарри Поттер пробормотал:

— «Как грянет гром, весь ваш закон становится напрасным. Мы будем слушаться мужей, и будет всё прекрасно»...^{*} Значит никаких ограничивающих юридических правил нет?

Свет померк в глазах за очками-полумесцами. Старый волшебник ответил спокойно и осторожно:

— Юридически, Гарри, мы имеем дело с долгом крови Гермione Грейнджер Дому Малфоев. Лорд Малfoy предложит способ вернуть этот долг, и Визенгамот будет голосовать по его предложению. Вот и всё.

— Но... — медленно выговорил Гарри. — Люциус был распределён в Слизерин, он должен осознать, что Гермиона лишь пешка. Что она не та, на кого нужно злиться. Так?

— Нет, Гарри Поттер, — тяжело сказал Альбус. — Это ты хочешь, чтобы Люциус так думал. Но сам Люциус Малфой... не разделит твою точку зрения.

Гарри смотрел на директора. Его взгляд похолодел. Минерве пришлось ещё сильнее задавить свои эмоции, перестать расхаживать и постараться дышать ровнее.

Она пыталась не думать об этом, пыталась отвернуться, но она знала. Она знала с тех пор, как услышала новость. Она видела это в глазах Альбуса...

— Её приговорят к высшей мере? — тихо спросил Гарри. От тона его голоса по спине Минервы побежали мурашки.

— Нет! — воскликнул Альбус. — Не Поцелуй, не Азкабан, не для первокурсницы Хогвартса. Наша страна ещё не настолько потеряна, ещё нет.

— Но Люциус Малфой, — бесстрастно добавил Северус, — точно не удовлетворится лишь тем, что её сломают палочку.

— Ладно, — объявил Гарри. — Насколько я понимаю, у нас два основных пути нападения. Путь первый — найти настоящего преступника. Путь второй — прочие способы воздействия на Люциуса. Профессор Квиррелл спас жизнь Драко, значит ли это, что теперь у Дома Малфоев долг крови перед ним, который он может использовать, чтобы окупить долг Гермионы?

Минерва опять изумлённо моргнула.

— Нет, — ответил Дамблдор, мотнув головой. — Хорошая идея, но нет, Гарри. Боюсь, что нет. Если Визенгамот заподозрит, что обстоятельства, приведшие к долгу крови, были созданы умышленно, этот случай станет исключением. И профессор Защиты едва ли выше таких подозрений. Люциус будет возражать.

Гарри коротко кивнул.

— Директор. Знаю, я говорил, что не буду... но в данных обстоятельствах... тот раз, когда Драко использовал на мне пыточное проклятье, — будет ли это считаться достаточным долгом...

— Нет, — ответил старый волшебник (у Минервы вырвалось «Что?!»), а Северус поднял бровь. — И тогда бы этого не хватило, а сейчас это уже вовсе не долг. Ты окклюмент и тебя нельзя проверить Веритасерумом. А Драко Малфоя могут стереть память об этом прежде, чем он сможет подтвердить, — Альбус вдруг

замаялся. — Гарри... чем бы ты ни занимался с Драко, скорее всего, Люциус скоро об этом узнает.

Гарри закрыл лицо руками.

— Он даст ему Веритасерум.

— Да, — тихо подтвердил Альбус.

Мальчик-Который-Выжил ничего не ответил, просто сидел, закрыв лицо руками.

На лице зельевара отразилось полнейшее изумление.

— Драко действительно хотел помочь мисс Грейнджер? — спросил он. — Вы... Поттер, вы на самом деле...

— Изменил его? — Гарри не открывал лицо. — Где-то на три четверти. Научил его чарам Патронуса и всё такое. Я не знаю, что теперь будет.

— Сегодня Волдеморт нанёс нам тяжёлый удар, — сказал Альбус. В его голосе были те же эмоции, что и в позе мальчика, спрятавшего лицо в ладони. — Он забрал две наши фигуры одним... Нет. Мне следовало понять раньше. Он забрал одним ходом две фигуры Гарри. Волдеморт вновь начал свою игру, но не против меня, а против Гарри. Волдеморт знает пророчество, он знает, кто будет его последним врагом. Он не стал ждать, пока Гермiona Грейнджер и Драко Малfoy вырастут и встанут на сторону Гарри. Он ударил по ним сейчас.

— Может, это Сами-Знаете-Кто, а может и нет, — ответил Гарри. Его голос немного дрожал. — Давайте не будем досрочно сужать пространство гипотез.

Он вздохнул и убрал ладони с лица.

— Второе, что мы можем сделать до суда, — это достать настоящего преступника... Или хотя бы найти весомые доказательства, что это сделал кто-то другой.

— Мистер Поттер, — обратилась Минерва, — профессор Квиррелл сообщил аврорам, что знает кого-то с мотивом причинить вред мистеру Малfoy. Может, вы знаете, кого он имеет в виду?

— Да, — после паузы ответил Гарри. — Но, думаю, эту часть расследования я проведу с профессором Защиты... Так же как мы проводим расследование в отношении профессора Квиррелла, пока его здесь нет.

— Он подозревает меня? — коротко усмехнулся Северус. — Ну, конечно.

— Я планирую, — продолжил Гарри, — осмотреть зал трофеев, где произошла предполагаемая дуэль — вдруг найдётся что-нибудь

необычное. Если вы скажете ведущим расследование аврорам, чтобы они пустили меня....

— Каким аврорам? — сказал Северус ровным голосом.

Гарри Поттер набрал в грудь воздуха, медленно выдохнул и сказал.

— В детективных историях преступления обычно расследуются дольше одного дня. Но двадцать четыре часа — это... нет, тридцать часов — это тысяча восемьсот минут. И я знаю по крайней мере ещё одно важное место, где можно поискать улики... Хотя это должен сделать кто-то с доступом в спальни когтевранок. Когда Гермиона сражалась с хулиганами, она каждое утро находила под подушкой записки, сообщавшие, куда нужно идти, чтобы...

— Альбус... — подняла голос Минерва.

— Я их не посылал, — старый волшебник удивлённо приподнял брови. — Я ничего об этом не знаю. Гарри, ты думаешь, её направляли?

— Возможно, — ответил Гарри. — Более того, есть ещё одна часть головоломки, о которой вы не знаете, — его голос притих, стал более напряжённым. — Директор, я уже говорил, что получил мантию-невидимку своего отца от кого-то, кто оставил записку под моей подушкой, в которой было написано, что это ранний подарок на Рождество. Я думаю, можно предположить, что это та же самая личность, которая оставляла записки для Гермионы...

— Гарри, — обратился старый волшебник и на мгновение замялся. — Возвращение тебе мантии отца не кажется мне поступком врага...

— Послушайте, — напряжённо сказал Гарри. — Часть, о которой вы не знаете, случилась после побега Беллатрисы Блэк из Азкабана. Я нашёл под подушкой ещё одну записку, с подписью «Санта Клаус». Писавший сообщал, что знает, что меня запирают в Хогвартсе и что он предоставляет мне путь для побега в Школу Салемских Ведьм в Америке. Вместе с запиской была колода карт, в которой король червей предположительно является порталом...

— Мистер Поттер! — воскликнула профессор МакГонагалл. — Это могла быть попытка похищения! Вы должны были сообщить...

— Да, профессор, я поступил разумно, — спокойно ответил мальчик. — В тех обстоятельствах я поступил разумно. Я сообщил профессору Квирреллу. И согласно его словам, портал ведёт куда-то в Лондон: он явно недостаточно силен для переноса в другую страну. Но вполне возможно, что человек, пославший записку, честен, и место в Лондоне — просто пересадочная станция.

Мальчик вытащил из мантии колоду карт и записку.

— Я бы хотел, чтобы вы переместились туда, не открывая сразу огонь — то есть не кидаясь проклятиями — на случай если отправитель — ваш или мой союзник. Но поскольку это может быть ловушкой, думаю, надо переместиться немедленно. И кто бы там ни был — его нужно взять живым, чтобы показать Визенгамоту — не могу преувеличить важность этой задачи.

Северус поднялся со своего кресла и целеустремлённо двинулся к Гарри.

— Мне нужен ваш волос для Обратного зелья, мистер Поттер...

— Давайте не будем спешить! — сказал Альбус. — Мы ещё не проверили сообщения, полученные мисс Грейнджер. Между ними может и не быть связи. Северус, поищи их в её спальне.

Брови Гарри Поттера взлетели вверх. Он уже стоял, подставив голову, чтобы зельевару было удобнее добраться до его волос.

— Вы думаете, по Хогвартсу ходят и оставляют записки под подушками два разных человека?

Северус иронично усмехнулся. Он выдернул волос из беспорядка на голове Гарри и аккуратно завернул в шёлковый платок.

— Не исключено. Если я что-то и усвоил за время работы деканом Слизерина, так это, что там, где есть несколько интригующих и несколько планов, возникает чудовищная неразбериха. Но, я думаю, мистер Поттер прав, директор. Мне стоит воспользоваться этим порталом и посмотреть, куда он ведёт.

Альбус замялся, потом неохотно кивнул.

— Я хочу ещё поговорить с тобой до того, как ты отправишься...

* * *

Едва Гарри Поттер покинул комнату, чтобы провести своё собственное расследование, Северус резко развернулся и устремился к банке с дымолётным порошком. Полы его мантии взметнулись.

— Я за заготовкой для Обратного зелья. Добавлю волос, и сразу же отправлюсь. Директор, вы подождёте, чтобы...

— Альбус, — Минерва сама удивилась тому, как ровно прозвучал её голос, — это вы оставляли записки под подушкой мистера Поттера?

Рука Северуса остановилась за мгновение до того, как отправить дымолётный порошок в огонь.

Дамблдор кивнул, хотя его улыбка выглядела немного пустой:

— Моя дорогая, вы слишком хорошо меня знаете.

— И я полагаю, что портал настроен на один из безопасных домов, где мистер Поттер будет пребывать в целости и сохранности, пока вы не заберёте его обратно в Хогвартс? — напряжённо продолжила она.

Поступить так было без сомнений разумно, но, тем не менее, это выглядело немного жестоко.

— В зависимости от обстоятельств, — тихо ответил старый волшебник, — если бы Гарри зашёл так далеко... Что же, возможно, мне стоило бы позволить ему сбежать на какое-то время. В конце концов, всегда лучше знать где он, знать, что он в безопасности и среди друзей...

— Подумать только, — сказала профессор МакГонагалл, — и я ещё собиралась отчитать мистера Поттера за то, что он скрыл от нас важные сведения! Собиралась упрекнуть его в том, что он не доверяет нам! — она повысила голос. — Полагаю, мне стоит пропустить эту лекцию!

Северус перевёл взгляд на директора, глаза его сузились:

— А записки для мисс Грейнджер...

— Профессор Защиты, скорее всего, — ответил старый волшебник, — но это только догадка.

— Я попробую их найти, — сказал Северус, — а затем, полагаю, начну искать Того-Кого-Нельзя-Называть.

Он нахмурился.

— Хотя у меня нет ни малейшего представления, с чего начать. Директор, вам известны какие-нибудь заклинания для поиска душ?

* * *

Класс прорицаний освещался сотней тусклых огоньков от курильниц, в которых сжигалась сотня разновидностей ладана. Если спросить, какое слово больше всего подходит для описания этой комнаты, то ответ будет «дым». (Это, конечно, если у вас ещё останутся силы смотреть по сторонам, когда ваш нос грозит умереть от перенасыщения.) Если же ваш взгляд сможет преодолеть густой смог, то вы увидите небольшую, загромождённую комнату, в которой сорок мягких, большей частью незанятых кресел расположены вокруг небольшого пустого пространства в центре комнаты, где находится люк — единственный выход из этой комнаты.

— Грим! — воскликнула профессор Трелони с дрожью в голосе, заглядывая в чашку Джорджа Уизли. — Грим! Это знак смерти!

Один из ваших знакомых, Джордж... тот, кого вы знаете, умрёт! И это случится скоро... да, это случится очень скоро, я думаю... или же чуть позже...

Было бы гораздо страшнее, думали Фред с Джорджем, если бы она не говорила то же самое абсолютно каждому ученику, посещающему уроки прорицания. И в данный момент они практически не обращали внимания на её речь, все их мысли были заняты сегодняшним происшествием...

Люк в центре комнаты с грохотом распахнулся, профессор Трелони вскрикнула и расплескала чай Джорджа прямо на его мантию. Секунду спустя в комнату из-под пола влетел Дамблдор. На его плече восседала огненная птица.

— Фред! — скомандовал старый волшебник. Его мантия была черна, как безлунная ночь, а глаза тверды, как пара голубых алмазов. — Джордж! За мной, быстро!

Общий вздох удивления разнёсся по комнате. И пока Фред и Джордж спускались по лестнице вслед за директором, весь класс уже начал строить догадки о том, какую роль они сыграли в покушении на Драко Малфоя.

Люк с грохотом захлопнулся за ними, и сразу же все звуки вокруг исчезли. Старый волшебник развернулся и требовательно протянул руку:

— Карту!

— К-карту? — ошарашенно переспросил Фред, или Джордж. Они даже не подозревали, что Дамблдор подозревал. — Эм-м, м-мы не знаем ни о какой...

— Гермiona Грейнджер в беде, — сказал старый волшебник.

— Карта в нашей спальне, — последовал немедленный ответ. — Дайте нам пару минут, и мы...

Руки волшебника сгребли их, словно они были маленькими подушками. Пронзительный крик, вспышка света, и они оказались в спальне гриффиндорцев-третьекурсников.

Спустя пару мгновений Фред с Джорджем уже протягивали Карту директору, слегка содрогаясь от творящегося святотатства: они отдавали драгоценный кусочек хогвартских систем безопасности его законному владельцу. Посмотрев на видимую чистоту пергамента, старый волшебник нахмурился.

— Нужно сказать, — пояснили они, — торжественно клянусь, что замышляю шалость и только...

— Я отказываюсь лгать, — сказал старый волшебник. Он поднял Карту и закричал. — Услышь меня, Хогвартс! *Делигитор проди!*

В тот же миг на голове волшебника оказалась Распределяющая шляпа, которая выглядела до ужаса на своём месте. Словно Дамблдор всю жизнь искал остроконечную, залатанную шляпу, которая бы придала завершённость всему его существованию.

(Фред и Джордж запомнили эту фразу на случай, если это заклинание может использовать кто-то ещё, помимо директора, и даже начали строить планы розыгрышей с участием Распределяющей шляпы.)

Не теряя ни секунды, старый волшебник сорвал с головы Шляпу и перевернул её. Сложно сказать наверняка, но Шляпа, похоже, была слегка не в себе от такого обращения. Рука директора нырнула внутрь и вытащила хрустальный жезл. Этим инструментом он начал выводить над Картой фигуры, отдалённо похожие на руны, бормоча при этом странные заклинания, которые немного отличались от латыни и отзывались в ушах близнецов пугающим эхом. Не прекращая движений, он резко повернулся в их сторону.

— Я верну её вам позже, сыны Уизли. Возвращайтесь в класс.

— Да, директор, — ответили они и на мгновение замялись. — Э-э... а Гермиона Грейнджер, она в самом деле будет вечно служить Драко Малфою в качестве...

— Ступайте! — приказал старый волшебник.

И они ушли.

Старый волшебник остался в комнате один. Он вновь посмотрел на карту. На ней чёткими линиями была изображена спальня гриффиндорцев, в которой он находился, а единственным именем на карте прописью значилось: Альбус П. В. Б. Дамблдор.

Старый волшебник разгладил карту, наклонился над ней и прошептал: «Найди Тома Риддла».

* * *

Обычно в комнате для допросов Департамента магического правопорядка горел маленький оранжевый огонёк. Когда дознаватель наклонялся к сидящему на неудобном металлическом стуле человеку, которого он допрашивал, лицо аврора почти целиком оказывалось в тени. Таким образом дознаватель мог читать выражение лица допрашиваемого и одновременно скрывать своё.

Как только мистер Квиррелл вошёл в комнату, маленький оранжевый огонёк померк и начал мигать, как свеча на ветру. Комнату залило не имеющее источника ледяное свечение, в котором кожа

мистера Квиррелла стала бледной, как алебастр, и лишь его глаза почему-то оставались во тьме.

Дежуривший снаружи аврор тайком предпринял четыре попытки убрать это свечение, которые не увенчались успехом, несмотря на то, что мистер Квиррелл любезно отдал свою палочку до начала дознания, не произносил заклинаний и вообще никак не проявлял свою силу.

— Квиринус... Квиррелл, — протянул человек напротив вежливо ожидавшего его профессора Защиты. У дознавателя была густая, похожая на львиную гриву, каштановая шевелюра. На расчерченном прямыми морщинами лице сидели желтоватые глаза. Судя по всему, мужчине было около ста лет. В данный момент он пролистывал толстую папку пергаментов, которую достал из чёрного, очень солидного портфеля после того, как прохромал в комнату и сел, не глядя на человека, которого намеревался допрашивать. Он не представился.

Какое-то время аврор просто листал пергаменты, затем вновь заговорил.

— Родился 26-го сентября 1955 года. Мать — Квондия Квиррелл, имевшая связь с Лиринусом Ламблангом... — зачитал аврор. — Распределён в Когтевран... довольно неплохие СОВы... ТРИТОН по Заклинаниям, трансфигурации... «Превосходно» по магловедению, впечатляет... Древние руны и, ах да — Защита. Также на «превосходно». Много путешествовал, посещая самые разные страны. Визы на порталы в Трансильванию, Запретную империю, город Бесконечной Ночи... так, так, Техас.

Человек оторвался от чтения досье и прищурился.

— Что вы делали там, мистер Квиррелл?

— Любовался видами, преимущественно на магловской стороне, — непринуждённо ответил профессор Защиты. — Как вы и сказали, я много путешествовал.

Человек выслушал ответ, нахмурился, посмотрел в пергамент и снова поднял голову.

— Также я вижу, вы посещали город Фуюки в 1983 году*.

Профессор Защиты удивлённо приподнял бровь.

— И что?

— Что вы делали в Фуюки? — быстрый и резкий вопрос.

Профессор Защиты слегка пожал плечами.

— Ничего особенного. Посетил несколько известных достопримечательностей, несколько менее известных достопримечательностей, об остальном предпочту умолчать.

— В самом деле? — тихо спросил аврор. — Довольно интересный ответ.

— Чем же? — спросил профессор Защиты.

— Тем, что у вас нет визы в Фуюки, — человек звучно захлопнул папку. — Вы не Квинус Квинус. Так кто же вы, чёрт побери?

* * *

Зельевар тихо прошёл в спальню Когтеврана, спальню первокурсниц — нарядная комната, где бронзовый и синий цвета чередовались в расцветке мягких игрушек, шарфов, платьев, мелкой дешёвой бижутерии и постеров знаменитостей. Определить кровать Гермионы Грейнджер не составило труда — на неё словно напало книжное чудовище.

Спальня пустовала, несколько заклинаний помогли узнать это наверняка.

Профессор зельеварения поискал под подушкой, под кроватью, а потом начал рыться в сундуке, разбирая те предметы, о которых можно было бы упомянуть, и те, о которых упоминать не следует — в обоих случаях выражение его лица не менялось. Наконец он нашёл стопку бумаг, в которых описывалось место и время, где можно застать хулиганов. Все записки были подписаны лишь замысловатой буквой «С.»

Короткая огненная вспышка, и с записками было покончено. Зельевар отправился отчитываться о провале своей миссии.

* * *

Профессор Защиты сидел спокойно, его руки по-прежнему были сложены на коленях.

— Если вы осведомитесь у Альбуса Дамблдора, — сказал он, — то узнаете, что он в курсе, и я согласился преподавать Защиту с обязательным условием, что тайна моей личности...

Молниеносным движением аврор взмахнул палочкой и гаркнул: «*Полифлюс Реверсо!*». Одновременно с этим профессор Защиты чихнул, и серебряный луч рассыпался фонтаном белых искр.

— Извините, — вежливо сказал профессор Защиты.

В улыбке аврора не было даже намёка на веселье.

— Так где же настоящий Квинус Квинус, а? Лежит где-нибудь под Империсом на дне сундука, а вы время от времени нелегально варите Оборотное зелье из его волос?

— У вас очень спорные допущения, — резко ответил профессор Защиты. — Что заставляет вас думать, что я не похитил его тело целиком с помощью невероятно Тёмной магии?

Последовала довольно ощутимая пауза.

— Я рекомендую вам, — сказал наконец аврор, — отнестись к этому серьёзно, мистер Как-Вас-Там.

— Простите, — профессор Защиты вновь откинулся на спинку стула, — но я не вижу особых причин скромничать в этом вопросе. И что вы будете делать, убьёте меня?

— Мне не нравится ваш юмор, — тихо ответил аврор.

— Какая незадача, Руфус Скримджер, — отозвался профессор Защиты. — Глубоко вам сочувствую.

Он наклонил голову вбок, изучающе глядя на дознавателя, и его глаза, скрытые тенью от ледяного света, заметно сверкнули.

* * *

Падма сидела, уставившись в свою тарелку.

— Просто так Гермиона бы этого не сделала! — кричала Мэнди Брокльхерст, чуть не плача, впрочем её лицо уже было залито слезами. В другое время её крик был бы слышен по всему Большому залу, но сейчас многие кричали друг на друга. — Я... я уверена, Малфой хотел... хотел сделать с ней что-то нехорошее...

— Наш генерал так не поступил бы никогда! — Кевин Энтвистл орал даже громче Мэнди.

— Ну да, конечно! — кричал Энтони Голдштейн, — Малфой — сын Пожирателя Смерти!

Падма смотрела в свою тарелку.

Драко был генералом её армии.

Гермиона была основателем ЖОПРПГ.

Драко доверил ей место своего заместителя.

Гермиона была её подругой-когтевранкой.

Оба они были её друзьями, возможно, двумя её лучшими друзьями.

Падма смотрела в свою тарелку. Она радовалась, что Распределяющая шляпа не предложила ей Пуффендуй. Если бы она попала в Пуффендуй, то наверное было бы намного больнее пытаться решить, кому она более верна... Она сморгнула, поняла, что взгляд её опять затуманился, и снова поднесла дрожащую руку, чтобы вытереть слёзы.

Морэг МакДугал фыркнула так оглушительно, что даже перебила общую сумятицу, творившуюся за обедом, и громко заявила:

— Готова поспорить, Грейнджер во вчерашней битве жульничала, и поэтому Малфой вызвал её...

— Так, все — **ЗАТКНИТЕСЬ!** — проревел Гарри Поттер и ударил по столу кулаками. От силы удара по всей длине стола звякнули тарелки.

В любое другое время он бы получил за это выговор от профессоров, но сейчас он привлёк только взгляды нескольких учеников поблизости.

— Я хотел пообедать, — сказал Гарри Поттер, — и вернуться к расследованию, и не собирался ввязываться в разговоры. Но вы все ведёте себя как дураки, и когда правда выйдет наружу, вы все пожалеете о том, что вы говорили о невиновных. Драко ничего не делал, Гермиона ничего не делала, на них обоих наложили заклинание Ложной памяти! — на последних словах его голос поднялся. — Как это может быть, чёрт возьми, **НЕ ОЧЕВИДНО?!**

— И ты думаешь, мы поверим в это?! — заорал в ответ Кевин Энтвистл. — Все так говорят! Это был не я, это просто заклинание Ложной памяти! Ты думаешь, мы идиоты?!

Мораг, сидевшая рядом с ним, снисходительно кивнула.

Выражение, проступившее на лице Гарри, заставило Падму вздрогнуть.

— Понятно, — сказал Гарри Поттер. Он не кричал, поэтому Падме пришлось прислушиваться. — Здесь нет профессора Квиррелла, чтобы объяснить мне, насколько глупы люди, но уверен, в этот раз я справлюсь самостоятельно. Люди совершают глупости, их ловят и дают им Веритасерум. И они не романтические гениальные злодеи, поскольку таких невозможно поймать — те вовремя учатся окклюменции. Речь о жалких некомпетентных преступниках, которых поймали, из которых выбили признание Веритасерумом, и они так отчаянно не хотят в Азкабан, что говорят, что на них использовали заклинание Ложной памяти. Всё так? И твой мозг, рефлекторно, как собака Павлова*, связал идею заклинания Ложной памяти с жалкими преступниками и их невнятными отговорками. И тебе нет нужды изучать какие-то детали. Твой мозг просто по шаблону выбрасывает гипотезу в кучу, где лежит то, во что ты не веришь, и на этом раздумья закончены. Прямо как мой отец, который не допускал, что гипотеза существования магии может быть верна, потому что слышал много раз, как о магии рассуждают глупцы. Верить в гипотезу, включающую в себя заклинание Ложной памяти, не принято.

— Чего ты там бормочешь? — Мораг, вздёрнув нос, посмотрела на Мальчика-Который-Выжил.

— Ты думаешь, мы поверим хотя бы одному твоему слову? — крикнул когтевранец постарше, которого Падма не знала. — После того как именно ты обратился Грейнджер во Тьму?

— Я не буду жаловаться, — страшно спокойным голосом продолжил Гарри, — на волшебников без зачатков логики, верящих во всякий бред. Однажды я попробовал сказать об этом профессору Квирреллу — он просто посмотрел на меня и ответил, что если бы я не был ослеплён своим воспитанием, то обнаружил бы сотни ещё более абсурдных вещей, в которые верит множество маглов. То, что вы все делаете, — очень по-человечески, очень нормально, и не делает вас необычно плохими, так что я не буду жаловаться.

Мальчик-Который-Выжил встал из-за стола.

— Увидимся позже.

И Гарри Поттер ушёл от них, ушёл от них всех.

— Ты же не думаешь, что он всё-таки прав? — спросила сидевшая рядом Су Ли. По её интонации было совершенно понятно, что думает она.

— Я... — начала было Падма. Казалось, слова застревают в гортани, а мысли — в голове. — Я... То есть... Я...

* * *

Если достаточно усердно думать, можно сделать невозможное. (Гарри всегда верил в это утверждение. Было время, когда он считал, что есть ограничения, которые накладывают законы физики, но теперь он подозревал, что ограничений нет вовсе.)

Если думать достаточно быстро, то иногда можно сделать невозможное быстро...

...иногда.

Только иногда.

Не всегда.

Не наверняка.

Мальчик-Который-Выжил осматривал зал трофеев. Его окружали награды, кубки, доспехи, щиты, статуи и медали, которые хранились в тысячах, возможно, в десятках тысяч стеклянных витрин. Все века существования Хогвартса этот зал собирал награды. Недели, месяца, может, даже года не хватит, чтобы проверить каждый предмет в комнате. В отсутствие профессора Флитвика, Гарри спросил профессора Вектор, есть ли способ обнаружить повреждения чар вокруг стеклянных витрин, поскольку таковые должны были остаться после

настоящей дуэли. Гарри пронёсся по библиотеке Хогвартса в поисках заклинания, которое различит старые и новые отпечатки пальцев или позволит засечь следы дыхания в комнате. Все попытки изобразить детектива провалились.

Улик не было. Или он оказался недостаточно умён, чтобы их найти.

Профессор Снейп сказал, что портал привёл его в пустой дом в Лондоне, без каких-либо признаков хозяев.

Профессор Снейп не нашёл записок в спальне Гермионы.

Директор Дамблдор сказал, что Волдеморт, вероятно, скрывается в Тайной Комнате, где охранные чары Хогвартса не могут его найти. Гарри надел Мантию невидимости, пробрался в слизеринские подземелья и потратил остаток дня, изучая все напрашивающиеся места, но не нашёл ничего змееподобного, что отозвалось бы на его обращение. Похоже, в этот день вход в Тайную Комнату не хотел, чтобы его нашли.

Гарри пообщался со всеми друзьями Гермионы, которые всё ещё хотели разговаривать с ним, и никто из них не помнил, чтобы Гермиона говорила что-то конкретное о том, почему она верила, что Драко строит козни против неё.

Настало время ужина, а профессор Квиррелл так и не вернулся из Министерства. Старшекурсники, похоже, полагали, что в этом году профессора Защиты обвинят в случившемся и уволят за то, что из-за него ученики стали слишком жестокими. Они обсуждали профессора Квиррелла так, будто он уже не вернётся.

Гарри использовал все шесть часов Маховика, но улики по-прежнему не было, и ему нужно было ложиться спать, если он хотел полноценно функционировать завтра на суде Гермионы.

Мальчик-Который-Уничтожил-Дементора стоял посреди зала трофеев Хогвартса.

Его палочка упала к ногам.

Он плакал.

Иногда человек взывает к своему мозгу и не получает ответа.

Суд над Гермионой Грейнджер на следующий день начался в назначенное время.

Цена бесценного. Часть 2. Эффект гурной славы

Древнейший Зал Визенгамота прохладен и мрачен. Концентрические каменные полуокружности поднимаются от центра, на каждой из них располагаются простые деревянные скамьи. Источника света не видно, но тем не менее помещение хорошо освещено — без каких-либо очевидных причин. То, что зал хорошо освещён, просто является данностью. Стены, также как и пол, созданы из камня, тёмного камня, и весь этот камень вокруг выглядит настолько элегантно и таинственно, что завораживает взгляд. Кажется, что спокойная текстура течёт и изменяется под его поверхностью. Это Древнейший Зал, самое старое магическое строение, дошедшее до наших дней. Прочие места силы были уничтожены в тех или иных войнах. Это Зал Визенгамота, и он является древнейшим, потому что войны закончились с его возведением.

Зал Визенгамота... Существуют и более древние места, но все они скрыты. Легенды гласят, что стены из тёмного камня были сотканы, созданы, проявлены в реальность Мерлином, который собрал всех самых могущественных волшебников, какие остались в мире, и те с благоговением признали его главным среди них. Но пророки (продолжали легенды) всё равно говорили, что ещё недостаточно сделано для предотвращения конца света и магии. И тогда (как рассказывалось далее) Мерлин пожертвовал своей жизнью, своей магией и отмеренным ему временем, чтобы наложить Запрет Мерлина. У деяния была своя цена — место, подобное этому, не может быть построено с помощью любой известной в наши дни магии. Но это место также нельзя и уничтожить. Даже если здесь прои-

зойдёт ядерный взрыв, стены из тёмного камня останутся невредимы и, скорее всего, даже не нагреются. Жаль, больше никто не знает, как построить такое.

На последнем из возвышающихся ярусов Визенгамота, на самом верхнем уровне тёмного камня, располагается кафедра. За кафедрой стоит старик с лицом, покрытым морщинами забот, и седой бородой до пояса — Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор. В его правой руке палочка, на плече восседает огненная птица. Левая рука сжимает короткий жезл, тонкий и простой, из того же камня, из которого сделаны стены вокруг — символ Непрерывной Линии Мерлина, знак верховного чародея. Карен Даттон в последний день своей жизни завещала его Альбусу Дамблдору, спустя всего лишь несколько часов после того, как тот полумёртвый, с пламенеющим фениксом на плече вернулся из боя с Гриндевальдом. А она получила жезл от перфекциониста Никодемуса Капернаума. Со дня, когда Мерлин пожертвовал своей жизнью, волшебники передавали жезл своему избранному наследнику. Вот почему (если вы задавались этим вопросом), хотя волшебная Британия и выбрала Корнелиуса Фаджа своим Министром, Верховным чародеем был всё же Альбус Дамблдор. Не по закону (ибо писанные законы можно переписать), а по древнейшей традиции Визенгамот не выбирал того, кто должен умерять их глупость. Со дня жертвы Мерлина, самым главным долгом всех верховных чародеев был совершаемый с высочайшей осторожностью выбор человека, с одной стороны хорошего, с другой — способного в свою очередь найти хорошего наследника. Можно было бы ожидать, что цепь света прервётся в течение веков, собьётся хотя бы раз и угаснет навсегда, но этого не произошло. Линия Мерлина продолжается. Непрерывно.

(По крайней мере так утверждает фракция Дамблдора. Лорд Малфой скажет обратное. А в Азии вам расскажут совершенно другие легенды, которые, впрочем, могут и не противоречить британским.)

В центре платформы на самом нижнем уровне Древнейшего Зала стоит простое кресло с высокой спинкой, ножками и подлокотниками. Кресло из тёмного металла, а не камня, поскольку поставил его там не Мерлин.

Здание Министерства, выросшее вокруг этого места, украшено деревянными панелями и позолотой. Яркое, полное огней, наполненное самодовольной глупостью. Но этот зал — другой. Это каменное сердце магической Британии, здесь нет ни позолоты, ни деревянных панелей, ни ярких огней.

В зал торжественно вступают ведьмы и волшебники в фиолетовых мантиях, на которых вышита серебряная литера «В». Они движутся с важностью, по которой видно: они прекрасно знают, что они ужасно, ужасно значимые персоны. В конце концов, они же собираются в Древнейшем Зале. Они — лорды и леди Визенгамота, и они считают себя самыми выдающимися людьми самой выдающейся магической державы в мире. Прочие люди преклоняют перед ними колени в мольбах. Они могущественны, они богаты, они благородны. Ну разве они не замечательны?

Альбус Дамблдор знает каждого из присутствующих. Он учил многих из них, но лишь немногие научились. Некоторые — его союзники, некоторые — противники, остальных он обхаживает в осторожном танце нейтралитета. Но для него все они прежде всего люди.

Нынешний профессор Защиты Хогвартса, если бы вы спросили его мнение об этих лордах и леди, сказал бы, что, пусть многие из них и целеустремлённы, лишь немногие из них имеют цель. Он указал бы, что Визенгамот — это место, куда стремятся подобные им, Визенгамот — это такая возможность, за которую люди хватаются, когда у них не находится идей получше. Такие люди редко когда бывают интересны, но, зачастую, они полезны — как фигуры, которыми манипулируют, как баллы, которые набирают настоящие игроки.

Немного в стороне от поднимающихся полуокружностей, на специальном ярусе для зрителей, рядом с ведьмой в остроконечной шляпе, на лице которой просматривается опаска, сидит мальчик, одетый в самые официальные одежды из тех, что у него есть. Его глаза, похожие на зелёные льдинки, глядят в пространство, его никак не занимает суeta лордов и леди. Для него они всего лишь собирающиеся шепчущихся мантий фиолетового цвета, украшение деревянных скамей, визуальный фон для сцены Древнейшего Зала. Если здесь и есть враг или что-то, чем можно манипулировать, едва ли это так называемый «Визенгамот». Богатая элита магической Британии сильна, когда она вместе, но поодиночке они стоят немного. Их цели слишком чужды и тривиальны, чтобы у них были собственные роли в этой истории. И потому сейчас мальчик не испытывает к ним ни приязни, ни вражды, поскольку его мозг не рассматривает их как обладающих достаточной волей, чтобы судить, что хорошо, а что плохо. Он — игрок, а они — декорации.

Этой точке зрения предстоит измениться.

Гарри невидящим взглядом скользил по залу Визенгамота. В этих стенах была история и древность, Гермиона, несомненно, устроила бы ему лекцию об этом месте на несколько часов. Фиолетовые мантии перестали прибывать, и карманные часы Гарри, минутная стрелка которых за полчаса сместилась лишь на три деления, показали, что суд вот-вот начнётся.

Профессор МакГонагалл сидела рядом. Её взгляд не отрывался от него дольше, чем на двадцать секунд.

Утром Гарри прочёл «Ежедневный пророк». Заголовок газеты гласил: «СУМАСШЕДШАЯ МАГЛОРОЖДЁННАЯ ПЫТАЕТСЯ ПРЕРВАТЬ ДРЕВНИЙ РОД», остальные страницы были схожего содержания. Когда Гарри было девять, ИРА взорвала британские казармы*. Он видел по телевизору, как политики спорят, выясняя, кто из них умеет громче всех возмущаться. И у Гарри тогда появилась мысль — несмотря на то, что он ещё ничего не знал про психологию — что все они словно соревнуются, кто из них сильнее разгневан. Казалось, даже если бы политики дошли до того, что предложили бы массированную ядерную бомбардировку Ирландии, всё равно никто не имел бы права сказать, что все они слишком разгневаны. Даже тогда он был поражён ощущимой пустотой их негодования, чувством, что они пытались заработать себе дешёвые очки, нападая на одну и ту же безопасную цель — хотя в том возрасте у него и не было слов, чтобы описать это.

При виде политического негодования Гарри всегда охватывало это ощущение лживости, но после прочтения дюжины статей в «Ежедневном пророке», обличающих Гермиону Грейнджер, было даже странно видеть, насколько очевидно эта лживость проявляется в данном случае.

Передовица, написанная каким-то незнакомым автором, призвала снизить минимальный возраст заключения в Азкабан просто для того, чтобы ненормальная грязнокровка, которая опорочила всю Шотландию своим диким, беспричинным нападением на единственного наследника Древнейшего дома в священных стенах Хогвартса, могла быть отправлена к дементорам, что было бы единственным соразмерным с тяжестью её неопишемого преступления наказанием. Только эта мера сможет остановить какого-нибудь чужака-недочеловека, которому в похожем безумии тоже покажется, что можно избежать неотвратимой и беспощадной кары со стороны великого

Визенгамота, тем, кто угрожает благородным аристократам и так далее, и так далее, и так далее.

В следующей статье говорилось то же самое, но менее красноречиво.

Ранее Альбус Дамблдор сказал ему:

— Я не буду пытаться не пустить тебя на этот суд, — голос старого волшебника был тих и твёрд. — Я легко могу предсказать, чем это закончится. Но я бы хотел, чтобы ты ответил мне такой же любезностью. Политика Визенгамота — тонкая материя, о которой ты не имеешь ни малейшего представления. За любую твою глупость расплачиваться будет Гермiona Грейнджер, и ты будешь помнить о своей глупости до конца своих дней, Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес.

— Я понимаю, — ответил Гарри. — Я знаю. Просто, если вы планируете вытащить кролика из шляпы и спасти ситуацию в последнюю минуту, когда всё кажется потеряно, пожалуйста, скажите об этом сейчас вместо того, чтобы заставлять меня сидеть и волноваться.

— Я бы не поступил так с тобой, — сказал старый волшебник и развернулся, чтобы уйти. Казалось на него нахлынула ужасная усталость. — И, конечно, не поступил бы так с Гермioniой. Но у меня нет кролика в шляпе, Гарри. Мы можем лишь узнать, чего хочет Люциус Малfoy.

Негромкий резкий удар, одиночный короткий звук каким-то образом погрузил в тишину весь зал и заставил Гарри резко повернуть голову и посмотреть вверх. Высоко над ним Дамблдор только что ударил по кафедре тёмным жезлом, который он сжимал в левой руке.

— Девяностое заседание двести восьмого собрания Визенгамота созвано по запросу лорда Люциуса Малfoя, — бесстрастно произнёс старый волшебник.

И сразу же в стороне от кафедры, но на том же верхнем ярусе поднялся высокий мужчина с длинными белыми волосами, рассыпавшимися по плечам его фиолетовой мантии.

— Я представляю свидетеля для допроса под сывороткой правды, — разнёсся по залу холодный голос Люциуса Малfoя — тщательно контролируемый так, что в нём слышался лишь лёгкий оттенок праведного гнева. — Введите Гермioniу, первую Грейнджер.

— Я прошу вас помнить, что она — первокурсница Хогвартса, — сказал Дамблдор. — Я не потерплю никаких оскорблений этого свидетеля...

Со скамьи кто-то весьма отчётливо произнес: «Ха!», и по залу разнеслось возмущённое фырканье и даже одно или два язвительных замечания.

Гарри уставился на фиолетовые мантии, прищулив глаза.

С растущим гневом пришло что-то ещё — поднимающееся чувство беспокойства, чего-то ужасно неправильного, как будто сама реальность была разорвана. Каким-то образом Гарри знал это, хотя и не мог понять, что именно было неправильно или почему ему казалось, что всё становится хуже...

— К порядку! — прорычал Дамблдор. Он дважды ударил каменным жезлом по кафедре, и два тихих щелчка перекрыли весь шум в зале. — Я требую соблюдать порядок!

Дверь, через которую ввели свидетеля, находилась точно под тем местом, где сидел Гарри, так что, только когда вся группа вошла в каменный зал, он увидел...

...троих авроров...

...Гермиону — она шла спиной к Гарри, и он не мог видеть её лица...

...сияющего серебристого воробья и светящуюся лунным светом белку за ними...

...и источник ужасной неправильности, наполовину скрытый рваным плащом.

Не осознавая, что делает, Гарри вскочил на ноги, и только профессор МакГонагалл, внезапно схватившая его за запястье, остановила руку, тянущуюся за палочкой. Профессор трансфигурации отчаянно зашептала:

— Гарри, всё в порядке, здесь патронус...

Потребовалось несколько секунд, чтобы Гарри пришёл в себя. Ибо та его часть, которая понимала, что Гермиона не оставлена без защиты перед дементором, вбивала хоть какое-то здравомыслие в остальные...

Но патронусы в форме животных не совершенны, — сказал другой голос в его голове. — Иначе бы Дамблдор не видел под плащом фигуру обнажённого человека, на которого больно смотреть. Ты почувствовал, как оно приближается, пусть там даже и есть патронусы-животные...

Профессор МакГонагалл потянула его вниз, и Гарри Поттер медленно опустился на своё место.

Но к этому времени он уже объявил войну магической Британии, и мысль о том, что другие люди назовут его Тёмным Лордом, больше не казалась хоть сколько-нибудь значимой.

Он увидел лицо Гермiony, когда она села в кресло. Она не держалась прямо и вызывающе, как тогда перед Снейпом, она не плакала, как тогда, когда её арестовывали авроры. Она просто села в кресло с выражением безучастного ужаса на лице, и тёмные металлические цепи змеями выползли из кресла и сковали ей руки и ноги.

Гарри не мог этого вынести. Даже не задумываясь, он постарался сбежать внутрь себя, сбежать в свою Тёмную Сторону, надеть холодную ярость на себя, как доспехи. Это заняло слишком много времени — он не погружался так глубоко в свою Тёмную Сторону с тех пор, как вернулся из Азкабана. И когда его кровь стала чем-то холодным, он снова поднял глаза и вновь увидел Гермionу в кресле и обнаружил, что его Тёмная Сторона понятия не имеет, что делать с такой болью — она пронзала его холодность, как нож, и ранила ничуть не меньше, чем раньше.

— Да это же Гарри Поттер! — раздался звонкий женский голос, тошнотворно сладкий и снисходительный.

Гарри медленно отвернулся от кресла и увидел улыбающуюся женщину с таким количеством макияжа, что её кожа выглядела почти розовой. Она сидела рядом с мужчиной, которого Гарри по виденным когда-то фотографиям опознал, как министра Корнелиуса Фаджа.

— Вы хотите что-нибудь сказать, мистер Поттер? — осведомилась женщина так радостно, словно они были не на суде.

Теперь на него смотрели и другие.

Гарри не мог говорить, все слова в его голове были слишком глупы, чтобы произнести их вслух. Он не мог придумать ничего, что сказал бы в такой ситуации Невилл. Дамблдор предупредил Гарри, что если кто-нибудь ещё захочет, чтобы Мальчик-Который-Выжил говорил, он должен вести себя на свой возраст.

— Директор сказал, что я не должен буду говорить, — у мальчика не совсем получилось сдержать резкость в голосе.

— О, но мы разрешаем тебе говорить, — с энтузиазмом произнесла женщина. — Я уверена, Визенгамот всегда рад услышать Мальчика-Который-Выжил! — рядом с ней кивал министр Корнелиус Фадж.

Лицо женщины было одутловатым и грузным, заметно бледным под макияжем. Почти неизбежно на ум приходило некое слово, и это слово было «жаба». Что, как сказала логическая часть Гарри, не может каким-либо образом коррелировать с моральностью. Только в диснеевских фильмах уродливые люди вероятнее всего являются злыми и наоборот. Эти фильмы, скорее всего, пишут сценаристы,

которые сами никогда не были уродливыми. Он был готов дать ей шанс, ведь все в этом зале заслуживают шанс...

— Потому что я избавил вас от Тёмного Лорда? — сказал мальчик и указал на дементора, который парил позади кресла Гермионы. — В этом зале есть кое-что более Тёмное.

Лицо женщины вытянулось и стало более суровым.

— Я понимаю, такого маленького мальчика, как вы, мистер Поттер, они могут пугать, но дементоры полностью послушны Министерству магии. И они, конечно же, необходимы для охраны...

— Двенадцатилетней девочки? — закричал мальчик. — Это самые Тёмные существа во всём мире, я почувствовал, как он приближался даже через патронусов — как приближалась... неправильность... он чудовищно злой, и он... он бы съел всех в этом зале, если бы мог! Его нельзя подпускать ни к одному ребёнку, никогда! Ни ко мне, ни к ней, ни к кому! Вы обязаны проголосовать, чтобы отослать его отсюда!

— Мы определённо не будем выносить это на голосование, — отрезала жабоподобная женщина.

— Достаточно, мадам Амбридж, мистер Поттер, — донёсся с высоты суровый голос Дамблдора. После короткой паузы старый волшебник добавил. — Хотя, конечно, мальчик прав по всем пунктам.

Кажется, после замечания Мальчика-Который-Выжил, некоторые из членов Визенгамота смутились. Ещё несколько яростно кивали словам старого волшебника. Но их было слишком мало. Гарри это видел. Их было слишком мало.

Затем принесли сыворотку правды, и краткое мгновение Гермиона выглядела так, словно она сейчас разрывается. Она смотрела на Гарри — нет, на профессора МакГонаггал — и профессор МакГонаггал беззвучно произнесла слова, которые Гарри не смог различить. Потом Гермиона проглотила три капли зелья, и её лицо обмякло.

— Гавэйн Робардс, — вкрадчиво сказал Люциус Малfoy. — Ваша беспристрастность известна нам всем. Не окажете нам честь?

Один из трёх авроров шагнул вперёд.

Мозг Гермионы воспроизводил содержание, записанное чарами Изменения памяти. После первых вопросов Гарри заткнул уши пальцами и отвернулся. Он не мог вынести притуплённую зельем муку в голосе Гермионы, подробно излагавшей фальшивые воспоминания. Его Тёмная Сторона тоже не могла ему помочь. К тому же, он уже слышал всё это в кратком изложении.

Гарри вспомнился другой ужасающий день. И хотя ранее он был готов списать версию о том, что Лорд Волдеморт продол-

жают существовать, на слабоумие старого волшебника, сейчас ему внезапно показалось ужасно и однозначно правдоподобным, что существо, которое изменило память Гермione, — носитель того же самого разума, который использовал Беллатрису Блэк. Здесь определённо чувствовался общий почерк. Чтобы принять такое решение, чтобы это спланировать, нужно что-то большее, чем злоба — нужна пустота.

Потом Гарри на мгновение поднял взгляд и увидел, что фиолетовые мантии спокойно наблюдают за происходящим, просто наблюдают.

Некоторое время спустя, после того, как все звёзды в ночном небе остыли и потемнели, и последний источник света во вселенной превратился в угольки и потух, допрос Гермione закончился.

— Если уважаемое собрание не против, — сказал Люциус Малfoy, — то я бы хотел, чтобы теперь зачитали показания моего сына Драко, свидетельствовавшего под действием двух капель сыворотки правды.

— «Пока она не начала охотиться за мной в том сражении, я ничего не замышлял против Грейнджер. Но после этого я действительно почувствовал себя оскорблённым, ведь я помогал ей всё это время...»

Из горла Гермione вырвался короткий тихий всхлип, словно её только что придавило упавшим камнем, настолько большим, что она не могла ни плакать, ни даже дышать.

— Извините, лорд Малfoy, — вмешалась какая-то ведьма, сидевшая с той стороны зала, которая, видимо, принадлежала сторонникам Малfoя, — но зачем было вашему сыну помогать этой грязнокровке?

— Мой сын, — устало ответил Люциус Малfoy, — судя по всему, наслушался некоторых ошибочных идей. Он — молод... и теперь он получил урок. Мы всей страной увидели, к чему приводит подобная глупость.

На скамьях для посетителей несколькими ярусами ниже мужчина в кепке-аэродроме и с бейджиком «Ежедневного пророка» жадно скрипел длинным пером.

Те несколько человек, которые ранее согласно кивали Дамблдору, приобрели весьма нездоровый вид. Одна ведьма в фиолетовой мантии из той части зала, что казалась стороной Дамблдора, демонстративно поднялась и перешла на сторону Малfoя.

Аврор продолжал зачитывать монотонным голосом:

— «Я слишком устал ото всех этих запирающих чар, когда я с ними закончил, у меня осталось мало сил. Мне казалось, что я сильнее Грейнджер, но я не был уверен, поэтому решил проверить

это эмпирически, вызвав её на дуэль. Вот почему я сд-д-делал это... если бы я выиграл, я бы побил её снова на следующий день, на виду у всех. Дурацкая сыворотка правды. Но она-то об этом не знала, когда пыталась меня убить! И я был действительно оскорблён тем, что она сделала, я действительно ей помогал до этого и не планировал ничего против неё, пока она при всех не начала гоняться за мной!»

Когда все свидетельские показания были заслушаны, Визенгамот начал прения.

Если это можно было так назвать.

Судя по всему, многие члены Визенгамота строго придерживались мнения, что убийство — это плохо.

Фиолетовые мантии на дамблдоровской стороне зала молчали. Так называемые силы добра сохраняли свой политический капитал для более выигранных баталий. И Гарри слышал, словно профессор Квиррелл стоял рядом с ним, как сухой голос в его голове объясняет, что в данный момент речи вряд ли пойдут на пользу политике.

Но, видимо, у одного волшебника в зале статус был достаточно высок, чтобы он мог не бояться потерять лицо. У одного волшебника в зале статус был достаточно высок, чтобы взывать к разуму и остаться невредимым. Лишь он один говорил в защиту Гермионы — человек с пылающим фениксом на плече.

Говорил лишь Альбус Дамблдор.

Верховный чародей не стал упоминать, что Гермиона Грейнджер, возможно, полностью невиновна. В это, как директор заранее объяснил Гарри, никто бы не поверил, и от таких речей стало бы только хуже.

Вместо этого Альбус Дамблдор мягко напомнил, что преступник — девочка первого года обучения в Хогвартсе, что многие совершают глупости в молодости, что первокурсники в Хогвартсе просто слишком юны, чтобы понимать последствия своих поступков. Он сам (тихо добавил Верховный чародей) совершал некоторые глупые поступки в детстве, хотя и был значительно старше Гермионы.

Альбус Дамблдор сказал, что Гермиона Грейнджер была любимицей всего преподавательского состава Хогвартса, и что она помогала четверым девочкам с Пуффендуй с их уроками по Заклинаниям и за время обучения в школе заработала для Когтеврана сто три балла.

Альбус Дамблдор сказал, что все, кто знаком с Гермионой Грейнджер, глубоко потрясены произошедшими событиями. Что все, все присутствующие, слышали в её голосе ужас, когда она давала показания.

И если ей овладело какое-то необычное помешательство — в его голосе появились повелительные нотки — она заслуживает лишь сочувствия и внимания со стороны целителей.

И в конце, перекрывая крики протеста, Альбус Дамблдор напомнил Визенгамоту, что её обвиняют лишь в покушении на убийство, а не в убийстве. Несмотря на поднимающуюся бурю возражений, Альбус Дамблдор сказал, что никому не было причинено необратимого вреда. И Альбус Дамблдор просил их не делать хуже, чем всё уже есть...

— Довольно! — проревел Люциус Малфой. Мужчина с белой гривой встал на ноги — высокий и ужасный, серебряная трость в его руке поднялась, словно судейский молоток. — За то, что эта безумная пыталась сделать с моим сыном, за то, что она пыталась пресечь род Благородного и Древнейшего Дома, за её долг крови, она должна...

— Азкабан! — зарычал мужчина с лицом, исчерченным шрамами, сидящий по правую руку от лорда Малфоя. — В Азкабан безумную грязнокровку!

— Азкабан! — прокричала ещё одна фиолетовая мантия, а затем ещё одна, и ещё одна....

Щелчок от жезла в руке Дамблдора погрузил зал в тишину.

— Вы нарушаете регламент, — сурово произнёс старый волшебник. — И ваше предложение — это варварство, оно умаляет достоинство данного собрания. Существуют пределы, за которые мы не выходим. Лорд Малфой?

Люциус Малфой выслушал это с бесстрастным выражением на лице.

— Что ж, — наконец ответил он. Его глаза холодно сверкнули. — Я не планировал просить об этом. Но если такова воля Визенгамота, пусть она заплатит ту же цену, какую заплатил бы любой на её месте. Пусть будет Азкабан.

Яростные крики одобрения заполнили зал...

— Вы все сошли с ума?! — закричал Альбус Дамблдор. — Она слишком юна! Её разум не выдержит этого! Уже три столетия в Британии не происходило ничего подобного!

— Что подумают о нас в других странах? — резко воскликнула женщина, в которой Гарри узнал бабушку Невилла.

— Вы будете охранять Азкабан после того, как она попадёт туда, лорд Малфой? — сказала суровая старая ведьма, которую Гарри не знал. — Боюсь, мои авроры могут отказаться охранять тюрьму, если там будут держать маленьких детей.

— Обсуждение окончено, — холодно произнёс Люциус Малфой. — Но если вы не способны найти авроров, которые будут подчиняться решениям Визенгамота, мадам Боунс, вы можете оставить эту должность. Мы легко сможем найти кого-нибудь другого на ваше место. Воля этого зала ясна. За свои чудовищные преступления девчонка заслуживает обращения наравне со взрослыми и должна быть наказана соответственно. Наказание за покушение на убийство — десять лет в Азкабане.

Когда старый волшебник заговорил снова, его голос звучал тише:

— И нет никаких альтернатив, Люциус? Мы могли бы пройти в мой кабинет и обсудить это, если необходимо.

Высокий мужчина с длинными белыми волосами повернулся к старому волшебнику, стоящему за кафедрой, и долгое мгновение эти двое смотрели друг на друга.

Когда Люциус Малфой заговорил снова, его голос дрожал — пусть и очень слабо, — словно лорд Малфой начал терять над ним контроль:

— Кровь, кровь моей семьи, требует расплаты. Ни за какую цену я не продам долг крови перед моим сыном. Вы этого не поймёте, вы никогда не любили, и у вас нет своих детей. Тем не менее, это не единственный долг перед домом Малфоев. Думаю, мой сын, если бы он стоял среди нас, предпочёл бы оплату крови своей матери. Признайтесь в вашем преступлении перед Визенгамотом, как вы признались в нём мне, и я...

— Даже не думайте об этом, Альбус, — сказала суровая старая ведьма, говорившая ранее.

Старый волшебник стоял за кафедрой.

Старый волшебник стоял за кафедрой, на его лице отображалась внутренняя борьба...

— Прекратите, — сказала старая ведьма. — Вы знаете, какой ответ вы должны дать, Альбус. Ваши мучения ничего не изменят.

Старый волшебник заговорил.

— Нет, — сказал Альбус Дамблдор.

— А вы, Малфой, — продолжила строгая старая ведьма, — думаю, всё, чего вы на самом деле в этот раз хотите — это уничтожить...

— Едва ли, — произнёс Люциус Малфой, его губы изогнулись в горькой усмешке. — Я не преследую сейчас никаких целей, кроме мести за моего сына. Я всего лишь хотел показать Визенгамоту правду, которая скрывается за притворным героизмом этого старика и его похвалами этой девчонке. Что ему вряд ли придёт в голову принести себя в жертву во имя её спасения.

— Жестокость, достойная Пожирателя Смерти, без сомнений, — сказала Августа Лонгботтом. — Не то чтобы я намекала на что-то, конечно.

— Жестокость? — переспросил Люциус Малфой всё с той же горькой усмешкой. — Я так не думаю. Я знал, каким будет его ответ. Я всегда предупреждал, что он лишь играет свою роль. А если вы верите, что он колебался, тем хуже для вас. Помните, каков был его ответ, — мужчина повысил голос. — Давайте голосовать, друзья мои. Думаю, мы можем ограничиться поднятием рук. Я не могу представить, что найдётся много желающих встать на сторону убийц, — на последнем предложении в его голосе явственно послышался лёд. Намёк был кристально ясен.

— Посмотрите на девочку, — сказал Альбус Дамблдор. — Смотрите на неё, смотрите, на какой ужас вы её обрекаете! Она... — голос старого волшебника оборвался. — Она боится...

Сыворотка правды, должно быть, выветрилась, потому что лицо Гермионы Грейнджер уже не было обмякшим, оно исказилось, её руки и ноги зримо дрожали в цепях, словно она пыталась бежать, бежать из этого кресла, но была вдавлена в него тяжестью большей, чем зачарованные металлические звенья, сковавшие её. Затем с судорожным движением шея Гермионы дёрнулась, голова повернулась достаточно, чтобы её глаза встретились с...

Она смотрела на Гарри Поттера, и хотя она не произнесла ни слова, было абсолютно понятно, что она говорила.

— *Гарри*

— *помоги мне*

— *пожалуйста*

И в Древнейшем зале Визенгамота зазвенел ледяной голос, холодный, как жидкий азот, слишком высокий, ибо исходил от слишком юного человека, и этот голос произнес:

— Люциус Малфой.

* * *

Собравшиеся в древнем священном зале Визенгамота начали переглядываться в поиске источника голоса. Они далеко не сразу поняли, кому принадлежал этот голос. Да, он был тонок, да, слова прозвучали недостаточно звучно, но всё равно никто бы не подумал, что этот голос принадлежит ребёнку. Только когда лорд Малфой заговорил в ответ, остальные осознали, куда нужно смотреть.

— Гарри Поттер, — Люциус Малfoy не стал изображать поклон.

Все взгляды устремились на мальчика с растрёпанными волосами, который стоял рядом с плачущей пожилой ведьмой. Даже стоя, он был ей всего лишь по грудь. На мальчике была короткая официальная чёрная мантия. И только обладатели очень зорких глаз могли через весь зал разглядеть под его торчащими в разные стороны волосами знаменитый ужасный шрам.

— Эта глупость не достойна вас, Люциус, — произнёс мальчик. — Двенадцатилетние девочки не идут на умышленные убийства. Вы — слизеринец, причём умный слизеринец. Вы понимаете, что это вражеский план. Кто бы за всем этим ни стоял, Гермиону Грейнджер поставили на игровую доску силой. От вас, безусловно, ожидали, что вы поступите именно так, как вы поступаете сейчас — если не учитывать, что Драко Малfoy должен был быть мёртв, и на вас бы уже не действовали никакие доводы. Но он жив, а вы — в здравом уме. Почему вы соглашаетесь с намеченной вам ролью в плане, который должен был стоять жизни вашему сыну?

Судя по лицу Люциуса, внутри него бушевал шторм. Казалось, он сейчас взорвётся, и с его губ сорвётся что-то непредсказуемое. Он как будто начал говорить, потом сделал ещё одну попытку что-то произнести, проглотил три неслышимых фразы, прежде чем всё-таки сказал:

— План, говорите? — Лорд Малfoy с трудом контролировал собственное лицо. — И чей же это план, в таком случае?

— Если бы я это знал, я бы сообщил, причём гораздо раньше, — ответил мальчик. — Любой одноклассник Гермионы Грейнджер скажет вам, что она наименее вероятная убийца. Она действительно помогает пуффендуйцам делать домашние задания. Это неестественное событие, лорд Малfoy.

— План... или не план... — голос Люциуса дрожал, — это грязнокровное отродье коснулось моего сына, и потому я с ней покончу. Вы должны прекрасно это понимать, *Гарри Поттер*.

— Утверждение, что Гермиона Грейнджер действительно при-менила Охлаждающее кровь заклинание, мягко говоря, сомнительно. Я не знаю точных обстоятельств произошедшего и какие были при этом задействованы заклинания, но простого обмана было бы недостаточно, чтобы заставить её пойти на это. Она действовала не по своей воле и, возможно, не действовала вовсе. Ваша месть направлена в неверном направлении, причём осознанно. Не двенадцатилетняя девочка заслуживает вашего гнева.

— И почему же её судьба заботит вас? — голос Люциуса Малфоя стал громче. — В чём ваша выгода?

— Она мой друг, — ответил мальчик, — и Драко тоже мой друг. Не исключено, что этот удар был направлен на меня, а вовсе не на Дом Малфоев.

На лице Люциуса опять дёрнулись мускулы.

— А теперь вы ждёте мне — как вы лгали моему сыну!

— Верите вы или нет, — тихо сказал мальчик, — но я лишь хотел, чтобы Драко знал правду...

— Довольно! — крикнул лорд Малфой. — Довольно лжи! Довольно ваших игр! Вы не понимаете... вы никогда не поймёте, что для меня значит сын! В этот раз я не откажусь от мщения! Ни за что! Хватит! За кровь, которую эта девчонка должна дому Малфой, она отправится в Азкабан. А если я когда-нибудь узнаю, что её направляла ещё чья-то рука — пусть даже ваша — эта рука тоже будет отрублена! — Люциус Малфой вскинул над головой свою смертоносную серебряную трость и обнажил зубы, словно волк, встретившийся с драконом. — И если вы не можете сказать ничего лучше — молчите, Гарри Поттер!

* * *

Несмотря на лёд Тёмной Стороны, у Гарри в висках стучала кровь. Он слишком боялся за Гермиону. Часть его хотела наброситься на Люциуса и уничтожить его на месте за презрение и тупость... Но у Гарри не было силы, в Визенгамоте у него не было даже одного голоса...

Драко упоминал, что Люциус по каким-то неизвестным причинам боится Гарри. И сейчас он читал это на лице лорда Малфоя по тому, как оно было напряжено. Чувствовалось, что Люциусу потребовалась вся его храбрость, чтобы сказать Гарри замолчать.

И потому, отчаянно надеясь, что у его слов будет какой-то смысл, Гарри холодным и смертоносным голосом произнёс:

— Такими действиями вы обретёте мою вражду, Люциус...

Кто-то из сидящих на нижних рядах на той стороне Визенгамота, которая, очевидно, принадлежала сторонникам чистоты крови, рассмеялся — он не видел лица лорда Малфоя и смотрел только на мальчика. Смех подхватили и другие люди в фиолетовых мантиях.

Лорд Малфой смерил Гарри надменным взглядом:

— Если вы хотите вражды Дома Малфоев, *дитя*, вы её получите.

— В самом деле, — заговорила женщина в слишком розовом макияже. — Мне кажется, всё это уже слишком затянулось, как вы думаете, лорд Малфой? Мальчик пропустит уроки.

— Действительно, — ответил Люциус Малфой и снова повысил голос. — Я призываю голосовать! Пусть открытым голосованием Визенгамот признает за Гермियोной, первой Грейнджер, долг крови перед Благородным и Древнейшим Домом Малфоев за покушение на убийство его последнего сына и пресечение всего рода!

Руки взлетали вверх одна за другой, и секретарь, сидевший на нижнем ярусе, начал делать пометки на пергаменте, чтобы их сосчитать. Но было очевидно, к чему пришло большинство.

И Гарри мысленно закричал, неистово призывая на помощь любую часть себя, которая смогла бы предложить выход, стратегию, идею... Но ответа не было, не было ничего, он выложил последние карты и проиграл. И тогда последним безумным усилием Гарри бросился в объятия своей Тёмной Стороны, толкнул себя в свою Тёмную Сторону, хватаясь за её смертельную ясность мысли и предлагая ей всё, что угодно, если она сможет решить эту задачу. И наконец на него снизошло смертоносное спокойствие, истинный лёд всё же ответил на его зов. Покинув пределы охвативших его паники и отчаяния, мозг Гарри начал перебирать все известные факты, вспоминать всё, что он знает о Люциусе Малфое, о Визенгамоте, о законах магической Британии. Его глаза осмотрели ряды кресел, каждого человека и каждый предмет в поле зрения в поисках возможности, за которую можно ухватиться...

Глава 81

Цена бесценного. Часть 3

Уходящие вверх ярусы тёмного камня и море поднятых рук. Лорды и леди Визенгамота в фиолетовых мантиях, отмеченных серебряной литерой «В», с холодным упрёком смотрели на дрожащую девочку, закованную в цепи. Если в рамках какой-то этической системы они и порицали себя, то определённо ставили это себе в заслугу.

Гарри с трудом мог ровно дышать. Его Тёмная Сторона придумала план... и отступила назад. Слишком ледяной тон не пойдёт на пользу Гермионе. Будучи лишь наполовину погружённым в свою Тёмную Сторону, Гарри почему-то этого не понимал...

— Голосование по делу окончено, — провозгласил секретарь, завершив подсчёты. — Визенгамот признаёт долг крови Гермионы Грейнджер перед Домом Малфоев за покушение на убийство его наследника и пресечение его рода.

Люциус Малфой злоеуще улыбнулся.

— А теперь, — сказал беловолосый волшебник, — я говорю, что её долг будет оплачен...

Гарри сжал кулаки и выкрикнул:

— Долгом Дома Малфоев Дому Поттеров!

— Тихо! — рявкнула женщина в тяжёлом розовом макияже, сидящая рядом с министром Фаджем. — Вы уже не в первый раз нарушаете здесь порядок! Авроры, выведите его!

— Подождите, — вмешалась Августа Лонгботтом с верхнего яруса. — Про какой долг вы говорите?

Руки Люциуса, сжимавшие трость, побелели.

— У Дома Малфоев нет долга перед вами!

План был далеко не идеален. Он основывался на газетной статье женщины, чьи воспоминания были изменены. Но Рита Скитер, судя

по всему, считала правдоподобным, что мистер Уизли якобы оказался в долгу перед Джеймсом Поттером, потому что...

— Я удивлён, что вы забыли, — спокойно сказал Гарри. — Несомненно, то был мучительный и болезненный период вашей жизни, когда вы трудились под заклятием Имперкус Того-Кого-Нельзя-Называть, пока не были освобождены усилиями дома Поттеров. Моей матерью, Лили Поттер, которая отдала жизнь ради этого, моим отцом, Джеймсом Поттером, который отдал жизнь ради этого, и, конечно же, мной.

В Древнейшем зале воцарилось краткое молчание.

— Действительно, блестяще подмечено, мистер Поттер, — воскликнула старая ведьма, которую называли «мадам Боунс». — Я тоже весьма удивлена, что лорд Малфой забыл о столь значимом событии. Для него это, вероятно, был очень счастливый день.

— Да, — сказала Августа Лонгботтом. — Уверена, он был очень благодарен.

Мадам Боунс кивнула.

— Дом Малфоев никак не может отрицать этот долг... если, конечно, лорд Малфой не хочет сообщить нам, что его воспоминания были не совсем точны. Мне это было бы крайне интересно с профессиональной точки зрения. Мы всегда рады любым сведениям, которые позволяют нам узнать больше о тех тёмных днях.

Руки Люциуса Малфоя стиснули серебряную рукоятку-змею трости, как будто он собрался нанести удар, обрушить на кого-то скрытую в ней мощь...

Затем лорд Малфой вдруг расслабился и холодно улыбнулся.

— Конечно. Должен признаться, я сперва не понял, о чём идёт речь, но ребёнок в целом прав. Тем не менее, я не думаю, что эти два долга отменяют друг друга. В конце концов, Дом Поттеров лишь пытался спасти себя...

— Это не так, — с высоты сказал Дамблдор.

— ...и потому, — продолжил Люциус Малфой, — я требую также денежной компенсации в уплату долга крови моему сыну. Это — тоже закон.

Гарри ощутил внутри странную дрожь. В статье говорилось и об этом: мистер Уизли потребовал дополнительно десять тысяч галлеонов...

— Сколько? — спросил Мальчик-Который-Выжил.

Люциус по-прежнему холодно улыбался.

— Сто тысяч галлеонов. Если в вашем хранилище нет такой суммы, то полагаю, я должен принять расписку на недостающую часть.

Дамблдорская сторона зала разразилась протестами. Даже некоторые фиолетовые мантии из середины, судя по всему, были потрясены этим заявлением.

— Нужно ли выносить этот вопрос на голосование? — спросил Люциус Малфой. — Думаю, лишь немногие из нас хотели бы увидеть маленькую убийцу на свободе. Предлагаю открытое голосование за необходимость дополнительной компенсации в сто тысяч галлеонов для уплаты долга!

Секретарь начал подсчёт, но итог этого голосования тоже был очевиден.

Гарри несколько раз глубоко вздохнул.

Даже не пытайся об этом задуматься, — угрожающе заявил внутренний гриффиндорец.

Это значительное приобретение, — заметил когтевранец. — Нам нужно больше времени, чтобы всё обдумать.

Решение не должно было даваться так тяжело. Не должно было. Два миллиона фунтов — это всего лишь деньги. А деньги стоят столько, сколько на них можно купить...

Удивительно, насколько сильной может быть психологическая привязанность к «всего лишь деньгам», и как мучительно представлять потерю хранилища, полного золота, пусть даже ещё год назад ты не представлял, что оно существует.

Кимболл Киннисон не стал бы колебаться, — сказал гриффиндорец. — Серьёзно, тут не о чем думать. Да что ты за герой такой? Знаешь, я уже ненавижу тебя за то, что ты думаешь об этом дольше 50 миллисекунд.

Это — реальность, — возразил когтевранец. — Для реальных людей потерять все деньги гораздо более мучительно, чем для книжных героев.

Что? — возопил гриффиндорец. — Ты вообще на чьей стороне?

Я не отстаиваю какую-либо точку зрения, — ответил когтевранец. — Я говорю так, потому что это правда.

Нельзя ли с помощью 100000 галлеонов спасти больше, чем одну жизнь, если потратить их иначе? — спросил слизеринец. — У нас впереди исследования, сражения... И разница между 40000 галлеонов в банке и 60000 галлеонов долга совсем не маленькая...

Значит, мы используем один из способов быстро разбогатеть и вернём всё назад, — сказал пуффендуец.

Они могут и не сработать, — заметил слизеринец. — И большинство из них требуют стартового капитала...

Лично я, — сказал гриффиндорец, — голосую за то, чтобы спасти Гермиону, а затем объединиться и убить нашего вундерного слизеринца.

Секретарь объявил, что подсчёты закончены и предложение принято...

— Я согласен, — произнесли губы Гарри. Без запинки, без раздумий, словно внутренний спор был притворством и иллюзией, а настоящий владелец этого голоса в нём не участвовал.

Маска спокойствия на лице Люциуса Малфоя разлетелась вдребезги. Его глаза распахнулись, он в полном изумлении уставился на Гарри. Его рот приоткрылся, но слов не последовало. Если Малфой и издал какие-нибудь звуки, то они утонули в шуме вздохов, пронёсшихся по Визенгамоту...

Короткий удар по камню заставил толпу умолкнуть.

— Нет, — прозвучал голос Дамблдора.

Голова Гарри дёрнулась, и он уставился на древнего волшебника.

Морщинистое лицо Дамблдора побледнело, седая борода заметно дрожала. Он выглядел так, словно был неизлечимо болен и у него началась предсмертная агония.

— Я... мне жаль, Гарри... Но ты не можешь решать это сам — я всё ещё твой опекун.

— Что?! — Гарри был слишком потрясён, чтобы сказать что-то более внятное.

— Я не могу позволить тебе оказаться в долгу у Люциуса Малфоя, Гарри! Не могу! Ты не понимаешь... не осознаёшь...

УМРИ.

Гарри понятия не имел, какой его части принадлежала эта мысль, это мог быть и кто-нибудь неизвестный. Чистая ярость и гнев заполнили его. На мгновение ему показалось, что сила его гнева сейчас пронесётся через зал, ударит в директора и тот замертво упадёт с возвышения...

Но мысленный голос прозвучал, а старый волшебник по-прежнему стоял, глядя на Гарри. Длинная тёмная палочка в правой руке, короткий чёрный жезл — в левой.

И Гарри перевёл взгляд на красно-золотую птицу, которая уместилась на чёрной ткани мантии, покрывавшей плечи Дамблдора. Она молчала, когда ни один феникс не стал бы молчать.

— Фоукс, — обратился Гарри. Голос звучал странно, даже для его собственных ушей, — ты не мог бы накричать на него за меня?

Но огненная птица на плече волшебника не закричала. Возможно, Визенгамот требовал, чтобы на феникса были наложены чары

тишины, потому что иначе он, вероятно, кричал бы, не переставая. Однако, Фоукс всё же ударил своего хозяина, его золотое крыло с размаху опустилось на голову старого волшебника.

— Гарри, я не могу! — воскликнул старый волшебник, в его голосе слышалась мучительная боль. — Я поступаю так, как должен!

И посмотрев на красно-золотую птицу, Гарри понял, что он должен сделать. Это решение должно было прийти ему в голову с самого начала.

— Что ж, тогда я тоже поступаю так, как должен, — ответил Гарри Дамблдору, словно в зале не было никого, кроме них двоих. — Вы ведь понимаете, о чём я?

Старый волшебник покачал дрожащей головой.

— Когда ты станешь старше, ты поймёшь...

— Речь не об этом, — его голос по-прежнему звучал странно для его собственных ушей. — Я говорю о том, что ни при каких обстоятельствах я не позволю скормить Гермиону Грейнджер дементорам. Точка. Мне не важно, что по этому поводу говорит закон и на что мне придётся пойти. Мне объяснить ещё подробнее?

Где-то вдалеке незнакомый мужской голос сказал:

— Убедитесь, что её доставят прямо в Азкабан, и выставьте дополнительную охрану.

Гарри ждал, сверяя старого волшебника взглядом, затем, не дождавшись ответа, продолжил:

— Я отправлюсь в Азкабан, — сказал он старому волшебнику, как будто они остались одни во всём мире, — до того, как туда попадёт Гермиона, и начну щёлкать пальцами. Возможно, это будет стоить мне жизни, но к тому времени, когда её доставят на остров, Азкабана уже не будет.

Некоторые члены Визенгамота потрясённо ахнули.

Но большинство начало смеяться.

— Для начала, как ты туда попадёшь, мальчик? — спросил один из смеющихся волшебников.

— У меня есть свои способы, — прозвучал отрешённый голос мальчика. Гарри не отрывал взгляда от Дамблдора, от старого волшебника, который поражённо взирал на него. Гарри не смотрел на Фоукса, он старался ничем не выдать свой план, но мысленно он был готов призвать феникса, чтобы тот перенёс его, наполнить свой разум яростью и светом, изо всех сил призвать огненную птицу, ведь, возможно, ему придётся сделать это практически мгновенно, если Дамблдор направит свою палочку...

— Ты действительно готов на это пойти? — спросил его старый волшебник, словно они были одни в этом зале.

Тишина наполнила зал, изумлённые взгляды устремились на Верховного чародея Визенгамота, который, по-видимому, на полном серьёзе воспринял эту безумную угрозу.

Глаза старого волшебника смотрели на Гарри, лишь на него одного:

— Ты рискнёшь всем — абсолютно всем — ради неё?

— Да, — ответил Гарри.

Это неверный ответ, и ты это знаешь, — сказал слизеринец. — *Серьёзно.*

Но это правильный ответ.

— И никакие доводы тебя не остановят? — спросил старый волшебник.

— Очевидно, нет, — ответил Гарри.

Они, не отрываясь, смотрели друг на друга.

— Это чудовищная глупость, — сказал старый волшебник.

— Я в курсе, — ответил герой, — а теперь прочь с дороги.

Странный огонёк мелькнул в древних голубых глазах.

— Как скажешь, Гарри Поттер, но знай, наш разговор ещё не окончен.

Мир вокруг них снова ожил.

— Я снимаю свой запрет, — сказал старый волшебник, — Гарри Поттер может поступать, как ему угодно.

Визенгамот взорвался криками удивления и замолчал лишь после удара каменного жезла.

Гарри снова повернул голову к лорду Малфою, который выглядел, словно только что узрел кошку, которая превратилась в человека и начала поедать других кошек. Сказать, что он выглядел сбитым с толку, значило не сказать почти ничего.

— Вы действительно собираетесь... — медленно произнёс Люциус Малfoy. — Вы действительно собираетесь заплатить сто тысяч галлеонов, чтобы спасти одну грязнокровку?

— Думаю, в моём хранилище в Гринготтсе лежит примерно сорок тысяч, — уточнил Гарри. Было странно, как мысль о потере всех денег всё равно ощущалась более мучительной, чем мысль о более чем 50% риске погибнуть при попытке разрушить Азкабан. — Что до оставшихся шестидесяти тысяч... какие на этот счёт правила?

— Время этого платежа наступит, когда ты окончишь Хогвартс, — сообщил старый волшебник с высоты. — Но, боюсь, до того лорд Малfoy получает определённые права в отношении тебя.

Люциус Малфой стоял неподвижно, хмурясь на Гарри.

— Кто же она для вас? Что она для вас, если вы согласились заплатить такую цену, чтобы уберечь её?

— Мой друг, — тихо ответил мальчик.

Глаза Люциуса Малфоя сузились.

— Но, судя по полученному мною донесению, вы не способны использовать чары Патронуса, и это известно Дамблдору. Сила одного единственного дементора чуть не убила вас. Вы не посмеете появиться вблизи Азкабана лично...

— Это было в январе, — сказал Гарри. — Сейчас — апрель.

Взгляд Люциуса Малфоя оставался холодным и взвешивающим.

— Вы притворяетесь, что можете разрушить Азкабан, а Дамблдор притворяется, что в это верит.

Гарри промолчал.

Белоголовый мужчина слегка повернулся к центру зала, как будто обращаясь ко всему Визенгамоту.

— Я снимаю своё предложение! — прокричал лорд Малфой. — Я не приму долг перед Домом Поттеров в качестве возмещения, даже за сто тысяч галлеонов! Долг крови этой девчонки перед Домом Малфоев остаётся!

Зал в очередной раз взорвался криками.

— Это бесчестно! — воскликнул кто-то. — Вы признали долг перед Домом Поттеров, и тем не менее вы... — затем голос оборвался.

— Я признаю долг, но закон не обязывает меня принимать его, как возмещение, — мрачно улыбнулся лорд Малфой. — Девчонка не принадлежит Дому Поттеров. Мой долг перед Домом Поттеров — не долг перед ней. Что же касается «бесчестия»... — лорд Малфой сделал паузу. — Что же до тяжкого стыда, который я испытываю из-за своей неблагодарности перед Поттерами, которые сделали для меня так много... — Люциус Малфой склонил голову. — Да простят меня мои предки.

— Ну, мальчик? — подал голос мужчина со шрамами на лице, сидевший справа от лорда Малфоя. — Теперь иди и уничтожь Азкабан!

— Я бы хотел на это посмотреть, — послышался другой голос. — Вы будете продавать билеты?

Разумеется, Гарри не посчитал, что пришло время сдаться.

«Девчонка не принадлежит Дому Поттеров»...

На самом деле, он заметил очевидный способ решения данной дилеммы почти мгновенно.

Возможно, ему потребовалось бы больше времени, но за последнее время он краем уха услышал несколько разговоров между старшекурсниками Когтеврана и прочёл ряд статей из «Придиры».

И тем не менее, принять решение оказалось не так просто.

Это нелепо, — сказала та часть Гарри, которая только что объявила себя Контролёром Внутренней Непротиворечивости. — Наши действия совершенно непоследовательны. Сначала ты чувствуешь, что скорее готов рискнуть своей чёртовой ЖИЗНЬЮ и наверняка ПОГИБНУТЬ ради Гермионы, чем расстаться с глупой кучей золота. А теперь ты упираешься, лишь бы не жениться?

СИСТЕМНАЯ ОШИБКА.

Знаешь что, — сказал Внутренний Контролёр. — Ты — дурак.

Я не сказал «нет», — подумал Гарри. — Я просто сказал «СИСТЕМНАЯ ОШИБКА».

Я голосую за уничтожение Азкабана, — заявил гриффиндорец. — Этим всё равно придётся заняться.

Очень, очень глупо, — отметил Контролёр Внутренней Непротиворечивости. — Ладно, завязывайте, я беру управление нашим телом на себя.

Мальчик глубоко вдохнул, и открыл рот...

К этому моменту Гарри полностью забыл о существовании профессора МакГонагалл, которая всё это время сидела рядом. На её лице успел смениться ряд интересных выражений, которые Гарри не видел, поскольку был отвлечён другим. Было бы чрезмерно грубо сказать, что он забыл о ней, потому что не считал её реальным игроком. Говоря гораздо мягче, профессор МакГонагалл не казалась решением для какой-либо из его текущих проблем и потому не являлась частью вселенной.

Так что Гарри, в крови которого была уже изрядная доля адреналина, поразился и даже подпрыгнул на месте, когда профессор МакГонагалл с глазами, горящими отчаянной надеждой, и полувысохшими слезами на щеках, стремительно вскочила и воскликнула:

— Мистер Поттер, за мной!

Не дожидаясь ответа, она бросилась по ступеням вниз, где их ждало кресло из тёмного металла.

Спустя секунду Гарри побежал следом, но до нижнего яруса добрался не так быстро — профессор МакГонагалл странным кошачьим движением перескочила половину лестницы и приземлилась рядом с тройкой авроров. Те, с изумлением на лицах, направили палочки на неё.

— Мисс Грейнджер! — крикнула профессор МакГонагалл. — Вы ещё можете говорить?

Почти так же, как и в случае с профессором МакГонагалл, Гарри в определённом смысле забыл о существовании Гермионы Грейнджер. Всё это время он смотрел вверх, а не вниз. Он не считал её решением какой-либо из своих текущих проблем. Об этом сложно рассуждать наверняка, но очень вероятно, что, если бы Гарри не забывал смотреть на Гермиону и думал, что она должна чувствовать, вряд ли бы это ему хоть чем-нибудь помогло.

Гарри достиг конца лестницы и полностью разглядел Гермиону Грейнджер...

Бездумно он закрыл глаза, но было уже слишком поздно. Он успел увидеть.

Воротник её школьной мантии, насквозь промокший от слёз.

То, как она отворачивалась от него.

Он видел — и это зрение нельзя было отключить, закрыв глаза — что Гермиона испытывала худший позор в своей жизни, оказавшись в таком положении перед аристократами магической Британии, перед профессором МакГонагалл, Дамблдором и перед ним самим. А затем её приговорили к Азкабану, где она останется один на один с тьмой, холодом и самыми худшими воспоминаниями, которые будут пожирать её, пока она не сойдёт с ума и не умрёт. А потом она услышала, что Гарри собирается отдать все свои деньги, влезть в долг, а может даже и пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти её...

...и всё это время в нескольких шагах позади неё стоял дементор

...и она не произнесла ни слова...

— Д-да, — прошептала Гермиона Грейнджер. — Я м-могу г-говорить.

Гарри открыл глаза и увидел её лицо. Теперь она смотрела на него. На её лице не отражались те чувства, которые он приписывал ей. На лице не может отразиться что-то, настолько сложное. Всё, что мышцы лица могут делать — это сжиматься в узлы.

— Г-г-гарри, м-мне так, мне так...

— Помолчи, — предложил Гарри.

— Ж-жаль...

— Если бы ты не встретила меня в поезде, то не оказалась бы сейчас в беде. Так что помолчи.

— Вы, оба, прекратите свои глупости, — сказала МакГонагалл со своим обычным шотландским акцентом (было странно — насколько хорошо это помогло). — Мистер Поттер, держите свою палочку так, чтобы пальцы мисс Грейнджер могли её коснуться. Мисс Грейнджер, повторяйте за мной. Своей жизнью и магией...

Гарри повиновался — он коснулся палочкой пальцев Гермионы, и та дрожащим голосом повторила:

— Своей жизнью и магией...

— Клянусь служить Дому Поттеров... — продолжала профессор МакГонагалл.

Гермиона не дожидалась дальнейших инструкций. Слова полились из неё рекой:

— Клянусь служить Дому Поттеров, повиноваться его главе, стоять по правую его руку, сражаться по его велению и везде следовать за ним до самой смерти...

Все эти слова вырвались на одном отчаянном выдохе. Даже если бы Гарри был достаточно безумен, чтобы прервать её, он не успел бы ничего сказать или даже подумать.

— Мистер Поттер, повторяйте за мной, — сказала профессор МакГонагалл. — Я, Гарри, наследник и последний потомок Дома Поттеров, принимаю твоё служение до конца этого мира и его магии.

Гарри сделал вдох и повторил:

— Я, Гарри, наследник и последний потомок Дома Поттеров, принимаю твоё служение до конца этого мира и его магии.

— Вот и всё, — сказала профессор МакГонагалл. — Отлично.

Гарри поднял голову и увидел, что весь Визенгамот, о существовании которого он успел забыть, смотрит на них.

И тогда Минерва МакГонагалл, которая была деканом Гриффиндора, пусть и не всегда поступала соответственно, посмотрела вверх, туда, где стоял Люциус Малfoy, и перед всем Визенгамотом сказала:

— Я сожалею о каждом балле по трансфигурации, который я когда-либо дала вам, подлое ничтожество.

Что бы Люциус ни собирался ответить, его перебил стук короткого жезла в руке Дамблдора.

— Гм! — сказал старый волшебник за кафедрой из чёрного камня. — Заседание уже весьма затянулось, и если его вскоре не закончить, то некоторые из нас могут пропустить обед. В данных вопросах закон предельно ясен. Вы уже проголосовали по условиям соглашения, так что Люциус Малfoy не может отклонить его на законных основаниях. А теперь, поскольку мы уже давно вышли за отведённое время, я, в соответствии с последним решением выживших участников восьмьдесят восьмого собрания Визенгамота, объявляю заседание закрытым.

Старый волшебник трижды ударил жезлом из тёмного камня.

— Глупцы! — закричал Люциус Малfoy. Его белые волосы взметнулись словно от порыва ветра, а лицо побелело от гнева. —

Вы думаете, это сойдёт вам с рук? Думаете, девчонка, пытавшаяся убить моего сына, уйдёт безнаказанной?

Жабоподобная женщина с розовым макияжем, чьего имени Гарри уже не мог вспомнить, поднялась с места.

— Ну, конечно, нет, — сказала она с тошнотворной улыбкой. — Ведь она всё равно — убийца, и я думаю, Министерству стоит уделить ей особое внимание... в конце концов, вряд ли будет благоразумным, если она сможет разгуливать без надзора...

Гарри почувствовал, что с него хватит.

Не дожидаясь следующей реплики, Гарри резко развернулся и широким шагом двинулся в сторону...

Ужаса, истинное обличье которого мог видеть лишь он, отсутствия цвета и пространства, раны мира, над которой парил оборванный плащ, совершенно недостаточно охраняемой бегающей лунной белкой и порхающим серебряным воробьём.

Его Тёмная Сторона уже осмотрела зал в поисках всего, что можно использовать как оружие, и заметила, что враг был достаточно глуп, чтобы привести сюда дементора. Это действительно было мощное оружие, и этим оружием Гарри владел лучше, чем его мнимые хозяева. Однажды в Азкабане Гарри приказал двенадцати дементорам развернуться и уйти, и они ушли.

«Дементоры — это Смерть, а чары Патронуса работают, когда вы концентрируетесь на счастливых мыслях вместо смерти».

Если теория Гарри верна, одной этой фразы будет достаточно, чтобы патронусы авроров лопнули, как мыльные пузыри, и никто в досягаемости его голоса не сможет вызвать новый патронус.

«Я собираюсь отменить чары Патронуса и заблокировать создание новых патронусов. А затем мой дементор, летя быстрее любой метлы, поцелует каждого, кто голосовал за то, чтобы отправить двенадцатилетнюю девочку в Азкабан».

Произнести эти слова, чтобы создать ожидание «если-тогда», и подождать, пока до людей не дойдёт, и они не начнут смеяться. Затем произнести роковую истину, и когда патронусы авроров исчезнут, подтверждая сказанное, или ожидания людей, или угроза уничтожения со стороны Гарри заставит дементора подчиниться. Те, кто искал соглашений со тьмой, будут ею поглощены.

Это и было другим решением, предложенным его Тёмной Стороной.

Не обращая внимания на возгласы удивления за его спиной, Гарри миновал патронусов, и оказался в одном шаге от Смерти.

Ничем не сдерживаемый страх захлестнул его, как водоворот, как будто он оказался в огромной ванной, совсем рядом с воронкой вытекающей воды. Теперь ложные патронусы больше не стояли между ними, и Гарри мог достигнуть дементора, так же как и дементор мог достичь Гарри. Он посмотрел прямо в высасывающую пустоту и...

Земля среди звёзд

его триумф от спасения Гермионы

однажды та реальность, чьей тенью ты являешься, перестанет существовать

Гарри собрал все серебряные эмоции, которые питали его чары Патронуса, и изо всех сил бросил их в дементора, ожидая, что тень смерти сбежит от него...

...одновременно он вскинул руки вверх и крикнул «БУ!»

Пустота рванулась прочь от Гарри и в конце концов упёрлась в чёрный камень стены.

В зале Визенгамота воцарилась гробовая тишина.

Гарри повернулся спиной к пустоте и взглянул туда, где стояла женщина-жаба.

Она побледнела под своим розовым макияжем, её рот открывался и закрывался, как у рыбы.

— Я хочу сделать вам одно предложение, — сказал Мальчик-Который-Выжил. — Я никогда не узнаю, что вы вмешиваетесь в мои дела или дела тех, кто со мной. А вы никогда не узнаете, почему неубиваемое, пожирающее души чудовище боится меня. А теперь сядьте и помолчите.

Женщина-жаба опустила на своё место на скамье без единого слова.

Гарри поднял голову ещё выше.

— Загадка, лорд Малфой! — крикнул мальчик через весь Древнейший Зал. — Я знаю, вы не учились в Когтеварне, но всё равно попытайтесь ответить! Что уничтожает Тёмных лордов, пугает дементоров и должно вам шестьдесят тысяч галлеонов?

На миг лорд Малфой замер с широко раскрытыми глазами, а затем на его лице снова появилось выражение спокойного пренебрежения:

— Вы открыто угрожаете мне, мистер Поттер? — холодно сказал он.

— Я вам не угрожаю, — ответил Мальчик-Который-Выжил. — Я вас пугаю. Это разные вещи.

— Достаточно, мистер Поттер, — вмешалась профессор МакГонагалл. — Так мы опоздаем на урок трансфигурации. И вернитесь

обратно, вы совсем запугали бедного дементора. — Она повернулась к аврорам. — Мистер Кляйнер, будьте любезны!

Гарри подошёл к ним, и один из авроров приложил короткий стержень из тёмного металла к тёмному металлическому креслу, неслышно прошептав слова освобождения.

Цепи змеями соскользнули с неё, так же как и появились, и Гермiona вскочила на ноги так быстро, как только могла, и наполовину бегом, наполовину падая, сделала несколько шагов.

Гарри протянул руки...

...и Гермiona наполовину прыгнула, наполовину рухнула в объятия профессора МакГонагалл и начала истерично рыдать.

Хмм, — произнёс какой-то из голосов внутри Гарри. — *Я думал, это мы заслужили обнять её.*

Ох, заткнись.

Профессор МакГонагалл держала Гарриону так крепко, что её можно было принять за мать, держащую своё дитя, а может быть, даже за бабушку. Через несколько мгновений рыдания Гаррионы стали реже, а потом прекратились. Профессор МакГонагалл внезапно подхватила её и сжала ещё крепче, руки девочки свободно свисали вниз, глаза были закрыты...

— С ней всё будет в порядке, мистер Поттер, — мягко сказала Гарри профессор МакГонагалл, не глядя в его сторону. — Ей просто нужно провести несколько часов в одной из кроватей у мадам Помфри.

— Хорошо, — кивнул Гарри. — Давайте доставим её к мадам Помфри.

— Да, — сказал Дамблдор, спускаясь по каменным ступеням. — Давайте и правда все отправимся домой.

Его синие глаза, твёрдые, как сапфиры, не отрываясь, смотрели на Гарри.

* * *

Лорды и леди Визенгамота покидают деревянные скамьи тем же путём, которым пришли, и выглядят довольно взволнованно.

Подавляющее большинство думает: «Дементор испугался Мальчика-Который-Выжил!»

Самые проницательные уже размышляют, как изменится хрупкий баланс сил в Визенгамоте с появлением на доске новой фигуры.

Почти никто при этом не думает: «Интересно, как он это сделал.»

В этом суть Визенгамота: многие здесь аристократы, многие — богатые предприниматели, ещё несколько попали сюда из-за своего статуса в других сферах. Некоторые из них глупы. Большинство же проницательны в сферах бизнеса и политики, но их проницательность ограничена. Почти никто из них не прошёл путём могущественного волшебника. Они не вчитывались в древние книги, не изучали старые свитки, выискивая правду слишком могущественную, чтобы лежать на поверхности, и замаскированную в загадках. Они не охотились за истинной магией, скрытой среди сотен волшебных сказок. Когда они не смотрят на очередную долговую расписку, они теряют свою проницательность и охотно погружаются в мир бессмысленных идей. Они верят в Дары смерти, и верят, что Мерлин победил ужасного Тоторо* и пленил Ри. Они знают (потому что это тоже часть стандартных легенд), что могущественные волшебники должны уметь различать правду среди сотни возможных вариантов лжи. Но им не приходит в голову, что они могли бы поступать так же.

(Почему нет? Действительно, почему волшебники, у которых достаточно положения в обществе и богатства, чтобы приложить руки к практически любому делу, предпочитают тратить свою жизнь в борьбе за выгодные монополии на импорт чернил? Директор Хогвартса вряд ли усмотрел бы здесь повод для обсуждения — конечно, большинство людей не должны становиться могущественными волшебниками, так же как большинство не должно быть героями. Профессор Защиты мог бы объяснить пространно и цинично, почему их амбиции столь тривиальны — для него тоже здесь нет загадки. И только Гарри Поттер, несмотря на все прочитанные книги, не мог этого понять. Для Мальчика-Который-Выжил жизненный выбор лордов и леди Визенгамота был непостижим — как хороших, так и плохих. Так кто из них троих самый мудрый?)

По какой-то причине большинство членов Визенгамота никогда не шли путём, который ведёт к могущественному волшебству, они не ищут то, что скрыто от глаз. Для них не существует слова «почему». Они не ищут объяснений. Не ищут причин. Мальчик-Который-Выжил, который уже был на пол-пути, чтобы занять своё место среди легенд, теперь окончательно оказался там. И то, что дементоры боятся Мальчика-Который-Выжил, стало данностью. Десять лет назад им сказали, что годовалый младенец победил самого ужасного Тёмного Лорда их поколения, возможно, самого ужасного Тёмного Лорда в истории, и они точно так же просто поверили в это.

Подобные вещи не подлежат сомнению (знают они каким-то необъяснимым образом). Если самый страшный в истории Тёмный Лорд вступает в противостояние с невинным младенцем — почему бы ему не проиграть? Правила этой пьесы требуют такой развязки. Предполагается, что надо аплодировать, а не вставать с места и спрашивать: «Почему?» Это просто причуда повествования — в конце маленький ребёнок уничтожает Тёмного Лорда, и если кто-то собирается ставить это под сомнение, то ему вообще не стоило приходить на представление.

Им не приходит в голову подумать дважды над причинами событий, свидетелями которых они сегодня стали в Древнейшем Зале. Они не понимают, что используют логику художественного произведения в реальной жизни. Если бы они внимательно рассмотрели Мальчика-Который-Выжил с помощью той же логики, которую они используют, разбирая политические альянсы и деловые соглашения... но какой мозг будет себя утруждать этим, когда перед носом стоит живая легенда?

Однако, среди сидевших на этих деревянных скамьях есть немногие, кто не думает таким образом.

Несколько членов Визенгамота принадлежат к числу тех, кто вчитывался в полуистлевшие свитки и слушал рассказы о том, что случилось с кузеном чьего-либо брата, не для развлечения, а для поисков могущества и истины. Они уже отметили ту ночь в Годриковой Лощине, в докладе Альбуса Дамблдора, как аномальное и потенциально важное событие. Они размышляли, почему это произошло, если это вообще произошло, а если этого не было, то зачем Дамблдор лжёт.

И когда одиннадцатилетний мальчик поднимается и говорит «Люциус Малфой» холодным взрослым голосом и продолжает говорить слова, которые просто не ожидаешь услышать от первокурсника Хогвартса, они не позволяют этому факту стать частью размытого пятна из легенд и сюжетов для пьес, где не действуют никакие законы.

Они отмечают это как знак.

Они добавляют это в список.

И этот список начинает выглядеть несколько тревожно.

И ситуация не становится лучше, когда мальчик кричит дементору «БУ!», а гниющий труп вжимается в противоположную стену и его ужасный болезненный для ушей голос скрежещет: «Уберите его».

Цена бесценного. Финал

Путешествие с фениксом совершенно не похоже на аппарацию или перемещение через портал. Вас охватывает огонь — вы определённо чувствуете, что горите, но не испытываете боли. Огонь полностью охватывает вас, но вместо того, чтобы сгореть дотла, вы становитесь огнём, а потом гаснете в одном месте и вспыхиваете в другом. Болезненных ощущений в животе, как при аппарации или использовании порталов, нет, но такое перемещение всё равно заставляет поволноваться. Если при перемещении с фениксом человек на самом деле становится неким воплощением стихии Огня, то это, вроде бы, предполагает, что он может вспыхнуть где угодно — даже в далёком прошлом, другой вселенной или в двух местах сразу. Возможно, погаснув в одном месте, он вспыхнет в сотне других, и тот «Он», который прибудет в Хогвартс, ничего не заметит. Однако, ни в одной книге — а Гарри в надежде заполучить своего собственного феникса прочитал о них всё, что смог найти — он не встретил ни единого намёка, что у фениксов есть хотя бы что-то похожее на *такие* способности.

Гарри загорелся, погас и вспыхнул в другом месте. И точно также — и Гермиона Грейнджер в бессознательном состоянии, и директор, державший её на руках, теперь находились в другом месте, и Фоукс парил над их головами.

Тихая, тёплая комната с колоннами из светлого камня, освещённая солнечным светом со всех четырёх сторон, длинные ряды белых кроватей. Четыре из них закрыты ширмами, остальные — пусты. Краем глаза Гарри заметил удивлённую мадам Помфри, которая поворачивалась к ним. Дамблдор, не обращая внимания на целительницу, аккуратно уложил Гермиону на свободную белую кровать.

В дальнем углу вспыхнул зелёный свет, и из камина появилась профессор МакГонагалл, на ходу отряхивая с себя золу.

Старый волшебник повернулся обратно к Гарри, обхватил его рукой, и Мальчик-Который-Выжил вместе со своим наставником исчез в очередной вспышке пламени.

* * *

Когда Гарри вспыхнул снова, он уже стоял в кабинете директора среди шума дюжин и дюжин непонятных устройств.

Мальчик отступил на шаг от старого волшебника, а затем развернулся к нему.

Изумрудные и сапфировые глаза встретились.

Оба какое-то время смотрели друг на друга и молчали, как будто всё, что они должны были сказать, можно было передать взглядом и только взглядом.

Наконец мальчик медленно и чётко произнёс:

— Я не могу поверить, что феникс всё ещё на вашем плече.

— Феникс выбирает только раз, — сказал старый волшебник. — Возможно, феникс покинет хозяина, если тот выберет зло вместо добра, но он не покинет хозяина, который вынужден выбирать между одним добром и другим. Фениксы не высокомерны. Они знают пределы собственной мудрости, — старый волшебник одарил его действительно суровым, древним взглядом. — В отличие от тебя, Гарри.

— Выбирать между одним добром и другим, — бесстрастным голосом повторил Гарри, — например, между жизнью Гермионы Грейнджер и ста тысячами галлеонов.

Гарри не удалось достаточно хорошо выразить голосом свою ярость и негодование, возможно, потому что...

— Не тебе говорить мне такое, Гарри Поттер, — голос волшебника был обманчиво мягок. — Или что за сомнения я заметил на твоём лице в Древнейшем Зале?

Ощущение внутренней пустоты всё нарастало.

— Я искал другие варианты, — выдавил Гарри. — Какой-нибудь способ спасти её, не потеряв деньги.

Ух ты, — сказал когтевранец. — Ты только что откровенно солгал. Вдобавок мне показалось, ты действительно верил в это, пока говорил. Это несколько жутковато.

— Ты действительно об этом думал, Гарри? — голубые глаза смотрели так пронизательно, что на какой-то пугающий миг Гарри засомневался, не может ли самый могущественный в мире волшебник видеть сквозь барьер окклюменции.

— Да! — выкрикнул Гарри. — Мне было больно от перспективы потерять все свои деньги. Но я пошёл на это! Вот что имеет значение! А вот вы... — негодование, от которого голос Гарри дрожал прежде, вернулось. — Вы фактически назначили цену жизни Гермiony Грейнджер, и цена оказалась ниже сотни тысяч галлеонов!

— Да? — мягко произнёс старый волшебник. — А какую цену назначишь за её жизнь ты в таком случае? Миллион галлеонов?

— Вы знакомы с экономической концепцией «заместительной стоимости»? — слова слетали с губ Гарри чуть ли не быстрее, чем он успевал их обдумать. — Заместительная стоимость Гермiony — бесконечность! Нигде нельзя купить другую.

Ты только что озвучил математическую чушь, — сказал слизеринец. — Когтевранец, поддержишь меня?

— Жизнь Минервы тоже бесконечно ценна? — резко спросил старый волшебник. — Пожертвуешь ли ты Минервой, чтобы спасти Гермionу?

— Да и да, — отрезал Гарри. — Это часть работы профессора МакГонаггалл, и она знает об этом.

— Тогда цена Минервы не бесконечна, — сказал старый волшебник, — как бы мы её ни любили. На шахматной доске может быть лишь один король, только одна фигура, ради спасения которой следует пожертвовать любой другой. Не заблуждайся, Гарри Поттер. Сегодня ты, возможно, проиграл свою войну.

И если бы слова старого волшебника не били так сильно и так близко к цели, Гарри мог и не сказать того, что произнёс:

— Люциус был прав, — выдавил Гарри. — У вас никогда не было жены, у вас никогда не было дочери, у вас никогда не было ничего, кроме войны...

Левая рука старого волшебника с силой сомкнулась на запястье Гарри, костлявые пальцы впились во всё ещё только формирующиеся мышцы руки, и на мгновение Гарри застыл от потрясения, — он забыл, что взрослые сильнее.

Альбус Дамблдор, казалось, ничего не заметил. Он просто повернулся, таща Гарри за руку, и двинулся твёрдым шагом напрямик к стене.

«Цена феникса».

Гарри втащили наверх по чёрной лестнице.

«Судьба феникса».

Комната с чёрными постаментами, серебряный свет, струящийся на обломки палочек.

— Вы думаете, — выкрикнул Гарри, разлепив наконец губы, — что можете выиграть любой спор, просто стоя здесь?

Старый волшебник, не обращая на Гарри внимания, потащил его через зал. Правой рукой — в ней больше не было палочки — он схватил фиал с серебряной жидкостью...

Гарри потрясённо моргнул: рядом с фиалом стояла фотография самого Дамблдора. Во всяком случае, Гарри так показалось. Разглядеть подробно фотографию он не смог, потому что его потащили дальше.

За всеми постаментами, в самом дальнем конце зала, возвышалась большая каменная чаша, на которой были высечены руны, незнакомые Гарри. Чаша оказалась неглубокой и заполненной прозрачной жидкостью. Старый волшебник влил туда серебряное содержимое флакона, которое начало сразу же распространяться, кружиться, и вся чаша засияла жутким белым светом.

Старый волшебник опустил руку Гарри, указал на светящийся бассейн и резко приказал:

— Смотри!

Гарри уставился на светящуюся воду, как его и просили.

— Опусти голову в Омут Памяти, Гарри Поттер, — голос старого волшебника был суров.

Гарри слышал это название прежде, но не мог вспомнить где.

— Что... он делает...

— Воспоминания, — сказал старый волшебник. — Ты увидишь мои воспоминания. Клянусь, это безопасно. Теперь гляди в Омут Памяти, когтевранец, если тебя по-прежнему хоть сколько-нибудь интересует твоя драгоценная правда.

После такого Гарри уже не мог отказаться. Он шагнул вперёд и опустил лицо в светящуюся воду.

* * *

Гарри сидел за столом в директорском кабинете Хогвартса, стиснув голову морщинистыми руками, которые были покрыты возрастными пятнами и седыми волосками.

— Он — всё, что у меня есть! — прорыдал голос. Голос Дамблдора в его воспоминании звучал очень странно, изнутри он казался гораздо менее суровым и мудрым. — Он — последний из моей семьи! Всё, что у меня осталось!

Эмоции через Омут Памяти не передавались, оставались лишь физические ощущения от произнесения слов. Гарри слы-

шал безысходное отчаяние в словах Дамблдора, звуки, казалось, исходили из собственного горла Гарри, но Гарри не чувствовал того, что чувствовал директор.

— У тебя нет выбора, — ответил резкий голос.

Взгляд переместился, в поле зрения появился незнакомый Гарри человек в одеянии, окрашенном в малиновый цвет авроров, но из кожи и с множеством карманов.

Его правый глаз был слишком большим, и ярко-голубой зрачок постоянно метался из стороны в сторону.

— Ты не можешь просить меня об этом, Аластор! — испуганно выкрикнул Дамблдор. — Только не это! Что угодно, только не это!

— Я не прошу, — проворчал человек. — Это Волди просит, а ты ответишь ему «нет».

— Из-за денег, Аластор? — голос Дамблдора умолял. — Только из-за денег?

— Если ты дашь выкуп за Аберфорта, ты проиграешь войну, — резко ответил Аластор. — Всё просто. Сто тысяч галлеонов — это почти все деньги, что у нас есть, и если ты их потратишь таким образом, мы не сможем их восполнить. Что ты будешь делать потом, попробуешь убедить Поттеров отдать все свои средства так же, как уже сделали Лонгботтомы? Волди просто похитит кого-нибудь ещё и выдвинет очередное требование. Алиса, Минерва, кто угодно, кто тебе не безразличен... Все они будут мишенями, если ты заплатишь Пожирателям Смерти. Это не тот урок, которому их стоит учить.

— Если я откажусь, у меня никого не останется. Никого, — голос Дамблдора дрогнул, мир покосился, и голова уткнулась в древние ладони. Ужасные звуки раздалась из горла не-Гарри. Он зарыдал, как ребёнок.

— Так я скажу посланцу «нет»? — теперь голос Аластора прозвучал странно мягко. — Тебе не обязательно делать это самому, старина.

— Нет... Я скажу сам... Я должен...

* * *

Воспоминания резко оборвались, и Гарри выдернул голову из светящейся воды, задыхаясь, словно ему не хватало воздуха.

Переход между двумя реальностями, между событиями десятилетней давности и настоящим, стал ещё одной встряской для разума Гарри, в некотором роде это погружение в прошлое лишило его опоры. Но Гарри понял: рыдающий в своём кабинете старик был другим, более мягким, он был человеком из иной эпохи...

Затем всё рассеялось, словно дым. Вернулось «сейчас», сегодняшний день.

Перед ним стоял древний волшебник, грозный и ужасный, похожий на каменное изваяние. Борода будто соткана из проволоки, очки-полумесяцы как зеркала, и зрачки за ними — острые и твёрдые, как чёрные алмазы.

— Хочешь заодно увидеть и смерть моего брата от Круциатуса? — спросил Дамблдор. — Волдеморт прислал мне и эти воспоминания.

— И тогда... — у Гарри возникли проблемы с речью из-за нарастающей боли в груди. — Именно тогда... — казалось, слова жгли ему горло. Ужасное знание, чудовищное озарение нахлынуло на него. — Именно тогда вы сожгли Нарциссу Малфой живьём в её собственной спальне.

Альбус Дамблдор холодно смерил его взглядом:

— Только глупец ответит на этот вопрос «Да» или «Нет». Важно лишь то, что Пожиратели Смерти верят, что я убил её, и эта вера хранила семьи всех, кто служил Ордену Феникса... до сегодняшнего дня. Теперь понимаешь, что ты наделал? Что ты сделал со своими друзьями, Гарри Поттер, с любым, кто встанет рядом с тобой?

Старый волшебник, казалось, стал ещё выше и ещё ужаснее, его голос теперь гремел:

— Ты сделал их мишенями, и мишенями они останутся! Пока ты не докажешь единственным путём, каким это только можно доказать, что не желаешь больше платить по таким счетам!

— И это правда? — Гарри наполняло странное ощущение, будто он переставал чувствовать своё тело. — То, что говорил Драко, что Нарцисса Малфой ничем не запятнала своих рук, что она была просто женой Люциуса? Она потворствовала им, я понимаю, но я не согласен, что за это стоит сжигать заживо!

— Меньшие меры их бы не убедили, — в голосе старого волшебника не было ни сомнения, ни возражения. — Я всегда неохотно делал то, что должен был. Цену моего милосердия всегда платили другие. Аластор с самого начала говорил мне об этом, но я не слушал его. Надеюсь, тебе такие решения будут даваться легче, чем мне.

— Меня удивляет, — Гарри не ожидал, что его голос может оставаться почти спокойным, — что Пожиратели Смерти не взяли за другую семью Светлых и не начали новый виток эскалации возмездия, раз вы не достали их всех сразу своим первым ударом.

— Возможно, так бы и вышло, будь моим противником Люциус, — глаза Дамблдора были тверды, как камни. — Мне рассказали, что, услышав эту новость, Волдеморт рассмеялся и объявил Пожирателям Смерти, что я наконец-то вырос и стал достойным противником. Наверное, он был прав. Со дня, когда я приговорил своего брата к смерти, я начал сравнивать тех, кто следовал за мной, задаваться вопросами — кем я могу рискнуть, кем пожертвовать, и ради чего. Удивительно, насколько меньше фигур я потерял, поняв, сколько они стоят.

Челюсти Гарри сомкнулись так сильно, что лишь с большим трудом ему удалось заговорить вновь:

— Но с другой стороны, не похоже, что Люциус умышленно захватил Гермиону ради выкупа, — тихо сказал Гарри. — С точки зрения Люциуса, кто-то другой нарушил перемирие первым. Если помнить об этом, сколько же именно галлеонов всё-таки стоила Гермиона? Если забыть о принципе «Никаких переговоров с террористами», если бы это была какая-то простая угроза её жизни, сколько бы стоила её жизнь? Десять тысяч галлеонов? Пять тысяч?

Старый волшебник не ответил.

— Забавно, — голос Гарри дрожал, как отражение на воде. — Знаете, каким было моё худшее воспоминание в тот день, когда я оказался перед дементором? Смерть моих родителей. Я слышал их голоса и всё остальное.

Глаза старого волшебника за очками-полумесяцами расширились.

— И одна мысль... — продолжил Гарри, — одна мысль не давала мне покоя. Тёмный Лорд предоставил Лили Поттер возможность уйти. Он сказал, что она может сбежать. Он прямо сказал, что её смерть рядом с колыбелью не защитит ребёнка. «Прочь, глупая женщина, если у тебя есть хоть капля здравого смысла!..» — ужасный холодок пробежал по телу Гарри, когда он повторил эти слова, но он стряхнул его и продолжил. — И после этого я размышлял — и никак не мог остановиться, — не были Тёмный Лорд прав?! Если бы только мама отступилась. Она попыталась проклясть Тёмного Лорда, хотя это было самоубийством, и она знала, что это самоубийство. Она не выбирала между своей и моей смертью. Она выбирала между своей жизнью и смертью нас

обоих! Если бы она поступила разумно и ушла, то есть, я, конечно, люблю маму тоже, но сейчас Лили Поттер была бы жива и была бы моей матерью! — слёзы застилали его глаза. — Только сейчас я понял. Я понял, что чувствовала моя мать. Она просто не могла отступить от колыбели. Она не могла! Любовь не отступает!

Старый волшебник выглядел так, как будто его ударили долотом и раскололи пополам.

— Что я наговорил? — прошептал он. — Что я тебе наговорил?

— Я не знаю! — крикнул Гарри. — Я тоже не слушал!

— Я... Мне жаль, Гарри... Я... — старый волшебник прижал ладони к лицу, и Гарри увидел, как Альбус Дамблдор заплакал. — Я не должен был так говорить с тобой... Я не должен был... возмущаться... твоей невинностью...

Ещё секунду Гарри смотрел на волшебника, а потом развернулся и двинулся через чёрную комнату, вниз по лестнице, через кабинет...

— Я правда не знаю, почему ты всё ещё на его плече, — сказал Гарри Фоуксу.

...через дубовую дверь и вниз по бесконечной вращающейся спирали.

* * *

В классе трансфигурации Гарри появился раньше всех, даже раньше профессора МакГонагалл. Перед трансфигурацией был урок Заклинаний, но успеть на него Гарри даже не пытался. Он не знал, будет ли профессор МакГонагалл вообще проводить сегодня занятие. Было что-то зловещее в пустых партах вокруг и пустоте у доски. Словно он остался в Хогвартсе один, а всех его друзей не стало.

Судя по расписанию, сегодняшнее занятие должно было быть посвящено поддерживаемой трансфигурации, все правила которой Гарри выучил наизусть, ещё когда трансфигурировал огромный камень в крошечный брильянт, блеск которого сейчас на его мизинце. Для остального же класса это скорее будет вопрос теории, чем практики. А жаль, он бы с радостью забылся в транс трансфигурации.

Доставая учебник, он отрешённо заметил, что его руки довольно сильно дрожат, и ему тяжело открыть кошель.

Ты был чудовищно несправедлив к Дамблдору, — сказал голос, который Гарри раньше называл слизеринцем, только теперь он, похоже, стал также голосом Чувства Целесообразности и, возможно, Совести.

Гарри уставился в учебник, но раздел был настолько знаком, что с тем же успехом можно было смотреть на пустой пергамент.

Дамблдор сражался в войне против Тёмного Лорда, который умышленно хотел сломить его наиболее жестоким способом. Ему пришлось выбирать между проигрышем в войне и смертью своего брата. Альбус Дамблдор узнал самым худшим образом, что у человеческой жизни есть предел стоимости, и осознание этого чуть не разрушило его рассудок. Но ты, Гарри Поттер... ты же разбираешься в этом лучше него.

— Заткнись, — прошептал мальчик в пустом классе трансфигурации, хотя никто и не мог этого услышать.

Ты уже читал об экспериментах Филипа Тетлока*, когда людей расспрашивали про обмен чего-то святого для них на что-то обыденное. Например, им рассказывали про администратора больницы, который должен выбрать — потратить ли миллион долларов на пересадку печени для спасения пятилетнего ребёнка или потратить этот миллион на покупку больничного оборудования или на зарплату врачей. И участники эксперимента негодовали и хотели наказать администратора больницы за то, что он вообще задумался над этим выбором. Помнишь, как ты читал об этом, Гарри Поттер? Помнишь, насколько глупым тебе это казалось? Ведь если бы больничное оборудование и зарплата врачей не спасали жизни, то не было бы смысла содержать больницы и докторов. Должен ли администратор заплатить миллион за эту печень, даже если на следующий день больница из-за этого обанкротится?

— Заткнись! — прошептал мальчик.

Каждый раз, когда ты тратишь деньги на то, чтобы с какой-то вероятностью спасти кому-то жизнь, ты устанавливаешь нижний предел денежной стоимости жизни. Каждый раз, когда ты отказываешься тратить деньги на то, чтобы с какой-то вероятностью спасти человека, ты определяешь верхний предел денежной стоимости жизни. Если полученные пределы противоречат друг другу, это означает, что можно спасти больше жизней за ту же цену, если переместить деньги с одной задачи на другую. Так что, если ты хочешь использовать ограниченную сумму денег, чтобы спасти как можно больше жизней, то твой выбор должен основываться на том, что человеческой жизни соответствует определённая денежная стоимость. Если выбор не основан на ней, то можно

перераспределить эти деньги и найти вариант лучше. И очень глупо, очень лживо негодование тех, кто говорит, что деньги и жизнь нельзя даже сравнивать, всё, что они делают на самом деле — запрещают стратегию, которая позволит спасти больше жизней, ради фальшивых высокоморальных слов...

Ты ведь знал об этом и всё равно сказал Дамблдору то, что сказал.

Ты умышленно старался задеть чувства Дамблдора.

Он никогда не пытался ранить тебя, Гарри Поттер, ни разу.

Гарри уронил голову в ладони.

Почему Гарри сказал то, что сказал, печальному древнему волшебнику, который много сражался и перенёс больше, чем кому-либо стоило бы перенести? Даже если старый волшебник ошибался, разве он заслуживал причинённой боли за то, что с ним случилось? Почему часть Гарри беспричинно злилась на старого волшебника и старалась задеть его сильнее, чем кого-либо ещё — не пытаясь сдерживать ярость, когда та появлялась — и сразу же умолкала, как только Гарри его покидал?

Потому что ты знаешь, что Дамблдор не даст сдачи? И, что бы ты ему ни сказал, даже сколь угодно несправедливое, он никогда не использует против тебя свою силу и никогда не станет относиться к тебе, как ты относишься к нему? Это так ты поступаешь с теми, кто точно не даст сдачи? Наконец-то проявляются хулиганские гены Джеймса Поттера?

Гарри закрыл глаза.

В его голове словно говорила Распределяющая шляпа...

Какова настоящая причина твоего гнева?

Чего ты боишься?

В голове Гарри пронёсся вихрь образов: закрывший руками лицо, рыдающий Дамблдор из прошлого, старый волшебник в его нынешнем облике — ужасный и выпрямившийся во весь рост, видение Гермионы, прикованной цепями к металлическому креслу, кричащей, потому что Гарри оставил её дементорам, воображаемая картина, где женщину с белыми длинными волосами (была ли она похожа на своего мужа?) охватывает пламя, направленная на неё палочка и отсвет пламени в очках-полумесяцах.

Альбус Дамблдор, кажется, думал, что Гарри действовал бы в таких ситуациях лучше, чем он.

И Гарри знал, что, вероятно, так и есть. В конце концов он разбирается в математике.

Но было понятно, так или иначе, было понятно, что утилитарная этика, в действительности, не позволяет грабить банки, чтобы раздавать деньги бедным. Если отбросить все этические ограничения, то конечным итогом будут совсем не сияющее солнышко, розы и всеобщее счастье. Консеквенциализм предписывает предпринимать действия, которые приведут к лучшим последствиям по совокупности, а не те действия, которые приведут к одному положительному последствию и разрушат всё остальное в процессе. При расчёте ожидаемой пользы разрешается применять здравый смысл.

Каким-то образом Гарри понимал это даже до того, как кто-то его об этом предупредил. Он знал об этом ещё до того, как прочёл о Владимире Ленине и о Французской революции. Должно быть первые научно-фантастические книги Гарри предупреждали его о людях с добрыми намерениями, или, может, он увидел эту логику сам по себе. Каким-то образом он знал с самого начала, что если выйдет за пределы своей этики — и совершенно не важно, по какой причине — итог будет плачевным.

Затем к нему пришло последнее видение: Лили Поттер, которая стоит перед колыбелью своего ребёнка и оценивает разницу между двумя исходами: конечный результат, если она останется и попытается наложить проклятье на врага (мёртвая Лили, мёртвый Гарри); конечный результат, если она уйдёт (живая Лили, мёртвый Гарри). Лили Поттер, которая взвешивает ожидаемую выгоду и делает единственный разумный выбор.

Если бы она так поступила, именно она была бы матерью Гарри.

— Но люди не могут так жить, — прошептал мальчик в пустом классе. — Люди не могут так жить.

Глава 83

Цена бесценного. Послесловие 1

Когда Падма вошла в класс трансфигурации, она увидела, что половина учеников уже успела занять свои места. В комнате царила неестественная гробовая тишина. Гарри Поттер в одиночестве сидел в углу и смотрел куда-то вдаль. Его глаза были полуприкрыты, почти закрыты.

По слухам, авроры обнаружили, что профессор Защиты с помощью Обратного зелья принял облик Грейнджер, чтобы одурачить Малфоя.

По слухам, Гермиону заставили дать Нерушимый обет, что она будет рабыней Драко Малфоя.

По слухам, Гермиона получила Поцелуй дементора.

Но нет, уж в этом-то случае Гарри Поттер не сидел бы здесь, он бы...

Падма не знала, как поступил бы генерал Поттер. Когда она пыталась думать об этом, все мысли улетучивались.

Даже появление профессора МакГонаггалл не нарушило тишину. Не останавливаясь, профессор трансфигурации прошла к доске, очистила её взмахом руки и начала писать.

— Сегодня, дети, — зазвучал спокойный поставленный голос профессора трансфигурации, словно ничего необычного на этой неделе не произошло, — мы узнаем, сколько сил требуется для поддержания трансфигурации, и почему в вашем возрасте вы не должны даже пытаться заниматься этим. Исходная Идея предмета не исчезает, только подавляется, и чтобы удерживать её подавленной...

— Извините, — сказала Падма Патил. Она знала, что её голос дрожит, знала, что она сама заметно дрожит, но она должна была спросить. — Извините, профессор, но что стало с мисс Грейнджер?

Профессор трансфигурации перестала писать и повернулась к ученикам. Падма ожидала увидеть на лице профессора суровое

неодобрение, ведь Падма прервала её, не подняв руку, но профессор смотрела на девочку доброжелательно.

— Вы ещё не знаете, мисс Патил? Я думала, слухи уже разошлись.

— Слишком много слухов, — ответила Падма. — Я не знаю, что из них правда.

Мораг МакДугал подняла руку, затем заговорила, не дожидаясь разрешения:

— Я же говорила тебе, Падма: на самом деле Визенгамот признал Грейнджер виновной и приговорил её к Поцелую дементора, а когда они привели дементора, Гарри Поттер приклеил его к потолку и не отпускал, пока...

— О, великий Мерлин, — сказала профессор МакГонагалл, выражение её лица стало жёстче, но затем с видимым усилием она заставила себя успокоиться. — Произошедшее было крайне абсурдным, и я не стану вдаваться в детали. Скажу лишь, что мисс Грейнджер сейчас отдыхает у мадам Помфри и вернётся к занятиям завтра. И если я узнаю, что кто-то её беспокоит, я превращу его в стеклянную вазу и уроню.

Весь класс ахнул. Не столько из-за смертельной угрозы, сколько из-за того, что угроза нарушала правила безопасности при трансфигурации.

Профессор МакГонагалл повернулась обратно к доске...

Из угла класса раздался другой голос.

— А профессор Квиррелл? — спросил Терри Бут. — Он арестован?

— Авроры только задержали его, — сказала профессор трансфигурации, не оборачиваясь. — Если они не вернут нашего профессора Защиты до завтра, я попрошу директора отправиться за ним. Но я могу сообщить вам, что Совет Попечителей назначил голосование, разрешать ли и дальше битвы профессора Квиррелла.

Кевин Энтвистл спросил:

— А генерал Малfoy? Когда он вернётся из больницы Святого Мунго?

Профессор трансфигурации перестала писать на доске.

Она снова развернулась, на этот раз явно медленнее:

— Мне жаль, мистер Энтвистл, — сказала профессор МакГонагалл. Казалось, на её лице прибавилось морщин. — Как мне дали понять, здоровье мистера Малфоя вне опасности. Но к сожалению, я получила сову от отца мистера Малфоя о том, что он забирает его из школы. Боюсь, мистер Малfoy не вернётся.

Цена бесценного. Послесловие 2

Проснувшись, Гермиона обнаружила, что находится в мягкой удобной постели больничного крыла Хогвартса. Квадрат света от заходящего солнца грел её живот через тонкое одеяло. Память подсказывала, что рядом с её кроватью должна стоять ширма — возможно, полностью закрывающая её кровать, возможно, приоткрытая, — а вокруг будут располагаться остальные владения мадам Помфри: другие кровати, занятые или свободные, и яркие окна в изогнутых каменных стенах Хогвартса.

Когда Гермиона открыла глаза, первым, что она увидела, было лицо профессора МакГонагалл, сидевшей слева от её постели. Профессора Флитвика, по понятным причинам, не было: он всё утро провёл рядом с ней в камере для задержанных, поддерживая серебряного ворона в качестве дополнительной защиты от дементора, и всё это время он сурово смотрел в сторону авроров. Декан Когтеврана и так истратил на неё слишком много времени, и, скорее всего, ему пришлось вернуться к занятиям вместо того, чтобы и дальше приглядывать за осуждённой за покушение на убийство.

Она чувствовала себя ужасно-ужасно больной и не думала, что причиной тому были какие-то зелья. Гермиона расплакалась бы снова, но горло болело, глаза всё ещё жгло, и голова казалась совершенно пустой. Она не могла зарыдать, просто не могла найти силы для новых слёз.

— Где мои родители? — шёпотом спросила Гермиона у декана Гриффиндора. Почему-то сейчас больше всего на свете она боялась встречи с родителями, но всё равно хотела их увидеть.

Мягкий взгляд на лице профессора МакГонагалл трансфигурировался в грустный.

— Мне жаль, мисс Грейнджер. Хотя так было и не всегда, в последние годы мы обнаружили, что мудрее не сообщать родите-

лям маглорождённых о любых опасностях, с которыми сталкиваются их дети. Я бы посоветовала вам тоже хранить молчание. Иначе они могут быть против того, чтобы вы остались в Хогвартсе.

— Меня не исключат? — прошептала девочка. — За то, что я сделала?

— Нет, — ответила профессор МакГонагалл. — Мисс Грейнджер... уверена, вы слышали... Я надеюсь, вы слышали мистера Поттера, когда он сказал, что вы невиновны?

— Он говорил это просто так, — вяло отозвалась она. — Я имею в виду, только чтобы меня освободить.

Пожилая волшебница решительно тряхнула головой:

— Мистер Поттер полагает, что кто-то изменил ваши воспоминания, что никакой дуэли вообще не было. Директор же подозревает, что против вас, возможно, применили даже более Тёмную магию — что вы наложили то заклинание своей рукой, но не по своей воле. Даже профессор Снейп считает произошедшее совершенно неправдоподобным, хотя, вероятно, и не сможет заявить об этом публично. Он размышлял над тем, не дали ли вам магловские наркотики.

Гермиона по-прежнему отстранённо смотрела на профессора трансфигурации. Она знала, что ей только что сказали нечто важное, но не могла найти достаточно сил, чтобы осмыслить новую информацию.

— Вы сами ведь в это не верите? — спросила профессор МакГонагалл. — Мисс Грейнджер, неужели вы верите, что могли пойти на убийство?!

— Но я... — её великолепная память услужливо воспроизвела в тысячный раз: Драко Малфой ухмыляется и заявляет, что она способна одолеть его, лишь когда он устал, после чего сразу же переходит к действиям. Он танцует, словно заправский дуэлянт, между витрин с кубками, в то время как её движения слишком резки и неуклюжи. И всё заканчивается ударом проклятья, после которого она врезается в стену, кровь течёт у неё по щеке... и затем... затем она...

— Но вы помните, как сделали это, — произнесла пожилая волшебница. На её лице читалось доброжелательное понимание. — Мисс Грейнджер, двенадцатилетней девочке нет необходимости нести груз таких ужасных воспоминаний. Одно ваше слово, и я буду рада избавить вас от них.

Гермионе будто плеснули в лицо тёплой водой.

— Что?

Профессор МакГонаггал достала палочку. Движение было настолько отработанным и быстрым, что казалось, будто палочка сама скользнула в её руку.

— Я не могу предложить вам полностью избавиться от воспоминаний, мисс Грейнджер, — сказала профессор трансфигурации с присущей ей педантичностью. — В них могут быть скрыты важные факты. Но существует форма заклинания Забвения, которая обратима, и я буду рада использовать её на вас.

Гермиона уставилась на палочку. Впервые за почти двое суток у неё появилась надежда.

Пусть окажется, что ничего этого не было... Она желала этого снова и снова — чтобы стрелки часов повернулись назад и стёрли тот ужасный выбор, который никак нельзя было отменить. Пусть стирание памяти не изменит случившегося, но так всё же будет легче...

Она снова посмотрела на доброжелательное лицо профессора МакГонаггал.

— Вы действительно думаете, что я этого не делала? — дрожащим голосом спросила Гермиона.

— Я совершенно уверена, что вы никогда бы не сделали такого по своей воле.

Руки Гермионы под одеялом вцепились в простыни.

— И Гарри думает, что я этого не делала?

— Мистер Поттер придерживается мнения, что ваши воспоминания полностью сфабрикованы. Я хорошо понимаю его позицию.

Пальцы Гермионы расслабились и выпустили простыню. Голова девочки упала обратно на подушку.

Нет.

Она никому не рассказала.

Она проснулась и вспомнила, что случилось прошлой ночью, и это было как... как... даже в своих мыслях она не могла подобрать слов, на что это было похоже. Но она знала, что Драко Малфой уже мёртв, и никому не рассказала, не пошла с признанием к профессору Флитвику. Она просто оделась, спустилась к завтраку и осознанно пыталась вести себя нормально, чтобы никто ничего не узнал. Она понимала, что это неправильно, и Неправильно, и ужасно-ужасно НЕПРАВИЛЬНО, но она так испугалась...

Даже если Гарри Поттер был прав, даже если дуэль с Драко Малфоем была ложью, этот выбор она сделала сама. Она не имеет права забыть об этом, она не заслуживает прощения.

И если бы она поступила правильно, пошла напрямик к профессору Флитвику, может быть, это... помогло бы как-нибудь. Может быть, все увидели бы тогда, что она сожалеет о том, что случилось, и Гарри не пришлось бы отдавать все свои деньги, чтобы спасти её...

Гермиона зажмурилась изо всех сил — она бы не вынесла, если бы снова расплакалась...

— Я ужасный человек, — её голос дрожал. — Я отвратительна, во мне нет ничего героического...

Слова профессора МакГонагалл прозвучали очень резко, как будто Гермиона только что сделала какую-то страшную ошибку в домашней работе по трансфигурации:

— Не говорите ерунды, мисс Грейнджер! Ужасен — тот, кто сделал это с вами. А что касается героизма — что ж, мисс Грейнджер, я уже говорила, что я думаю о девочках, которые пытаются успеть повсюду, хотя им нет даже четырнадцати. Так что я не буду читать вам нотации второй раз. Я только скажу, что вы пережили абсолютно чудовищные события и перенесли их не хуже, чем любая другая волшебница ваших лет. Сегодня вы можете плакать сколько вам угодно. Завтра же вы возвращаетесь к занятиям.

И Гермиона поняла, что профессор МакГонагалл не может ей помочь. Ей был нужен кто-нибудь, кто бы её ругал. Она не может быть прощена, если её никто не винит. А профессор МакГонагалл никогда не станет её обвинять, никогда не спросит так много с маленькой девочки из Когтеврана.

И Гарри Поттер в этом ей тоже не поможет.

Гермиона отвернулась от профессора МакГонагалл, сжалась в комок и прошептала:

— Пожалуйста, я хочу поговорить... с директором...

* * *

— Гермиона.

Гермиона Грейнджер открыла глаза во второй раз и увидела заботливое лицо Альбуса Дамблдора, склонившегося над её постелью. Он выглядел так, как будто он сам недавно плакал, хотя это и было невозможно. Гермиона снова почувствовала острый укол вины за то, что потревожила его.

— Минерва передала, что ты хочешь поговорить со мной, — сказал старый волшебник.

— Я... — неожиданно Гермиона поняла, что не знает, что сказать. У неё перехватило дыхание, и всё, что она, заикаясь, смогла произнести, было: — я... мне...

Должно быть, её тон каким-то образом донёс то слово, которое она не могла больше произносить вслух.

— Очень жаль? — продолжил за неё Дамблдор. — Почему? За что ты просишь прощения?

Ей пришлось сделать усилие, чтобы выдать эти слова:

— Вы говорили Гарри... что он не должен платить... поэтому я не должна была... делать то, что велела профессор МакГонагалл, не должна была касаться его палочки...

— Моя дорогая, — сказал Дамблдор, — если бы ты не принесла клятву верности Дому Поттеров, Гарри бы попал в одиночку на Азкабан и, вполне вероятно, победил бы. Этот мальчик может тщательно выбирать слова, но я никогда не замечал, чтобы он лгал. Мальчику-Который-Выжил доступна сила, которой никогда не знал Тёмный Лорд. Он бы действительно попытался уничтожить Азкабан, даже ценой своей жизни, — голос старого волшебника стал мягче и добрее. — Нет, Гермиона, тебе совершенно не в чем себя винить.

— Я могла заставить его не делать это.

В глазах Дамблдора зажглись крохотные огоньки, но они быстро растворились в усталости.

— Вы так думаете, мисс Грейнджер? Возможно, тогда вам следует возглавить Хогвартс вместо меня, потому что у меня нет такой власти над упрямыми детьми.

— Гарри обещал... — её голос прервался. Было очень трудно сказать ужасную правду вслух. — Гарри Поттер обещал мне... что он никогда мне не поможет... если я попрошу его это не делать.

Повисла тишина. Гермиона осознала, что отдалённый шум больничного крыла, который был слышен во время визита профессора МакГонагалл, прекратился, когда Дамблдор разбудил её. С того места, где она лежала, Гермиона могла видеть только потолок и верхние края окон одной из стен, но в поле её зрения ничего не менялось, если вокруг и были какие-то звуки, она их не слышала.

— А, — старый волшебник тяжело вздохнул, — да, полагаю, мальчик мог бы сдержать своё слово.

— Я должна... я должна была...

— Отправиться в Азкабан по своей воле? — закончил за неё Дамблдор. — Мисс Грейнджер, я никогда не попрошу кого-либо об этом.

— Но... — Гермиона сглотнула. Она не могла не заметить лазейку. Любой, кто хотел пройти через портрет в башню Когтеврана, быстро учился обращать внимание на используемые в разговоре слова. — Но вы могли бы пойти на это сами.

— Гермиона... — начал старый волшебник.

— Почему? — произнёс голос Гермионы. Казалось, сейчас он продолжал разговор без её участия. — Почему я не была смелее? Я же собиралась подбегать к дементору... ради Гарри... в смысле, тогда, в январе... так почему... почему... почему я не смогла...

Почему из-за мысли о заключении в Азкабане она полностью расклеилась, почему она забыла о том, что значит быть Хорошей...

— Моя дорогая девочка, — прервал её Дамблдор. Голубые глаза за очками-полумесяцами выражали полное понимание её чувства вины, — в свой первый год в Хогвартсе я поступил бы не лучше. Будь снисходительнее к себе, как была бы снисходительна к другим на твоём месте.

— Значит, я действительно поступила плохо, — почему-то ей было нужно произнести это, было нужно, чтобы кто-то сказал это, пусть она и так уже знала.

Старый волшебник помолчал несколько секунд.

— Послушай, юная когтевранка, — наконец сказал он, — слушай меня внимательно, ибо я скажу правду. Большинство плохих людей не думают о себе, как о зле. В действительности, большинство из них представляет себя героями в историях, которые они рассказывают. Когда-то я думал, что величайшее зло в этом мире совершается во имя величайшего добра. Я ошибался. Страшно ошибался. В мире есть зло, которое знает, что оно — зло, и которое ненавидит добро изо всех сил. Оно желает разрушить всё светлое, что есть на земле.

Гермиона задрожала. Почему-то сказанное Дамблдором показалось ей очень реальным.

Старый волшебник продолжал:

— Ты — часть света этого мира, Гермиона Грейнджер, и поэтому зло тебя тоже ненавидит. Если бы ты выстояла, даже пройдя через этот суд, зло бы наносило удары всё сильнее и сильнее, пока не уничтожило бы тебя. Не думай, что героев нельзя сломить! Нас лишь сложнее сломить, Гермиона, — она никогда не видела настолько сурового выражения на лице старого волшебника. — Когда силы давно закончились, когда боль и смерть — не мимолётный страх, а реальная угроза, оставаться героем гораздо сложнее. Если ты так уж хочешь услышать правду... Да, сегодня я бы не побоялся отправиться в Азкабан.

Но когда я учился на первом курсе, я бы сбежал от дементора, против которого ты вышла, поскольку мой отец умер в Азкабане, и потому я их боялся. Знай! Зло, которое обрушилось на тебя, могло бы сломить кого угодно, даже меня. Только Гарри Поттер сможет встретиться лицом к лицу с этим ужасом, когда полностью войдёт в силу.

Гермиона устала держать голову так, чтобы видеть старого волшебника. Она опустила её обратно на подушку и уставилась в потолок, осмысливая услышанное.

— Зачем? — её голос снова дрожал. — Зачем кому-то быть настолько злым? Я не понимаю.

— Я тоже размышлял над этим, — произнёс Дамблдор с глубокой грустью в голосе. — Три десятилетия я размышлял и до сих пор не понимаю. Мы никогда не поймём этого, Гермиона Грейнджер. Но по крайней мере сейчас я знаю, что ответило бы истинное зло, если бы мы могли с ним говорить и спросили, зачем оно творит зло. Оно бы ответило: «Почему нет?»

Негодование вспыхнуло внутри Гермионы:

— Есть миллион причин, почему нет!

— Действительно, — сказал Дамблдор, — миллион причин и даже больше. Мы всегда будем знать эти причины, ты и я. Если ты настаиваешь на том, чтобы рассматривать произошедшее с такой точки зрения... тогда, да, Гермиона, этот день в суде тебя сломил. Но даже когда тебя сломили, всё, что происходит после — тоже часть жизни героя. Которым ты являешься, Гермиона Грейнджер, и которым ты всегда будешь.

Она снова подняла голову, вглядываясь в него.

Старый волшебник поднялся. Его серебряная борода нырнула вниз, когда Дамблдор с серьёзным видом поклонился ей, и исчезла из виду.

Она продолжала смотреть туда, где только что стоял старый волшебник.

Это должно было что-то значить для неё, должно было как-то тронуть. Ей должно было стать лучше, ведь Дамблдор, который, вроде бы, отказывался считать её героем, теперь это признал.

Но она ничего не чувствовала.

Гермиона снова опустила голову на подушку. Пришла мадам Помфри и заставила её выпить какое-то зелье, которое обожгло Гермионе губы, словно она съела что-то очень острое. Пахло зелье даже острее и имело вкус, непохожий ни на что другое.

Это ничего для неё не значило. Девочка продолжала смотреть на каменную плитку на потолке.

* * *

Минерва ждала у двойных дверей, ведущих в больничное крыло Хогвартса. Ей приходилось изо всех сил сдерживаться, чтобы не начать расхаживать от нетерпения. Ещё во время обучения в Хогвартсе эти двери часто казались ей «зловещими вратами», и она не могла не вспомнить об этом сейчас. Здесь слишком часто сообщались плохие новости...

Альбус вышел из лазарета. Не останавливаясь, старый волшебник направился к кабинету профессора Флитвика, и Минерва последовала за ним.

Она прокашлялась.

— Всё сделано, Альбус?

Старый волшебник утвердительно кивнул:

— Если на ней используют любую враждебную магию или её коснётся чей-то дух, я сразу же об этом узнаю и приду.

— Я разговаривала с мистером Поттером после занятия по трансфигурации, — сказала профессор МакГонагалл. — Он считает, что мисс Грейнджер следует немедленно отправиться в Шармбатон, что ей не следует оставаться в Хогвартсе.

Старый волшебник мотнул головой:

— Нет. Если Волдеморт действительно стремится нанести удар по мисс Грейнджер... он не отступит. Его слуги возвращаются к нему: в одиночку он бы не смог освободить Беллатрису. Его злые замыслы смогли проникнуть даже в Азкабан, что уж говорить о Шармбатоне... Нет, Минерва. Не думаю, что Волдеморт способен часто захватывать контроль над людьми подобным образом, или что он способен проделать это с лучше защищённым волшебником. Иначе весь этот год прошёл бы совсем по-другому. Кроме того, здесь Гарри Поттер, а его Волдеморт боится, признаёт он это или нет. Теперь, когда я наложил на мисс Грейнджер защитные чары, в стенах Хогвартса она в гораздо большей безопасности, чем снаружи.

— Судя по всему, мистер Поттер в этом сомневается, — Минерва не смогла полностью сдержать резкость в голосе. Какая-то её часть в значительной мере соглашалась с мистером Поттером. — По его мнению, здравый смысл велит, чтобы мисс Грейнджер продолжала обучение где угодно, но только не в Хогвартсе.

Старый волшебник вздохнул.

— Боюсь, мальчик провёл слишком много времени среди маглов. Они постоянно стремятся к безопасности, им кажется, что безопасность

действительно существует. Если мисс Грейнджер что-то грозит в стенах нашей крепости, она не будет в безопасности и за её пределами.

— Похоже, не все так думают, — ответила профессор МакГонагалл. Когда она сегодня окинула взглядом свой стол, практически первое, что она заметила, было письмо — конверт из тончайшей овечьей кожи, запечатанный зеленовато-серебряным воском, с оттиском в виде змеи, которая подняла голову и зашипела на неё.

— Я получила сову от лорда Малфоя. Он сообщает, что забирает своего сына из Хогвартса.

Старый волшебник кивнул, но не сбавил шаг:

— Гарри уже знает?

— Да, — Минерва вспомнила выражение лица Гарри, и её голос на миг дрогнул. — После урока мистер Поттер выразил восхищение здравомыслием лорда Малфоя и сказал, что он бы написал мадам Лонгботтом и посоветовал бы и ей забрать своего внука, на случай, если тот окажется следующей целью. Если же опекун мистера Лонгботтома будет столь беспечна, что оставит его в Хогвартсе, мистер Поттер хочет, чтобы у того были Маховик времени, мантия-невидимка, метла и кошель, чтобы всё это носить. Также у мистера Лонгботтома должно быть кольцо на палец ноги с порталом, переносящим в безопасное место, на случай, если мистера Лонгботтома похитят и заберут за пределы защитных чар Хогвартса. Я сказала мистеру Поттеру, что вряд ли Министерство согласится с подобным использованием наших Маховиков времени, на что он ответил, что нам не обязательно спрашивать их согласия. Полагаю, если мисс Грейнджер останется, он захочет, чтобы и она получила всё то же самое. Для себя мистер Поттер хочет трёхместную метлу, он собирается носить её в своём кошеле.

Указанные меры предосторожности не повергали её в трепет. Впечатляли своей продуманностью, да, но не повергали в трепет. В конце концов, она была профессором трансфигурации. Но ей до сих пор было очень неуютно от того, что Гарри Поттер полагал, что Хогвартс сейчас опасен так же, как исследование новых заклинаний.

— Отдел Тайн не так легко провести, — сказал Альбус. — Но что касается остального... — старый волшебник, едва заметно ссутулился. — Мы можем дать мальчику то, что он хочет. Я установлю охранные чары на Невилла тоже и напишу Августе, что ему придётся остаться здесь на каникулы.

— И в заключение, — сказала Минерва, — мистер Поттер сказал — это прямая цитата, Альбус — чем бы ни был тот предмет,

который директор хранит в Хогвартсе и который привлекает Тёмных волшебников, его нужно убрать из школы, причём немедленно.

В этот раз она не смогла сдержать резкость в своём голосе.

— Я просил об этом же Фламея, — с явной болью произнёс Альбус. — Но мастер Фламель сказал, что даже он не может больше хранить Камень в безопасности... он уверен, что Волдеморт способен отыскать Камень, где бы его ни прятали... и он не согласится, чтобы Камень хранился где-либо, кроме Хогвартса. Минерва, мне жаль, но у нас нет другого выбора... просто нет!

— Хорошо, — ответила профессор МакГонагалл. — Но что касается меня, я думаю, что мистер Поттер прав по каждому пункту.

Старый волшебник повернул голову в её сторону:

— Минерва, вы давно меня знаете. Лучше, чем любая другая душа на этом свете. Скажите, я уже забрёл во тьму?

— Что? — искренне удивилась профессор МакГонагалл. — О, Альбус, конечно, нет!

Старый волшебник на мгновение плотно сжал губы:

— Во имя высшего блага. Я столь многим пожертвовал во имя высшего блага. Сегодня во имя высшего блага я чуть не обрёл Гермину Грейнджер на Азкабан. И я заметил... сегодня я заметил, что... меня начала раздражать наивность, которая мне больше недоступна... — старый волшебник запнулся. — Зло, совершенное во имя добра. Зло, совершенное во имя зла. Что хуже?

— Вы говорите глупости, Альбус.

Старый волшебник бросил на неё ещё один взгляд и снова посмотрел вперёд:

— Скажите, Минерва... вы хотя бы на секунду задумались о последствиях, прежде чем рассказали мисс Грейнджер, как ей связать себя с Домом Поттеров?

Минерва невольно ахнула. Она поняла, что она наделала...

— Значит, нет, — глаза Альбуса погрузнели. — Нет, Минерва, вы не должны извиняться. Это хорошо. После всего, что я сделал сегодня... если вы предпочтёте быть верной прежде всего Гарри Поттеру, а не мне, то это правильно и справедливо.

Она открыла рот, чтобы протестовать, но Альбус продолжил, прежде чем она смогла произнести хоть слово.

— Действительно... действительно... это будет необходимо и даже больше, чем необходимо, если Тёмный лорд, которого Гарри должен победить, чтобы обрести силу, окажется в итоге не Волдемортом...

— Только не снова, Альбус! — сказала Минерва. — Сами-Знаете-Кто отметил Гарри как равного себе, не вы. Пророчество никак не может говорить о вас!

Старый волшебник кивнул, но он по-прежнему смотрел куда-то вдаль, на уходящий вперёд коридор.

* * *

Камера предварительного заключения, расположенная практически в самом центре Департамента магического правопорядка, была роскошно обставлена — больше из представлений взрослых волшебников о естественной обстановке, нежели из какой-то особой заботы о заключённых. Здесь было кресло — саморегулирующееся, самокачающееся, с роскошными богато украшенными самоподогревающимися подушками. Здесь стоял шкаф со случайными книгами, спасёнными из корзины для уценённых товаров, и полка, заставленная древними журналами — один из них был выпущен аж в 1883 году. Что же касается туалетных принадлежностей... Что ж, они не были роскошными, но на комнату было наложено заклинание, позволяющее отложить все соответствующие занятия, — заключённый не мог пойти никуда, где его бы не видел наблюдающий за ним аврор. Во всём остальном это была вполне приятная маленькая камера. Профессор Защиты Хогвартса был задержан, не арестован. Его даже не запугивали. Не было никаких свидетельств, позволяющих предъявить ему официальное обвинение... если не считать того, что в Школе Чародейства и Волшебства Хогвартс случилось ужасное и необычное преступление, а предыдущий опыт показывал, что с шансами пять к одному нынешний профессор Защиты в этом как-нибудь замешан. Также следует добавить, что никто в ДМП даже не знал, кто на самом деле занимает должность профессора Защиты, и этот человек в буквальном смысле чихал на все попытки раскрыть его истинную сущность. В общем, нет, «Квиринуса Квиррелла» пока ещё не отпускали обратно в Хогвартс.

Позвольте подчеркнуть:

Профессор Защиты.

Содержался.

В камере.

Профессор Защиты смотрел на наблюдающего аврора и напевал.

С тех пор, как профессор Защиты оказался здесь, он не произнёс ни единого слова. Он лишь напевал некий мотив.

Сначала мотив звучал, как обычная детская колыбельная, та, что у маглов начинается: «Спи, моя радость, усни...»

Мотив повторялся семь минут, без изменений, снова и снова, приучая слушателя к определённом шаблону.

Потом в теме начались вариации. Фразы стали звучать медленно, с длинными паузами, так что разум слушателя беспомощно ожидал то следующей ноты, то следующей фразы. А когда следующая фраза все-таки начиналась, она оказывалась настолько мимо нот, так непостижимо и чудовищно мимо нот и даже не в той гамме, в какой звучали предыдущие фразы — она вообще не попадала ни в какую гамму. Можно было подумать, что этот человек тренировался часами, чтобы научиться настолько идеально фальшиво петь.

Всё это имело такое же отношение к музыке, какое к человеческому голосу имеет душераздирающий мёртвый голос дементора.

И эти ужасные, ужасные звуки игнорировать было невозможно. Они напоминали известную колыбельную, но отступали от неё непредсказуемым образом. Они задавали ожидания и сами же их нарушали, не следуя ни одному шаблону, который позволил бы воспринимать это пение как фон. Мозг слушателя против воли ожидал окончания этих антимузыкальных фраз и отмечал каждый неожиданный поворот.

Единственное возможное объяснение, откуда вообще взялся такой способ пения, заключалось в том, что некий непередаваемо жестокий гений проснулся однажды утром, почувствовал, что обычные пытки ему наскучили, и решил развлечься, придумав способ свести с ума человека, просто спев ему песенку.

Аврор слушал эти невообразимо чудовищные звуки уже четыре часа, ощущая рядом присутствие чего-то огромного, холодного, смертельного. И это чувство было одинаково ужасным — смотрел ли он прямо на задержанного или наблюдал за ним боковым зрением...

Пение прекратилось.

Пауза была долгой. Достаточно долгой, чтобы появилась ложная надежда. Сначала она была задавлена опытом предыдущих разочарований, но пауза длилась и длилась, и надежда начала неудержимо расти...

Пение возобновилось.

Аврор сломался.

Он сорвал с пояса зеркальце, стукнул по нему один раз и сказал:

— Говорит младший аврор Арджун Алтунай, код RJ-L20 в камере три.

— Код RJ-L20? — удивлённо переспросило зеркало. Послышался звук перелистываемых страниц. — Вы хотите, чтобы

вас сменили, потому что заключённый предпринимает попытку психологической атаки и преуспевает в ней?

(Амелия Боунс действительно довольно умна.)

— Что заключённый вам говорит? — спросило зеркало.

(Этот вопрос не был частью процедуры RJ-L20, но, к несчастью, Амелия Боунс не включила в инструкцию явный запрет на вопросы от дежурного офицера.)

— Он... — начал аврор и глянул в камеру. Профессор Защиты сидел, расслабленно откинувшись на спинку кресла. — Он смотрел на меня! И напевал!

Повисла пауза.

Потом зеркало вновь заговорило.

— И вы из-за этого передаёте сигнал RJ-L20? Вы уверены, что не пытаетесь просто увильнуть от дежурства?

(Амелию Боунс окружают идиоты.)

— Вы не понимаете! — выкрикнул аврор Алтунай. — Это очень ужасное пение!

Из зеркала послышался приглушённый смех — судя по всему, смеялся не один человек.

Потом оно заговорило снова.

— Мистер Алтунай, если вы не хотите, чтобы вас разжаловали в младшие авроры второго класса, я советую вам собраться и вернуться к работе...

— Отставить, — послышался резкий голос — немного нечётко из-за расстояния, отделявшего его от зеркала.

(Поэтому Амелия Боунс часто занимается бумажной работой, которую требует Министерство, в координационном центре ДМП.)

— Аврор Алтунай, — продолжил резкий голос, по всей видимости, приближаясь к зеркалу, — вас скоро сменят. Аврор Бен Гуттиеррес, процедура RJ-L20 не требует, чтобы вы спрашивали о причинах. Она говорит, что вы должны сменить аврора, который об этом просит. Если я вдруг обнаружу, что авроры злоупотребляют этим, я изменю её так, чтобы предотвратить злоупотребления... — зеркало резко прервалось.

Аврор торжествующе посмотрел на нынешнего профессора Защиты Хогвартса, развалившегося в кресле.

И тот, впервые с тех пор, как вошёл в камеру, заговорил:

— До свидания, мистер Алтунай, — сказал профессор Защиты.

Несколько минут спустя дверь камеры открылась, и вошла седая женщина, одетая в малиновые одежды аврора без каких-либо

знаков различия или других украшений. Слева под мышкой она несла чёрную кожаную папку.

— Вы свободны, — скомандовала пожилая дама.

Произошла короткая заминка — аврор Алтунай попытался объяснить, что произошло. Но его прервали — кивком и простым, чётким указанием на дверь.

— Добрый вечер, мадам директор, — сказал профессор Защиты.

Амелия Боунс никак не отреагировала на приветствие. Пожилая ведьма быстро села в освободившееся кресло и открыла чёрную папку. Её взгляд скользнул по пергаменту.

— Ключевые сведения к установлению личности нынешнего профессора Защиты Хогwartса, собранные аврором Робардсом, — Амелия Боунс перевернула титульную страницу. — Профессор Защиты заявил, что был распределён в Слизерин. Утверждал, что его семью убил Волдеморт. Сказал, что учился в центре боевых искусств в магловской Азии, который был уничтожен Волдемортом. Запрос, отправленный совместно с Отделом Международного Магического Сотрудничества, идентифицирует этот инцидент как «Дело Они» от 1969 года*. — она перелистнула ещё одну страницу. — Кроме того, похоже, что нынешний профессор Защиты выступил с крайне вдохновляющей речью перед своими учениками, за несколько дней до последнего Июля, осуждая предыдущее поколение за разобщённость перед Пожирателями Смерти, — пожилая ведьма подняла взгляд от кожаной папки. — Мадам Лонгботтом была под впечатлением и настояла, чтобы я прочитала речь целиком. Аргументы показались мне знакомыми, но в тот момент я не смогла их ни с чем связать. Хотя, конечно, тогда я полагала, что вы мертвы.

Глава охраны правопорядка магической Британии пристально посмотрела на нынешнего профессора Защиты сквозь толщу укреплённого заклинаниями стекла, разделявшего их. Человек в камере встретил её взгляд спокойно, без видимой тревоги.

— Не буду называть никаких имён, — продолжила пожилая ведьма, — но расскажу одну историю, и посмотрим, не покажется ли она вам знакомой, — Амелия Боунс вновь опустила взгляд и перевернула следующую страницу. — Родился в 1927, поступил в Хогwartс в 1938, распределён в Слизерин, окончил в 1945. Отправился за границу, чтобы продолжить образование, и исчез во время визита в Албанию. Считался погибшим до 1970, когда неожиданно вернулся в магическую Британию, никак не объясняя своё отсутствие в течение двадцати пяти лет. Сторонился семьи и друзей, жил уединённо. В 1971, во время

визита в Косой переулок, помешал Беллатрисе Блэк похитить дочь министра магии и убил двух из трёх Пожирателей Смерти, сопровождавших Беллатрису, Смертельным проклятием. Остальную часть истории знает вся Британия; нужно ли мне продолжать? — пожилая ведьма снова посмотрела поверх папки. — Что ж, хорошо. Состоялся суд Визенгамота, который оправдал использование этим молодым человеком Смертельного проклятия — не в последнюю очередь усилиями его бабушки, Леди его Дома. Он помирился со своей семьёй, и они созвали всех представителей Дома, чтобы отпраздновать его возвращение. Почётный гость прибыл на эту встречу и обнаружил, что вся его семья, и даже домовые эльфы, убита Пожирателями Смерти, а сам он, представитель младшей линии, являлся теперь единственным наследником Древнейшего Дома.

Профессор Защиты никак не реагировал, лишь наполовину прикрыл глаза, словно от усталости.

— Молодой человек занял место своей семьи в Визенгамоте, став одним из самых непримиримых противников Сами-Знаете-Кого. Несколько раз он вёл за собой людей в бой против Пожирателей Смерти, демонстрируя при этом тактическую выучку и необычайную силу. Люди начали говорить о нём как о новом Дамблдоре, думали, что после падения Тёмного Лорда он мог бы стать Министром магии. Третьего июля 1973 года он не явился на ключевое голосование Визенгамота, и никто о нём больше ничего не слышал. Мы полагали, что Сами-Знаете-Кто убил его. Это был серьёзный удар для всех нас, и дела с тех пор шли хуже день ото дня. Я и сама оплакивала вас. Что случилось?

Пожилая волшебница вопросительно посмотрела на собеседника.

Профессор Защиты слегка пожал плечами.

— Вы делаете много предположений, — мягко произнёс он. — Что до меня, то я бы сказал, что тот человек умер много лет назад. Но если тот человек всё же жив... тогда, очевидно, он не хочет, чтобы об этом знали, и у него есть достаточные причины хранить это в тайне. Тот человек, похоже, однажды вам в чём-то помог, — губы профессора Защиты искривились в циничной улыбке. — Но меня уже не удивляет мимолётность человеческой благодарности. Вы хотите от него ещё что-нибудь?

Старая ведьма в кресле аврора-наблюдателя вздрогнула. Кажется, слова профессора Защиты её задели.

— Нет... — спустя секунду ответила она. Её пальцы забарабанили по кожаной папке. Это можно было бы принять за признак

нервозности, если допустить, что Амелия Боунс в принципе способна нервничать. — Но ваш Дом... Древних Домов осталось не так много...

— Для этой страны не так важно, сколько осталось Древних Домов — восемь или семь.

Волшебница вздохнула.

— А что об этом думает Дамблдор?

Человек в камере покачал головой.

— Он не знает, кто я, и обещал не выяснять.

Брови пожилой волшебницы приподнялись.

— А как же он представил вас защитным чарам Хогвартса?

Лёгкая усмешка.

— Директор нарисовал круг и сказал Хогвартсу, что тот, кто стоит внутри, — профессор Защиты. И, кстати... — тон стал ниже, суше, — я пропускаю свои занятия, директор Боунс.

— Похоже, вам иногда нужно... «отдохнуть», в определённом смысле. Об этом тоже есть в отчёте. И, похоже, с течением времени вы «отдыхаете» всё чаще и чаще, — пальцы волшебницы снова застучали по папке. — Не могу припомнить, чтобы я читала о таких симптомах, но когда слышишь о подобном, на ум сразу приходят... сражения с Тёмными волшебниками и полученные ужасные проклятия...

Выражение лица профессора Защиты не изменилось.

— Вам нужна помощь целителя? — спросила Амелия Боунс. Её собственная маска спала, и в глазах явственно читалась боль. — Можно ли вообще чем-нибудь вам помочь?

— Я согласился преподавать Защиту в Хогвартсе, — ровным голосом ответил человек в камере. — Выводы делайте сами, мадам. И я пропускаю занятия, которых осталось не так уж много. Я бы хотел вернуться в Хогвартс. Прямо сейчас.

* * *

Когда Гермиона проснулась в третий раз (хотя ей показалось, что она просто на секунду закрыла глаза), солнце уже почти село. Она чувствовала себя чуть более живой и, что удивительно, гораздо более опустошённой. На этот раз у её кровати стоял профессор Флитвик и тряс её за плечо. Рядом с ним в воздухе висел поднос с едой, от которой поднимался пар. Почему-то она думала, что обнаружит склонившегося над кроватью Гарри Поттера, но его не было. Ей это приснилось? У неё не получилось вспомнить свой сон.

Со слов профессора Флитвика выяснилось, что Гермиона пропустила ужин в Большом зале и её разбудили, чтобы она поела. А затем она может вернуться в башню Когтеврана и спать в своей постели.

Она ела молча. Часть её хотела спросить профессора Флитвика — считает ли он, что ей изменили память, или думает, что она пыталась убить Драко Малфоя по своей воле...

... как она сама помнила...

... но большая её часть боялась узнать ответ. «Боязнь ответа», по мнению Гарри Поттера и его книг, была знаком, на который следует обратить внимание, но её разум устал, был *избит*, и она не смогла найти сил, чтобы преодолеть себя.

Когда они вышли из лазарета, за дверью обнаружился Гарри Поттер, который сидел, скрестив ноги по-турецки, и тихо читал учебник по психологии.

— Я её провожу, — сказал Мальчик-Который-Выжил. — Профессор МакГонагалл разрешила.

Профессор Флитвик, похоже, был не против и, окинув их строгим взглядом, ушёл. Гермиона не представляла, что мог означать этот строгий взгляд, разве что: «Не вздумайте убить ещё кого-нибудь из учеников».

Звук шагов профессора Флитвика стих, и они остались у дверей лазарета одни.

Она посмотрела в зелёные глаза Мальчика-Который-Выжил, на его растрёпанные волосы, из-под которых виднелся шрам. Она смотрела на мальчика, который, не раздумывая, отдал все свои деньги, чтобы её спасти. Её переполняли чувства вины, стыда, неловкости и многое другое, но слов не было. Она не знала, что сказать.

— Итак, — внезапно начал Гарри. — Я пробежался по своим книгам по психологии, чтобы узнать о посттравматическом стрессовом расстройстве. В старых книгах пишут, что надо незамедлительно обсудить свой опыт с психологом-консультантом. Но, согласно новым исследованиям, когда начали проводить эксперименты, выяснилось, что незамедлительное обсуждение делает всё только хуже. По-видимому, нужно следовать естественному желанию своего разума подавить воспоминания и какое-то время не думать о произошедшем.

Это было настолько нормально, настолько обычно для их общения, что в горле у неё запершило.

«Нам не обязательно говорить об этом». Вот что, в общих чертах, Гарри только что сказал. Это казалось жульничеством, возможно, даже ложью. Ничего не было «нормально». Всё неправильное по-

прежнему оставалось ужасно неправильным. Всё невысказанное по-прежнему было необходимо сказать...

— Хорошо, — произнесла Гермiona. Потому что ей нечего было сказать, совсем нечего.

Они направились в сторону башни Когтеврана.

— Извини, что меня не было рядом, когда ты проснулась, — заговорил Гарри. — Мадам Помфри всё равно бы меня не пустила, так что я остался снаружи, — он коротко и грустно пожал плечами. — Наверное, мне стоило пойти попробовать заняться починкой отношений с общественностью, но... честно говоря, у меня это всегда плохо получалось, в итоге я обычно говорю людям что-нибудь резкое.

— Насколько всё плохо? — она думала, что спросит шёпотом, хрипло, но голос оказался нормальным.

— Ну... — заметно помешкав, начал Гарри. — Понимаешь, Гермiona, сегодня за завтраком у тебя была масса защитников, но все твои сторонники... несли чушь. Говорили, что Драко первым решил тебя убить, ну и всё такое. Для всех это выглядело как противостояние Грейнджер и Малфоя, словно вы на весах, и если противника утянет вниз, то чаша с победителем поднимется вверх. Я сказал им, что скорее всего вы оба невиновны и оба подверглись заклинанию Ложной памяти. Но они не слушали, обе стороны сочли меня предателем, который пытается оставаться посередине. А потом люди узнали, что Драко подсывороткой правды свидетельствовал, что старался помочь тебе перед битвой... не делай такое лицо, Гермiona, ты ничего с ним на самом деле не сделала. Так вот, все поняли, что сторонники Малфоя были правы, а сторонники Грейнджер — нет, — Гарри вздохнул. — И я сказал им, что позже, когда правда выйдет на свет, им всем будет стыдно...

— Насколько всё плохо? — повторила она. Её голос прозвучал слабее.

— Помнишь эксперимент Аша? — Гарри повернул голову и серьёзно посмотрел на неё.

Её разуму потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, и это её напугало, но потом информация всплыла в памяти. В 1951 году Соломон Аш взял несколько подопытных, и каждого поместил среди других людей, с виду таких же участников, но на деле — подсадных уток. Им показывали линию на экране, с пометкой X, а рядом — ещё три, с пометками A, B и C. Ведущий эксперимента спрашивал, какой из трёх линий равна по длине линия X. Правильным ответом, очевидно, был вариант C. Но другие «подопытные», подсадные, один за другим утверждали, что линия X равна по длине линии B. Насто-

ящий подопытный шёл предпоследним в очереди (будь он последним, возникли бы подозрения). Суть теста заключалась в проверке, согласится ли испытуемый с неправильным ответом В, который давали окружающие, или озвучит очевидный верный ответ С.

75% подопытных подчинились мнению остальных как минимум единожды. Треть испытуемых соглашалась с окружающими более, чем в половине случаев. Некоторые потом отметили, что действительно верили, что Х имеет ту же самую длину, что и В. И всё это было в случае, когда испытуемый не знал никого из других участников эксперимента. Если же окружить человека людьми, которые принадлежат к той же группе, что и он, например, посадить инвалида на коляске среди других инвалидов на колясках, эффект конформизма только усиливается...

У Гермионы возникло нехорошее предчувствие.

— Я помню, — прошептала она.

— Знаешь, я устраивал Легиону Хаоса тренировку против конформизма. Каждый легионер должен был стоять в центре и говорить «дважды два — четыре!» или «трава — зелёная!», а все остальные из Легиона обзывали его идиотом или насмехались над ним (у Аллена Флинта получалось особенно хорошо) или просто смотрели сквозь него и уходили. Но тебе нужно помнить, что подобная практика была только у Легиона Хаоса. Никто другой в Хогвартсе даже не знает, что такое конформизм.

— Гарри! — её голос задрожал. — Насколько всё плохо?!

Гарри ещё раз печально пожал плечами.

— Все со второго курса и старше, потому что они тебя не знают. Все в Армии Драконов. Все в Слизерине, разумеется. И, думаю, большая часть оставшейся магической Британии. Люциус Малfoy контролирует «Ежедневный пророк», как ты помнишь.

— То есть все? — прошептала она. Руки и ноги её похолодели, словно она только что вышла из бассейна без подогрева.

— То, во что верят люди, не ощущается ими как вера, они просто думают, что мир такой и есть. Мы с тобой стоим в маленьком пузырьке вселенной, где на Гермиону Грейнджер наложили заклятие Ложной памяти. Все остальные живут в мире, где Гермиона Грейнджер пыталась убить Драко Малфоя. Если Эрни Макмиллан...

У неё перехватило дыхание. Даже капитан Макмиллан...

— ...думает, что этика теперь запрещает ему оставаться твоим другом, то он пытается поступить правильно в том смысле, как он это понимает, в том мире, в котором, по его мнению, он живёт, — глаза

Гарри смотрели очень серьёзно. — Гермiona, ты мне много раз говорила, что я слишком свысока смотрю на остальных. Но если бы я ожидал от них чересчур многого — если бы ожидал, что люди будут понимать всё правильно — я бы их вообще возненавидел. Оставим идеализм, на самом деле ученики не владеют науками о мышлении в мере, достаточной, чтобы отвечать за то, как работает их сознание. Они не виноваты, что они сумасшедшие, — голос Гарри был до странного мягким, почти как у взрослого. — Я знаю, тебе это тяжелее, чем было бы мне. Но помни, в конце концов настоящий виновник будет изобличён. Правда выйдет наружу, и все, кто был уверен в неправильном, окажутся в дурацком положении.

— А если настоящего виновника не поймают? — спросила она срывающимся голосом.

...или в итоге окажется, что это всё-таки я?

— Тогда ты покинешь Хогвартс и пойдёшь в Институт Салемских Ведьм в Америке.

— Покину Хогвартс?! — она никогда не рассматривала такую возможность иначе как высшую меру наказания.

— Я... Гермiona, я думаю, тебе может этого захотеться в любом случае. Хогвартс — это не крепость, а безумие со стенами. Тебе нужны и другие варианты.

— Мне... — пролепетала она. — Мне надо... подумать обо всём этом...

Гарри кивнул.

— По крайней мере, никто не попытается тебя проклясть — не после того, что сегодня директор сказал за ужином. Да, ко мне подходил Рон Уизли — с очень серьёзным видом, — просил передать, если я увижу тебя первым, что он сожалеет, что думал о тебе так ужасно, и он никогда больше не будет говорить о тебе плохо.

— Рон верит, что я невинна? — спросила Гермiona.

— Ну... он не то чтобы считает тебя невинной...

* * *

Когда они вошли, в гостиной Когтеврана наступила абсолютная тишина.

Все смотрели на них.

Все смотрели на неё.

(У неё случались похожие кошмары.)

А потом, один за другим, люди отвернулись от неё.

Пенелопа Клируотер, пятикурсница, староста, присматривающая за первогодками, медленно повернула голову в другую сторону.

Су Ли, Лиза Турпин и Майкл Корнер сидели за столом вместе. Им всем она время от времени помогала с домашней работой. Когда она попыталась встретиться с ними взглядом, они вдруг занервничали и отвернулись.

Третьекурсница Латиша Рэндл, которую ЖОПРПГ дважды спасала от слизеринских хулиганов, быстро склонилась над столом и снова уткнулась в домашнюю работу.

Мэнди Брокхёрст отвернулась от неё.

Гермиона не разрыдалась только потому, что ожидала этого, вновь и вновь представляла эту сцену в своей голове. По крайней мере никто не кричал на неё, не толкал, не кидался проклятиями. Все просто отводили взгляд...

Гермиона направилась напрямиком к лестнице, которая вела к спальням девочек-первокурсниц. (Она не видела, что Падма Патил и Энтони Голдштейн смотрят на неё — единственные, кто проводил её взглядом.) За её спиной раздался очень спокойный голос Гарри Поттера:

— Слушайте все. Рано или поздно мы узнаем правду. Поэтому, раз уж вы все уверены, что она виновна, не поставите ли вы подписи на этой бумаге? Здесь сказано, что если впоследствии выяснится, что она невиновна, то у неё будет полное право сказать вам «я же говорила» и не давать забыть об этом до конца вашей жизни. Ну же, подходите, не трусьте. Если вы действительно верите, вы не побойтесь поставить...

Она была уже на полпути, когда вдруг поняла, что в спальне тоже может находиться кто-нибудь из девочек.

* * *

Солнце уже закатилось, но звёзды ещё не появились. Лишь одна или две, самые яркие, просвечивали сквозь фиолетово-алую дымку на горизонте.

Гермиона вцепилась в каменный парапет маленького балкона, на который она выскочила из лестничного колодца. Она осознала, что...

...она не может просто пойти спать...

... эти слова повторялись у неё в голове снова и снова. Так могло бы звучать: «Ты не сможешь вернуться домой».

Она смотрела на опустевшую территорию замка, на угасающий закат, на траву, растущую далеко внизу.

Она устала, ужасно устала, она не могла уже думать, ей нужно было поспать. Профессор Флитвик сказал, что ей необходимо выспаться, и добавил ещё одно зелье к её ужину. Может быть, общество волшебников лечит ужасные травмы невинных девочек именно так — просто заставляет их много спать.

Ей следовало отправиться в свою комнату и уснуть, но она боялась идти туда, где есть люди. Боялась того, как они будут смотреть на неё, как они будут отворачиваться.

Опускалась ночь. В голове кружились обрывки мыслей. Гермиона слишком устала, чтобы их закончить или как-то связать.

Почему...

Почему так вышло...

Ещё неделю назад всё было хорошо...

Почему...

Позади скрипнула дверь.

Девочка оглянулась.

В дверном проёме, через который она вышла на балкон, прислонившись к косяку, стоял профессор Квиррелл. В свете факелов Хогвартса его силуэт на фоне двери казался словно вырезанным из бумаги. Коридор сзади него был ярко освещён, но девочка не могла разглядеть выражение лица профессора — его глаза, его лицо терялись в ночной тени.

Профессор Защиты Хогвартса, первый в списке людей, которые могли стоять за произошедшим. Только сейчас она осознала, что у неё есть список подозреваемых.

Человек молча стоял в дверном проёме, и она не могла разглядеть его глаза. Что он вообще тут делает...

— Вы пришли, чтобы убить меня? — спросила Гермиона Грейнджер.

Профессор Квиррелл слегка повернул голову.

Затем он двинулся к ней, тёмный силуэт неторопливо поднял руку, как будто собираясь столкнуть её с башни Когтеврана...

— *Ступефай!*

Всплеск адреналина смёл все сомнения. Не задумываясь, она выхватила палочку, её губы сами по себе произнесли слово, сногсшибатель слетел с её палочки и...

...замедлился и застыл перед поднятой рукой профессора Квиррелла, слегка шипя и колеблясь в воздухе, будто он всё ещё пытался долететь.

Красный свет заклинания, наконец, озарил лицо профессора, явив странную тёплую улыбку.

— Уже лучше, — сказал профессор Квиррелл. — Мисс Грейнджер, вы по-прежнему являетесь моей ученицей. И если уж вы посчитали меня угрозой, я не жду, что вы просто печально посмотрите на меня и спросите, не собираюсь ли я вас убить. Минус два балла Квиррелла.

Гермиона полностью лишилась дара речи.

Профессор Защиты небрежно щёлкнул пальцем по застывшему сногшибателю и отправил проклятие куда-то в ночь за её спиной. Они снова оказались в темноте. Квиринус Квиррелл шагнул вперёд, дверь захлопнулась за его спиной. Балкон осветился мягким белым светом, и девочка снова смогла увидеть лицо профессора, на котором была всё та же странная мягкая улыбка.

— Что вы... что вы тут делаете?

Профессор подошёл к ограждению балкона и тяжело облокотился на камень, глядя в темноту.

— Я пришёл сюда, как только меня отпустили авроры, и как только я закончил разговор с директором, потому что я — ваш учитель, а вы — моя ученица, и я за вас отвечаю, — тихо ответил профессор Квиррелл.

И тогда Гермиона поняла — она вспомнила, что профессор Квиррелл говорил Гарри про контроль над гневом на втором уроке Защиты. Она почувствовала, что краснеет от стыда. Потребовалась секунда, чтобы вспомнить слова Гарри и выдавить:

— Я... Гарри считает... что на самом деле я не теряла контроль над собой. Я имею в виду...

— Я тоже это слышал, — совершенно бесстрастно сказал профессор. Он покачал головой, как будто не соглашаясь со звёздами. — Мальчику повезло, что меня перестало раздражать его стремление к саморазрушению, и теперь мне просто любопытно, что же он выкинет в следующий раз. Но я согласен с выводами мистера Поттера. Это убийство было тщательно спланировано, чтобы злоумышленника не заметили ни защитные чары Хогвартса, ни директор при расследовании по горячим следам. Естественно, при настолько продуманном убийстве, нужно сделать козлом отпущения кого-то невинного, — короткая, кривая улыбка скользнула по лицу профессора Защиты, хоть он и не смотрел в сторону Гермионы. — Что же касается точки зрения, что вы совершили это сами... Я считаю себя талантливым учителем, но даже я не смог бы вложить подобное стремление к убийству в такую упрямую и бесталанную ученицу, как Гермиона Грейнджер.

Какая-то часть её сознания возмущённо воскликнула: «Что?!», но слишком тихо, и это слово так и не прозвучало.

— Нет... — продолжил профессор Квиррелл. — Я здесь не поэтому. Вы не пытаетесь скрыть свою неприязнь ко мне, мисс Грейнджер. Спасибо за отсутствие притворства, ибо я предпочитаю искреннюю ненависть лживой любви. Но вы всё ещё моя ученица, и мне есть, что вам сказать, если вы готовы слушать.

Гермиона смотрела на него, ещё борясь с последствиями притока адреналина. Профессор Защиты, казалось, просто глядел в тёмное небо, где уже появлялись звёзды.

— Когда-то я собирался стать героем, — сообщил профессор, всё так же глядя вверх. — Вы можете в это поверить, мисс Грейнджер?

— Нет.

— Ещё раз спасибо, мисс Грейнджер. Тем не менее, это так. Давным-давно, прежде чем родились вы или Гарри Поттер, был один человек, которого провозгласили спасителем. Осенённый судьбой герой, словно вышедший из сказки, вооружённый справедливостью и возмездием, против ужасающего врага, — профессор Квиррелл коротко и горько усмехнулся, глядя в ночное небо. — Знаете, мисс Грейнджер, в то время я уже считал себя циником, однако...

Молчание в холодной ночи затянулось.

— Честно говоря, — продолжил профессор, не сводя глаз со звёзд, — я до сих пор не понимаю. Они должны были осознать, что их жизни зависят от успеха этого человека. И, тем не менее, они как будто старались сделать всё возможное, чтобы его жизнь стала очень неприятной. Чтобы создать любые мыслимые препятствия на его пути. Я не был наивен, мисс Грейнджер, я не ждал, что люди, облечённые властью, тут же поддержат меня без какой-либо для себя выгоды. Но их власть тоже оказалась под угрозой, и я был поражён тем, насколько охотно они отступили, оставив этому человеку всю тяжесть ответственности. Они высмеивали его успехи, обсуждая между собой, что бы они сделали на его месте, но не снисходили до того, чтобы сделать что-то самим, — профессор Квиррелл покачал головой, словно недоумевая. — Но что самое странное... Тёмный волшебник, смертельный враг этого человека... те, кто служили ему, ретиво выполняли его задания. Тёмный волшебник обращался со своими последователями всё более жестоко, но они лишь охотнее следовали за ним. Люди дрались за шанс служить ему, в то время, как те, чьё существование зависело от героя, лишь усложняли ему жизнь... Я не мог этого понять, мисс Грейнджер, — профессор смотрел вверх, его лицо было в тени. — Быть может, взяв на себя проклятие инициативы, этот человек снял его со всех остальных? И потому

они не стеснялись мешать ему сражаться с Тёмным волшебником, который собирался поработить их всех? Вера в то, что люди будут действовать в своих собственных интересах, оказалась не цинизмом, а чистейшей воды оптимизмом. В реальности люди не соответствуют такому высокому стандарту. И вот, через некоторое время, тот человек осознал, что, возможно, ему будет легче биться с Тёмным волшебником одному, чем с такими последователями за спиной.

— И тогда... — в темноте собственный голос казался Гермине чужим, — вы оставили своих друзей там, где они будут в безопасности, и попытались напасть на Тёмного волшебника в одиночку?

— Вообще-то, нет, — ответил профессор Квиррелл. — Я оставил попытки быть героем и ушёл заниматься более приятными делами.

— Что?! — машинально воскликнула Гермiona. — Но ведь это чудовищно!

Профессор Защиты оторвал взгляд от неба и посмотрел на неё. Девочка увидела, что он улыбается... по крайней мере, половина его лица улыбалась.

— Мисс Грейнджер, вы собираетесь сообщить мне, что я ужасный человек? Наверное, так и есть. Но тогда те люди, которые никогда даже не пытались быть героями, ещё хуже? Если я, как и они тогда, ничего не стал бы предпринимать, стали бы вы думать обо мне лучше?

Гермiona открыла рот и обнаружила, что ей снова нечего сказать. Перестать быть героем было неправильно, нельзя вот так просто взять и уйти, но она не могла и сказать, что все, кто не был героем, были просто ничем — это мышление в стиле Квиррелла...

Улыбка — или полуулыбка — исчезла.

— С вашей стороны было глупо, — тихо произнёс профессор Защиты, — ожидать длительной благодарности от тех, кого вы пытались защитить, когда назвали себя героиней. Точно так же, как и ожидать, что тот человек будет продолжать оставаться героем, точно так же, как и назвать его чудовищем за то, что он остановился, когда тысячи других не пошевелили и пальцем. От вас ожидали, что вы должны драться с хулиганами. Это было платой, которую вы обязаны отдать, и её принимали с королевским снисхождением, и кривились из-за малейшей вашей задержки. И я готов поспорить, вы уже стали свидетельницей того, как их любовь развеялась пылью на ветру, лишь только связь с вами вошла в противоречие с их интересами...

Профессор Защиты медленно выпрямился, повернулся и внимательно посмотрел на неё.

— Но вы не обязаны быть героем, мисс Грейнджер, — сказал профессор Квиррелл. — Вы можете остановиться в любой момент.

Эта мысль...

...приходила к ней и раньше, несколько раз за последние два дня.

«Люди становятся теми, кем им суждено быть, делая то, что правильно», говорил ей директор Дамблдор. Проблема в том, что тут было два разных правильных пути. С одной стороны, она считала, что правильно будет оставаться героиней и не покидать Хогвартс — она не понимала, что тут происходит, но героини просто так не убегают.

И был ещё голос здравого смысла, голос школьных плакатов, предупреждающих не брать конфеты у незнакомцев, который говорил, что маленькие дети никогда не должны оставаться в опасности, с опасностями должны иметь дело взрослые. И это тоже было правильно.

Гермиона Грейнджер стояла на балконе, смотрела на силуэт профессора Квиррелла, очерченный светом появившихся звёзд, и не понимала. Она не понимала, как профессор Защиты может смотреть на неё с беспокойством на лице. Она не понимала отголоска боли, который уловила в его голосе. Она не понимала, зачем ей всё это говорят.

— Я ведь вам даже не нравлюсь, профессор, — сказала Гермиона.

Слабая улыбка мелькнула на лице профессора Квиррелла.

— Полагаю, я мог бы продолжать распространяться по поводу того, как я рассержен, что это происшествие отняло моё ценное время и прервало мои уроки Защиты. Но основная причина в том, мисс Грейнджер, что вы — моя ученица. Пусть у меня и было много других профессий, но я думаю, что в Хогвартсе я проявил себя хорошим учителем, не так ли? — внезапно глаза профессора Квиррелла показались очень усталыми. — Как ваш учитель, я советую вам рассмотреть другие варианты карьеры. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то ещё шёл по моему пути.

Гермиона сглотнула. Она никогда не видела и не воображала себе эту сторону профессора Квиррелла, и это нарушало её представления о нём.

Профессор Квиррелл наблюдал за ней ещё несколько мгновений, а затем снова повернулся к звёздам. Когда он заговорил, его голос звучал тише:

— Кто-то в Хогвартсе выбрал вас своей мишенью, мисс Грейнджер, и я не могу защитить вас чарами, как я защитил мистера Малфоя. Директор сделал это невозможным, по причинам, которые он считает разумными. Я знаю, легко полюбить Хогвартс — я и сам

его люблю. Но во Франции к Древнейшим Домам относятся иначе, чем в Британии, и, думаю, Шармбатон отнесётся к вам благосклонно. Что бы вы там ни воображали на мой счёт, я клянусь, что, если вы попросите меня обустроить ваше безопасное пребывание в Шармбатоне, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы проводить вас туда.

— Я не могу просто... — сказала Гермиона.

— Можете, мисс Грейнджер, — теперь бледные голубые глаза пристально смотрели на неё. — Что бы вы ни хотели сделать со своей жизнью, вы уже не сможете достичь этого в Хогвартсе. Это место больше не подходит вам, даже если забыть про все прочие угрозы. Просто попросите Гарри Поттера приказать вам отправиться в Шармбатон и мирно жить своей жизнью. Если вы останетесь здесь, он будет вашим хозяином в глазах Британии и её закона!

Она даже не задумывалась о своей клятве, это блекло по сравнению с угрозой быть съеденной дементорами. Раньше она боялась потерять независимость, но теперь всё выглядело таким ребячеством, чем-то неважным, бессмысленным. Так почему же её глаза так жжёт?

— И если даже этого недостаточно для вас, мисс Грейнджер, подумайте о том, что мистер Поттер сегодня днём угрожал Люциусу Малфою, Альбусу Дамблдору и всему Визенгамоту. Потому что он не способен здраво размышлять, когда что-то угрожает забрать вас у него. Вам не страшно, что он сделает в следующий раз?

В словах профессора был смысл. Чудовищный смысл. Страшный жуткий смысл.

В них было даже слишком много смысла...

Она не могла описать словами, что именно подтолкнуло её к пониманию — возможно, причиной было невыносимое давление, которое профессор Защиты оказывал на неё.

Если именно профессор Защиты стоял за всем произошедшим... то профессор Квиррелл устроил всё это просто для того, чтобы убрать её с дороги, чтобы она не мешала его планам относительно Гарри.

Неосознанно она перенесла свой вес на другую ногу, её тело отодвинулось от профессора Защиты...

— Значит, вы думаете, что это я в ответе за произошедшее? — сказал профессор Квиррелл. Его голос звучал немного печально, и её сердце чуть не остановилось, когда она услышала эти слова. — Полагаю, я не могу вас винить. Ведь я всё-таки профессор Защиты Хогвартса. Но, мисс Грейнджер, даже допуская, что я — ваш враг, здравый смысл должен говорить вам убраться от меня, причём как можно быстрее. Вы не можете использовать Смертельное

проклятье, так что правильная тактика — аппарировать подальше. Я не против того, чтобы быть злодеем в вашем воображении, если это прояснит ситуацию. Покиньте Хогвартс и оставьте меня тем, кто способен со мной разобраться. Я организую ваш переезд через семью с хорошей репутацией, и, если вы не доберётесь благополучно, мистер Поттер будет знать, что виноват я.

— Я... — она мёрзла, ночной воздух холодил её кожу, или быть может, это кожа холодила воздух, — мне нужно подумать...

Профессор Квиррелл покачал головой.

— Нет, мисс Грейнджер. Мне потребуется время, чтобы организовать ваш переезд, и у меня осталось меньше времени, чем вам кажется. Это решение может быть болезненным, но с ним нужно определиться. На чашах весов лежит большой вес, но вес не равный. Этой ночью я должен услышать ваш ответ.

А если нет...

Предупреждает ли её профессор Защиты намеренно? Что если она не убежит, он снова нанесёт удар?

Почему это так важно? Что профессор Квиррелл хочет сделать с Гарри?

Гермиона Грейнджер, мне придётся дать менее тонкий намёк, чем обычно свойственно таинственному старому волшебнику, и сказать вам прямо, что вы не можете даже вообразить, насколько плохо всё может обернуться, если связанные с Гарри Поттером дела пойдут скверно.

Самый могущественный волшебник в мире сказал ей эти слова, когда они обсуждали, как важно, чтобы она оставалась другом Гарри.

Гермиона сглотнула. Она стояла на каменном балконе волшебного замка, и у неё слегка закружилась голова. Внезапно смертельная абсурдность ситуации захлестнула её. Двенадцатилетние девочки не должны оказываться в опасности, не должны думать о таких вещах. Мама бы захотела, чтобы она СБЕЖАЛА отсюда, а у папы случился бы сердечный приступ, если бы он только узнал, что она столкнулась с такими вопросами.

Она ощутила на себе то, о чём и Гарри, и Дамблдор пытались её предупредить — всё, что она раньше думала о жизни героини, оказалось неправдой. На самом деле герои существуют только в сказках. В реальности есть лишь ужасная опасность, арестовывающие тебя авроры, камера с дементором, боль и страх, и...

— Мисс Грейнджер? — напомнил о себе профессор Защиты.

Она ничего не сказала. Все слова застряли у неё в горле.

— Мне нужно ваше решение, мисс Грейнджер.

Она сжала губы, не давая вырваться ни единому слову.

Наконец профессор Защиты вздохнул. Белый свет медленно погас, дверь позади него медленно открылась, и он снова превратился в чёрный силуэт на фоне коридора.

— Спокойной ночи, мисс Грейнджер, — сказал он, повернулся к ней спиной и ушёл вглубь Хогвартса.

Прошло какое-то время, прежде чем её дыхание успокоилось. То, что произошло здесь этой ночью, чем бы оно ни было, совсем не походило на победу. Она так отчаянно боролась с собой, чтобы не сказать «Да», несмотря на давление профессора Защиты, и теперь даже не была уверена, что поступила правильно.

Когда она сама двинулась к свету (после того, как усталость перекрыла все остальные ощущения и сон снова стал казаться чем-то возможным), уже стоя в дверном проёме, ей показалось, что где-то позади и наверху послышался отдалённый птичий крик.

Но она знала, что крик адресован не ей, и потому начала подниматься по ступеням к своей спальне.

Остальные девочки наверняка уже спят и не станут смотреть на неё или отворачиваться...

Она почувствовала, как полились слёзы, и на этот раз она не стала их сдерживать.

Глава 85

Цена бесценного. Послесловие 3. На расстоянии

На вершину башни Когтеврана вела длинная лестница, подниматься по которой было тяжело и долго. Изнутри она выглядела совершенно прямой, хотя снаружи бы показалось, что, по логике вещей, ей следует идти по спирали. Добраться до вершины можно было, лишь проделав весь долгий путь, никак не пытаясь его срезать — шаг за шагом, ступенька за ступенькой. И сейчас усталые ноги Гарри пересчитывали эти ступеньки.

Он убедился, что Гермиона благополучно отправилась спать.

Он пробыл в гостиной Когтеврана столько времени, сколько понадобилось, чтобы собрать несколько подписей — это могло пригодиться Гермионе позже. Подписались лишь немногие — никто не учил волшебников мыслить по правилам магловской науки: «делай ставку или заткнись», «поручись головой за своё предсказание или перестань прикидываться, что веришь в свою теорию». Большинство из них не усматривало никакого противоречия между нежеланием подписывать договор, в соответствии с которым они будут обязаны Гермионе по гроб жизни, если не правы, и той безраздельной уверенностью в её вине, которую они демонстрировали. Но когда правда выйдет наружу, такой список подписей может оказаться полезным. И если кто-нибудь снова заподозрит Гермиону в чём-нибудь Тёмном, ей, по крайней мере, не придётся проходить через всё это второй раз.

Затем Гарри поспешил покинуть общую комнату: ему было всё тяжелее и тяжелее помнить о всепрощении, на которое он себя настраивал. Иногда у него проскакивала мысль, что глубочайший разлом в его личности не имеет никакого отношения к Тёмной Стороне, а скорее является границей между альтруистичным и великодушным

Абстрактно Рассуждающим Гарри и разочарованным и сердитым Сиюминутным Гарри.

Круглая площадка на крыше башни Когтеврана — не самое высокое место в Хогвартсе. Но, поскольку башня Когтеврана несколько отстоит от основной части замка, заглянуть на её крышу с Астрономической башни невозможно. Это тихое место идеально для размышлений, если у вас ужасно много всего, над чем надо поразмыслить. Сюда редко заглядывают ученики — есть и другие места для уединения, более доступные, если уединение — это всё, что вам нужно.

Факелы, освещающие Хогвартс ночью, находятся гораздо ниже. На самой площадке практически ничего не загораживает обзор — лестница уходит в отверстие в полу, а не в обычную дверь — и с неё прекрасно видны звёзды. Прекрасно настолько, насколько они вообще могут быть видны с Земли.

Мальчик лёг в центре площадки, не боясь испачкать мантию. Его голова опустилась на каменную плитку, и вся реальность, за исключением зубчатого края стены и серебряного полумесяца, превратилась в звёздный свет.

Светящиеся на чёрном бархате точки мигали, исчезали и загорались вновь — совсем другая красота, нежели застывшее величие той тихой рождественской ночи.

Но Гарри смотрел не на них, он думал о другом.

Сегодня началась твоя война против Волдеморта...

Дамблдор сказал это после Инцидента со Спасением Беллатрисы Из Азкабана. Тогда это была ложная тревога, но фраза хорошо передавала подходящее ощущение.

Две ночи назад его война началась, и Гарри не знал против кого.

Дамблдор считал, что Беллатрису освободил Лорд Волдеморт, который восстал из мёртвых и сделал свой первый шаг против мальчика, победившего его в прошлый раз.

Профессор Квиррелл наложил на Драко чары слежения, поскольку боялся, что безумный директор Хогвартса попытается убить сына Людиуса и свалить вину на Гарри.

Или же всё это подстроил профессор Квиррелл, и именно поэтому он знал, где искать Драко. Северус Снейп считал профессора Защиты Хогвартса очевидным подозреваемым и даже единственным очевидным подозреваемым.

Да и самому Северусу Снейпу можно было доверять лишь с большой натяжкой. А может быть и вовсе нельзя было доверять.

Кто-то объявил войну Гарри, и первым ударом собирался забрать сразу и Драко, и Гермиону, и Гарри едва-едва удалось спасти Гермиону.

Это никак нельзя было назвать победой. Драко забрали из Хогвартса, и хоть он и не умер, оставалось непонятно, как его вернуть или каким он вернётся. Вся магическая Британия считала теперь, что Гермиона пыталась совершить убийство, и теперь Гермиона либо рассудит здраво и уйдёт, либо нет. Гарри пожертвовал всем своим состоянием, чтобы спасти её, но эту карту можно было разыграть только один раз.

Какая-то неведомая сила нанесла по нему удар и, хотя его удалось частично отразить, это не отменяло факта, что удар оказался действительно сильным.

Но, по крайней мере, его Тёмная Сторона не просила ничего взамен за спасение Гермионы. Может быть, потому что Тёмная Сторона не была воображаемой, как голос Пуффендуйца. Гарри мог представить, что его внутренний пуффендуйец хочет чего-нибудь от него, но с Тёмной Стороной всё обстояло совсем иначе. Тёмная Сторона, насколько Гарри мог об этом судить, являлась другим способом бытия самого Гарри. Прямо сейчас Гарри не был зол, и спрашивать сейчас, чего хочет Тёмный Гарри — было всё равно что позвонить и не получить ответа. Эта мысль выглядела даже немного странно — можно ли оказаться в долгу у другого способа вашего же бытия?

Взгляд Гарри случайным образом перескакивал от звёзды к звезде, от одного мерцающего огонька к другому, и его разум сам собой рисовал из них воображаемые созвездия.

А ещё была клятва Гарри.

Драко должен помочь ему реформировать Слизерин. А Гарри должен признать своим врагом того, кто по его мнению, полученному на основе взвешенного суждения рационалиста, убил Нарциссу Малфой. Если Нарцисса никогда не запятнала своих рук, если она действительно была сожжена заживо, если убийцу не обманули — Гарри помнил только эти условия. Наверное, стоило всё записать на бумаге, а ещё лучше — вообще никогда не давать обещаний с таким количеством условий.

При желании он мог найти приемлемую лазейку. Ведь Дамблдор не признался по-настоящему. Он не вышел вперёд и не сказал, что это он убил Нарциссу. На-самом-деле-виновный Дамблдор вёл бы себя именно таким образом по вполне убедительным причинам. Но если Нарциссу сжёт кто-то другой, а Дамблдор лишь взял на себя ответственность, он, скорее всего, вёл бы себя абсолютно точно так же.

Гарри покачал головой, подметая волосами каменную плитку. Оставалась ещё и последняя лазейка — Драко мог в любое время освободить его от этой клятвы. Как минимум, он мог описать ситуацию Драко и обсудить возможные варианты при следующей встрече. Это вряд ли приведёт к снятию обязательства, но сама идея поговорить обо всём честно вполне устраивала ту его часть, которая требовала соблюдения клятвы. Даже если это означает лишь отсрочку, так всё же будет лучше, чем объявлять врагом хорошего человека.

А Дамблдор — хороший человек? — спросил пуффендуец. — *Если он сжёт кого-то заживо... разве весь смысл не в том, что хорошие люди могут убивать, но никогда при этом не мучают?*

Может быть, он убил её мгновенно, — сказал слизеринец, — а потом соврал Люциусу про сожжение заживо. Но... если была хоть какая-то вероятность, что Пожиратели Смерти могут с помощью магии определить, как умерла Нарцисса... и если бы он попался на лжи, это бы поставило под удар все семьи Светлой стороны...

Осторожнее с умозаключениями, — предупредил гриффиндорец.

Надо учитывать репутационные издержки — как будут воспринимать тебя другие люди, — заметил пуффендуец. — Кто-нибудь может посчитать, что у него есть достаточные причины, чтобы сжечь женщину живьём. Но этот человек должен понимать, что хорошие люди скорее всего решат, что он пересёк черту и его надо остановить. Дамблдору следовало этого ожидать. И у него нет права возмущаться.

Или же он ожидает, что мы умнее, — сказал слизеринец. — Теперь, когда нам известна значительная часть правды — и отставив в сторону неизвестные детали этой истории — можем ли мы считать, что Дамблдор — очень плохой человек, который должен стать нашим врагом? Посреди чудовищной, кровавой войны Дамблдор сжёт одного гражданского со стороны врага. Это плохо только по меркам комиксов, но никак не по меркам реальной истории.

Гарри смотрел на звёздное небо и вспоминал историю.

В реальности во время войн...

Во время Второй Мировой существовал проект саботажа нацистской программы разработки ядерного оружия. Несколькими годами ранее Лео Сцилард, первый человек, догадавшийся о возможности цепной ядерной реакции, убедил Ферми не публиковать своё открытие, что очищенный графит является дешёвым и эффективным

замедлителем нейтронов. Ферми хотел публиковаться ради науки всего мира, которая выше наций. Но Сцилард убедил Раби, и Ферми пришлось подчиниться большинству голосов в их маленьком заговоре на троих. Поэтому несколько лет спустя единственным замедлителем нейтронов, известным нацистам, был дейтерий.

Единственным источником дейтерия, который контролировали нацисты, был захваченный завод в оккупированной Норвегии. В результате бомбёжек и диверсий завод оказался разрушен, при этом среди мирного населения погибло двадцать четыре человека.

Нацисты попытались переправить уже очищенный дейтерий, погрузив его на гражданский норвежский паром «Гидро».

Когда Кнут Хаукелид и его помощники пытались пробраться на борт, их обнаружил сторож парома. Хаукелид сказал ему, что они бегут от гестапо, и тот их впустил. Хаукелид раздумывал, не предудредить ли сторожа, но это поставило бы под угрозу всю операцию, и Хаукелид всего лишь пожал ему руку. В итоге гражданское судно затонуло в самом глубоком месте озера. Погибло восемь немцев, семь членов экипажа и три не причастных мирных жителя. Некоторые норвежские спасатели считали, что вытаскивать немецких солдат не стоит, но большинство их не поддержало, и нескольких немцев спасли. Так нацистской программе разработки ядерного оружия пришёл конец.

Смысл в том, что Кнут Хаукелид убил невинных людей. Один из них — тот самый сторож — был хорошим человеком. Он, рискуя собой, впустил на борт беглеца — из-за своей доброты, из-за высоких моральных принципов. А его в ответ утопили. Более того, сейчас, оглядываясь назад, видно, что нацисты были довольно далеки от создания ядерного оружия.

Но нигде и никогда Гарри не встречал мнения, что Хаукелид поступил неправильно.

Такова война в реальной жизни. С точки зрения общего количества погибших и пострадавших, поступок Хаукелида был гораздо хуже того, что Дамблдор, возможно, сделал с Нарциссой Малфой. Или того, что Дамблдор, вероятно, допустил утечку о пророчестве к Лорду Волдеморту, чтобы спровоцировать его нападение на родителей Гарри.

Если бы Хаукелид был супергероем из комиксов, он бы как-нибудь умудрился вытащить с парома всех гражданских, и под ударом оказались бы исключительно немецкие солдаты...

...и не позволил бы умереть ни одному невинному человеку...

...вот только Кнут Хаукелид не был супергероем.

Как не был им и Альбус Дамблдор.

Гарри закрыл глаза и несколько раз сглотнул — у него перехватило дыхание. Он внезапно осознал, что пока он всю жизнь старался жить по идеалам Просвещения, Дамблдор, вообще-то, сражался на войне. Легко придерживаться идеалов отказа от насилия, если ты учёный, который живёт внутри пузыря *Протега*, поддерживаемого полицейскими и солдатами. Сомневаться в их действиях — это роскошь, которая у тебя есть благодаря им. Скорее всего, у Дамблдора когда-то были такие же твёрдые идеалы, как и у самого Гарри, возможно, даже твёрже. Но ему не удалось пройти войну, не убивая врагов и не жертвуя друзьями.

Неужели, Гарри Поттер, ты настолько лучше Хаукелида и Дамблдора, что сумеешь сражаться и обойтись совсем без потерь? Даже в мире комиксов единственная причина того, что супергерой вроде Бэтмена хотя бы выглядит успешным, состоит в том, что читатели комиксов замечают смерти только Важных Персонажей. Они не обращают внимание, когда Джокер стреляет в безымянного прохожего, чтобы показать, какой он злой. Бэтмен — убийца не в меньшей степени, чем Джокер, потому что все те жизни, что Джокер отнял, можно было спасти, убей Бэтмен самого Джокера. Вот что человек по имени Аластор пытался сказать Дамблдору, и вот почему Дамблдор потом сожалел, что так долго доходил до этой истины. Ты действительно хочешь попробовать идти по пути супергероя, и никогда не пожертвовать ни единой фигурой, и не убить ни одного врага?

Гарри устало отвлёкся от этого вопроса. Он открыл глаза и посмотрел на полусферу ночного неба, не требовавшего от него решений.

У самого края его поля зрения висел бледный серп Луны. Отражённый свет покинул её поверхность секунду с четвертью назад, преодолев 375 000 километров в системе отсчёта, связанной с Землёй.

Чуть выше в стороне виднелась Полярная Звезда — первая звезда, которую Гарри научился находить на небе, мысленно продолжая линию «стенки ковша» Большой Медведицы. На самом деле это была система из пяти звёзд со сверкающим сверхгигантом в центре, в 434 световых годах от Земли. Это была первая «звезда», название которой Гарри узнал от отца — так давно, что теперь не мог вспомнить, в каком это было возрасте.

Тусклым туманом по небу простирался Млечный Путь — миллиарды и миллиарды далёких звёзд, которые казались единым потоком. Плоскость галактики простиралась на 100 000 световых

лет. Гарри узнал о том, что такое Млечный Путь, слишком давно, он тогда был слишком мал, и поэтому уже не помнил, удивился ли он, когда ему об этом сказали впервые.

В центре созвездия Андромеды находилась звезда Андромеда, которая на самом деле была галактикой Андромеды. Ближайшей галактикой к Млечному Пути, в 2,4 миллиона световых лет отсюда, содержащей примерно триллион звёзд.

Слово «бесконечность» бледнело перед такими цифрами, потому что «бесконечность» была безликой и пустой. Думать, что звёзды «бесконечно» далеко, было не так страшно, как пытаться прикинуть, сколько будет 2,4 миллиона световых лет в метрах. 2,4 миллиона световых лет умножить на 31 миллион секунд в году, умножить на скорость фотона, который делает 300 000 000 метров в секунду...

В голову пришла удивительная мысль, что такие расстояния могут не быть недостижимыми. Магия не знала ограничений во вселенной, с этими её Маховиками времени и метлами. Пытался ли хоть один волшебник измерить скорость портключика или феникса?

И человеческое понимание магии наверняка совсем не имело отношения к законам, лежащим в её основе. А ведь что можно было бы сделать при помощи магии, если её понять на самом деле?

Год назад папу пригласили на конференцию в Австралийский Национальный Университет в Канберре, и он взял маму и Гарри с собой. И они все вместе ходили в Национальный Музей Австралии, потому что, как внезапно выяснилось, больше в Канберре делать было всё равно нечего. В стеклянных витринах демонстрировались пращи, сделанные австралийскими аборигенами — они выглядели как ложки для обуви, только очень кропотливо отполированные, украшенные резьбой и орнаментами. За 40 000 лет, с тех пор, как современный — с точки зрения анатомии — человек мигрировал в Австралию из Азии, никто не изобрёл даже лука и стрел. Это позволяло по-настоящему ощутить, насколько неочевидна идея прогресса. С чего кому-то задумываться, что Изобретение — это очень важно, если все героические сказания его племени повествуют о великих воинах и защитниках, а не о Томасе Эдисоне? Как, тщательно вырезая пращу, можно было предположить, что однажды люди изобретут ракеты и атомную энергию?

Можно ли посмотреть на небо, на яркий свет Солнца и догадаться, что во вселенной есть источники энергии лучше, чем обычный огонь? Осознать, что, если фундаментальные законы физики допускают существование Солнца, то и люди когда-нибудь смогут прикоснуться к той же энергии? Показалось бы это возможным хотя бы в мечтах,

если ни привычные действия при изготовлении пращи или плетёных корзинок, ни ритм бега в саванне, ни что-нибудь добытое на охоте не дают ни малейшего намёка?

Скорее всего современные маглы и близко не подошли к границам возможного, установленным магловской физикой. Мир большинства маглов определяется тем, чего можно достичь с помощью автомобилей и телефонов, точно так же, как первобытные охотники и собиратели были ограничены понятиями, которые предоставляли их примитивные орудия. Магловская физика явно допускает такие возможности, как молекулярные нанотехнологии, или метод Пенроуза по извлечению энергии из чёрных дыр*, но большинство людей помещает эти факты в тот же дальний отдел мозга, где ютятся сказки и исторические романы: «Давным-давно, в некотором царстве». И, поэтому, неудивительно, что магический мир живёт в пространстве, ограниченном даже не фундаментальными законами магии (их просто никто не знает), а лишь поверхностными правилами известных заклинаний. Однажды поняв это, нельзя наблюдать за тем, как используется магия и не вспоминать Национальный Музей Австралии. Даже если первичная гипотеза Гарри оказалась ошибочной, всё равно, невозможно понять, как фундаментальные законы мира делают исключение для человека, произносящего «Вингардиум левиоса». Даже простецкого понимания магии хватает, чтобы создавать вещи, совершенно невозможные с точки зрения магловской физики, такие как Маховики времени или вода, вызываемая из ниоткуда заклинанием *Агуamenti*. Каковы же верхние пределы возможного, если основные законы мира позволяют одиннадцатилетнему ребёнку с палкой нарушать чуть ли не любое ограничение магловской версии физики?

С таким же успехом первобытный человек мог бы посмотреть на Солнце и догадаться, что вселенная должна быть устроена так, чтобы в ней работала ядерная энергия...

Невольно появляется мысль, что, возможно, двадцать тысяч миллионов миллионов миллионов метров — это не такое уж и большое расстояние.

Если бы Гарри должным образом сосредоточился, он смог бы выйти за рамки Абстрактно Рассуждающего Гарри. Выйти настолько же далеко, насколько Абстрактно Рассуждающий Гарри вышел за рамки Сиюминутного Гарри. Глядя вверх, на звёзды, можно попробовать вообразить, что о твоей дилемме подумают далёкие потомки человечества — через сотню миллионов лет, когда звёзды, подчиняясь великому галактическому движению, окажутся на со-

вершенно других местах и все современные созвездия рассыпятся. Есть простая теорема: если знаешь, как бы ты ответил, если бы смог заглянуть в будущее, следует выбрать этот ответ уже сейчас. Если ты знаешь, куда тебе идти, ты уже там. По аналогии (а может быть и по этой же теореме), если ты догадываешься, что подумают потомки человечества о той или иной задаче, следует просто взять это решение, как лучшую из догадок.

С этой точки зрения идея убить две трети Визенгамота казалась намного менее привлекательной, чем несколько часов назад. Даже если бы это было необходимо, даже если бы существовали факты, что это лучшее решение для магической Британии и вся История пойдёт хуже, если это не сделать... Даже в случае необходимости смерть разумного существа остаётся трагедией. Ещё одной печалью больше на Земле, на Древней Земле, с которой всё началось очень, очень давно.

Он не похож на Гриндевальда. Ничего человеческого в нём не осталось. Его ты должен уничтожить. Сохрани свою ярость для этого и только для этого...

Гарри чуть тряхнул головой, звёзды качнулись перед глазами. Он лежал на каменном полу и смотрел вверх и по сторонам. Даже если предположить, что Дамблдор прав, и настоящий враг — совершенно безумное зло... Через сто миллионов лет органическая форма жизни, известная как Лорд Волдеморт, возможно, не будет сильно отличаться от других непутёвых детей Древней Земли. Что бы Лорд Волдеморт ни сделал с собой, какими бы неисправимыми ни казались Тёмные ритуалы по обычным человеческим меркам, всё это можно было бы исправить с помощью технологий, которые будут через сто миллионов лет. И если его убить, даже если это на самом деле необходимо сделать для спасения других жизней, с точки зрения учёных будущего это будет всего лишь ещё одна смерть, о которой можно сожалеть. Как можно смотреть на звёзды и верить во что-то иное?

Гарри смотрел вверх, на мерцающие огни Вечности, и размышлял, что дети детей детей подумают о том, что Дамблдор — возможно — сделал с Нарциссой.

Но даже если формулировать вопрос таким образом — спросить, что бы подумали потомки человечества, — ответ всё равно будет базироваться не на их знаниях, а на твоих. Всё равно он придёт из твоего разума, и может оказаться ошибочным. Если ты сам не знаешь сотый знак после запятой числа «Пи», ты не знаешь, что получают дети детей детей, несмотря на то, что для них это будет тривиально.

Гарри медленно — он лежал и смотрел на звёзды дольше, чем планировал — поднялся и сел. Потом встал (затёкшие мускулы заныли) и подошёл к краю каменной площадки. Зубцы, ограждавшие площадку, были невысоки, недостаточно высоки, чтобы обеспечить безопасность. Они скорее просто обозначали край, и Гарри не стал подходить к нему слишком близко, он не хотел испытывать судьбу. Посмотрев сверху на территорию Хогвартса, он испытал предсказуемый дискомфорт, чувство дезориентации, которое обычно называют головокружением. Мозг подавал сигналы тревоги — вероятно, потому что земля была так далеко. До неё было, пожалуй, метров пятьдесят.

Отсюда, похоже, следовал вывод, что нечто должно оказаться невероятно близко, чтобы мозг смог постичь его в достаточной мере, чтобы испугаться.

Редко какой разум может похвастаться чувствительностью к тому, что не достаточно близко, не достаточно скоро, не под самым носом, не в пределах досягаемости...

Раньше Гарри воображал, что для похода на Азкабан нужен взрослый сообщник. Нужно тщательно всё спланировать — портключи, метлы, чары невидимости. Ведь необходимо как-то добраться до нижних уровней, чтобы его не заметили авроры, а затем пробиться к центральной яме, где ждут тени Смерти.

И этого было достаточно, чтобы отложить план на потом, на будущее, на безопасное расстояние от «сейчас».

До сегодняшнего дня он не понимал, что нужно всего лишь найти Фоукса и сказать ему, что время пришло.

Опять всплыли воспоминания, воспоминания, которые возвращались снова и снова. И хотя камень под ногами не был гладким, как металл, хотя вокруг было небо, и луна светила ярко, почему-то было легко представить себя запертым в длинном металлическом коридоре, освещённом тусклым оранжевым светом.

Ночь была тихой, достаточно тихой, и голос из воспоминаний звучал отчётливо.

Нет, я не хотела, пожалуйста, не умирай!

Нет, я не хотела, пожалуйста, не умирай!

Не забирай его, нет нет нет...

Мир расплылся, и Гарри вытер глаза рукавом.

А если бы за той дверью была Гермиона...

Если бы Гермиону отправили в Азкабан, Гарри призвал бы феникса и отправился туда, и сжёг бы всех дементоров до единого, и не имело бы никакого значения, насколько это безумный поступок, и что он ещё планировал сделать за свою жизнь. Это было бы просто... ну, это было бы просто вот так, и не иначе.

А женщина, которая была за той дверью... может быть, где-то кто-то так же дорожил ею? Она не была близка Гарри, может ли быть, что только это удерживало его разум от решения отправиться в Азкабан и спасти её не важно какой ценой? Что было нужно, чтобы вынудить его принять это решение? Знать, как она выглядит? Её имя? Её любимый цвет? Отправился бы он в Азкабан, чтобы спасти Трейси Дэвис? Счёл бы своим долгом спасти профессора МакГонагалл? Маму и папу — без сомнения. А та женщина говорила, что она была чьей-то матерью. Сколько людей мечтало о силе, способной разрушить Азкабан? Сколько узникам Азкабана снилось по ночам такое чудесное спасение?

Ни одному. Это счастливая мысль.

Возможно, он обязан уничтожить Азкабан. Всё, что нужно — найти Фоукса и сказать ему, что время пришло. Представить центры с дементорами, как он видел его с метлы, и дать фениксу отнести себя туда. Ударить заклинанием Истинного Патронуса с нулевого расстояния, и гори синим пламенем всё, что будет дальше.

Всё, что нужно — найти Фоукса.

Это, должно быть, просто — подумать об огне, призвать огненную птицу всем своим сердцем...

В ночи вспыхнула звезда.

Глаза Гарри рефлекторно метнулись к ней — он привык наблюдать за метеорами. Но какая-то часть его сознания удивилась, что астрономическое явление так долго остаётся в небе. Свет маленькой звёздочки постепенно становился всё сильнее. С секунду оторопевший Гарри думал, что видит не метеор, а сверхновую — можно ли видеть, как она становится ярче, как сейчас? Предполагает ли первая стадия сверхновой этот жёлто-оранжевый цвет?

Потом новая звезда снова двинулась, становясь больше и ярче. И она внезапно стала ближе, до неё уже можно было определить расстояние. Словно то, что вы приняли за звезду, оказалось самолётом, светящимся объектом, чья форма была вам знакома...

...нет, это не самолёт...

В груди у Гарри возникло тёплое и острое понимание происхождения, от которого защемило сердце.

...птица.

В ночи раздался пронзительный крик, и крыши Хогвартса отозвались эхом.

За приближающимся существом тянулось пламя, с каждым взмахом могучих крыльев огненные всполохи стекали с его перьев. Даже когда оно снизилось по большой дуге, зависло в воздухе в нескольких шагах от Гарри, и огненный след начал угасать, существо не потускнело, не стало менее ярким. Его словно озарял свет невидимого Солнца.

Огромные светящиеся крылья цвета заката, и глаза, похожие на сверкающие жемчужины, полыхающие золотым огнём и решимостью.

Клюв феникса открылся, и раздался громкий крик, который Гарри понял, словно это было человеческое слово:

ИДЁМ!

Мальчик, сам того ещё не осознавая, отпрянул от края крыши. Его взгляд не отрывался от феникса, всё его тело дрожало от напряжения, кулаки сжимались и разжимались. Шаг назад, шаг прочь.

Феникс вновь издал отчаянный, умоляющий зов. На этот раз он не облёкся в слова, а проник сразу в сердце — отзвук всех чувств Гарри по отношению к Азкабану, и всё его желание действовать, просто сделать что-нибудь, отчаянная потребность сделать что-то прямо сейчас, немедленно — всё это воплотилось в крике птицы.

Идём. Время пришло. Это был уже не голос феникса, а слова кого-то из глубины самого Гарри, кого-то столь неотделимого, что нельзя было просто дать ему имя вроде «Гриффиндорец».

Нужно было лишь шагнуть вперёд и коснуться когтей птицы, и она бы забрала его туда, где ему нужно быть, где, как он всё ещё считал, он и должен быть — в центральную яму Азкабана. Гарри мог себе это представить невыносимо ясно, мог представить, как он отбрасывает все свои страхи, и внезапно улыбается, потому что свободен, потому что сделал выбор...

— Но ведь... — прошептал Гарри, сам не осознавая того, что говорит. Он поднял дрожащие руки и вытер слёзы. Феникс парил перед ним, взмахивая огромными крыльями. — Но ведь... Есть другие люди, которых я тоже должен спасти, и другие дела...

Огненная птица издала пронзительный крик, и мальчик пошатнулся, как от удара. Это было не принуждение, не возражение, просто знание...

Коридоры, освещённые тусклым оранжевым светом.

В груди у Гарри защемило, ему хотелось просто действовать и покончить с этим. Он может погибнуть, но если не погибнет, то снова

обретёт чистоту. Право на принципы, которые выше, чем оправдания бездействию. Это же была его собственная жизнь. И он волен распоряжаться ею. Он мог бы сделать это когда угодно...

...если бы не был хорошим человеком.

* * *

Мальчик стоял на крыше, и его глаза отражали огонь. Звёздам бы хватило времени на то, чтобы сдвинуться и изменить рисунок созвездий, пока он стоял там, мучительно принимая решение...

...которое не мог...

...изменить.

На мгновение мальчик поднял глаза на звёзды, а затем снова посмотрел на феникса.

— Не сейчас, — еле слышно сказал мальчик. — Не сейчас. Мне слишком много ещё нужно сделать. Пожалуйста, прилетай попозже, когда я найду сторонников, которые могут вызвать Истинного Патронуса... может, через полгода...

Без слов, без звука птицу окружила сфера пламени — оно потрескивало, переливалось белыми и багровыми всполохами, и, казалось, хотело поглотить находящегося внутри феникса, а потом огонь стал серым дымом, и феникса не стало.

На вершине башни Когтеврана наступила тишина. Мальчик медленно отвёл руки от ушей и вытер мокрые щеки.

Он медленно повернулся...

Вскрикнул, отскочил, и едва не упал с крыши, хотя вряд ли ему бы это удалось, учитывая, кого именно он увидел.

— Итак, свершилось, — сказал Альбус Дамблдор почти шёпотом. — Свершилось.

Фоукс сидел на его плече и, не поддающимся расшифровке птичьим взглядом, смотрел туда, где исчез другой феникс.

— Что вы здесь делаете?!

— А? — спросил древний маг, стоявший в противоположном углу крыши. — Я почувствовал присутствие существа, которое незнакомо Хогвартсу, и, естественно, пришёл проверить, — старый волшебник медленно поднял трясущуюся руку, снял очки-полумесяцы и промокнул глаза и лоб рукавом другой руки. — Я не посмел... не посмел заговорить, я знал, что этот выбор, самый важный из всех, ты должен сделать сам...

Гарри охватило какое-то опасение, в груди похолодело.

— От этого выбора зависело всё, — продолжил Альбус Дамблдор, всё ещё почти шёпотом. — Больше мне неизвестно. Какой именно путь ведёт во тьму, я не знаю. Но, по крайней мере, ты выбрал сам.

— Но я не... — проговорил Гарри, и его голос оборвался.

Ужасная догадка, перерастающая в уверенность...

— Феникс приходит, — сказал старый волшебник, — к тому, кто собирается сражаться, к тому, кто готов действовать даже ценой собственной жизни. Фениксы лишены мудрости, Гарри, у них нет возможности судить о правильности нашего выбора. Я думал, что иду на смерть, когда феникс нёс меня на битву с Гриндевалдом. Я не знал, что Фоукс поддержит меня, исцелит и останется со мной, — голос волшебника дрогнул. — Об этом не говорят, и ты должен понять, Гарри, почему об этом не говорят. Будь об этом известно, феникс не смог бы понять, кто ему нужен. Но теперь, Гарри, я могу открыть тебе: феникс прилетает только раз в жизни.

Старый волшебник прошёл по крыше башни Когтеврана туда, где стоял мальчик, скованный внезапным ужасом, внезапным абсолютным ужасом.

Я не мог победить в нашей дуэли, наш поединок длился много часов, и в итоге Гриндевальд пал от истощения сил. И я бы умер после этого, если бы не Фоукс...

Шёпот сорвался с губ Гарри, и только тогда он понял, что говорит:

— Значит, я бы мог...

— Кто знает? — голос древнего волшебника звучал так, словно тот постарел ещё сильнее. — Сегодня феникс прилетел к моему ученику в третий раз. Первая отказалась от своего, и горе от этого поступка, как мне кажется, сломало её. Другим был двоюродный брат твоей юной подруги Лаванды Браун, и он... — голос мага дрогнул, — он не вернулся, бедняга Джон, и не спас никого из тех, кого собирался спасти*. Редкие мудрецы изучают тайны фениксов, но они говорят, что едва ли один из четырёх возвращается со своего испытания. И даже если бы ты выжил — несмотря на ту жизнь, которую тебе пришлось бы вести, Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес, выбор, который тебе пришлось бы делать, и дороги, по которым тебе пришлось бы пройти — кто поручится, что постоянные крики феникса не свели бы тебя с ума? — старый волшебник снова вытер лицо рукавом. — Общество феникса приносило мне куда больше радости до того, как я начал сражаться с Волдемортом.

Казалось, мальчик не слушал, его глаза были прикованы к красно-золотой птице на плече старого волшебника.

— Фоукс? — произнёс мальчик дрожащим голосом. — Почему ты не смотришь на меня, Фоукс?

Фоукс вытянул шею, с любопытством взглянул на мальчика, а потом снова повернулся к своему хозяину.

— Видишь? — спросил старый волшебник. — Он не отвергает тебя. Фоукс, возможно, теперь не столь заинтересован в тебе, и он знает, — волшебник криво усмехнулся, — что ты не вполне верен его избраннику. Но тот, к кому однажды прилетел феникс, не может быть неприятен ни одному из них, — голос волшебника снова снизился до шёпота. — На плече Годрика Гриффиндора никогда не было феникса. И хотя этого нет даже в его тайных записях, думаю, ему пришлось отказаться от своего феникса ещё до того, как он избрал своими цветами красный и золотой. Быть может, именно чувство вины за свой выбор гнало его вперёд, может, он не отважился бы зайти так далеко в противном случае. А, возможно, это научило его смирению, и снисхождению к человеческим слабостям и ошибкам — волшебник склонил голову. — Я действительно не знаю, был ли твой выбор мудр. Не знаю, прав ты был или ошибся. Если бы я знал, Гарри, я бы сказал. Но я... — голос Дамблдора оборвался. — Я всего лишь глупый мальчишка, который стал глупым стариком, и у меня нет мудрости.

Гарри задыхался, к горлу подступала тошнота, а желудок свело. Его охватила внезапная и ужасная уверенность, что он проиграл, в каком-то смысле проиграл всё в эту самую ночь...

Мальчик развернулся и бросился к краю крыши башни Когтеврана.

— Вернись! — его голос сломался и превратился в пронзительный крик. — *Вернись!*

Заключительное послесловие

Она проснулась, задыхаясь от ужаса. Она проснулась с беззвучным криком на губах, но слов не было. Она не понимала, что она увидела. Она не понимала, что она увидела...

— Который час? — прошептала она.

Её золотой будильник, украшенный драгоценными камнями, прошептал в ответ:

— Почти одиннадцать ночи. Спи дальше.

Её постель промокла от пота, пижама промокла от пота. Она взяла палочку, лежавшую рядом с подушкой, и убрала пот. Она попыталась снова заснуть, и в конце концов ей это удалось.

Сивилла Трелони снова уснула.

В Запретном лесу кентавра разбудила безымянная тревога. Фиренце осмотрел ночное небо, но обнаружил там лишь вопросы и ни одного ответа. Он сложил свои многочисленные ноги и снова уснул.

В далёкой магической Азии старая ведьма по имени Фан Тонг, от слабости спящая целыми днями напролёт, сказала своему обеспокоенному пра-пра-правнуку, что с ней всё в порядке, ей просто приснился страшный сон, и снова уснула.

В стране, где маглорождённые не получают никаких писем, девочку, слишком юную, чтобы иметь собственное имя, крепко обняла её усталая, но любящая мать и держала в объятиях до тех пор, пока та не перестала плакать и не уснула снова.

Никто из них не спал спокойно.

Глава 86

Проверка многомерной гипотезы

Заголовки международных газет 7 апреля 1992 года.
«Волшебный Вестник Торонто»:
БРИТАНСКИЙ ВИЗЕНГАМОТ В ПОЛНОМ СОСТАВЕ
СООБЩАЕТ:

МАЛЬЧИК-КОТОРЫЙ-ВЫЖИЛ ЗАПУГАЛ ДЕМЕНТОРА.
МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА ПО ВОЛШЕБНЫМ СУЩЕСТВАМ:
«ДА ВЫ ПРОСТО ЛЖЁТЕ!»
ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ ОБВИНЯЮТ БРИТАНИЮ
В ТОМ, ЧТО ВСЁ БЫЛО ПОДСТРОЕНО.

«Новозеландские Ежедневные Чародейские Известия»:
ЧТО СВЕЛО С УМА БРИТАНСКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ?
НАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НА ОЧЕРЕДИ?
ЭКСПЕРТЫ ПРИВЕЛИ ТОП-28 ПРИЧИН СЧИТАТЬ,
ЧТО ЭТО УЖЕ ПРОИЗОШЛО

«Американский Маг»:
КЛАН ВЕРВОЛЬФОВ
СТАЛ ПЕРВЫМИ ОБИТАТЕЛЯМИ ВАЙОМИНГА

«Придира»:
МАЛФОЙ СБЕГАЕТ ИЗ ХОГВАРТСА
СИЛА ВЕЙЛ ПРОБУДИЛАСЬ

«Ежедневный Пророк»:
«БЕЗУМНАЯ МАГЛОРОЖДЁННАЯ» ОСВОБОЖДЕНА
ИЗ-ЗА ЮРИДИЧЕСКОЙ УЛОВКИ.
ПОТТЕР УГРОЖАЕТ МИНИСТЕРСТВУ
НАПАДЕНИЕМ НА АЗКАБАН

Гипотеза: Волдеморт

(8 апреля 1992 года, 19:22)

И снова они вчетвером собрались вокруг древнего стола директора Хогвартса — стола, выдвижные ящики которого содержали другие ящики, а в тех были свои ящики, и именно в этих ящиках и хранились все старые документы школы Хогвартс. Согласно легенде, когда-то в этом столе потерялась директриса Шейла, и пребывает там до сих пор, и выберется наружу, лишь когда приведёт в порядок свои бумаги. У Минервы не вызывала особого восторга мысль, что когда-нибудь вместе со столом она унаследует все эти ящики. Но до этого надо было ещё дожить.

За столом с серьёзным и сосредоточенным видом сидел Альбус Дамблдор.

Рядом с холодным, засыпанным пеплом камином злоежде замер Северус Снейп, словно вампир, изображать которого, если верить заявлениям учеников, профессор очень любил.

Предполагалось, что к ним присоединится Шизоглаз Хмури, но он пока не появился.

А Гарри...

Маленькая, худенькая фигурка примостилась на подлокотнике кресла, словно энергия переполняла Гарри настолько, что он не мог сидеть нормально, как все люди. Неподвижное лицо, слипшиеся волосы, пристальный взгляд зелёных глаз, и в центре всего этого — зигзаг молнии его незаживающего шрама. Всего за одну неделю мальчик стал гораздо мрачнее.

На мгновение Минерва вспомнила, как они с Гарри гуляли в Косом переулке — казалось, это было много-много лет назад. В том мальчике уже тогда, так или иначе, скрывалась эта угрюмость. За появление этой угрюмости нельзя винить только её или Альбуса. И всё же было невыносимо печально сравнивать того мальчика, с которым она когда-то познакомилась, и то, во что превратила его магическая Британия. Она знала, что Гарри всегда отличался от обычных детей. Приёмные родители Гарри рассказывали, что он мало разговаривал и ещё меньше играл с детьми маглов. Минерва с болью в сердце подумала, что, возможно, на игры с другими детьми в Хогвартсе у Гарри были только эти месяцы, а теперь война лишила его и этого. Быть может, дети его возраста не видели Гарри таким, каким он стоял перед Ви-зенгамотом. Но Минерва не могла не представлять детство Гарри

Поттера чем-то вроде охапки хвороста, которую она и Альбус ветка за веткой бросали в огонь.

— Пророчества всегда сложно понять, — Альбус Дамблдор наполовину прикрыл глаза, будто от усталости. — Смутные, расплывчатые, их смысл ускользает словно вода сквозь пальцы. Пророчество — это всегда бремя, ибо в нём нет ответов, лишь одни вопросы.

Гарри Поттер источал напряжение.

— Директор Дамблдор, — сказал он с лёгким нажимом, — мои друзья стали мишенью. Гермiona Грейнджер чуть не попала в Азкабан. Вы сами сказали: началась война. Пророчество профессора Трелони — ключевая информация, она мне нужна, чтобы оценивать мои гипотезы о том, что происходит. Я уже не говорю о том, как глупо — и опасно — то, что Тёмный Лорд знает пророчество, а я — нет.

Альбус мрачно посмотрел на Минерву. В ответ на его невысказанный вопрос она покачала головой — каким бы невообразимым способом Гарри ни догадался, что именно Трелони сделала то пророчество и что Тёмный Лорд знает, о чём в нём говорится, он узнал это не от неё.

— В попытках предотвратить именно это пророчество Волдеморт направился навстречу своей гибели от твоих рук, — сказал тогда старый волшебник. — Это знание принесло ему один лишь вред. Обдумай это как следует, Гарри Поттер.

— Да, директор, я понимаю. В моей родной культуре тоже есть литературные произведения о самоисполняющихся и неверно понятых пророчествах. Не сомневайтесь, я буду осторожен с интерпретациями. Но о каких-то деталях я уже догадался. Неужели неполные догадки будут для меня безопаснее?

Альбус помедлил.

— Минерва, — наконец произнёс он. — Будьте любезны.

— Грядёт... — начала Минерва. Слова давались с трудом: она не была актрисой. Ей не удавалось изобразить гулкий, леденящий тон исходного пророчества, а этот тон казался крайне важным, словно без него нельзя будет передать весь смысл. — Грядёт тот, кто наделён могуществом победить Тёмного Лорда... рождённый теми, кто трижды бросал ему вызов, рождённый на исходе седьмого месяца...

— И Тёмный Лорд отметит его как равного себе, — голос Северуса заставил Минерву подпрыгнуть от неожиданности. Мрачная фигура профессора зельеварения по-прежнему возвышалась у камина. — Но он будет обладать силой, что неведома Тёмному Лорду... и каждому должно уничтожить другого, почти ничего не оставив, ибо не могут их несхожие души существовать в одном мире.

В последней строчке зловещее предзнаменование прозвучало настолько сильно, что у Минервы по коже пробежали мурашки — почти как тогда, когда она слушала Сивиллу Трелони.

Гарри выслушал пророчество с хмурым видом.

— Можно повторить? — попросил он.

— *Грядёт тот, кто наделён могуществом победить Тёмного Лорда, рождённый теми, кто трижды бросал ему вызов, рождённый на исходе...*

— Пойдите, может быть, лучше это записать? Мне нужно проанализировать всё тщательно...

Так и поступили. Альбус и Северус двумя ястребами пристально наблюдали за пергаментом, словно опасаясь, что какая-нибудь невидимая рука схватит его и похитит ценную информацию.

— Итак... — начал Гарри. — Я мужского пола и рождён 31-го июля, это сходится. Я и в самом деле победил Тёмного Лорда, сходится. Двусмысленное местоимение во второй строчке... Но я тогда ещё не родился, да и трудно представить, чтобы мои родители трижды бросали вызов мне. Этот шрам — очевидный кандидат в «метки»... — Гарри коснулся своего лба. — Остаётся сила, которая неведома Тёмному Лорду, возможно, это намёк на мои научные познания...

— Нет, — сказал Северус.

Гарри удивлённо посмотрел на профессора зельеварения.

Глаза Северуса были закрыты, его лицо было напряжено и сосредоточено.

— Тёмный Лорд мог бы получить эту силу, просто изучив те же книги, что и вы, Поттер. Но пророчество говорит не о «силе, которой не обладает Тёмный Лорд». И даже не о «силе, которую не может получить Тёмный Лорд». Оно говорит о «силе, неведомой Тёмному Лорду»... Это должно быть что-то более чуждое ему, чем магловские артефакты. Возможно, что-то, что он вообще не в силах понять, даже если увидит...

— Наука — это не мешок технологических фокусов, — ответил Гарри. — Это не просто магловский аналог волшебной палочки. Это даже не совсем знание, в смысле, то, что можно выучить наизусть, как, например, таблицу Менделеева. Это другой способ мышления.

— Может быть... — пробормотал профессор зельеварения, но чувствовалось, что Гарри его не убедил.

— Рискованно слишком сильно углубляться в слова пророчества, — сказал Альбус. — Даже тем, кто слышал их сам. Это чревато большими разочарованиями.

— Да, пожалуй, — Гарри потёр свой шрам. — Но... раз уж это всё, что мы знаем... ладно, я спрошу прямо. Откуда вы знаете, что Тёмный Лорд вообще выжил?

— Что?! — воскликнула Минерва. Альбус лишь вздохнул и снова откинулся на спинку огромного директорского кресла.

— Ну, — продолжил Гарри, — представьте, как пророчество звучало, когда его только что сделали. Сами-Знаете-Кто узнал о пророчестве и решил, что мне предназначено вырасти и низвергнуть его. Что нам обоим предстоит генеральное сражение, где один из нас уничтожит другого, почти ничего не оставив. Поэтому Сами-Знаете-Кто напал на Годрикову лощину и тут же оказался уничтожен, оставив некие остатки, которые могут быть, а могут и не быть его бестелесной душой. Может быть, его остатки — это Пожиратели Смерти или Тёмная Метка. Я в том смысле, что, быть может, пророчество уже сбылось. Не поймите неправильно... я понимаю, что моя интерпретация выглядит натянутой. Формулировки Трелони не похожи на то, как если бы они описывали только лишь события, которые исторически имели место 31-го октября 1981-го года. Если кто-то нападает на ребёнка, и заклинание бьёт рикошетом в него самого, это сложно назвать «могуществом, чтобы победить». Но если принять за гипотезу, что пророчество говорит о нескольких возможных вариантах будущего, один из которых и свершился на Хэллоуин, тогда, возможно, пророчество уже исполнилось.

— Но... — вырвалось у Минервы. — Но налёт на Азкабан...

— Если Тёмный Лорд выжил, то, конечно, он наиболее очевидный подозреваемый в налёте на Азкабан, — рассудительно сказал Гарри. — Можно даже сказать, что налёт на Азкабан — это байесовское свидетельство того, что Тёмный Лорд выжил, потому что побег узника из Азкабана скорее произойдёт в мире, где Тёмный Лорд жив, чем в мире, где он мёртв. Но это лишь слабое байесовское свидетельство. Этот побег мог случиться и без живого Тёмного Лорда. Профессор Квиррелл, который не предполагает, что Сами-Знаете-Кто ещё жив, без труда придумал собственное объяснение. По его мнению, скорее всего какой-то могущественный волшебник захотел воспользоваться Беллатрисой Блэк, потому что она, возможно, владеет тайнами Тёмного Лорда, неким магическим знанием, которое Волдемо́рт мог открыть только ей. Вероятность того, что кто-то пережил смерть своего тела, очень мала, даже если магия это и допускает. В большинстве случаев такого не происходит. Таким образом, если абсолютно всё, что у нас есть, — это нападе-

ние на Азкабан... я бы сказал, что это недостаточное байесовское свидетельство. Это свидетельство в условиях неверной гипотезы невероятно, но эта невероятность не соразмерна априорной вероятности самой гипотезы.

— Нет, — отрезал Северус. — Пророчество ещё не сбылось. В противном случае я бы об этом знал.

— Вы в этом уверены?

— Да, Поттер. Если бы пророчество сбылось, я бы его понял! Я слышал слова Трелони, я помню голос Трелони, и, если бы я узнал о событиях, о которых говорит пророчество, я бы их распознал. То, что уже свершилось... точно не подходит, — уверенно закончил учитель Зельеварения.

— Я даже не знаю, что на это ответить, — сказал Гарри. Он рассеяно потёр рукой лоб. — Может быть, не подходит то, что вы думаете о произошедшем, а на самом деле всё по-другому...

— Волдеморт жив, — сказал Альбус. — Есть и другие свидетельства.

— Например? — тут же спросил Гарри.

Альбус помедлил.

— Существуют ужасные ритуалы, с помощью которых волшебники возвращались к жизни, — медленно сказал он. — Кто угодно может догадаться об этом, вчитываясь в летописи и легенды. И к тому же определённые книги пропали, я не смог найти их. Уверен, что их забрал Волдеморт...

— То есть, вы не можете найти ни одной книги о бессмертии, и это доказывает, что их взял Сами-Знаете-Кто?

— Именно так, — ответил Альбус. — Существует одна книга — я не буду произносить вслух её название — которая пропала из Запретной секции библиотеки Хогвартса. В «Борджин и Бёркс» хранился древний свиток, но там, где он лежал, осталось лишь пустое место... — старый волшебник помолчал. — Но, предполагая, ты скажешь, что, даже если Волдеморт попытался стать бессмертным, это не доказывает, что он в этом преуспел.

— Доказывает, директор? Всегда есть лишь вероятности. Если известно, что пропали определённые книги, описывающие ритуалы бессмертия, это увеличивает вероятность, что кто-то попытался ими воспользоваться. Что, в свою очередь, повышает априорную вероятность того, что Тёмный Лорд пережил свою смерть. Я признаю это и благодарю вас за предоставленные факты. Вопрос в том, достаточно ли высока эта априорная вероятность.

— Но если ты признаёшь, что есть хоть какая-то возможность, что Волдеморт выжил, то ведь, безусловно, стоит держаться настороже? — тихо спросил Альбус.

Гарри согласно склонил голову.

— Вы правы, директор. Хотя, когда вероятность гипотезы становится слишком мала, ошибочно только о ней и думать... Учитывая, что книги о бессмертии пропали и что слова пророчества кажутся в некоторой степени более естественными, если в нём описывается будущая битва между Тёмным Лордом и мной, я согласен, что оживший Тёмный Лорд — это не просто возможное, а вероятное событие. Но также следует принять в расчёт и другие возможности — а в мире, где Сами-Знаете-Кто всё-таки не выжил, Гермиону мог подставить кто-то другой.

— Глупость, — тихо произнёс Северус. — Абсолютная глупость. Тёмная Метка не исчезла, и её хозяин — тоже.

— Вот, именно это я и подразумевал, когда говорил о формально недостаточном байесовском свидетельстве. Конечно, звучит это мрачно, и судьбоносно, и всё такое, но кто сказал, что магическим меткам не свойственно оставаться после смерти того, кто их нанёс? Предположим, что метка действительно никуда не исчезает, пока сознание Тёмного Лорда продолжает жить, но априори у нас есть лишь догадка, что с двадцатипроцентной вероятностью Тёмная Метка продолжает существовать и после смерти Тёмного Лорда. Тогда наблюдение «Тёмная Метка не исчезла» происходит в пять раз вероятнее в мире, где Тёмный Лорд жив, чем в мире, где Тёмный Лорд мёртв. Это соразмерно априорной невероятности бессмертия? Допустим, первичные шансы против того, что Тёмный Лорд выжил — сто к одному. Если вероятность, что некая гипотеза скорее неверна, в сто раз больше, чем если она верна, и вы наблюдаете свидетельство, которое появляется в пять раз вероятнее, когда гипотеза верна, чем когда она не верна, то теперь у нас получается, что вероятность, что эта гипотеза неверна в двадцать раз больше, чем если она верна. Шансы сто к одному умножить на вероятность один к пяти, получается двадцать против одного, что Тёмный Лорд мёртв...

— Откуда вы берёте все эти числа, Поттер?

— Да, это признанный недостаток данного метода, — не моргнув глазом, ответил Гарри. — Но качественно мы получаем, что наблюдение «Тёмная Метка не исчезла» не является достаточным подтверждением гипотезы «Тёмный Лорд бессмертен». Потому что свидетельство не такое исключительное, как само утверждение, —

Гарри сделал паузу и продолжил: — И не будем забывать, что даже если Тёмный Лорд жив, то это не значит, что именно он подставил Гермению. Как сказал один хитроумный человек, здесь может быть больше одного плана и больше одного заговорщика.

— Да, у нас есть ещё профессор Защиты, — заметил Северус с холодной улыбкой. — Полагаю, что мы вполне можем считать его подозреваемым. В конце концов, в прошлом году виновным оказался профессор Защиты, и в позапрошлом тоже, и в поза-позапрошлом.

Гарри снова посмотрел на пергамент, лежавший у него на коленях.

— Давайте двигаться дальше. Вы совершенно уверены, что точно запомнили пророчество? Мог кто-нибудь проникнуть в память профессора МакГонаггалл и изменить или удалить строчку?

Альбус помолчал и затем медленно ответил:

— На всей территории Британии действует великое заклание, которое записывает каждое пророчество, произнесённое в её пределах. Все пророчества хранятся глубоко под Древнейшим Залом Визенгамота, в Отделе Тайн.

— Зал Пророчеств, — прошептала Минерва. Она читала об этом месте. Книжки рассказывали об огромном зале со стеллажами, на которых в течение многих лет появлялись сияющие сферы. Считалось, что его сотворил сам Мерлин, величайший из волшебников, в качестве прощальной пощёчины Судьбе. Не все пророчества ведут к благу. Поэтому Мерлин пожелал, чтобы те, о ком говорится в пророчествах, по крайней мере знали, что им предречено. Это была дань уважения их свободе воли, чтобы Рок не мог распоряжаться ими, как ему захочется. В руки того, о ком говорится в пророчестве, опустится сияющая сфера, и он услышит пророчество, произнесённое голосом предсказателя. Тот же, кто попытается дотронуться до чужого пророчества, лишится рассудка... или, может быть, у него просто взорвётся голова — в этом вопросе легенды расходились. Однако, в чём бы ни заключался изначальный замысел Мерлина, на протяжении веков Невыразимцы не позволяли никому входить в этот зал, по крайней мере, насколько знала Минерва. В сборнике «Труды чародеев древности» утверждалось, что позднее Невыразимцы обнаружили, что если позволять действующим лицам пророчества узнавать его содержание, то это может мешать провидцам высвобождать то самое давление времени, которое они высвобождают во время предсказания, и потому преемники Мерлина запечатали его Зал. Минерве уже приходила в голову мысль (сказывались месяцы в обществе мистера Поттера), что в таком случае не ясно, откуда именно это известно.

Но она также полагала, что не стоит расспрашивать об этом Альбуса, ведь он и правда может попробовать рассказать. А Минерва была совершенно уверена, что о Времени стоит беспокоиться только в том случае, если вы — часы.

— Да, Зал Пророчеств, — тихо подтвердил Альбус. — Те, о ком говорится в пророчестве, могут там прослушать его запись. Ты понимаешь, что это значит, Гарри?

Гарри нахмурился.

— Ну, что я мог бы прослушать пророчество, или Тёмный Лорд... О, точно, мои родители. Те, кто трижды бросали ему вызов. Они упомянуты в пророчестве, значит, тоже могли его прослушать?

— Если Джеймс и Лили и слышали что-то отличное от того, что рассказала Минерва, мне они об этом не сообщили, — спокойно ответил Альбус.

— Ты брал Джеймса и Лили туда?! — поразились Минерва.

— Фоукс может перенести во множество мест, — пояснил Альбус. — Но не стоит об этом распространяться.

Гарри пристально посмотрел на Альбуса.

— А можно мне самому отправиться в этот Отдел Тайн и услышать запись пророчества? Насколько я слышал, оригинальная интонация голоса может помочь его понять.

Старый волшебник медленно покачал головой — его очки на мгновение блеснули отражённым светом.

— Не думаю, что это будет мудро, — ответил он. — Из-за причин не столь очевидных. Место, сотворённое Мерлином, таит в себе опасность, и для некоторых людей эта опасность больше, чем для других.

— Понятно, — без выражения отозвался Гарри и снова опустил взгляд на пергамент. — Я приму за рабочую версию, что пророчество записано точно. В следующей части говорится, что Тёмный Лорд отметит меня как равного себе. Есть идеи, что это может означать?

— Это точно не значит, что ты должен повторить его путь, хоть в каком-нибудь смысле, — ответил Дамблдор.

— Я не идиот, директор. Маглы разработали одну или две концепции о временных парадоксах, хотя для них это не более, чем теория. Я не переступлю через свои этические нормы только потому, что послание из будущего говорит, что я так сделаю, ведь тогда получится, что послание — единственная причина, почему это произошло. Всё же, что именно это значит?

— Я не знаю, — сказал Северус.

— Я тоже, — сказала Минерва.

Гарри достал свою палочку и принялся вертеть её в руках, задумчиво разглядывая деревянную поверхность.

— Одиннадцать дюймов, остролист, с сердцевинкой из пера феникса, — сказал он. — И феникс, чьё перо внутри этой палочки, дал ещё только одно, которое мистер... как там его зовут... Олива-что-то-там... поместил в сердцевину палочки Тёмного Лорда. А ещё я Змеест. И так уже, кажется, слишком много совпадений. И теперь, как выясняется, существует пророчество, утверждающее, что я буду равен Тёмному Лорду.

Взгляд Северуса приобрёл задумчивое выражение, лицо директора оставалось непроницаемым.

— Может ли быть, — запинаясь, спросила Минерва, — что Сами-Знаете-Кто... что Волдеморт... передал часть своей силы мистеру Поттеру той ночью, когда Гарри получил этот шрам? Неумышленно, конечно. Но всё же... я не понимаю, как мистер Поттер может быть равным ему, если его магическая сила не сравнима с силой Тёмного Лорда...

— Хм, — сказал Гарри, по-прежнему задумчиво глядя на палочку. — Если бы было нужно, я бы сразился с Тёмным Лордом безо всякой магии. *Ното sapiens* стали доминантным видом на планете не потому, что у них были самые острые зубы или самая прочная броня. Хотя, быть может, это не столь очевидно волшебникам. Тем не менее, бояться кого-то, кто не умнее меня — ниже моего достоинства как человека. А насколько я слышал, в этом отношении Тёмный Лорд не был таким уж страшным.

— Вы что, воображаете себя умнее Тёмного Лорда, Поттер? — в голосе профессора зельеварения прорезалось что-то от его обычной манеры презрительно растягивать слова.

— В общем, да, — ответил Гарри. Он задрал левый рукав мант-ти, затем закатал рукав рубашки, которая была под ней, и показал чистое предплечье. — О, это мне напомнило кое о чём! Давайте убедимся, что ни у кого из присутствующих нет отчётливо видимой татуировки на одном и том же, легкопроверяемом месте, которая бы указала на них как на тайных вражеских шпионов.

Альбус сделал успокаивающий жест прежде, чем профессор зельеварения успел сказать что-нибудь едкое.

— Скажи, Гарри, а где бы ты сам разместил Тёмную Метку?

— В нестандартном месте, — тут же ответил Гарри. — Там, где её нельзя просто так обнаружить без хлопот и неловких ситуаций, хотя, конечно, бдительный человек проверит и там. Сделать

её меньше, если возможно. Нанести сверху немагическую татуировку, чтобы замаскировать истинную форму... а ещё лучше покрыть слоем фальшивой кожи...

— Что ж, хитро, — согласился Альбус. — Но давай предположим, что ты можешь создать любую метку, какую только захочешь, проявляющуюся или исчезающую по твоему желанию. Что ты сделаешь тогда?

— Сделаю её совершенно невидимой всё время, — ответил Гарри тоном человека, объясняющего очевидные вещи. — Я же не хочу, чтобы что-то указывало, шпион это или нет.

— Предположим, ты ещё хитрее, — продолжил Альбус. — Ты — мастер лжи, мастер коварства и используешь свои способности по полной.

— Ну... — мальчик нахмурился. — Это кажется неоправданно сложным, больше похоже на тактику злодея из ролевой игры, чем на то, что используют в настоящей войне. Но я предположу, что можно поставить фальшивую Тёмную Метку на людей, которые не являются Пожирателями Смерти, тогда как у настоящих Пожирателей Смерти метка будет невидимой. Но тогда возникает вопрос, как изначально заставить людей поверить в то, что Тёмная Метка указывает на Пожирателя Смерти... Если бы я собирался подойти к этому вопросу серьёзно, мне нужно было бы подумать об этом хотя бы пять минут.

— Я задаю тебе этот вопрос, — тем же мягким голосом продолжил Альбус, — потому что в самом начале войны я сам пользовался проверкой, которую ты предложил. Орден не погиб из-за моей глупости только потому, что Аластор не считал отсутствие Метки доказательством. Позже я пришёл к мысли, что носители Метки могут скрывать и показывать её по своему желанию. Однако, когда мы спешно выставили Игора Каркарова перед лицом Визенгамота, Метка чётко проступала на его руке, несмотря на все старания Каркарова доказать свою невиновность. Я не знаю, по каким правилам действует Тёмная Метка. Даже Северус до сих пор связан своей Меткой и не может открыть её секреты тому, кто их сам не знает.

— Ой, но это же предельно упрощает дело, — тут же воскликнул Гарри. — Погодите-погодите... Вы были Пожирателем Смерти?! — Гарри перевёл взгляд на Северуса.

Тот ответил холодной улыбкой:

— И до сих пор им являюсь, насколько им известно.

— Гарри, — сказал Альбус, не сводя глаз с мальчика, — что ты имеешь в виду, говоря, что это предельно упрощает дело?

— Теория информации для начинающих, — лекторским тоном сказал мальчик. — Наблюдаемая переменная X передаёт информацию о состоянии переменной Y тогда и только тогда, когда возможные значения X имеют разную вероятность для разных состояний Y . Как только вы узнаете какое угодно качество, которое отличается у шпиона и не-шпиона, вы можете его использовать, чтобы различать одних и других. Аналогично, чтобы различить правду и ложь, вам нужно что-то, что будет вести себя по-разному в том и другом случае... нельзя использовать «личные убеждения», чтобы отличать правду и ложь — нужно руководствоваться принципом «выдвинь гипотезу и проверь её экспериментально». Вы говорите, что человек с Тёмной Меткой не может открыть её секреты тому, кто их ещё не знает. Тогда, чтобы выяснить, как работает Тёмная Метка, запишите все предполагаемые способы её работы, которые только можете себе представить, а потом наблюдайте, как профессор Снейп пытается рассказать кому-нибудь о каждом из этих пунктов... возможно, следует взять кого-то, кто не знает цели эксперимента — я объясню суть бинарного поиска позже, чтобы вы при необходимости смогли сыграть в «Двадцать вопросов» и сузить круг поисков* — и те варианты, которые он не сможет произнести вслух, будут правдой. В данном случае его молчание послужит тем самым различием в поведении в ответ на правдивые и ложные утверждения о метке.

Минерва поняла, что слушает, разинув рот, и быстро его закрыла. Даже Альбус выглядел удивлённым.

— А впоследствии, как я и сказал, абсолютно любое поведенческое различие между шпионами и не-шпионами может быть использовано для определения шпионов. Как только вы выявите хотя бы один магически скрытый секрет Тёмной Метки, вы сможете проверять любого на наличие Тёмной Метки, просто наблюдая за тем, сможет ли он раскрыть этот секрет тому, кто его ещё не знает...

— Благодарю вас, мистер Поттер!

Все посмотрели на Северуса. Профессор Зельеварения выпрямился и оскалил зубы с яростно-торжествующим видом.

— Директор, теперь я могу свободно говорить о Тёмной Метке. Если кому-то из нас известно, что его схватили как Пожирателя Смерти, и проверяющие раньше не видели его руку без метки, то метка проявляется независимо от его желания. Но если они уже видели, что метки у него нет, то она остаётся невидимой. Также метка

остаётся невидимой, если его только подозревают. Поэтому кажется, что Тёмная Метка выдаёт Пожирателя Смерти — но на деле, как вы понимаете, только того, кто уже был раскрыт.

— А, — сказал Альбус. — Спасибо, Северус, — он на мгновение прикрыл глаза. — Пожалуй, это объясняет, почему даже Питер не заподозрил Блэка... Ну, хорошо. Как вам проверка, которую предложил Гарри?

Профессор Зельеварения покачал головой.

— Несмотря на заблуждения Поттера, Тёмный Лорд не был дураком. В тот момент, когда возникают подозрения о подобной проверке, Тёмная Метка снимает запрет на обсуждение данной темы. Но я не мог намекнуть на такую возможность, мне оставалось ждать, пока кто-то не догадается о ней самостоятельно, — он снова улыбнулся, не разжимая губ. — Мне стоило бы наградить ваш факультет солидной суммой баллов, мистер Поттер, но это скомпрометирует моё прикрытие. Однако, как видите, Тёмный Лорд был хитёр, — его взгляд устремился куда-то в пространство, затем Северус вздохнул: — Да, он был очень, очень хитёр...

Гарри Поттер на несколько секунд погрузился в размышления. Потом...

— Нет, — Гарри покачал головой. — Нет, это совершенно невозможно. Во-первых, мы говорим о логической задачке такого уровня сложности, что она могла бы появиться в первой главе какой-нибудь книги Рэймонда Смаллиана*. Это совершенно несравнимо с тем, чем занимаются магловские учёные. А во-вторых, не исключено, что Тёмному Лорду потребовалось пять месяцев, чтобы придумать загадку, которую я разгадал за пять секунд...

— Скажите, Поттер, для вас действительно непостижимо, что кто-то может быть таким же умным, как вы? — В этот раз в голосе профессора зельеварения было больше любопытства, чем высокомерия.

— Всё дело в априорной вероятности, профессор Снейп. Свидетельства допускают как то, что Тёмный Лорд потратил на эту головоломку пять месяцев, так и то, что он придумал её за пять секунд. Но в любой выборке всегда будет намного больше тех, кому потребуются пять месяцев, чем тех, кто справится за пять секунд... — Гарри провёл ладонью по лбу. — Проклятие, как же это объяснить? Предполагаю, что с вашей точки зрения, если Тёмный Лорд придумал хитрую головоломку, а я её ловко решил, то это делает нас равными.

— Я помню ваш первый урок зельеварения, — сухо сказал профессор. — И думаю, что вам есть ещё чему поучиться.

— Спокойно, Северус, — сказал Альбус. — Гарри уже совершил больше, чем вам известно. Но скажи мне, Гарри... почему всё-таки ты считаешь, что Тёмный Лорд глупее тебя? Конечно, его душа повреждена во многих смыслах. Но в схватке хитрость против хитрости... ты ещё не готов с ним встретиться, насколько я могу судить, а я в курсе всех твоих подвигов.

* * *

Самое обидное заключалось в том, что Гарри не мог объяснить, почему он на самом деле не согласен, и это нарушало ряд базовых принципов совместного обсуждения.

Он не мог рассказать, как на самом деле освободили Беллатрису из Азкабана. Что Сами-Знаете-Кто — в каком бы то ни было обличье — не имел к этому никакого отношения, а дело было лишь в совместной работе разумов Гарри и профессора Квиррелла.

В присутствии профессора МакГонагалл Гарри не хотелось говорить, что существование повреждений мозга подразумевает отсутствие такой штуки, как душа. Что в свою очередь делает успешный ритуал бессмертия... ну, не невозможным — Гарри безусловно планировал когда-нибудь проложить дорогу к магическому бессмертию, — но гораздо более сложным и требующим гораздо больше изобретательности, чем простая привязка уже существующей души к филактерии лича*. Тем более, что ни один разумный волшебник не стал бы этим заниматься, если бы знал, что его душа и так бессмертна.

Но настоящей и подлинной причиной, почему Гарри знал, что Тёмный Лорд не мог быть настолько умён... хм... наверное, было нетактично это говорить, но...

Гарри присутствовал на заседании Визенгамота. Он своими глазами видел, какие смехотворные «меры предосторожности» — если это вообще можно так назвать — принимаются для охраны самых глубоких уровней Министерства магии. Там даже не было Водопада воров, который применяли гоблины, чтобы смывать эффекты Оборотного зелья и проклятия Империиус с посетителей Гринготтса. Очевидный способ захвата власти — наложить Империиус на Министра Магии и на глав нескольких департаментов, а тем, кто слишком силен для Империиуса, послать совиной по-

чтой ручную гранату. Или усыпляющий газ — если нужно взять их живыми и держать в состоянии Живой смерти, чтобы брать волосы для Оборотного зелья. Легилименция, чары Ложной памяти, заклинание Конфундус — просто смешно, насколько магический мир прямо-таки переполнен средствами для одурачивания людей. Возможно, во время своего собственного захвата власти в Британии Гарри воздержится от всего этого, поскольку его сдерживает Этика... хотя, пожалуй, он мог бы использовать некоторые слабые средства, поскольку Оборотное зелье, или временный Конфундус, или чтение мыслей с помощью легилименции не могли быть хуже, чем лишний день существования Азкабана... Но...

Если бы Гарри не сдерживали этические нормы, вероятно, он бы в тот день уничтожил худшую часть Визенгамота — в одиночку, пользуясь лишь магической силой, доступной первокурснику, благодаря тому, что он был достаточно умён и понял суть дементоров. Впрочем, возможно, политическая позиция Гарри после этого оказалась бы весьма шаткой — выжившие члены Визенгамота могли решить, что для поддержания своего реноме гораздо удобней будет отречься от его действий и осудить его. Пусть даже умнейшие из них и понимали бы, что это сделано для высшего блага... И тем не менее.

Если же вы не ограничены никакими этическими нормами, вооружены древними секретами Салазара Слизерина, повелеваете дюжинами могущественных последователей, в число которых входит Люциус Малfoy, и при этом вам нужно более десяти лет, чтобы потерпеть неудачу при попытке свергнуть правительство магической Британии, это означает, что вы — идиот.

— Как же это объяснить... — повторил Гарри. — Смотрите, директор, вас связывают некие этические нормы, и поэтому вы не станете использовать в бою многие возможные тактики, просто потому что вы не злодей. И вы сражались с Тёмным Лордом, ужасно могущественным волшебником, который не был так ограничен в выборе средств, и вы всё равно его сдерживали. Если бы сверх этого Сами-Знаете-Кто был бы супер-умным, вы были бы мертвы. Все вы. Вы погибли бы мгновенно...

— Гарри, — голос профессора МакГонагалл дрожал. — Гарри, но мы действительно чуть не погибли. Погибло больше половины Ордена Феникса. Если бы не Альбус... Альбус Дамблдор, величайший волшебник за последние два столетия... мы бы все были мертвы, Гарри.

Гарри провёл рукой по лбу.

— Простите, — сказал он. — Я не пытаюсь преуменьшить то, через что вы прошли. Я знаю, что Сами-Знаете-Кто был исключительно злым и невероятно могущественным Тёмным волшебником с множеством сильных сторонников, и это... серьёзно, действительно серьёзно.

Но всё это не сравнимо с угрозой, когда ваш противник действительно умён. В этом случае он может просто транс-фигурировать ботулотоксин и подмешать миллионную долю грамма в ваш чай. Был ли какой-нибудь безопасный способ объяснить это, не раскрывая деталей? Гарри не мог придумать ни одного.

— Пожалуйста, Гарри, — сказала профессор МакГонагалл. — Пожалуйста, Гарри, умоляю тебя — относись к Тёмному Лорду со всей серьёзностью! Он куда опаснее, чем... — казалось, пожилая волшебница не может подобрать правильных слов. — Он намного, намного опаснее, чем трансфигурация.

Брови Гарри поползли вверх прежде, чем он смог совладать с собой. Со стороны Северуса Снейпа послышался мрачный смешок.

Хм, — задумался внутренний когтевранец. — *честно говоря, профессор МакГонагалл права. Мы не воспринимаем этот вопрос серьёзно, как воспринимают научную проблему. Усваивать новую информацию в принципе сложно, гораздо проще от неё отмахнуться, не задумываясь. Прямо сейчас, похоже, мы встретили неожиданный, важный аргумент, но совершенно не пересмотрели свои убеждения. Изначально мы не рассматривали Лорда Волдеморта в качестве серьёзной угрозы, потому что идея Тёмной Метки казалась нам откровенно идиотской. Потребуется целенаправленные усилия, чтобы разобрать по кусочкам и перепроверить всю цепочку умозаключений, которую мы построили на основании этого ложного предположения. А прямо сейчас мы не предпринимаем для этого никаких действий.*

— Ладно, — сказал Гарри в тот момент, когда профессор МакГонагалл, кажется, собиралась вновь заговорить. — Ладно, чтобы отнестись к этому серьёзно, мне нужно взять паузу и подумать минут пять.

— Пожалуйста, так и сделай, — кивнул Альбус Дамблдор. Гарри прикрыл глаза.

Его когтевранская сторона разделилась на три части.

Оцениваем вероятность, — сказал когтевранец номер один, выступавший за председателя, — что Тёмный Лорд жив и умён в той же степени, что и мы, и, следовательно, представляет собой настоящую угрозу.

Почему тогда его враги до сих пор не мертвы? — спросил когтевранец номер два, представлявший сторону обвинения.

Прошу отметить, — заявил первый когтевранец, — *что мы уже рассматривали этот аргумент, так что мы не можем использовать его, чтобы менять свои представления каждый раз, когда его повторяем.*

Но где тут логическая ошибка? — спросил второй когтевранец. — *В мирах с умным Тёмным Лордом все члены Ордена Феникса были бы мертвы в первые пять минут войны. Наш мир таким не выглядит и, значит, он не относится к такому типу миров. Что и требовалось доказать.*

Можем ли мы это утверждать с уверенностью? — вмешался когтевранец номер три, назначенный на роль адвоката. — *Может быть, существовала какая-то причина, по которой Лорд Волдеморт не сражался в полную силу...*

Какая, например? — спросил когтевранец номер два. — *Кроме того, вне зависимости от ваших объяснений, я требую, чтобы данную идею оштрафовали в связи с её дополнительной сложностью...*

Позвольте третьему высказаться, — перебил первый когтевранец.

Хорошо... смотрите, — сказал третий когтевранец. — *Во-первых, мы не знаем, может ли кто-нибудь захватить Министерство, используя только контроль разума. Может быть, магическая Британия действительно представляет собой олигархию, и у вас должно быть достаточно военной власти для того, чтобы запугать глав семейств и заставить их подчиняться...*

Используем Империиус на них тоже, — вставил второй когтевранец.

...и у олигархов есть Водопад воров на входе в их дома...

Штраф за сложность! — вскричал второй когтевранец. — *Это приумножение сущностей!*

...будьте же разумны, — сказал номер третий. — *Всё-таки мы пока не встречали никого, кому бы удалось свергнуть Министерство парой удачно наложенных заклинаний Империиуса. И мы не знаем, действительно ли это так легко осуществить.*

Но, — возразил когтевранец номер два, — *даже принимая это во внимание... всё говорит о том, что можно было найти хоть какой-нибудь другой способ. Десять лет неудач, куда это годится? Применение только обычной для террористов тактики? Это выглядит... словно он даже не пытался победить.*

Возможно, у Лорда Волдеморта были и более творческие идеи, — ответил третий когтевранец, — но он не хотел давать подсказку правительствам других стран, не хотел, чтобы они узнали, насколько они уязвимы, и поставили Водопад воров в своих министерствах. По крайней мере, пока у него не будет Британии в качестве базы и достаточно прислужников, чтобы свергнуть все остальные крупнейшие правительства одновременно.

Вы предполагаете, что он хотел захватить весь мир, — отметил когтевранец номер два.

Трелони предсказала, что он будет равен нам, — торжественно произнёс третий. — Следовательно, он хотел захватить весь мир.

А если кто-то вам равен и вам приходится с ним сражаться...

На секунду Гарри попытался вообразить себе битву двух настоящего креативных волшебников, сражающихся друг с другом в полную силу.

Гарри отмечал все заклинания и зелья из своих учебников за первый курс, которыми при творческом подходе можно было бы убивать людей. Он не мог ничего с собой поделаться. В буквальном смысле. Каждый раз он пытался заставить свой разум не думать об этом, но с таким же успехом можно было бы смотреть на рыбу и не позволять своему разуму признать, что это рыба. А как кто-нибудь мог бы творчески применить заклинания седьмого курса, или чары, доступные аврорам, или утерянную древнюю магию, вроде той, что обладал Волдемор... об этом было даже страшно подумать. Сверхмогущественный креативный гений-психопат — это не просто «угроза», это — угроза всему живому.

Гарри тряхнул головой, прогоняя из мыслей мрачную картину, которую породили его же рассуждения. Вопрос в первую очередь заключался в том, велика ли вероятность столкнуться с чем-то столь же ужасным, как Тёмный Рационалист.

Априорные шансы, что некий волшебник попытается совершить ритуал бессмертия и у него получится...

С большим запасом можно оценить эти шансы, как один к тысяче. Нельзя сказать, что примерно один волшебник из тысячи переживает свою смерть. Хотя, следовало признать, что у Гарри нет данных, сколько всего было попыток провести ритуал бессмертия.

Что, если Тёмный Лорд так же умен, как мы? — спросил третий когтевранец. — *Трелони, знаете ли, предсказала, что он нам будет равен. Значит, он мог сделать так, чтобы ритуал*

бессмертия сработал. P.S: не забыть про строчку об «уничтожить, не оставив почти ничего».

Требование такого уровня интеллекта усложняло гипотезу ещё сильнее: априорные шансы, что случайно выбранный индивид окажется настолько умён, были весьма низки...

Но Лорд Волдеморт не был случайно выбранным волшебником, он был тем самым особенным волшебником в выборке, который привлёк всеобщее внимание. Головоломка с Меткой подразумевала некий минимальный уровень интеллекта — даже если (гипотетически) у Тёмного Лорда и ушло больше времени, чтобы всё обдумать. Опять же, в магловском мире все исключительно умные люди, которых знал Гарри из истории, не становились злыми диктаторами или террористами. Самую близкую аналогию в магловском мире представляли разве что управляющие хедж-фондов, но и из них никто не пытался захватить какую-нибудь страну, пусть даже третьего мира, что определяло максимальные границы, в которых они могли творить и добро, и зло.

Существовали гипотезы, где Тёмный Лорд был умён, а Орден Феникса при этом не был немедленно уничтожен, но такие гипотезы были куда сложнее, и потому их следовало штрафовать. После перемножения всех штрафов за дополнительные усложнения получалось, что при наблюдении «Тёмный Лорд не выиграл войну мгновенно» гипотеза «Тёмный Лорд глуп» гораздо более вероятна, чем гипотеза «Тёмный Лорд умён». Скорее всего, вероятности этих гипотез относились как 10 к 1 в пользу того, что Тёмный Лорд глуп... но, пожалуй, не 100 к 1. Даже при предположении, что Тёмный Лорд умён, никак нельзя сказать, что вероятность события «Тёмный Лорд мгновенно выигрывает» больше 99 процентов. Все возможные контраргументы могут в сумме дать больше одного процента.

И ещё было Пророчество... которое в первоначальном виде могло содержать, а могло и не содержать строку о том, что Лорд Волдеморт немедленно погибнет, если сразится с Поттерами. Которую затем Альбус Дамблдор стёр из памяти профессора МакГонагалл, чтобы заманить Лорда Волдеморта в ловушку. Если же такой строки всё же не было, тогда Пророчество действительно скорее говорит о том, что Сами-Знаете-Кому и Мальчику-Который-Выжил суждено противостоять друг другу через неопределённое время. Но в этом случае было менее вероятно, что Дамблдор станет изобретать правдоподобный предлог, чтобы не брать Гарри в Зал Пророчеств...

Гарри задумался, в состоянии ли он в принципе провести байесовское вычисление, основываясь на этих данных. Конечно, смысл

субъективного байесовского вычисления не в том, чтобы перемножить кучу собранных чисел и получить абсолютно правильный ответ. На самом деле смысл заключается в том, чтобы сам процесс сбора чисел заставил учесть все значимые факты и оценить все относительные вероятности. Например, если уж вы действительно всерьёз задумались о вероятности того, что Тёмная Метка не исчезает и после смерти Тёмного Лорда, можно понять, что вероятность этой гипотезы не настолько низка, чтобы её игнорировать. В принципе, можно было выписать гипотезы, перечислить свидетельства, получить все числа, выполнить вычисления, а затем выкинуть полученный ответ и довериться шестому чувству — но уже после того, как вам пришлось тщательно взвесить каждую деталь. Сложность была в том, что сами свидетельства не были условно независимыми: множество незаметных, но важных обстоятельств влияли друг на друга...

...впрочем, одно можно было сказать наверняка.

Если это вычисление в принципе можно произвести, потребуются листок бумаги и карандаш.

Внезапно в камине директорского кабинета ярко вспыхнуло пламя и из оранжевого стало ярко-зелёным.

— А! — профессор МакГонаггал прервала неловкую паузу. — Должно быть, это Шизоглаз Хмури.

— Оставим на время этот вопрос, — сказал директор с некоторым облегчением и тоже повернулся к камину. — К тому же, полагаю, мы услышим сейчас какие-нибудь новости.

Гипотеза: Гермиона Грейнджер.

(8 апреля 1992 года, 18:53)

Тем временем, в Большом Зале Хогвартса за четырьмя огромными столами ученики, которые не были приглашены на тайное совещание к директору, совмещали ужин с оживлённой дискуссией.

— Забавно, — задумчиво произнёс Дин Томас. — Я не верил, когда генерал говорил, что то, что мы выучили, изменит нас навсегда, и мы никогда не сможем вернуться к прежней жизни. Как только мы поймём. Как только увидим то, что видит он.

— Точно! — воскликнул Симус Финниган. — Я тоже думал, что это шутка. Ну, как и всё остальное, что постоянно говорил генерал Хаоса.

— Но теперь... — печально сказал Дин, — мы ведь уже не сможем стать прежними? Это же всё равно, что, побывав в Хогвартсе,

опять пойти в магловскую школу. Нам... нам нужно держаться вместе. Больше мы ничего не можем сделать. Но иначе мы спатим.

Сидящий рядом Симус Финниган лишь молча кивнул и проглотил ещё один кусок степняка¹.

Вокруг них за столом Гриффиндора продолжался разговор. Он был не настолько бурным, как вчера, но время от времени все возвращались к той же теме.

— Я считаю, что здесь точно не обошлось без какого-то любовного треугольника, — говорила второкурсница по имени Саманта Кроули (она никогда не отвечала на вопрос, не родственница ли она)*. — Вопрос в том, к чему всё шло до того, как всё пошло наперекосяк? Кто был в кого влюблён, и была ли эта любовь взаимной... Даже не знаю, сколько именно тут получится возможных вариантов...

— Шестьдесят четыре, — ответила Сара Варябил, цветущая красавица, которой, скорее, следовало оказаться в Когтеваране или Пуффендуче. — Нет, постойте, я ошиблась. Если, например, никто не любил Малфоя и Малфой никого не любил, то он бы вообще не был частью любовного треугольника... Так, тут нужна арифметика. Подождите, пожалуйста, пару минут...

— Лично для меня очевидно, что Грейнджер — мойрейл Поттера, и что Поттер был ауспитцем для Малфоя и Грейнджер*, — заговорила ведьма самодовольно кивнула, словно только что с блеском решила сложную задачу.

— Да таких слов вообще нет, — возразил молодой волшебник. — Ты придумываешь их на ходу.

— Иногда существующих слов просто не хватает.

— Это так грустно, — у Шерис Нгасерин в глазах действительно блеснули слёзы. — Они же... они же буквально были предназначены друг для друга!

— Ты имеешь в виду Поттера и Малфоя? — спросила второкурсница по имени Колин Джонсон. — Ну, да... их семьи так сильно ненавидели друг друга, они просто не могли не влюбиться...

— Нет, я имела в виду всех троих, — ответила Шерис.

Это заявление ненадолго приостановило сбивчивое обсуждение. Дин Томас захлебнулся лимонадом и теперь сидел тихо, чтобы не забрызгать всех вокруг. Лимонад капал у него изо рта и пропитывал рубашку.

¹ Здесь подразумевается животное, упомянутое в книгах Г. Бима Пайпера, в частности, в книге «Маленький пушистик» — *Прим.перев.*

— Ух ты! — воскликнула темноволосая ведьма по имени Нэнси Хуа. — Шерис, твоя теория такая... изощрённая.

— Люди, нужно мыслить реалистично, — заявила Элоиза Розен, высокая ведьма, которая была генералом в своей армии и потому говорила с ноткой авторитетности в голосе. — Мы точно знаем, что Грейнджер была влюблена в Поттера — ведь она его поцеловала. Поэтому единственная причина, почему она могла попытаться убить Малфоя, заключается в том, что она узнала, что Поттер бросает её ради Малфоя. Не нужно всё настолько усложнять — вы ведёте себя, словно речь идёт о пьесе, а не о реальных людях!

— Но даже если Грейнджер была влюблена, странно, что она вот так вот сорвалась, — заговорила Хлоя, чья чёрная мантия в сочетании с чёрной, как ночь, кожей превращали её в тёмный силуэт. — Не знаю... Я думаю, что здесь, возможно, было что-то большее, чем трагическая история любви. Подозреваю, большинство даже понятия не имеет, что происходит.

— Да! Спасибо! — выпалил Дин Томас. — Послушайте... как вы не понимаете... нам Гарри Поттер так и говорил... если вы оказались не в состоянии предсказать, что что-то случится, если что-то полностью застало вас врасплох, значит, ваших старых представлений о мире недостаточно, чтобы объяснить... — Дин остановился, поскольку понял, что его никто не слушает. — Совершенно безнадежно, да?

— А ты ещё не понял? — откликнулась Лаванда Браун, которая сидела напротив двух бывших легионеров Хаоса. — Как тебя вообще сделали лейтенантом?

— Ой, да помолчите вы! — рявкнула на них Шерис. — Очевидно же, что вы оба сами хотите эту троицу!

— Я серьёзно! — воскликнула Хлоя. — Что, если на самом деле происходит что-то совсем необычное, о чём не догадываются обычные люди? Что, если кто-то... заставил Грейнджер напасть на Малфоя, как и пытался всем сказать Поттер?

— Я думаю, Хлоя права, — сказал похожий на иностранца ученик, который всегда представлялся как Адриан Турнепс, хотя на самом деле родители называли его Чокнутый Дронго*. — Мне кажется, тут всё время был... — Адриан зловеще понизил голос... — некто в тени... — Адриан опять заговорил по-нормальному, — из-за которого всё и случилось. Человек, который стоял за всем этим с самого начала. И я совсем не о профессоре Снейпе.

— Ты же не хочешь сказать... — ахнула Сара.

— Да, — заявил Адриан. — На самом деле за всем этим стоит... Трейси Дэвис!

— Я тоже так думаю, — сказала Хлоя. — В конце концов... — она быстро оглянулась по сторонам. — После всей этой истории с хулиганами и потолком... даже деревья в лесах вокруг Хогвартса выглядят так, словно они дрожат... * словно они напуганы...

Симус Финниган задумчиво нахмурил брови.

— Кажется, я понимаю, откуда у Гарри его... ну, вы понимаете... — Симус понизил голос, чтобы его слышали только Лаванда и Дин.

— О, я прекрасно поняла, что ты хочешь сказать, — Лаванда даже не старалась говорить тише. — Удивительно, что он не сломался и не начал убивать всех подряд ещё несколько лет назад.

— Лично меня, — Дин тоже заговорил тихо, — больше всего пугает, что на их месте могли бы быть *мы*.

— Ага, — ответила Лаванда. — Как хорошо, что мы теперь в полной мере разумны.

Дин и Симус серьёзно кивнули.

Гипотеза: Г. Л.

(8 апреля 1992 года, 20:08)

В камине в кабинете директора взметнулись ярко-зелёные языки пламени. Огонь сгустился в крутящийся изумрудный вихрь, а затем пламя вспыхнуло ещё ярче и выплюнуло в воздух человеческую фигуру...

Двигаясь по инерции, приданной пламенем, прибывший ловко — словно в танце — крутанулся, и вся комната на мгновение оказалась под прицелом его палочки, которую он успел выхватить тем же движением. После чего внезапно замер на месте.

Первым, на что обратил внимание Гарри, увидев появившегося человека, были многочисленные шрамы на его руках и лице. Гарри их заметил даже раньше, чем глаз. Казалось, всё тело новоприбывшего было обгоревшим и изрезанным — хотя на виду были лишь руки и лицо. Всё остальное — закрыто, причём не мантией, а кожаным одеянием, которое больше походило на доспех, чем на обычную одежду. Тёмно-серая кожа подходила к его растрёпанным седым волосам.

Затем Гарри обратил внимание на правый глаз мужчины, сверкавший ярко-голубым.

Какая-то часть разума Гарри осознала, что человек, которого профессор МакГонагалл называла «Шизоглаз Хмури», — это тот самый «Аластор» из воспоминания, которое Дамблдор показал Гарри.

Но с тех пор какое-то событие разукрасило шрамами каждый дюйм его тела и отхватило ему кусок носа...

Другая же часть его разума отметила выброс адреналина. Когда мужчина, вращаясь, выскочил из камина, Гарри совершенно рефлексивно выхватил палочку. Ощущения от его появления были схожи с ощущениями от попадания в засаду. Прежде чем Гарри успел остановить себя, его рука уже начала поднимать палочку для заклинания *Сомниум*. Даже сейчас человек в кожаном доспехе держал палочку точно на уровне глаз, словно солдат, целящийся из ружья. Она не указывала на кого-то конкретно, но охватывала всю комнату. Опасность сквозила в позе мужчины и постановке его ног, в его кожаной броне и в его сверкающем голубом глазу.

— Полагаю, ты считаешь, что эта комната безопасна? — едко спросил мужчина в шрамах, обращаясь к директору.

— Здесь только друзья, — сказал Дамблдор.

Голова мужчины дёрнулась в сторону Гарри:

— Включая его?

— Если Гарри Поттер нам не друг, — серьёзно сказал Дамблдор, — то мы все совершенно точно обречены. Поэтому мы можем допустить, что он — друг.

Палочка мужчины оставалась поднятой, но указывала немного в сторону от Гарри.

— Мальчишка на меня только что чуть не набросился.

— Э-э-э-э... — Гарри заметил, что его рука до сих пор стискивает палочку, и демонстративно её опустил. — Прошу прощения, просто вы выглядели немного... готовым к сражению.

Мужчина слегка шевельнул кистью, и палочка, направленная почти на Гарри, сдвинулась на несколько градусов, хотя и не опустилась. Затем коротко хрипло рассмеялся:

— Постоянная бдительность, да, парень?

— Вы не параноик, если за вами действительно следят, — перифразировал Гарри поговорку.

Мужчина полностью развернулся к Гарри, и, насколько мальчик мог прочитать выражение на лице в шрамах, сейчас мужчина выглядел заинтересованным.

В глазах Дамблдора снова появились те яркие искорки, что можно было заметить в его взгляде до побега из Азкабана. Улыбка под серебристыми усами словно никуда и не исчезала.

— Гарри, это Аластор Хмури, которого ещё называют «Шизоглаз», он примет командование Орденом Феникса после меня...

если со мной что-нибудь случится, скажем так. Аластор, это Гарри Поттер. У меня есть все основания надеяться, что вы двое великолепно поладите друг с другом.

— Я много слышал о тебе, малец, — сказал Шизоглаз Хмури. Его единственный настоящий тёмный глаз был прикован к Гарри, в то время как сверкающий голубой глаз безумно вращался в глазнице, причём, судя по всему, во всех направлениях. — И не только хорошее. Слышал, в департаменте тебя называют пугателем дементоров.

После некоторого раздумья Гарри решил ответить понимающей улыбкой.

— Как тебе это удалось, парень? — мягко спросил мужчина. Теперь и его голубой глаз уставился на Гарри. — Я немного поболтал с одним из авроров, которые конвоировали того дементора из Азкабана. Бет Мартин сказала, что дементор вылетел напрямик из ямы и никто не давал ему каких-то особых инструкций по дороге. Хотя, конечно, она могла врать.

— Это не было хитрым трюком, — ответил Гарри, — я просто шёл напролом. Хотя, конечно, я тоже могу врать.

На заднем плане хихикал откинувшийся на спинку кресла Дамблдор, словно он был ещё одним устройством в директорском кабинете, которое издавало вот такой звук.

Мужчина в шрамах снова повернулся к директору, хотя его палочка по-прежнему смотрела приблизительно в сторону Гарри.

— Я напал на след недавнего носителя Волди. Ты уверен, что его тень сейчас в Хогвартсе? — резко и по-деловому заговорил он.

— Не вполне... — начал Дамблдор.

— Что?! — воскликнул Гарри. После того, как он практически пришёл к выводу, что Тёмного Лорда не существует, такое будничное обсуждение этого вопроса его поразило.

— Носителя Волди, — коротко пояснил Хмури. — Человека, чьим телом он пользовался, до того как завладел Грейнджер.

— Если легенды правдивы, — сказал Дамблдор, — существует некий предмет силы, который привязывает тень Волдеморта к этому миру. И благодаря этому он может уговорить кого-нибудь дать завладеть своим телом. В обмен носитель получает часть его силы и его гордыни...

— Поэтому напрашивается вопрос — кто слишком быстро приобрёл слишком много силы, — отрывисто произнёс Хмури. — И выяснилось, что есть человек, который изгнал бандонскую баньши, полностью уничтожил вышедший из-под контроля вампирский

клан в Азии, выследил оборотня из Вагга-Вагга и истребил шайку упырей с помощью чайного ситечка. И он старается выжать из этой известности всё, что можно — уже поговаривают об ордене Мерлина. Похоже, он становится интриганом и политиком, а не просто могущественным волшебником.

— Ничего себе, — пробормотал Дамблдор. — А ты уверен, что дело не в его собственных способностях?

— Я проверил его школьные оценки, — ответил Хмури. — Записи утверждают, что Гилдерой Локхарт на СОВАх по Защите получил «Троль». О ТРИТОНАх и речи не шло. Именно такой болван и мог пойти на сделку с Волди, — голубой глаз бешено вращался в глазнице. — Но, может быть, вы помните Локхарта учеником и считаете, что у него хватало потенциала, чтобы совершить всё это самому?

— Нет, — нахмурилась профессор МакГонаггал. — Должна признать, что это невозможно.

— Боюсь, я вынужден согласиться, — с ноткой боли произнёс Дамблдор. — Ах, Гилдерой, несчастный глупец...

Смешок Хмури был больше похож на рык:

— Три часа утра тебя устроят, Альбус? Локхарт должен быть дома этой ночью.

С каждым словом Гарри беспокоился всё больше и больше. Даже если у Министерства и были какие-то правила о том, что ордер должен выдать судья, их точно не было у добровольческой нелегальной организации, к которой Гарри только что, судя по всему, присоединился.

— Прошу прощения, — сказал Гарри. — А что именно произойдёт в три утра?

Должно быть, что-то в голосе Гарри его выдавало, потому что мужчина в шрамах развернулся к нему:

— У тебя с этим какие-то трудности, парень?

Гарри замолчал, стараясь придумать, как сформулировать это для незнакомого человека...

— Ты хочешь расправиться с ним сам? — продолжал давить мужчина в шрамах. — Хочешь отомстить за своих родителей?

— Нет, — ответил Гарри так вежливо, как мог. — Честно говоря... слушайте, если бы мы наверняка знали, что он добровольно стал носителем для Сами-Знаете-Кого, это одно. Но если мы не уверены, а вы отправляете его убить...

— Убить? — Шизоглаз Хмури фыкнул. — Мы хотим получить то, что спрятано у него в голове, — Хмури постучал себе по лбу. —

Возможно, нам повезло, и Волди не смог стереть воспоминания этого простофили так же легко, как сделал бы это при жизни, и Локхарт помнит, как выглядит крестраж.

Гарри мысленно отметил слово «крестраж» для последующего изучения и сказал:

— Меня просто беспокоит, что кто-то невиновный — а если он совершил всё это сам, он весьма достойный человек — может вот-вот пострадать.

— Авроры заставляют людей страдать, — резко ответил мужчина в шрамах. — Если везёт, то плохих людей. Бывает так, что удача отворачивается, вот и всё. Просто помни: Тёмные волшебники заставляют страдать гораздо больше людей, чем мы.

Гарри сделал глубокий вздох:

— Вы можете по крайней мере попытаться не причинять вред этому человеку, в случае если он всё же не...

— Альбус, что здесь делает первокурсник? — мужчина в шрамах резко развернулся к директору. — Только не говори мне, что он тут благодаря своему подвигу в младенчестве.

— Гарри Поттер — не обычный первокурсник, Аластор, — спокойно ответил директор. — Он уже совершил ряд деяний, достаточно невозможных, чтобы поразить даже меня. Он единственный в Ордене, кто способен однажды сравниться по интеллекту с Волдемортом. Ни мне, ни тебе это не под силу.

Мужчина в шрамах навис над столом директора:

— Он обуза. Наивный. Ни черта не знает о том, что такое война. Я хочу, чтобы его отсюда убрали и стёрли ему все воспоминания об Ордене, пока кто-нибудь из слуг Волди не вытащил их у него из головы...

— Вообще-то, я окклюмент.

Шизоглаз Хмури пристально посмотрел на директора, который в ответ кивнул.

Тогда он повернулся лицом к Гарри, и их взгляды встретились.

Внезапная яростная легитимная атака едва не сбросила Гарри с кресла. Раскалённый добела клинок вонзился в воображаемую личность на переднем крае его разума. У Гарри не было возможности практиковаться со времени обучения у мистера Бестера, и он чуть было не потерял контроль над воображаемой личностью, которая изображала основную часть его разума. Весь мир его воображаемой личности превратился в кипящую лаву и бешеный поток вопросов. Гарри с огромнейшим трудом удавалось лишь притворяться, что

у него галлюцинации, лишь притворяться личностью, которая кричит от шока и боли от того, что легилименция рвёт её рассудок на части и заставляет верить, что она горит...

Гарри удалось разорвать зрительный контакт, опустив взгляд на подбородок Хмури.

— Ты мало занимаешься, парень, — сказал Хмури. Гарри не смотрел на его лицо, но голос был мрачен. — И я предупреждаю тебя в первый и последний раз. Волди не похож ни на кого из известных легилиментов. Ему не нужно смотреть тебе в глаза. И если твои щиты настолько никчёмные, то он прокрадётся в твой разум так тихо, что ты ничего даже не заметишь.

— Принято к сведению, — сказал Гарри подбородку в шрамах. Мальчика трясло сильнее, чем он был готов признать. Мистер Бестер и близко не был настолько силён, и никогда не испытывал Гарри настолько суровым способом. Притворяться кем-то, испытывающим такую боль... У Гарри не хватало слов, чтобы описать, что значит поддерживать воображаемую личность, страдающую от такой боли, но это точно не было нормальным.

— Но я имею право на какое-то доверие, раз я всё-таки окклюмент?

— То есть ты думаешь, что уже совсем взрослый, да? Смотри мне в глаза!

Гарри усилил свои щиты и посмотрел ещё раз в тёмно-серый глаз и сверкающий голубой.

— Видел когда-нибудь чью-то смерть? — спросил Шизоглаз Хмури.

— Моих родителей, — ровно ответил Гарри. — В январе, когда я оказался перед дементором, чтобы выучить заклинание Патронуса, ко мне вернулось это воспоминание. Я помню голос Сами-Знаете-Кого... — у Гарри озноб пошёл по коже, палочка в руках дрогнула. — Могу доложить, что Сами-Знаете-Кто способен произнести Смертельное проклятие меньше, чем за полсекунды, но, вероятно, вы это уже и так знаете.

Со стороны профессора МакГонаггал послышался вздох. Лицо Северуса напряглось.

— Хорошо, — мягко сказал Шизоглаз Хмури. Губы на лице в шрамах искривились в странной еле заметной улыбке. — Я сделаю тебе то же предложение, которое бы сделал любому аврору-стажёру. Дотронься до меня, парень — один удар, одно заклинание — и я признаю твоё право спорить со мной.

— Аластор! — воскликнула профессор МакГонагалл. — Это совершенно неразумная идея! Несмотря на все прочие его достоинства, у мистера Поттера нет сотни лет боевого опыта!

Гарри быстро окинул кабинет взглядом: его взор прошёлся по странным устройствам, скользнул мимо Дамблдора, Северуса, Распределяющей Шляпы, задерживаясь то тут, то там. Со своего места Гарри не мог видеть профессора МакГонагалл, но это не имело значения. Он хотел взглянуть лишь на одно устройство, все остальные взгляды были нужны лишь, чтобы замаскировать нужный.

— Хорошо, — сказал Гарри и вскочил со своего кресла, не обращая внимания на вздох профессора МакГонагалл и скептическое фырканье профессора Снейпа. Дамблдор приподнял брови, а Хмури оскалился как тигр.

— Пожалуйста, разбудите меня через сорок минут, если он меня вырубит, — Гарри принял начальную стойку для дуэли, его палочка смотрела в пол. — Что ж, начнём...

* * *

Гарри открыл глаза. Казалось, его голову набили ватой.

В кабинете директора уже никого не было, огонь в камине почти потух. Лишь Дамблдор по-прежнему сидел за столом.

— Здравствуй, Гарри, — тихо сказал директор.

— Я даже не заметил его движения, — восхищённо заявил Гарри и, проигнорировав протест мышц, сел.

— Ты стоял в двух шагах от Аластора Хмури, — ответил Дамблдор, — и отвёл взгляд от его палочки.

Гарри кивнул, вытаскивая из кошелька Мантию Невидимости.

— Ну да... я принял дуэльную стойку, чтобы он подумал, что я обычный идиот и недооценил меня... Но должен признать, это было впечатляюще.

— То есть, ты так и планировал с самого начала? — спросил директор.

— Конечно, — ответил Гарри. — Обратите внимание, что я перешёл к действиям сразу же, как проснулся, а не стал тратить время на обдумывание.

Гарри натянул на голову капюшон Мантии и бросил взгляд на настенные часы, на которые он незаметно успел посмотреть раньше.

В тот раз они показывали двадцать три минуты девятого. Сейчас — пять минут десятого.

Минерва, распахнув глаза, смотрела, как мальчик принимает дуэльную стойку. Палочку он держал низко, и на секунду Минерва задумалась, что, может быть, Гарри действительно способен... нет, это совершенно нелепо, перед ним стоит сам Шизоглаз Хмури, и победа для Гарри находится за пределами возможного. Конечно, то же самое она думала и о частичной трансфигурации...

— Что ж, начнём, — сказал Гарри и упал.

Северус усмехнулся:

— Вынужден признаться, у мистера Поттера есть свои достоинства. Я бы ни за что не произнёс это, будь он в сознании, и если вы повторите ему мои слова, я буду всё отрицать, ибо его самомнение и так уже слишком раздуто. У мистера Поттера действительно есть свои достоинства, Шизоглаз, пусть дуэлирование и не входит в их число.

Шизоглаз в ответ усмехнулся даже более зловеще:

— О, да. На дуэлях дерутся только дураки. Он встал вот так и ждал, когда я нападу. О чём он вообще думал? Пожалуй, мне стоит оставить ему шрам на память...

— Аластор! — гаркнул Альбус. Одновременно Минерва крикнула: «Стойте!», Северус метнулся вперёд, а Шизоглаз Хмури демонстративно направил палочку на тело Гарри Поттера.

— *Ступефай!*

Шизоглаз молниеносно развернулся на своей деревянной ноге — Минерва ещё никогда не видела, чтобы человек двигался настолько быстро без помощи магии, его тело, казалось, размазалось в пространстве. Красный сгусток Оглушающего проклятия прошёл сквозь внезапно опустевший воздух, чуть не попал в Северуса и врезался в противоположную стену. Когда взгляд Минервы метнулся обратно к Хмури, она увидела семнадцать светящихся сфер, сформировавших знак *Sagitta Magika*. Через мгновение из них вырвался яркий свет, который попал в кого-то. Раздался глухой звук падающего на пол тела...

— Ещё раз здравствуй, Гарри, — сказал Дамблдор.

— Не могу поверить, что он так быстро среагировал, — Гарри поднялся с пола, где лежал невидимым для предыдущей версии себя, и отряхнул Мантию. — И что он так быстро движется — тоже.

Мне нужно придумать какой-нибудь способ достать его, не произнося заклинаний, потому что это меня выдаёт...

* * *

...и тут же Шизоглаз метнулся вниз, упав на руки. Минерва едва заметила, как две тонкие белые нити прошли пространство, где он только что был. Её глаза отвлеклись на синюю вспышку, которая случилась, когда нити врезались в одно из директорских устройств, а когда она снова посмотрела на Шизоглаза, тот уже вскочил на ноги, и его палочка двигалась немислимо быстро. Раздался очередной звук падения...

* * *

— Ещё раз здравствуй, Гарри.

— Простите, директор, но не могли бы вы открыть вашу лестницу, а потом впустить меня обратно, прежде чем я совершу последний прыжок назад? Мне потребуется больше часа на подготовку...

* * *

Минерва, открыв рот, смотрела на Шизоглаза Хмури, который не опустил палочку ни на дюйм. Северус, судя по его лицу, был близок к шоку.

— Ну что, парень? — спросил Шизоглаз Хмури. — Что ещё у тебя есть?

Невидимая рука сняла капюшон мантии-невидимки, и в воздухе появилась парящая голова Гарри Поттера.

— Этот глаз, — глаза самого мальчика дерзко сверкнули. — Это не какой-то обычный артефакт. Он позволяет видеть сквозь мою мантию-невидимку. Вы увернулись от моего трансфигурированного тазера, как только я начал его поднимать, хотя я не произносил никаких заклинаний. А теперь, когда я пронаблюдал всё с самого начала... Вы увидели все мои «я», вернувшиеся в прошлое, сразу же, как вышли из камина, так?

Хмури ухмыльнулся. Точно такой же оскал Минерва видела на его лице в тот раз, когда они столкнулись с самим Волдемортом.

— Потратить сотню лет, охотясь на Тёмных волшебников, и будешь видеть всё, — сказал Хмури. — Однажды я арестовал молодого японца, который использовал похожий трюк. Он на собственной шкуре обнаружил, что приём с теневыми копиями не тянет против моего глаза*.

— Вы видите во всех направлениях, — глаза Гарри Поттера всё также сверкали. — Не важно, куда направлен глаз, он видит всё вокруг.

Тигриная усмешка Хмури стала шире.

— Сейчас в комнате остался только один ты, — сказал он. — Как ты думаешь, это потому что ты сдашься после этого раза или потому что ты выиграешь? На что поставишь, сынок?

— Это моя последняя попытка, потому что я решил поставить три оставшихся часа на один заход, — ответил Гарри Поттер. — Что же насчёт того, выиграю ли я...

Весь воздух в кабинете директора превратился в неясное марево. Шизоглаз Хмури с невероятной скоростью рванулся в сторону, а мгновением позже голова Гарри отпрянула назад, и мальчик крикнул:

— *Ступофай!*

Три мерцающие линии прошли мимо движущейся головы Гарри. Одновременно от Гарри полетел красный сгусток, который проскочил мимо Хмури, когда тот увернулся в другую сторону...

Если бы Минерва моргнула, она бы это проглядела — красный сгусток резко развернулся в воздухе и ударил Хмури в ухо.

Хмури упал.

Парящая голова Гарри Поттера рухнула на высоту первокурсника, упавшего на четвереньки. Затем опустилась ещё ниже. На лице было заметно внезапное истощение сил.

— Во имя Мерлина! Что... — воскликнула Минерва МакГонагалл.

* * *

— Стало быть, ты пошёл к Флитвику, — сказал Хмури. Отставной аврор сидел в кресле, потягивая восстанавливающее зелье из фляги, которую снял с пояса.

Гарри Поттер кивнул, теперь он сидел в своём кресле, а не на подлокотнике.

— Я сперва направился к профессору Защиты, но... — мальчик поморщился. — Он был... недоступен. Ну, я решил, что стоит рискнуть пятью баллами факультета, и если говоришь себе, что риск того стоит, то нет смысла возмущаться, когда приходится платить. В любом случае, я понял, что если ваш глаз видит то, что не видят другие, то, как показал Айзек Азимов в своём «Втором Основании», оружием в данном случае будет яркий свет. Знаете, прочитав достаточно научной фантастики, вы читаете обо всём как минимум один раз. В общем, я сказал профессору Флитвику, что мне требуется заклинание, которое

бы создало множество ярких и мерцающих объектов, способных заполнить целый кабинет, но при этом остающихся невидимыми, чтобы только ваш глаз мог их видеть. Я понятия не имел, как вообще можно создать иллюзию, а потом сделать её невидимой, но я понял, что если я об этом не стану распространяться, то профессор Флитвик так или иначе всё сделает — и он сделал. Оказалось, что самостоятельно использовать такое заклинание мне не под силу, но Флитвик сотворил для меня одноразовый артефакт — хотя мне пришлось убедить его, что тут нет никакого жульничества, поскольку вряд ли хоть что-нибудь может считаться жульничеством в сражении с аврором, который дожил до отставки. И я по-прежнему не понимал, как в вас можно попасть, раз вы двигаетесь так быстро. Так что я спросил про самонаводящиеся заклинания, и вот тогда-то Флитвик и показал мне то заклинание, что я использовал в конце, Рыскающий сногшибатель. Это одно из собственных изобретений профессора Флитвика — он же не только профессор Заклинаний, но и чемпион дуэлей...

— Я в курсе, сынок.

— Простите. В общем, профессор сказал, что в его бытность дуэлянтом ему так и не довелось использовать это заклинание, потому что оно работает только как добивающий удар против лишённого щитов противника. Заклинание устремляется к цели, насколько позволяет изначальная траектория, а как только оно определяет, что цель удалась, оно разворачивается прямо в воздухе и снова направляется к цели. Развернуться оно может только один раз — но, поскольку звучит оно очень похоже на Ступефай, да и цвета оно того же самого — красного, враг может решить, что это обычный сногшибатель и попытаться увернуться, и вот тут-то разворот его и достанет. Да, и профессор просил, чтобы никто из нас не упоминал про этот его особый приём — просто на случай, если когда-нибудь ему выпадет шанс использовать его в соревнованиях.

— Но... — начала профессор МакГонагалл. Она посмотрела на Шизоглаза Хмури, который одобрительно кивнул, и на Северуса, который хранил нарочито безразличное выражение лица. — Мистер Поттер, вы только что оглушили самого Шизоглаза Хмури! Самого знаменитого охотника на Тёмных волшебников за всю историю аврората! Это же невозможно!

Хмури мрачно ухмыльнулся.

— И что ты на это скажешь, парень? Мне любопытно.

— Ну... — протянул Гарри. — Во-первых, профессор МакГонагалл, ни один из нас не сражался всерьёз.

— Ни один из вас?!

— Разумеется, — сказал Гарри. — В настоящей битве мистер Хмури сбил бы все мои копии незамедлительно и не ждал бы, пока они нападут. Что до меня, если бы мне действительно было необходимо сразить самого знаменитого аврора за всю историю, я бы устроил так, чтобы за меня это сделал директор Дамблдор. И кроме того... поскольку это был всё-таки не настоящий бой... — Гарри запнулся. — Как бы объяснить? Волшебники привыкли к тому, что на дуэлях они некоторое время бросаются заклинаниями. Но если два магла стреляют друг в друга в маленькой комнате — то тот, кто попал первым, тот и победил. И если один из них намеренно пропускает свою очередь стрелять и даёт второму один шанс за другим — как мистер Хмури давал мне один шанс за другим — в общем, проиграть при этом было бы довольно стыдно.

— Ну, не так уж стыдно, — Хмури слегка угрожающе ухмыльнулся.

Но Гарри этого, похоже, не заметил.

— Можно сказать, что мистер Хмури проверял меня, попытаюсь ли я с ним сразиться или попытаюсь победить. То есть буду ли я играть лишь роль того, кто сражается — использовать известные мне стандартные заклинания, даже если не ожидаю, что последовательность таких действий приведёт к победе — или же буду пробовать необычные подходы, пока не найду что-нибудь, что могло бы принести победу. Это как разница между учеником, который сидит в классе, потому что все сидят, и учеником, которому не всё равно, и который спрашивает себя, что нужно, чтобы на самом деле изучить материал, и практикуется соответственно — понимаете, профессор МакГонагалл? Если посмотреть на дело под таким углом — принять во внимание, что мистер Хмури давал мне шанс за шансом и что нападать вообще не стоило, если бы я не надеялся победить — тогда я не так уж и преуспел, ведь мне потребовалось целых три попытки, чтобы его достать. Кроме того, как я уже говорил, в настоящем бою мистер Хмури стал бы невидимым сам, или закрылся щитом...

— Не очень-то полагайся на щиты, парень, — встрял Шизоглаз. Аврор в кожаных доспехах сделал ещё один глоток из фляжки с восстановительным зельем. — То, чему учат в первый год в академии, не остаётся вечной истиной — не против сильнейших Тёмных волшебников. Для любого щита найдётся проклятие, которое проходит прямо сквозь него, если только ты не достаточно быстр, чтобы защититься контрзаклинанием. И ещё есть заклинание, которое

проходит вообще через что угодно, и именно его будет использовать любой Пожиратель Смерти.

Гарри Поттер серьёзно кивнул.

— Верно, некоторые заклинания невозможно блокировать. Я запомню это на случай, если кто-нибудь использует против меня Смертельное проклятие. Снова.

— Сообразительность такого рода убивает, парень, не забывай об этом.

Мальчик-Который-Выжил печально вздохнул.

— Я знаю. Простите.

— Итак, сынок. Тебе есть что сказать, прежде чем мы с Альбусом отправимся за Локхартом?

Гарри открыл уже рот, но замер.

— Не мне вам говорить, как воевать, — сказал наконец Мальчик-Который-Выжил. — У меня в этом вообще нет опыта. Просто учтите моё предположение, что Локхарт, возможно, невиновен, так что если вы можете не причинять ему вреда, не рискуя при этом... — мальчик пожал плечами. — Я не знаю цену. Просто, пожалуйста, если сможете, постарайтесь не причинить ему вреда, если он невиновен.

— Если смогу, — сказал Хмури.

— И ещё — вы же намереваетесь просмотреть его разум, чтобы найти доказательства вмешательства Тёмного Лорда, так? Я не знаю, каковы правила в магической Британии насчёт допустимых доказательств — но знаю, что любой человек какой-нибудь закон да нарушил, законов просто чересчур много. Поэтому если речь не будет идти про Тёмного Лорда, не сдавайте его Министерству, просто сотрите ему память и уйдите, хорошо?

Шизоглаз нахмурился.

— Сынок, никто не получает силу так быстро, если он не замышляет что-нибудь.

— Тогда оставьте это обычным аврорам, когда и если они найдут доказательства обычным путём. Пожалуйста, мистер Хмури. Зовите это издержками моего магловского воспитания, но если речь не о войне, то я не хотел бы, чтобы мы стали злыми полицейскими, которые врываются в дома посреди ночи, роются в мозгах, а потом отправляют людей в Азкабан.

— Не вижу в этом смысла, но думаю, что могу оказать тебе такую любезность.

— Что-нибудь ещё, Аластор? — спросил Альбус.

— Да, — ответил Хмури. — Насчёт вашего профессора Защиты...

Гипотеза: Дамблдор

(9 апреля 1992 года, 17:32)

Когда профессор Защиты медленно поднял свою чашку с чаем, та слегка дёрнулась. Тёмная полупрозрачная жидкость лишь едва перехлестнула через край, всего только три капли поползли вниз по стенке. И до, и после этого рука профессора Квиррелла твёрдо сжимала чашку, и Гарри мог бы ничего и не заметить, если бы в тот момент он не наблюдал пристально за движениями профессора.

Если это маленькое резкое движение перейдёт в постоянный тремор, профессору Защиты останется только беспалочковая магия. Волшебная палочка не допускает дрожащих пальцев. Гарри не представлял, насколько это ослабит профессора Квиррелла — если ослабит вообще. Конечно, профессор Защиты сможет пользоваться беспалочковой магией, но всё же обычно для чего-то крупного он использовал палочку. С другой стороны, для него это мог быть исключительно вопрос удобства...

— Безумие, — заметил профессор Квиррелл и осторожно глотнул из чашки, не отрывая от неё глаз и не смотря на Гарри, что для него было нехарактерно, — само по себе может быть почерком.

В небольшом кабинете профессора Защиты было тихо, комната была защищена заклинаниями от любого шума, сильно этим отличаясь от кабинета директора. Иногда они с Гарри одновременно завершали вдох или выдох, и тогда комнату заполняла тишина, звеневшая в ушах.

— В каком-то смысле я согласен, — ответил Гарри. — Если кто-то говорит мне, что все на него глазают и что его нижнее бельё посыпано гипнотическим порошком, то этот человек — психопат, потому что это стандартные признаки психоза. Но ваше утверждение, что любое непонятное происшествие указывает на вмешательство Альбуса Дамблдора, кажется мне... перебором. Если я не вижу какой-то цели, это ещё не значит, что цели вообще нет.

— Отсутствие цели? — переспросил профессор Квиррелл. — Но безумие Дамблдора — это не отсутствие цели, это избыток целей. Директор мог запланировать это, чтобы заставить Люциуса Малфоя отбросить свою игру ради мести вам... или тут может иметь место дюжина других интриг. Кто знает, какие действия директор сочтёт разумными, когда он уже натворил множество странного?

Ранее Гарри вежливо отказался от чая, даже понимая, что профессор Квиррелл догадается, что это значит. Сначала он собирался принести свою банку с газировкой, но отказался от этой идеи,

сообразив, что, пусть они и не могут напрямую использовать магию друг против друга, профессор Защиты легко может телепортировать в неё капельку зелья.

— К настоящему времени я немного узнал Дамблдора, — заметил Гарри. — Если, конечно, всё, что я видел, не было ложью, то мне сложно поверить, что он мог планировать отправить любого ученика Хогвартса в Азкабан. В принципе.

— О, — тихо сказал профессор Защиты, в его бледных глазах блеснуло отражение чашки. — Но, возможно, это ещё один след, мистер Поттер. Вы ещё не поняли особенностей людей того типа, к которому относится Дамблдор. Положим, ему нужно во имя достаточно благородной цели пожертвовать учеником — кого он мог бы выбрать, как не ту, что объявила себя героиней?

Эти слова заставили Гарри задуматься. Это могло быть просто эффектом послезнания, но, тем не менее, при этой гипотезе то, что кто-то подставил Гермиону, казалось более вероятным. Подобным же образом профессор Квиррелл уже предсказал, что мишенью Дамблдора может стать Драко...

Но если за этим стоит вы, профессор, вы могли планировать подставить директора и заранее позаботиться, чтобы на него пало подозрение.

Концепция «свидетельства» приобретает другое значение, когда имеешь дело с кем-то, кто заявляет, что играет «на один уровень выше, чем вы».

— Я понимаю вашу точку зрения, профессор, — голос Гарри звучал спокойно, не выдавая и намёка на его мысли. — То есть вы считаете наиболее вероятным, что именно директор подставил Гермиону?

— Не обязательно, мистер Поттер, — профессор Квиррелл допил свой чай одним глотком и отставил чашку (та звонко стукнулась об стол). — Есть ещё Северус Снейп, хотя я не могу понять, какую выгоду он может извлечь из этой ситуации. Поэтому он также не является моим главным подозреваемым.

— Тогда кто это? — спросил Гарри, слегка озадаченный. Профессор Квиррелл явно не собирался ответить «Сами-Знаете-Кто»...

— У авроров есть правило, — ответил профессор Квиррелл. — Начинать расследование с жертвы. Многие так называемые преступники воображают, что если они кажутся жертвой преступления, то это ставит их вне подозрений. Этот подход так распространён, что любой из авроров постарше видел подобное с дюжину раз.

— Вы всерьёз пытаетесь убедить меня, что это Гермиона...

Профессор Защиты сузил глаза и направил на Гарри один из тех своих взглядов, которые означали, что тот сморозил глупость.

Драко? Драко допрашивали под сывороткой правды... но у Люциуса было достаточно власти, чтобы заставить авроров... ох.

— Вы думаете, что Люциус Малфой сам подстроил покушение на своего собственного сына? — спросил Гарри.

— А почему бы и нет? — мягко ответил профессор Квиррелл. — Из записи показаний мистера Малфоя я почерпнул, что вам удалось добиться некоторых успехов в изменении его политических взглядов. Если Люциус Малфой узнал об этом раньше... он мог решить, что его теперь бывший наследник стал обузой.

— Я не куплюсь на это, — решительно сказал Гарри.

— Вы непростительно наивны, мистер Поттер. Исторические книги полны примеров, когда семейные распри приводили к убийствам, и происходило это из-за куда меньших неудобств и беспокойств, чем те, что доставил мистер Малфой своему отцу. Полагаю, следующим вашим аргументом будет то, что Пожиратель Смерти лорд Малфой слишком кроток, чтобы причинить своему сыну такой вред, — сказал профессор с оттенком тяжёлого сарказма.

— Ну, честно говоря, да, — ответил Гарри. — Любовь действительно существует, профессор, это феномен, проявления которого очевидны. Разум реален, эмоции реальны, и любовь — такая же часть реального мира, как яблоки или деревья. Если вы делаете экспериментальное предположение, не беря в расчёт родительскую любовь, вам понадобится уйма времени, чтобы объяснить, почему родители не отправили меня в детский дом после Инцидента с Научным Проектом.

Профессор Защиты никак на это не отреагировал.

Гарри продолжил:

— Со слов Драко следует, что Люциус ставит его превыше голосований в Визенгамоте. Это значимое свидетельство, ведь существуют менее дорогостоящие возможности изобразить любовь, если вы хотите просто её изобразить. И нельзя сказать, что априорная вероятность того, что отец любит своего ребёнка, мала. Я считаю возможным, что Люциус просто играл роль любящего отца, и что он отказался от этой роли, узнав, что Драко связан с маглорождённой. Но, как говорится, нужно отличать возможность от вероятности.

— Тем лучше преступление, — по-прежнему тихо сказал профессор Защиты, — если настоящего преступника никто не заподозрит.

— И, прежде всего, как бы Люциус изменил память Гермионы, не накладывая на неё чар? Он не преподаёт в Хогвартсе... а, вы, наверно, думаете, что это сделал профессор Снейп.

— Неверно, — сказал профессор Защиты. — Люциус Малфой не доверил бы такую миссию слуге. Но, предположим, одна из профессоров Хогвартса, достаточно знающая, чтобы наложить чары Ложной памяти, но недостаточно искусная в бою, пошла погулять в Хогсмид. Из тёмного переулка выступил Малфой, одетый в чёрное — он сделал бы это сам — и сказал ей одно-единственное слово.

— *Имперіо*.

— Скорее, *Легилименс*, — сказал профессор Квиррелл. — Я не знаю, среагировали бы защитные чары Хогвартса на вернувшегося профессора, на которого наложено проклятие Имперіус. И если я не знаю, Малфой, вероятно, тоже не знает. Но Малфой — превосходный окклюмент, и, возможно, он способен использовать легилименцию. Что касается цели... возможно, Аврора Синистра: никто не станет расспрашивать профессора астрономии, почему она гуляет по ночам.

— Или, что даже более напрашивается, профессор Спраут, — сказал Гарри. — Потому что она последняя, кого можно заподозрить.

Профессор Защиты немного поколебался.

— Возможно.

— Кстати, — Гарри демонстративно наморщил лоб, — полагаю, вы не скажете навскидку, кто из нынешних преподавателей был в Хогвартсе, когда в 1943-м году подставили мистера Хагрида?

— Дамблдор вёл трансфигурацию, Кеттлберн — волшебных существ, Вектор вела арифмантику, — тут же ответил профессор Квиррелл. — И, кажется, Батшильда Баблинг, которая сейчас преподаёт Древние руны, была старостой Когтеврана. Но, мистер Поттер, нет причин подозревать, что в том деле был замешан кто-то, кроме Сами-Знаете-Кого.

Гарри притворно пожал плечами.

— Просто решил спросить — на всякий случай. Впрочем, профессор, я согласен: возможно, что кто-то посторонний использовал легилименцию на ком-то из штата Хогвартса — и затем стёр память об этом, такое невозможно забыть. Но мне не кажется вероятным, что за этим планом стоял Люциус Малфой. Возможно, пусть и маловероятно, что вся внешняя любовь Люциуса к Драко проистекала лишь из чувства долга, и что она испарилась, как дым. Возможно, пусть и маловероятно, что всё выступление Люциуса перед Визенгамотом было лишь игрой. Люди снаружи не всегда

похожи на себя внутри, как вы говорите. Но есть одно свидетельство, которое совершенно не вписывается.

— Какое же? — спросил профессор Защиты, полуприкрыв глаза.

— Люциус попытался отказаться от ста тысяч галлеонов в уплату за жизнь Гермiony. Я видел, как удивился Визенгамот, когда Люциус заявил, что, несмотря на правила чести, он отказывается. Визенгамот этого явно не ожидал. Почему он просто не сделал вид, что негодует, не стиснул напоказ зубы и не взял деньги? Если на самом деле ему не было так уж важно отправить Гермiony в Азкабан.

Профессор Квиррелл помолчал.

— Возможно, Люциус слишком вошёл в роль, — наконец ответил он. — Это порой случается, мистер Поттер, люди увлекаются и теряют голову.

— Не исключено, — сказал Гарри. — Но всё же это ещё одна довольно маловероятная деталь, которую приходится брать как условие. И раз теория требует столько дополнительных усложнений, она не может быть основной. Как по-вашему, среди прочих возможностей есть ещё что-то, о чём мне следует поразмыслить?

Профессор Квиррелл опустил взгляд на свою пустую чашку, он казался необычно отстранённым.

— Думаю, мне приходит в голову ещё один подозреваемый, — наконец сказал профессор Защиты.

Гарри кивнул.

Профессор Защиты, казалось, не заметил этого, и просто продолжил:

— Директор говорил вам что-либо — хотя бы намёком — о пророчестве, которое сделала профессор Трелони?

— Хм!? — машинально произнёс Гарри, пряча внезапное изумление за самой лучшей маской, которую мог изобразить. Вероятно, это было притворство не того уровня, чтобы обмануть профессора Квиррелла, но Гарри определённо не мог взять тайм-аут на то, чтобы обдумать ответ — *постойте, но как, во имя всего святого, профессор Квиррелл мог узнать об этом?* — А что, профессор Трелони сделала пророчество?

— Вы же сами были там, и слышали начало, — нахмурившись, сказал профессор Квиррелл. — Вы закричали на всю школу, что пророчество не может быть о вас, потому что вы не грядёте, вы уже здесь.

ОН ГРЯДЁТ. ТОТ, КТО РАЗОРВЁТ...

Всё, что успела произнести профессор Трелони до того, как Дамблдор сгрёб её в охапку и исчез.

— А, это пророчество, — сказал Гарри. — Извините! Совершенно про него забыл.

Гарри подумал, что произнёс последнее предложение слишком нарочито, и на 80% был уверен, что профессор Квиррелл сейчас спросит: «Ага, мистер Поттер, что это за таинственное другое пророчество, которое вы так усиленно пытаетесь скрыть...»

— Это глупо, — резко сказал профессор Защиты. — По крайней мере, если вы говорите мне правду. Пророчества — это не что-то обыденное. Я долго ломал голову над тем, что услышал, но такой небольшой фрагмент просто слишком мал.

— Думаете, тот, кто грядёт, может быть тем, кто подставил Гермину? — спросил Гарри. Его разум уже выделял ресурсы для новой гипотезы: «нечётко объявленный объект — тот-кто-грядёт».

— Не хочу обидеть мисс Грейнджер, — сказал профессор Защиты, снова нахмурившись, — но её жизнь или смерть не кажутся настолько важными. Но кто-то же должен был появиться, тот, кого, согласно вашей трактовке, на тот момент ещё не было, какой-то очень значимый и пока неизвестный игрок... Кто знает, что ещё могло произойти?

Гарри кивнул и мысленно вздохнул над тем, что теперь придётся перерабатывать свои вычисления шансов, что Лорд Волдеморт жив, с учётом нового свидетельства.

Профессор Квиррелл продолжил, полуприкрыв глаза.

— Сильнее, чем вопрос, о ком говорилось в пророчестве, меня интересует, кто должен был его услышать? Говорят, что пророчество произносят тем, в чьей власти его исполнить или предотвратить. Дамблдор. Я. Вы. С меньшей вероятностью, Северус Снейп. Но из нас четверых двое — Дамблдор и Снейп — часто бывают в обществе Трелони. Тогда как вы и я почти не сталкивались с ней до того воскресенья. Я думаю, достаточно вероятно, что пророчество адресовалось одному из нас — прежде, чем Дамблдор забрал прорицательницу. Директор вам точно ничего не говорил? — настойчиво спросил профессор Квиррелл. — Мне показалось, что ваше отрицание прозвучало слишком нарочито, мистер Поттер.

— Честное слово, нет, — сказал Гарри. — Честное слово, я совершенно про него забыл.

— В таком случае его поступок слегка выводит меня из себя, — тихо сказал профессор Квиррелл. — В сущности, наверное, я даже в гневе.

Гарри ничего не ответил. У него даже пот не выступил. Может, это было и слабым аргументом для уверенности в себе, но в данном случае Гарри действительно был не виноват.

Профессор Квиррелл резко кивнул, словно в подтверждение.

— Если нам больше не о чем говорить, мистер Поттер, вы можете идти.

— Мне приходит в голову ещё один подозреваемый, — сказал Гарри. — Есть человек, который совсем не попал в ваш список. Можете проанализировать его для меня, профессор?

Снова повисла тишина, которая, казалось, была почти громкой.

— Что касается этого подозреваемого, — мягко сказал профессор Защиты, — я думаю, что вы должны вынести о нём решение сами, мистер Поттер, без помощи с моей стороны. Я слышал подобные просьбы раньше, и опыт подсказывает мне, что нужно отказаться. Либо я слишком хорошо проведу работу по обвинению самого себя и сумею убедить вас, что я виновен, либо вы решите, что я вёл расследование спустя рукава, потому что виновен. Я приведу только один аргумент в свою защиту — мне понадобилась бы очень весомая причина, чтобы подвергнуть риску ваш хрупкий союз с наследником Дома Малфоев.

Гипотеза: профессор Защиты

(8 апреля 1992 года, 20:37)

— ...так что, боюсь, я вынужден откланяться, — серьёзно сказал Дамблдор. — Я обещал Квининусу... то есть, я хотел сказать, я обещал профессору Защиты... что не предприму никаких попыток раскрыть его подлинную личность, сам или с чьей-либо помощью.

— И почему ты дал такое дурацкое обещание? — буркнул Шизоглаз Хмури.

— Это было непреложным условием его работы, ну, так он сказал, — Дамблдор посмотрел на профессора МакГонагалл, и кривая улыбка на секунду показалась на его лице. — И Минерва ясно дала мне понять, что Хогвартсу в этом году позарез нужен компетентный профессор Защиты, даже если мне потребуется притащить Гриндевальда из Нурменгарда и напомнить о бывшей дружбе, чтобы убедить его занять эту должность.

— Я не высказывалась настолько радикально...

— Ваше лицо сказала всё за вас, моя дорогая.

И вскоре лишь четверо — Гарри, профессор МакГонагалл, профессор зельеварения и Аластор Хмури, также известный как Шизоглаз — заседали в кабинете директора.

Без директора кабинет выглядел очень странно. Несбалансированно. Без древнего волшебника, который придавал собранию

некую торжественность, совещание превратилось просто в четвёрку людей, которые пытались обсуждать что-то серьёзное среди странных и шумных шуток. Со своего подлокотника кресла Гарри прекрасно видел предмет, похожий на усечённый конус, — как будто конусу отрезали верхушку — который медленно вращался вокруг пульсирующего источника света, затемняя его, но не заслоняя. Каждый раз, когда внутренний свет пульсировал, вся конструкция издавала звук «вруп-вруп-вруп», который звучал странно отдалённым, как будто доносился из-за четырёх толстых стен, хотя до всей этой вращающейся конической усечённой шутовины было всего метр или два*.

Вруп... Вруп... Вруп...

А ещё было несколько тел самого Гарри Поттера, которые он оттащил в уголок, прибирая свой собственный — в прямом и переносном смысле — беспорядок. (Только одно тело не было скрыто копией Мантии Невидимости, но Гарри требовалось лишь небольшая концентрация внимания, чтобы почувствовать остальные невидимые тела, ибо скрывавшая их Мантия была его собственной — усилие, которое он очень старался не сделать ранее, чтобы избежать информации из будущего, которая могла бы повлиять на его решение). Печально, но уже совсем не казалось безумным видеть, как твоё собственное тело лежит в углу. Просто... это был Хогвартс.

— Ну ладно, — кисло сказал Хмури. Из-под кожаного доспеха человек в шрамах извлёк чёрную папку. — Это копия того, что нарыли люди Амелии. Она почти наверняка в курсе, что мы это раздобыли, но всё же это только между нами, ясно? Короче...

И Хмури рассказал, кем, по мнению Департамента магического правопорядка, является «Квинус Квиррелл». С виду обычный ученик Хогвартса (хотя и весьма талантливый — он едва не стал главным старостой), который поехал на каникулы в Албанию после выпуска, там исчез, вернулся через 25 лет и попал в самое пекло Войны Волшебников...

— Именно убийство Дома Монро сделало Волди имя, — сказал Хмури. — До того он был просто очередным Тёмным волшебником с манией величия и Беллатрисой Блэк. Но после... — он фыркнул. — Каждый дурак в этой стране побежал ему служить. Кто-нибудь мог бы понадеяться, что Визенгамот что-то предпримет, раз уж они поняли, что Волди готов убивать их драгоценные персоны. А что эти ублюдки сделали? Понадеялись, что какой-нибудь другой ублюдок что-то предпримет. Ни один из этих трусов не выступил

вперёд. Только Монро, Крауч, Боунс и Лонгботтом — кроме них почти никто во всём Министерстве не осмеливался сказать Волди слово поперёк.

— Именно так ваш Дом стал Благородным, мистер Поттер, — серьёзно сказала профессор МакГонагалл. — Существует древний закон, что если некто положит конец Древнейшему Дому, тот, кто отомстит за эту кровь, станет Благородным. Вообще-то Дом Поттеров и так был старше, чем некоторые семьи, названные Древнейшими. Но Благородным Домом Британии он стал лишь после войны, в знак признания, что вы отомстили за Древнейший Дом Монро.

— Приступ благодарности и всё такое, — мрачно сказал Шизоглаз Хмури. — Это длилось недолго, но по крайней мере Джеймс и Лили забрали с собой в могилу пышный титул и бесполезную медаль. Но до этого было восемь лет кромешного ужаса. Монро исчез. Регулуса Блэка — мы практически уверены, что он был человеком Монро среди Пожирателей Смерти — казнил Волди. Казалось, прорвало плотину, и вся страна утонула в крови. Сам Альбус Дамблдор, чтоб его, занял место Монро, и этого едва хватило, чтобы мы выжили.

Гарри слушал это всё со странным чувством нереальности происходящего. Что-то из этого как будто ощущалось правильным, совпадавшим с наблюдениями — особенно с той речью профессора Квиррелла перед Рождеством — и всё же...

Они ведь говорили про самого профессора Квиррелла.

— Так что департамент думает, что это и есть ваш профессор Защиты, — закончил мысль Шизоглаз. — А ты что об этом думаешь, сынок?

— Что ж... — медленно произнёс Гарри. *За маской ведь тоже можно прятать маску.* — Следующая очевидная мысль — человек по имени «Дэвид Монро»* умер во время войны, и кто-то просто притворяется Дэвидом Монро, который притворяется Квиринусом Квирреллом.

— Очевидная? — с нажимом уточнила профессор МакГонагалл. — О, Мерлин...

— Правда, парень? — сказал Хмури, быстро вращая голубым глазом. — Я бы сказал, что это немного... параноидально.

Вы профессора Квиррелла не знаете, — подумал Гарри.

— Эту теорию легко проверить, — произнёс он вслух. — Просто выяснить, помнит ли профессор Защиты что-нибудь о войне, что должен помнить настоящий Дэвид Монро. Хотя, полагаю, если

он играет роль Дэвида Монро, который притворяется кем-то другим, то у него есть прекрасный повод притвориться, что он притворяется будто не знает, о чём вы говорите...

— Немного параноидально, — сказал человек со шрамом, повышая голос. — Недостаточно параноидально! ПОСТОЯННАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ! Подумай вот о чём, парень: что если настоящий Дэвид Монро вовсе не возвращался из Албании?

Повисла тишина.

— Понимаю... — протянул Гарри.

— Конечно, вы понимаете, — сказала профессор МакГонагалл. — Не обращайтесь на меня внимания, пожалуйста. Я просто посижу тут тихо и понемногу сойду с ума.

— Тот, кто выжил на этой работе, понимает, что есть три вида Тёмных волшебников, — серьёзно сказал Хмури. Его палочка не была ни на кого направлена и просто смотрела вниз, но он держал её в руках. Он вообще не выпускал её из рук с тех пор, как вошёл в комнату. — Есть Тёмные волшебники, у которых лишь одно имя. Есть те, у которых два имени. А есть Тёмные волшебники, которые меняют имена, как мы меняем одежду. Я видел, как «Монро» раскидал троих Пожирателей Смерти, словно щенков. Немногие волшебники настолько хороши в свои сорок пять. Дамблдор — возможно, но других таких мало.

— Может, это и правда, — откликнулся профессор зельеварения из своего угла. — Но что с того, Шизоглаз? Кто бы ни скрывался под этим именем, Монро был однозначно врагом Тёмного Лорда. Я слышал, как Пожиратели Смерти проклинали его имя даже после того, как все решили, что он уже умер. Они боялись его.

— И если речь идёт о профессорах Защиты, — чопорно сказала профессор МакГонагалл, — я это приму, причём с радостью.

Хмури повернулся и мрачно посмотрел на неё.

— Только где же, чёрт побери, «Монро» шлялся все эти годы, а? Может, он думал, что сможет сделать себе имя, сражаясь против Волди, а потом понял, что ошибся, и слинял? А теперь-то зачем вернулся, а? В чём его новый план?

— Он, э-э... — осторожно вмешался Гарри. — Он утверждал, что всегда хотел стать великим профессором Защиты, поскольку лучшие боевые маги преподавали в Хогвартсе. И он на самом деле невероятно хороший профессор Защиты... я имею в виду, если он хотел просто замаскироваться, он мог бы и не стараться так сильно...

Профессор МакГонагалл решительно кивнула.

— Наивно, — ровным голосом сказал Хмури. — Полагаю, вы все даже не задумывались, что, возможно, ваш профессор Защиты и подстроил уничтожение всего Дома Монро?

— Что?! — воскликнула профессор МакГонагалл.

— Наш таинственный волшебник слышит о потерянном отпрыске Древнейшего Дома Британии, — ответил Шизоглаз. — Он прикидывается «Дэвидом Монро», но держится подальше от настоящей семьи Монро. Но рано или поздно Дом обязан заметить, что что-то не так. И тогда самозванец так или иначе провоцирует Волди их всех убить — возможно, раскрывает пароль от системы защиты Дома, который ему дали — и всё, теперь он лорд Визенгамота!

Внутри Гарри происходила борьба между пuffedуицем номер один, который никогда полностью не доверял профессору Защиты, и пuffedуицем номер два, который был слишком предан другу Гарри, профессору Квирреллу, чтобы поверить во что-то такое лишь потому, что так сказал Хмури.

Хотя вообще-то это напрашивалось, — заметил слизеринец. — То есть, неужели ты в состоянии поверить, что при естественных обстоятельствах некто стал последним наследником Древнейшего Дома И Лорд Волдеморт убил всю его семью И он должен отомстить за своего учителя боевых искусств? Да любого из этих пунктов было бы достаточно, чтобы сказать, что кто-то слишком увлёкся, делая свою новую личность идеальным литературным героем. В реальной жизни так не бывает.

И это говорит сирота, который вырос, не зная о своём наследии, — прокомментировал внутренний критик Гарри. — Насчёт которого имеется пророчество. Знаешь, вроде бы мы никогда не читали книг про двух героев с одинаковым предначертанием, которые соревнуются, кто более шаблонен, чтобы быть достойным победить злодея...

Да, — ответил центральный Гарри, заглушая отдалённый врывающийся звук на фоне, — наша жизнь и так весьма печальна, а ТЫ ТУТ ЕЩЁ И ИЗДЕВАЕШЬСЯ.

В данный момент можно сделать только одно, — сказал когтевранец. — И все мы это знаем, так о чём спорить?

Но, — ответил Гарри, — как же мы проверим экспериментально, является профессор Квиррелл исходным Дэвидом Монро? То есть, в каком случае объект наблюдения повёл бы себя по-разному, в зависимости от того, настоящий он Дэвид Монро или самозванец?

— Что ты хочешь от меня, Шизоглаз? — спросила профессор МакГонагалл. — Я же не могу...

— Можешь, — человек в шрамах яростно посмотрел на неё. — Просто уволь чёртова профессора Защиты.

— Ты ежегодно так говоришь, — сказала профессор МакГонагалл.

— Да, и я всегда прав!

— Постоянная бдительность или нет, Аластор, но ученикам надо учиться!

Хмури фыркнул:

— Ха! Клянусь, что проклятие становится всё хуже, потому что с каждым годом вам всё труднее и труднее от них избавляться. Ваш драгоценный профессор Квиррелл должен быть замаскированным Гриндевальдом, чтобы вы его наконец вышвырнули!

— А это реально? — Гарри не удержался от вопроса. — Я имею в виду, может ли он на самом деле быть...

— Я проверяю камеру Гринди каждые два месяца, — сказал Хмури. — В марте он был на месте.

— А может человек в камере оказаться двойником?

— Я беру анализ крови для проверки, сынок.

— А где вы храните образец крови для сравнения?

— В надёжном месте, — что-то вроде улыбки появилось на покрытых шрамами губах. — Ты не думал после окончания школы пойти работать аврором?

— Аластор, — неохотно начала профессор МакГонагалл. — У профессора Защиты... проблемы со здоровьем. Полагаю, ты сочтёшь это само по себе подозрительным, но это совсем не значит, что он совершил что-то такое, из-за чего мы не должны продлевать с ним контракт.

— Да, у него то и дело тихий час, — мрачно сказал Хмури. — Амелия думает, он стал жертвой высокоуровневого проклятия. А по мне, так это какой-то Тёмный ритуал пошёл не так!

— У тебя нет доказательств! — возразила профессор МакГонагалл.

— Да у него над головой с тем же успехом могла бы светиться зелёными буквами табличка «Тёмный волшебник».

— А... — сказал Гарри. Судя по всему, сейчас был не лучший момент, чтобы спросить мистера Хмури, что он думает о точке зрения: «не все ритуалы с жертвоприношениями — зло». — Простите, но вы ранее говорили, что профессор Квиррелл — я хочу сказать, прежний Дэвид Монро — в смысле, Монро из семидесятых — в общем, вы сказали, этот человек использовал Смертельное проклятие. Что это значит? Нужно ли быть Тёмным волшебником, чтобы его использовать?

Хмури покачал головой.

— Я и сам его использовал. Всё, что нужно — это сила и соответствующий настрой, — он слегка оскалил зубы. — Впервые я использовал его против волшебника по имени Джералд Грайс*, и когда ты закончишь Хогвартс, можешь спросить меня, что он такого сделал.

— Но почему тогда оно Непростительное? — сказал Гарри. — В смысле, Режущее заклинание тоже может убивать. Так почему чем-то лучше использовать Редукто, нежели Авада Кедав...

— Закрой рот! — резко оборвал его Хмури. — Когда ты произносишь это заклинание, кто-нибудь может что-то не так понять. Пусть ты и выглядишь слишком юным, чтобы использовать его, но существует такая штука, как Обратное зелье. Что касается твоего вопроса, мальчик, есть две причины, почему это заклинание внесено в самые чёрные книги. Во-первых, Смертельное проклятие направляется прямо в душу, и летит, пока не поразит её. Сквозь любые щиты. Даже сквозь любые стены. Именно поэтому даже аврорам, сражавшимся с Пожирателями Смерти, не позволялось использовать его до Акта Монро.

— Ага, — кивнул Гарри, — отличный повод запретить...

— Я не закончил, сынок. Вторая причина в том, что Смертельное проклятие не просто требует значительного количества магии. Ты должен этого по-настоящему хотеть. Ты должен хотеть, чтобы кто-то умер, и вовсе не ради высшего блага. Убийство Грейса не вернуло назад ни Блэр Рош, ни Натана Рейфусса, ни Дэвида Капито. Я убил его не ради правосудия, и не чтобы он больше так не делал. Я просто хотел, чтобы он умер. Понимаешь теперь, парень? Тебе не нужно быть Тёмным волшебником, чтобы использовать это заклинание, но и Альбусом Дамблдором ты тоже не можешь быть. И если тебя арестуют за убийство с его помощью, ты не сможешь оправдаться.

— Понимаю, — прошептал Мальчик-Который-Выжил. *Нельзя хотеть чьей-то смерти как одного из шагов к положительной цели, нельзя использовать это заклинание, веря, что это необходимое зло, нужно по-настоящему хотеть, чтобы некто умер — просто умер, чтобы для тебя не было ничего важнее его смерти.* — Магически воплощённое предпочтение смерти над жизнью, удар в средоточие чистой жизненной силы... да, похоже, это заклинание трудно блокировать.

— Не трудно, — рявкнул Хмури. — Невозможно!

Гарри кивнул.

— Но Дэвид Монро — или кто он там — использовал Смертельное проклятие против нескольких Пожирателей Смерти ещё до того, как они убили всю его семью. Означает ли это, что он уже тогда их ненавидел? Может, история про боевые искусства всё-таки правда?

Хмури слегка покачал головой.

— Одна из тёмных истин о Смертельном проклятии, сынок, в том, что после того, как ты используешь его впервые, оно уже не требует так много ненависти.

— Оно повреждает разум?

Хмури снова покачал головой.

— Нет. Разум повреждает само убийство. Убийство разрывает душу — но то же самое происходит и в том случае, если используешь Режущее заклинание. Трещина в душе появляется не из-за Смертельного проклятия. Это Смертельному проклятию нужна треснувшая душа, — если на изборождённом шрамами лице и появилась грусть, заметить её было невозможно. — Однако это не даёт нам много информации о Монро. Тех, кто, подобно Дамблдору, никогда в жизни не сможет использовать Смертельное проклятие, потому что в его душе никогда не появится трещина — таких мало, очень мало. Нужна ведь всего лишь маленькая трещина.

В груди Гарри появилось странное тяжёлое чувство. Хотел бы он знать, что именно значило то, что Лили Поттер пыталась использовать Смертельное проклятие против Лорда Волдеморта в последний миг её жизни. Но, конечно, это было простительно, это было справедливо и правильно — то, что мать ненавидела Тёмного волшебника, который пришёл убить её младенца и насмеялся над её неспособностью его остановить. В такой ситуации, если вы не можете использовать Авада Кедавра, значит, вы неправильный родитель. А ни одно другое заклинание не прошло бы через щиты Тёмного Лорда, оставалось только хотя бы попытаться ненавидеть Тёмного Лорда достаточно для того, чтобы желать ему смерти ради самой смерти, раз уж это был единственный способ спасти своё дитя.

Нужна всего лишь маленькая трещина...

— Довольно, — сказала профессор МакГонагалл. — Что вы от нас хотите?

Хмури криво ухмыльнулся.

— Избавьтесь от профессора Защиты, и, спорим на галлеон, все ваши проблемы как рукой снимет.

Казалось, слова Хмури причиняли профессору МакГонагалл физическую боль.

— Аластор... но... станешь ли вести уроки ты, если...

— Ха! — отозвался Хмури. — Если когда-нибудь я отвечу «да» на этот вопрос, проверьте меня на Обратное зелье, потому что это буду не я.

— Я проведу эксперимент, — сказал Гарри. Все посмотрели на него, и он продолжил: — Я спрошу у профессора Квиррелла что-нибудь, что знает настоящий Дэвид Монро, например, кто ещё учился в Слизерине в 1945-м, или что-то вроде этого. Я рассчитываю сделать это, не привлекая внимания. Доказательство не будет безусловным, потому что он мог подготовиться к своей роли, но всё-таки это будет свидетельство. И ещё, мистер Хмури, даже если профессор Квиррелл не настоящий Монро, я не уверен, что избавиться от него — хорошая идея. Он дважды спасал мне жизнь...

— Что?! — спросил Хмури. — Когда? Как?

— В первый раз — когда сбил с ног уйму ведьм, которые притягивали меня к земле, во второй — когда сообразил, что дементор высасывает из меня силы через мою палочку. И если это не профессор Квиррелл изначально затеял всю эту историю с Драко Малфоем, то получается, что он спас ему жизнь, и всё было бы гораздо хуже, если бы он этого не сделал. Если профессор Защиты сам не затеял всё это, то он не тот, от кого стоит просто так избавляться.

Профессор МакГонагалл решительно кивнула.

Гипотеза: Северус Снейп

(8 апреля 1992 года, 21:03)

Гарри и профессор МакГонагалл снова стояли на лестнице, которая медленно вращалась, но не опускалась. Точнее будет сказать, что один из Гарри стоял на лестнице — трое остальных Гарри остались в кабинете директора.

— Могу я задать вам конфиденциальный вопрос? — спросил Гарри, когда счёл, что они достаточно далеко, чтобы не быть услышанными. — Конфиденциальный, в особенности, в отношении директора?

— Да, — ответила профессор МакГонагалл, подавляя вздох. — Хотя я надеюсь, что вы понимаете, что я не сделаю ничего, что противоречит моим обязательствам по отношению...

— Конечно, — прервал Гарри, — собственно, мне нужно спросить вас именно об этом. Перед лицом Визенгамота, когда Люциус Малfoy сказал, что Гермиона не входит в Дом Поттеров и что он не возьмёт денег, вы подсказали Гермионе, как принести присягу.

Я хочу знать, на случай, если произойдёт схожая ситуация, какие обязательства для вас важнее — перед ученицей Хогвартса Гермионой Грейнджер или перед главой Ордена Феникса Альбусом Дамблдором.

Профессор МакГонагалл выглядела так, как будто кто-то пару минут назад ударил её по лицу чугунной сковородой, а сейчас ей сказали, что её ударят ещё раз, и она не должна уклоняться.

Гарри и сам слегка вздрогнул. Как-то всё-таки нужно научиться формулировать предложения так, чтобы они не шокировали людей так сильно.

Стены вращались вокруг них, за ними, и вот, каким-то образом, они оказались внизу.

— О, мистер Поттер... — опять вздохнула профессор МакГонагалл, — мне бы очень хотелось, чтобы вы не задавали мне подобных вопросов... О, Гарри, я совсем не думала в тот момент. Я просто увидела возможность помочь мисс Грейнджер, и... в конце концов, я — из Гриффиндора.

— У вас есть возможность подумать сейчас, — сказал Гарри. Получалось совсем плохо, но ему в любом случае нужно было сказать это, потому что... — Я не прошу, чтобы вы были верны именно мне. Просто, если вы действительно знаете, если вы правда уверены, как поступите в ситуации, когда снова на одной чаше весов окажется жизнь невинного ученика Хогвартса, а на другой — Орден Феникса...

Но профессор МакГонагалл покачала головой.

— Я совершенно не уверена, — прошептала профессор трансфигурации. — Я не знаю, поступила ли правильно даже в этом случае. Простите. Я не могу принимать такие ужасные решения!

— Но вы же сделаете хоть что-то, если это случится снова, — сказал Гарри. — Отказ от решения — это тоже выбор. Вы не можете хотя бы просто представить, что вам нужно немедленно принять решение?

— Нет, — сказала профессор МакГонагалл, её голос звучал увереннее, и Гарри понял, что нечаянно подсказал лазейку. Следующие слова профессора подтвердили его опасения. — Если речь идёт о таком ужасном выборе, мистер Поттер — я думаю, что мне не стоит делать его до того момента, как мне придётся его сделать.

Гарри глубоко вздохнул. Он подозревал, что не имеет права ожидать от профессора МакГонагалл, что она скажет что-то иное. При моральной дилемме, когда вы теряете что-то в любом случае, вам в любом случае тяжело выбирать, и, отказавшись решать заранее, вы можете временно избавить себя от маленькой ментальной боли. Ценой того, что вы не сможете ничего спланировать заранее, ценой

того, что вы уже смещаетесь в сторону бездействия или колебаний до тех пор, пока не будет слишком поздно... но было бы глупо ожидать, что ведьма может всё это знать.

— Хорошо, — сказал Гарри.

Хотя это было совершенно не хорошо. Дамблдор мог захотеть, чтобы Гарри избавился от своего долга, и профессор Квиррелл тоже мог этого захотеть. А учитель Защиты всё-таки был Дэвидом Монро, ну или мог убедить всех, что он — Дэвид Монро, тогда получалось, что лорд Волдеморт вовсе не истребил Дом Монро. В этом случае кто-нибудь мог заставить Визенгамот аннулировать благородный статус Дома Поттеров (который был им награждён за отпущение за Древнейший Дом Монро).

В таком случае присяга Гермионы Благородному Дому потеряет законную силу.

А может быть и нет. Гарри не знал ничего о законах на данный случай, в частности, он не знал, вернёт ли Дом Поттеров деньги, если кому-то удастся отправить Гермиону в Азкабан. Говоря юридическим языком, если вы что-то потеряли, это не означает, что вам должны вернуть заплаченную стоимость. Гарри не был уверен и не рискнул бы посоветоваться с магическим адвокатом...

...Как было бы хорошо иметь в запасе хотя бы одного взрослого, на счёт которого можно было бы быть точно уверенным, что он примет сторону Гермионы, а не Дамблдора, если вдруг возникнет проблема вроде этой.

Ступеньки перестали вращаться, и перед ними оказались спины каменных горгулий, которые с грохотом посторонились, открывая дорогу в коридор.

Гарри шагнул вперёд...

...и на его плечо опустилась рука.

— Мистер Поттер, — тихо спросила профессор МакГонагалл, — почему вы просили меня приглядывать за профессором Снейпом?

Гарри снова обернулся.

— Вы когда-то попросили меня приглядывать, не изменится ли он, — настойчиво продолжила профессор МакГонагалл. — Почему вы сказали мне это, мистер Поттер?

Гарри потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, почему он это сказал когда-то, давным-давно. Гарри и Невилл спасли Лесата Лестрейнджа от хулиганов, а потом Гарри столкнулся с Северусом в коридоре и, если верить словам профессора Зельеварения, «чуть не погиб»...

— Я узнал кое-что, что меня беспокоило, — сказал Гарри, помедлив. — От кое-кого, кто заставил меня пообещать держать это в тайне.

Северус взял с Гарри клятву, что их разговор не будет передан никому, и Гарри был связан этим.

— Мистер Поттер, — начала профессор МакГонагалл, но потом выдохнула, и суровое выражение исчезло с её лица так же быстро, как возникло. — Не важно. Если не можете сказать, значит, не можете.

— А почему вы спрашиваете?

Профессор МакГонагалл, казалось, колебалась...

— Хорошо, давайте конкретизируем, — сказал Гарри. После того, как профессор Квиррелл проделал это несколько раз с ним самим, Гарри и сам научился этому трюку. — Какие изменения вы уже заметили в профессоре Снейпе, что вы пытаетесь решить, говорить ли мне о них?

— Гарри, — начала профессор МакГонагалл и закрыла рот.

— Очевидно, что я знаю нечто, что вы не знаете, — дружелюбно сказал Гарри. — Видите, вот почему мы не можем постоянно откладывать решение наших ужасных моральных дилемм.

Профессор МакГонагалл закрыла глаза, сделала глубокий вдох, потёрла переносицу.

— Ладно, — сказала она. — Это едва заметно... но меня оно беспокоит. Я попытаюсь объяснить... Мистер Поттер, много ли вы прочли книг, которые не предназначены для детей?

— Я прочёл их все.

— Да, кто бы сомневался. Ну... я сама не совсем это понимаю, но всё время, которое Северус работает в этой школе и разгуливает в своей ужасной чудовищной мантии, постоянно находится некоторый тип девушек, которые смотрят на него обожающим взглядом...

— Вы считаете, что в этом есть что-то плохое? — спросил Гарри. — Я хочу сказать, если я что-то вообще понял из этих книг, так это то, что не следует осуждать предпочтения других людей.

Профессор МакГонагалл посмотрела на Гарри крайне странно.

— Я имею в виду, — продолжил Гарри, — что, когда я немного подрасту, то, судя по тому, что я читал, есть примерно 10% шанс на то, что я посчитаю профессора Снейпа привлекательным, и важно, чтобы я просто принял это, чтобы я ни...

— В любом случае, мистер Поттер, Северус всегда был абсолютно безразличен к взглядам этих девочек. Но теперь, — профессор МакГонагалл что-то сообразила и поспешно добавила, подняв руку в упреждающем жесте: — Не поймите меня неправильно, профессор

Снейп совершенно точно ни разу не воспользовался таким отношением с их стороны! Это совершенно исключено! Насколько я знаю, он ни одной даже не улыбнулся. Он говорил девочкам перестать пялиться на него. А если они продолжают на него глазеть, он смотрит в другую сторону. Я сама это видела.

— Э... — сказал Гарри. — То, что я правда прочёл эти книги, не значит, что я их понял. Что всё это вообще означает?

— Что он это заметил, — тихо ответила профессор МакГонагалл. — Это почти не бросается в глаза, но я сама видела, и я в этом уверена. А это значит... Я боюсь, что... что связь, которая держала Северуса на стороне Альбуса... возможно, ослабла, или даже оборвалась.

$2 + 2 = ...$

— Снейп и Дамблдор?! — Гарри понял, что произнёс это вслух, и поспешно добавил: — Нет, не то чтобы в этом было что-то дурное...

— Нет! — воскликнула профессор МакГонагалл. — О, во имя всего святого... Я не могу объяснить этого вам, мистер Поттер!

Вторая половина головоломки наконец сложилась.

Он до сих пор любил мою маму?!

Это казалось то ли трогательно-грустным, то ли жалким... целых пять секунд, а потом совершенно внезапно сложилась *третья* половина головоломки.

Конечно, пока я не дал ему мой замечательный совет насчёт отношений.

— Понимаю, — осторожно сказал Гарри спустя несколько секунд. Бывают случаи, когда простого «Упс» мало, чтобы описать ситуацию. — Вы правы, это не к добру.

Профессор МакГонагалл закрыла лицо руками.

— Что бы вы ни думали в данный момент, — сказала она слегка приглушённым голосом, — Уверяю, и это тоже неправильно, и я не хочу больше ничего об этом слышать.

— Итак, — сказал Гарри. — Если, как вы говорите, связь, которая объединяла профессора Снейпа и директора, оборвалась... Что он будет теперь делать?

Повисло долгое молчание.

* * *

Что он будет теперь делать?

Минерва опустила руки и посмотрела сверху вниз, в обращённое к ней лицо Мальчика-Который-Выжил. Такой простой вопрос не должен

был вызывать в ней так много тревоги. Она знала Северуса много лет. Они были странным образом связаны пророчеством, которое слышали оба. Хотя Минерва подозревала, исходя из того, что она знала о правилах пророчеств, что она сама просто-напросто подслушала пророчество. Это действия Северуса привели к тому, что оно начало сбываться. И разрывающая сердце вина за этот выбор мучила профессора Зельеварения многие годы. Она не могла представить, кем бы был Северус без этой вины. Её разум впадал в ступор, когда она пыталась представить, а мысли были словно пустой пергамент.

Конечно, Северус больше не был тем человеком, которым был когда-то, тем гневным и до ужаса безрассудным юнцом, который принёс Волдеморту пророчество в обмен на право вступить в ряды Пожирателей Смерти. Она знала его многие годы, и, конечно, Северус больше таким не был...

Знала ли она его на самом деле?

Видел ли хоть кто-нибудь настоящего Северуса Снейпа?

* * *

— Я не знаю, — сказала наконец профессор МакГонагалл. — Я действительно совсем не знаю. Не могу даже вообразить. А знаете ли что-то на этот счёт вы, мистер Поттер?

— Э... — ответил Гарри. — Думаю, я могу сказать, что мои наблюдения показывают то же, что и ваши. Я хочу сказать, это увеличивает вероятность, что профессор Снейп больше не влюблён в мою маму.

Профессор МакГонагалл закрыла глаза.

— Я сдаюсь.

— Я не в курсе, натворил ли он что-нибудь ещё, — добавил Гарри. — Полагаю, директор уполномочил вас спросить меня об этом?

Профессор МакГонагалл отвела взгляд и уставилась в стену.

— Пожалуйста, не надо, Гарри.

— Хорошо, — сказал Гарри, повернулся и быстро зашагал по коридору. Сзади послышались более медленные шаги профессора МакГонагалл и грохот горгулий, возвращающихся на своё место.

* * *

Через день утром во время урока зельеварения, зелье *Защиты от холода*, которое готовил Гарри, приобрело слегка тошнотворный запах

и выкипело из котла, покрыв всё вокруг зелёной пеной. Профессор Снейп, чьё лицо выражало скорее смирение, нежели отвращение, велел Гарри остаться после урока. У Гарри были на этот счёт свои подозрения — и как только класс опустел (Гермиона, как всегда в последнее время, выскочила за дверь первой), дверь с размаху захлопнулась и защёлкнулась на замок.

— Приношу извинения за то, что испортил ваше зелье, мистер Поттер, — спокойно сказал Северус Снейп. На его лице было странное печальное выражение, которое Гарри видел ранее лишь раз, в коридоре, несколько месяцев назад. — На ваших оценках это не отразится. Пожалуйста, садитесь.

Гарри вернулся на своё место и, пока профессор Снейп накладывал заклинания против подслушивания, продолжил оттирать зелёную жижу с деревянной поверхности стола.

Когда профессор Зельеварения закончил, он заговорил снова:

— Я... не знаю, как подступиться к этой теме, мистер Поттер, поэтому я просто скажу, как есть... При встрече с дементором вы вспомнили ночь, когда умерли ваши родители?

Гарри молча кивнул.

— Не могли бы вы... Я знаю, что это, должно быть, неприятные воспоминания, но... не могли бы вы рассказать мне, что произошло?..

— Зачем? — спросил Гарри. Он говорил серьёзно и совершенно не собирался смеяться над умоляющим видом человека, от которого Гарри не ожидал увидеть подобных эмоций. — Мне кажется, вам самому будет неприятно услышать это, профессор...

Голос профессора Зельеварения опустился до шёпота:

— В течение последних десяти лет я представлял это каждую ночь.

А знаешь, — сказала слизеринская сторона, — если его основанная на чувстве вины верность уже колеблется, избавлять его от страданий — не слишком хорошая идея...

Заткнись. Отклонено.

Но была одна вещь, в которой Гарри просто не мог себе отказать. И он принял одно из предложений своей слизеринской стороны.

— Расскажите мне, как именно вы узнали о Пророчестве? — спросил Гарри. — Простите, что устраиваю подобный торг, я правда всё расскажу вам, но только, поймите, это может быть по-настоящему важно...

— Тут почти не о чем говорить. Я пришёл к заместителю директора на собеседование на вакансию профессора зельеварения. Я ждал за дверью комнаты в «Кабаньей голове», когда соискатель в очереди

передо мной, Сивилла Трелони, проходила собеседование на место профессора прорицаний. Как только она закончила произносить пророчество, я убежал, оставив шанс стать профессором Хогвартса, и пришёл к Тёмному Лорду, — выражение лица профессора Зельеварения было напряжено и непроницаемо. — Я даже не дал себе времени подумать, почему именно мне было даровано услышать эту загадку, и тут же продал её другому.

— Это было собеседование? — спросил Гарри. — Где вы и профессор Трелони оба были соискателями, а профессор МакГонаггалл собеседующим? Как-то тут... Слишком много совпадений...

— Пророки — пешки в руках времени, мистер Поттер. Они выше совпадений. Мне было предназначено услышать пророчество и стать его орудием. Присутствие Минервы ни на что не повлияло. Там не было чар Ложной памяти, как вы предположили, не знаю, почему вы так подумали, но их там не было и быть не могло. Голос предсказателя специфичен, в нём есть загадка, которую не может передать даже легилименция, как это можно заложить в поддельную память? Думаете, Тёмный Лорд поверил бы мне на слово? Тёмный Лорд захватил мой разум и увидел там таинственное событие, пусть и не смог проникнуть в тайну — так он узнал, что пророчество было настоящим. Тёмный Лорд мог бы убить меня сразу после этого, ибо он получил, что хотел, — я был безумцем, что пошёл к нему, — но он увидел во мне нечто, сам не знаю что, и принял меня в Пожиратели Смерти, хотя больше на своих условиях, чем на моих. Именно так я стал причиной всему, что потом случилось, всему — от начала и до конца, — голос Северуса звучал хрипло, а лицо отражало неприкрытую боль. — А теперь расскажите мне, пожалуйста, как умерла Лили?

Гарри сглотнул два раза и начал рассказывать.

— Джеймс Поттер закричал, чтобы Лили схватила меня и бежала, а он задержит Сами-Знаете-Кого. Сами-Знаете-Кто сказал... — Гарри прервался, он весь дрожал, и его мышцы свело, как перед припадком. Память безжалостно возвращалась, и с ней наступали холод и тьма. — Он использовал... Смертельное проклятье... А потом как-то поднялся наверх, я думаю, он летел, потому что не помню звука шагов по ступенькам, или чего-то вроде того... А потом моя мама закричала: «Нет, только не Гарри, пожалуйста, не Гарри!», или что-то вроде того. А Тёмный Лорд ответил... его голос был очень высоким, как свист кипящего чайника, но только холодным... Тёмный Лорд ответил...

В сторону, женщина! Ты мне не нужна, мне нужен только мальчишка.

Эти слова Гарри помнил очень хорошо.

— Он сказал моей маме уйти с его дороги, потому что он пришёл только за мной, и моя мама умоляла его пощадить меня, и Тёмный Лорд ответил...

Я даю тебе редкий шанс сбежать.

— Что он будет милосерден и даст ей шанс уйти, но ему не трудно сразиться с ней, и даже если она погибнет, это меня не спасёт, — голос Гарри прерывался, — то есть ей лучше убраться с его пути. И тогда моя мама стала молить взять её жизнь вместо моей, а Тёмный Лорд... Тёмный Лорд сказал ей, и его голос был тише, словно он отбросил притворство...

Прекрасно, я принимаю твои условия.

— Он сказал, что согласен на её предложение, и что она должна бросить свою палочку, чтобы он мог убить её. А потом Тёмный Лорд ждал, просто ждал. Я... я не знаю, о чём думала Лили Поттер, это вообще не имело смысла, то, что она сказала, непохоже было, чтобы Тёмный Лорд убил её и потом просто ушёл, он ведь пришёл за мной. Лили Поттер ничего не сказала, и тогда Тёмный Лорд начал смеяться над ней, это было ужасно, и... и она попробовала единственное, что ей оставалось кроме того, чтобы бросить меня или просто сдаться и умереть. Я не знаю, могла ли она вообще это сделать, могло ли у неё сработать заклинание, но, если подумать, ей нужно было хотя бы попытаться. Последнее, что она произнесла, было «Авада Ке...» — но Тёмный Лорд начал своё заклинание, как только она сказала «Ав», и он произнёс его меньше, чем за полсекунды, а потом была вспышка зелёного света, а потом... потом...

— Хватит.

Медленно, как утопленник, всплывающий к поверхности, Гарри вернулся из того места, где он только что был.

— Хватит, — хрипло повторил профессор Зельеварения. — Она умерла... Лили умерла без боли, да? Тёмный Лорд не... не сделал с ней ничего перед тем, как убил?

Она умерла с мыслью, что потерпела поражение, и что теперь Тёмный Лорд убьёт её ребёнка. Это больно.

— Он... Тёмный Лорд не пытал её, — сказал Гарри. — Если вы об этом спрашиваете.

За его спиной щёлкнул замок, и дверь распахнулась.

Гарри ушёл.

Это было в пятницу, 10 апреля 1992 года.

Гедонистическая осведомлённость

Четверг, 16 апреля 1992 года.
Школа почти опустела: девять десятых учеников уехали на пасхальные каникулы, и среди них оказались почти все, кого она знала. Сьюзен осталась, потому что её двоюродная бабушка была очень занята, и Рон тоже остался, хотя она не знала почему — может быть семья Уизли бедна настолько, что кормить всех детей лишнюю неделю для них затруднительно? Получилось неплохо, ведь Рон и Сьюзен были как раз среди тех немногих, кто ещё разговаривал с ней. (По крайней мере, среди тех, с кем ей и самой хотелось разговаривать. Лаванда по-прежнему была с ней мила, и Трейси, хм, Трейси тоже, но ни та, ни другая не принадлежали к числу людей, с которыми действительно приятно провести час-другой. И в любом случае, они обе уехали на каникулы).

И раз уж Гермиона не могла поехать к себе домой (а ей не разрешили поехать домой, её родителям солгали, что у неё Светящаяся ветрянка), то почти пустой Хогвартс был лучшим из имеющихся вариантов.

Она даже могла ходить в библиотеку, и никто на неё не глазел, ведь уроков не было, и ученики не сидели над домашней работой.

Кто-нибудь мог бы ошибочно подумать, что Гермиона целыми днями бродила по коридорам и рыдала. О да, она много плакала первые два дня, но двух дней было вполне достаточно. В книгах, которые одолжил ей Гарри, упоминалось, что даже парализованные после автомобильных катастроф люди спустя шесть месяцев были далеко не так несчастны, как они ожидали. Равно как и победители лотерей через шесть месяцев не были настолько счастливы, как они предполагали. Уровень счастья возвращался к базовому значению, и жизнь продолжалась.

На страницу книги, которую она читала, упала тень. Гермиона крутанулась на месте, её палочка, спрятанная до того на коленях, взметнулась и оказалась направлена прямо в удивлённое лицо...

— Прости! — сказал Гарри Поттер, поспешно поднимая руки и демонстрируя, что одна из них пуста, а в другой только маленький мешочек из красного бархата. — Прости. Я не хотел тебя напугать.

Повисло ужасное молчание. Сердце билось всё чаще, ладони вспотели, а Гарри Поттер просто смотрел на неё. В первое утро остатка её жизни она чуть не заговорила с ним, но когда она спустилась к завтраку, Гарри Поттер выглядел настолько жутко, что она не стала садиться с ним рядом, а просто тихо поела в своём маленьком пузыре отчуждения, и это было ужасно, но Гарри не подошёл к ней, и... и с тех пор она с ним не разговаривала. (Не так уж трудно избегать всех, если держаться подальше от гостиной Когтеврана и выбегать из класса прежде, чем с тобой смогут заговорить.)

И всё это время ей хотелось знать, что Гарри думает о ней теперь. Ненавидит ли он её за то, что ему пришлось отдать все свои деньги, или, может, он в неё действительно влюблён и поэтому так поступил, или, наоборот, решил, что она недостойна его общества, потому что она совершенно не умеет пугать дементоров... Она боялась встретиться с ним лицом к лицу, боялась и всё. Бессонными ночами она размышляла, что теперь думает о ней Гарри, и ей было страшно, и она избегала мальчика, отдавшего всё своё состояние, чтобы спасти её, и она была маленькой неблагодарной дрянью и ничтожеством, и...

Тут она увидела, как Гарри запустил руку в свой мешочек из красного бархата и достал оттуда конфету в виде сердечка, завернутую в красную фольгу, и её мозг растаял, как шоколад, оставленный на солнце.

— Я хотел дать тебе больше времени, — сказал Гарри Поттер, — но я прочитал теории Критча о гедонизме* и о том, как тренировать своего внутреннего голубя и как маленькие непосредственные положительные и отрицательные отклики втайне управляют почти всем, что мы делаем, и мне пришло в голову, что ты, должно быть, избегаешь меня, потому что я вызываю у тебя отрицательные ассоциации, а мне бы совершенно не хотелось оставлять всё, как есть, и дальше, ничего не предпринимая, поэтому я раздобыл у близнецов Уизли мешочек с шоколадными конфетами и теперь просто буду давать их тебе по одной каждый раз, как ты меня увидишь, в качестве положительного подкрепления, если, конечно, ты не возражаешь...

— Дыши, Гарри, — машинально сказала Гермиона.

Это были первые слова, которые она сказала ему со дня суда.

Они смотрели друг на друга.

Книги смотрели на них со стеллажей.

Они ещё немного посмотрели друг на друга.

— Предполагается, что ты съешь шоколадку, — сказал Гарри, держа конфету в форме сердечка, похожую на валентинку. — Хотя, возможно, сам факт того, что тебе дали шоколад, уже считается

за положительное подкрепление, тогда тебе, наверное, нужно положить его в карман или вроде того.

Она знала, что если попробует заговорить, то ничего не выйдет, поэтому даже не пыталась.

Гарри опустил голову.

— Ты меня теперь ненавидишь, да?

— Нет! — воскликнула она. — Нет, не думай так, Гарри! Просто... просто... просто всё это! — Гермиона поняла, что её палочка ещё направлена на Гарри, и опустила её. Она изо всех сил пыталась не разреветься. — Всё это! — повторила она. Гермиона не могла найти более подходящих слов, хотя и была уверена, что Гарри хотел бы, чтобы она выразилась точнее.

— Думаю, я понимаю, — осторожно сказал Гарри. — А что ты читаешь?

Прежде чем она смогла ему помешать, Гарри наклонился над столом и вытянул шею, чтобы увидеть книгу, которую она читала и не сообразила вовремя убрать.

Гарри уставился на открытую страницу.

«Самые богатые волшебники мира и как они дошли до жизни такой», — прочёл Гарри заголовок вверху страницы. — Номер шестьдесят пять, сэр Гарет, владелец транспортной компании «Мэри Сью» в девятнадцатом веке... монополия на О-оси...^{*} Понятно.

— Полагаю, ты скажешь, что мне не о чем беспокоиться и ты сам обо всём позаботишься? — прозвучало это куда грубее, чем хотелось, и она почувствовала новый укол совести за то, что она такой ужасный человек.

— Не-а, — сказал Гарри. Его голос звучал до странности бодро. — Я вполне могу представить себя на твоём месте, так что понимаю, что, если бы ты заплатила кучу денег, чтобы спасти меня, я бы пытался вернуть их собственными силами. Совершенно невозможно, чтобы я этого не понял, Гермиона.

Гермиона сжала губы, стараясь не расплакаться.

— Но должен честно предупредить, — продолжил Гарри, — если я придумаю способ избавиться от долга Люциусу Малфою раньше тебя, я им воспользуюсь. Важнее, чтобы эта задача решилась как можно быстрее, а не то, кто именно сможет её решить. Нашла уже что-нибудь интересное?

Три четверти её разума бегали кругами и врезались в деревья в попытках понять подтекст всего, что Гарри только что сказал. Он ещё уважает её, как героиню? Или на самом деле он не верит,

что она в принципе способна справиться сама? Тем временем самая здравомыслящая её часть перелистнула книгу на страницу 37, к самой многообещающей статье из тех, что она успела просмотреть (хотя она-то воображала, что сделает всё сама и сделает Гарри сюрприз)...

— Думаю, вот это довольно интересно, — произнёс её голос.

— «Номер четырнадцать, «Крозье», настоящее имя неизвестно», — прочёл Гарри. — Ух ты... в жизни не видел настолько кричащего цилиндра в клетку. Состояние: по меньшей мере шестьсот тысяч галлеонов... это около тридцати миллионов фунтов — недостаточно, чтобы прославить магла, но, полагаю, весьма прилично для маленького сообщества волшебников. Ходят слухи, что это — новый псевдоним шестисотлетнего Николаса Фламеля, единственного известного волшебника, которому удалась невероятно сложная алхимическая операция по созданию Философского Камня, дающего возможность трансмутировать базовые металлы в золото или серебро, а также... создавать Эликсир жизни, который бесконечно продлевает молодость и здоровье использующего его... Хм, Гермiona, по-моему, это совершенно неправдоподобно.

— Я встречала и другие упоминания Николаса Фламеля, — сказала Гермiona. — В «Расцвете и упадке Тёмных искусств» пишут, что он тайно обучал Дамблдора, чтобы тот мог противостоять Гриндевальду. Во многих книгах, не только в этой, к истории Фламеля относятся всерьёз... Ты думаешь, это слишком хорошо, чтобы быть правдой?

— Нет, конечно, нет, — ответил Гарри. Он подвинул свой стул к её стулу и сел за маленький столик рядом с ней, справа, как обычно, словно ничего не случилось — она сглотнула подступивший к горлу комок. — Довод «слишком хорошо, чтобы быть правдой» — не естественен, вселенная не проверяет, является ли результат уравнения «слишком хорошим» или «слишком плохим», прежде чем вывести его. Когда-то люди думали, что самолёты и вакцина против оспы — это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Маглы придумали способы путешествовать к другим звёздам, даже не используя магию, а мы с тобой можем использовать волшебные палочки для того, чтобы творить вещи, которые считают совершенно невозможными магловские физики. И я даже не могу представить, что мы бы посчитали невозможным с точки зрения настоящих законов магии, если бы знали их.

— Тогда в чём же проблема? — спросила Гермiona. Как ей самой казалось, теперь её голос звучал более нормально.

— Ну... — начал Гарри. Он потянулся к книге (их мантии соприкоснулись) и ткнул в картинку, где художник изобразил красный камень,

который светился зловещим светом и сочился багряной жидкостью. — Первая проблема в том, что нет логичного объяснения, почему один и тот же артефакт может превращать свинец в золото и производить эликсир, дающий молодость. Интересно, есть ли в литературе соответствующий общепринятый термин? Что-то вроде «Маловато будет»? Если каждый может увидеть цветок, то не получится заявить, что цветы размером с дома. Но если кто-то — уфолог, то он может всем рассказывать про летающие тарелки размером с город, или даже размером с Луну, ведь никто не видел их на самом деле. Истории о том, что можно увидеть, приходится ограничивать в соответствии со свидетельствами, но когда кто-то что-нибудь выдумывает, его не ограничивает ничего. Вот почему я думаю, что Философский Камень даёт неограниченное количество золота и вечную жизнь не потому, что существует одно магическое изобретение, способное на эти два эффекта, а потому, что кто-то сочинил сказку о супер клёвой штуковине.

— Гарри, в магическом мире существует множество вещей, не поддающихся разумному объяснению, — возразила она.

— Принято, — согласился Гарри. — Но, Гермиона, вторая проблема состоит в том, что даже волшебники не настолько безумны, чтобы проглядеть такое. Каждый бы старался воссоздать формулу Философского Камня, целые страны охотились бы на бессмертного волшебника, чтобы выпытать у него секрет...

— Но это вовсе не секрет, — Гермиона перелистнула страницу и показала Гарри диаграммы. — Прямо на следующей странице есть инструкции. Просто это настолько сложно, что только у Николаса Фламея получилось!

— Тогда целые страны пытались бы захватить Фламея и заставить его сделать больше Камней. Полно, Гермиона, даже волшебники не могли бы узнать о бессмертии, и... и... — Гарри прервался, его красноречия не хватало на то, чтобы закончить фразу, — и просто продолжать жить как ни в чём не бывало. Люди, конечно, безумны, но не до такой же степени!

— Не все рассуждают так, как ты, Гарри.

В чём-то Гарри был прав, но... сколько же она видела различных упоминаний о Николасе Фламеле? Кроме «Самых богатых волшебников мира» и «Расцвета и упадка Тёмных искусств», его имя также встречалось в «Рассказах о сравнительно древних временах» и «Биографиях заслуженно знаменитых личностей»...

— Хорошо, тогда профессор Квиррелл похитил бы этого Фламея. Именно так поступил бы любой злой или добрый или про-

сто эгоистичный человек, у которого есть хоть немного здравого смысла. Профессор Защиты знает множество секретов и уж этот он бы не пропустил, — Гарри вздохнул и поднял глаза от книги. Гермiona проследила за его взглядом, но он, похоже, просто разглядывал библиотеку — ряды, ряды и ещё раз ряды стеллажей с книгами. — Я не хочу лезть в твой проект, — продолжил Гарри, — и я совсем не хотел бы тебя расстраивать, но... честно говоря, Гермiona, не думаю, что ты найдёшь хорошую идею как заработать деньги в книге вроде этой. Как в том анекдоте: экономист видит банкноту в двадцать фунтов, лежащую на тротуаре, но не удосуживается нагнуться за ней, потому что, будь она настоящей, её бы уже кто-то поднял. Любой из способов заработать кучу денег, известный всем настолько, чтобы попасть в подобную книгу... понимаешь, что я имею в виду? Невозможно, чтобы кто угодно с помощью трёх простых действий мог заработать тысячу галлеонов за месяц. Иначе уже все бы этим занимались.

— И что? Тебя ведь это бы не остановило, — в голосе Гермiony вновь послышалось раздражение. — Ты постоянно совершаешь что-нибудь невозможное. Уверена, на прошлой неделе ты опять что-то такое сделал и даже не потрудился кому-нибудь рассказать.

(Тут последовала небольшая пауза, которая, пусть мисс Грейнджер этого и не знала, точно совпадала по длине с паузой, которую сделал бы любой, кто восемь дней назад сражался с Шизоглазом Хмури и победил.)

— Нет, за последние семь дней — нет, — наконец ответил Гарри. — Смотри... Секрет фокуса, как делать невозможное, частично состоит в том, чтобы правильно выбрать, что именно из невозможного ты хочешь совершить, и браться только за то, в чём у тебя есть особое преимущество. Если в этой книге есть способ сделать деньги, который звучит сложно для волшебника, но который легко реализовать, взяв старый папин Мак Плюс, тогда у нас есть план.

— Я знаю, Гарри, — сказала Гермiona, и её голос только чуть-чуть дрожал. — Я смотрела, не смогу ли я придумать, как сделать что-нибудь из этой книги. Я подумала, может быть, самое сложное при создании Философского Камня — то, что алхимический круг должен быть суперточным, и я могла бы просто взять магловский микроскоп...

— Блестяще, Гермiona! — мальчик быстро выхватил палочку, сказал «*Квиетус*» — звуки библиотеки стихли — и продолжил: — Даже если Философский Камень — это всего лишь миф, этот трюк может пригодиться при работе с другими сложными алхимическими...

— Нет, не пригодится, — прервала его Гермиона. Ранее она перерыла всю библиотеку и отыскала единственную книгу по алхимии, которая была не в Запретной секции. Она вспомнила, какое это было сокрушительное разочарование, и как её надежда испарилась словно дым. — Потому что линия абсолютно любого алхимического круга должна быть «тонкой, как волос ребёнка», и её толщина не зависит от того, о каком алхимическом рецепте идёт речь. К тому же у волшебников есть омниокуляры, а я никогда не слышала о заклинаниях, в которых можно их использовать, чтобы что-то увеличить и сделать точнее. Я должна была об этом догадаться!

— Гермиона, — серьёзно сказал Гарри, снова принимаясь рыться в своём мешочке из красного бархата, — не казни себя, когда хорошая идея не срабатывает. Чтобы найти идею, которая сработает, приходится перебрать множество ошибочных. А если ты будешь сердиться по поводу ошибочных идей и тем самым давать своему мозгу отрицательную обратную связь вместо того, чтобы понять, что сам факт генерации идеи — это хорошее поведение со стороны твоего мозга и его следует поощрять, то рано или поздно ты вообще не сможешь придумать ни одной идеи, — Гарри положил две конфеты в виде сердечек рядом с книгой. — Вот, возьми ещё шоколадки. Я имею в виду, в добавок к той, что я дал раньше. А эта — поможет твоему мозгу в выработке хорошей рабочей стратегии.

— Наверное, ты прав, — тихо сказала Гермиона, но к шоколаду не прикоснулась. Она принялась листать книгу, чтобы вернуться на страницу 167, которую читала до того, как пришёл Гарри.

(Гермиона Грейнджер, естественно, не пользовалась закладками).

Гарри слегка наклонился вперёд, его голова почти касалась её плеча. Он смотрел на мелькавшие листы, словно был способен вычленив полезную информацию, глядя на страницу всего лишь четверть секунды. Завтрак окончился совсем недавно, и по лёгкому запаху дыхания Гарри она могла сказать, что на десерт он ел банановый пудинг.

Гарри снова заговорил:

— Я правильно понимаю... пожалуйста, рассматривай это как положительное подкрепление... ты в самом деле пыталась изобрести способ массового производства бессмертия, чтобы я мог выплатить долг Люциусу Малфой?

— Да, — сказала она ещё тише. Хотя она и пыталась думать, как Гарри, у неё до сих пор это не слишком получалось. — А чем ты занимался всё это время, Гарри?

Гарри скривился.

— Пытался собрать свидетельства по делу «Кто подставил Гермioniу Грейнджер»*.

— Я... — Гермioniа посмотрела на Гарри. — Разве мне не следует... самой попытаться раскрыть дело обо мне?

Это не было её главным приоритетом и первоочередной задачей, но раз уж Гарри упомянул...

— Увы, не получится, — рассудительно сказал Гарри. — Слишком многие будут разговаривать со мной, но не с тобой... И мне очень жаль, но некоторые из них взяли с меня обещание не пересказывать наши разговоры кому-либо ещё. Прости, но я не думаю, что ты сможешь чем-то помочь в этом деле.

— Что ж, понятно, — глухо ответила Гермioniа. — Прекрасно. Ты сделаешь всё сам. Ты соберёшь все улики, опросишь всех подозреваемых, а я буду просто сидеть в библиотеке. Дай мне знать, когда окажется, что во всём виноват профессор Квиррелл.

— Гермioniа... Почему так важно, кто именно это сделает? Разве не важнее сам результат, чем то, кто именно его получит?

— Думаю, ты прав, — ответила Гермioniа. Она закрыла лицо руками. — Думаю, теперь это не имеет значения. Теперь все будут думать — я знаю, это не твоя вина, Гарри, ты был... ты был Хорошим, ты вёл себя как истинный джентльмен, — но что бы я ни делала теперь, все они будут думать, что я просто... просто кто-то, кого ты спасаешь, — она замолчала, потом закончила дрожащим голосом: — И, возможно, они будут правы.

— Эй, стой, погоди минутку...

— Я не умею запугивать дементоров. Я могу получить «Великолепно» на уроке Заклинаний, но я не умею запугивать дементоров.

Гарри быстро огляделся по сторонам.

— У меня есть таинственная Тёмная Сторона! — прошепел он, когда убедился, что вокруг никого нет, кроме парня в дальнем углу, который порой посматривал в их сторону, но находился слишком далеко, чтобы расслышать их даже без барьера Квие-туса. — У меня есть Тёмная Сторона, которая определённо уже не ребёнок, и кто знает, какая ещё безумная магическая чертовщина творится у меня в голове... Профессор Квиррелл утверждает, что я могу стать кем угодно, кого только смогу себе вообразить. Это ведь всё жульничество, разве ты не понимаешь, Гермioniа? Благодаря поблажке от школьной администрации — я не имею права тебе о ней рассказывать — Мальчик-Который-Выжил может уделять занятиям больше времени каждый день. Я жульничаю,

а ты всё равно лучше меня на уроках Заклинаний. Я... вероятно, я не... вероятно, Мальчика-Который-Выжил неправильно называть ребёнком — а ты по-прежнему с ним соперничаешь. Неужели ты не понимаешь, что если бы люди не обращали столько внимания на меня, то, вероятно, считали бы, что ты станешь самой могущественной ведьмой столетия? Ты же можешь одна сразиться с тремя хулиганами-старшекурсниками и победить!

— Я не знаю, — ответила она дрожащим голосом, снова закрывая лицо руками. — Всё, что я знаю — даже если всё это правда — никто больше не разглядит во мне меня. Никогда.

— Ладно, — сказал Гарри, помедлив. — Понимаю, что ты хочешь сказать. Вместо исследовательской группы Поттер-и-Грейнджер получается Гарри Поттер и его лаборантка. Хм... У меня идея. Давай я пока не буду заниматься вопросом, как заработать деньги? Ведь долг не вступит в силу, пока я не окончу Хогвартс. Тогда ты можешь сделать всё сама и показать миру, на что способна. А если ты между делом раскроешь секрет бессмертия, мы посчитаем это за бонус.

Мысль, что Гарри уверен в её способности найти решение, была похожа... Была похожа на сокрушающее бремя ответственности, рухнувшее на бедную травмированную двенадцатилетнюю девочку, и ей захотелось обнять его за то, что он преподнёс ей способ восстановить своё самоуважение как героини, и это при том, что она была ужасной и грубо разговаривала с ним всё то время, пока он был для неё куда лучшим другом, чем она когда-либо была для него, и было здорово, что он всё ещё думает, что она что-то может, и...

— У тебя есть какой-нибудь удивительный рациональный приём, который ты применяешь, когда твои мысли начинают разбегаться? — наконец сказала она.

— Обычно я идентифицирую различные желания, даю им имена и рассматриваю как отдельных индивидуумов, а потом позволяю им спорить у себя в голове. Чаще всего это мои пuffedуайская, когтевранская, гриффиндорская и слизеринская стороны, мой Внутренний критик и копии тебя, Невилла, Драко, профессора МакГонагалл, профессора Флитвика, профессора Квиррелла, папы, мамы, Ричарда Фейнмана и Дугласа Хофштадтера.

Гермиона задумалась, не попробовать ли сделать то же самое, но тут её Здравый смысл заявил, что это может быть опасной затеей.

— У тебя в голове есть копия меня?

— Конечно! — ответил Гарри. Неожиданно он почему-то слегка заволновался: — Ты хочешь сказать, у тебя в голове нет копии меня?

Гермиона осознала, что у неё в голове действительно есть копия Гарри, которая говорит в точности его голосом.

— Теперь, когда я об этом задумалась, меня это слегка нервирует, — сказала Гермиона. — У меня в голове в самом деле есть копия тебя. Прямо сейчас она мне твоим голосом объясняет, что это совершенно нормально.

— Хорошо, — серьёзно ответил Гарри. — То есть, я не понимаю, как можно быть друзьями без этого.

Она продолжила читать, а Гарри по-прежнему сидел и смотрел на страницы через её плечо. Видимо, его это устраивало.

Так она дошла до номера семьдесят, Катарины Скотт, которая, судя по всему, изобрела способ превращать мелких животных в лимонные торты, и, наконец, набралась смелости заговорить.

— Гарри? — окликнула она (и немного отодвинулась от него, хотя и не заметила этого). — Раз у тебя в голове есть копия Драко Малфоя, значит ли это, что вы с Драко Малфоем друзья?

— Ну... — Гарри вздохнул. — М-да, я всё равно собирался с тобой поговорить об этом. Наверно, чем скорее, тем лучше. Как же это объяснить... я его совращал.

— Что ты имеешь в виду под «совращал»?

— Переманивал его на Светлую сторону Силы.

Она так и застыла с открытым ртом.

— Ну, знаешь, как Император и Дарт Вейдер, только наоборот.

— Драко Малфой, — произнесла она. — Гарри, ты вообще представляешь...

— Да.

— ...что Малфой говорил про меня? Что он сделает со мной, как только ему подвернётся возможность? Не знаю, что он говорил тебе, но Дафна Гринграсс рассказала мне, что Малфой говорил в гостиной Слизера. Это непроизносимо, Гарри! Непроизносимо в совершенно буквальном смысле, потому что я не могу повторить это вслух!

— Когда это было? — спросил Гарри. — В начале года? Дафна сказала, когда именно это было?

— Нет, — ответила Гермиона, — потому что это не имеет значения, Гарри. Любой, кто говорит то, что говорил Малфой, не может быть хорошим человеком. Не важно, чем ты его переманивал, он прогнал насквозь, потому что ни при каких обстоятельствах хороший человек никогда бы...

— Ты ошибаешься, Гермиона, — перебил Гарри, глядя ей прямо в глаза. — Я могу догадаться, что Драко обещал сделать с тобой,

потому что при нашей второй встрече он говорил то же самое по отношению к одной десятилетней девочке. Но, как ты не понимаешь, до того дня, когда Драко Малфой прибыл в Хогвартс, всю его предыдущую жизнь его воспитывали Пожиратели Смерти. Потребовалось бы сверхъестественное вмешательство, чтобы у него, учитывая его окружение, были твои моральные принципы...

Гермиона яростно затрясла головой.

— Гарри, нет! Никто не должен специально объяснять, что мучить людей — неправильно. Ты не мучаешь людей не потому, что учитель говорит, что он это не разрешает, а потому что ты видишь, как люди страдают. Неужели ты не понимаешь, Гарри? — теперь её голос дрожал. — Это не... не какое-то правило, вроде таблицы умножения! Если ты не можешь понять, не можешь почувствовать этого здесь, — она ударила себя в середину груди (не совсем там, где действительно располагалось сердце, впрочем не важно, в любом случае то, что она имела в виду, находилось в мозгу), — тогда у тебя этого просто нет!

Тут ей пришла в голову мысль, что у Гарри, возможно, этого и нет.

— Есть книги по истории, которые ты не читала, — спокойно ответил Гарри. — Есть книги, которые ты ещё не успела прочесть, Гермиона, которые могут дать тебе увидеть перспективу. Несколько столетий назад — насколько я помню, в семнадцатом веке это ещё точно случалось — существовало популярное деревенское развлечение, когда бралась плетёная корзина, или мешок, и туда сажали дюжину живых кошек, а потом...

— Хватит.

— ...подвешивали их над костром. Просто обыденное развлечение. Невинная потеха. И надо отдать им должное, это была более невинная потеха, чем сожжение женщин, про которых думали, что они ведьмы. Потому что так устроены люди, так устроены их чувства, — Гарри приложил руку к сердцу, причём анатомически верно, потом помедлил и поднял руку, чтобы коснуться головы примерно на уровне уха*, — что им больно, когда они видят, как больно их друзьям. Кому-то из тех, кто им не безразличен, кому-то из их племени. У этого чувства есть выключатель. Выключатель, на котором написано «враг» или «иностранец», а иногда просто «чужак». Если люди не учатся другому, они именно таковы. Поэтому, нет, убеждения Драко Малфоя, что причинять боль врагам — забавно, не означают, что он — бесчеловечный или даже необычайно злой...

— Если ты веришь в это, — сказала она нетвёрдым голосом, — если ты вообще можешь верить в такое, значит ты — злой. Люди

всегда несут ответственность за то, что делают. Не важно, что тебе говорят — действуешь именно ты. Все знают, что...

— Нет, не знают! Ты выросла в послевоенном обществе, в котором после Второй Мировой каждый знает, что «Йа только фи-полнял приказ» — это ответ плохих парней. А в пятнадцатом веке их исполнительность называли бы достойной уважения вассальной верностью, — Гарри повысил голос. — Или ты думаешь, что ты, вот ты сама, на генетическом уровне лучше, чем те, кто жил в прошлые века? Если бы тебя во младенчестве перенесли в Лондон пятнадцатого века, поняла бы ты сама, без посторонней помощи, что сжигать кошек — плохо, сжигать ведьм — плохо, рабство — плохо, что тебе должно быть небезразлично каждое разумное существо? Думаешь, тебе хватило бы одного дня в Хогвартсе, чтобы всё это понять? Никто никогда не говорил Драко, что он лично отвечает за то, чтобы стать более этичным, чем общество, в котором он вырос. И несмотря на это, всего за четыре месяца он дошёл до того, что схватил маглорождённую за руку, чтобы не дать ей упасть с крыши, — в глазах Гарри была ярость, какой она ещё никогда у него не видела, — Я ещё не закончил совращать Драко Малфоя, но полагаю, что пока он делает успехи.

Иногда слишком хорошая память — это проблема. Гермиона помнила всё.

Она помнила, что, когда падала с крыши Хогвартса, Драко Малфой схватил её за запястье так крепко, что у неё потом были синяки.

Она помнила, как Драко Малфой помог ей подняться после того, как таинственное проклятие заставило её упасть лицом в тарелку капитана квиддичной команды Слизерина.

И она помнила — на самом деле, именно поэтому она и поднимала эту тему — что она чувствовала, услышав показания Драко, сделанные под сывороткой правды.

— Почему ты мне ничего не рассказывал?! — против её воли голос Гермионы стал выше. — Если бы я только знала...

— Это был не мой секрет, — ответил Гарри. — Драко оказался бы в опасности, если бы его отец всё обнаружил.

— Я не дура, мистер Поттер. Какую настоящую причину вы скрываете от меня, и чем вы на самом деле занимались с мистером Малфоем?

— А, ну... — Гарри отвёл глаза и уставился на библиотечный стол.

— Драко Малой под воздействием сыворотки правды сообщил аврорам, что он хотел узнать, сможет ли он побить меня, и потому он вызвал меня на дуэль, чтобы «проверить это эмпирически». Его слова были записаны дословно!

— Верно, — согласился Гарри, по-прежнему не желая встречаться с ней глазами. Гермиона Грейнджер. Ну конечно, она запомнила сказанное слово в слово. И то, что она была прикована к креслу перед всем Визенгамотом, который судил её за убийство, не имеет значения.

— Чем ты на самом деле занимался с Драко Малфоем?

Гарри поморщился и сказал:

— Думаю, это не совсем то, о чём ты подумала, но...

Ужас внутри неё всё рос и рос и, наконец, вырвался наружу.

— Ты занимался с ним НАУКОЙ?!

— Ну...

— Ты занимался с ним НАУКОЙ?! Предполагалось, что ты будешь заниматься наукой СО МНОЙ!

— Всё было совсем не так! Я не занимался с ним настоящей наукой! Я просто, ну, учил его некоторым безобидным магловским научным дисциплинам, типа элементарной физики с алгеброй и тому подобному... Я не занимался с ним оригинальными магическими исследованиями, как занимался с тобой...

— Полагаю, ты и про меня не говорил ему?!

— Э-э, конечно, нет, — ответил Гарри. — Я занимался с ним наукой с октября, и тогда он не был готов услышать о тебе...

Невыразимое чувство, что её предали, нарастало и нарастало, захватывая её целиком, проникая в её повышающийся голос, огонь в её глазах, нос, который собирался вот-вот начать шмыгать, жжение в горле. Она вскочила со своего места за столом и сделала шаг назад, чтобы лучше видеть предателя, её голос поднялся почти до визга:

— Так нельзя! Нельзя заниматься наукой с двумя людьми сразу!

— Э-э...

— Я хочу сказать, нельзя заниматься наукой с двумя разными людьми и не говорить им друг про друга!

— А-а... — осторожно протянул Гарри, — я тоже думал об этом, я был очень внимателен — старался, чтобы наши с тобой исследования не пересекались с тем, чем я занимался с ним...

— Ты был *внимателен*, — она бы прошипела это слово, будь в нём хотя бы одна «Ш».

Гарри взёрошил свои растрёпанные волосы, и почему-то из-за этого ей захотелось закричать на него ещё сильнее.

— Мисс Грейнджер, — сказал Гарри, — мне кажется, что наш разговор приобрёл такую метафоричность, что, э-э...

— Что?! — взвизгнула она изо всех сил. Её голос заполнил всё пространство внутри барьера Квиетуса.

Затем до неё дошло, и она так сильно покраснела, что, будь у неё магическая сила взрослого, её волосы могли бы самопроизвольно вспыхнуть.

Другой одинокий посетитель библиотеки — сидящий в дальнем углу парень из Когтеврана — смотрел на них широко распахнутыми глазами и довольно неуклюже пытался спрятать своё лицо за книгой.

— Хорошо, — слегка вздохнул Гарри. — Итак, учтём, что это была просто неудачная метафора и что настоящие учёные постоянно сотрудничают друг с другом. Поэтому мне не кажется, что я тебя обманывал. Учёные часто предпочитают помалкивать о своих текущих проектах. Мы с тобой занимаемся исследованиями и держим это в тайне. В частности, были причины ничего не говорить Драко Малфой — если бы он в самом начале узнал, что ты мне друг, а не соперник, он бы вообще не стал со мной общаться. И Драко сильно рисковал, если бы я рассказал другим о нём...

— Это правда единственная причина? — сказала она. — Правда, Гарри? И ты не хотел, чтобы мы оба чувствовали себя особенными, словно мы — единственные, с кем бы ты хотел быть и кто с тобой должен быть?

— Я вовсе не поэтому...

Гарри остановился.

Гарри посмотрел на неё.

Когда она осознала, что только что сказала, вся кровь прилила к её лицу, должно быть, из её ушей сейчас валил пар, который, в свою очередь, расплавлял ей голову, а жидкая плоть, должно быть, стекала по её шее.

Гарри смотрел так, будто увидел её в первый раз, в его глазах был абсолютный ужас.

— Ну... — выдавила она очень тонким голосом, — это... ой, я не знаю, Гарри! Это в самом деле просто метафора? Когда мальчик тратит сто тысяч галлеонов, чтобы спасти девочку от верной смерти, она имеет право на такой вопрос, тебе не кажется? Это похоже на подаренные цветы, понимаешь, только немного больше...

Гарри выскочил из-за стола и отступил назад, лихорадочно размахивая руками.

— Я поступил так вовсе не поэтому! Я спас тебя, потому что мы друзья!

— Просто друзья?

Дыхание Гарри Поттера всё сильнее стремилось в сторону гипервентиляции.

— Очень хорошие друзья! Даже супер-особенные! Возможно, лучшие друзья на всю жизнь! Но не *такие* друзья!

— Неужели об этом страшно даже подумать? — произнесла она с запинкой. — То есть... Я не хочу сказать, что я в тебя влюблена, но...

— Так ты не влюблена? Ну, слава богу! — Гарри вытер лоб рукавом своей мантии. — Слушай, Гермиона, пожалуйста, пойми меня правильно, я уверен, что ты замечательный человек...

Она пошатнулась и сделала шаг назад.

— ...но... даже с моей Тёмной Стороной...

— Так это только из-за неё? — сказала Гермиона. — Но я... я бы не...

— Нет, нет, я хочу сказать, у меня есть таинственная Тёмная Сторона и, возможно, прочие волшебные странности, ты ведь знаешь, я не нормальный ребёнок, я вообще не...

— Быть ненормальным — это нормально, — Гермиона чувствовала, как отчаяние и смятение нарастают внутри неё. — Я готова это принять...

— Но даже несмотря на все эти волшебные странности, позволяющие мне быть взрослее, чем я должен быть, я всё ещё не достиг половой зрелости, в моей крови нет соответствующих гормонов, и мой мозг просто физически не способен влюбляться в кого бы то ни было. Вот почему я не влюблён в тебя! Я просто не могу быть влюблён в тебя! Сейчас я даже готов допустить, что через шесть месяцев мой мозг проснётся и влюбится в профессора Снейпа! Э-э, исходя из вышесказанного, я прав, что ты как раз уже достигла половой зрелости?

— И-и-и... — пропищала Гермиона. Она покачнулась, и Гарри ринулся к ней и, крепко обхватив руками, помог сесть на пол.

На самом деле, в декабре, когда ей стало нехорошо в кабинете профессора МакГонагалл, это не оказалось для неё полным сюрпризом, потому что она достаточно много прочитала на эту тему. Тем не менее, ощущения были довольно тошнотворными, и она с большим облегчением узнала, что у ведьм есть особые чары, чтобы справляться с неудобствами, но как вообще Гарри смеет задавать бедным невинным девочкам такие вопросы...

— Слушай, прости меня, — лихорадочно тараторил Гарри. — Я правда не хотел сказать всё так, как это прозвучало! Я уверен, что любой человек, оценивающий нашу ситуацию со стороны и желающий поспорить, на ком я в конце концов женюсь, присудит большую вероятность тебе, чем кому-либо ещё, кто может мне прийти в голову...

На этом месте её разум, который едва начал приходить в себя, заискрил и взорвался.

— ...правда, не обязательно больше, чем пятьдесят процентов. Я хочу сказать, со стороны видны и многие другие возможности, и кто именно мне нравится до того, как я достигну половой зрелости, не так уж сильно предопределяет, с кем я буду через семь лет — я не хотел бы давать какие-либо обещания...

Из её горла вырывались какие-то высокие звуки, но она их не слышала. Вся её вселенная сузилась до ужасного, ужасного голоса Гарри.

— ...и, кроме того, я читал книги по эволюционной психологии... ну, там есть утверждения, что порядок, когда один мужчина и одна женщина живут счастливо вместе, может быть скорее исключением, чем правилом. В племенах охотников-собирателей пары гораздо чаще оставались вместе на два или три года, чтобы вырастить ребёнка, когда он максимально уязвим... и, я хочу сказать, учитывая, как много людей оказываются несчастными в традиционных браках, именно этот момент, видимо, нужно тщательно проработать — особенно, если мы действительно решим вопрос бессмертия...

* * *

Тано Вольф, пятикурсник Когтеврана, медленно встал из-за библиотечного стола. Только что он стал свидетелем как Грейнджер, всхлипывая, сбежала из библиотеки. Он не мог слышать их спор, но, очевидно, он был на *ту самую* тему.

Медленно, на трясущихся ногах, Тано подошёл к Мальчику-Который-Выжил. Тот всё ещё смотрел в сторону дверей библиотеки, которыми хлопнули с такой силой, что они до сих пор вибрировали.

Тано не особенно хотел это делать. Но Гарри Поттер всё же попал в Когтевран. Технически, Мальчик-Который-Выжил был его братом по факультету. И это означало, что Тано следует поступить согласно Традиции.

Мальчик-Который-Выжил ничего не сказал подошедшему Тано, но его взгляд не был дружелюбным.

Тано слотнул, положил руку на плечо Гарри Поттера и произнёс лишь слегка хриплым голосом:

— Ведьмы! Попробуй пойми их, да?

— Убери руку, пока я не извергнул её во тьму внешнюю*.

Дверь библиотеки опять громко хлопнула: ещё один ученик покинул зал.

Глава 88

Давление времени. Часть 1

16 *апреля 1992 года, 12:07.*
Время обеда.

Гарри протопал к почти пустому гриффиндорскому столу, сразу отметив, что на обед сегодня брин и шарики Рупо*. Также он заметил, что разговоры тут в основном крутились вокруг квиддича. С точки зрения Гарри, слушать звуки ржавой циркулярной пилы было бы приятнее, но за когтевранским столом по-прежнему несли всякую чушь про Гермиону, а это было ещё хуже. Гриффиндорцы, по крайней мере, с самого начала гораздо меньше симпатизировали Драко Малфой, и по политическим причинам им хотелось, чтобы все просто забыли некоторые прискорбные факты. Пусть это была и не лучшая причина для молчания, но всё-таки молчание она обеспечивала. Дин, Симус и Лаванда уехали на каникулы, тем не менее, здесь оставались...

— Что там за шум за профессорским столом? — обратился Гарри к коллективному разуму близнецов Уизли, накладывая себе еду на тарелку. — Похоже, там что-то произошло как раз перед моим приходом.

— Наша горячо любимая, но неуклюжая профессор Трелони...

— ...кажется, отвлеклась и опрокинула на себя полную супницу...

— ...а заодно и на мистера Хагрида.

Быстрый взгляд на стол преподавателей подтвердил их слова: профессор прорицания лихорадочно размахивала своей палочкой, а полувеликан отряхивал одежду. Никто не обращал на них особого внимания, даже профессор МакГонагалл. Профессор Флитвик, как обычно, стоял на своём стуле, директора снова не было (он отсутствовал почти все каникулы), профессора Спраут, Синистра и Вектор, как всегда, сидели рядом, а...

— Знаете, — сказал Гарри, поднимая взгляд к потолку, на котором отражалась иллюзия чистого голубого неба, — у меня до сих пор иногда мурашки от этого бегают.

— От чего? — спросил Фред или Джордж.

Могущественный и загадочный профессор Защиты «отдыхал» или чёрт-знает-что-там-с-ним-творилось, его руки неуверенно и неуклюже пытались ухватить куриную ножку, которая, казалось, уползала от него по тарелке.

— Э, так, пустяки, — сказал Гарри. — Я просто ещё не до конца привык к Хогвартсу.

Гарри продолжил есть в относительной тишине. Многочисленные Уизли в это время обсуждали какое-то странно влияющее на разум вещество под названием «Пушки Педдл».

— О каких тайнах ты так глубоко задумался? — спросила молоденькая ведьма с короткой стрижкой, сидевшая поблизости. — Просто любопытно. Кстати, меня зовут Бриенна, — она адресовала ему взгляд того типа, который Гарри твёрдо решил просто игнорировать до тех пор, пока не станет старше.

— Ну, — ответил Гарри, — знаешь, есть такие простые программы с искусственным интеллектом, типа ЭЛИЗА, которые соединяют слова в синтаксически верные предложения без какого-либо понимания, что эти слова означают?

— Конечно, — сказала ведьма, — у меня в сундуке дюжина таких.

— Дело в том, что, похоже, моё понимание девочек находится примерно на том же уровне.

Внезапно наступила тишина.

Гарри потребовалось несколько секунд, чтобы осознать — нет, весь Большой зал уставился не на него. Тогда он и сам повернул голову, чтобы посмотреть, что случилось.

Человек, который только что, шатаясь, появился в дверях Большого Зала, оказался мистером Филчем, который вроде как смотрел за порядком в коридорах. Столкновение с ним и его хищной кошкой миссис Норрис представляло из себя одно из низкоуровневых случайных событий, которые Гарри избегал, проносясь мимо под прикрытием своего Дара Смерти — артефакта эпического уровня.

(Гарри однажды советовался с близнецами Уизли, не сыграть ли какую-нибудь шутку над такой достойной целью. В ответ Фред или Джордж спокойно заметил, что никто никогда не видел, чтобы мистер Филч пользовался палочкой, что странно, учитывая, сколько заклинаний могли бы быть полезны человеку его профессии, поэтому стоит задуматься, почему Дамблдор дал место в Хогвартсе этому человеку. Гарри заткнулся.)

В данный момент коричневая одежда мистера Филча была в беспорядке и промокла от пота, его плечи вздымались и опус-

кались в такт дыханию, а кошки, которая всегда крутилась рядом с ним, не было видно.

— Троль... — с трудом выдохнул мистер Филч. — В под-земельях...

* * *

Минерва МакГонаггалл вскочила со своего места так резко, что её стул упал на пол.

— Аргус! — вскрикнула она. — Что случилось?

Аргус Филч, пошатываясь, сделал несколько шагов по направлению к учительскому столу. Верхняя часть его тела была усеяна маленькими багряными пятнышками, словно кто-то плеснул ему в лицо соусом для стейков.

— Троль... серый... в два раза выше меня... он... он... — Аргус Филч закрыл лицо руками. — Он сожрал миссис Норрис... сожрал её, проглотил целиком...

Минерва почувствовала, как встревожилось её второе «я». Она недолюбливала другую кошку, но, тем не менее, они обе принадлежали к одному виду.

В Большом зале поднялся шум и гам. Северус поднялся из-за главного стола, каким-то образом не привлекая при этом к себе внимания, и, не говоря ни слова, выскользнул за дверь.

Конечно, — подумала Минерва, — коридор на третьем этаже... Это может быть отвлекающим манёвром...

Она мысленно перепоручила Северусу все заботы, связанные с этим, а сама достала палочку, подняла её вверх и выпустила пять всполохов пурпурного огня.

Наступила оглушительная тишина, нарушаемая лишь прерывистыми всхлипываниями Аргуса.

— Похоже, у нас по Хогвартсу разгуливает опасное существо, — обратилась Минерва к профессорам за главным столом. — Я попрошу вас всех помочь в поисках.

Потом она обернулась к смотревшим на неё ошарашенным ученикам и громко скомандовала:

— Старосты! Немедленно отведите учеников своих факультетов в спальни!

Перси Уизли вскочил из-за гриффиндорского стола.

— Следуйте за мной! — крикнул он. — Первокурсники, держитесь рядом! Нет, не ты...

Но к этому моменту все остальные старосты тоже начали кричать, и неразбериха возобновилась.

И тут посреди шквала звуков раздался отчётливый, холодный голос:

— Заместитель директора.

Она повернулась.

Профессор Защиты встал из-за стола, спокойно вытирая руки салфеткой.

— При всём уважении, — сказал человек, скрывающий свою личность, — мадам, вы не разбираетесь в боевой тактике. В данной ситуации было бы разумнее...

— Прошу прощения, профессор, — сказала МакГонагалл и вновь повернулась к большим дверям. Филиус и Помона уже встали, чтобы следовать за ней, и полувеликан Хагрид поднялся тоже и теперь возвышался над ними, как башня. Ей случалось оказываться в таком положении, и куда чаще, чем хотелось бы, — но печальный опыт научил меня, что в подобных ситуациях не стоит принимать советы от действующего профессора Защиты. Я также полагаю, что будет разумно, если мы с вами будем искать тролля вместе, чтобы вас не заподозрили в причастности к каким-либо предосудительным происшествиям, которые могут случиться за это время.

Без колебаний профессор Защиты плавно повернулся к гриффиндорскому столу и хлопнул в ладоши. Раздался такой звук, словно треснул пол.

— Мишель Морган, Гриффиндор, заместитель командующего армии Пиннини, — невозмутимо произнёс профессор в образовавшейся тишине. — Пожалуйста, дайте совет вашему декану.

Мишель Морган встала на скамью и заговорила, причём голос маленькой ведьмы звучал намного увереннее, чем в начале года.

— Ученики, идущие по коридорам, будут рассредоточены и беззащитны. Всем ученикам нужно остаться в Большом зале и собраться в группу в центре... точно не стоит окружать себя столами — тролль может через них перепрыгнуть... по периметру группу должны защищать ученики седьмого курса. Только из числа тех, кто входит в армии — не важно, насколько они хороши в дуэлях — и они должны стоять так, чтобы не оказаться на линии огня друг друга, — Мишель поколебалась. — Простите, мистер Хагрид, но... для вас это будет слишком опасно, вы должны остаться в центре, с учениками. И профессор Трелони также сама не сможет противостоять троллю, — эти слова Мишель произнесла куда более безжалостно, — но, если её поставить в пару с профессором Квирреллом, то вместе они

составят ещё одну надёжную и эффективную боевую единицу. Мой анализ закончен, профессор.

— Вполне приемлемо для ответа без подготовки, — сказал профессор. — Двадцать баллов Квиррелла. Но вы упустили ещё более простое обстоятельство, что «дом» не значит «безопасность», и тролль достаточно силён, чтобы сорвать портрет-дверь с петель...

— Достаточно, — рявкнула Минерва. — Спасибо, мисс Морган, — она посмотрела на учеников, наблюдающих за ней. — Ученики, действуйте, как она сказала, — и снова обернулась к главному столу, — профессор Трелони, вы будете сопровождать профессора Защиты...

— Ах, — дрожащим голосом произнесла Сивилла. Даже не смотря на непомерный слой косметики и груду шалей было заметно, как она побледнела. — Боюсь, я... Мне сегодня как-то нехорошо... Какая-то слабость...

— Вам не придётся сражаться с троллем, — оборвала её Минерва, чувствуя, как истощается её терпение, что происходило всякий раз при общении с этой женщиной. — Просто будьте рядом с профессором Защиты и не спускайте с него глаз ни на минуту, чтобы впоследствии вы могли свидетельствовать, что были с ним всё время, — она повернулась к Хагриду. — Рубеус, я поручаю тебе детей. Позаботься об их безопасности.

Огромный мужчина выпрямился, услышав эти слова. Мрачное выражение исчезло с его лица, и он гордо кивнул.

Минерва посмотрела на учеников и повысила голос:

— Надеюсь, мне не следует объяснять, что любой, кто покинет Большой зал — по какой угодно причине, — будет исключён. Я не приму никаких оправданий. Всем понятно?

Близнецы Уизли, которым она при этом посмотрела в глаза, уважительно кивнули.

Не говоря больше ни слова, она повернулась и прошествовала к дверям из зала. Остальные учителя последовали за ней.

На дальней стене зала часы показывали 12:14, но никто на них не смотрел.

* * *

...а он всё ещё не осознавал.

Тик.

Когда Гарри смотрел, сузив глаза, вслед уходящим учителям, размышляя, что происходит и что бы это значило, когда ученики

собирались в более-менее способный защититься отряд и лёгкими движениями палочек левитировали столы, чтобы освободить место, он всё ещё не осознавал.

Тик.

— Может, всем учителям стоило разделиться на пары? — сказал гриффиндорец-старшекурсник, имени которого Гарри не знал. — То есть, так, конечно, будет медленнее, но безопаснее...

Тик.

Какая-то девушка громко ответила. Гарри не всё расслышал, но суть была в том, что горные тролли обладают большой устойчивостью к магии и невероятной силой, к тому же способны к регенерации, но при этом они очень шумные. Поэтому, если кто-нибудь из профессоров Хогвартса услышит приближающегося тролля, ему не составит труда сковать его заклинанием «Вадимовское неразбиваемое что-то там что-то там»*.

Тик.

А Гарри всё ещё не осознавал.

Тик.

Толпа поутихла, ученики негромко переговаривались, поглядывая вокруг и прислушиваясь, не раздастся ли звук ломаемой двери или злобное рычание.

Тик.

Некоторые ученики шёпотом делали предположения, какова может быть цель профессора Защиты, если предположить, что это он запустил в замок тролля, и не разозлился ли он из-за того, что профессор МакГонагалл поймала его на попытке отвлекающего манёвра, и от чего именно этот манёвр мог отвлекать.

Тик.

Все ученики сгрудились в кучу примерно в сотню голов. По периметру оказались гордые семикурсники, которые с палочками наготове сурово смотрели по сторонам. Кто-то предложил устроить переключку, на что ему с сарказмом ответили, что это имело бы смысл в какое-нибудь другое время, но сейчас-то почти все уехали на весенние каникулы, и никто толком не знает, сколько учеников должно быть в зале, не говоря уже о том, сколько отсутствует. И тут до Гарри дошло.

Тик.

Только в этот миг Гарри подумал: «А где Гермиона?»

Тик.

Гарри посмотрел туда, где собрались когтевранцы. Он не увидел её, но все стояли довольно плотно, и, естественно, разглядеть младших учеников среди старшекурсников было сложно.

Тик.

Тогда Гарри посмотрел на пуффендуйцев и поискал глазами Невилла, и хотя Невилл стоял за учеником, который был гораздо выше него, взгляд Гарри нашёл его почти моментально. Гермионы не было и среди пуффендуйцев, насколько мог судить Гарри, и, уж конечно, она не могла оказаться среди слизеринцев...

Тик.

Гарри стал пробиваться сквозь плотную толпу, протискиваясь между старшекурсниками — один раз ему даже пришлось пригнуться, чтобы проскочить между ногами — пока не оказался среди когтевранцев и не убедился окончательно, что — нет, Гермионы здесь нет.

Тик.

— Гермиона Грейнджер! — громко позвал Гарри. — Ты здесь? Никто не ответил.

Тик.

Где-то на краю его сознания зарождалось чувство ужаса, а остальные его части пытались решить, насколько сильно нужно паниковать. Первый урок Защиты в этом году уже слегка подзабылся, но тогда что-то говорилось про то, что тролли способны выслеживать одинокую беззащитную добычу.

Тик.

Одна часть его разума лихорадочно пронеслась по формирующимся вариантам того, что он вообще может сделать. Ещё не было трёх часов дня, и значит, он не мог изменить это настоящее с помощью Маховика времени. И даже если бы ему удалось выскользнуть из комнаты — должен найтись какой-нибудь способ незаметно надеть Мантию-невидимку, он мог бы применить какой-нибудь отвлекающий манёвр — он всё равно понятия не имел, где в огромном Хогвартсе искать Гермиону.

Тик.

Другая часть его рассудка пыталась смоделировать возможные варианты развития событий. Судя по тому, что говорила та девушка, тролли не из *тихих* хищников, от них много шума...

Гермиона не будет знать, что это тролль, и она пойдёт посмотреть, что там за шум. Она же героиня, забыл?

Но теперь у Гермионы в кошеле есть мантия-невидимка и метла. Гарри настоял, чтобы их выдали и Гермионе и Невиллу, и профессор МакГонаггалл сказала, что его требование выполнено. Этого должно хватить, чтобы Гермиона смогла ускользнуть, пусть она и плохо летает на метле. Всё, что ей нужно — это добраться до крыши. Сейчас день,

а солнечный свет по какой-то причине вреден для троллей. Гарри помнил об этом, следовательно, Гермиона уж точно вспомнит. И, конечно, даже если Гермионе снова захочется самоутвердиться, она никак не может оказаться настолько глупой, чтобы напасть на горного тролля.

Тик.

Она так не поступит.

Тик.

Это не в её духе.

Тик.

И тут Гарри пришло в голову, что кто-то с помощью чар Ложной памяти уже пытался подставить Гермиону Грейнджер, чтобы её обвинили в убийстве. Это произошло в Хогвартсе, и защитные заклинания ничего не заметили. И кто-то устроил, чтобы Драко умирал достаточно медленно и охранные чары не подняли тревогу по крайней мере в течение шести часов, после чего никто уже не мог узнать, что произошло, с помощью Маховика времени. И кто бы это ни был, он настолько умён, что провёл тролля через древние защитные чары Хогвартса, и при этом директор не узнал и не отправился проверить, что за постороннее существо тут появилось. Значит, этот кто-то может быть достаточно умён, чтобы сделать очевидный шаг и заколдовать магические предметы Гермионы...

Тик.

Перспектива менялась, словно в кубе Неккера*, и какую-то часть Гарри начала захлёстывать медленно поднимающаяся паника. Да о чём, чёрт побери, он вообще думал, когда допустил, чтобы Гермиона и Невилл остались в Хогвартсе просто потому, что их снабдили парой глупых побрякушек, неспособных остановить того, кто вознамерился бы их убить.

Тик.

Другая часть его рассудка сопротивлялась, заявляя, что об этом нельзя говорить с уверенностью, что всё сложно, и вероятность запросто может быть меньше пятидесяти процентов. Было легко представить, как он на виду у всех ударяется в дикую панику, а потом Гермиона возвращается из уборной рядом с Большим залом. Или что тролль не успеет подобраться к ней хоть сколь-нибудь близко... Вспомнилась сказка про мальчика, который кричал «волк». Если в следующий раз Гермиона окажется в беде, ему никто не поверит. Он зря растратит кредит доверия, который мог бы впоследствии пригодиться на что-нибудь другое.

Тик.

Гарри узнал проявление «боязни неловкости», из-за которого большинство людей в условиях неопределённости не делают ничего, а в итоге ситуация становится только хуже. И всё равно потребовалось поразительно много силы воли, чтобы решиться громко закричать при всех. Будет крайне неловко, если он просто не разглядел Гермиону в толпе...

Тик.

Гарри глубоко вдохнул и закричал изо всех сил:

— Гермиона Грейнджер! Ты здесь?!

Все ученики повернулись и посмотрели на него. Затем некоторые из них начали оглядываться по сторонам. Шум в зале поутих: некоторые разговоры прекратились.

— Кто-нибудь видел Гермиону Грейнджер после... сегодня, примерно после половины одиннадцатого?!. Кто-нибудь знает, где она может быть?!

Болтовня на заднем плане стала ещё тише.

Но никто ему ничего не ответил и, самое главное, никто не крикнул в ответ: «Не волнуйся, Гарри, я здесь».

— О, Мерлин, — сказал кто-то рядом, и болтовня возобновилась, ещё более оживлённая, чем раньше.

Гарри уставился на свои руки, отключился от шума и попытался думать, думать, ДУМАТЬ...

Тик.

Тик.

Тик.

Сьюзен Боунс и рыжеволосый мальчик с изрядно затасканной палочкой одновременно пробились к Гарри сквозь толпу.

— Нам нужно как-то поставить в известность учителей...

— Нам нужно найти её...

— Найти её?! — огрызнулась Сьюзен, поворачиваясь к мальчику. — И как вы это сделаете, капитан Уизли?

— Мы выйдем и поищем её! — огрызнулся в ответ Рон Уизли.

— Ты спятил? Учителя уже обыскивают коридоры. С чего ты взял, что у нас больше шансов, чем у них, наткнуться на генерала Грейнджер? Нас просто сожрёт троль! А потом нас исключат!

Удивительно, как плохие идеи иногда наталкивают на правильную мысль.

— Так, слушайте все!

Люди обернулись к нему.

— ТИХО! ВСЕ! ЗАТКНИТЕСЬ!

От крика у Гарри разболелось горло, но теперь он привлёк всеобщее внимание.

— У меня есть метла, — сказал Гарри настолько громко, насколько позволяло сорванное горло. Когда он потребовал выдать ему метлу, перед его глазами стоял Азкабан и метла, рассчитанная на двоих, когда нужно было везти троих. — Она трёхместная. Мне нужно, чтобы со мной пошёл один семикурсник с опытом сражения в армиях. Мы пролетим по коридорам как можно быстрее, найдём Гермиону Грейнджер, подберём её и тут же прилетим обратно. Кто со мной?

В Большом зале воцарилась тишина.

* * *

Ученики неловко поглядывали друг на друга. Младшие выжидающе взирали на старших, а те, в свою очередь, повернулись к охраняющим периметр. Большинство охранявших смотрели прямо перед собой, выставив палочки на случай, если тролль воспользуется этим моментом, чтобы проломить стену.

Никто не пошевелился.

Никто не ответил.

Гарри Поттер заговорил снова:

— Мы не будем сражаться с троллем! Если мы увидим его, то просто улетим, и он никак не сможет нас догнать, пока мы на метле. Я беру на себя ответственность за объяснения с администрацией по этому поводу. Пожалуйста.

Люди по-прежнему смотрели друг на друга.

* * *

Гарри взирает на молчаливую толпу, на дюжину семикурсников, мрачно смотрящих по сторонам, и чувствовал, как его охватывает холод. Где-то в закоулках его разума презрительно хохотал профессор Квиррелл, насмехаясь над идеей, что заурядные глупцы способны сделать что-то полезное по собственной воле, без нацеленных в их головы палочек...

Тик.

Стандартное лекарство от апатии наблюдателя — сфокусироваться на одном индивидууме.

— Хорошо, — сказал Гарри, стараясь выдерживать командный тон Мальчика-Который-Выжил, который не сомневается в том, что

ему подчинятся. — Мисс Морган, пойдёмте со мной, прямо сейчас. Мы не можем терять время.

Ведьма, к которой он обратился, не сводила взгляда с дверей Большого зала. Услышав Гарри, она обернулась, на её лице промелькнул ужас, но она быстро его подавила.

— Заместитель директора приказала нам всем оставаться здесь, мистер Поттер.

Гарри с трудом разжал зубы:

— Профессор Квиррелл такого не говорил, да и вы тоже. У профессора МакГонаггалл нет талантов тактика, она не подумала проверить, все ли ученики на месте, и вообще, она считала хорошей идеей отправить учеников шагать по коридорам. Но профессор МакГонаггалл понимает, когда ей указывают на ошибки, вы видели, как она послушала вас и профессора Квиррелла, и я уверен, что она бы не хотела, чтобы мы просто проигнорировали тот факт, что Гермиона Грейнджер где-то там, одна...

Тик.

— А я думаю, что профессор бы не хотела, чтобы ещё кто-то из учеников болтался по коридорам. Профессор сказала, что всякий, кто выйдет по какой бы то ни было причине, будет исключён. Может быть, тебя это не касается, поскольку ты — Мальчик-Который-Выжил, но мы-то нет!

Тик.

Где-то на задворках его разума по-прежнему хохотал профессор Квиррелл. Ожидать, что обычный человек будет действовать без абсолютно понятного плана, когда он ни за что не отвечает, да ещё и имея отличный предлог ничего не делать...

— На кону жизнь ученицы, — спокойным тоном продолжил Гарри. — Может быть, она прямо в этот момент дерётся с троллем. Чисто из любопытства, это хоть что-то для вас значит?

Тик.

Лицо мисс Морган исказилось.

— Ты... ты — Мальчик-Который-Выжил! Просто пойдёшь сам и щёлкни пальцами, раз хочешь ей помочь!

Тик.

Гарри едва сознавал, что говорит:

— Это просто смекалка и блеф, на самом деле у меня нет никакой такой силы, девочке нужна ваша помощь прямо сейчас! Вы из Гриффиндора или нет?!

— Почему ты говоришь всё это мне?! — крикнула мисс Морган. — Не я тут за всё отвечаю! Главным назначили мистера Хагрида!

Повисло неловкое молчание, заполнившее всю комнату.

Гарри повернулся к огромному полувеликану, который башней возвышался над толпой учеников. Все остальные тоже, как один, развернулись к нему.

— Мистер Хагрид, — сказал Гарри, стараясь сохранять командный тон, — Вы должны санкционировать эту экспедицию, и прямо сейчас.

Рубеус Хагрид, судя по всему, испытывал противоречивые чувства, впрочем, об этом нельзя было с уверенностью судить по тому участку его большого лица, который виднелся из-под нестриженной бороды и всклокоченной гривы. Собственно, среди всей этой массы волос живыми выглядели только глаза.

— Э... — начал полувеликан. — Дык сказали, чтоб, значит, вы все были в безопасности...

— Отлично, а можем ли мы обеспечить и безопасность Гермионы Грейнджер? Ну, знаете, той ученицы, которую подставили, обвинив в убийстве, которого она не совершала, и которой нужен хоть кто-нибудь, кто пришёл бы на помощь!

Полувеликан вздрогнул.

Гарри смотрел на огромного человека, отчаянно желая, чтобы до него дошёл намёк, и надеясь, что остальные этого намёка не поймут, — ну не может быть, чтобы эта гора была просто грудой мышц, ведь не могли же Джеймс и Лили дружить с ним только из жалости...

— Подставили? — выкрикнул кто-то неизвестный из гущи слизеринцев. — Ха, ты по-прежнему так думаешь? Если её съедят, так ей и надо.

С одной стороны раздался смех, с других — негодующие выкрики.

Судя по его лицу, полувеликан принял решение.

— Так, стой тут, парень, — сказал мистер Хагрид гулким тоном, вероятно, таким образом он пытался говорить помягче. — Я пойду съешу её сам. Тролли, по правде сказать, хитрые бестии. Их нужно хватать за ногу и держать, а то-жешь разорвут надвое...

— Вы можете летать на метле, мистер Хагрид?

— Э-э... — Рубеус Хагрид нахмурился. — Нет.

— Тогда вы не сможете найти её достаточно быстро. Шестикурсники! Я обращаюсь ко всем шестикурсникам! Неужели вы все — никчёмные трусы?!

Молчание.

— Пятый курс?! Мистер Хагрид, скажите, что вы разрешаете им пойти со мной и охранять меня! Я пытаюсь действовать разумно, чёрт побери!

Полувеликан сжал кулаки с отчаянием на лице.

— Ну... я...

Внутри Гарри что-то сломалось, и он зашагал прямо к дверям Большого зала, расталкивая, словно восковые фигуры, тех, кто не убирался с его дороги, (он не бежал, потому что бегущий человек провоцирует других остановить его). Ему представлялось, что он идёт через пустую комнату, уставленную механическими куклами, бессмысленные движения их губ создавали шум, который *отвлекал...*

Огромная фигура загородила ему путь.

Гарри посмотрел вверх.

— Я не могу пустить тебя, Гарри Поттер, тока не тебя. Странные дела творятся в замке, и кто-то точит зуб на мисс Грейнджер... а, может, на тебя самого, — голос Рубеуса Хагрида звучал виновато, но решительно. Его гигантские руки опустились, дополнительно преграждая мальчику путь. — Я не могу пустить тебя, Гарри Поттер.

— *Ступефай!*

Красный заряд ударил Хагрида в голову, и гигант вздрогнул. Его голова развернулась, слишком быстро для такой махины, и он с рёвом: «Ты что, сдурела!» уставился на маленькую Сьюзен Боунс.

— Простите! — крикнула она. — *Инсендиум! Глиссео!*

Огромные руки гиганта попытались сбить огонь с бороды, он не удержался на ногах и рухнул, но это не имело значения, потому что Гарри уже миновал его, и тут...

...перед ним встал Невилл Лонгботтом. На его лице смешались отчаяние и решимость, а палочка была нацелена на Гарри..

Гарри чисто рефлекторно потянулся к палочке и едва успел остановиться — ещё чуть-чуть и Невилл бы в него выстрелил. Он уставился на своего лейтенанта с ощущением, что мир сошёл с ума.

— Гарри! — выпалил Невилл. — Гарри, мистер Хагрид прав, тебе нельзя идти, это может быть ловушка, возможно, охотятся именно за тобой...

Все мышцы Невилла вдруг застыли, и он, как доска, повалился на пол.

Бледный Рон Уизли, стоявший за его спиной, опустил палочку, шагнул в сторону и сказал:

— Иди.

— Рон, псих, что ты творишь! — раздался голос, идентифицированный как голос парня мисс Клируотер, но Гарри уже мчался к дверям, не оглянувшись даже тогда, когда Рон и Сьюзен снова принялись выкрикивать заклинания. Раздался протестующий рёв, и кто-то завопил.

Гарри выскочил из зала, его рука нырнула в кошель, он произнёс «метла», большие двери позади него начали закрываться.

Гарри мчался по вестибюлю, на ходу вытаскивая длинную трёхместную метлу с тремя парами стремян. Та часть его разума, которая не работала над составлением маршрута по местам, где могла оказаться Гермiona, была занята перебором всевозможных ругательств и мыслью «вот, что происходит, когда пытаешься вести себя разумно». Библиотека находилась на третьем этаже и практически в другом конце замка... К моменту, когда метла оказалась у него в руке, Гарри почти добежал до большой мраморной лестницы. Крикнув: «Вверх!», он поднялся в воздух и рванул на второй этаж...

Гарри вскрикнул и едва успел повернуть метлу, чтобы не проткнуть одного из людей, скрывавшихся наверху лестницы. В течение кошмарного мгновения Гарри изо всех сил старался не упасть с метлы. Он изогнулся, чтобы удержаться в стремянах. Пол был ужасно близко, а места для манёвра едва хватало...

— Фред?! Джордж?! —

— Мы не можем придумать, как её найти! — выпалил один из близнецов, в отчаянии заламывая руки. — Мы тайком выбрались из зала, потому что думали, что сможем найти мисс Грейнджер. Обязан быть быстрый способ найти любого в пределах Хогвартса, мы оба уверены, но мы не можем сообразить какой!

Гарри уставился на них обоих с того места, куда его забросил отчаянный манёвр и где он повис на метле вниз головой, и совершенно машинально спросил:

— А почему вы были так уверены, что сможете её найти?

— Мы не знаем! — крикнул второй близнец Уизли.

— А раньше вы обладали способностью находить людей в Хогвартсе?

— Да! Мы... — и тот из близнецов, что говорил, резко замолчал, и оба рыжеголовых брата уставились в пустоту с бессмысленным выражением лиц.

Внизу раздался оглушительный треск, словно две большие двери распахнул кто-то очень-очень сильный.

Гарри развернул метлу, чтобы два свободных места оказались перед близнецами Уизли. Он ничего не сказал, они бы не выскочили из своего укрытия, если бы не хотели лететь с ним. Казалось, прошла уйма времени, пока близнецы Уизли разбирались со стремянами. Сердце Гарри бешено колотилось, несмотря на мысленные подсчёты, что бегущий мистер Хагрид не успеет добраться даже

до начала лестницы. А потом они втроем рванули по ближайшему коридору, плитки пола внизу стали неразличимы, а стены, казалось, издавали громкий свистящий звук (хотя, конечно, это был просто ветер в ушах), когда они проносились мимо. Гарри вспомнил, что трёхместная метла длиннее обычной как раз вовремя, чтобы сбросить скорость перед следующим поворотом.

Теперь все места на метле были заняты, но в случае, если они найдут Гермиону, Гарри мог надеть свою мантию-невидимку и она бы спрятала его от тролля, а для Гермионы освободилось бы место...

Гарри резко поднырнул под внезапно возникшую на пути арку, и она не успела снести ему голову.

— Однажды мы отыскиали Джесса! — выпалил тот близнец Уизли, который сидел ближе к Гарри. — Я помню! В тот раз нам нужно было предупредить его, что за ним охотится Филч!

— Как? — спросил Гарри, чей мозг был занят в основном тем, как не убится в ужасной авиакатастрофе. Безопасности ради нужно было убавить скорость, но внутри него росло напряжение, непонятный страх. Он не имел никакого права медлить, если он сбавит скорость, случится что-то ужасное...

— Мы... — ответил тот близнец Уизли, что сидел подальше. — Мы не можем вспомнить!

Ещё один поворот, пройденный, по прикидкам Гарри, приблизительно на 0,3% от скорости света, и они очутились в извилистом коридоре, по которому Гарри обычно шёл, когда направлялся из Большого зала в библиотеку. Вот только для наездника на метле это был не самый короткий путь, ему нужно было бы вместо этого лететь длинным прямым Западным коридором...

— Кто-то порылся у вас в головах! — крикнул Гарри, выписывая зигзаги по извилистому коридору так быстро, что сидевший в хвосте Уизли порой легонько хлопался о стену, когда лётные навыки Гарри, ещё неадаптированные к новым условиям, неправильно учитывали длину метлы.

— Что?! — воскликнул Фред или Джордж.

— Кто бы ни поработал с памятью Гермионы, он и в ваших головах тоже покопался!

Это могло быть заклятие Обливиэйт, или Ложная память, не слишком хорошо наложенная, но прямо сейчас у Гарри не было времени думать...

Метла повернула и устремила вверх, вдоль спиральной лестницы. Все трое пригнулись к черенку, чтобы проскочить в дыру

в потолке, которая была входом на третий этаж, и вот они оказались перед библиотекой. Метла затормозила с резким визгом, несмотря на отсутствие каких-либо элементов, которые могли бы тереться при торможении. Гарри взглядом приказал близнецам Уизли *оставаться на метле*, а сам слез, распахнул дверь библиотеки, попытался успокоить дыхание и заглянул внутрь.

Гермионы Грейнджер там не было.

Мадам Пинс, которая сидела за своим столом и ела сэндвич, сердито посмотрела на Гарри.

— Библиотека закрыта!

— Вы не видели Гермиону Грейнджер? — спросил Гарри.

— Мальчик, я сказала, что библиотека закрыта! Обеденный перерыв!

— Это очень важно. Вы видели Гермиону Грейнджер? Или знаете, где она может быть?

— Нет, а теперь вон!

— У вас есть быстрый способ связи с профессором МакГонагалл в случае экстренной ситуации?

— Чего? — поражённо спросила библиотекарь. Она встала из-за стола. — Что за...

— Да или нет. Пожалуйста, ответьте немедленно.

— Ну... Есть Каминная...

— Она не в своём кабинете, — сказал Гарри. — У вас есть другой способ связаться с ней? Да или нет.

— Молодой человек, я настаиваю, чтобы вы...

Мозг Гарри расценил это как: «Я снова разговариваю с НРС». Он развернулся на месте и бросился обратно к метле.

— Стой! — крикнула мадам Пинс. Но когда она выскочила из библиотеки, Гарри и близнецы Уизли уже скрылись из виду.

Давление в сознании Гарри росло, казалось, сердце сжимает невидимая рука. Он должен был найти Гермиону, а он понятия не имел, где ещё её искать, разве что в спальне девочек в башне Когтеврана, а туда он войти не мог. Обыск всего Хогвартса граничил с математически невозможным. Скорее всего не существовало непрерывного пути, чтобы залететь в каждую комнату хотя бы по разу — ну *почему* он не додумался попросить для Гермионы, Невилла и себя тройку тех изящных маленьких зеркалец, которые авроры используют для переговоров...

Осознание собственной глупости ударило Гарри, словно кулаком в живот. Ему не нужно было зеркальце, чтобы послать сообщение, не нужно было с самого января. Гарри замедлил метлу так, что она

зависла в воздухе, палочка уже была в его руке, мощное желание защитить Гермиону во что бы то ни стало поднялось из глубин его разума, как серебряное солнце, и перетекло в руку:

— **ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!**

И сияющая человеческая фигура вспыхнула словно новая звезда. Близнецы Уизли вскрикнули от потрясения.

— Скажи Гермионе Грейнджер, что в Хогвартсе тролль, он может охотиться за ней, ей нужно выбраться под прямой солнечный свет как можно скорее!

Серебряная фигура развернулась, словно уходя, и исчезла.

— Подштанники Мерлина, — выдохнул Фред или Джордж.

Серебряная фигура материализовалась снова и произнесла странной потусторонней версией голоса самого Гарри:

— Гермиона Грейнджер говорит, — голос сияющей фигуры стал более высоким, — А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Время, казалось, пошло трещинами, всё двигалось очень быстро, и в то же время очень медленно. Бездёжный порыв ускорить метлу, лететь на максимальной скорости — только вот Гарри не знал, куда!..

— Если ты знаешь, где она, — крикнул Гарри сияющей фигуре, прищурившись, словно смотрел на солнце, — отведи меня к ней!

Серебряное пламя шевельнулось, и Гарри рванул за ним. Близнецы Уизли пронзительно кричали за его спиной, а он мчался, как пушечное ядро, двигаясь быстрее, чем допускал здравый смысл. Он не обращал внимания ни на стены, со свистом пронесшиеся мимо него, ни на то, с какой скоростью он двигался, он просто летел за серебряным светом по коридорам, взлетая вверх над лестницами, сквозь двери, которые Фред или Джордж открывали, лихорадочно выкрикивая заклинания, и всё равно это занимало ужасно много времени, глубоко внутри Гарри чувствовал себя так, словно тонул в чёрной патоке, а мимо проносились окна и портреты.

Метла взвизгнула на последнем повороте, приложив одного из близнецов Уизли об стену, хоть и не так сильно, как при ударе блаждером, а затем они вылетели за сияющим патронусом в воздушный колодез и помчались всё выше и выше, преодолевая этаж за этажом за время меньшее, чем нужно на вдох.

Патронус остановился (Гарри тоже резко затормозил). Они достигли уровня, где начиналась обширная открытая площадка, которая, выходя из-под крыши, превращалась во внешнюю террасу, покрытую мраморной плиткой...

Глава 89

Давление времени. Часть 2

Язычки бледно-голубого огня тут и там цеплялись за пол вокруг пятна, полыхавшего смертоносным, жгучим синим пламенем. Мраморные плиты около пятна обуглились и раскололись от какого-то магического взрыва. Лишь самая одарённая ведьма первого курса могла использовать такое заклинание, вложив в него весь остаток своих сил.

На террасе, двигаясь, невзирая на открытое солнце, стояло огромное грузное существо с кожей тускло-гранитного цвета. Его тело, увенчанное булыжником небольшой лысой головы, походило на валун, стоящий на коротких, толстых, как стволы деревьев, ногах с плоскими мозолистыми ступнями. В одной руке тролль сжимал громадную каменную дубину размером со взрослого человека, другая же рука держала...

Близнецы Уизли закричали.

Патронус Гарри рассеялся, как дым.

Троль заворчал и развернулся к ним, уронив...

...в растёкшуюся под его ногами красную лужу, и поднял свою дубину повыше.

Близнецы выкрикнули заклинание, и дубина, вырвавшись из руки тролля, ударила его в лицо. Магл от такого удара умер бы на месте, но тролль лишь пошатнулся и отступил на шаг. Он яростно зарычал, его расплюснутый, забрызгавший лицо кровью нос уже выпрямился, восстановившись. Троль обеими руками попытался схватить дубину и чуть не поймал, но та отлетела в сторону.

— Уведите его, отвлеките от меня, — сказал голос.

Палящая дубина рванулась от тролля с террасы на широкую открытую площадку, тролль, сделав поразительный прыжок, чуть не схватил её, но та, изменив направление движения, увернулась. Троль прыгнул следом. Метла рванулась вперёд, и Гарри, спрыгнув,

побежал туда, где в луже своей собственной крови лежала Гермiona Грейнджер. Её ноги были отъедены по верхнюю часть бёдер.

Руки Гарри вырвали Набор целителя из кошель-скрэггя, схватили один из самозатягивающихся жгутов, обмотали его вокруг культи, заканчивающейся рваной раной со следами зубов. Его руки перемазались в крови и скользили, но не дрожали, дрожание было совершенно недопустимо. Стоило жгуту замкнуться в петлю, как он тут же плотно затянулся. Выплеснулось ещё немного крови, но затем кровотечение из этой культи полностью прекратилось, и Гарри переключился на другую. Часть его разума кричала, кричала, кричала без остановки, и даже другая часть его разума, занятая вторым жгутом, слышала эти беззвучные вопли, но обращать на них внимание тоже было совершенно недопустимо.

Близнецы Уизли выкрикивали заклинания, одно за другим, с такой скоростью, что Гарри на их месте упал бы без сознания уже через шестьдесят секунд. Иногда близнецы выкрикивали заклинания одновременно, поразительно точно координируя свои действия, но большинство заклинаний лишь разбивалось о кожу тролля безвредными снопами искр.

— *Диффиндо! /Редукто!* — второй жгут затянулся, и Гарри на миг поднял голову. Уязвимые глаза тролля взорвались, брызнули два фонтанчика жидкости, но тролль лишь заревел. Его глаза уже образовывались вновь.

— Огонь и кислота! — крикнул Гарри. — Используйте огонь и кислоту!

— *Фузго! /Инсендио!* — услышал Гарри, но смотреть было некогда, он достал шприц со светящейся оранжевой жидкостью, насыщающей кровь кислородом, и воткнул его в шею Гермione, надеясь попасть в сонную артерию, чтобы её мозг не погиб, даже если лёгкие или сердце остановятся. Если мозг останется невредим, всё остальное можно исправить, наверняка можно исправить всё магией, наверняка можно исправить магией, наверняка можно исправить магией. Гарри вдавил поршень шприца до упора. Под бледной кожей шеи Гермione появилось слабое свечение. Гарри надавил ей на грудь, туда, где располагалось сердце, надеясь, что сильные нажатия погонят насыщенную кислородом кровь к мозгу, даже если её сердце уже не бьётся — он от сих пор даже не подумал о том, чтобы проверить пульс.

Гарри уставился на оставшиеся предметы в аптечке, его разум безрезультатно пытался понять, можно ли использовать что-то ещё. Крики в дальнем углу разума становились громче, громче настолько,

что его руки прекратили лихорадочное движение. Внезапно Гарри заметил, что кровь пропитала его штаны на коленях и полы мантии.

Позади Гарри снова раздался рёв тролля, и один из близнецов Уизли закричал:

— *Делигитор проди!*

И сразу же:

— ПОМОГИ! Сделай что-нибудь!

Гарри повернул голову и увидел, что у одного из близнецов Уизли каким-то образом оказалась на голове Распределяющая шляпа, и он стоит лицом к лицу с троллем, который двумя руками держит огромную каменную дубину. Шкура тролля была опалена в разных местах, пара шрамов на его руках дымилась, но он двигался как ни в чём не бывало.

От крика Шляпы содрогнулись стены:

— ГРИФФИНДОР!

Вспышка магической силы пронзила воздух. Даже Гарри, не привыкший чувствовать магию, ощутил её. Троль с удивлённым фырканьем отпрыгнул назад. Фред или Джордж со странным выражением на лице плавно стащил с головы Шляпу, словно собираясь показать фокус, запустил в неё руку и вытащил рукоять, украшенную сверкающим рубином, за которой последовала широкая гарда из блестящего белого металла и клинок длиной с высокого ребёнка. Когда меч высвободился целиком, воздух, казалось, наполнился беззвучным яростным криком.

На лезвии сверкнули золотые буквы: «*NIHIL SUPERNUM*».

Близнец Уизли вскинул меч, словно огромный клинок ничего не весил, закричал и ринулся в бой.

Рот Гарри открылся, чтобы сказать что-то — какое-нибудь длинное предложение типа: «Нет, стой, ты же совершенно не умеешь пользоваться мечом», — но ни звука ни сорвалось с его губ, потому что меч прошёл через кожу, плоть и кость тролля словно сквозь масло и срезал ему правую руку по локоть. И в этот же миг уже летящая каменная дубина врезалась в близнеца и швырнула его в воздух. Уизли пролетел над мраморным полом, над проёмом, через который они поднялись на метле, врезался в стену на противоположной стороне и рухнул без движения.

Сверкающий меч исчез в проёме в полу. Снизу донёсся далёкий звон.

— Фред! — завопил Джордж Уизли, а потом выкрикнул: — *ВЕНТУС!*

Невидимый кулак ударил тролля, отбросив его в сторону.

— *ВЕНТУС!*

Троль получил ещё один удар, который отшвырнул его к краю площадки, к пропасти.

— *ВЕНТУС!*

Но троль пригнулся и вцепился когтями в пол, его оставшаяся рука шарил в осколках мрамора, пытаясь найти опору. Третий удар отбросил троля в провал, но он вцепился в край, а затем подтянулся на одной руке, раскатисто рыча.

Джордж Уизли пошатнулся, он уже еле держался на ногах, его рука бессильно повисла.

— Гарри, — с трудом произнёс он. — Беги...

Оставшийся из близнецов Уизли шагнул в сторону, прислонился к стене и сполз на землю.

Время распалось на мелкие кусочки. Казалось, мир вокруг двигался медленно и искажённо, хотя, быть может, это его собственный разум скручивался и изгибался. Нужно было что-то предпринимать, действовать, но странный паралич сковал все его мышцы. На слова времени не было, мысли мелькали проблесками идей: если Гарри убежит, троль съест близнецов Уизли и Гермиону... раз блаждеры не убивают волшебников, значит, Фред наверняка ещё жив... близнецы Уизли были более сильными магами, чем он, но не смогли остановить троля... нет времени, чтобы трансфигурировать что-либо, чем он бы уже не обладал... троль, похоже, слишком проворен, чтобы заманить его на край террасы и сбросить со стены Хогвартса... чтобы использовать троля, как орудие убийства, кто-то, должно быть, зачаровал его от солнечного света и он же мог усилить его и в других аспектах. Гарри представилось, как Гермиона бежит на свет солнца, троль гонится за ней по пятам, наконец, она достигает яркой террасы и обнаруживает, что кто-то предусмотрел и эту возможность.

Вопли ужаса в его сознании заглушило другое чувство.

Гарри поднялся.

На другой стороне террасы его враг тоже поднялся. Нерегенирирующий обрубок руки по-прежнему кровоточил.

намерение убить

Троль подобрал свою дубину оставшейся рукой и с громким рёвом обрушил её на пол. Во все стороны полетели осколки мрамора.

думай только об убийстве

Троль неуклюже двинулся к тому месту, где упал Джордж. Изо рта чудовища потекла тонкая струйка слюны.

придумай, как сделать это во что бы то ни стало

Гарри сделал пять шагов вперёд. Враг снова заревел и повернулся к нему. Глаза чудовища уставились прямо на Гарри.

отключи предохранители, не смей дрожать

Третья в рейтинге самых совершенных машин для убийства, существующих в природе, большими скачками направилась к нему.

УБЕЙ

Левая рука Гарри уже сжимала трансфигурированный бриллиант из кольца, правая рука уже держала наготове палочку.

— *Вингардиум левиоса.*

Палочка Гарри направила крошечный драгоценный камень в пасть тролля.

— *Фините инкантиатем.*

Камень обрёл прежние размеры, и голову тролля сорвало с позвоночника. Гарри сделал шаг в сторону, и тело врага рухнуло туда, где он только что стоял.

Голова противника уже начала регенерировать, рваные остатки челюсти и позвоночника сглаживались, рот восстанавливался и заполнялся зубами.

Гарри наклонился и поднял голову тролля за левое ухо. Его палочка вошла в левый глаз тролля, погрузившись в желеобразное вещество и пройдя через широкую глазницу. Гарри представил себе срез мозга врага толщиной в один миллиметр и трансфигурировал его в серную кислоту.

Враг перестал регенерировать.

Гарри швырнул мёртвую голову за край террасы и повернулся к Гермионе.

Её глаза двигались. Взгляд сфокусировался на нём.

Гарри опустился на пол рядом с ней, не обращая внимания на кровь, которая ещё больше пропитала его и без того мокрую мантию. *С тобой всё будет хорошо*, — его мозг составил это предложение, но мальчик так и не смог открыть рот. — *С тобой всё будет хорошо, мы найдём какое-нибудь заклинание, чтобы всё это исправить, вернуть тебя в нормальное состояние, просто держись, просто не...*

Губы Гермионы шевельнулись, совсем чуть-чуть, но шевельнулись.

— Ты... — всхлип, — ... виноват...

Время застыло. Гарри нужно бы было сказать ей, чтобы она молчала, берегла дыхание, но он не мог разлепить губы.

Гермиона вдохнула ещё раз и прошептала:

— Ты не виноват.

Она выдохнула и закрыла глаза.

Гарри смотрел на неё с приоткрытым ртом, его горло перехватило.

— Не умирай, — произнёс его голос. Он опоздал всего на пару минут.

Гермиона вдруг содрогнулась в конвульсиях, её руки дёрнулись, словно хватаясь за что-то, её глаза широко распахнулись. Это был выплеск *чего-то* — большего, чем просто магия, — крик, который прозвучал громче, чем землетрясение, и в котором были тысячи книг, тысячи библиотек, вся суть Гермионы, выраженная в одном крике, слишком глубокая, чтобы её можно было понять. Гарри внезапно стало ясно, что Гермионе больше не больно и она рада, что умирает не в одиночестве. На мгновение показалось, что изливающаяся магия останется, пустит корни в камни замка, но излияние закончилось, магия исчезла, и тело девочки замерло и больше не шевелилось. Гермиона Джин Грейнджер перестала существовать.

Нет.

Гарри встал над телом и пошатнулся.

Нет.

Вспыхнуло пламя, и рядом оказался Дамблдор с Фоуксом. Глаза директора были полны ужаса.

— Я почувствовал, что умер ученик! Что...

Старый волшебник увидел, что лежит на полу.

— О нет, — прошептал Альбус Дамблдор. Фоукс издал печальную, скорбную трель.

— Верните её обратно.

На террасе повисла тишина. По жесту Дамблдора Фред Уизли поднялся в воздух и полетел к ним, окружённый обнадёживающим розовым сиянием.

— Гарри, — начал старый волшебник, и его голос дрогнул. — Гарри...

— Скажите Фоуксу, пусть он поплачет над ней или что там он делает. Скорее, — голос, произнёсший эти слова, звучал абсолютно спокойно.

— Я... я не могу, Гарри, слишком поздно, она умерла...

— Не хочу слышать об этом. Если бы это я лежал здесь, вы бы достали из шляпы какого-нибудь чудесного кролика и спасли меня, просто потому, что герою не позволено умирать, пока не закончилась история. Что ж, она тоже герой, наверняка вы приберегли какое-нибудь средство для самого крайнего случая, не медлите, используйте его сейчас. Обещаю, что не останусь в долгу.

— Я ничего не могу сделать! Её душа покинула тело, она ушла!

Гарри открыл рот, чтобы выкричать весь свой гнев, а потом закрыл его. Не имело никакого смысла кричать, это бы ничего не исправило. Невыносимая тяжесть, растущая у него внутри, не могла выплеснуться таким образом.

Гарри отвернулся от Дамблдора и посмотрел вниз, туда, где в луже крови лежали останки Гермионы Грейнджер. Часть его рассудка крушила мир вокруг, пытаясь заставить его исчезнуть, чтобы Гарри очнулся от ночного кошмара и обнаружил себя в спальне Когтеврана, чтобы было утро и солнце светило через занавески. Но кровь никуда не делась, и Гарри не проснулся, и другая его часть уже знала, что всё произошедшее было реальностью, частью того же ущербного мира, в котором возможен Азкабан, и зал суда Визенгамота, и...

Нет...

Ему казалось, будто время вокруг него до сих пор раздроблено на кусочки. Гарри отвернулся от Дамблдора и посмотрел вниз, туда, где в луже крови лежали останки Гермионы Грейнджер с двумя жгутами, затянутыми на обрубках бёдер, и решил...

Нет.

Я это не приму.

Нет никаких причин принимать это, когда в мире существует магия.

Гарри научится всему, чему нужно будет научиться, изобретёт всё, что нужно будет изобрести, вырвет знания Слизерина из памяти Тёмного Лорда, раскроет секреты Атлантов, откроет любые врата и сорвёт, если будет нужно, любые печати, найдёт дорогу к источнику магии и перепрограммирует его.

Он разорвёт основы самой реальности, но вернёт Гермиону Грейнджер.

* * *

— Опасность миновала, — сказал профессор Защиты. — Вы можете спешиться, мадам.

Ещё несколько секунд назад они неслись через Хогвартс по пути, который Квиррелл прожигал прямо сквозь стены и перекрытия. Трелони, сидевшая позади него на двухместной метле, торопливо сползла с черенка и осела прямо на пол, совсем рядом с тлеющими красными краями только что созданного отверстия в стене. Женщина до сих

пор хватала ртом воздух и наклонялась вперёд, словно её вот-вот стошнит чем-то большим по размеру, чем она сама.

Сначала профессор Защиты почувствовал ужас мальчика через связь, существовавшую между ними, резонанс в их магии. Он понял, что мальчик пошёл искать троля и нашёл его. Профессор Защиты попытался послать призыв отступить, надеть Мантию-невидимку и бежать, но ему никогда не удавалось воздействовать на мальчика через резонанс, не удалось и на этот раз.

Он почувствовал, как мальчик весь отдался желанию убийства. Именно тогда профессор Защиты начал прожигать материю Хогвартса, пытаясь успеть на битву вовремя.

Он почувствовал, как мальчик уничтожил своего врага за несколько секунд.

Он почувствовал смятение мальчика, когда один из его друзей погиб.

Он почувствовал гнев мальчика, направленный на какой-то раздражитель, вероятно, на Дамблдора, а затем — непонятное решение, настолько твёрдое, что даже он счёл это достойным. Если повезло, мальчик только что избавился от своих глупых детских сомнений.

Никто не увидел, как губы профессора Защиты изогнулись в холодной улыбке. Несмотря на мелкие неприятности, в целом это был на удивление хороший день...

— ОН ЗДЕСЬ. ТОТ, КТО РАЗОРВЁТ САМИ ЗВЁЗДЫ В НЕБЕСАХ. ОН ЗДЕСЬ. ОН — КОНЕЦ МИРА.

Глава 90

Роли. Часть 1

Простым *Иннервейтом* директор привёл Фреда Уизли в чувство, а затем подлечил ему сломанную руку и треснувшие рёбра. Гарри отстранённо рассказал директору про трансфигурированную кислоту в голове у троля (Дамблдор подошёл к краю террасы, взмахнул рукой и вернулся) и о том, что кто-то покопался в памяти у близнецов Уизли. Мальчик слышал, как его голос самостоятельно ведёт беседу, но совершенно её не осознавал.

Гарри всё ещё стоял над телом Гермионы, он так и не сдвинулся с места. Время распадалось на части, его собственное «Я» распадалось на части, он пытался как можно быстрее понять, что ему следует сделать прямо сейчас, какие возможности исчезнут безвозвратно, если он ими сейчас не воспользуется. Какой-то способ уменьшить количество магического всесилья, которое понадобится позже. Или метка для этого момента времени, чтобы вернуться сюда, если он когда-нибудь изобретёт способ путешествовать назад во времени больше, чем на шесть часов. В рамках общей теории относительности существовали гипотезы, которые допускали возможность путешествий во времени (пока Гарри не узнал о Маховиках времени, эти гипотезы казались Гарри гораздо менее правдоподобными), и они гласили, что нельзя вернуться во время, предшествующее созданию самой машины времени — релятивистская машина времени прокладывает непрерывный путь сквозь время, а не телепортирует. Но Гарри не приходило в голову ничего, что он мог бы сделать с помощью известных ему заклинаний. Дамблдор явно не горел желанием ему помогать, и в любом случае с той ключевой точки во времени прошло уже несколько минут.

— Гарри, — прошептал директор и коснулся его плеча. Дамблдор исчез с того места, где стоял над близнецами Уизли, и возник

уже рядом с Гарри. Джордж Уизли телепортировался оттуда, где он сидел, и теперь стоял на коленях рядом с братом, а Фред лежал с открытыми глазами и морщился при каждом вдохе. — Гарри, тебе нужно отсюда уйти.

— Подождите, — ответил Гарри, — я пытаюсь понять, можно ли ещё что-нибудь сделать.

В голосе старого волшебника звучала беспомощность.

— Гарри... я знаю, ты не веришь в души... но, смотрит ли Гермiona сейчас на нас или нет, я думаю, она точно не хотела бы, чтобы ты так себя вёл.

...нет, это же очевидно.

Гарри направил палочку на тело Гермiony...

— Гарри! Что ты...

...и направил через руку всю свою силу:

— *Фригидейро!*

— ...делаешь?

— Гипотермия, — пошатнувшись, сдержанно объяснил Гарри. Это было одно из тех заклинаний, над которыми они экспериментировали с Гермiony — когда-то, целую вечность тому назад — поэтому он мог его очень хорошо контролировать, хотя для такой массы и потребовалось очень много сил. Теперь тело Гермiony должно было охладиться почти точно до пяти градусов по Цельсию. — Были случаи, когда людей удавалось реанимировать после того, как они, не дыша, более получаса пробыли в холодной воде. Холод защищает мозг от повреждений, понимаете, замедляет все процессы. У магловских врачей есть поговорка, что человек мёртвый, только если он мёртвый и тёплый — кажется, они даже специально охлаждают пациентов во время некоторых операций, когда нужно временно остановить сердце.

Фред и Джордж разрыдались.

По лицу Дамблдора тоже текли слёзы.

— Мне так жаль, — прошептал он, — Гарри, мне очень жаль, но ты должен это прекратить.

Директор обхватил Гарри за плечи и потащил его прочь.

Гарри позволил себя повернуть и побрёл рядом с директором, уводящим его от тела Гермiony. Охлаждающее заклинание даст ему немного времени. По крайней мере, несколько часов, а может, и дней, если ему удастся снова его наложить или если тело будет храниться в холоде.

Теперь у него было время подумать.

Минерва увидела лицо Альбуса и сразу поняла, что произошло что-то ужасное. Она начала гадать, что случилось и даже — кто погиб. В голове промелькнули мысли об Аласторе, Августе, Артуре и Молли, обо всех, кто с большой вероятностью оказался бы целью в случае возрождения Волдеморта. Ей показалось, что она набралась достаточно мужества и приготовилась к худшему.

Но когда Альбус сказал, что именно произошло, всё мужество её оставило.

Только не Гермiona — нет...

Альбус дал ей немного поплакать, а затем рассказал, что Гарри Поттер, который лично видел смерть мисс Грейнджер, теперь сидит у входа в то помещение лазарета, куда поместили останки девочки, и отказывается уходить, а всем, кто пытается с ним заговорить, велит бегать, потому что ему нужно подумать.

Мальчик отреагировал только на попытку Фоукса ему спеть. Гарри Поттер буквально наорал на феникса, чтобы тот прекратил, потому что его чувства настоящие и он не хочет, чтобы их лечили магией, словно какую-то болезнь. После этого Фоукс отказался петь снова.

По мнению Альбуса, именно у неё сейчас были наибольшие шансы достучаться до Гарри Поттера.

Поэтому ей пришлось собраться с силами и умыться. Время для личного горя настанет позже, когда оставшиеся в живых дети уже не будут в ней нуждаться.

Минерва МакГонагалл глубоко вдохнула, в последний раз вытерла глаза и взялась за ручку двери, ведущую в отделение больничного крыла, где в задней комнате покоились останки подающей надежды юной ученицы. В таком качестве эта комната использовалась во второй раз за последнее столетие и в пятый — за время существования замка Хогвартс.

Она открыла дверь.

Гарри Поттер посмотрел на неё. Мальчик сидел на полу перед дверью в заднюю комнату с волшебной палочкой на коленях. Если в его глазах и таились скорбь, пустота, даже надлом, то ничего этого по лицу мальчика было не видно. На его щеках не было следов от высохших слёз.

— Зачем вы пришли, профессор МакГонагалл? — спросил Гарри Поттер. — Я просил директора, чтобы меня на какое-то время оставили в покое.

Она не нашлась, что ответить. *Чтобы помочь тебе... Потому что тебе нужна помощь...* — нет, она не знала, что сказать. Она вообще не могла придумать никаких слов, которые могли бы хоть чем-то помочь. Она не планировала ничего заранее, пока шла сюда, она была не в состоянии это сделать.

— О чём вы думаете? — спросила Минерва. Это было единственное, что пришло ей в голову. Альбус предупреждал, что Гарри снова и снова повторяет, что ему нужно подумать, а ей надо было любой ценой заставить Гарри заговорить.

Гарри смотрел то ли на неё, то ли сквозь неё. По его лицу было видно, что он колеблется, и Минерва затаила дыхание.

Наконец он ответил.

— Я пытаюсь понять, есть ли что-нибудь, что мне нужно сделать прямо сейчас, — сказал он, — но это сложно. У меня в голове по-прежнему крутятся варианты, как всё могло пойти иначе, если бы я думал быстрее. И я не могу исключить, что где-то среди них может быть важная подсказка.

— Мистер Поттер, — её голос дрогнул, — Гарри, мне кажется, это вредно... такие мысли...

— Не согласен. Людей убивают вовсе не размышления, — эти слова он произнёс так монотонно, будто читал строчки из книги.

— Гарри, — сказала она, едва думая о том, что говорит, — ты ничего не мог сделать...

Выражение его лица изменилось, мгновенно и неуловимо.казалось, он только теперь по-настоящему её заметил.

— Ничего не мог сделать?! — на последнем слове его голос зазвенел. — Ничего не мог СДЕЛАТЬ?! Я сбился со счёту, сколькими способами я мог её спасти! Если бы я попросил, чтобы всем нам дали волшебные зеркала для связи! Если бы я настоял, чтобы Гермиону забрали из Хогвартса и отправили в другую школу, где нет всего этого безумия! Если бы я просто выскользнул из зала, а не спорил с обычными людьми! Если бы я раньше вспомнил про патронуса! Если бы я подумал о возможных экстренных ситуациях и приучил бы себя сразу вспоминать о патронусе! Даже в самую последнюю минуту было ещё не поздно! Я убил тролля, повернулся к ней, и она ещё была ЖИВА, а я просто сел рядом и слушал её последние слова, как последний ИДИОТ, вместо того, чтобы снова вызвать патронуса и отправить его к Дамблдору, чтобы тот прислал Фоукса! А можно было бы просто подойти ко всей этой проблеме с другой стороны — найти ученика с Маховиком и отправить сообщение

в то время, когда я ещё не знал, что с ней случилось, а не просто идти к финалу, который нельзя изменить... Я просил директора вернуться во времени, спасти Гермиону и подделать всё... подделать мёртвое тело, подправить всем память. Но Дамблдор сказал, что однажды он уже пробовал так поступить и это не помогло, более того, он потерял ещё одного друга. Или если бы... если бы я только отправился с... если бы, той ночью...

Гарри закрыл лицо руками, а когда он их убрал, то его лицо уже снова было спокойным и сосредоточенным.

— В любом случае, — сказал Гарри Поттер тем же монотонным голосом, — я не хочу повторять эту ошибку, поэтому я собираюсь потратить время до ужина на обдумывание того, есть ли что-нибудь, что я сейчас должен сделать. Если за это время я ничего не придумаю, то я пойду на ужин и поем. А теперь, пожалуйста, уходите.

Тут она поняла, что слёзы снова текут по её щекам.

— Гарри... Гарри, ты не должен думать, что это твоя вина!

— Конечно, это моя вина. Здесь больше некому нести за что-либо ответственность.

— Нет! Гермиону убил Сам-Знаешь-Кто! — она едва осознавала, что говорит — она же не защитила комнату от прослушивания. — Не ты! Не важно, что ещё ты мог или не мог сделать, убил её не ты, это был Волдеморт! Гарри, если ты продолжишь об этом думать, ты сойдёшь с ума!

— Нет, профессор, ответственность работает не так, — Гарри заговорил таким голосом, словно он объяснял что-то ребёнку, который наверняка ничего не поймёт. Мальчик отвёл от неё взгляд и устоялся куда-то в стену справа от неё. — Когда проводишь анализ ошибок, нет никакого смысла винить ту часть системы, которую всё равно не удастся изменить в следующий раз — это всё равно, что прыгнуть со скалы и обвинить гравитацию. Гравитация в следующий раз будет совершенно такой же. Нет смысла пытаться возложить ответственность на тех людей, которые всё равно не изменят своего поведения. И если вы посмотрите на дело с такой стороны, то поймёте, что обвинять имеет смысл только самого себя, потому что именно вы и есть тот единственный человек, чьи действия вы можете изменить, возлагая на него ответственность. Вот почему у Дамблдора есть зал, полный сломанных палочек. По крайней мере это он понимает.

Какой-то отдалённой частью сознания она сделала пометку, чтобы попозже всерьёз поговорить с директором о том, что он показывает

впечатлительным детям. В этот раз, возможно, она на него даже накричит. Она и так собиралась на него накричать из-за мисс Грейнджер...

— Ответственность лежит не на тебе, — голос Минервы всё-таки дрогнул. — Профессора... мы отвечаем за безопасность учеников, а не ты.

Гарри снова пристально посмотрел на неё.

— Вы отвечаете? — с нажимом переспросил он. — Вы хотите, чтобы я считал, что ответственность лежит на вас, профессор МакГонагалл?

Она вздёрнула подбородок и кивнула. Так будет куда лучше, чем если Гарри продолжит мучиться виной сам.

Мальчик встал с пола и шагнул к ней.

— Хорошо, — монотонно сказал Гарри. — Я пытался поступить разумно, когда выяснилось, что Гермионы нет и никто из профессоров об этом не знает. Я просил секикурсников полететь со мной на метле и защищать меня, пока мы ищем Гермиону. Я просил о помощи. Я умолял о помощи. И никто мне не помог. Потому что вы приказали всем оставаться на месте под страхом исключения и заявили, что не примете никаких оправданий. Возможно, Дамблдор во многом ошибается, но он по крайней мере видит в учениках людей, а не животных, которых нужно держать в загоне, чтобы они не разбредались. Вы знали, что военное мышление — не самая сильная ваша сторона, сначала вы вообще собирались отправить нас по коридорам. Вы знали, что некоторые ученики куда лучше вас мыслят в стратегии и тактике, но вы всё равно велели всем нам оставаться в помещении безо всякой возможности действовать по своему усмотрению. Поэтому, когда случилось непредвиденное и было совершенно разумно послать секикурсника на быстрой метле на поиски Гермионы Грейнджер, все ученики подумали, что вы такого не поймёте и не простите. Они боялись не тролля, они боялись вас. Дисциплина, конформизм, трусость, которые вы им привили, — всё это задержало меня как раз настолько, чтобы Гермиона успела погибнуть. Конечно, мне и вовсе не следовало просить помощи у обычных людей, и в следующий раз я такой глупости не сделаю. Но если бы я был настолько дурак, чтобы возлагать ответственность на кого-то, кроме самого себя, то сказал бы вам именно это.

По её щекам текли слёзы.

— Вот что я сказал бы, если бы считал, что вы способны за что-то отвечать. Но нормальные люди не задумываются о последствиях, когда решают, что им делать. Они просто играют свои роли. У вас в голове есть образ суровой блюстительницы дисциплины,

и вы ведёте себя соответственно, разумно это или нет. Такая суровая блюстительница дисциплины, конечно, прикажет ученикам вернуться в их комнаты, даже если по замку разгуливает тролль. Она прикажет ученикам оставаться в Большом зале под страхом исключения. И тот образ профессора МакГонаггалл, который живёт у вас в голове, не учится на собственном опыте и не меняется, так что в этой беседе нет никакого смысла. Такие, как вы, не способны отвечать ни за что — для этого есть такие, как я, и если мы не справляемся, то обвинять больше некого.

Мальчик подошёл ближе и встал прямо перед ней. Он залез себе за пазуху и достал золотую защитную сферу, в которую по распоряжению Министерства заключили его маховик времени. Потом он бесцветным, ровным голосом произнёс:

— Это могло бы спасти Гермиону, если бы я смог им воспользоваться. Но вам казалось, что ваша роль — отказывать и мешать мне. Запирая оболочку, вы сказали, что за последние полвека в Хогвартсе никто не погибал, помните? Мне следовало попросить вас её снять, когда Беллатриса Блэк сбежала из Азкабана, или когда Гермиону подставили и обвинили в покушении на убийство. Но я забыл об этом, потому что был идиотом. Пожалуйста, откройте её, пока кто-то ещё из моих друзей не погиб.

Не в силах ничего сказать, она подняла палочку и сняла наложенное на оболочку запирающее заклинание, из-за которого её можно было открыть только в определённое время.

Гарри Поттер открыл золотую оболочку, посмотрел на крохотные песочные часы внутри, кивнул и защёлкнул снова.

— Благодарю. А теперь уходите, — голос мальчика снова сорвался. — Мне нужно подумать.

* * *

Она закрыла за собой дверь, из её горла рвался ужасный, сдавленный звук...

Рядом с ней появился Альбус. Сброшенное заклинание Разнаваждения на миг окрасило его в яркие цвета.

Она даже почти не подпрыгнула.

— Я же говорила, перестаньте так делать, — сказала Минерва. Собственный голос казался ей безжизненным. — Это был личный разговор.

Альбус указал в сторону двери за её спиной:

— Я боялся, что мистер Поттер может причинить вам вред.

Затем он тихо добавил:

— Я очень удивлён, что вы просто стояли и выслушивали всё это.

— Мне достаточно было сказать: «Мистер Поттер», и он бы замолчал, — её голос опустился до шёпота. — Два слова, и он бы замолчал. И тогда ему было бы некому, совсем некому высказать все эти ужасные вещи.

— На мой взгляд, высказывания мистера Поттера совершенно несправедливы и незаслуженны, — сказал Альбус.

— Но ведь вы, Альбус, на моём месте не стали бы угрожать исключением тому, кто покинет зал. Вы же не станете это отрицать?

Альбус поднял брови:

— Ваша роль в этой катастрофе была крошечной. В той ситуации вы действовали вполне разумно, и только послезнание позволяет Гарри Поттеру утверждать обратное. Я уверен, Минерва, вы достаточно мудры, чтобы не обвинять себя в том, что случилось.

Но она прекрасно знала, что Альбус поместит фотографию Гермионы в свою ужасную комнату и эта фотография займёт там почётное место. Она не сомневалась, что Альбус будет считать виноватым себя, хотя его даже не было в Хогвартсе в это время. Он не будет винить её.

То есть, вы тоже думаете, что на меня не имеет смысла возлагать ответственность...

Она прислонилась к ближайшей стене, стараясь снова не расплакаться — Альбуса она видела плачущим только трижды.

— Вы всегда верили в своих учеников, а я никогда. Вас они бы не побоялись. Они бы знали, что вы их поймёте.

— Минерва...

— Я не гожусь, чтобы сменить вас на посту директора. Мы оба это знаем.

— Вы ошибаетесь, — тихо ответил Альбус. — Когда придёт время, вы станете сорок пятой директрисой Хогвартса и прекрасно справитесь с этой работой.

Она покачала головой.

— А что теперь, Альбус? Если он не стал слушать меня, то кого он послушает?

* * *

Прошло ещё около получаса. Мальчик по-прежнему продолжал своё бдение у двери, за которой покоились останки его лучшей подружки.

Он смотрел вниз — на волшебную палочку, которую держал в руках. Иногда он морщился от каких-то своих мыслей, но затем его лицо снова расслаблялось.

Неожиданно — хотя ничего в комнате не изменилось — он поднял голову. Лицо приобрело нейтральное выражение. Мальчик мрачно произнёс:

— Я не хочу ни с кем общаться.

Дверь отворилась.

В комнату вошёл профессор Защиты. Он закрыл за собой дверь и осторожно встал в углу, настолько далеко от мальчика, насколько позволял размер комнаты. В воздухе между этими двумя тут же повисло острое ощущение катастрофы, которое не собиралось никуда исчезать.

— Зачем вы пришли? — спросил мальчик.

Мужчина слегка повернул голову. Его бледные глаза изучали мальчика, словно тот принадлежал к какому-то инопланетному виду и представлял собой соответствующую опасность.

— Я пришёл, чтобы принести извинения, мистер Поттер, — тихо сказал профессор.

— Извинения? И что же могли сделать вы, чтобы предотвратить гибель Гермионы?

— Мне следовало проверить, на месте ли вы, мистер Лонгботтом и мисс Грейнджер — все те, кто скорее всего стал бы следующей целью, — без колебаний ответил профессор Защиты. — Интеллектуальных способностей мистера Хагрида недостаточно, чтобы руководить учениками. Мне следовало пренебречь призывами профессора МакГонагалл к тишине и убедить её оставить с вами профессора Флитвика, который сумел бы лучше защитить учеников от любой угрозы и мог бы при этом поддерживать с нами связь с помощью Патронуса.

— Верно, — резко ответил мальчик. — Я забыл, что в Хогвартсе есть ещё один человек, который может за что-то отвечать. И почему же вы этого не сделали, профессор? Я не поверю в вашу глупость.

На миг наступила тишина. Пальцы мальчика крепче стиснули палочку.

— Вы и сами, мистер Поттер, не подумали об этом вовремя, — устало сказал профессор Защиты. — Я умнее вас. Я быстрее думаю. Я опытнее. Но разница между вами и мной не столь велика, как между нами и остальными. Если вы можете что-то упустить, то могу и я, — его губы скривились. — Видите ли, я сразу пришёл к выводу, что этот тролль — всего лишь отвлекающий манёвр и сам

по себе не важен. По крайней мере, пока никто не отправил учеников бессмысленно бродить по коридорам или беспечно не послал юных слизеринцев как раз в те подземелья, где тролля и обнаружили.

Мальчик всё ещё оставался напряжённым.

— Полагаю, это правдоподобно.

— В любом случае, — ответил мужчина, — если кто-то и виноват в смерти мисс Грейнджер, то это я, а не вы. Я, а не вы, должен был...

— Полагаю, вы побеседовали с профессором МакГонагалл, и она выдала вам сценарий разговора, — мальчик даже не старался скрыть своё раздражение. — Если вам есть что мне сказать, профессор, говорите прямо, без этих масок.

Повисла пауза.

— Как пожелаете, — после короткой паузы бесстрастно ответил профессор Защиты. Его бледные глаза по-прежнему пристально изучали мальчика. — Мне жаль, что эта девочка погибла. Она была хорошей ученицей на моих уроках Защиты, а в будущем могла стать для вас союзником. Мне бы хотелось облегчить вам боль потери, но я не знаю, как это сделать. Конечно же, если я обнаружу виновных, то убью их. Если позволят обстоятельства, я с радостью приглашу вас в этом поучаствовать.

— Как трогательно, — холодно ответил мальчик. — Вы даже не пытаетесь утверждать, что Гермиона вам нравилась, так ведь?

— Боюсь, её очарование на меня не действовало. Я давно уже не подвержен таким привязанностям.

Мальчик кивнул:

— Спасибо за честность. Это всё, профессор?

Снова возникла пауза.

— У замка остались шрамы, — сказал мужчина из своего угла.

— Что?

— Когда некое древнее устройство, которым я владею, сообщило мне, что мисс Грейнджер в смертельной опасности, я использовал заклинание проклятого пламени, о котором однажды вам рассказывал. Я прожигал себе путь сквозь стены и перекрытия, чтобы лететь, не сворачивая, — его голос был всё таким же невыразительным. — Хогвартсу будет нелегко залечить такие раны, если это вообще возможно. Полагаю, придётся залатать дыры более слабыми чарами. Теперь я сожалею о сделанном, ведь я всё равно не успел.

— А, — мальчик на мгновение закрыл глаза. — Вы всё же хотели её спасти. Хотели настолько сильно, что приложили реальные усилия. Похоже, вы оказались на это способны в отличие от остальных.

Мужчина холодно улыбнулся в ответ.

— Но теперь я хочу остаться один до самого ужина. Из всех людей вы должны меня понять. На этом всё?

— Не совсем, — ответил мужчина. В его голосе послышался намёк на его привычную сардоническую усмешку. — Видите ли, исходя из недавнего опыта, я опасаясь, что вы, возможно, намереваетесь сделать нечто предельно глупое.

— Например? — спросил мальчик.

— Возможно, вы решили, что без мисс Грейнджер вселенная не имеет никакой ценности и её следует уничтожить за нанесённые вам обиды.

В улыбке мальчика не было и капли веселья.

— Ваше беспокойство выдаёт вас, профессор. Меня не привлекают такие мысли. А вы когда-то об этом задумывались?

— Не особенно. Я не испытываю большой любви к вселенной, но всё-таки я в ней живу.

Опять повисла тишина.

— Что же вы планируете, мистер Поттер? — спросил человек в углу. — Вы ведь приняли какое-то важное решение, хотя и пытаетесь скрыть это от меня. Так что вы намерены сделать?

Мальчик покачал головой:

— Я всё ещё размышляю и хотел бы заниматься этим в одиночестве.

— Я помню, как несколько месяцев тому назад вы сделали мне одно предложение, — сказал профессор Защиты. — Не хотите ли вы поговорить с кем-нибудь разумным? Я пойму, если вы окажетесь не самым приятным собеседником.

Мальчик снова покачал головой:

— Нет, спасибо.

— Хорошо, — продолжил профессор Защиты. — Как насчёт человека, который могущественен и не слишком отягощён наивными представлениями о морали?

После некоторых колебаний мальчик опять покачал головой.

— Человека, постигшего многие тайные магические искусства, которые некоторые люди сочли бы противоестественными?

Глаза мальчика еле заметно сузились. Кто-нибудь другой мог бы и не...

— Понимаю, — сказал профессор Защиты. — Не стесняйтесь, спрашивайте. Даю слово: всё, что здесь будет сказано, останется между нами.

Мальчик немного помолчал, а когда заговорил, его голос прозвучал надтреснуто.

— Я хочу вернуть Гермioniу. Потому что никакой загробной жизни нет, и я не могу так просто позволить ей... просто... не быть...

Мальчик закрыл лицо руками, но когда он их опустил, то опять выглядел таким же бесстрастным, как и мужчина, стоящий в углу.

Лицо профессора Защиты приобрело отсутствующее, слегка озадаченное выражение.

— Как? — наконец спросил он.

— Как получится.

Снова повисла пауза.

— Риски вас не пугают, — сказал человек из своего угла. — Вас не волнует, насколько опасная магия для этого потребуется.

— Да.

Взгляд профессора Защиты стал задумчивым.

— Но какой подход — в общих чертах — вы планируете использовать? Полагаю, превратить её тело в инфернала — это не то, что вы...

— Сможет ли она мыслить? — спросил мальчик. — Продолжит ли её тело разлагаться?

— Нет и да.

— Тогда нет.

— Как насчёт Воскрешающего камня Кадма Певверелла, если вы сможете до него добраться?

Мальчик покачал головой:

— Мне не нужна иллюзия Гермioniы, извлечённая из моей памяти. Я хочу, чтобы она могла жить своей жизнью, — голос мальчика сорвался. — Я пока ещё не определился с направлением действий на объектном уровне. Если мне придётся просто решить всю проблему грубой силой, то есть обрести достаточно могущества и знаний, чтобы просто сделать это, то так тому и быть.

Снова пауза.

— А чтобы достичь этого, — сказал человек в углу, — вы воспользуетесь своим любимым инструментом — наукой.

— Конечно.

Профессор еле слышно — так что это больше походило просто на выдох — произнёс:

— Понятно.

— Вы мне поможете или нет? — спросил мальчик.

— Какой именно помощи вы ищете?

— Магия. Откуда она приходит?

— Я не знаю, — ответил мужчина.

— И никто другой тоже не знает?

— О, ситуация ещё хуже, мистер Поттер. Среди изучавших эзотерику едва ли найдётся хоть один, кто не раскрыл бы природу магии, и каждый из них верит во что-то своё.

— Но откуда появляются новые заклинания? Я всё время читаю о том, что кто-то изобрёл новое заклинание для той или иной цели, но нигде никогда не написано как.

Профессор пожал плечами:

— А откуда появляются новые книги, мистер Поттер? Люди, которые прочитали много книг, порой становятся способны сами их писать. Но как? Никто не знает.

— Но ведь есть книги о том, как писать...

— Чтение таких книг не сделает вас знаменитым драматургом. Можно воспользоваться всеми их советами, но тайна куда не денется. Изобретение новых заклинаний — такая же тайна, но более высокого порядка, — мужчина склонил голову. — И подобные занятия опасны. Говорят, что человеку, который на это решился, лучше или вообще не иметь детей, или подождать, пока они вырастут. Именно по этой причине большинство изобретателей появляются из числа выпускников Гриффиндора, а не Когтеврана, как можно было бы ожидать.

— А что насчёт самых мощных разновидностей магии? — спросил мальчик.

— Какой-нибудь легендарный волшебник за всю свою жизнь может изобрести один жертвенный ритуал и передать это знание своим потомкам. Но пытаться изобрести пять таких ритуалов было бы самоубийством. Именно поэтому самые сильные волшебники — это те, кто получил древние знания.

Мальчик сдержано кивнул:

— Значит, необходимо прямое решение. Было бы очень приятно изобрести заклинание «Воскресить мёртвого», «Стать богом» или «Вызвать Консоль отладки». Вы что-нибудь знаете об атлантах?

— Лишь то, что знает любой исследователь, — бесстрастно ответил мужчина, — Если вы хотите услышать восемнадцать основных теорий... не надо испепелять меня взглядом, мистер Поттер. Если бы всё было так просто, я бы сам это сделал ещё много лет назад.

— Понимаю. Извините.

Какое-то время они молчали. Взгляд профессора Защиты был прикован к мальчику, а тот, казалось, смотрел в пустоту.

— Мне нужно научиться самой разной магии. Заклинаниям, которые я мог бы использовать сегодня, если бы только додумался заранее им научиться, — мальчик говорил холодно, — Заклинаниям, которые понадобятся мне, если подобное будет происходить и дальше. Большинство из них, думаю, я смогу найти сам. Но кое-что не смогу.

Профессор Защиты кивнул:

— Я научу вас практически любой магии, какой вы только пожелаете научиться, мистер Поттер. Некоторые ограничения для меня существуют, но попросить вы можете всегда. Но что именно вы ищете? Вам недостаёт магической силы, которая нужна для Смертельного проклятья и большинства прочих запрещённых заклинаний...

— То заклятье проклятого пламени. Полагаю, это не такой жертвенный ритуал, которым мог бы воспользоваться даже ребёнок, если бы только отважился?

Губы профессора Защиты слегка дёрнулись:

— Оно требует безвозвратного принесения в жертву одной капли крови. То есть, ваше тело с этого дня будет легче на эту каплю. Вряд ли кто-то пожелает часто прибегать к такому средству, мистер Поттер. Кроме того, чтобы проклятое пламя не повернулось против вас и не пожрало вас, нужна сила воли — принято сперва проверять её менее опасными испытаниями. И хотя это не самое важное в ритуале, но, боюсь, он требует больше магической силы, чем у вас будет в ближайшие несколько лет.

— Жаль, — сказал мальчик. — Неплохо было бы посмотреть на лицо врага в следующий раз, когда он попробует использовать тролля.

Профессор Защиты снова наклонил голову. Его губы опять дёрнулись.

— Как насчёт Чар памяти? Близнецы Уизли вели себя странно, и директор сказал, что, по его мнению, им стёрли память. Кажется, это один из излюбленных вражеских трюков.

— Правило восьмое, — сказал профессор Защиты. — Любой метод, который оказался достаточно хорош, чтобы нанести мне поражение, стоит освоить самому.

Мальчик невесело улыбнулся:

— Как-то я слышал о взрослой волшебнице, которая использовала заклинание *Обливиэт*, будучи почти полностью истощённой, так что оно не должно требовать много магической силы. И оно даже не считается Непростительным, хотя я и не представляю почему. Если бы я мог сделать так, чтобы мистер Хагрид помнил другой набор приказов...

— Не всё так просто, — отозвался профессор Защиты. — Вы недостаточно сильны, чтобы использовать заклинание Ложной памяти, и даже обычный *Обливиэт* находится на грани ваших нынешних возможностей. Это опасное искусство, и его использование без разрешения Министерства запрещено законом. Кроме того, я бы посоветовал вам не использовать его при обстоятельствах, когда было бы некстати случайно стереть у человека из памяти десять лет жизни. Хотел бы я пообещать, что добуду в Отделе Тайн один из тщательно охраняемых томов и принесу его вам под изменённой обложкой. Но вместо этого я скажу, что вы найдёте стандартный учебник для начинающих в северо-северо-западной секции основной библиотеки Хогвартса, под литерой «П».

— Вы серьёзно, — ровным голосом сказал мальчик.

— Более чем.

— Спасибо за ваши советы, профессор.

— С тех пор, как мы с вами познакомились, ваш творческий подход приобрёл гораздо более практическую направленность, мистер Поттер.

— Спасибо за комплимент, — мальчик не поднял глаз, он опять уставился на волшебную палочку, которую держал в руках. — Теперь мне бы хотелось вернуться к своим размышлениям. Пожалуйста, объясните им всем от моего имени, что случится, если меня снова станут отвлекать.

* * *

Дверь со щелчком отворилась, и вышел профессор Квиррелл. Эмоции на его лице отсутствовали, оно выглядело совершенно безжизненным. Минерва почему-то вспомнила о Северусе, хотя именно так Северус никогда не выглядел.

Когда дверь с ещё одним щелчком закрылась, Минерва беззвучно создала барьер тишины и сбивчиво от волнения спросила:

— Как всё прошло? Вы там пробыли довольно долго... Гарри теперь готов разговаривать?

Профессор Квиррелл быстро пересёк зал по направлению к выходу. У двери он обернулся. Бесстрастность исчезла с его лица. Казалось, он снял маску, и под ней обнаружилось что-то очень мрачное.

— Я поговорил с мистером Поттером так, как он этого от меня ожидал, и избегал тем, которые раздражали бы его. Не думаю, что я его утешил. Не уверен, что я на это способен.

— Спасибо вам — хорошо, что он вообще стал разговаривать, — она помедлила. — Но что мистер Поттер сказал?

— Боюсь, что обещал ему никому об этом не рассказывать. А теперь... Думаю, мне нужно посетить библиотеку.

— Библиотеку?!

— Да, — ответил профессор Квиррелл. В его голосе послышалось необычное напряжение. — Я намерен усилить меры безопасности в Запретной Секции некоторыми средствами моего собственного изобретения. Нынешние защитные чары смехотворны. А мистера Поттера следует не пускать в Запретную Секцию любой ценой.

Минерва уставилась на профессора Защиты. Сердце у неё вдруг ушло в пятки.

Профессор Квиррелл продолжил:

— Вы не передадите мальчику, что я вам только что сказал. Вы напомним Флитвику и Вектор, что если мальчик начнёт задавать преждевременные вопросы о создании заклинаний, они должны увести разговор от темы обычными способами. И хотя я не специалист по данному вопросу, но если вы можете придумать хоть какой-то способ, который убедит мальчика перестать и дальше погружаться в его горе и безумие — любой способ, благодаря которому он откажется от тех решений, к которым он сейчас подходит — то я советую вам прибегнуть к нему немедленно.

Глава 91

Роли. Часть 2

Вскоре снова раздался стук в дверь.
— Если вас действительно волнует моё психическое здоровье, — сказал мальчик, не поднимая головы, — то вы уйдёте, оставите меня одного и подождёте, пока я не спущусь к ужину. Вы только мешаете.

Дверь открылась, и тот, кто стоял за ней, вошёл в комнату.

— Вы серьёзно? — безэмоционально произнёс мальчик.

Дверь со щелчком закрылась за Северусом Снейпом.

На лице профессора зельеварения Хогwartса не было ни следа его обычной надменности, или даже той бесстрастной маски, которую он обычно носил в кабинете директора. Когда он посмотрел сверху вниз на мальчика, охраняющего дверь, его взгляд был странен, а мысли — непостижимы.

— Я тоже не понимаю, на что надеется заместитель директора, — отозвался профессор зельеварения Хогwartса. — Разве что я должен послужить предостережением, до чего вы можете докатиться, если решите взять на себя груз вины за её смерть.

Губы мальчика сжались.

— Отлично. Давайте сразу перейдём к концу этого разговора. Вы выиграли, профессор Снейп. Я признаю, что вы более ответственный за смерть Лили Поттер, чем я за смерть Гермионы Грейнджер, и моя вина не может сравниться с вашей. А теперь я прошу вас уйти и сказать им, что лучше всего будет оставить меня одного на какое-то время. Мы закончили?

— Почти, — сказал профессор зельеварения. — Это я подкладывал записки под подушку мисс Грейнджер. Я предупреждал её о драках, в которых она потом участвовала.

Некоторое время мальчик просто молчал.

— Потому что вы не любите хулиганов.

— Не только, — в голосе профессора зельеварения послышалась чуждая ему нотка боли: трудно было представить, что этот же голос язвительно сообщал детям, что одно лишнее помешивание — и им оторвёт руки. — Я должен был догадаться... гораздо раньше, наверное, но я полностью ушёл в себя и ничего не видел вокруг. Если уж меня назначили деканом Слизераина... значит, Альбус Дамблдор полностью потерял надежду, что Слизерину можно как-то помочь. Я уверен, Дамблдор наверняка пытался что-то сделать, не могу представить, чтобы он не попробовал, когда Хогвартс оказался на его попечении. Должно быть, для него стало жестоким ударом, что впоследствии так много слизеринцев отозвалось на призыв Тёмного Лорда... Он бы не вручил власть над факультетом такому как я, если бы не потерял всякую надежду, — плечи профессора, скрытые испятнанной мантией, поникли. — Но вы и мисс Грейнджер пытались что-то предпринять, и вы вдвоём сумели изменить мистера Малфоя и мисс Гринграсс, и, возможно, они могли бы послужить примером для других... Наверное, безумием с моей стороны было надеяться. Директор не знает о том, что я сделал, и я прошу вас не рассказывать ему.

— Почему вы говорите мне это?

— Дело зашло слишком далеко, чтобы никому об этом не рассказывать, — губы Северуса Снейпа скривились. — Я видел достаточно провальных заговоров за время моего пребывания деканом Слизераина и знаю, как иногда оборачиваются дела. Если в будущем потребуется, чтобы всё вышло на свет... по крайней мере, я сказал вам, и вы сможете об этом рассказать.

— Как мило, — сказал мальчик. — Спасибо за то, что прояснили этот момент. Теперь всё?

— Собираетесь ли вы заявить, что отныне ваша жизнь кончена и что для вас не осталось ничего, кроме мести?

— Нет. У меня всё ещё есть... — мальчик оборвал сам себя.

— Тогда я мало что могу вам посоветовать, — сказал Северус Снейп.

Мальчик отстранённо кивнул.

— От лица Гермiony благодарю вас за то, что вы помогали ей с хулиганами. Она бы сказала, что вы поступили правильно. А теперь я был бы вам очень обязан, если бы вы сказали им, чтобы меня оставили в покое.

Профессор зельеварения повернулся к двери и, когда мальчик уже не мог видеть его лица, прошептал:

— Я действительно сожалею о вашей потере.

И Северус Снейп удалился.

Мальчик смотрел ему вслед и старался вспомнить уже когда-то давно услышанные слова.

Ваши книги предали вас, Поттер. Они не сообщили вам кое-что очень важное. Из книг невозможно научиться тому, что значит потерять любимого человека. Это просто невозможно понять, не испытав на себе.

Мальчику казалось, что слова звучали как-то так, хотя он не был уверен, что вспомнил правильно.

* * *

В отделении лазарета, где за закрытой дверью покоилось тело, прошли часы.

Гарри по-прежнему смотрел на свою волшебную палочку, лежащую у него на коленях. На крошечные царапины и пятнышки, которыми были усеяны одиннадцать дюймов остролиста, на изъяны, которые он никогда не замечал раньше, потому что не присматривался. Быстрые вычисления в уме показали, что ему незачем беспокоиться, ведь если за шесть-семь месяцев использования повреждений появилось так мало, то за средний срок жизни совсем износить палочку невозможно. Вероятно, во время обеда он беспокоился, что если крикнет на весь зал: «Есть у кого-нибудь Маховик времени?», то ему придётся расстаться с собственным Маховиком. Но было бы достаточно просто найти после обеда кого-нибудь, кто послал бы сообщение профессору Флитвику на два часа раньше, и профессор Флитвик сразу отправился бы к Гермионе или послал бы своего патронуса, ворона, задолго до того, как тролль вообще приблизился к ней. Или тот, альтернативный, Гарри уже узнал бы, что опоздал — услышал бы о смерти Гермионы после обеда, до того, как он смог бы послать сообщение назад во времени? Быть может, главное при использовании Маховиков времени — это позаботиться о том, чтобы до того, как отправиться в прошлое, не узнать, что ты уже опоздал.

На конце палочки Гарри заметил крошечный химический ожог, вероятно, от контакта с кислотой, в которую он частично трансфигурировал мозг тролля. Но палочка, судя по всему, была устойчива к небольшим потерям древесины. Вообще идея, что «волшебные палочки» необходимы, казалась всё более странной, если над ней всерьёз задумываться. Хотя если заклинания всегда изобретались

неким таинственным способом, если новые ритуалы создавались как новые рычаги для неизвестного механизма, то, возможно, люди просто продолжали изобретать ритуалы, которые требовали палочек, по тому же принципу, которым они руководствовались, изобретая фразы типа «Вингардиум левиоса». Всё сильнее казалось, что магия в каком-то смысле сколь угодно могущественна, и действительно было бы удобнее, если бы Гарри мог просто обойти все эти концептуальные ограничения, которые мешают людям изобрести заклинания вроде «Просто Реша Все Мои Проблемы». Но почему-то во всём, что касалось магии, всегда возникали какие-то трудности. Гарри снова посмотрел на свои механические часы, но было ещё рано.

Он уже пробовал вызвать патронуса, чтобы послать его к Гермионе Грейнджер. Просто на случай, если всё это было ложью, последствием заклинания Ложной памяти или одним из кто-его-знает-скольких способов, которыми можно заставить волшебника закрыть глаза и видеть сны. Просто на случай, если настоящая Гермиона жива и её держат где-то взаперти — несмотря на то, что он ощутил, когда жизнь покидала её. Просто на случай, если жизнь после смерти существует и Истинный патронус может проникнуть туда.

Но заклинание не сработало, так что данный эксперимент не дал ему никаких свидетельств, оставив его с прежней неутешительной версией.

Прошло какое-то время, потом ещё немного времени. Сторонний наблюдатель увидел бы только сидящего мальчика, который отсутствующим взглядом уставился на свою волшебную палочку. Примерно каждые две минуты мальчик посматривал на часы.

Дверь открылась снова.

Сидящий мальчик направил вверх ледяной убийственный взгляд.

Неожиданно его лицо дрогнуло от волнения, и он вскочил на ноги.

— Гарри, — хрипло воскликнул мужчина в строгой рубашке и чёрном жилете. — Гарри, что происходит? Ваш директор... он появился в мой офис в своей идиотской одежде и сказал, что Гермиона Грейнджер погибла!

Женщина, которая вошла в комнату вслед за мужчиной, казалась менее сбитой с толку и более напуганной.

— Папа, — коротко сказал мальчик. — Мама. Да, она мертва. Они вам больше ничего не сказали?

— Нет! Гарри, что происходит?

Повисла тишина.

Мальчик снова прислонился к стене.

— Я н-не могу, не могу, не могу.

— Что?

— Я не могу притворяться маленьким мальчиком, у меня просто нет сил на это сейчас.

— Гарри, — запинаясь, произнесла женщина, — Гарри...

— Пап, ты помнишь фэнтези-романы, где герою приходится скрывать всё от родителей, потому что они... они просто не поймут, будут реагировать глупо и мешать герою? Это просто сюжетный приём, верно, для того, чтобы герой сам разбирался со всеми проблемами вместо того, чтобы жаловаться родителям. П-пожалуйста, не надо следовать этому сюжетному приёму, папа, и ты тоже, мама. Просто... Просто не играйте эти роли. Не будьте родителями-которые-не-поймут. Не надо кричать на меня и давать мне родительские наставления, которым я не смогу последовать. Потому что я попал в чёртово тупое фэнтези, и теперь Гермiona... у меня на это п-просто нет сил.

Медленно, словно его конечности наполовину потеряли подвижность, мужчина в чёрном пиджаке встал на колени перед Гарри, так что его глаза оказались на уровне глаз сына.

— Гарри, — сказал мужчина. — Мне нужно, чтобы ты рассказал обо всём, что произошло, прямо сейчас.

Мальчик глубоко вдохнул и сглотнул.

— Они г-говорят, что Тёмный Лорд, которого я победил, возможно, выжил. Как будто им мало, что такой с-сюжет есть в чёртовой сотне книг. При этом, очень может быть, что директор моей школы — самый могущественный волшебник в мире — сошёл с ума. А ещё, ещё Гермionу как раз перед этим подставили и обвинили в покушении на убийство — и никто не позаботился сообщить об этом её родителям. Ученик, которого она якобы намеревалась убить, — сын Люциуса Малфоя, самого могущественного политика в Магической Британии, в прошлом — ближайшего сподвижника Тёмного Лорда. На должности профессора Защиты в этой школе лежит проклятие, никто не занимает её дольше года, и есть поговорка, что учитель Защиты всегда под подозрением. В этом году эту должность занимает таинственный волшебник, скрывающий свою личность, который противостоял Тёмному Лорду в прошлой войне, и он сам, возможно, злодей, а возможно, и нет. И при этом профессор зельеварения уже много лет тоскует по Лили Поттер и, может быть, он стоит за всем этим из-за каких-то запутанных психологических мотивов, — губы мальчика горько сжались. — Кажется, я пересказал практически весь этот дурацкий сюжет.

Мужчина молча выслушал всё это, поднялся и мягко взял мальчика за плечо.

— Достаточно, Гарри, — сказал он. — Я услышал достаточно. Мы покидаем эту школу немедленно и забираем тебя с собой.

Женщина вопросительно посмотрела на мальчика.

Мальчик посмотрел в ответ и кивнул.

Женщина тихо сказала:

— Майкл, *они* нам не позволят.

— У них нет никаких законных прав помешать нам...

— Прав?! Вы — маглы, — мальчик криво усмехнулся. — С точки зрения законов Магической Британии у вас столько же прав, сколько у мыши. Ни одному волшебнику нет никакого дела до ваших аргументов о правах, о законности, они даже не озаботятся их выслушать. Понимаете, у вас нет силы, поэтому им не о чем беспокоиться. Нет, мам, я так улыбаюсь не потому, что согласен с их отношением к маглам, я улыбаюсь, потому что не согласен с вашим отношением ко мне.

— Тогда, — решительно заявил профессор Майкл Веррес-Эванс, — посмотрим, что скажет на это настоящее правительство. Я знаком с парой членов парламента...

— Они скажут: вы сошли с ума, вот вам тёплое местечко в психушке. Это если допустить, что Стиратели памяти из Министерства не доберутся до тебя раньше. Я слышал, они часто имеют дело с маглами. Подозреваю, шишки из нашего правительства потихому сговорились с Министерством. Возможно, они получают целебные чары время от времени, если кому-то важному доведётся заболеть раком, — мальчик снова криво усмехнулся. — Такова ситуация, папа, и мама об этом знает. Они бы ни за что не привели вас сюда и не сказали бы вам ничего, если бы вы хоть что-то могли с этим поделать.

Мужчина открыл рот, но не произнёс ни звука. Словно он читал реплики из сценария, где описывалось, что именно обеспокоенный родитель должен делать в подобной ситуации, а сценарий внезапно закончился.

— Гарри, — нерешительно произнесла женщина.

Мальчик посмотрел на неё.

— Гарри, с тобой что-то произошло? Ты кажешься... другим...

— Петуния! — воскликнул мужчина, к которому вернулся дар речи. — Не говори так! У него стресс, вот и всё.

— Ну, мам, знаешь... — голос мальчика дрогнул. — Ты уверена, что хочешь узнать всё сразу?

Женщина кивнула, хотя не сказала ничего.

— У меня... Помните, школьный психиатр думал, что у меня проблемы с управлением гневом? Ну... — мальчик запнулся и сглотнул. — Не знаю, как тебе это объяснить, мама. Это на самом деле нечто магическое. Возможно, связанное с тем, что случилось в ночь, когда погибли мои родители. У меня есть... ну, я называю это таинственной Тёмной Стороной, и я знаю, это звучит смешно, я сверялся с... с древней телепатической магической шляпой, чтобы удостовериться, что в моём шраме не живёт дух Тёмного Лорда, и она сказала, что под её полями только одна личность. В любом случае, я сомневаюсь, что у волшебников есть души, так как они не могут перенести повреждения мозга без последствий, вот только...

— Гарри, помедленнее! — попробовал перебить его мужчина.

— ...только, что бы это ни было, оно тем не менее настоящее. Внутри меня что-то есть, оно давало мне силу воли, когда всё вокруг шло наперекосяк, я мог противостоять кому угодно, пока оставался зол: Снейпу, Дамблдору, всему Визенгамоту. Моя Тёмная Сторона не боится ничего, кроме дементоров. Я не дурак, я знал, что за использование моей Тёмной Стороны, возможно, придётся платить, и я изучал её, чтобы понять, какой может оказаться эта цена. Она не меняла мою магию, вроде бы не приводила к необратимому сдвигу мировоззрения, не пыталась отдалить меня от друзей или выкинуть что-нибудь в этом духе. Поэтому я продолжал использовать её, когда было нужно, и я слишком поздно понял, что ценой на самом деле было... — голос мальчика почти превратился в шёпот. — Я понял только сегодня. Каждый раз, когда я призывал её... она тратила часть моего детства. Я уничтожил существо, которое убило Гермиону. И это сделала не моя Тёмная Сторона, это сделал я. Мама, папа, пожалуйста, простите меня.

В наступившей тишине громко трескались маски.

— Гарри, — мужчина снова опустился на колени, — я хочу, чтобы ты начал с самого начала и объяснил всё помедленнее.

Мальчик говорил.

Родители слушали.

Через некоторое время отец поднялся.

Мальчик поднял на него глаза, скорбно ожидая ответа.

— Гарри, — сказал мужчина, — мы с Петунией забираем тебя и как можно быстрее...

— Нет, — остановил его мальчик. — Я серьёзно, папа. Ты не справишься с Министерством магии. Представь, что это налоговая инспекция, или деканат, или что-то подобное, что не потерпит

никакого вызова их господству. В Магической Британии позволено помнить лишь то, что разрешает помнить правительство. Память о существовании магии или о том, что у тебя есть сын по имени Гарри — это не право, это привилегия, которую можно отобрать. И если они это сделают, я не выдержу и превращу Министерство в огромный пылающий кратер. Мама, ты знаешь, как обстоят дела, ты обязана помешать папе сделать какую-нибудь глупость.

— Кстати, сын... — сказал мужчина, потирая виски. — Может быть, мне не стоит говорить это сейчас... Но ты уверен, что то, о чём ты рассказываешь, на самом деле магическая Тёмная Сторона, а не что-то обычное для мальчика твоего возраста?

— Обычное, — подчёркнуто терпеливо сказал мальчик. — Насколько обычное? Я могу проверить ещё раз, но я достаточно уверен, что в книге «Детская энциклопедия: Пособие для родителей»¹ не встречалось ничего подобного. Моя Тёмная Сторона — это не просто эмоциональное состояние. Она действительно делает меня умнее. В некотором смысле. Нельзя притвориться, что становишься умнее.

Мужчина снова потёр виски.

— Ну... есть широко известное явление — биологический процесс, который начинается у детей и при котором они иногда становятся злыми, тёмными или мрачными. Этот процесс также значительно увеличивает их интеллект и их рост...

Мальчик упёрся спиной в стену.

— Нет, папа, я не становлюсь подростком. Мой мозг по-прежнему считает, что девочки противные. Но если ты хочешь притвориться, что дело в этом, пусть будет так. Может быть, будет лучше, если ты мне неверишь. Просто... — мальчик запнулся, — просто я не могу сейчас врать об этом.

— Подростковый возраст не обязательно проявляется именно так, Гарри. Может потребоваться время, чтобы ты начал обращать внимание на девочек. Конечно, если ты уже не обратил внимания на одну... — мужчина резко остановился.

— Мне не нравилась Гермиона в этом смысле, — прошептал мальчик. — Почему все по-прежнему думают именно об этом? Это неуважительно по отношению к ней — думать, что она может нравиться только в этом смысле.

Мужчина заметно сглотнул.

---

¹ В оригинале упомянутая книга называется «Childcraft: A Guide For Parents» — *Прим.перев.*

— Как бы то ни было, сынок, береги себя, а мы постараемся тебя выгнать отсюда. Понятно? И не вздумай поверить, что ты действительно перешёл на Тёмную сторону. Я знаю, у тебя случались, э-э, я привык это называть «приступы Эндера Виггина»...

— Кажется, Эндер остался далеко позади. Это уже стадия Эндера, у которого жукары убили Валентину.

— Выбирай выражения!¹ — воскликнула женщина, после чего торопливо прижала ладонь ко рту.

— Ты не о том подумала, мама, — устало ответил мальчик. — Я о насекомоподобных пришельцах. Впрочем, не важно.

— Гарри, именно об этом, как я уже сказал, ты не должен думать, — твёрдо сказал профессор Веррес-Эванс. — Ты не должен верить, что становишься злодеем. Не должен никому причинять боль, не должен подвергать себя опасностям или связываться с какой бы то ни было Тёмной магией. А мы с мамой постараемся выгнать тебя из этой ситуации. Это понятно, сын?

Мальчик закрыл глаза.

— Это был бы замечательный совет, будь я персонажем комикса.

— Гарри... — начал мужчина.

— Полиции это не под силу. Солдатам это не под силу. Самому могущественному волшебнику в мире это оказалось не под силу, хотя он пытался. По отношению к случайным прохожим нечестно изображать Бэтмена, если только ты на самом деле не в состоянии защитить всех, действуя по его кодексу. А только что выяснилось, что я не в состоянии.

На лбу профессора Майкла Верреса-Эванса проступили капли пота.

— А теперь послушай меня. Что бы ты ни прочитал в книгах, ты не должен защищать кого бы то ни было! Или подвергать себя каким-либо опасностям! Абсолютно любым опасностям, не важно каким! Просто будь в стороне от всего, от каждой частицы безумия, творящегося в этом сумасшедшем доме, а мы выгнать тебя отсюда при первой возможности!

Мальчик внимательно посмотрел на своего отца, затем на мать. Затем он снова взглянул на свои наручные часы.

— Отличная мысль, — сказал мальчик.

Он решительно прошёл к двери и распахнул её.

¹ Непереводимая игра слов. Словом «buggers» в романе О. С. Карда «Игра Эндера» называют насекомоподобных пришельцев. В русском переводе это слово перевели как «жукары». Но вообще слово «bugger» является ругательством и означает «педераст». — *Прим.перев.*

Дверь с грохотом распахнулась, и Минерва вздрогнула. Не успела она собраться с мыслями, как на неё уже сердито уставился Гарри Поттер.

— Вы привели моих родителей сюда, — произнёс Мальчик-Который-Выжил. — В Хогвартс. Где скрывается Сами-Знаете-Кто или кто-то ещё и охотится на моих друзей. О чём вы вообще думали?

Она не ответила, что думала о Гарри, сидящем у двери, за которой покоится тело Гермионы, и отказывающемся уходить.

— Кто ещё знает об этом? — продолжал допрос Гарри Поттер. — Кто-нибудь видел их с вами?

— Их доставил сюда директор...

— Я требую, чтобы их немедленно забрали отсюда, прежде чем их заметит кто-то ещё, особенно Сами-Знаете-Кто, или даже профессор Квиррелл, или профессор Снейп. Пожалуйста, пошлите своего патронуса к директору и скажите, что он должен сейчас же отправлять их обратно. Не упоминайте имён моих родителей, вообще не говорите, что речь о людях, на случай, если сообщение услышит кто-то посторонний.

— Действительно, — профессор Веррес-Эванс, уже оказавшись у Гарри за спиной, решительно кивнул. Петуния стояла на шаг позади него. Профессор крепко держал Гарри за плечо. — Мы закончим разговор с нашим сыном дома.

— Минуточку, пожалуйста, — рефлекторно вежливо ответила Минерва. Ей не удалось вызвать патронуса с первой попытки — при определённых обстоятельствах это заклинание было непросто использовать. Ей уже приходилось вызывать патронуса в подобных ситуациях, но, кажется, она подрастеряла сноровку...

Минерва отбросила эту мысль и сконцентрировалась.

Когда послание было отправлено, она снова повернулась к профессору Верресу-Эвансу.

— Сэр, — сказала она, — боюсь, в настоящее время мистер Поттер не должен покидать Хогвартс...

К тому времени, как Альбус наконец явился, разговор перешёл в крик — магл оставил попытки держаться с достоинством. Вернее, кричала одна из спорящих сторон. Минерва спорила неохотно. По правде говоря, она сама не верила в слова, срывающиеся с её губ.

Когда профессор повернулся к директору, чтобы продолжить, Гарри Поттер, молчавший всё это время, заговорил:

— Не здесь, — сказал Гарри. — Папа, ты можешь ругаться с ним где угодно, но не в Хогвартсе. Мама, пожалуйста, проследи, чтобы папа не пытался предпринять что-нибудь, что может привести к проблемам с Министерством.

Лицо Майкла Верреса-Эванса искажилось. Он повернулся и посмотрел на Гарри Поттера. Когда профессор смог заговорить, его голос звучал хрипло, а в глазах стояли слёзы.

— Сынок... что ты делаешь?

— Ты прекрасно понимаешь, что я делаю, — ответил Гарри Поттер. — Ты читал те же комиксы, что и я, задолго до того, как отдал их мне. Я прошёл через кучу дерьма, немного повзрослел и теперь защищаю своих близких. Всё даже проще: ты знаешь, что я делаю, потому что попытался сделать то же самое. Я делаю так, чтобы те, кого я люблю, покинули Хогвартс сейчас же — вот что я делаю. Директор, пожалуйста, заберите их отсюда, прежде чем Сами-Знаете-Кто обнаружит их присутствие и наметит для убийства.

Майкл Веррес-Эванс отчаянно рванулся к Гарри, но внезапно всё вокруг замерло. Магл застыл в прыжке.

— Прошу прощения, — спокойно сказал директор. — Мы скоро продолжим разговор. Минерва, я был с другими, когда ты меня позвала, они ждут в твоём кабинете.

Директор скользнул вперёд и оказался рядом с застывшими мужчиной и женщиной. Снова вспыхнуло пламя.

Возможность двигаться вернулась.

Минерва посмотрела на Гарри.

У неё не было слов.

— Умный ход — привести их сюда, — сказал Гарри Поттер. — Скорее всего, наши отношения испорчены навсегда. Всё, чего я хотел, — это чтобы меня просто оставили в покое до чёртова ужина. Который, — мальчик посмотрел на свои наручные часы, — в любом случае уже сейчас. Я схожу попрощаюсь с Гермионой, обещаю, это займёт менее двух минут, а потом я выйду и пойду что-нибудь съем, как и собирался. Не трогайте меня эти две чёртовы минуты, или я сломаюсь и попытаюсь кого-нибудь убить, я серьёзно, профессор.

Мальчик повернулся и направился в маленькую комнату, открыл в противоположной стене дверь, за которой лежало тело Гермионы Грейнджер, и вошёл туда прежде, чем она собралась с мыслями, чтобы заговорить. Через открытую дверь мелькнуло зрелище, которого, как она знала, не должен видеть ни один ребёнок...

Дверь захлопнулась.

Минерва машинально двинулась вперёд.

На полдороге она остановилась.

Мысли по-прежнему текли медленно и причиняли боль. Та её часть, которую Гарри называл бы образом суровой блюстительницы дисциплины, безжизненно чеканила слова про поведение, неуместное для ребёнка. Остальная её часть считала, что не стоит оставлять любого ребёнка, даже Гарри Поттера, одного в комнате с окровавленным телом его лучшей подруги. Но открыть дверь или как-нибудь проявить свою власть не казалось ей мудрым. Не было правильных действий, не было правильных слов. Если они и были, она их не знала.

Очень медленно прошло полторы минуты.

* * *

Когда дверь открылась снова, Гарри, казалось, изменился, словно за полторы минуты прошла целая жизнь.

— Запечатайте комнату, — тихо сказал Гарри, — и пойдёте, профессор МакГонагалл.

Она подошла к двери. Она не могла не смотреть, и она увидела высохшую кровь, простыню, накрывавшую нижнюю половину тела, верхнюю половину тела, похожую на восковую куклу. Глаза Гермионы были закрыты. Кто-то внутри Минервы снова зарыдал.

Она закрыла дверь.

Её пальцы двигали палочкой, губы бездумно произносили слова, чары запечатывали комнату.

— Профессор МакГонагалл, — произнёс Гарри странным голосом, словно повторяя заученные слова, — камень у вас? Камень, который мне дал директор? Мне нужно снова превратить его в бриллиант, он оказался полезным.

Её взгляд машинально упал на кольцо на пальце Гарри, отметив пустоту там, где должен был быть бриллиант.

— Я напомню директору, — ответил её голос.

— Кстати, это общепринятая тактика? — спросил Гарри, его голос всё ещё звучал странно. — Носить при себе что-то большое, трансфигурированное во что-то маленькое, чтобы использовать как оружие? Или это обычное упражнение по трансфигурации?

Она отстранённо покачала головой.

— Ну, тогда пойдёте.

— Мне нужно... — её голос сорвался. — Боюсь, сейчас у меня есть ещё одно дело. Вы сможете сами позаботиться о себе?

Вы пообещаете направиться прямо в Большой зал и съесть что-нибудь, мистер Поттер?

Мальчик пообещал (сделав оговорку на случай чрезвычайных и непредвиденных обстоятельств — она не стала с этим спорить) и вышел из комнаты.

То, что ей предстояло... было определённо не легче. Возможно, даже гораздо тяжелее.

* * *

Минерва быстрым шагом направилась к своему кабинету. Она не медлила, это было бы грубостью.

Профессор МакГонагалл открыла дверь в свой кабинет.

— Мадам Грейнджер, — произнёс её голос, — мистер Грейнджер, я ужасно сожалею...

Глава 92

Роли. Часть 3

Нечего больше делать.
Нечего больше планировать.
Не о чем больше думать.

Пустоту заполняло новое худшее воспоминание...

Мальчик-Который-Выжил-В-Отличие-От-Его-Лучшей-Подруги устало брёл в Большой зал по длинному гулкому коридору. Сил, чтобы думать, уже не осталось. Его разум периодически показывал ему образ Гермионы, идущей рядом, и добавлял к нему неоформленную в слова мысль вроде «Никогда больше этого не будет». А затем другая часть его разума начинала вопить «Нет!» и отчаянно кричать, что вернёт Гермиону назад. Но голос этой части звучал всё более устало, а первая казалась неутомимой. Ещё одна часть его разума упорно прокручивала в голове, что он наговорил профессору МакГонаггалл и папе с мамой, хотя он всего лишь пытался убрать их из Хогвартса как можно скорее, а душевные силы на тот момент у него уже кончились. Будто он мог тогда собрать отсутствующие силы воли и как-то добиться лучшего. Гарри понятия не имел, что теперь осталось от его отношений с родителями.

На пересечении коридоров он заметил юношу в чёрной мантии с зелёной каймой, который сидел и читал учебник. Это было идеальное место, чтобы перехватить того, кто идёт из медицинского блока в Большой зал.

На Гарри, конечно, была Мантия невидимости, он надел её, выйдя из лазарета. Мантия обеспечивала защиту от почти всех видов магического обнаружения. Если кто-то пытался его найти и убить, не было смысла облегчать ему задачу. Гарри уже собрался пройти мимо и не тратить время, чтобы выяснить, что этот юноша здесь делает, но внезапно узнал сидящего.

И тут до Гарри дошло. Ну конечно, следовало ожидать, что среди учеников, оставшихся в школе на пасхальные каникулы, будет и...

— Ты ждал меня, — громко произнёс Гарри, не снимая Мантию.

Слизеринец вздрогнул и ударился головой о стену, учебник заклинаний для пятого курса выпал у него из рук. Затем он растерянно посмотрел вверх.

— Вы...

— Невидим. Да. Скажи, что собирался сказать.

Лесат Лестрейндж вскочил, вытянулся по стойке «смирно» и выпалил:

— Мой лорд, я правильно поступил?.. Я подумал, вам не понравится, если я вызовусь вам на помощь раньше всех остальных. Они могли бы заподозрить связь между нами... Я подумал, что, конечно, если бы вы захотели, чтобы я вам помог, вы бы обратились ко мне...

Поразительно, как много есть способов убить лучшего друга своей глупостью.

— Я... — Лесат поколебался и тихо спросил: — Я ошибся, да?

— Ты действовал так, как должен был, учитывая обстоятельства. Это я был идиотом.

— Простите, мой лорд, — прошептал Лесат.

— А если бы ты всё-таки пошёл со мной, ты бы смог убить тролля? — это был неправильный вопрос, правильно было бы спросить себя, посчитал бы Гарри, что помощи Лесата будет достаточно и вылетел ли бы на шестьдесят секунд раньше, но всё же...

— Я... я не уверен, мой лорд... Другие слизеринцы не горят желанием упражняться в дуэльном мастерстве вместе со мной. И я не знаю жестов Смертельного проклятия... Должен ли я обучаться этим искусствам, чтобы лучше служить вам, мой лорд?

— Я по-прежнему настаиваю, что я не твой лорд, — сказал Гарри.

— Да, мой лорд.

— Хотя замечу, — продолжил Гарри, — и это ни в коей мере не приказ, а именно замечание, что каждый должен знать, как защитить себя, особенно ты. Уверен, что профессор Защиты поможет тебе из общих соображений, если ты его попросишь.

Лесат Лестрейндж поклонился:

— Да, мой лорд, я постараюсь исполнить ваш приказ, мой лорд.

Гарри мог бы пожаловаться на то, что его не так поняли, если бы его не поняли абсолютно правильно.

Лесат ушёл.

Гарри уставился в стену.

Он искренне полагал, что, потратив полдня на размышления, он составил полный список своих глупых ошибок.

Похоже, это было ещё одно проявление самоуверенности.

Мы понимаем, что мы сделали не так? — холодно осведомилась слизеринская сторона.

Да, — подумал Гарри.

Твои этические колебания даже не имеют смысла. Ты не обманываешь Лесата. Ты сделал именно то, что, как он полагает, ты сделал. Тебе не пришлось бы выдумывать оправдания, почему Лесат помогает тебе, ты мог бы просто сказать, что требуешь возмещения долга за спасение его от хулиганов, тому было шесть свидетелей. Гермiona погибла, потому что ты забыл об очень ценном ресурсе, а забыл о Лесате ты, потому что... Почему?

Потому что использование Лесата Лестрейнджа в качестве приспешника казалось чем-то «тёмнолордским»? — тихо предположил пуффендуец. — *То есть... наверное, ответственность за это решение лежит в основном на мне...*

Слизеринская сторона презрительно промолчала и показала образ мёртвой Гермiony.

Прекрати! — мысленно крикнул Гарри.

В следующий раз, — ледяным тоном отозвался слизеринец, — *я предлагаю больше думать о том, что рационально и эффективно, и меньше беспокоиться о том, что кажется «тёмнолордским».*

Принято, — подумал Гарри. — *Я так и сделаю.*

Нет, не сделаешь, — ответил слизеринец. — *Ты снова найдёшь оправдания своему жалкому малодушию. Ты начнёшь слушаться меня, только когда умрёт ещё один твой друг.*

Гарри начинал беспокоиться о том, не сходит ли он с ума. Обычно его голоса в голове так себя не вели.

Мальчик-Который-Выжил

больно

Гарри Веррес одиноко брёл

очень

Гарри продолжал идти сквозь тишину коридоров.

* * *

— Как дела у мистера Поттера? — спросил профессор Квиррел. Он выглядел напряжённо, но сложно было поверить, что это вызвано заботой о мальчике. Скорее он походил на человека, сидящего в засаде и рассчитывающего время для удара. Едва чета Грейнджеров покинула кабинет Минервы в сопровождении мадам Помфри, как профессор Защиты постучал в дверь, вошёл, не дожидаясь ответа, и заговорил, не дав

Минерве сказать и слова. На краю сознания мелькнула мысль, не у профессора ли Защиты Гарри перенял эту невнимательность к чужой боли, когда мысли занимает что-то ещё, или же это просто свойственный детям недостаток, который человек, стоящий перед ней, почему-то не перерос.

— Мистер Поттер перестал охранять тело мисс Грейнджер, — сказала она, лишь отчасти сдерживая холодность, которую сейчас чувствовала к профессору Защиты. Минерва была уверена, что он не испытывает и толики её горя, этот человек вообще ни слова не сказал о Гермионе Грейнджер. Не ему требовать от неё... — Полагаю, он спустился к ужину.

— Я спрашиваю не о его физическом состоянии! Вы... Он... — профессор Квиррелл резко взмахнул рукой, словно пытаясь объяснить идею, для которой у него не хватало слов.

— Не совсем, — ответила она. Ещё тридцать секунд — и она прикажет профессору удалиться.

Профессор Квиррелл начал мерить шагами её маленький кабинет.

— Мисс Грейнджер была единственным человеком, чьё мнение по-настоящему заботило мальчика. Теперь её нет, и всё, что сдерживало его безрассудство, исчезло. Теперь я это понимаю. Кто ещё остался? Мистер Лонгботтом? Мистер Поттер не считает его равным себе. Флитвик? Его гоблинская кровь будет лишь вызывать о мести. Мистер Малфой, если его вернуть? И к чему это приведёт? Снейп? Ходячее бедствие. Дамблдор? Ха. Для катастрофы уже всё готово, нужно что-то изменить, нельзя, чтобы события развивались естественным путём. К кому прислушается мистер Поттер? Кто сможет сделать больше, чем просто поговорить с ним? Седрик Диггори учил его, но что он может посоветовать? Неизвестно. Мистер Поттер долго разговаривал с Ремусом Люпином. На него я обращал недостаточно внимания. Поймёт ли Люпин, что нужно сказать, что сделать, чем пожертвовать, чтобы изменить путь, которым движется мальчик? — профессор Квиррелл резко развернулся к Минерве. — Во время своего пребывания в Ордене Феникса Люпин утешал тех, кто был в печали, или был с теми, кто бросался действовать, сломя голову?

— Неплохая мысль, — медленно проговорила Минерва. — Насколько я знаю, во время учёбы в Хогвартсе мистер Люпин часто сдерживал порывы Джеймса Поттера.

— Джеймса Поттера, — прищурился профессор Квиррелл. — Мальчик не слишком похож на Джеймса Поттера. Уверены ли вы в успехе этого плана? Нет, это неверный вопрос, мы не обязаны ограничиваться одним планом. Уверены ли вы, что этого плана будет

достаточно и нам не потребуются другие? Если поставить вопрос так, ответ очевиден. Если грядёт катастрофа, её следует предотвращать всеми возможными способами.

Профессор Защиты снова принялся рассказывать по её кабинету. Он доходил до одной стены, поворачивался на каблучках и двигался к другой.

— Мои извинения, профессор, — она не потрудилась сдерживать резкость в голосе, — но у меня сегодня был тяжёлый день. Вы можете идти.

— Вы, — профессор Квиррелл развернулся, и она обнаружила, что смотрит прямо в его глаза ледяного голубого цвета. — Я бы сказал, что после смерти мисс Грейнджер вы самый подходящий человек, чтобы удержать мальчика от глупостей. Вы уже сделали всё, что могли? Конечно же, нет.

Как он смеет так говорить.

— Если вам больше нечего сказать, профессор, уходите.

— Ваши соратники уже вычислили, кто я на самом деле? — вопрос прозвучал обманчиво спокойно.

— Да. А теперь...

Чистая магия, чистая сила ворвалась в комнату, словно вспышка молнии, громом отозвалась в её ушах, оглушила все остальные органы чувств, смела бумаги с её стола — не наколдованным ветром, а одной лишь мощью магической энергии.

Сила утихла. Свидетельство о смерти Гермiony Грейнджер медленно опустилось на пол.

— Я — Дэвид Монро. Я сражался с Волдемортом, — всё также спокойно произнёс мужчина. — Выслушайте меня. Мальчик не должен оставаться в таком состоянии. Он станет опасным. Возможно, вы уже сделали всё, что могли. Но я считаю, что такое бывает крайне редко и гораздо чаще на словах, чем на деле. Подозреваю, что вы сделали не больше чем обычно. Я не могу по-настоящему понять, что заставляет людей вырываться за собственные границы, потому что у меня таковых никогда не было. Сталкиваясь с перспективой смерти, люди остаются удивительно пассивными. Боязнь публичного осмеяния или потери средств к существованию с большей вероятностью бросает людей в крайности и заставляет отказаться от привычного поведения. Во время войны Тёмный Лорд добивался отличных результатов, разумным образом используя проклятье Круциатус на своих слугах с Меткой, которые не могли избежать наказания, иначе как достигнув успеха — и не важно, насколько

сильно они старались. Примерьте их образ мыслей на себя и задайте себе вопрос, действительно ли вы сделали всё, что вы могли, чтобы заставить Гарри Поттера свернуть с выбранного им курса.

— Я из Гриффиндора, и меня не так легко запугать, — резко ответила она. — Вы в моём кабинете, и потому — не забывайте о вежливости!

— Я считаю, что страх — превосходная мотивация, и, кстати, сейчас мной движет именно страх. Сами-Знаете-Кто, при всей его чудовищности, всё-таки держался в определённых рамках. По моему профессиональному мнению сведущего волшебника, почти равного Дамблдору или Тому-Кого-Нельзя-Называть, мальчик может пополнить ряды тех, чьи ритуалы выбиты на надгробиях стран. Это не праздное беспокойство, МакГонагалл, слова, которые я слышал, вызывают самые мрачные предчувствия.

— Вы сошли с ума? Вы думаете, что мистер Поттер способен... Это абсурдно. Мистер Поттер никак не в состоянии...

Перед её мысленным взором возникла картинка стеклянного пятнышка на металлическом шаре.

— Мистер Поттер ничего подобного делать не станет!

— Для этого не нужен осознанный выбор. Волшебники редко стремятся к своей собственной гибели. Возможно, мистер Поттер не ударит вас по злему умыслу. Но ведь ему уже случалось задеть вас по небрежности, когда он шёл к своей цели? Повторяю ещё раз, у меня есть веские причины для самых мрачайших опасений!

— Вы уже говорили об этом с директором? — медленно спросила она.

— Это будет более чем бесполезно. Дамблдор не способен достучаться до мальчика. К счастью, он достаточно умен, чтобы понимать это и не сделать всё ещё хуже. А у меня нет необходимого строения ума. Только вы... впрочем, как я понимаю, вы до сих пор ждёте, пока вас спасёт кто-то другой.

Профессор Защиты развернулся и пошёл к двери.

— Думаю, мне следует посоветоваться с Северусом Снейпом. Может, он и ходячее бедствие, но произошедшее ему знакомо и, возможно, он лучше понимает настроение мальчика. Что касается вас, мадам, представьте, что вы умираете и знаете, что Британия... впрочем, нет, что вам Британия? Представьте, что вы умираете, а стены Хогвартса вокруг вас поглощает тьма, и вы знаете, что ваши ученики умрут вместе с вами. И вы вспоминаете этот день и осознаёте, что сделали далеко не всё, что могли.

Глава 93

Роли. Часть 4

Гарри зашёл в Большой зал, быстро осмотрелся, схватил какой-то еды, в которой было достаточно калорий, чтобы восстановить силы, вышел, снова надел Мантию и отыскал укромный уголок, чтобы поесть. Видеть учеников за столами было...

Отвращение при виде других людей — это плохой знак, — сказал пуффендуч. — Неразумно обвинять их в том, что у них не было возможности научиться тому же, чему научился ты. Бездействие в чрезвычайной ситуации не имеет ничего общего с эгоизмом. Это обычная инерция мышления, вспомни то крушение самолёта на Тенерифе, когда только несколько людей выбрались и спаслись, а остальные остались на своих местах, хотя самолёт был уже буквально в огне*. Вспомни, сколько времени тебе самому понадобилось, чтобы начать действовать.

Ненавидеть — бесполезно, — вторил гриффиндорец. — Это только повредит твоему человеколюбию.

Попробуй придумать методику обучения, которую можно будет использовать, чтобы такого больше не повторилось, — добавил когтевранец.

Я забегу вперёд и сделаю проверяемое предсказание, — сказал слизеринец. — Любые наши наблюдения всегда будут соответствовать гипотезе, что людей нельзя спасти, нельзя научить и что они никогда не помогут нам ни в чём важном. И да, нам нужно придумать какой-то способ подсчитывать все случаи, когда я оказываюсь прав.

Гарри не обращал внимания на голоса в голове и просто ел тосты так быстро, как мог. Конечно, всё время так питаться было бы неправильно, но один раз ему не повредит, по крайней мере, если завтра он поест нормально.

Он как раз откусил ещё кусок, когда из ниоткуда возник сияющий серебряный феникс, который голосом усталого старика произнёс: «Гарри, пожалуйста, сними свою мантию, у меня для тебя письмо».

Гарри поперхнулся, проглотил кусок, который сначала попал не в то горло, встал, снял Мантию невидимости и громко ответил: «Передай Дамблдору, что я понял», а затем уселся обратно и продолжил жевать свой тост.

Гарри как раз успел доест, когда к его укрытию подошёл Альбус Дамблдор. Директор держал сложенные листы линованной бумаги — настоящей бумаги, а не пергамента, которым пользуются волшебники.

— Это... — начал Гарри.

— От твоих отца и матери, — ответил старый волшебник. Не говоря больше ни слова, Дамблдор протянул ему листки, и Гарри так же безмолвно их принял. Поколебавшись, старый волшебник тихо сказал:

— Профессор Защиты посоветовал мне повременить с беседами, и, подумав, я пришёл к тому же выводу. Я всегда слишком поздно вспоминаю о том, что молчание — золото. Но если я ошибаюсь, тебе достаточно сказать лишь слово...

— Вы не ошибаетесь, — ответил Гарри.

Он посмотрел на сложенные листки, и у него скрутило живот. Именно так его тело выражало сильное пессимистическое предчувствие. Конечно, родители от него не откажутся, да и вообще они мало что могут ему сделать (хотя, как бы глупо это ни было в нынешних обстоятельствах, какая-то его часть глубоко внутри всё ещё боялась, что ему запретят смотреть телевизор). Но родители обычно считают детей нижестоящими в иерархии, а он вышел за пределы роли, исполнение которой от него ожидалось. Так что было бы глупо ожидать что-то, кроме злости, негодования и праведного гнева, если уж ты так повёл себя с теми, кто считает себя выше.

— Когда закончишь читать, — сказал директор, — я очень прошу тебя сразу же прийти в Большой зал. Там будет объявление, которое ты захочешь услышать.

— Меня не интересуют похороны...

— Нет. Речь не о том. Пожалуйста, Гарри, приходи, как только дочитаешь, и без своей Мантии. Придёшь?

— Да.

Старый волшебник ушёл.

Гарри пришлось сделать над собой усилие, чтобы открыть письмо. Самое важное — вывести из-под удара уязвимых друзей и близких. Возможно, это и банально, но пока у Гарри не было причин сомневаться в верности этого утверждения. Над испорченными отношениями можно поработать позже.

Первое письмо было написано не слишком разборчивым почерком:

Сынок!

Что бы ты там ни прочитал в книжках, тебе нужны взрослые, которые могут помочь в беде, и это гораздо важнее нашей безопасности. Ты решил, что мы бросим тебя из-за твоей "Тёмной Стороны", и не позволил нам ничего на это возразить. Призрак Шекспира свидетель, за последний год я увидел многое, что моей философии и не снилось — порой я задумываюсь, может, мама меня просто разыгрывает, и опека забрала тебя, когда я начал считать, что у тебя есть магические способности — так что я не могу отрицать возможность, что ты, и правда, сумел развить что-то вроде... Я не вполне уверен, как это следует называть, но термин "Тёмная Сторона" кажется преждевременным, пока мы не понимаем, что именно происходит. Ты точно уверен, что это не пробуждающийся талант к телепатии и ты не нахватался всего этого из сознания других волшебников, которые тебя окружают? Их мысли вполне могут казаться злыми для ребёнка, который вырос в более вменяемой цивилизации. Конечно, это всё беспочвенные спекуляции, но и тебе не стоит делать преждевременные выводы.

Вот две самых важных вещи, которые я должен тебе сказать. Во-первых, сынок, я несколько не сомневаюсь, что ты сможешь оставаться на Светлой стороне Силы, пока ты этого хочешь, и также несколько не сомневаюсь, что именно это ты и wybierешь. Если какой-то злой дух намёптывает тебе ужасные советы, просто не обращай на них внимания. Я считаю необходимым подчеркнуть, что ты должен быть особенно осторожен с этим злым духом и игнорировать его советы, даже если они покажутся тебе замечательными творческими идеями, и надеюсь, что не нужно специально напоминать тебе об Инциденте с Научным Проектом. Впрочем, вынужден признать, что если тебе тогда пришлось бороться с демонической одержимостью, то произошедшее кажется более осмысленным.

Во-вторых, ты не должен бояться, что мама или я откажемся от тебя из-за твоей "Тёмной Стороны". Конечно, мы не ожидали, что у тебя появятся магические способности или что ты окажешься связан с чёрной магией, но мы были готовы к тому, что ты станешь подростком. А это, если посмотреть на всё с точки зрения твоего бедного отца, уже достаточный повод для волнения, когда речь идёт о ребёнке, который в девять лет стал причиной вызова сразу пяти пожарных машин. Дети взрослеют. Я не буду лгать, утверждая, что в двадцать лет мы будем так

же близки тебе, как сейчас. Но глядя нас с мамой ты останешься таким же близким, даже когда мы станем старыми и седыми и будем докучать роботам-сиделкам. Дети взрослеют и отдаляются, а родители всегда следуют за ними, готовые дать полезный совет. Дети вырастают, их характер меняется, и они совершают поступки, которые не нравятся их родителям, ведут себя с родителями неважительно и даже выставляют их из своих магических школ, но родители всё равно не перестают их любить. Так уж устроена Природа. Хотя на случай, если пубертатный период у тебя ещё не начался и твои подростковые годы окажутся ещё хуже, мы оставляем за собой право пересмотреть это мнение.

Не важно, что сейчас происходит, помни, мы тебя любим и всегда будем любить, что бы ни случилось. Не знаю, есть ли в этой любви какая-то магическая сила, но если есть, не стесняйся к ней обращаться.

Учитывая всё вышесказанное... Гарри, то, что ты сделал, не приемлемо. Думаю, ты и сам это осознаёшь. Но я понимаю и то, что сейчас не время тебя по этому поводу отчитывать. Тем не менее ты должен писать нам и рассказывать, что происходит. Я прекрасно понимаю, почему ты потребовал, чтобы мы сразу же покинули твою школу, и знаю, что мы не можем тебя ни к чему принуждать, но пожалуйста, Гарри, будь благоразумен и пойми, насколько мы сейчас перепуганы.

Я бы хотел сказать, что строго запрещаю тебе использовать любую магию, которую взрослые в твоей школе считают хотя бы слегка небезопасной, но, кто знает, может быть, ваши учителя каждый понедельник проводят для всех желающих уроки высшей некромантии. Пожалуйста, пожалуйста, будь настолько осторожен, насколько только позволяет твоё положение, каким бы оно ни было. Несмотря на твои очень поспешные и краткие объяснения, мы понятия не имеем, что с тобой сейчас происходит, так что надеюсь, что ты напишешь всё, что сможешь. Понятно, что ты взрослеешь, по крайней мере в некотором роде, так что я постараюсь не вести себя, как типичный родитель из детских книжек, который делает всё только хуже — но я надеюсь, что ты понимаешь, насколько это сложно — тем более, что твоя мама рассказала мне много пугающего по поводу того, как волшебное сообщество сохраняет тайну о себе, и что я могу навлечь на тебя неприятности, если начну поднимать шум. Я не могу сказать тебе не лезть ни во что опасное, потому что сама

ВАША ШКОЛА ПОЛНА ОПАСНОСТЕЙ, А ВАШ ДИРЕКТОР НЕ ПОЗВОЛИТ тебе чехать. И я не могу советовать тебе не брать на себя ответственность за то, что происходит вокруг, ведь, насколько я понимаю, под угрозой и другие дети. Но помни, ты не обязан защищать каких бы то ни было взрослых, это они должны тебя защищать, и любой хороший взрослый с этим согласится. Пожалуйста, напиши нам подробное письмо, как только сможем.

Мы оба отчаянно хотим тебе помочь. Если мы можем хоть что-то для тебя сделать, пожалуйста, сразу же сообщай. С нами не может случиться ничего хуже, чем если мы узнаем, что что-то случилось с тобой.

С любовью, папа.

На другом листке было написано только:

Ты обещал мне, что не позволишь магии нас различить. А мальчик, которого воспитывала я, не станет нарушать данное маме обещание. Ты должен вернуться невредимым, потому что ты обещал.

С любовью, мама.

Гарри медленно убрал письма и пошёл в Большой зал. Руки у него тряслись, всё тело дрожало, и ему приходилось всеми силами сдерживаться, чтобы не заплакать. Он точно знал, что плакать нельзя. За весь этот день он ни разу не заплакал. И не заплачет. Плакать — значит признать своё поражение. Но ничего ещё не кончено. Поэтому он не заплачет.

* * *

В тот вечер в Большом зале подали очень простой ужин — тосты с маслом и джемом, вода и апельсиновый сок, овсянка, другая простая пища и никакого десерта. Некоторые ученики надели скромные чёрные мантии, без цветов факультетов. Другие остались в обычных. Это могло бы стать причиной споров, но вместо этого стояла тишина, слышно было только, как все едят. Для спора нужны две стороны, но этим вечером одна из сторон была совершенно не заинтересована в дискуссиях.

Заместительница директора Минерва МакГонагалл сидела за преподавательским столом и ничего не ела. Хотя и стоило бы. Возможно, позже она поест. Но сейчас она просто не могла себя заставить.

Для гриффиндорца был только один путь. Минерва вспомнила об этом почти сразу, когда после предупреждения профессора Защиты в её голове так и не появилось никаких умных планов. Это было не по-гриффиндорски — хотя, возможно, ей не следовало так обобщать, ведь Альбус пробовал себя в плетении интриг... Но всё же, оглядываясь назад, она понимала, что в тяжёлые минуты не оставалось места ни для интриг, ни для игр или умных ходов. И Альбус Дамблдор, и она сама в чрезвычайных ситуациях следовали правилу: реши, что правильно, и делай, невзирая на цену, которую придётся заплатить. Даже если для этого понадобится вырваться за собственные границы, изменить свою роль или вовсе отказаться от привычного представления о себе. Гриффиндорец не может иначе.

Она заметила, как через боковой вход в зал тихо проскользнул Гарри Поттер.

Пора.

Профессор Минерва МакГонагалл поднялась со своего места, поправила шляпу и медленно подошла к кафедре перед преподавательским столом.

Все и без того приглушённые звуки, наполнявшие Большой зал, окончательно стихли, а все ученики посмотрели на неё.

— Как вы уже знаете, — начала она нетвёрдым голосом, *Гермиона Грейнджер погибла*. Этих слов она вслух не произнесла, в этом не было необходимости. — Каким-то образом в замок Хогвартс пробрался тролль, и наши древние охранные чары на это не отреагировали. Каким-то образом этот тролль сумел покалечить ученицу, и чары молчали до самого момента её гибели. Чтобы понять, как такое могло произойти, будет проведено расследование. Попечительский Совет соберётся и решит, как ответит Хогвартс. В должное время правосудие свершится. Между тем, у нас есть ещё одно дело, связанное с правосудием, и с ним нужно разобраться незамедлительно. Джордж Уизли, Фред Уизли, пожалуйста, подойдите сюда, чтобы все вас видели.

Близнецы Уизли, сидевшие за гриффиндорским столом, обменялись взглядами, а потом встали и медленно, с неохотой двинулись к ней. Минерва осознала: они думают, что их сейчас исключат.

Они искренне думают, что она их исключит.

Вот что натворил образ профессора МакГонагалл, который жил у неё в голове.

Близнецы Уизли дошли до кафедры. Они смотрели на неё испуганно, но решительно, и Минерва почувствовала, что трещина в её сердце стала ещё глубже.

— Я не собираюсь вас исключать, — сказала она, и удивлённое выражение на их лицах опечалило её ещё сильнее. — Фред Уизли, Джордж Уизли, повернитесь к своим одноклассникам, пусть они вас увидят.

Всё с тем же удивлённым видом близнецы подчинились.

Она собрала свою волю в кулак и сказала то, что правильно.

— Мне стыдно, — сказала Минерва МакГонаггалл, — за то, что случилось сегодня. Мне стыдно, что вас таких оказалось только двое. Стыдно за то, во что я превратила Гриффиндор. Из всех факультетов именно Гриффиндор должен был отозваться, когда Гермиона Грейнджер оказалась в беде, когда Гарри Поттер искал смельчаков, готовых ему помочь. Семикурсник действительно смог бы сдержать горного тролля во время поисков мисс Грейнджер. И вы должны были верить, что декан факультета Гриффиндор, — её голос надломился, — поверит в вас, если вы ослушаетесь, чтобы сделать то, что правильно, в ситуации, которую она не предусмотрела. Но вы в это не поверили, потому что из-за меня у вас не было причин в это верить. Я не верила в вас. Я не верила в добродетели Гриффиндора. Я пыталась выбить из вас своеволие вместо того, чтобы добавить к вашей смелости мудрость. Не знаю, что такого Распределяющая шляпа во мне нашла, отправив в Гриффиндор, но я это предала. Я подала прошение об отставке с постов заместителя директора и декана факультета Гриффиндор.

* * *

Многие в зале — причём не только сидящие за гриффиндорским столом — вскрикнули от потрясения. У Гарри замерло сердце. Нужно было выбежать вперёд, что-то сказать, он ведь не этого хотел...

* * *

Минерва сделала ещё один глубокий вдох и продолжила:

— Однако директор отказался принять мою отставку. Поэтому я продолжу свою службу и постараюсь исправить содеянное. Так или иначе я должна найти способ научить своих учеников делать то, что правильно. Не то, что безопасно, не то, что легко, не то, что кто-то сказал сделать. Если я могу научить вас лишь сдавать сочинения в срок, то факультету Гриффиндор незачем существовать. Новая дорога будет гораздо тяжелее для меня, а, возможно, и для всех нас. Но теперь я понимаю, что раньше всего лишь выбирала лёгкий путь.

Она спустилась с кафедры и подошла к близнецам Уизли.

— Фред Уизли, Джордж Уизли, — сказала она. — Вы оба не всегда поступаете правильно. Вопиющее и бессмысленное сопротивление старшим — это не самый мудрый путь. Тем не менее, сегодня вы доказали, что вы — единственные, кто остался верен духу факультета, несмотря на мои ошибки. Невзирая на угрозу исключения и риск для жизни, вы вступили в бой с горным троллем, потому что считали, что это правильно. За вашу выдающуюся храбрость, которая делает честь вашему факультету, я присуждаю каждому из вас двести баллов для Гриффиндора.

На их лицах снова отразилось удивление, и её сердце опять будто пронзили ножом. Она повернулась к остальным ученикам.

— Я не буду присуждать баллы Когтеврану, — сказала она. — Полагаю, мистер Поттер этого не захочет. Если же я ошибаюсь, он может меня поправить и получить для своего факультета столько баллов, сколько сочтёт нужным. Но, если это хоть чего-то стоит, мистер Поттер, я... — её голос снова дрогнул, — я сожалею...

* * *

— Перестаньте! — закричал Гарри. — Перестаньте, — слова застревали у него в горле. — Не надо, профессор, — переживания переполняли его и, казалось, разрывали на части. — И ещё... ещё не забудьте Сьюзен Боунс и Рона Уизли — они тоже помогали, им тоже нужно дать баллы...

— Мисс Боунс и младший Уизли? — переспросила профессор МакГонагалл, — Рубеус ничего о них не говорил... что они сделали?

— Мисс Боунс пыталась оглушить мистера Хагрида, когда он хотел меня остановить, а мистер Уизли выстрелил в Невилла заклинанием, когда Невилл пытался меня остановить. Они оба должны получить баллы и... и Невилл тоже, — до этого Гарри не задумывался, как сейчас, должно быть, чувствует себя Невилл, но теперь понял, что нужно сказать, — потому что Невилл попытался сделать хоть что-то, пусть это и было неправильно, ведь поступать правильно — это уже следующий урок, сначала надо научиться вообще хоть что-то делать...

— Десять баллов Пуффендую, мисс Боунс, — сказала профессор МакГонагалл дрогнувшим голосом, — и десять баллов Гриффиндору, Рон Уизли. Ваша семья сегодня покрыла себя славой. И десять баллов Пуффендую за Невилла Лонгботтома, который пытался остановить мистера Поттера, потому что считал, что так будет правильно...

— Не надо! — раздался и тут же оборвался детский выкрик из-за пуффендуйского стола.

Гарри быстро посмотрел в ту сторону, а потом снова на профессора МакГонаггалл и как можно спокойнее сказал:

— Вообще-то, Невилл прав, нельзя, чтобы награда за неправильные действия ничем не отличалась, это тоже будет неверным уроком. Но Невилл был на полпути к верному решению, поэтому пять баллов вполне подойдут.

Профессор МакГонаггалл поглядела на него так, словно не знала, что и сказать, но тут же перевела взгляд на Невилла:

— Как пожелаете, мистер Поттер. Что такое, мисс Боунс?

Гарри обернулся и увидел, как Сьюзен Боунс вышла вперёд, вытирая глаза, и сказала:

— Профессор МакГонаггалл, на самом деле... генерал Поттер этого не видел, он уже убежал... но помешать мистеру Хагриду пытались не только я и капитан Уизли. Потом старшекурсники нас остановили, но на какую-то минуту нам удалось задержать мистера Хагрида, и генерал Поттер смог убежать.

— Нужно и им дать баллы, — сказал Рон Уизли из-за гриффиндорского стола. — Или я отказываюсь от своих.

— Кто ещё? — спросила профессор МакГонаггалл немного нетвёрдым голосом.

Поднялись ещё семеро учеников.

Так что там наш слизеринец говорил насчёт того, что ничего у нас никогда не получится? — спросил внутренний пуффендуец.

Внутри у Гарри что-то треснуло, и ему пришлось приложить все свои силы, чтобы собрать себя воедино.

* * *

Когда всё было сказано и сделано, она подошла к Гарри Поттеру. Хотя Минерва была и не слишком сильна в невербальной магии, она набросила вокруг них скрывающую завесу. Второе невербальное заклинание приглушило звуки их разговора.

— Вам... вам не надо было... — Гарри Поттер едва не задышался, — вы не должны были говорить... П-профессор, всё, что я наговорил, было жестоко, отвратительно, неправильно...

— Я понимаю, Гарри, — ответила она. — Но всё равно жаль, что я так вела себя.

В груди появилась какая-то лёгкость, наверное, такое ощущение испытывает человек, который сделал шаг со скалы, когда ногам уже не нужно его держать. Она ещё не знала, что будет делать и получится ли у неё, но впервые почувствовала, что, возможно, замок не превратится в печальное подобие самого себя, когда она станет директором Хогвартса.

Гарри посмотрел на неё. Из его горла вырвался странный звук, и мальчик закрыл лицо руками.

Минерва встала на колени и обняла его. Может быть, это было ошибкой, но, возможно, это было правильно, и она не позволила неуверенности себя остановить. Теперь она сама начала учиться гриффиндорской смелости и потом сможет обучить ей других.

— Когда-то у меня была сестра, — прошептала она. Только это и больше ничего.

* * *

Просто, чтобы убедиться, — уточнила какая-то часть Гарри, пока он рыдал в объятиях профессора МакГонагалл, — ведь это не значит, что мы смирились со смертью Гермионы, так ведь?

НЕТ, — единодушно ответило в нём всё остальное, все части его сознания: и тёплая, и холодная, и самая тайная, сделанная из стали. — *Никогда и ни за что.*

* * *

А старый волшебник, для которого завеса Минервы ничего не значила, смотрел на них: ведьму и плачущего маленького волшебника. Альбус Дамблдор улыбался, и в глазах его отражалась странная грусть, как будто бы он ещё на шаг приблизился к давно предначертанной цели.

* * *

Профессор Защиты смотрел на женщину и плачущего мальчика очень холодным оценивающим взглядом.

Он не думал, что этого окажется достаточно.

* * *

И лишь на следующее утро обнаружилось, что тело Гермионы Грейнджер исчезло.

Глава 94

Роли. Часть 5

Встреча первая:
17 апреля 1992 года в 6:07 для обитателей замка Хогвартс Солнце едва поднялось над горизонтом. Оно проникло в спальню первокурсников Когтеврана и озарило её мягкими красновато-оранжевыми оттенками рассвета, чуть изменёнными белой тканью, закрывавшей окна. Впрочем, пока этого света было недостаточно, чтобы разбудить мальчиков, привыкших к зимнему режиму.

На одной из кроватей сном обессиленного человека спал Гарри Поттер.

Бесшумно открылась дверь.

Вошедший тихо пересёк комнату.

Подошёл к кровати Гарри Поттера.

И тронул спящего мальчика за плечо. Тот вздрогнул и вскрикнул.

Но остальные мальчики его не услышали.

— Мистер Поттер, — пропищал маленький человечек, — директор просит вас немедленно явиться к нему.

Мальчик медленно сел на кровати, его руки начали искать что-то под покрывалом. Он ожидал, что, проснувшись этим утром, будет чувствовать себя гораздо хуже. Казалось как-то... неправильно, что его мозг всё так же работает, что сам он в состоянии мыслить, что не проплакал в изнеможении по меньшей мере неделю. Мальчик знал, что подобная реакция была невозможна с точки зрения адаптивного механизма, мозг не мог эволюционировать таким образом. Его Тёмная Сторона уж точно не стала бы отключаться и рыдать. Но всё равно было что-то неправильное в том, что этим утром он жив и в состоянии здраво мыслить.

Но его решение вернуть Гермиону Грейнджер к жизни казалось... достаточным. Словно он уже занят правильным делом, свернул на верный путь. Он её вернёт, вот и всё. Печаль уйдёт. Не нужно больше ничего решать, не осталось неопределённости и противоречий, чтобы терзать себя, и больше не нужно вспоминать то, что он видел...

— Я переоденусь, — сказал Гарри.

Профессор Флитвик, казалось, немного смутился:

— Директор особо указал, что вас следует доставить в его кабинет без промедления, мистер Поттер. Прошу прощения.

Меньше чем через минуту — профессор Флитвик послал его напрямую в кабинет директора через внутреннюю каминную сеть Хогвартса — Гарри, по-прежнему в пижаме, оказался перед Альбусом Дамблдором. Ещё одно кресло занимала заместитель директора, а посреди загадочных устройств притаился профессор зельеварения, который как раз широко зевнул, когда Гарри вышел из камина.

— Гарри, — без предисловий начал директор, — прежде чем я скажу то, что должен сказать, я повторю, что Гермиона Грейнджер на самом деле умерла. Охранные чары зафиксировали это и известили меня. Сами камни поведали, что умерла волшебница. Я проверил её тело прямо на месте, и это были действительно останки Гермионы Грейнджер, не кукла или что-то подобное. Волшебники не знают ни одного способа, который мог бы отменить смерть. И всё же останки Гермионы Грейнджер исчезли из комнаты, куда их поместили и где ты их охранял. Гарри Поттер, их забрал ты?

— Нет, — прищурившись, ответил Гарри. Он бросил взгляд в сторону Северуса и заметил, что тот сосредоточенно за ним наблюдает.

Директор тоже смотрел пристально, но не враждебно.

— Тело Гермионы Грейнджер сейчас у тебя?

— Нет.

— Ты знаешь, где оно?

— Нет.

— Ты знаешь, кто забрал его?

— Нет, — ответил Гарри. Затем, поколебавшись, добавил: — Если не считать очевидных вероятностных предположений, которые не основаны на каких-то особых имеющихся у меня данных.

Старый волшебник кивнул.

— Ты знаешь, зачем его забрали?

— Нет. Если не считать очевидных предположений и так далее.

— И что это за предположения? — старый волшебник не сводил с него глаз.

— Если враг заметил, как вы во время уроков бежали советоваться к близнецам Уизли после ареста Гермионы, и узнал про карту, которая, по вашим словам, похищена, то он мог заинтересоваться, зачем я охраняю тело Гермионы Грейнджер. Моя очередь.

Это вы организовали убийство Гермионы в надежде, что я верну деньги, отданные Люциусу?

— Что?! — воскликнула профессор МакГонагалл.

— Нет, — ответил старый волшебник.

— Вы знали, или подозревали, что Гермиона погибнет?

— Я не знал. Что же до подозрений, то я сделал всё, что мог, для её защиты от Волдеморта. Я не желал её смерти, не способствовал ей и не планировал получить от неё выгоду, Гарри Поттер. А теперь покажи мне свой кошель.

— Он в моём сунду... — начал Гарри.

— Северус, — сказал старый волшебник, и профессор зельеварения шагнул вперёд. — Проверь сундук тоже, каждое отделение.

— На моём сундуке охранные чары.

Северус Снейп невесело усмехнулся и шагнул в зелёное пламя.

Дамблдор достал свою тёмно-серую палочку и начал водить ей около головы Гарри, словно маг с металлодетектором, но, не дойдя до шеи, остановился.

— Камень в твоём кольце, — сказал Дамблдор. — Раньше это был бриллиант чистой воды. А теперь он коричневый, цвета глаз Гермионы Грейнджер и её волос.

В комнате повисло внезапное напряжение.

— Это камень моего отца, — ответил Гарри. — Трансфигурированный так же, как раньше. Я просто сделал его таким в память о Гермионе...

— Я должен убедиться. Сними кольцо, Гарри, и положи его на мой стол.

Гарри медленно вынул камень из кольца и положил его на стол, а само кольцо на противоположный край стола.

Дамблдор направил палочку на камень и...

Из-за стремительного расширения большой, бесформенный серый камень подпрыгнул вверх, ударился о невидимый барьер в воздухе и с грохотом упал на директорский стол.

— Мне придётся потратить ещё полчаса, чтобы трансфигурировать его обратно, — бесстрастно сказал Гарри.

Дамблдор продолжил осмотр. Гарри пришлось снять левый тапок и кольцо, которое он носил на пальце ноги — экстренный портключ на случай, если кто-то его похитит и заберёт из-под защиты чар Хогвартса (и при этом не наложит чар против аппарации, портключей, фениксов и временных петель, что, как предупредил Гарри Северус, без сомнения, сделает любой Пожиратель Смерти внутреннего круга). Дамблдор удостоверился, что магия, исходящая

от кольца, на самом деле является магией портключача, а не следом трансфигурации. В остальном Гарри был чист.

Вскоре после этого учитель зельеварения вернулся с кошелём Гарри и с несколькими другими магическими вещами, которые хранились у Гарри в сундуке, и директор проверил их тоже, одну за другой, включая все предметы, оставшиеся в наборе целителя.

Наконец проверка закончилась.

— Теперь я могу идти? — Гарри вложил в голос всю возможную холодность. Мальчик взял кошель и начал скармливать ему серый камень. Пустое кольцо он снова надел на палец.

Старый волшебник вздохнул и спрятал свою палочку обратно в рукав.

— Я прошу прощения, — сказал он. — Мне нужно было знать. Гарри... похоже, Тёмный Лорд похитил останки Гермионы Грейнджер. Мне сложно представить, что с ними можно сделать, кроме как обратиться в инфернала и использовать против тебя. Северус даст тебе несколько зелий — держи их при себе. Будь настороже и приготовься к тому, что однажды тебе придётся сделать то, что должно.

— У инфернала будет разум Гермионы?

— Нет...

— Тогда это будет не она. Я могу идти? Я хочу наконец переодеться.

— Есть ещё кое-что, но я буду краток. Чары Хогвартса свидетельствуют, что ни одно постороннее существо не входило в замок, а также, что Гермиону Грейнджер убил профессор Защиты.

— Хм, — сказал Гарри.

Мысль 1: Но я же видел, как Гермиону убил тролль.

Мысль 2: Профессор Квиррелл изменил мне память и обставил место происшествия так, как оно выглядело, когда Дамблдор прибыл.

Мысль 3: Профессор Квиррелл не мог этого сделать, его магия не может взаимодействовать с моей. Я наблюдал это в Азкабане...

Мысль 4: Я могу доверять этим воспоминаниям?

Мысль 5: В Азкабане точно случилось какое-то фиаско, нам бы не понадобилась ракета, если бы профессор Квиррелл не потерял сознание, а с чего бы ему терять сознание, если...

Мысль 6: А был ли я вообще в Азкабане?

Мысль 7: У меня определённо был опыт управления дементорами до того, как я напугал дементора в Визенгамоте. А об этом писали в газетах.

Мысль 8: Правильно ли я помню, что было в газетах?

— Хм, — снова сказал Гарри. — Это заклинание определённо следует отнести к Непростительным. Вы считаете, что профессор Квиррелл мог подделать мои воспоминания?..

— Нет. Я вернулся назад во времени и установил некоторые инструменты, чтобы записать последнюю битву Гермионы, ибо не в силах был наблюдать её лично, — старый волшебник сильно помрачнел. — Твоя догадка оказалась верна, Гарри Поттер. Волдеморт испортил всё, что мы дали Гермионе для защиты. Метла осталась неподвижна в её руках. Мантия-невидимка не скрывала её. Солнечный свет не причинял троллю вреда. Это была не блуждающая тварь*, но оружие — нацеленное и безупречное. И Гермиону убил именно тролль, и при этом использовалась лишь физическая сила, так что мои чары и ловушки для обнаружения враждебной магии оказались бесполезны. Тогда как пути Гермионы и профессора Защиты совсем не пересекались.

Гарри глотнул, закрыл глаза и задумался.

— Получается, это попытка подставить профессора Квиррелла. Так или иначе. Похоже, это *modus operandi* врага. Тролль съедает Гермиону Грейнджер, а проверим чары — о, да, действительно, это дело рук профессора Защиты, как и в прошлом году... нет. Нет, это не может быть правдой.

— Почему, мистер Поттер? — спросил профессор зельеварения. — Мне кажется достаточно очевидным...

— В этом-то и проблема.

Враг умён.

Остатки сна постепенно выветривались из головы, и теперь, после полноценного ночного отдыха, мозг Гарри замечал то, что не было очевидно вчера.

В литературе... обычно не принято, чтобы враг следил за каждым твоим шагом, выводил из строя магические предметы, которыми тебя снабдили, а затем отправлял за тобой тролля, неизвестным образом делая его необнаружимым, так что даже постфактум никто не мог определить, как именно это было устроено, и получалось, что с таким же успехом ты мог бы и не защищаться вовсе. В книгах обычно в центре внимания находятся главные персонажи. Если враг спланированными действиями незаметно от читателя сведёт на нет всю работу протагониста, получится *diabolis ex machina*, а это плохо с точки зрения драматургии.

Но в настоящей жизни враг будет считать главным героем себя, и он тоже будет умён и будет думать наперёд, даже если ты об этом

не знаешь. Вот почему всё происходящее выглядит таким несвязным, состоящим из разрозненных событий, которые ты не можешь понять и которые из-за этого кажутся необъяснимыми.

Что чувствовал Люциус, когда Гарри угрожал Дамблдору разрушить Азкабан? Что чувствовали авроры над Азкабаном при виде метлы, взлетающей на огненном факеле?

Враг умён.

— Враг прекрасно знал, что вы захотите проверить, что на самом деле произошло с Гермионой, и вернётесь назад во времени. Тем более, что сам факт проникновения троля в Хогвартс говорит, что кто-то может одурачить охранные чары, — Гарри закрыл глаза и задумался ещё глубже, пытаясь поставить себя на место врага. Зачем он или его Тёмная Сторона так бы поступили? — Мы должны были прийти к выводу, что враг контролирует то, что сообщают охранные чары. Однако на самом деле враг испытывает с этим определённую сложность или, быть может, в состоянии контролировать их лишь при определённых условиях. Он пытается создать ложное впечатление всемогущества. — Я бы так и поступил. — Впоследствии, гипотетически, чары покажут, что профессор Синистра убивает кого-то. Мы подумаем, что чары снова обмануты, а на самом деле профессор Синистра подверглась легилименции, и чары сказали правду.

— Если только Тёмный Лорд не рассчитывает, что мы сделаем именно такой вывод, — Северус Снейп нахмурил брови. — В этом случае, он действительно контролирует охранные чары, а профессор Синистра будет невиновна.

— Тёмный Лорд правда использует планы с таким уровнем вложенн...

— Да, — хором ответили Дамблдор и Северус.

Гарри рассеянно кивнул.

— Тогда это может быть ловушка, устроенная с целью либо заставить нас верить охранным чарам, когда они лгут, либо думать, что чары лгут, тогда как они правдивы, в зависимости от уровня мышления, которого ожидает от нас враг. Но если враг хочет заставить нас верить чарам... но мы бы и так им верили, если бы у нас не появилась причина им не доверять. Поэтому нет смысла подставлять профессора Квиррелла, чтобы мы подумали то, что должны подумать, просто чтобы мы поверили в план с дополнительной вложе..

— Не совсем, — перебил его Дамблдор. — Если Волдеморт подчинил себе охранные чары не полностью, то они должны были

счесть, что происходящее — дело рук кого-то из профессоров. Иначе чары подняли бы тревогу при ранении мисс Грейнджер, а не ждали бы её смерти.

Гарри потёр лоб под чёлкой.

Ладно, тогда самый важный вопрос. Если враг настолько умён, какого чёрта я до сих пор жив? Действительно ли настолько сложно отравить человека, потому что заклинания, зелья, bezoary вылечат буквально от всего, что можно подсыпать в завтрак? Зафиксируют ли это охранные чары, отслежат ли они магию убийцы?

Может, мой ирам содержит фрагмент души, который удерживает Тёмного Лорда в этом мире, и поэтому он не хочет убивать меня? Вместо этого он пытается лишить меня друзей, чтобы ослабить мой дух, а затем захватить моё тело? Это объясняло бы парселтангство. Возможно, Распределяющая шляпа не в состоянии обнаружить эту самую «филактерию лица». Очевидная нестыковка номер один: предполагается, что Тёмный Лорд создал свою «филактерию» в 1943 году, убив как-там-её-звали и подставив мистера Хагрида. Очевидная нестыковка номер два: такой штуки, как душа, не существует.

Хотя Дамблдор также предположил, что моя кровь — ключевой ингредиент в ритуале, который вернёт Тёмному Лорду его силу. А если так, я должен оставаться в живых до ритуала... Теперь эта мысль радует.

— Ладно, — сказал Гарри. — Я уверен в одном.

— И в чём же?

— Невилла нужно забрать из Хогвартса немедленно. Он очевидная следующая мишень, а ни один первокурсник не переживёт нападение такого уровня. Нам повезло, что Невилла не убили вчера вечером. Враг не обязан ждать, пока закончится траур, чтобы сделать следующий ход.

Почему враг не ударил, когда мы не были готовы?

Дамблдор обменялся взглядами с Северусом, затем с МакГонагалл, чьё лицо вдруг стало непроницаемым.

— Гарри, — сказал старый волшебник, — если ты сам избежишь от всех друзей, это будет то же самое, как если бы Волдеморт...

— Я прекрасно обойдусь без Невилла пару месяцев. Тем более, вряд ли вы планировали заставить моих друзей остаться здесь на лето. И вообще, это совершенно недостаточное оправдание, чтобы позволить его убить! Профессор МакГонагалл...

— Я полностью согласна, — сказала волшебница из Шотландии. — Я в высшей степени согласна. Я согласна до такой степени, что... У меня просто нет слов, чтобы описать, Альбус, насколько...

— Настолько, что вы вытащите его отсюда сами, невзирая на чьё-либо мнение, потому что, если Невилл погибнет, слова, что вы просто выполняли приказы, не будут оправданием? — вставил Гарри.

Профессор МакГонагалл на мгновение закрыла глаза.

— Да, но определённо должен быть какой-то способ вести себя ответственно, не угрожая самоуправством.

Директор вздохнул.

— В этом нет нужды. Действуйте, Минерва.

— Подождите, — остановил зельевар профессора МакГонагалл, которая уже поторопилась взять пригоршню дымлётного порошка из вазы у камина. — Не стоит привлекать внимание к мальчику, как директор уже привлёк внимание к близнецам Уизли. Думаю, будет разумнее, если мистера Лонгботтома заберёт его бабушка. Пусть пока он побудет в своей гостиной — судя по всему, Тёмный Лорд ещё не готов действовать настолько открыто.

Последовал очередной долгий обмен взглядами между ними четырьмя, наконец Гарри, а затем и профессор МакГонагалл кивнули.

— В таком случае, — сказал Гарри, — я уверен ещё в одном.

— И в чём? — спросил Дамблдор.

— Мне очень нужно посетить уборную и переодеться.

* * *

— Кстати, — сказал Гарри, когда они с директором перенеслись через камин в пустой кабинет декана Когтеврана. — Я хочу задать лично вам один последний маленький вопрос. Меч, который близнецы Уизли вытащили из Распределяющей шляпы, — это меч Гриффиндора, так?

Старый волшебник повернулся и спокойно посмотрел на мальчика.

— Почему ты так подумал, Гарри?

— Шляпа крикнула «Гриффиндор!» перед тем как выдать его, у меча было рубиновое навершие и золотые буквы на клинке, надпись на латыни: «Ничего лучше». Просто предположил.

— «Nihil superum», — сказал старый волшебник. — Смысл не совсем такой.

Гарри кивнул.

— М-м, и что вы с ним сделали?

— Я подобрал его там, куда он упал, и поместил в надёжное место, — старый волшебник строго посмотрел на Гарри. — Надеюсь, ты не желаешь заполучить его, юный когтевранец.

— Вовсе нет, просто хотел убедиться, что вы не пытаетесь навсегда утаить его от законных владельцев. То есть, получается, близнецы Уизли — Наследник Гриффиндора?

— Наследник Гриффиндора? — удивлённо переспросил Дамблдор. Затем он улыбнулся, и его голубые глаза ярко блеснули. — О, Гарри, Салазар Слизерин мог устроить Тайную Комнату в Хогвартсе, но Годрик Гриффиндор не был склонен к таким чудачествам. Мы знаем лишь, что Годрик оставил Меч для защиты Хогвартса, на случай, если достойный ученик когда-либо столкнётся с врагом, которого не сможет победить сам.

— Ваши слова не означают «нет». Не думайте, что я не заметил, что вы не сказали «нет».

— Я не жил в те времена, Гарри, и не знаю всего, что Годрик Гриффиндор мог сделать и чего не мог...

— Можете ли вы присвоить субъективную вероятность в пятьдесят процентов и выше возможности, что существует нечто вроде Наследника Гриффиндора и один или оба близнеца Уизли являются им. «Да» или «нет», уклонение от ответа тоже будет означать «да». Вам не удастся отвлечь меня, не важно, насколько сильно мне нужно в уборную.

Старый волшебник вздохнул.

— Да, Фред и Джордж Уизли — Наследник Гриффиндора. Пожалуйста, не говори им об этом, по крайней мере, пока.

Гарри кивнул.

— Я удивлён, — сказал он. — Я немного читал о жизни Годрика Гриффиндора. Близнецы Уизли... ну, они классные во многих смыслах, но они не слишком похожи на Годрика из исторических хроник.

— Только очень самодовольный и тщеславный человек, — спокойно ответил Дамблдор, поворачиваясь к камину, где уже ревели зелёное пламя, — будет считать, что его наследник должен быть похож на него самого, а не на того, кем он хотел бы быть.

Директор шагнул в зелёное пламя и исчез.

* * *

Встреча вторая (в маленьком укромном уголке рядом с гостиной Пуффендуя):

Вокруг не было ни души. Невилл Лонгботтом разговаривал с пустотой, и на его лице было написано страдание.

— Я серьёзно, — ответила ему пустота. — Я надел мантию-невидимку с экстра-защитой от обнаружения только для того, чтобы пройти по коридорам, потому что я не хочу, чтобы меня убили. Мои родители сразу же забрали бы меня из школы, если бы директор им позволил. Невилл, свалить из Хогвартса — это здравый смысл, и это совершенно никак не связано с...

— Я предал тебя, генерал, — сказал Невилл, его голос звучал так глухо, как только может получиться у обычного одиннадцатилетнего мальчика. — Причём даже не в стиле Хаоса. Я подчинился старшим и попытался заставить подчиниться и тебя. Ты же примерно так говорил Легиону Хаоса — солдат, который может лишь выполнять приказы, бесполезен?

— Невилл, — решительно сказала пустота. Невилл почувствовал на своих плечах руки, обёрнутые тонкой тканью, и голос приблизился. — Ты не подчинялся начальству слепо, ты пытался защитить меня. Это правда, в нашем хаотичном мире солдаты, которые могут только выполнять правила и инструкции, ничего не стоят. Но солдаты, которые следуют правилам, чтобы защитить своих друзей...

— Стоят чуть больше, чем ничего? — горько спросил Невилл.

— Гораздо больше, чем ничего. Невилл, ты принял неверное решение. Это стоило мне примерно шести секунд. Возможно, Гермiona бы выжила, будь её раны чуть менее смертельны, но даже при этом, сомневаюсь, что за шесть секунд тролль успел откусить от неё ещё один кусок. В параллельном мире, где ты не преградил мне дорогу, Гермiona всё равно бы умерла. Я могу зачитать тебе первую дюжину пунктов из списка, как Гермiona могла бы выжить, если бы я не был идиотом...

— Ты? Сам ты сразу побежал за ней. А я пытался остановить тебя. Если тут кто-то виноват, то это я, — горько закончил Невилл.

Пустота немного помолчала.

— Ух ты, — наконец донеслось из воздуха. — Да уж. Должен сказать, ты заставил меня посмотреть на кое-что совсем с другой стороны. Я вспомню это в следующий раз, когда вознамерюсь взять на себя вину за что-нибудь. Невилл, в литературе такое называется «эффектом эгоцентричности». Смысл в том, что ты переживаешь то, что происходит с тобой, но не чувствуешь всего остального, что происходит в мире. Вчера произошло очень-очень много всего, что оказалось гораздо важней, чем твоя попытка остановить меня. Ты потратишь недели, вспоминая эти шесть секунд, но, поверь, больше никто не будет этим заморачиваться. Другие люди думают

о твоих прошлых ошибках гораздо меньше, чем ты сам, поскольку ты — не центр их мира. Я гарантирую тебе, что ни у кого, кроме тебя, и мысли не было обвинить Невилла Лонгботтома в том, что произошло с Гермионой. Ни на секунду. Ты, прошу прощения за формулировку, — балбес. А теперь заткнись и попроси́йся.

— Я не хочу прощаться, — ответил Невилл. Его голос дрожал, но он смог сдержать слёзы. — Я хочу остаться здесь и сражаться вместе с тобой против... против чего бы то ни было.

Пустота придвинулась ближе и обняла его. Голос Гарри Поттера прошептал:

— Не повезло.

Глава 95

Роли. Часть 6

Встреча третья:
(10:31, 17 Апреля 1992 года)

Весна уже началась, но воздух позднего утра ещё сохранял зимнюю свежесть. Среди лесной травы цвели нарциссы. Их мягкие жёлтые лепестки с золотыми сердцевинами вяло покачивались на почерневших мёртвых стебельках, повреждённых или погибших от внезапных заморозков, которые часто случаются в апреле. В Запретном лесу встречались более странные формы жизни, по меньшей мере кентавры и единороги, а кое-кто заявлял, что там водятся оборотни. Хотя судя по тому, что Гарри успел прочесть о настоящих оборотнях, в этих рассказах не было ни малейшей капли здравого смысла.

Но причин рисковать не было, поэтому к границам Запретного леса Гарри не приближался. Он брёл невидимкой по разрешённому лесу среди более привычных форм жизни. В руке Гарри сжимал палочку. Метлу он закинул за спину, чтобы ей было легче воспользоваться, случись что. Гарри не боялся. Он находил это странным, но не боялся. Состояние постоянной бдительности, готовности к бою или полёту не было в тягость и даже не казалось ненормальным.

Гарри шагал по краю разрешённого леса, держась подальше от протоптанных тропинок, где его было бы легче найти, но оставаясь в виду окон Хогвартса. Будучи невидимым, он не мог посмотреть на запястье, поэтому заранее установил будильник своих механических часов на время обеда. Это навело его на вопрос — как работают его очки, пока на нём надета Мантия? Закон исключённого третьего, казалось, подразумевал, что фотоны должны либо поглощаться родопсином в его сетчатке и преобразовываться в нейронные импульсы, либо проходить его тело насквозь, но не одновременно. И казалось всё более вероятным, что свойства мантий-невидимок, позволяющие смотреть вокруг, но оставаться невидимым самому, на некоем фундаментальном уровне были следствием того, что их создатель не просто «хотел», а «безоговорочно верил» в то, что именно так невидимость и должна работать.

Что, в свою очередь, наводило на мысль, не пробовал ли кто-нибудь с помощью Конфундуса или Легилименции добиться, чтобы какой-нибудь волшебник окончательно и безоговорочно поверил, что *Исправитус Всёус* должно быть простым заклинанием для первокурсников, а затем попытался его изобрести.

Или, например, найти подходящего маглорождённого в стране, где их не умеют определять, и солгать ему по-крупному. Выдумать всю историю от начала до конца и подобрать нужные свидетельства, чтобы у того с самого начала были иные представления о возможностях магии. Хотя, очевидно, ему всё равно придётся изучить какое-то количество заклинаний, прежде чем он станет способен изобретать свои...

Это могло и не сработать. Наверняка в истории уже были естественным образом спятившие волшебники, которые свято верили в свою способность стать богами, но всё же ими не стали. Впрочем, вероятно, даже безумцы считали, что заклинание всемогущества должно быть грандиозным впечатляющим ритуалом, а не каким-то тщательно выверенным движением палочки и словами «Станус Богус».

Гарри уже был практически уверен, что это будет нелегко. Но вопрос — «почему?». К какому шаблону привык его мозг? Можно ли заранее узнать, в чём заключается эта сложность?

Гарри как раз размышлял над этим вопросом, когда внезапно у него появилось лёгкое ощущение опасности. Какое-то непонятное беспокойство. Безымянная тревога росла, становилась острее...

Профессор Квиррелл?

— Мистер Поттер, — негромко окликнули его сзади.

Гарри крутанулся на месте. Рука потянулась к Маховику времени, спрятанному под мантией. И опять же — готовность немедленно сбежать казалась совершенно естественной.

По опушке леса, со стороны замка Хогвартс, к нему медленно приближался профессор Квиррелл, демонстрируя пустые ладони.

— Мистер Поттер, — повторил профессор Квиррелл. — Я знаю, что вы здесь. Вы знаете, что я знаю, что вы здесь. Мне нужно с вами поговорить.

Гарри молчал. Профессор Квиррелл ещё не объяснил в чём дело, а после утренней прогулки вдоль края леса на Гарри снизошло молчаливое настроение.

Профессор Квиррелл сделал короткий шаг влево, затем вперёд, а потом направо. Потом он наклонил голову, словно что-то вычисляя, и двинулся напрямик туда, где стоял Гарри*. Остановился

профессор лишь в нескольких шагах, когда сгустившееся ощущение тревоги стало почти непереносимым.

— Вы по-прежнему уверены в выбранном пути? — спросил профессор Квиррелл. — Том пути, о котором говорили вчера.

Гарри не отозвался.

Профессор вздохнул.

— Я многое сделал для вас. Что бы вы обо мне ни думали, вы не можете это отрицать. Я прошу вас частично вернуть ваш долг передо мной. Поговорите со мной, мистер Поттер.

Сейчас мне этого совсем не хочется, — подумал Гарри, а потом: — *А, точно.*

* * *

Два часа спустя, после того как Гарри повернул на один оборот свой Маховик времени, записал точное время и запомнил своё точное расположение, погулял час, зашёл к профессору МакГонагалл и сообщил, что в данный момент он разговаривает с профессором Защиты в лесу за пределами Хогwartса (просто на случай, если с ним что-то случится), погулял ещё час, вернулся в изначальное положение ровно через час после того, как ушёл оттуда, он снова повернул Маховик времени...

* * *

— Что это было? — спросил профессор Квиррелл, моргнув. — Вы только что...

— Не важно, — ответил Гарри, не снимая капюшона мантии-невидимки и не убирая руку с Маховика времени. — Да, я по-прежнему твёрд в своём решении. Честно говоря, думаю, мне не стоило ничего вам говорить.

Профессор Квиррелл наклонил голову.

— Подход, который пригодится вам в жизни. Может ли что-нибудь заставить вас передумать?

— Профессор, если бы я знал о существовании аргумента, способного изменить моё решение...

— Да, это верно для таких, как мы. Но вы бы удивились, узнав, сколь часто люди знают, что они хотят услышать, но ждут, пока это не будет произнесено вслух, — профессор Квиррелл покачал головой. — Выражаясь привычным для вас языком... существует

достоверный факт, известный мне, но неизвестный вам, который я хотел бы донести до вас, мистер Поттер.

Гарри поднял брови, хотя тут же сообразил, что профессор Квиррелл этого не увидит.

— Да, этот язык мне привычен. Продолжайте.

— Намерение, которое у вас сформировалось, намного опаснее, чем вы можете себе представить.

Ответ на это неожиданное заявление пришёл в голову почти сразу:

— Что вы называете опасным, и скажите, что вы знаете и почему вы думаете, что вы это знаете.

— Иногда, — ответил профессор Квиррелл, — сказать кому-то об опасности — значит направить его прямо к ней. Я не собираюсь допустить, чтобы так случилось в этот раз. Вы хотите, чтобы я сказал вам, чего точно нельзя делать? Чего именно я опасюсь? — он покачал головой. — Если бы вы родились в семье волшебников, мистер Поттер, вы бы знали, что если могущественный маг говорит вам быть осторожнее, то к этому уже стоит отнестись всерьёз.

Было бы неправдой сказать, что Гарри не почувствовал раздражения, но он не был идиотом и потому спросил лишь:

— Есть ли что-то, что вы можете мне сказать?

Профессор Квиррелл осторожно опустился на траву и достал свою палочку. Его рука приняла знакомое положение, и у мальчика перехватило дыхание.

— Последний раз, когда я могу сделать это для вас, — тихо сказал профессор Квиррелл и начал произносить странные слова на языке, который Гарри не мог определить, с интонацией, которая казалась не вполне человеческой, слова, которые ускользали из памяти Гарри, и хотя он пытался их запомнить, они покидали его разум в тот же миг, как попадали туда.

На этот раз заклинание действовало медленнее. Деревья потемнели, листья и ветки стали чёрными, словно Гарри смотрел через солнечные очки отличного качества, проходя сквозь которые свет тускнел и становился слабее, но не искажался. Голубая чаша неба растаяла, горизонт, который казался иллюзорно достижимым, отдалился и стал серым, а затем тёмно-серым. Облака стали полупрозрачными, прозрачными, фантомными, не заслоняющими просвечивающую тьму.

Лес выплел, погрузился в тень и исчез в черноте.

Зрение Гарри приспособилось к темноте, и перед его глазами снова предстала великая небесная река. Для человеческого глаза

все гигантские космические объекты кажутся точками, кроме одного — Млечного Пути.

И звёзды, пронзительно яркие и всё же далёкие, взирали из великой глубины.

Профессор Квиррелл глубоко вздохнул. Потом он снова поднял свою палочку (её было едва видно при свете одних только звёзд, без солнца и луны) и коснулся ею своей головы со звуком разбивающегося яйца.

Профессор Защиты тоже исчез, став невидимым, как и всё остальное.

Крошечный пятачок травы, не занятый никем и едва видимый в слабом свете, дрейфовал в пустоте.

Какое-то время оба молчали. Гарри довольствовался тем, что смотрел на звёзды, не отвлекаемый ничем, даже видом собственного тела. Что бы ни собирался сказать ему профессор Защиты, всё будет сказано в своё время.

Когда время пришло, из пустоты донёсся тихий голос.

— Здесь нет войны. Ни разногласий, ни битв, ни политики, ни предательства, ни смерти, ни жизни. Всё это — лишь людская глупость. Звёзды выше подобных глупостей, глупости не могут их коснуться. Здесь царит мир и вечная тишина. Так я думал прежде.

Гарри повернул голову на звук речи, но увидел только звёзды.

— Так вы думали прежде? — переспросил Гарри, когда продолжения не последовало.

— Нет ничего выше человеческой глупости, — прошептал голос из пустоты. — Ничто не застраховано от разрушительной силы достаточно разумного идиотизма, даже сами звёзды. Мне стоило немалых хлопот сделать определённую золотую табличку вечной. Я не хочу увидеть, как она будет уничтожена человеческой глупостью.

Глаза Гарри снова рефлекторно метнулись к тому месту, откуда слышался голос, но там по-прежнему была лишь пустота.

— Думаю, я могу успокоить вас на этот счёт, профессор. Ядерное оружие не создаёт огненных шаров радиусом... как далеко сейчас «Пионер-11»? Где-то около миллиарда километров? Маглы говорят, что ядерное оружие уничтожит мир, но на самом деле они имеют в виду лишь лёгкий подогрев поверхности Земли. Солнце — гигантский ядерный реактор, но оно не испаряет далёкие космические зонды. Уничтожить Солнечную систему не получится даже при худшем сценарии ядерной войны, хотя нельзя сказать, что это сильно утешает.

— Это правда, если говорить о маглах, — ответил ему голос среди звёзд. — Но что маглы знают об истинном могуществе? Не они пугают меня сейчас, а вы.

— Профессор, — осторожно начал Гарри, — я признаю, мне несколько раз за жизнь выпадали критические неудачи, но есть некоторая разница между ними и спас-броском, проваленным настолько, что «Пионер-11» окажется в радиусе взрыва*. Нет практического способа сделать это, не взорвав Солнце. И, предупреждая ваш вопрос, наше Солнце относится к звёздам спектрального класса G, оно просто не может взорваться. Любая дополнительная энергия только увеличит объём водородной плазмы, у Солнца нет вырожденного ядра, которое может взорваться. У Солнца не будет достаточно массы для того, чтобы стать сверхновой, даже к концу его существования.

— Какие удивительные вещи выяснили маглы, — пробормотал голос, — о том, как живут звёзды, как они защищены от смерти, как они умирают. Но маглы никогда не задаются вопросом, насколько опасно это знание.

— Если честно, профессор, именно эта мысль никогда не приходила в голову даже мне.

— Вы маглорождённый. Я имею в виду не кровь, а то, как прошло ваше детство. Это даёт свободу мысли, да. Но мудрость есть и в осторожности волшебников. Триста двадцать три года назад глупость одного человека уничтожила всю магическую Сицилию*. Во времена, когда появился Хогвартс, подобные происшествия случались чаще. В эпоху Мерлина — ещё чаще. О более древних временах судить трудно, поскольку от них сохранилось слишком мало.

— Это примерно на тридцать порядков отличается от взрыва Солнца, — заметил Гарри, потом спохватился. — Простите, это лишь бессмысленная придирка. Я согласен, что взорвать страну — это тоже плохо. В любом случае, профессор, я не планирую делать ничего подобного.

— Ваш выбор тут ни при чём, мистер Поттер. Если бы вы читали больше книг, написанных волшебниками, и меньше магловских сказок, вы бы знали. В серьёзной литературе волшебник, чья глупость грозит выпустить на волю Шаркающих Скелетов, не приходит к такому решению сознательно, это возможно лишь в детских книжках. У этого по-настоящему опасного волшебника, скорее, есть какие-то замыслы, которые должны принести ему великую славу, и несомненная перспектива потерять эту славу и прожить жизнь в неизвестности представится ему более ярко, чем неведомое будущее, в котором он уничтожает

свою страну. Или, возможно, он пообещал, что добьётся успеха кому-то, кого ему невыносимо жаль разочаровывать. Может, его дети нуждаются в помощи. В подобных историях много буквальной мудрости. Она рождена из сурового опыта и городов, обращённых в пепел. Катастрофа вероятнее всего, если могущественный волшебник — не важно по какой причине — не может заставить себя остановиться, когда появляются предупреждающие знаки. Пусть даже он много и громко разглагольствует об осторожности — он просто не в состоянии остановиться... Скажите, мистер Поттер, задумывались ли вы над тем, чтобы попробовать что-то из того, что Гермиона Грейнджер сама сказала бы вам не делать?

— Да, в чём-то вы правы, — сказал Гарри. — Профессор, я хорошо понимаю, что, если я спасу Гермиону ценой двух других человеческих жизней, я проиграю в общем счёте с точки зрения утилитаризма. Я прекрасно понимаю, что Гермиона бы не хотела, чтобы я рисковал целой страной ради её спасения. Это просто здравый смысл.

— Дитя, уничтожающее дементоров, — произнёс тихий голос, — если бы я боялся, что вы можете разрушить лишь одну страну, я был бы менее обеспокоен. Сперва я не верил, что ваше знание магловской науки и технологий может стать источником великой силы. Теперь верю. Я совершенно искренне озабочен сохранностью той золотой таблички.

— Ну, если научная фантастика и научила меня чему-то, — сказал Гарри, — так это тому, что уничтожать Солнечную систему морально неприемлемо, особенно до того, как человечество колонизирует любую другую звёздную систему.

— То есть вы оставите...

— Нет, — Гарри не раздумывал над ответом ни секунды и сразу же добавил: — Но я понимаю, что вы пытаетесь мне сказать.

Молчание. Звёзды не двигались, хотя на ночном небе Земли за это время они бы успели немного переместиться.

Лёгкий шорох, как если бы кто-то пошевелился. Гарри осознал, что уже довольно долго стоит в одной и той же позе, и опустился на практически невидимый кружок травы под ним, стараясь не задеть края заклинания.

— Скажите мне, — послышался голос. — Почему эта девочка так много для вас значит?

— Потому что она мой друг.

— В повседневном английском языке, мистер Поттер, слово «друг» не ассоциируется с отчаянными попытками воскресить мёр-

твоего. У вас сложилось впечатление, что она ваша истинная любовь или что-то в этом духе?

— О, нет, и вы тоже, — устало сказал Гарри. — От вас я этого не ожидал, профессор. Хорошо, она мой лучший друг, но на этом всё, понятно? Этого достаточно. Друзья не позволяют своим друзьям оставаться мёртвыми.

— Обычные люди не идут на такое ради тех, кого они называют друзьями, — теперь голос звучал более отстранённо, рассеянно. — Даже ради тех, кого они называют любимыми. Их спутники умирают, и они не отправляются на поиски силы, которая позволит оживить умерших.

Гарри не удержался. Он опять оглянулся на говорящего, хотя и понимал, что это бессмысленно, и увидел лишь звёзды.

— Дайте я угадаю, из этого вы делаете вывод, что... люди, на самом деле, больше притворяются, чем действительно заботятся о своих друзьях.

Короткий смешок.

— Вряд ли они смогли бы притвориться, что заботятся *меньше*, чем на самом деле.

— Они заботятся, профессор, и не только о тех, кого считают своей истинной любовью. Солдаты кидаются грудью на гранаты, чтобы спасти своих друзей, матери бросаются в горящие дома, чтобы спасти своих детей. Но маглы не знают, что существует магия, которая способна вернуть кого-то к жизни. А обычные волшебники... они не способны думать нестандартно. В смысле, большинство волшебников не ищет, как сделать бессмертным даже себя. Значит ли это, что они не заботятся о своей собственной жизни?

— Именно так, мистер Поттер. Естественно, я сам всегда считал их жизни бессмысленными и ничего не стоящими. Наверняка, где-то в глубине души они и сами понимают, что моё мнение о них верно.

Гарри покачал головой, а потом раздражённо скинул капюшон мантии и покачал головой ещё раз.

— Это весьма утрированная точка зрения на мир, профессор, — сказала едва освещённая голова мальчика, висящая без поддержки над клочком тёмной травы посреди звёзд. — Обычному человеку просто не придёт в голову изобрести заклинание воскрешения, и из отсутствия таких попыток ничего вывести нельзя.

Через мгновение стал видимым едва освещённый силуэт мужчины, сидящего на траве.

— Если бы они по-настоящему заботились о тех, кого якобы любят, — тихо сказал профессор Защиты, — они бы подумали об этом, не так ли?

— Мозг устроен иначе. Никто не становится гением из-за повышения ставок — если улучшения и происходят, то лишь в жёстких пределах. Я не смогу вычислить в уме число Пи до тысячного знака, даже если от этого будет зависеть чья-то жизнь.

Едва освещённая голова кивнула.

— Но есть и другие возможные объяснения, мистер Поттер. Например, что люди лишь играют роль друга. Они делают ровно столько, сколько эта роль от них требует, и не более того. Мне пришла в голову мысль, что, возможно, вы отличаетесь от них не тем, что заботитесь о друзьях больше. С чего бы вам родиться с таким необычно сильным чувством дружбы, что вы оказались единственным среди всех волшебников, кто захотел оживить Гермиону Грейнджер после её смерти? Нет, вероятнее всего, отличие вовсе не в том, что вы больше заботитесь о друге. Думаю, будучи более логичным существом, лишь вы один думаете, что роль «друга» требует этого от вас.

Гарри уставился на звёзды. Было бы неправдой сказать, что он не был потрясён.

— Это... не может быть правдой, профессор. Я могу назвать дюжину героев из магловской художественной литературы, которые пытались оживить своих мёртвых друзей. Авторы этих книг точно понимали, что именно я чувствую по отношению к Гермионе. Хотя, вы их не читали, разве что... как насчёт «Орфея и Эвридики»? На самом деле, я сам не читал эту книгу, но знаю, о чём она.

— Волшебники тоже рассказывают такие сказки. Есть история братьев Элриков. История Доры Кент, которую пытался защитить её сын Саул. Есть история об Рональде Малетте и его роковом вызове самому времени. Перед падением Сицилии там была популярна драма о Преции Тестароссе. В Японии рассказывают сказку про Акеми Хомуру и её потерянную любовь*. Что во всех этих историях общего, мистер Поттер, так это то, что все они выдуманные. Настоящие волшебники не делают подобных попыток, не смотря на то, что сама идея точно не находится за рамками их воображения.

— Потому что они не думают, что это возможно! — воскликнул Гарри.

— Давайте пойдём к нашей замечательной профессору МакГонагалл и расскажем ей о вашем намерении найти способ воскресить Гермиону Грейнджер? Послушаем, что она думает об этом? Наверняка,

эта мысль просто не приходила ей в голову... А, вы колеблетесь. Вы уже знаете её ответ, мистер Поттер. Вы знаете, почему вы его знаете? — в голосе профессора была слышна холодная усмешка. — Милый приём. Спасибо, что научили меня ему.

Гарри чувствовал, как напряглось его лицо. Слова с трудом срывались с его губ.

— Профессор МакГонагалл не познакомилась в детстве с магловской идеей о всевозрастающей силе науки, и никто никогда не говорил ей, что, если на кону жизнь друга, следует мыслить очень рационально...

Профессор Защиты также повысил голос:

— Профессор трансфигурации действует по сценарию, мистер Поттер! Сценарий призывает её скорбеть и оплакивать, чтобы все видели, что ей не всё равно. Обычные люди плохо реагируют на предложение отойти от сценария. Как вы и сами уже знаете!

— Забавно, готов поклясться, что вчера за ужином я видел, как профессор МакГонагалл отошла от сценария. Если я ещё с десятков раз увижу, как она это делает, возможно, я действительно попытаюсь поговорить с ней о воскрешении Гермионы. Но пока профессор МакГонагалл не привыкла отходить от сценария, и ей надо практиковаться. В конце концов, профессор, то поведение людей, которое вы объясняете, заявляя, что любовь, дружба и всё остальное — ложь, означает лишь, что они не знают, как поступать лучше.

Голос профессора Защиты стал выше.

— Если бы вас убил тот тролль, у Гермионы Грейнджер не возникло бы и мысли искать способ воскресить вас! Этой мысли бы не возникло ни у Драко Малфоя, ни у Невилла Лонгботтома, ни у МакГонагалл, ни у любого другого вашего близкого друга! Никто в мире не стал бы заботиться о вас так же, как вы заботитесь о ней! Так почему?! Зачем вам это, мистер Поттер? — в голосе профессора послышалось странное, дикое отчаяние. — Зачем вам быть единственным человеком в мире, зашедшим так далеко в своём притворстве, если никто не сделает того же для вас?

— Я считаю, что вы ошибаетесь, профессор, — спокойно ответил Гарри. — Причём во многом. Как минимум, неверна ваша модель моих эмоций. Потому что вы меня ни капельки не понимаете, если думаете, что, будь сказанное вами правдой, это бы меня остановило. Всё в мире должно где-то начинаться, всё должно когда-то произойти в первый раз. Жизнь на Земле началась с маленькой самовоспроизводящейся молекулы в луже грязи. И если бы я был первым человеком на Земле, нет...

Гарри протянул руку к ужасно далёким точкам света.

— Если бы я был первым человеком во всей вселенной, который действительно заботился бы о ком-нибудь другом — а я им никак не являюсь — я бы гордился, что этот человек — я, и старался бы изо всех сил.

Последовала длительная тишина.

— Вы воистину заботитесь об этой девочке, — тихо произнесла тускло подсвеченная фигура. — Вы заботитесь о ней так, как никто из них не в состоянии позаботиться о своей жизни, не говоря уже о чужой, — голос профессора Защиты стал странным, его переполняли какие-то не поддающиеся расшифровке эмоции. — Я этого не понимаю, но знаю, как далеко вы пойдёте ради этого. Ради этой девочки вы бросите вызов самой смерти. Ничто не сможет вам помешать.

— Я забочусь достаточно, чтобы приложить усилия по-настоящему, — тихо ответил Гарри. — Да, это верно.

Звёздный свет медленно начал раскалываться на кусочки, сквозь трещины проникло сияние мира. В дырах в ночи показались стволы и листья деревьев, блестящие под солнцем. Вернувшийся яркий свет ударил по привыкшим к темноте глазам, и Гарри, часто моргая, поднял руку. Взгляд машинально переместился на профессора Защиты, на случай, если тот нападёт, пока Гарри ослеплён.

Когда все звёзды исчезли и остался только дневной свет, профессор Квиррелл всё ещё сидел на траве.

— Что ж, мистер Поттер, — сказал он нормальным голосом, — если ваше решение таково, я окажу вам любую помощь, какая будет в моих силах, пока у меня ещё есть эти силы.

— Правда?! — непроизвольно вырвалось у Гарри.

— Моё вчерашнее предложение по-прежнему действует. Спрашивайте, и я отвечу. Покажите мне книги по науке, которые вы сочли подходящими для мистера Малфоя, я просмотрю их и скажу, что мне придёт в голову. Не смотрите так удивлённо, мистер Поттер, вряд ли мне стоит предоставлять вас самому себе.

Гарри уставился на профессора. Глаза всё ещё слезились от внешнего света.

Профессор Квиррелл посмотрел в ответ. Что-то странное блеснуло в его глазах.

— Я сделал, что мог, и, боюсь, теперь должен вас покинуть. Хорошего... — поколебался профессор Защиты. — Хорошего дня, мистер Поттер.

— Хорошего... — начал Гарри.

Сидевший на траве мужчина упал, его голова коснулась земли с лёгким стуком. В то же время чувство тревоги ослабло так резко, что Гарри от неожиданности вскочил, сердце вдруг ушло в пятки.

Но тело на земле медленно поднялось на четвереньки. Повернулось к Гарри — глаза были пусты, рот приоткрылся. Попыталось встать и упало обратно на землю.

Гарри шагнул вперёд. Инстинкт подсказывал предложить руку, хотя это было неправильно. Появившееся беспокойство, пусть и слабое, говорило, что опасность никуда не делась.

Но упавшее тело дёрнулось прочь, а затем медленно поползло от него в сторону замка.

Мальчик стоял посреди деревьев и смотрел вслед.

Глава 96

Роли. Часть 7

Встреча четвёртая:
(16:38, 17 апреля 1992 года)

Человек в поношенном тёплом пальто, на щеке которого были едва заметны три шрама, оставшихся на всю жизнь, очень пристально наблюдал за Гарри Поттером. Мальчик вежливо изучал ряды невысоких домов. Для ребёнка, у которого вчера погиб лучший друг, Гарри Поттер казался удивительно спокойным. И хотя его спокойствие ничуть не напоминало равнодушие, назвать его нормальным тоже было нельзя. «Я не желаю говорить об этом», — сказал мальчик, — «ни с вами и ни с кем другим». «Не желаю» вместо «не хочу» словно подчёркивало, что он способен использовать взрослые слова и принимать взрослые решения. Когда к Ремусу Люпину прилетели совы с письмами от профессора МакГонагалл и того странного человека, Квиринаса Квиррелла, он задумался, как можно помочь мальчику, и в голову пришла лишь одна мысль.

— Сколько пустых домов, — сказал мальчик, снова осматриваясь.

За десять лет, которые прошли с тех пор, как Ремус Люпин был здесь частым гостем, в Годриковой Лощине многое изменилось. Большинство старых домов с островерхими крышами теперь казались заброшенными, их окна и двери заросли пышным зелёным плющом. За время Войны Волшебников население магической Британии заметно сократилось — не только за счёт погибших, но и за счёт уехавших. Годрикова Лощина пострадала особенно сильно. А после войны многие семьи предпочли куда-нибудь отсюда уехать, в Хогсмид или в магический Лондон — слишком неприятным напоминанием был вид опустевших домов.

Но некоторые остались. Годрикова Лощина была старше Хогвартса, старше Годрика Гриффиндора, чьё имя она носила, и были семьи, которые намеревались жить здесь до конца мира и его магии.

Одной из таких семей были Поттеры. Возможно, будут и дальше, если так решит последний из них.

Ремус Люпин постарался объяснить всё как можно проще, чтобы мальчик его понял. Когтевранец задумчиво кивнул, но ничего не ответил, словно ему и так всё было ясно безо всяких вопросов. Возможно, так оно и было — ребёнок Джеймса Поттера и Лили Эванс, главных старост Хогвартса, вряд ли мог оказаться глупым. За время их короткой беседы в январе у Ремуса сложилось впечатление, что мальчик очень умён, хотя тогда в основном говорил сам Ремус.

(До Ремуса, конечно, дошли слухи о происшествии в Визенгамоте, но он не поверил ни единому слову. Как не поверил до этого, что Джеймс обручил своего сына с дочерью Молли.)

— Вот и памятник, — сказал Ремус, указывая вперёд.

* * *

Гарри шагал рядом с мистером Люпином к чёрному мраморному обелиску и молча размышлял. Вся эта прогулка казалась ему какой-то ошибкой. Он не хотел моральной поддержки и утешений, он выбрал другой путь. Для самого Гарри пятью стадиями переживания горя были ярость, раскаяние, решимость, исследования и воскрешение. (А не общеизвестные «пять стадий», которые, насколько он знал, никто не подтвердил экспериментально.)* Но мистер Люпин так искренне хотел помочь, и к тому же Гарри казалось, что он не имеет права отказываться от предложения посмотреть дом Джеймса и Лили. И вот, Гарри молча шагал к обелиску, чувствуя себя удивительно отстранённо, словно он — герой пьесы, сценарий которой ему было неинтересно читать.

Гарри объяснили, что в этот раз ему не нужно надевать Мантию невидимости, чтобы мистер Люпин мог за ним присмотреть.

Гарри был совершенно уверен, что за ними незримо следует Дамблдор, а может, ещё и Шизоглаз Хмури, на случай, если кто-то решится клонуть на такую приманку. Гарри ни за что не отпустили бы из Хогвартса под охраной одного только Ремуса Люпина. Однако, Гарри не думал, что тут может что-то случиться. Пока ничто не противоречило гипотезе, что вся опасность связана с Хогвартсом и только с Хогвартсом.

Когда они подошли ближе к центру посёлка, мраморный обелиск превратился в...

Гарри глубоко вздохнул. Он ожидал увидеть Джеймса Поттера в героической позе, с палочкой, направленной на Лорда Волдеморта, а Лили Поттер — заслоняющей собой колыбельку.

Но вместо этого он увидел мужчину в очках, со взъерошенными волосами, и женщину с распущенными волосами и ребёнком на руках, и ничего больше.

— Выглядит очень... естественно, — сказал Гарри и почувствовал странный ком в горле.

— На этом настояли мадам Лонгботтом и профессор Дамблдор, — объяснил мистер Люпин, который смотрел больше на Гарри, чем на памятник. — Они сказали, что следует помнить, как Поттеры жили, а не как они умерли.

Гарри задумчиво глядел на изваяние. Очень странно было видеть самого себя в виде каменного младенца без шрама на лбу. Он словно заглянул в альтернативную вселенную, в которой Гарри Джеймс Поттер (без дополнения Эванс-Веррес к фамилии) стал умным, но обыкновенным учеником в школе магии. Наверное, гриффиндорцем, как его родители. Гарри Поттером, который бы вырос нормальным юным волшебником и знал бы что-то о науке только потому, что его мать была маглорождённой. И в итоге он смог бы изменить... немного. У сына Джеймса и Лили не было бы того, что профессор Квиррелл называет «целью», а профессор Веррес-Эванс — «обычными амбициями». Его родные родители очень сильно бы его любили, но это не помогло бы никому в этом мире, кроме самого Гарри. И если бы кто-то мог отменить их гибель...

— Вы были их другом, — сказал Гарри, поворачиваясь к Люпину, — очень долго, с самого детства.

Мистер Люпин молча кивнул.

В памяти зазвучал голос профессора Квиррелла:

Вероятнее всего, отличие совершенно не в том, что вы больше заботитесь о друге. Скорее, будучи более логичным существом, только вы думаете, что роль «друга» требует этого от вас...

— Когда Лили и Джеймс погибли, — спросил Гарри, — вам не приходила в голову мысль, что, быть может, есть какой-нибудь волшебный способ вернуть их? Как у Орфея и Эвридики? Или, как их там, братьев Эллинов?

— Никакая магия не может отменить смерть, — тихо ответил мистер Люпин. — Есть тайны, которых магия не в силах коснуться.

— Вы пробовали разобраться, что вы знаете и почему вы думаете, что это знаете, а также насколько вероятен такой вывод?

— Что? — переспросил мистер Люпин. — Гарри, повтори, пожалуйста.

— Я говорю, вы в принципе об этом думали?

Мистер Люпин покачал головой.

— Но почему?

— Потому что это уже свершилось, и уже ничего не изменишь, — мягко ответил Ремус Люпин. — Потому что, где бы Джеймс и Лили ни были сейчас, они бы хотели, чтобы я заботился о живых, а не о мёртвых.

Гарри молча кивнул. Он почти не сомневался, что ответ будет примерно таким. Этот сценарий он уже читал. Но Гарри всё равно спросил, на случай если он ошибается и мистер Люпин неделю всерьёз размышлял над этой идеей.

В голове Гарри, казалось, снова зазвучал тихий голос профессора Защиты:

Если бы Люпин по-настоящему заботился о своих друзьях, ему, конечно же, не понадобились бы особые указания для такой малости, как поразмыслить пять минут, прежде чем сдаваться...

Понадобились бы, — ответил Гарри этому внутреннему голосу. — Подобный навык не появляется из ниоткуда только потому, что человека заботит чья-то судьба. Я сам этому научился благодаря тому, что прочёл множество книг, порождённых огромной системой научных знаний.

Но есть и другая гипотеза, мистер Поттер, и она соответствует имеющимся данным с куда меньшими натяжками, — ответил внутренний голос.

Не соответствует! Откуда бы люди вообще знали, как надо притворяться, если бы всем всегда было наплевать на других?

Они и не знают. Именно это вы наблюдаете.

Гарри и мистер Люпин отправились дальше по длинной улице. Часть домов, мимо которых они проходили, выглядели обитаемыми. Другие — заросли плющом.

Наконец они оказались возле дома, у которого отсутствовала половина второго этажа. Ветви плюща поднимались по стенам и исчезали в провале. От тротуара дом отделяла живая изгородь высотой по плечо, с узкой металлической калиткой (мистер Хагрид, наверное, её просто перешагивал, потому что не смог бы через неё протиснуться). Казалось, какая-то гигантская пасть откусила от дома кусок, оставив торчать наружу деревянные конструкции — наверное, балки. Справа всё ещё возвышалась дымовая труба, её эта

пасть не задела, но без прежней поддержки она опасно покосилась. Окна были разбиты. Там, где должна была быть входная дверь, валялись лишь щепки.

Вот сюда когда-то и явился Лорд Волдеморт, очень *тихо, тише, чем опавшие листья шуршат по тротуару...*

Ремус Люпин тронул Гарри за плечо и сказал:

— Коснись калитки.

Гарри протянул руку и взялся за прутья.

Из зарослей возле калитки, словно мгновенно выросший цветок, выскочила деревянная табличка с золотыми буквами:

НА ЭТОМ МЕСТЕ НОЧЬЮ 31 ОКТЯБРЯ 1981 ГОДА
ПОГИБЛИ ЛИЛИ И ДЖЕЙМС ПОТТЕРЫ.
У НИХ ОСТАЛСЯ СЫН, ГАРРИ ПОТТЕР,
ЕДИНСТВЕННЫЙ В ИСТОРИИ ВОЛШЕБНИК,
ПЕРЕЖИВШИЙ СМЕРТЕЛЬНОЕ ПРОКЛЯТИЕ,
МАЛЬЧИК-КОТОРЫЙ-ВЫЖИЛ,
СЛОМИВШИЙ СИЛУ САМИ-ЗНАЕТЕ-КОГО.
ИХ ДОМ ОСТАВЛЕН РАЗРУШЕННЫМ,
КАК ПАМЯТНИК ПОТТЕРАМ,
КАК НАПОМИНАНИЕ ОБ ИХ ЖЕРТВЕ.

А на свободном месте под золотыми буквами виднелись дюжины других надписей. Сделанные магическими чернилами строки проявлялись на поверхности, ярко вспыхивали, чтобы их можно было прочитать, а затем исчезали, освобождая место другим.

Так был отмучён мой Гигеон.

Спасибо тебе, Гарри Поттер. Пусть удача пребывает с тобой, где бы ты ни был.

Мы всегда будем в долгу у Поттеров.

О Джеймс, о Лили, мне так жаль.

Надеюсь, что ты жив, Гарри Поттер.

За всё приходится платить.

Джеймс, я бы хотел, чтобы наша последняя встреча прошла теплее. Прости меня.

После ночи всегда приходит рассвет.

Покойся с миром, Лили.

Благослови тебя судьба, Мальчик-Который-Выжил. Ты стал для нас чудом.

— Видимо... — сказал Гарри, — видимо, именно этим люди и занимаются... вместо того, чтобы попытаться что-то исправить...

Гарри остановился. Здесь эта мысль казалась недостойной. Он поднял глаза на Ремуса Люпина и, встретив его мягкий взгляд, вновь посмотрел на разрушенную крышу.

«Ты стал для нас чудом». О «чудесах» Гарри доводилось слышать только в том смысле, что в природе никаких чудес не бывает. И всё-таки, глядя на разрушенный дом, он вдруг в точности понял, что означает это слово — знак совершенно непостижимой благодати, необъяснимое счастье. Тёмный Лорд почти что победил, и вдруг, в одну ночь, пришёл конец тьме и ужасу. Это было неоправданное спасение, внезапный свет во тьме, и даже теперь никто так и не знал почему...

Если бы Лили Поттер пережила своё столкновение с Лордом Волдемортом, то именно это она бы почувствовала потом, увидев своё дитя живым.

— Пойдёмте, — прошептало это дитя десять лет спустя.

И они двинулись дальше.

Вход на кладбище охраняли ворота без замка, поставленные, чтобы туда не забредали животные. Ремус достал палочку (свою Гарри уже держал в руках), и когда они прошли сквозь ворота, то ощутили, как окружающее пространство на мгновение утратило чёткость.

Некоторые из торчащих из земли надгробий казались такими же древними, как стена в Оксфорде, которой, по словам отца, было около тысячи лет.

«Халли Флеминг» — гласила практически стёртая временем надпись на первом камне, который увидел Гарри. «Виенна Вуд» — было написано на втором.

Последний раз Гарри был на кладбище очень давно — в далёком детстве, задолго до того, как он понял, что такое смерть. Сейчас ему всё казалось... странным, и печальным, и загадочным, и... *ведь это происходит уже так долго, почему же волшебники не пытаются это остановить, почему они не отдают все силы, как маглы со своими медицинскими исследованиями, и даже больше, ведь у волшебников есть куда больше причин надеяться...*

— Дамблдоры тоже жили в Годриковой Лощине? — спросил Гарри, когда они миновали два относительно новых надгробия, на которых было написано «Кендра Дамблдор» и «Ариана Дамблдор».

— Долгие-долгие годы, — ответил мистер Люпин.

Они шли по кладбищу, направляясь к дальнему краю, и у них за спиной оставалось множество смертей, каждую из которых кто-то оплакал.

Наконец, мистер Люпин указал на двойное надгробие из ещё не тронутого временем белого мрамора.

— Здесь тоже будут появляться надписи? — спросил Гарри. Ему совсем не хотелось снова примиряться с тем, как другие люди примиряются со смертью.

Мистер Люпин покачал головой.

Они подошли к надгробию, встали перед ним...

— Что это? — прошептал Гарри. — Кто... кто это написал?!

ДЖЕЙМС ПОТТЕР

27 марта 1960 года — 31 октября 1981 года

— Что написал? — озадаченно спросил мистер Люпин.

ЛИЛИ ПОТТЕР

30 января 1960 года — 31 октября 1981 года

— Вот это! — крикнул Гарри. — Эту надпись!

В его глазах стояли слёзы. Он смотрел на надгробие и ощущал совершенно неуместное здесь и непостижимое величие, прикосновение невозможного в этом месте счастья, таинственное благословение. Слёзы лились и лились...

ПОСЛЕДНИЙ ЖЕ ВРАГ ИСТРЕБИТСЯ — СМЕРТЬ

— Это? — переспросил мистер Люпин. — Это... девиз, полагаю, можно так сказать, девиз Поттеров. Хотя, кажется, официальным девизом он никогда не был. Просто крылатая фраза, которая передавалась в роду много-много лет...

— Но... как... — Гарри опустился перед могильной плитой на колени и дрожащей рукой коснулся надписи. — Как?! Ведь не генетически же...

И тут Гарри рассмотрел то, что раньше не мог увидеть из-за слёз — на плите едва различимо была высечена линия, заключённая в круг, вписанный в треугольник.

Символ Даров Смерти.

И тогда Гарри понял.

— Они пытались, — прошептал он.

Трое братьев Певереллов.

Они потеряли кого-то, кто был им дорог? С этого всё и началось?

— Не жалея жизни, они работали над этой задачей и добились успехов...

Мантия невидимости, которая может укрыть от взора дементоров.

— ...но они не закончили свой поиск...

Спрятаться от тени Смерти — ещё не значит победить саму Смерть. Камень воскрешения на самом деле не возвращает мёртвых. Старшая палочка не защищает от старости.

— ...и потому завещали дело своей жизни своим детям и детям своих детей.

Поколение за поколением.

И теперь эта задача досталась мне.

Может ли Время порождать такое эхо? Может ли далёкое прошлое настолько повторяться в далёком будущем? Случайное совпадение? Только не эта надпись и не в этом месте.

Моя семья.

Вы действительно были моими мамой и папой.

— Это не означает воскрешение мёртвых, Гарри, — сказал мистер Люпин. — Это означает принять смерть и таким образом подняться над ней, подчинить её.

— Это вам Джеймс так сказал? — странным голосом спросил Гарри.

— Нет, — ответил мистер Люпин. — Но...

— Хорошо.

Гарри медленно поднялся с колен. Казалось, на его плечах лежит само солнце, и он поднимает его над горизонтом.

Конечно же, другие волшебники тоже пытались. Я не уникален. Я никогда не был одинок на этом пути. Эти чувства в моём сердце, они вовсе не такие уж особенные, ни в волшебном мире, ни в магловском.

— Гарри, твоя палочка! — в голосе мистера Люпина прозвучало внезапное волнение, а когда Гарри поднял свою палочку, чтобы поближе её рассмотреть, то увидел, что она едва различимо мерцает серебристым светом, который как будто сочился из дерева.

— Вызови патронуса! — воскликнул мистер Люпин. — Попробуй вызвать его ещё раз, Гарри!

А, точно. Мистер Люпин же считает, что я не могу...

Гарри улыбнулся и даже коротко рассмеялся.

— Лучше не стоит, — ответил он. — Если я попробую произнести это заклинание в таком душевном состоянии, оно, наверное, меня убьёт.

— Что?! Заклинание Патронуса не может убить!

Всё ещё смеясь, Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес поднял левую руку и вытер с лица новые слёзы.

— Знаете, мистер Люпин, — сказал Гарри, — нужно обладать очень-очень причудливым мышлением, чтобы вообразить человека, который долго размышляет над тем, что смерть — это явление, которое мы все должны просто принять, а потом выражает свои мысли словами: «Последний же враг истребится — смерть». Может, кто-то другой решил, что эта фраза звучит поэтично, запомнил её и попробовал истолковать по-своему, но тому, кто сказал это впервые, смерть явно не очень-то нравилась.

Порой Гарри озадачивало, как большинство людей, судя по всему, даже не замечают, что они переворачивают смысл некоторых высказываний на 180 градусов от изначального, вполне очевидного прочтения. Ведь дело же не в мыслительных способностях, большую часть высказываний люди понимают в соответствии с их очевидным смыслом.

— Кроме того, «истребится» — относится к будущему времени, а не к настоящему.

Ремус Люпин глядел на него широко раскрытыми глазами.

— Ты действительно сын Джеймса и Лили, — несколько удивлённо произнёс он.

— Так и есть, — ответил Гарри.

Но этого ему показалось недостаточно, нужно было сделать что-то ещё, поэтому Гарри высоко поднял свою палочку и как можно увереннее произнёс:

— Я — Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес, сын Лили и Джеймса, из Дома Поттеров, и я принимаю миссию моего рода. Смерть — мой враг, и я её уничтожу.

Трэен беин Певерлас суна анд три хира тоул тиссум Дас бей евуен.

— Что? — вслух спросил Гарри. Эти слова вдруг необъяснимым образом возникли в его сознании, словно это были его собственные мысли.

— Что это было? — одновременно с ним спросил Ремус Люпин.

Гарри обернулся и осмотрел кладбище, но так ничего и не увидел. Мистер Люпин тоже огляделся по сторонам.

Ни один из них не заметил высокого надгробия, выглядевшего так, словно ему тысяча лет, на котором бледным серебристым светом — таким же, какой шёл от палочки Гарри — разгорался знак: линия, заключённая в круг, вписанный в треугольник. Это надгробие было от них довольно далеко, да и солнце светило ещё ярко.

* * *

Некоторое время спустя:

— Ещё раз спасибо вам, мистер Люпин, — сказал Гарри высокому мужчине с бледными шрамами на лице, который уже собрался уходить. — Хотя всё-таки куда лучше было бы, если бы вы не...

— Профессор Дамблдор чётко указал, чтобы я сразу же воспользовался портключом в Хогвартс, если произойдёт что-то необычное. Даже если это не будет похоже на нападение, — твёрдо ответил мистер Люпин. — И это в высшей степени благоразумно.

Гарри кивнул, а потом задал свой вопрос, который умышленно приберёг напоследок:

— У вас есть хоть какие-то идеи о том, что значили эти слова?

— Даже если бы и были, я бы тебе не сказал, — несколько сурово ответил мистер Люпин. — Во всяком случае, без разрешения профессора Дамблдора. Я понимаю твой живой интерес, но тебе не стоит копаться в фамильных секретах Поттеров, пока ты не повзрослеешь. То есть, пока ты не сдашь ТРИТОНы или хотя бы СОВы. И я по-прежнему считаю, что ты совершенно неправильно понял смысл своего родового девиза!

Гарри кивнул, вздохнул про себя и распрощался с мистером Люпином.

* * *

Гарри возвращался в башню Когтеврана, ощущая странный прилив сил. В итоге прогулка получилась замечательной, хотя он и не ожидал ничего подобного.

Мальчик направлялся в спальню первокурсников. Когда он пересекал гостиную Когтеврана, перед ним из ниоткуда выскользнуло сияющее существо — к блеску свечей гостиной добавилось мягкое мерцание серебристой змеи.

* * *

*þregen béon Þefearles suna and þrie hira tól þissum Déað béo
gewunnen.*

*Трое будет сынов Певерелла и три их предмета, коими
Смерть побеждена будет.*

*Сказано в присутствии трёх братьев Певереллов
в маленькой таверне на окраине поселения,
которое позже назвали Годриковой Ложиной.*

Глава 97

Роли. Часть 8

Второй раз за день глаза Гарри наполнились слезами. Не обращая внимания на озадаченные взгляды присутствовавших когтевранцев, он поднял серебряное существо, присланное Драко Малфоем, прижал к себе, как живое, и, спотыкаясь, почти вслепую отправился в спальню, а оттуда в подвал своего сундука. Серебряная змея в его руках молча ждала.

* * *

Встреча пятая: 10:12, воскресенье, 19 апреля.

Встреча с дебитором, которую потребовал лорд Малфой от Гарри Поттера, задолжавшего Люциусу Малфоем примерно 58203 галлеона, была назначена согласно законам Британии в Центральном банке Гринготтс.

Это требование вызвало противодействие со стороны Верховного Чародея Дамблдора, который попытался не допустить, чтобы Гарри Поттер покинул пределы безопасности Хогвартса (услышав эту фразу, Гарри Поттер поднял руки и молча нарисовал кавычки в воздухе). В свою очередь, Мальчик-Который-Выжил тихо поразмыслил и согласился на встречу, проявив странную уступчивость к требованиям своего врага.

Директор Хогвартса, являвшийся законным опекуном Гарри Поттера в глазах магической Британии, аннулировал согласие своего подопечного.

Комитет Визенгамота по долгам аннулировал решение директора Хогвартса.

Верховный Чародей аннулировал решение Комитета по долгам. Визенгамот аннулировал решение Верховного Чародея.

В итоге Мальчик-Который-Выжил отбыл в Центральный банк Гринготтс под усиленной охраной Шизоглаза Хмури и тройки авроров. Ярко-голубой глаз Хмури бешено вращался во все стороны, словно давая понять всем возможным агрессорам, что его носитель — На Страже,

сохраняет Постоянную Бдительность и с радостью испепелит почки любому, кто хотя бы чихнёт в сторону Мальчика-Который-Выжил.

Они прошли через широко распахнутые двери Гринготтса, над которыми красовался девиз «Fortius Quo Fidelius»*. В этот раз Гарри гораздо внимательнее смотрел по сторонам. Во время предыдущих трёх визитов в Гринготтс он лишь любовался мраморными колоннами, золотым светом факелов, архитектурой, довольно отличавшейся от человеческой архитектуры магической Британии. С тех пор произошёл Инцидент в Азкабана и многое другое. И теперь, во время своего четвёртого визита, Гарри размышлял о восстаниях гоблинов, о непрекращающемся гоблинском недовольстве, о том, что им не разрешается пользоваться волшебными палочками, и о некоторых фактах, отсутствующих в учебнике истории для первого курса. Но Гарри догадался о них, потому что представлял, что в таких случаях обычно происходит, а профессор Флитвик шёпотом подтвердил. Лорд Волдеморт убивал гоблинов также, как и волшебников — немыслимый идиотизм с его стороны, если только Гарри не упустил из виду нечто важное. Но что гоблины думают о Мальчике-Который-Выжил, Гарри совершенно не представлял. Про гоблинов говорили, что они платят по своим счетам и взимают по своим счетам, но при этом у них несколько предвзятая манера определять, что в эти счета входит.

В этот раз стражи в броне, стоявшие через равные промежутки вокруг банка, смотрели на Мальчика-Который-Выжил без какого-либо выражения, но во взглядах, адресованных Хмури и аврорам, мелькало злое презрение. У стойек и касс в фойе банка гоблины-кассиры с тем же презрением смотрели на волшебников, в чьи руки они отдавали галлеоны. Один из кассиров ухмылялся острозубым ртом ведьме, которая выглядела расстроенной и сердитой.

Если я правильно понимаю человеческую природу — и если я прав в том, что все гуманоидные волшебные расы генетически являются людьми с наследуемыми магическими изменениями — то вряд ли вы подружитесь с волшебником просто потому, что я буду вежлив с вами или выражу сочувствие. Но интересно, поддержите ли вы Мальчика-Который-Выжил в попытке свергнуть Министерство, если я пообещаю после этого отменить Закон о палочках... или если я втайне дам вам палочки и волшебные книги в обмен на вашу поддержку... Именно поэтому секрет изготовления палочек доступен только людям вроде Оливандера? Хотя, если вы на самом деле люди, просто обычные люди, то у нации гоблинов скорее всего есть свои внутренние

кошмары, свои собственные Азкабаны, ибо это тоже свойственно человеческой природе. В таком случае рано или поздно я должен свергнуть или реформировать и ваше правительство. Хм.

Перед ними появился пожилой гоблин. Гарри вежливо склонил голову, и тот ответил резким полукивком. На этот раз не было диких гонок на тележках — вместо этого гоблин провёл их коротким коридором, который закончился маленькой приёмной с тремя скамейками, предназначенными для гоблинов, и одним стулом для волшебников, на котором никто не сидел.

— Не подписывай ничего, что даст тебе Люциус Малfoy, — сказал Шизоглаз Хмури. — Вообще ничего, ты меня понимаешь, парень? Если он протянет тебе экземпляр «Чудесных приключений Мальчика-Который-Выжил» и попросит автограф, скажи, что вывихнул палец. Пока ты в Гринготтсе, ни на секунду не бери в руки перо. Если кто-то даст тебе перо, сломай его, а затем сломай себе пальцы. Мне нужно объяснять дальше, сынок?

— Не особенно, — ответил Гарри. — У нас в магловской Британии тоже есть юристы, и они бы назвали ваших юристов милашками.

Спустя пару минут Гарри отдал свой кошелек на хранение Хмури и протянул свою палочку закованному в броню гоблину, который обыскал его с помощью разнообразных интересно выглядящих зондов.

Затем Гарри прошёл ещё через одну дверь и сквозь тонкий Водопад Воров. Вода испарилась с кожи мальчика, едва он вышел из-под струй.

По другую сторону двери оказалась комната размером побольше, отделанная панелями и богато обставленная, с большим золотым столом посередине. По одну сторону стола располагались два больших кожаных кресла, а по другую — маленькая деревянная табуретка для дебитора. У стен стояли на страже два гоблина в полном доспехе и богато украшенных наушниках и очках. Ни одной стороне не дозволялось иметь при себе палочек или других магических предметов, а если бы кто-то во время этой мирной встречи, проходящей под надзором банка Гринготтс, посмел бы использовать беспалочковую магию, на него сразу же напали бы охранники. Причудливые наушники позволяли гоблинам-стражам слышать лишь слова, обращённые напрямую к ним, а очки превращали лица волшебников в расплывшиеся пятна. Короче говоря, тут было обеспечено некое подобие настоящей безопасности, по крайней мере для владеющих Окклюменцией.

Гарри вскарабкался на неудобный деревянный табурет, мысленно хмыкнул: «Какое коварство» и стал ждать своих кредиторов.

Довольно скоро — по закону должника можно было бы заставить ждать гораздо дольше — в комнату вошёл Люциус Малфой. Привычным отработанным движением он изящно опустился в кожаное кресло. Трость со змеиной головой отсутствовала, грива белых волос как всегда плыла следом, а лицо было непроницаемо.

За ним, молча и с таким же непроницаемым выражением на лице вошёл мальчик с белыми волосами. Теперь на нём были чёрные одежды, куда более высокого качества, чем любая хогвартская мантия. Этому мальчику Гарри тоже был должен в общей сумме сорок галлеонов, и он тоже принадлежал к Дому Малфоев, и следовательно, имел право находиться на санкционированной Визенгамотом встрече.

Драко. Гарри не произнёс его имени вслух и не позволил эмоциям отразиться на своём лице. Он не знал, что сказать. Даже «мне жаль» не казалось уместным. Во время их краткого обмена сообщениями — когда они назначали эту встречу — Гарри и патронусу Драко не осмелился сказать ничего такого. И не только потому, что Люциус тоже мог слышать. Гарри было достаточно знать, что счастливые мысли Драко остались счастливыми, и что он до сих пор хочет, чтобы Гарри это знал.

Люциус Малфой заговорил первым, его голос звучал ровно, лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

— Я не понимаю, что происходит в Хогвартсе, Гарри Поттер. Не могли бы вы объяснить мне?

— Я не знаю, — сказал Гарри. — Если бы я понимал суть этих событий, я бы не позволил им произойти, лорд Малфой.

— Тогда ответьте на следующий вопрос. Кто вы?

Гарри не отрывал взгляд от лица своего кредитора.

— Я не Сами-Знаете-Кто, как вы думали, — произнёс он. Не будучи совсем уж полным идиотом, Гарри успел догадаться, за кого принимал его Люциус Малфой в зале Визенгамота. — Очевидно, я не обычный ребёнок. В той же степени очевидно, что это наверняка имеет какое-то отношение ко всей этой истории про Мальчика-Который-Выжил. Но мне не известно, какое именно и почему. Не более, чем вам. Я спрашивал Распределяющую шляпу, и она тоже не знает.

Люциус Малфой задумчиво кивнул.

— Мне удалось придумать лишь одну причину, по которой вы бы могли решить заплатить сто тысяч галлеонов за жизнь грязнокровки. Лишь одна причина могла бы объяснить её силу и кровожадность. Но затем она погибла от лап тролля, а вы — нет.

Кроме того, мой сын очень многое рассказал о вас, Гарри Поттер, и в рассказанном не было ни малейшего смысла. Мне доводилось слышать лепет сумасшедших из больницы Святого Мунго, и их бред звучал гораздо более здраво, чем то, что мой собственный сын рассказал о вас, причём под сывороткой правды. И ту часть «брёда сумасшедшего», за которую отвечаете лично вы, вам придётся объяснить мне прямо сейчас.

Гарри повернулся к Драко, и тот встретил его взгляд. На лице мальчика появились какие-то эмоции, ему удалось взять их под контроль, но затем его лицо снова выдало внутреннее напряжение.

— Я тоже, — голос Драко Малфоя срывался и дрожал, — хотел бы знать. Почему, Поттер?

Гарри закрыл глаза.

— Мальчик, которого воспитали маглы и который думает, что он умён. Ты увидел меня, Драко, и подумал, что из всех годоводок полезнее всего было бы подружиться с Мальчиком-Который-Выжил и показать ему истину. И я подумал то же самое про тебя. Но мы по-разному представляли истину. Я не хочу сказать, что существуют разные истины. Есть разные убеждения, но лишь одна реальность, лишь одна вселенная, в которой эти убеждения становятся истинными или ложными...

— Ты мне лгал.

Гарри открыл глаза и посмотрел на Драко.

— Я бы это назвал, — голос Гарри тоже немного дрогнул, — правдой с определённой точки зрения.

— С определённой точки зрения?! — Драко Малфой выглядел так же сердито, как мог бы выглядеть Люк Скайуокер, не настроенный выслушивать оправдания Кеноби. — Для правды с определённой точки зрения есть специальное слово. И это слово — «ложь»!

— Или уловка, — спокойно ответил Гарри. — Утверждение, которое фактически является истиной, но заставляет слушателя сформировать ложное убеждение. Мне кажется, стоит подчеркнуть это различие. То, что я тебе сказал, было самоисполняющимся пророчеством — ты поверил, что не сможешь обмануть себя, поэтому и не пытался. Навыки, которым ты обучился, — настоящие, и для тебя ничем хорошим не закончится, если ты начнёшь внутренне с ними бороться. Люди не могут усилием воли заставить себя поверить, что синее — это зелёное, но часто считают, что могут, и это тоже ничем хорошим не заканчивается.

— Ты меня использовал! — сказал Драко.

— Я использовал тебя, но в результате ты становился сильнее. Именно так кого-то может использовать друг.

— Даже я знаю, что дружба такой не бывает!

На этом месте вмешался Люциус Малфой.

— С какой целью? Ради чего? — даже его голос перестал быть бесстрастным. — Зачем?!

Гарри пристально посмотрел на него, затем повернулся к Драко.

— Наверное, твой отец сейчас мне не поверит, — начал он. — Но ты, Драко, в состоянии увидеть, что всё случившееся согласуется с этой гипотезой. И что любая более циничная гипотеза не объяснит, почему я не надавил на тебя сильнее, когда у меня была возможность, и почему я научил тебя столь многому. Я считал, что наследник дома Малфоев, который на виду у всех удержит маглорождённую от падения с крыши, станет прекрасным компромиссным кандидатом на роль главы магической Британии после реформ.

— То есть вы хотите меня убедить, — тихо произнёс Люциус Малфой, — что притворяетесь сумасшедшим. Ладно, оставим этот вопрос. Скажите, кто провёл тролля в Хогвартс.

— Я не знаю, — ответил Гарри.

— Скажите, кого вы подозреваете, Гарри Поттер.

— У меня четыре подозреваемых. Первый — профессор Снейп...

— Снейп?! — выпалил Драко.

— Второй, естественно, профессор Защиты Хогвартса, просто потому что он — профессор Защиты. — Гарри не стал бы его упоминать, он не хотел привлекать к профессору Защиты внимание Малфоев, если тот невиновен, но Драко мог его на этом поймать. — Если я назову третьего, вы мне не поверите. Четвёртый — категория под названием «Все остальные».

Пятый — Лорд Волдеморт. Не думаю, что мне стоит его упоминать при вас.

Люциус Малфой чуть ли не прорычал:

— Вы думаете, я не распознаю наживку на вашем крючке? Вы хотите заставить меня поверить, что ваша третья возможность и есть правильный ответ. Скажите мне, о ком речь, и бросьте ваши игры.

Гарри спокойно посмотрел на лорда Малфоя.

— Однажды я прочёл книгу, которую не должен был читать, и в ней было сказано: Настоящее общение происходит только между равными. Служащие лгут своим боссам, которые, в свою очередь, ожидают, что им солгут. Я не играю в недомолвки. Я считаю, что

если я сейчас назову вам моего третьего подозреваемого, вы просто подумаете, что вся моя история — это западня.

— Это отец, да? — вмешался Драко.

Гарри удивлённо посмотрел на него.

— Ты подозреваешь, что отец послал тролля в Хогвартс, чтобы убить Грейнджер, верно? — ровным голосом спросил Драко. — Вот о чём ты думаешь!

Гарри открыл рот, чтобы сказать «Вообще-то, нет», но в кои-то веки умудрился сначала подумать и остановился.

— Понятно... — медленно произнёс Гарри. — Вот ради чего всё это. Люциус Малfoy публично заявляет, что Гермиона не уйдёт от возмездия за то, что сделала, и — подумать только — её убивает тролль, — Гарри улыбнулся, но его улыбка больше напоминала оскал. — И если я здесь буду это отрицать, то Драко, не будучи окклюментом, сможет свидетельствовать под сывороткой правды, что Мальчик-Который-Выжил вовсе не подозревает Люциуса Малфоя в том, что тот послал тролля в Хогвартс, чтобы убить Гермиону Грейнджер, присягнувшую Благородному Дому Поттеров, чей долг крови был недавно оплачен сотней тысяч галлеонов. И так далее. — Гарри слегка откинулся назад, хотя на деревянном табурете без спинки это было сложно проделать подобающим образом. — Но теперь, когда я обратил на это внимание, мне эта мысль кажется очень логичной. Очевидно, именно вы убили Гермиону Грейнджер, как и угрожали сделать это перед всем Визенгамотом.

— Я этого не делал, — заявил Люциус Малfoy с прежней бесстрашностью.

На лице Гарри опять появилась улыбка-оскал.

— Ну что ж, в этом случае, должен быть кто-то ещё, кто убил Гермиону и вмешался в работу защитных чар Хогвартса. И это тот же человек, который ранее пытался подставить Гермиону, обвинив её в убийстве Драко Малфоя. Или вы убили Гермиону Грейнджер, получив деньги за её жизнь, или вы обвинили в покушении на убийство вашего сына невинную девочку и забрали деньги моей семьи благодаря этому ложному обвинению. Одно из этих утверждений должно быть истиной.

— Возможно, вы сами убили её в надежде получить свои деньги назад, — Люциус Малfoy наклонился над столом и мрачно посмотрел на Гарри.

— В таком случае я с самого начала не стал бы платить за неё. Как вы и сами понимаете. Не оскорбляйте мои умственные способ-

ности, лорд Малфой... нет, подождите, прошу прощения, вы должны были это сказать на случай, если Драко придётся свидетельствовать об этом. Тогда не обращайтесь внимания.

Люциус Малфой откинулся в кресле и уставился на Гарри.

— Я пытался объяснить тебе, отец, — пробормотал себе под нос Драко, — но никто не в состоянии вообразить, что из себя представляет Гарри Поттер, пока с ним не столкнётся...

Гарри постучал пальцем по щеке.

— Значит, до людей начало доходить совершенно очевидное? Удивлён. Не ожидал, что это произойдёт, — к настоящему времени Гарри уже уловил ритм цинизма профессора Квиррелла, и теперь мог воспроизводить его самостоятельно. — Не думаю, что газеты способны опубликовать статью, смысл которой сводится к: «Либо Х, либо Y истинно, но мы не знаем, что именно». По моему, журналисты способны лишь на статьи с рядом простых утверждений, например «Х — истинно», «Y — ложно», «Х — истинно, а Y — ложно». Никаких сложных построений вроде: «Если Х — истинно, то и Y — истинно, но мы не знаем, истинно ли Х». И вашим сторонникам приходится быстро переключаться с «Вы не можете доказать, что лорд Малфой убил Грейнджер, это мог сделать кто-то другой» на «Вы не можете доказать, что Грейнджер кто-то подставил», и до тех пор, пока ничего не доказано, они будут стараться усидеть сразу на двух этих стульях... погодите, а разве «Ежедневный пророк» принадлежит не вам?

— «Ежедневный пророк», — тихо ответил Люциус Малфой, — который совершенно точно не принадлежит мне, достаточно уважающее себя издание, чтобы не печатать подобного оскорбительного бреда. К несчастью, не все влиятельные волшебники настолько разумны.

— А. Понятно, — кивнул Гарри.

Люциус бросил взгляд на Драко.

— Всё остальное, что он говорил, — там было что-то важное?

— Нет, отец, не было.

— Спасибо, сын, — Люциус снова посмотрел на Гарри. Когда он заговорил, его голос почти вернулся к его обычной медлительной, холодной и уверенной манере. — Наверное, вы смогли бы убедить меня оказать вам услугу, если бы признались перед лицом Визенгамота, что вы совершенно точно знаете, что я непричастен к упомянутому деянию. Я мог бы существенно уменьшить ваш оставшийся долг роду Малфоев или даже изменить условия и позволить погасить его позднее.

Гарри внимательно смотрел на Люциуса Малфоя.

— Люциус Малфой. Сейчас вы прекрасно понимаете, что Гермиону Грейнджер на самом деле подставили, используя вашего сына как наживку, что на неё были наложены чары Ложной памяти или что-то ещё хуже, и что Дом Поттеров не имел ничего против вас до этих событий. Моё встречное предложение таково: вы возвращаете деньги моей семье, я объявляю перед Визенгамотом, что Дом Поттеров не считает Дом Малфоев своим врагом, и мы выступаем единым фронтом против виновного, кем бы он ни был. Мы решаем отказаться от кем-то нам предписанных ролей и заключаем союз вместо того, чтобы сражаться друг с другом. Это, возможно, единственное, чего не ожидает от нас враг.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только звуком дыхания гоблинов-стражей.

— Вы и правда спятили, — холодно сказал Люциус Малфой.

— Это называется «справедливость», лорд Малфой. Вы же не думаете, что я буду сотрудничать с вами, пока вы удерживаете в своих руках состояние Дома Поттеров, зная, что получили его благодаря ложному обвинению. Я понимаю, что во время суда вы представляли ситуацию иначе, но теперь вы осведомлены куда лучше.

— Вы не можете предложить мне ничего, что стоило бы сто тысяч галлеонов.

— Разве? — отстранённо произнёс Гарри. — Давайте подумаем. Мне кажется вполне вероятным, что процветание Дома Малфоев в долгосрочной перспективе заботит вас гораздо больше, чем какие бы то ни были политические вопросы, являвшиеся личным коньком павшего Тёмного Лорда предыдущего поколения, — Гарри бросил на Драко многозначительный взгляд. — У следующего поколения будет своя линия фронта и свои союзы. Ваш сын может остаться без всего этого — или оказаться сразу на вершине. Разве это не значит для вас больше, чем сорок тысяч галлеонов, которых вы не особо ожидали и в которых не слишком-то нуждаетесь? — Гарри улыбнулся, не разжимая губ. — Сорок тысяч галлеонов. Два магловских миллиона фунтов стерлингов. Ваш сын слегка представляет масштабы магловской экономики — они могут вас удивить. Маглы сочли бы забавным, что судьба страны зависит от двух миллионов фунтов стерлингов. Они бы подумали, что это просто смешно. И я тоже так думаю, лорд Малфой. Это не какой-то отчаянный манёвр с моей стороны. Это честная возможность для вас поступить честно.

— О? — откликнулся лорд Малфой. — А если я откажусь от этой честной возможности, что тогда?

Гарри пожал плечами.

— Зависит от того, какая сложится правящая коалиция без участия Малфоев. Если правительство будет реформировано мирным путём, и для поддержания мира так будет нужно, то я выплачу деньги сполна. А, возможно, Пожирателей Смерти снова будут судить за прошлые преступления и казнят — после должного законного судебного разбирательства, само собой.

— Вы в самом деле спятили, — спокойно сказал лорд Малфой. — У вас нет власти, нет денег, и при этом вы смеете говорить мне подобное.

— Да, глупо думать, что я могу вас запугать. Вы же, в конце концов, не дементор.

Гарри продолжал улыбаться. Он заранее исследовал вопрос — судя по всему, безоар обезвредит почти любой яд, если достаточно быстро затолкать его в рот пострадавшего. Не факт, что он вылечит последствия радиации от трансфигурированного полония, но, опять же, кто знает. Поэтому Гарри изучил температуру замерзания различных кислот, и выяснилось, что серная кислота замерзает всего при десяти градусах Цельсия, а значит, Гарри мог бы купить литр кислоты на магловском рынке, заморозить его и трансфигурировать в крошечный незаметный кубик льда, а затем подбросить его в чей-нибудь рот. Когда действие трансфигурации закончится, не поможет никакой безоар. Идея не допустить за время прохождения своего квеста вообще никаких смертей уже рухнула, и теперь Гарри не собирался держаться в рамках закона или даже кодекса Бэтмена — хотя, конечно, он не стал бы об этом заявлять вслух.

Последний шанс выжить, Люциус. С точки зрения этики, твоя жизнь была куплена и оплачена в день, когда ты совершил своё первое злодеяние в рядах Пожирателей Смерти. Ты всё ещё человек, и твоя жизнь по-прежнему ценна сама по себе, но у тебя больше нет деонтологической защиты невинного. Теперь у любого хорошего человека есть лицензия на твоё убийство, в случае, если он сочтёт, что в долгосрочной перспективе спасено будет больше. И если ты начнёшь вставлять мне палки в колёса, именно к этому выводу я и приду. Неизвестный, натравивший тролля на Грейнджер, выберет следующей жертвой тебя и поразит неким заклятьем, которое превратит бывшего Пожирателя Смерти в лужу слизи. Какая жалость.

— Отец, — тихо сказал Драко, — отец, я думаю, тебе стоит это обдумать.

Люциус Малфой посмотрел на своего сына.

— Шутишь.

— Я серьёзно. Не думаю, что Поттер сам создал свои книги, никто не смог бы написать всё это, и кое-что из них я смог проверить самостоятельно. И если хотя бы половина всего этого верна, то он прав, сотня тысяч галлеонов не так много значит. Если мы дадим их ему, он действительно снова станет другом Дому Малфоев, по крайней мере, в том смысле, в каком он сам понимает дружбу. А если не дадим, он станет нашим врагом, и, невзирая на то, выгодно ему это будет или нет, начнёт просто охотиться за тобой. Гарри Поттер действительно мыслит таким образом. Дело тут не в деньгах, просто он так понимает честь.

Гарри Поттер слегка поклонился, по-прежнему улыбаясь.

— Но кое-что надо сказать прямо, — сказал Драко, теперь глядя прямо ему в лицо. В глазах Драко вспыхнули огоньки ярости. — Ты вводил меня в заблуждение. И ты мне должен.

— Признаю, — спокойно ответил Гарри. — При условии всего остального, разумеется.

Люциус Малфой открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, и закрыл его снова.

— Спятели, — повторил он.

Последовал долгий спор отца с сыном, во время которого Гарри удалось держать рот на замке.

Когда начало казаться, что даже Драко не способен переубедить своего отца, Гарри заговорил снова и озвучил свои ближайшие планы в случае альянса Поттеров и Малфоев.

Последовал ещё один спор между Люциусом и Драко, во время которого Гарри снова молчал.

Наконец Люциус Малфой повернулся к нему.

— И вы полагаете, — сказал Люциус Малфой, — что вам удастся убедить Лонгботтомов и Боунсов присоединиться к этой затее, даже если Дамблдор будет против.

Гарри кивнул.

— Они с недоверием отнесутся к вашему участию, само собой. Но я скажу им, что я так планировал с самого начала, это должно их убедить.

— Полагаю, — сказал Люциус Малфой после паузы, — я мог бы составить контракт в письменном виде, освобождающий вас от почти всего оставшегося долга, если я почему-то решу присоединиться к этой безумной затее. Конечно, это потребует больше гарантий...

Гарри проворно вытащил из-за пазухи пергамент, развернул и положил на стол перед Люциусом.

— Вообще-то я взял на себя смелость подготовить этот документ, — сказал он. Гарри несколько часов корпел над ним в библиотеке Хогвартса, собрав все имеющиеся в наличии книги по юриспруденции. К счастью, насколько Гарри понял, законы магической Британии по магловским стандартам были очаровательно просты. Утверждения, что первоначальный долг крови и выплата отменены, состояние Поттеров и все прочие ценности должны быть возвращены, остаток долга аннулирован, и всё это не в убыток роду Малфоев, в письменном юридически оформленном виде выглядели не намного длиннее, чем если это просто произнести вслух.

— Мне пришлось пообещать сопровождающим не подписывать ничего, что вы дадите мне. Поэтому я сам позаботился о том, чтобы подготовить документ, и подписал его перед тем, как отправился сюда.

Драко издал сдавленный смешок.

Люциус прочёл контракт и улыбнулся без тени веселья.

— Очаровательно прямолинейно.

— Я также пообещал во время пребывания в Гринготтсе не при-
трагиваться к перу, — сказал Гарри. Он опять полез в карман мантии и вытащил магловскую ручку и лист обычной бумаги. Затем быстро набросал юридического вида формулировку о том, что Дом Поттеров не считает Дом Малфоев каким-либо образом ответственным за убийство Гермионы Грейнджер и вообще хоть как-то с ним связанным, и показал бумагу лорду Малфою:

— Такая формулировка подойдёт?

Лорд Малфой посмотрел и слегка закатил глаза.

— По-моему, довольно неплохо. Хотя правильнее было бы использовать юридический термин «погасить ответственность», а не «освободить от ответственности».

— Хорошая попытка, но нет. Я прекрасно знаю, что означает этот термин, лорд Малфой¹.

Гарри взял свой пергамент и начал аккуратно переписывать туда свою исходную формулировку.

Когда Гарри закончил, лорд Малфой потянулся через золотой стол, взял ручку и задумчиво посмотрел на неё.

---

¹ В оригинале Гарри использует слово «exonerate», которое понимается как «полное снятие всех обвинений», а Люциус предлагает слово «indemnify», которое можно понимать в том смысле, что материальные потери Люциуса должен будет компенсировать Гарри. — *Прим.перев.*

— Полагаю, это один из ваших магловских артефактов? Сын, что он делает?

— Пишет, не требуя чернилницы, — ответил Драко.

— Ясно. Полагаю, некоторые сочтут его забавной безделушкой, — Люциус разгладил пергамент на столе, затем поставил руку на линии для подписи и задумчиво постучал в стартовой точке.

Гарри с трудом перевёл взгляд на лицо Люциуса Малфоя, стараясь дышать ровно, но без особых успехов.

— Наш хороший друг Северус Снейп, — сказал Люциус Малфой, всё ещё постукивая ручкой на линии, ожидавшей его подписи, — профессор Защиты, называющий себя Квирреллом. Я спрашиваю снова, кто ваш третий подозреваемый?

— Я бы настоятельно рекомендовал вам сперва расписаться, лорд Малфой, если вы и так намерены сделать это. Вы получите от информации больше выгоды, если не будете считать, что я пытаюсь вас в чём-то убедить.

Ещё одна безрадостная улыбка.

— Я рискну. Говорите, если желаете, чтобы мы продолжили.

Гарри помедлил, затем невозмутимо ответил:

— Мой третий подозреваемый — Альбус Дамблдор.

Постукивающая по пергаменту ручка замерла.

— Странное утверждение, — протянул Люциус. — Как директор Хогвартса, Дамблдор серьёзно скомпрометировал себя, допустив смерть одного из учеников. Неужели вы думаете, что я поверю чему угодно, только потому, что он мой враг?

— Он один из нескольких подозреваемых, лорд Малфой, и не обязательно самый вероятный. Но я смог убить взрослого горного тролля потому, что у меня было оружие, которое дал мне Дамблдор в самом начале учебного года. Не веское доказательство, но вызывает подозрения. И если вы думаете, что убийство одного из учеников — это не в стиле Дамблдора, что ж, та же мысль посетила и меня.

— Что может быть не в стиле Дамблдора? — вмешался Драко Малфой.

Люциус Малфой покачал головой точным аккуратным движением.

— Не всё так просто, сын мой. Дамблдор разборчив в проявлениях своей злобы. — Лорд Малфой откинулся в кресле, и застыл почти неподвижно. — Расскажите мне об этом оружии.

— Я всё ещё не уверен, что должен вдаваться в подробности в вашем присутствии, лорд Малфой, — Гарри вздохнул. — Позвольте

внести ясность. Я не пытаюсь внушить вам мысль, что за всем стоит Дамблдор, просто признаю такую возможность...

Тогда заговорил Драко Малфой.

— Приспособление, которое Дамблдор дал тебе, — это было что-то для убийства троллей? В смысле, только троллей? Это ты можешь сказать?

Люциус повернул голову и посмотрел на сына с некоторым удивлением.

— Нет... — медленно произнёс Гарри. — Это не какой-то меч, разящий троллей, или что-то в этом духе.

Драко пристально вглядывался в глаза Гарри.

— Сработало бы это устройство против убийц?

Нет, если бы у них были подняты щиты.

— Нет.

— В школьной драке?

Расширение булыжника в горле по своей сути смертельно.

— Нет, думаю, оно предназначалось не против людей.

Драко кивнул.

— Значит, только волшебные существа. Было бы это хорошим оружием против разъярённого гиппогрифа, или кого-то подобного?

— Действует ли против гиппогрифов оглушающее проклятье? — медленно спросил Гарри.

— Я не знаю, — ответил Драко.

— Да, — сказал Люциус Малфой.

По сравнению с попытками навести Вингардиум левиоса и Фините инкантатем...

— Значит, при столкновении с гиппогрифом лучше использовать Ступефай. — Если ставить вопрос таким образом, казалось очень вероятным, что трансфигурированный камень оптимальное оружие только против волшебных существ из плоти и крови, чья шкура отражает заклинания. — Но... Я хочу сказать, возможно, это вообще не планировалось как оружие, я применил его странным способом, это могло быть просто сумасшедшей причудой...

— Нет, — медленно ответил лорд Малфой. — Не причуда. Не совпадение. Не в случае Дамблдора.

— Значит, это он, — сказал Драко. Его глаза медленно сощурились и он злоеюще кивнул. — Это всё время был он. Ведь судебный легилимент говорил, что кто-то использовал легилименцию на Грейнджер. Дамблдор сам признал, что это был он. И я уверен, что защитные чары на самом деле сработали, когда Грейнджер

наложила на меня проклятие, а Дамблдор просто-напросто проигнорировал их.

— Но... — начал Гарри. Он посмотрел на Люциуса, которому больше бы пристало развивать эту тему. — Каковы его мотивы? Или мы решим, что он просто злой, и остановимся на этом?

Драко вскочил с кресла и принялся рассказывать по комнате. Полы его мантии сильно развевались при ходьбе. Гоблины-стражи с некоторым удивлением взирали на него через свои зачарованные очки.

— Чтобы разгадать странный план, нужно посмотреть на произошедшее и спросить, кому это выгодно. Мало того, что Дамблдор не планировал, что ты спасёшь Грейнджер на судебном разбирательстве, он пытался не позволить тебе сделать это. Что бы произошло, если бы Грейнджер действительно отправилась в Азкабан? Дома Малфоев и Поттеров возненавидели бы друг друга навсегда. Из всех подозреваемых единственный, кто хотел бы именно этого, — Дамблдор. Так что сходится. Всё сходится. Абсолютно всё. Человек, который совершил убийство — Альбус Дамблдор!

— Хм, — сказал Гарри. — Но зачем тогда давать оружие против троля? Я сказал, что это подозрительно, но не говорил, что в этом есть какой-то смысл.

Драко задумчиво кивнул.

— Возможно, Дамблдор думал, что ты остановишь троля до того, как он доберётся до Грейнджер, и тогда он бы обвинил отца в том, что тот послал этого троля. Многие пришли бы в ярость от мысли, что отец хотя бы попытался устроить что-то такое в Хогвартсе. Как отец и сказал, репутации Дамблдора не пошло на пользу, что один из учеников погиб в Хогвартсе — Хогвартс славится своей безопасностью. Так что это, возможно, не должно было случиться.

Гарри невольно вспомнил ужас в глазах Дамблдора, когда тот увидел тело Гермионы Грейнджер.

Мог бы я успеть вовремя, если бы у близнецов Уизли не украли их карту? Могло ли это быть запланировано? Но оказалось, что кто-то украл карту, а Дамблдор об этом не знал, и я пришёл слишком поздно... Но нет, бессмыслица получается, я обнаружил это слишком поздно, как Дамблдор мог догадаться, что я использую метлу... хотя он знал, что она у меня есть...

Такой план никак не смог бы сработать.

Он и не работал.

Но кто-то, чуть более подверженный старческому слабоумию, мог рассчитывать, что он работает, а феникс мог не заметить разницы.

— Или, — продолжил Драко, по-прежнему энергично расхаживая по комнате, — возможно, у Дамблдора был в запасе заколдованный тролль, и он планировал, что ты победишь его когда-нибудь позже, для какой-то другой цели, а потом он просто использовал тролля против Грейнджер вместо этого. Не могу представить, чтобы Дамблдор планировал всё это с первой недели занятий...

— Я могу представить, — тихо произнёс Люциус Малфой. — Я сталкивался с такими планами в исполнении Дамблдора.

Драко решительно кивнул.

— Значит изначально совершенно не предполагалось, что я умру. Дамблдор знал, что профессор Квиррелл следит за мной, или же Дамблдор планировал, что меня вовремя найдёт кто-то другой, — я ведь не мог бы давать показания против Грейнджер, если бы погиб, и он бы лишь повредил своей репутации, если бы я погиб. Но то, что я покинул Хогвартс, вместо того, чтобы остаться и возглавить Слизерин, было ему как раз на руку. И тогда снова получается, что Гарри должен был остановить тролля прежде, чем тот доберётся до Грейнджер, и предполагалось, что все будут подозревать тебя, отец, но только на этот раз события развивались не так, как планировал Дамблдор.

Люциус Малфой, с неприкрытым удивлением наблюдавший за сыном, перевёл взгляд на Гарри.

— Если это правда... Но интересно, не притворяется ли Гарри Поттер, что он не хочет верить в эту версию.

— Может быть, — сказал Драко. — Но я практически уверен, что не притворяется.

— Тогда, если это правда... — Люциус Малфой умолк. В его глазах медленно разгорался гнев.

— Что же нам делать? — спросил Гарри.

— Это мне тоже ясно, — ответил Драко. Он развернулся к ним и воздел палец в воздух. — Мы найдём доказательства, которые изобличат Дамблдора в его преступлениях, и он предстанет перед судом! Гарри Поттер и Люциус Малфой переглянулись.

Ни один из них не знал, что сказать.

— Сын мой, — наконец произнёс Люциус Малфой, — сегодня ты отлично поработал.

— Спасибо, отец!

— Тем не менее, это не пьеса, а мы не авроры, и мы не доверяем судам вершить за нас правосудие.

Глаза Драко потухли.

— О.

— А вот я, признаться, питаю сентиментальную привязанность к судам, — вмешался Гарри. *Поверить не могу, что участвую в этом разговоре.* Необходимо было пойти домой, взять листок бумаги и карандаш и попытаться понять, действительно ли рассуждения Драко имеют смысл. — И к доказательствам тоже.

Люциус Малфой перевёл взгляд на Гарри Поттера. В его глазах кипела чистая серая ярость.

— Если вы водите меня за нос, — сказал он со сдержанным гневом, — если всё это ложь, я не прощу. Но если это не обман... Принесите мне доказательство, которое изобличит Дамблдора перед Визенгамотом, или улику, достаточную для его свержения, и Дом Малфоев сделает для вас всё, что угодно. Всё, что угодно.

Гарри глубоко вдохнул. Ему нужно было разобраться со всем этим и вычислить фактические вероятности, но у него совершенно не было времени.

— Если это действительно сделал Дамблдор, то, убрав его с игровой доски, мы оставим большую дыру в британской структуре власти.

— Это так, — мрачно усмехнулся Люциус Малфой. — И вы планируете занять её сами, Гарри Поттер?

— Некоторым из вашей оппозиции это может не понравиться. Они могут восстать.

— Они проиграют, — отрезал Люциус Малфой, лицо которого стало суровым, словно было отлито из стали.

— Ну что ж, если Дамблдор будет убран с доски благодаря мне, я попрошу Дом Малфоев вот о чём. Когда оппозиция будет напугана до предела, им нужно будет предложить последнюю возможность избежать гражданской войны. Кому-то из ваших союзников это может не понравиться, но многие нейтралы будут рады сохранению стабильности. Наша сделка будет состоять в том, что власть получите не вы. Её получит Драко Малфой, когда достигнет совершеннолетия.

— Что?! — воскликнул Драко.

— Драко свидетельствовал под сывороткой правды, что пытался помочь Гермионе Грейнджер. Уверен, многие представители оппозиции решат, что лучше иметь дело с ним, а не сражаться. Я не знаю, как лучше претворить это в жизнь — Нерушимый обет, или заверенный Гринготтсом контракт, или что-то ещё — но должен быть некий надёжный договор о том, что власть перейдёт к Драко, когда он закончит Хогвартс. Ради этого я брошу все силы, которыми располагает Мальчик-Который-Выжил. Постараюсь убедить Лонгботтомов и Боунсов, и так далее. Наш первый план проторит

дорогу для этого в будущем, если вы постараетесь действовать честно, сотрудничая с Лонгботтомами и Боунсами в этот раз.

— Отец, клянусь, я не...

Люциус мрачно ухмыльнулся.

— Я знаю, что ты этого не просил, сын. Что ж, — беловолосый мужчина, сидящий с другой стороны внушительного золотого стола посмотрел на Гарри Поттера. — Эти условия для меня приемлемы. Но если вы провалите хоть одну часть нашего соглашения — не важно, первой сделки или второй — вы столкнётесь с последствиями, Гарри Поттер. Умные слова вам тогда уже не помогут.

И Люциус Малфой подписал пергамент.

* * *

Шизоглаз Хмури, казалось, уже несколько часов не сводил глаз с бронзовой двери комнаты для переговоров Гринготтса — насколько это выражение вообще может быть применено к человеку, чей Глаз постоянно смотрит во всех направлениях.

Подозревать в чём-либо такого человека, как Люциус Малфой было настоящей проблемой, думал Хмури, так как можно было потратить целый день, мысленно перечисляя всё, что он может затевать, и так и не закончить.

Дверь приоткрылась, и из комнаты, еле волоча ноги, вышел Гарри Поттер. Его лоб был покрыт мелкими бисеринками пота.

— Ты что-нибудь подписывал? — в то же мгновение требовательно спросил Шизоглаз.

Гарри Поттер молча взглянул на него, затем полез в карман мантии и вынул сложенный пергамент.

— Гоблины уже принялись за работу, — сказал Гарри Поттер. — Они сделали три копии, прежде чем я ушёл.

— МЕРЛИН, ДА ЧТОБ ТЕБЯ... — Шизоглаз остановился, потому что его Глаз увидел вторую половину документа. Гарри Поттер медленно, словно нехотя, начал разворачивать верхнюю часть. Бывшему аврору хватило одного взгляда, чтобы рассмотреть написанные аккуратным почерком пункты договора и элегантный росчерк Люциуса Малфоя под подписью Гарри Поттера. А затем его Взору открылась верхняя часть документа, и Хмури взорвался:

— Ты освобождаешь Дом Малфоев от любого обвинения в убийстве Гермiony Грейнджер?! Ты хотя бы представляешь, что ты наделал, болван?! Во имя Мерлина, о чём ты вообще... ЧТО?...

Глава 98

Роли. Финал

Воскресенье, 19 апреля, 18:43
Дафна Гринграсс тихо направлялась в комнату Гринграсс (привилегия Древнего Дома), расположенную под слизеринскими подземельями. Она только что сошла с Хогвартс-Экспресса и планировала оставить в комнате сундук, а затем присоединиться к другим ученикам за ужином. С тех пор, как уехал Малfoy, вся часть подземелий с личными комнатами принадлежала ей одной.

Дафна в очередной раз протянула руку за спину и ещё раз жестом приказала своему большому, украшенному изумрудами сундуку двигаться за ней. Тот следовал крайне неохотно. Возможно, нужно было обновить чары на старом крепком семейном артефакте. А, может быть, сундук не хотел следовать за ней в Хогвартс, который перестал быть безопасным.

Мать и отец долго разговаривали между собой, когда им сообщили про Гермину. Дафна в это время пряталась за дверью и подслушивала, задыхаясь от слёз и стараясь не выдать себя лишним звуком.

Мать сказала, что, как это ни печально, но даже если в Хогвартсе каждый год будет погибать по ученику, он всё равно останется более безопасным местом, чем Шармбатон, не говоря уже о Дурмстранге. Юная ведьма может погибнуть не только в результате умышленного убийства. Профессор трансфигурации Шармбатона просто не ровня МакГонагалл.

Отец спокойно заметил, как важно наследнице Гринграссов оставаться в Хогвартсе, куда отправили учиться своих детей другие Благородные Дома (именно поэтому у Благородных семей существовала старая традиция синхронизировать рождение своих наследников, чтобы, по возможности, они оказались на одном курсе в Хогвартсе). Ещё отец добавил, что наследница Древнейшего Дома не всегда может избегать опасностей.

Последнее она предпочла бы не слышать.

Дафна с трудом слотнула, повернула ручку и открыла дверь.

— Мисс Гринграсс... — прошептала скрытая тенью фигура в серебристом плаще.

Дафна закричала, захлопнула дверь и, выхватив палочку, повернулась, чтобы убежать.

— Подожди! — теперь голос стал выше и громче.

Дафна остановилась. Она узнала голос, но этого человека здесь никак не могло быть.

Она медленно развернулась и снова открыла дверь.

— Ты! — изумлённо воскликнула Дафна, увидев лицо под капюшоном. — Я думала, что ты...

— Я вернулся к вам, — звучным голосом заявила фигура в серебристом плаще, — в решающий...

— Что ты делаешь в моей спальне?! — взвизгнула Дафна.

— Я слышал, ты умеешь призывать туманную форму Патронуса. Можешь показать?

Дафна вперилась в него взглядом, а затем её кровь закипела:

— Зачем? — спросила она, поднимая палочку. — Чтобы ты мог прикончить всех слизеринцев, использующих неслизеринские заклинания? Мы все знаем, из-за кого убили Гермиону!

— Я свидетельствовал под сывороткой правды, что пытался помочь мисс Грейнджер! — выкрикнул Драко. — Я действительно пытался ей помочь, когда поймал её за руку на крыше, и когда помогал подняться с пола...

Дафна не опускала палочку:

— Как будто твой отец не мог подделать записи авроров, если бы захотел! Я не вчера родилась, мистер *Малфой*!

Медленно, избегая резких движений, фигура в серебристом плаще достала из-под него палочку. Дафна стиснула свою, но затем опознала расположение пальцев на палочке, стойку собеседника, и ахнула от потрясения...

— *Эспекто Патронум!*

Из палочки хлынул серебряный свет. Он сгустился и принял форму сияющей змеи, которая свилась кольцами, словно устраиваясь поудобнее.

У Дафны упала челюсть.

— Я действительно пытался помочь Гермионе Грейнджер, — спокойно повторил Драко Малфой, — потому что знаю: болезнь в сердце Слизерина, причина, по которой столь многие из нас больше не могут призывать патронуса, — это ненависть. Ненависть к магло-рождённым или, на самом деле, к кому угодно. Люди сейчас думают, что это и есть Слизерин — не хитрость, не амбиции и не достойное

уважения благородство. Я даже понимаю — поскольку это очевидно, — что Гермиона Грейнджер не была слаба в магии.

У Дафны кончились мысли. Её взгляд нервно метнулся, просто чтобы удостовериться, что из-под дверей не течёт кровь, как было в прошлый раз, когда Что-то Сломалось.

Серебряная змея излучала ни с чем не сравнимые свет и тепло.

— Кроме того, я узнал, — тихо продолжил Драко Малфой, — что Гермиона Грейнджер вообще никогда не пыталась убить меня. Возможно, на неё наложили чары Ложной памяти, возможно, подвергли легилименции. Но теперь, когда её убили, очевидно, что во всей этой истории с попыткой меня убить с самого начала целились именно в мисс Грейнджер...

— Т-ты-ты понимаешь, что говоришь? — голос Дафны сорвался. Если бы Люциус Малфой услышал, что только что сказал его наследник, он бы содрал с него кожу и сделал из неё штаны!

Драко Малфой улыбнулся. Свет полноценного телесного патронуса играл на его серебристом плаще. Улыбка вышла надменной и одновременно опасной, словно перспектива превращения в кожаные штаны была недостойна его внимания.

— Да, — ответил Драко, — но сейчас это неважно. Дом Малфоев возвращает деньги Дома Поттеров и аннулирует долг.

Дафна подошла к своей кровати и рухнула на неё в надежде, что если она окажется в кровати, то этот сон кончится.

— Я хочу, чтобы ты присоединилась к тайному обществу, — произнесла фигура в сияющих одеждах, — всех слизеринцев, которые могут призвать патронуса, и всех, кто может этому научиться. Таким образом на встречах Серебряных Слизеринцев мы будем знать, что можем доверять друг другу.

Драко театральным жестом откинул капюшон.

— Но этого не случится без тебя, Дафна. Тебя и твоей семьи. Твоя мать будет договариваться с моим отцом, но мне бы хотелось, чтобы впервые Гринграссы услышали это предложение от своей дочери, — голос Драко понизился. — До ужина нам нужно многое обсудить.

* * *

Гарри Поттер, судя по всему, решил быть невидимкой — они только мельком увидели его руку, когда он передавал им список, написанный на странном не-пергаменте. Гарри объяснил, что, принимая во внимание все обстоятельства, с его стороны будет не слишком мудро

допустить, чтобы его можно было отыскать, кроме как в исключительных ситуациях. Поэтому отныне он собирается взаимодействовать с людьми в форме бестелесного голоса или в виде яркого серебряного света, прячущегося за углами, где его никто не увидит, но который, в свою очередь, всегда сможет найти своих друзей, где бы те ни прятались. Честно говоря, за всю свою жизнь — которая включала эпизод, когда в обуви каждого второкурсника-слизеринца оказались трансфигурированные живые сороконожки — Фред и Джордж не слышали практически ничего, настолько же жуткого. По мнению Фреда и Джорджа такое никак не могло оказаться полезным для чьего бы то ни было рассудка, но они не знали, что тут можно сказать. Невозможно было отрицать — они видели это своими четырьмя глазами, — Хогвартс...

...стал небезопасен...

— Не знаю, к кому вы обратились за закланием Ложной памяти для Риты Скитер, — сказал голос Гарри Поттера из ниоткуда. — Кто бы это ни был... вероятно, он не сможет сделать всё самостоятельно, но, возможно, он знает кого-то, кто в состоянии достать предметы из магловского мира. И... я знаю, это может увеличить стоимость, но людей, которые в курсе, что всё это как-то связано с Гарри Поттером, должно быть как можно меньше.

В воздухе снова мелькнула маленькая рука, и об пол с характерным звоном ударился кошелек.

— Некоторые из предметов стоят дорого даже в мире маглов, и вашему контакту, возможно, потребуется ради этого покинуть Британию. Но, надеюсь, сотни галлеонов, будет достаточно, чтобы покрыть все расходы. Я бы сказал, откуда взялось золото, но не хочу портить завтрашний сюрприз.

— Что это такое? — спросил Фред или Джордж, когда близнецы просмотрели список. — Наш отец эксперт по маглам...

— ...но мы и половины списка не узнаём...

— ...да мы вообще ничего не узнаём...

— ...ты что задумал?

— Дела приняли серьёзный оборот, — мягко произнёс Гарри. — Я не знаю, что мне придётся делать. До того, как это всё закончится, мне может потребоваться сила маглов, а не только сила волшебников. И, возможно, у меня не будет времени на подготовку. Я не планирую всё это использовать. Но хочу, чтобы оно было под рукой на случай... непредвиденных обстоятельств, — Гарри помолчал. — Очевидно, я у вас в большем долгу, чем смогу хоть

когда-нибудь оплатить, а вы не позволяете мне дать вам хоть что-нибудь из того, что заслуживаете. Поэтому я даже не знаю, как вас поблагодарить. Всё, что я могу — это надеяться, что однажды, когда вы повзрослеете, вы станете более разумно относиться к этой стороне жизни и, пожалуйста, возьмите десять процентов за посредничество...

— Слушай, заткнись, — ответил Джордж или Фред.

— Господи, из-за меня вам пришлось сражаться с троллем, и Фреду переломали рёбра!

Близнецы лишь замотали головами. Ведь Гарри остался, когда они велели ему бежать, и вышел вперёд, чтобы отвлечь тролля от Джорджа. Они понимали, что для Гарри его поступок не отменяет его долга перед ними, для Гарри его деяние вообще никак не соотносится с денежной шкалой. Но Уизли знали, а сам Гарри не поймёт, пока не подрастёт, что теперь у них нет и больше не может быть никаких долгов перед друг другом. По мнению братьев, это был какой-то странный вид эгоизма: Гарри вполне понимал, что такое доброта — например, если бы кто-то помог ему, а он сам бы помог гораздо больше, он бы ни за что не стал требовать плату за оказанную помощь или заявлять, что помог в долг. Но, очевидно, он был совершенно не в состоянии осознать, что другие могут поступать так же.

— Напомните мне купить вам магловский роман «Атлант расправил плечи», — произнёс бесплотный голос. — Я начинаю понимать, каким людям может быть полезно его прочесть.

* * *

Понедельник, 20 апреля, 19:00

В давящей тишине ученики заканчивали ужин. Не было никакого вмешательства или знака со стороны Главного стола. Никто не просил разрешения или прощения у профессоров или директора.

Вскоре после того, как появились блюда с десертом, из-за слизеринского стола поднялся ученик. Он вышел так, чтобы встать перед Четырьмя столами Хогвартса, но не со стороны преподавательского стола, а с противоположной. При виде этого мальчика с коротко стриженными почти белыми волосами по залу побежали шепотки. Несколько секунд Драко Малфой просто стоял и смотрел на всех обитателей Хогвартса. Он никак не объяснил своё неожиданное возвращение. Слизеринец не снизошёл до того, чтобы подтвердить или опровергнуть слухи, что он вернулся, потому что теперь, когда Гермиона Грейнджер погибла от рук его семьи, ему нечего бояться.

Затем Драко взял в одну руку ложку, а в другую — стакан воды и начал постукивать ложкой по стакану.

Динь.

Динь.

Динь.

Поначалу это вызвало ещё большее оживление. За Главным столом некоторые из профессоров вопросительно посмотрели на директора, сидевшего в своём большом кресле. Но директор бездействовал, и профессора последовали его примеру.

Драко Малфой продолжил стучать ложкой по стакану, и, наконец, в зале воцарилась выжидающая тишина.

Тогда поднялся ещё один ученик — на этот раз из-за стола Когтеврана. Он направился к Драко, встал рядом и повернулся лицом к залу. Удивлённые ученики затаили дыхание: эти двое должны были стать самыми заклятыми врагами...

— Я и мой отец, лорд Благородного и Древнейшего Дома Малфоев, — звонко произнёс Драко Малфой, — пришли к выводу, что в Хогвартсе действуют злые силы. Именно эти злые силы пожела́ли причинить вред Гермионе Грейнджер. Вероятно, они киким-то образом вынудили Гермиону Грейнджер против её воли поднять руку на наш Дом, или же, возможно, и она, и я, подверглись заклятию Ложной памяти. Ныне мы заявляем, что тот, кто посмел использовать наследника Малфоев таким образом, — враг Дома Малфоев, на голову которого падёт наша месть. Во имя чести мы возвратили все деньги, взятые у Дома Поттеров, и аннулировали все долговые обязательства.

Потом заговорил Гарри Поттер.

— Дом Поттеров признаёт, что это было искреннее заблуждение, и не держит на Дом Малфоев зла. Мы верим и публично заявляем, что Дом Малфоев непричастен к смерти Гермионы Грейнджер. Тот, кто причинил вред Гермионе Грейнджер, — враг Дома Поттеров, и на его голову падёт наша месть. Наша общая месть.

Закончив, Гарри Поттер отправился обратно к столу Когтеврана, и зал уже был готов взорваться от чистого, незамутнённого изумления, вызванного таким потрясением реальности...

Драко Малфой снова постучал ложкой по стакану, привлекая внимание.

Динь.

Динь.

Динь.

И из-за других столов поднялись несколько учеников и направились к Драко Малфоя. Кто-то встал сбоку, кто-то сзади него, кто-то перед ним.

В зале воцарилась гробовая тишина. В воздухе повисло ощущение, что именно здесь и сейчас меняется мир и складываются новые большие союзы.

— Мой отец, Оуэн Гринграсс, с согласия и при полной поддержке моей матери, леди Благородного и Древнейшего Дома Гринграссов, — заговорила Дафна Гринграсс.

— И мой дед, Чарльз из Дома Ноттов, — откликнулся стоящий за Драко Малфоем бывший лейтенант Нотт, когда-то Теодор из Хаоса.

— И моя двоюродная бабушка, Амелия из Дома Боунсов, директор Департамента магического правопорядка, — поддержала их Сьюзен Боунс, стоящая рядом с Дафной, вместе с которой она в своё время сражалась.

— И моя бабушка, Августа из Благородного и Древнейшего Дома Лонгботтомов, — произнёс Невилл Лонгботтом, вернувшийся в школу лишь на этот вечер.

— И мой отец, Люциус из Благородного и Древнейшего Дома Малфоев!

— Вместе с Аланной Хоу составляющие большинство в попечительском совете Хогвартса! — звонко объявила Дафна Гринграсс. — Ради обеспечения безопасности всех учеников, включая их собственных детей, приняли для Школы Чародейства и Волшебства Хогвартс следующий Образовательный Декрет!

— Первое! — воскликнула Дафна. Стоять перед четырьмя факультетами и говорить, чтобы голос не дрожал, было нелегко. Уроков ораторского мастерства, которые ей давали родители, только на это и хватало. Девочка на секунду глянула на зажатый в руке пергамент, где бледно-красными чернилами были написаны подсказки. — Ученикам запрещается ходить поодиночке, даже в туалет! Вам следует объединяться в группы как минимум по трое, и в каждой группе должен быть ученик шестого или седьмого курса.

— Второе! — голос Сьюзен Боунс звучал почти твёрдо. — Для обеспечения большей безопасности учеников в Хогвартсе будут размещены девять авроров, которые сформируют Вспомогательные Защитные Силы! — Сьюзен вынула из кармана маленькое круглое зеркало — один из коммуникаторов, используемых в ДМП. Каждый из них получил по такому коммуникатору. Сьюзен поднесла

зеркало ко рту и, повысив голос, произнесла: — Аврор Бродский, это Сьюзен Боунс. Войдите!

Двери в зал распахнулись, и внутрь промаршировали девять авроров в усиленных кожаных доспехах, которые они использовали на службе. Авроры сразу же рассредоточились по залу — по два аврора встали у каждого из четырёх столов факультетов, а последний встал на стражу у преподавательского стола. Многие в зале опять ахнули.

— Третье! — Драко Малфой, судя по всему, заучил свои строки наизусть, поскольку Дафна не видела у него ничего в руках. — Перед лицом общего врага, который не стесняется убивать учеников с любого факультета, все четыре факультета должны действовать как один! Чтобы это подчеркнуть, система баллов факультетов временно отменяется! Декретом Попечительского совета Хогwartса все без исключения профессора будут поощрять сплочённость факультетов!

— Четвёртое! — провозгласил Невилл Лонгботтом. — Все ученики, не записавшиеся до сих пор на дополнительные занятия профессора Защиты, будут дополнительно брать уроки самообороны у инструктора-аврора!

— Пятое! — угрожающе выкрикнул Теодор Нотт. — Любые стычки в коридорах или где бы то ни было ещё, кроме как на уроках Защиты, будут сурово наказываться! Сражайтесь вместе или не сражайтесь вовсе!

— Шестое! — сказала Дафна Гринграсс и глубоко вдохнула. Узнав, в чём состоит план, она озвучила матери через каминную сеть своё собственное небольшое требование. Хотя Люциус Малфой и объединился с Амелией Боунс — разум Дафны до сих пор с трудом воспринимал эту мысль — голос Гринграсс был решающим, поскольку Джагсон и его фракция отказались поддержать Малфоя. Не говоря уж о том, что Боунс не доверяла Малфоя, а Малфой — Боунс. Поэтому мать внесла это требование, и Гринграссы получили своё. — Так как на учениках были использованы Чары памяти, а охранные чары не среагировали — возможно, замешан кто-то из преподавательского состава Хогwartса. Поэтому! Вспомогательные Защитные Силы подотчётны непосредственно моему отцу, лорду Гринграссу!

Следующая часть была чисто символической, она знала, что ничто не помешает кому-то обратиться напрямую к аврорам. Но, возможно, когда-нибудь это превратится во что-то большее, поэтому Дафна попросила мать добавить её.

— И если кто-либо захочет сообщить что-либо Вспомогательным Защитным Силам, они могут обратиться либо к аврорам, либо

ко мне, — Дафна сделала жест рукой, охватывая стоявших за ней учеников. — Официально назначенному президенту Комитета Вспомогательных Защитных Сил!

Дафна сделала театральную паузу. Эту часть они все отрепетировали.

— Мы не знаем, кто наш враг, — сказал Невилл недрогнувшим голосом.

— Мы не знаем, что хочет наш враг, — сказал Теодор со всё тем же грозным видом.

— Но мы знаем, на кого нападает враг, — Сьюзен выглядела так же яростно, как во время боя с тремя семикурсниками.

— Враг нападает на учеников Хогwartса, — прозвенел голос Драко Малфоя, и его повелительный тон казался совершенно естественным.

— И Хогwartс, — закончила Дафна из Гринграсс, чувствуя, что её кровь горит, как никогда прежде, — принимает вызов.

Глава 99

Роли. Послесловие

Десять дней спустя в Запретном лесу
нашли первого мёртвого единорога.

Глава 100

Меры предосторожности. Часть 1

13 мая 1992 года.
Тени, порождённые дрожащим огнём масляной лампы, танцевали на лице Аргуса Филча, искажая его черты. Двери Хогвартса позади становились всё дальше, а темнота вокруг сгущалась всё сильнее. Тропа под ногами была размокшей и едва различимой.

Весна пока не успела полностью прикрыть деревья, оголённые зимой. Просвечивающие сквозь редкую листву ветки напоминали скелеты, их тощие пальцы тянулись к небу. Луна светила ярко, но её часто заслоняли бегущие по небу облака, и идущие оказывались во тьме, которую с трудом разгоняло лишь тусклое пламя лампы Филча.

Драко крепко сжимал палочку.

— Куда вы нас ведёте? — спросила Трейси Дэвис. Филч поймал её вместе с Драко после отбоя, когда они направлялись на встречу Серебряных Слизеринцев, и назначил им обоим отработку.

— Просто идите за мной, — отозвался Аргус Филч.

Драко всё происходящее несколько раздражало. Руководство школы должно признать Серебряных Слизеринцев как организацию. Если деятельность тайного общества идёт на благо Хогвартса, почему им нельзя разрешить встречаться после отбоя? Если что-нибудь подобное повторится ещё раз, Драко поговорит с Дафной Гринграсс, а та — со своим отцом, и тогда Филч поймёт: когда дело касается Малфоев, мудрее смотреть в другую сторону.

Огни Хогвартса почти исчезли вдалеке, и Филч заговорил снова:

— Держу пари, вы теперь дважды подумаете, прежде чем нарушать школьные правила, а? — Филч повернул голову от лампы и злобно покосился на четырёх учеников, следовавших за ним. — О, да... по мне, так тяжёлый труд и боль — лучшие учителя... Очень жаль, что старые способы наказания отменили... подвесить бы вас за кисти рук к потолку

на несколько деньков... Цепи всё ещё в моём кабинете, я их регулярно смазываю на случай, если они когда-нибудь понадобятся...

— Эй! — возмущённо воскликнула Трейси. — Я слишком молода, чтобы слушать об этом... ну о... сами понимаете! Особенно, если цепи хорошо смазанные!

Драко пропустил всё мимо ушей. Филчу было очень далеко до Амикуса Кэрроу.

Старшекурсница сзади — за Филчем вместе с Драко и Трейси следовали ещё два слизеринца — хихикнула, но ничего не сказала. Рядом с ней шёл высокий парень славянской внешности, который до сих пор говорил с акцентом. Их поймали за другим занятием — примерно из той области, на которую намекала Трейси. Оба были с третьего или четвертого курса.

— Пфф, — фыркнул парень. — В Дурмстранге подвешивают за пальцы вверх ногами. А если дерзишь — за один палец. Порядки в Хогвартсе были мягкими даже в старые времена.

С полминуты Аргус Филч молчал, видимо пытаясь придумать достойный ответ, и наконец усмехнулся:

— Посмотрим, как ты запоешь, когда... когда узнаешь, что вы сегодня будете делать! Ха!

— Говорю же, я ещё слишком молода для этого! — повторила Трейси. — Придётся подождать, пока я вырасту!

Впереди Драко увидел хижину странных пропорций. В окнах виднелся свет.

Филч резко и громко свистнул. Впереди послышался собачий лай.

На пороге дома появилась фигура, и деревья вокруг сразу показались маленькими. За ней появилась собака. Рядом со стоящим около дома человеком она выглядела щенком. Но если смотреть на неё отдельно, становилось понятно, что собака огромна и скорее напоминает волка.

Глаза Драко сузились, прежде чем он успел это осознать. Как Серебряному Слизеринцу ему не следовало испытывать предубеждение в отношении какого бы то ни было разумного существа, особенно на виду у других людей.

— Что такое? — спросил вышедший громким, грубым голосом полувеликана. Его зонтик сиял белым светом — гораздо ярче, чем тусклая лампа Филча. В другой руке он держал арбалет, а на плече у него висел колчан с арбалетными болтами.

— Ученики на отработке, — громко ответил Филч. — Они помогут тебе искать в Лесу то... что бы там их ни ждало.

— В Лесу?! — ахнула Трейси. — Нам нельзя ходить туда ночью!

— Верно, — сказал Филч, повернувшись к ним. — Вы отправитесь в лес, и сильно сомневаюсь, что вы вернётесь оттуда целыми и невредимыми.

— Но... — запнулась Трейси. — Я слышала, там живут оборотни, а ещё вампиры, а все знают, что получается, если где-то одновременно оказываются девушка, оборотень и вампир!*

Огромный полувеликан нахмурился.

— Аргус, я-то думал, пойдёшь ты и, может, пара семикурсников. Какая ж это помощь, коли мне за ними всё время приглядывать надо будет.

Аргус злорадно ухмыльнулся.

— Ну так это уже их проблемы. Чего они не вспомнили про оборотней перед тем, как пошли искать неприятности? Пусть идут одни. Я не собираюсь с ними цацкаться, Хагрид. В конце концов, они наказаны.

Полувеликан оглушительно вздохнул (звук получился, как если бы у нормального человека вышибли весь воздух из лёгких проклятием Удара дубиной).

— Ты своё сделал. Дальше сам разберусь.

— Вернусь на рассвете, — сказал Филч. — Заберу, что там от них останется, — добавил он ехидно, после чего развернулся и двинулся обратно к замку. Лампа, раскачиваясь, удалялась во тьму.

— Ладно, — сказал Хагрид, — теперь слушайте сюда. Сегодня, стал быть, нам придётся заняться кой-чем опасным, и я не хочу, чтоб кто-то рисковал. Пойдёмте вон туда.

Он подвёл их к самому краю Леса. Подняв лампу повыше, он указал на узкую, петляющую тропинку, которая исчезала среди толстых чёрных стволов. Драко посмотрел в Лес, и прохладный ветерок пробежался по его волосам.

— Что-то ест единорогов там, в Лесу, — сказал гигант.

Драко кивнул. Он смутно помнил, что пару недель назад — ближе к концу апреля — слышал что-то такое.

— Вы хотите, чтобы мы по следу серебряной крови нашли раненого единорога? — возбуждённо спросила Трейси.

— Нет, — Драко сумел удержаться от рефлекторной усмешки. — Филч сказал нам об отработке сегодня за обедом. Мистер Хагрид не стал бы откладывать поиски раненого единорога. Если бы нам нужно было искать что-то подобное, мы бы занялись этим днём, когда светло. Так что... — Драко поднял палец, как это

делал в пьесах инспектор Леон. — Полагаю, мы ищем что-то, что выходит только по ночам.

— Угу, — задумчиво подтвердил полувеликан. — Ты не такой, как я думал, Драко Малфой. Совсем не такой. А ты, стал быть, Трейси Дэвис. Слыхал про тебя. Ты одна из подружек бедной мисс Грейнджер.

Рубеус Хагрид направил свет зонта на двух старших слизеринцев.

— Так, а вы кто? Что-то я тебя плохо помню, парень.

— Камелия Уолт, — представилась ведьма. — А это — Юрий Юлий, — она указала на юношу славянской внешности, упоминавшего Дурмстранг. — Его семья приехала с визитом из украинских земель, так что он в Хогвартсе только на этот год.

Старшекурсник кивнул, на секунду его лицо приобрело высокомерное выражение.

— А это — Клык, — указал на собаку Хагрид.

И все пятеро отправились в Лес.

— Что может убивать единорогов? — поинтересовался Драко через несколько минут ходьбы. Он немного разбирался в Тёмных созданиях, но не мог вспомнить никого, кто охотился бы на единорогов. — Какие существа на это способны, кто-нибудь знает?

— Оборотни! — воскликнула Трейси.

— Мисс Дэвис?

Трейси обернулась, и Драко молча показал пальцем на луну. Она прибывала и представляла из себя уже больше половины круга, но полнолуние ещё не наступило.

— А, точно, — согласилась Трейси.

— Нет в Лесу оборотней, — сказал Хагрид. — Они ж обычные волшебники почти всё время, не забывайте. А волкам прыти не хватит единорога поймать. Единороги — могущественные волшебные создания, не слыхал прежде, чтоб хотя б одного ранили.

Драко почти против воли задумался о загадке.

— Тогда кто достаточно быстр, чтобы поймать единорога?

— Да может тут дело и не в быстроте, — ответил Хагрид, наградив Драко загадочным взглядом. — Волшебные существа охотятся столькими способами, что и не сосчитаешь. Яды, темнота, ловушки. Чертенята, которых ты не сможешь увидеть или услышать или вспомнить, даже когда они обглодают твоё лицо*. Всегда найдётся что-то новое и чудесное.

Облако закрыло луну, погрузив лес во мрак, который разгонял лишь светящийся зонтик Хагрида.

— Что до меня, — продолжил Хагрид, — я думаю, у нас тута завелась Парисская гидра. Они не страшны для волшебника, просто сдерживай какое-то время и обязательно победишь. То бишь, пока сражаешься — проиграть невозможно. Проблема в том, что встретив Парисскую гидру большинство существ сдаются слишком рано. Все головы отсечь — довольно долгое занятие, понимаешь.

— Это что, — подал голос старшекурсник-иностранец. — В Дурмстранге нас учат сражаться с Бухгольцской гидрой. Более нудной битвы и представить нельзя! То есть, буквально нельзя. Первогодки не верят, когда мы говорим, что победа возможна! Инструктору приходится отдавать приказ снова и снова, пока до них наконец не дойдёт*.

Они шли почти полчаса, направляясь всё глубже и глубже в лес. К этому времени они оказались среди настолько толстых деревьев, что держаться тропы стало практически невозможно.

И тут Драко увидел... густые брызги на корнях деревьев, ярко блестящие в лунном свете.

— Это...

— Кровь единорога, — сказал Хагрид. В голосе огромного человека звучала грусть.

На поляне впереди, сквозь переплетённые ветви гигантского дуба они увидели распростёртое на земле существо. Это зрелище было прекрасным и печальным одновременно. Почва вокруг него блестела лунным серебром из-за впитавшейся крови. Единорог был не белым, а бледно-голубым, по крайней мере так казалось в свете луны. Его стройные ноги торчали под странными углами — очевидно, сломанные, а тёмно-зелёная грива, разметающаяся по тёмным листьям на земле, блестела, словно жемчуг. На крупе единорога было небольшое пятно, похожее на звезду с восемью лучами, исходящими из центра. Половина бока была вырвана. Сквозь страшную дыру, которую, похоже, оставили чьи-то зубы, виднелись рёбра и внутренние органы.

У Драко перехватило дыхание.

— Это она, — сказал Хагрид печальным шёпотом, громким, как голос обычного человека. — Тута я её и нашёл этим утром, мёртвую, как камень. Она — первый... была первым единорогом, которого я встретил в этих лесах. Я называл её Аликорн. Хотя теперь ей, наверное, уже всё равно.

— Вы назвали единорога Аликорн, — несколько отстранённо повторила старшекурсница.

— Но ведь у неё нет крыльев, — заметила Трейси.

— Аликорн — это рог единорога, — сказал Хагрид уже обычным своим голосом. — Не знаю, откуда вы все взяли, что это единорог с крыльями, я никогда о таких не слышал*. Это всё равно как назвать собаку «Клык», — он указал на громадного, похожего на волка пса, едва достававшего ему до колен. — Как бы вы её назвали? Ханна, что ли? Я дал ей имя, которое что-то значило бы для неё самой. Обычная вежливость, я бы сказал.

Никто ничего не ответил, и, немного выждав, огромный человек резко кивнул.

— Стал быть, начнём поиски отсюда — с последнего места, где было нападение. Мы разделимся на две группы и пойдём по следам в разных направлениях. Вы двое, Уолт и Юлий... вы пойдёте в ту сторону и возьмёте Клыка. В Лесу ничто не сможет вам навредить, пока вы с Клыком. Выпустите вверх зелёные искры, если найдёте что-то интересное, и красные — если попадёте в неприятности. Дэвис, Малфой — за мной.

В лесу было темно и тихо. Когда они отправились по следу, Рубеус Хагрид приглушил сияние своего зонтика, так что Драко и Трейси вынуждены были обходиться лишь светом луны, из-за чего иногда спотыкались и падали. Они миновали замшелый пенёк. Судя по журчанию воды, где-то неподалёку тек ручей. Временами лунный луч, проникающий сквозь ветви над головой, высвечивал пятно серебристо-голубой крови на опавших листьях. Они шли по кровавому следу туда, где тварь, должно быть, в первый раз ранила единорога.

— О тебе болтают всякое, — вполголоса произнёс Хагрид спустя некоторое время.

— И всё это правда, — сказала Трейси. — Вообще всё.

— Да я не про тебя, — ответил Хагрид. — Ты и впрямь признался под сывороткой правды, что пытался помочь мисс Грейнджер, причём трижды?

Драко какое-то время взвешивал слова и наконец сказал:

— Да, — ему не хотелось создавать впечатление, будто он ставит себе это в заслугу.

Огромный человек покачал головой, его великанские ступни всё так же бесшумно ступали по лесу.

— По правде, я удивлён. И ты тоже, Дэвис, пытаешься навести порядок в коридорах. Вы уверены, что Распределяющая шляпа отправила вас, куда надо? Известно, что все свернувшие на кривую дорожку учились в Слизерине.

— Но это неверно, — возразила Трейси. — А как же Сяонан Тонг Чёрный Ворон, Спенсер из Хилла или мистер Кайвон?

— Кто? — переспросил Хагрид.

— Это одни из лучших Тёмных волшебников за последние два столетия, — ответила Трейси. — Вероятно, лучшие из выпускников Хогвартса, кто при этом не был в Слизерине.

Её голос стал тише, растеряв весь энтузиазм:

— Мисс Грейнджер всегда говорила, что я должна изучать всё, что я...

— В любом случае, — быстро перебил Драко, — это не имеет отношения к делу, мистер Хагрид. Хотя... — Драко задумался, пытаясь перевести разницу между вероятностью для слизеринца стать Тёмным и вероятностью Тёмного оказаться слизеринцем на ненаучный язык. — Хотя большинство Тёмных волшебников — слизеринцы, лишь немногие из слизеринцев — Тёмные волшебники. А поскольку Тёмных волшебников не так уж и много, ими не могут быть все слизеринцы. — Или, как говорил отец, любой Малфой, безусловно, должен владеть многими из тайных искусств, но наиболее... затратные ритуалы лучше оставить полезным глупцам вроде Амикуса Кэрроу.

— Так ты гришь, — произнёс Хагрид, — что большинство Тёмных волшебников — слизеринцы... но...

— Но большинство слизеринцев — не Тёмные волшебники, — закончил Драко. У него появилось нехорошее предчувствие, что на этой части объяснения они застрянут, но, как и в сражении с гидрой, главным было не сдаваться.

— Никогда об этом не думал с такой точки зрения, — поразился Хагрид. — Но, хм, если не все из вашего факультета — змеи, тогда почему... За дерево!

Хагрид схватил Драко и Трейси и переставил их с тропы за гигантский дуб. Затем зарядил арбалет и вскинул его, приготовившись стрелять. Все трое прислушались. Неподальёку что-то шелестело опавшими листьями, словно волочащийся по земле плащ. Хагрид, прищурившись, смотрел на тёмную тропу. Но спустя пару секунд шелест затих вдали.

— Так и знал, — пробормотал Хагрид, — в лесу завелось что-то, чего тут быть не должно.

Они направились туда, откуда доносился шелест. Хагрид шёл впереди, Трейси и Драко держали палочки наготове. Они потратили некоторое время на поиски, постепенно расширяя круг и тщательно прислушиваясь, но ничего не нашли.

Хагрид, Драко и Трейси снова двинулись сквозь дремучий тёмный лес. Драко постоянно оглядывался, его не отпускало ощущение, что за ними наблюдают. Тропинка повернула, и Трейси вдруг вскрикнула и указала рукой в небо.

Вдалеке в воздухе сверкнула россыпь красных искр.

— Вы двое, ждите здесь! — крикнул Хагрид. — Стойте, где стоите, я за вами вернусь!

Прежде, чем Драко успел сказать хоть слово, Хагрид развернулся и помчался напролом через подлесок.

Драко и Трейси стояли и смотрели друг на друга. Постепенно все звуки затихли, лишь тихо шелестела листва. Трейси выглядела испуганной, но пыталась это скрыть. Драко происходящее опять же скорее раздражало. Судя по всему, когда Рубеус Хагрид составлял планы на сегодняшнюю ночь, он не потратил и пяти секунд, чтобы представить себе в красках последствия этой прогулки, если что-то пойдёт не так.

— И что теперь? — голос Трейси прозвучал чуть тоньше обычного.

— Ждём, пока не вернётся мистер Хагрид.

Медленно тянулись минуты. Драко казалось, что его слух стал острее обычного и теперь он подмечает каждое дуновение ветра, каждый хруст веточки. Трейси постоянно поглядывала на луну, будто хотела убедиться, что она ещё не полная.

— Я... — прошептала Трейси, — я начинаю немного нервничать, мистер Малфой.

Драко слегка задумался. Если честно, в этом что-то было... нет, он не был трусом, его даже не пугала нынешняя ситуация. Но в Хогвартсе разгуливал убийца, и, если бы Драко смотрел пьесу со своим участием, и в этой пьесе полувеликан бросил бы его в Запретном лесу, ему сразу бы захотелось крикнуть мальчишке на сцене, что тот должен...

Драко засунул руку под мантию и вытащил зеркало. Лёгкий стук по поверхности, и в зеркале появился мужчина в красной мантии, который почти сразу нахмурился.

— Капитан авроров Энеаш Бродский, — чётко отрапортовал мужчина. В тишине леса эти слова прозвучали громко, и Трейси вздрогнула. — В чём дело, Драко Малфой?

— Связывайтесь со мной каждые десять минут, — сказал Драко. Он решил не жаловаться непосредственно на наказание. Он не хотел выглядеть капризным ребёнком. — Если я не отвечу, вытащите меня отсюда. Я в Запретном лесу.

У аврора в зеркале брови поползли вверх:

— Что вы делаете в Запретном лесу, мистер Малфой?

— Помогаю мистеру Хагриду искать пожирателя единорогов, — сказал Драко, отключил зеркало и засунул его под мантию, не давая аврору возможности спросить что-нибудь про отработки или заявить, что Драко должен отбывать наказание, а не жаловаться.

Трейси повернула голову в его сторону, но было слишком темно, чтобы различить выражение на её лице.

— Э-э, спасибо, — прошептала она.

Ещё одно, более холодное чем прежде, дуновение ветра, пронеслось по лесу, шелестя редкой листвой на деревьях.

— Вам не стоило... — немного застенчиво сказала Трейси.

— Не будем об этом, мисс Дэвис.

Тёмный силуэт Трейси приложил руку к щеке, словно хотел скрыть румянец, который всё равно не был виден в темноте.

— В смысле, ради меня...

— Нет, в самом деле, давайте не будем об этом, — прервал её Драко.

Он мог бы пригрозить достать зеркало и приказать капитану Бродскому не спасать её, но боялся, что она воспримет это как флирт.

Силуэт Трейси отвернулся. Наконец, она тихо сказала:

— Как по-вашему, ещё ведь слишком рано...

Пронзительный крик эхом прокатился по лесу, крик, похожий скорее на лошадиный, нежели на человеческий. Трейси взвизгнула и бросилась бежать.

— Стой, дура! — заорал Драко и помчался за ней. Драко вообще не был уверен, с какой стороны донёсся звук — настолько тот был призрачным, но у него промелькнула мысль, что Трейси Дэвис, возможно, рванула прямо к источнику этого жуткого крика.

Ветки ежевики хлестали Драко по глазам, и ему приходилось держать одну руку перед лицом, чтобы защитить их. Он старался не потерять Трейси из виду, потому что, если бы это была пьеса и они разделились, то кто-нибудь из них обязательно бы погиб. Драко подумал о спрятанном под мантией зеркале, но он откуда-то знал, что, если попытается достать его одной рукой на бегу, зеркало неминуемо упадёт и потеряется...

Трейси остановилась. Драко на мгновение почувствовал облегчение, но потом увидел то, что было впереди.

На земле в луже серебряной крови, которая расплзалась, словно разлитая ртуть, лежал ещё один единорог. Его шкура была фиолетовой, цвета ночного неба, и рог был того же сумеречного оттенка. На крупе

виделось розовое пятно в форме звезды, окружённое белыми метками*. От этого зрелища у Драко разрывалось сердце, даже сильнее, чем в прошлый раз, потому что остекленевшие глаза этого единорога смотрели прямо на него, и потому что ещё здесь присутствовало...

...размытое искажённое нечто...

...припавшее к открытой ране на боку единорога так, словно оно пило оттуда...

...Драко не мог понять, почему-то не мог осознать, что он сейчас видит...

...и оно смотрело на них.

Размытая бурлящая непроглядная тьма, похоже, повернулась, чтобы посмотреть на них. Раздалось шипение. Так могла бы шипеть самая смертоносная змея, когда-либо существовавшая на земле. Гораздо более опасная, чем любой синий крайт.

Затем оно потянулось обратно к ране на единороге и продолжило пить.

Зеркало оказалось в руке Драко, он бездумно стучал по его поверхности снова и снова, но оно не подавало признаков жизни.

Треиси уже сжимала палочку и выкрикивала что-то вроде «Призматис!» и «Ступефай!», но ничего не происходило.

Затем очертания бурлящей тьмы выросли, отдалённо напоминая человека, поднимающегося на ноги. Оно дёрнулось вперёд, странным полупрыжком перескочило через ноги умирающего единорога и направилось к ним.

Треиси дёрнула Драко за рукав и развернулась, чтобы бежать — бежать от того, что способно охотиться на единорогов. Не успела она сделать и трёх шагов, как раздалось ещё одно ужасное, резанувшее слух шипение. Треиси упала на землю и больше не двигалась.

Краем сознания Драко понял, что он сейчас умрёт. Даже если аврор проверяет зеркало в это самое мгновение, никто не сможет добраться сюда достаточно быстро. Времени не было.

Бегство не сработало.

Магия не сработала.

Бурлящая тьма приближалась, а Драко тратил последние мгновения своей жизни в попытках найти решение.

Вдруг из ночного неба вынырнул ослепительный серебряный шар и завис в воздухе, заливая лес ярким, почти дневным светом, и бурлящая тьма отпрянула, словно испугавшись этого света.

Следом из ночного неба вынырнули четыре метлы: три аврора, сверкающие разноцветными щитами, и Гарри Поттер с поднятой

палочкой, сидящий позади профессора МакГонагалл внутри щита, закрывавшего их обоих.

— Уходите! — закричала профессор МакГонагалл...

...в следующий миг бурлящее нечто издало ещё одно ужасающее шипение, и все защитные заклинания развеялись. Трое авроров и профессор МакГонагалл свалились с мётел, тяжело ударившись о землю, и остались лежать неподвижно.

Драко не мог дышать — страх, какого он не испытывал в своей жизни, сжимал его лёгкие, обвивал щупальцами сердце.

Гарри Поттер, которого чужая магия не задела, молча направиł метлу вниз...

...спрыгнул на землю и встал между Драко и бурлящей тьмой, закрывая слизеринца собой.

— Беги! — крикнул Гарри Поттер, вполоборота повернув голову к Драко. Под серебряными лучами луны его лицо сияло. — Драко, беги! Я его задержу!

— Ты не справишься с ним в одиночку! — выкрикнул Драко. Подступила тошнота, и какое-то смешанное чувство, которое казалось одновременно похожим и непохожим на чувство вины, будто соответствующие ощущения присутствовали, но не было эмоций.

— Я должен, — мрачно ответил Гарри Поттер. — Уходи!

— Гарри, прости... прости меня за всё... я... — позже, вспоминая этот миг, Драко не мог точно вспомнить, за что именно он просил прощения, быть может, за то, что давным-давно хотел перехватить власть над Байесовским Заговором.

Бурлящее нечто, казавшееся теперь ещё чернее и ужасней, оторвалось от земли и зависло в воздухе.

— БЕГИ! — крикнул Гарри.

Драко развернулся и бросился сломя голову в лес. Ветки хлестали его по лицу. Сзади снова раздалось ужасное шипение. Гарри громко что-то выкрикнул, но с такого расстояния Драко уже не смог разобрать, что именно. Лишь на мгновение Драко оглянулся и тут же во что-то врезался головой. Удар был настолько силен, что он потерял сознание.

* * *

Гарри крепко сжимал в руке палочку. Вокруг него сияла Радужная сфера. Он спокойно посмотрел на бурлящее размытое нечто перед собой и спросил:

— Что это вы тут устроили?

Бурлящее размытое пятно начало изменяться и перестраиваться и в итоге перетекло в форму человека в капюшоне. Какая бы маскировка при этом ни использовалась — Гарри подумал, что скорее тут применялся артефакт, а не заклинание, раз эта магия на него действовала — она мешала мозгу распознать очертания или хотя бы понять, что это вообще человек. Но она не смогла скрыть от Гарри знакомое острое чувство тревоги.

Перед Гарри стоял профессор Квиррелл. Его чёрный плащ спереди был залит серебряной кровью. Он посмотрел на лежащих на земле трёх авроров, Трейси Дэвис, Драко Малфоя и профессора МакГонагалл и вздохнул.

— Я был совершенно уверен, — пробормотал себе под нос профессор Квиррелл, — что блокировал это зеркало, не поднимая тревоги. Что два первокурсника-слизеринца делали в Запретном лесу одни? Мистер Малфой столь благоразумен, и вдруг... Какая неудача.

Гарри не ответил. Чувство тревоги переполняло его как никогда прежде, сила, витавшая в воздухе, была столь велика, что Гарри ощущал её чуть ли не кожей. Часть его до сих пор была потрясена тем, насколько быстро щиты авроров разлетелись в клочья. Он ведь едва различил в воздухе несколько цветных вспышек, разорвавших щиты, словно тонкую бумагу. Дуэль между профессором Квирреллом и аврором в Азкабане теперь казалась насмешкой, детской забавой. Хотя профессор Квиррелл утверждал тогда, что, если бы он сражался в полную силу, то аврор был бы мёртв уже спустя несколько секунд. И теперь Гарри понял, что это была правда.

Существует ли предел возможного могущества?

— Я так понимаю, — Гарри удалось заставить свой голос не дрожать, — поедание единорогов как-то связано с тем, почему вас уволят с должности профессора Защиты. Надо полагать, вы не собираетесь вдаваться в подробные объяснения?

Профессор Квиррелл посмотрел на него. Почти осязаемое ощущение силы, витавшее в воздухе, казалось, исчезло, втянулось обратно в профессора Защиты.

— Мне действительно следует объясниться, — ответил профессор. — Сначала мне нужно наложить несколько чар Памяти, а затем мы сможем уйти отсюда и всё обсудить. С моей стороны будет неблагоразумно здесь оставаться. А вы вернётесь к этому моменту времени позже, насколько я понимаю.

Гарри пожелал видеть сквозь Мантию, хозяином которой он являлся, и понял, что другой Гарри стоит рядом с ним, скрытый своим собственным Даром Смерти. Затем Гарри велел своей Мантии вновь спрятать его от него самого, что Мантия и сделала. Возможность узнать своё будущее означала также необходимость соответствовать воспоминанию о нём в дальнейшем.

Затем его собственный голос, звучавший непривычно для Гарри-из-настоящего, сказал:

— У него на удивление хорошее объяснение.

Гарри-из-настоящего постарался запомнить эти слова как можно точнее. Больше они ничего не сказали друг другу.

Профессор Квиррелл подошёл к лежащему Драко и произнёс заклинание Ложной памяти. Где-то минуту профессор Защиты стоял над ним, полностью погрузившись в себя.

Последние пару недель Гарри изучал чары Памяти. Впрочем, он не мог помочь их накладывать, если только не хотел довести себя до почти полного изнеможения и зачем-нибудь стереть аврору все воспоминания, связанные с синим цветом*. Но теперь он представлял, какой концентрации требуют гораздо более сложные чары Ложной памяти. Для наложения этих чар необходимо прожить в своей голове жизнь другого человека во всех деталях, по крайней мере, если не хочется тратить шестнадцать минут на каждую минуту ложной памяти, которые потребуются, чтобы создать основные шестнадцать потоков памяти отдельно друг от друга. И хотя работа с чарами Ложной памяти могла происходить тихо, без каких-либо внешних проявлений, теперь Гарри представлял всю её сложность и потому был впечатлён.

Профессор Квиррелл закончил с Драко и перешёл к Трейси Дэвис, затем к трём аврорам и, наконец, к профессору МакГонагалл. Гарри выждал, но Гарри-из-будущего не протестовал. Возможно, даже сама профессор МакГонагалл, будь она в сознании, не стала бы протестовать. Майские иды ещё не настали*, и, судя по всему, Гарри сейчас получит на удивление хорошее объяснение.

Один жест — и бессознательное тело Драко воспарило в воздух, переместилось чуть дальше в лес, а затем аккуратно опустилось на землю. Заключительным движением профессор Квиррелл вырвал огромный кусок из бока единорога, оставив рваные края вокруг раны. Кусок сырого мяса взлетел в воздух, задрожал под действием заклинания Исчезновения и исчез.

— Сделано, — сказал профессор Квиррелл. — Теперь я должен покинуть это место, мистер Поттер. Идите со мной и оставайтесь здесь.

Профессор Квиррелл зашагал прочь, а Гарри последовал за ним и остался на месте.

Некоторое время они шли по лесу молча, затем Гарри услышал приглушённые голоса вдалеке. По-видимому, прибыла следующая группа авроров — ведь первая не вышла на связь. Гарри не знал, как всё произошедшее объяснила его версия из будущего.

— Они не обнаружат нас и не услышат наш разговор, — сказал профессор Квиррелл. Ощущение силы и тревоги вокруг профессора Защиты всё ещё было очень заметным. Мужчина уселся на пень, и теперь свет от почти полной луны освещал его целиком.

— Прежде всего я должен сказать, что, когда вы будете говорить с аврорами в будущем, вам следует сказать им, что вы напугали бурлящую тьму так же, как того дементора. Это то, что будет помнить мистер Малфой, — профессор Квиррелл тихо вздохнул. — Если они решат, что нечто жуткое, сродни дементорам, и, притом достаточно сильное, чтобы сломить щиты авроров, свободно разгуливает в Запретном лесу, это может вызвать некоторую тревогу. Но я не смог придумать ничего другого. Если после этого лес будут лучше охранять... впрочем, при некотором везении, я уже получил то, что мне надо. Вы не расскажете, как вам удалось так быстро добраться? Как вы узнали, что мистер Малфой попал в беду?

После того, как капитан Бродский узнал, что Драко Малфой находится в Запретном лесу, по-видимому, в компании Рубеуса Хагрида, он начал выяснять, кто дал на это разрешение. Но к тому моменту, когда настало время снова связаться с Драко, он это выяснить не успел. У капитана авроров был допуск к информации о Маховиках времени, но, несмотря на протесты Гарри, он отказался возвращаться во времени к неудавшейся попытке выйти на связь — для вопросов, связанных со Временем, существовали стандартные процедуры. Тем не менее Бродский выдал Гарри письменный приказ, разрешающий тому вернуться назад и организовать прибытие трёх авроров одной секундой позже вызова, оставшегося без ответа. Чтобы найти Драко, Гарри использовал патронуса — Гарри пожелал, чтобы тот принял форму шара из чистого серебряного света, и ему это удалось. В итоге, авроры прибыли на место с точностью до секунды.

— Боюсь, я не могу вам рассказать, — спокойно ответил Гарри. Профессор Квиррелл всё ещё оставался главным подозреваемым, и лучше, чтобы он не знал всех деталей. — А теперь скажите, почему вы едите единорогов?

— А, — сказал профессор Квиррелл, — что до этого... — он поколебался. — Я пил кровь единорогов, а не ел их. Пропавшая плоть, рваные раны на телах — всё это нужно, чтобы скрыть настоящее положение дел, сделать всё похожим на нападение хищника. Слишком хорошо известно, для чего пьют кровь единорога.

— Мне это неизвестно, — сказал Гарри.

— Я знаю, что вам неизвестно, — отрезал профессор Защиты, — иначе вы бы не докучали мне своими расспросами. Кровь единорога способна продлить жизнь на какое-то время даже тому, кто находится на самом краю смерти.

Какое-то время мозг Гарри заявлял, что отказывается воспринимать сказанное, что, конечно же, было ложью, потому что нельзя знать, что именно нельзя воспринимать, если ты это ещё не воспринял.

Гарри переполняло странное ощущение пустоты. Возможно, именно это чувствуют люди, когда что-то идёт не по сценарию и они не знают, что надо говорить или делать.

Ну конечно, профессор Квиррелл умирает, а не просто временно болен.

И профессор Квиррелл знает, что умирает. В конце концов, он же вызвался занять место профессора Защиты в Хогвартсе.

И в течение учебного года ему, конечно же, становилось всё хуже. А болезни, от которых становится всё хуже, приводят к закономерному финалу.

И знание это уже было в голове Гарри — где-то на безопасных задворках, где он мог отказаться понимать то, что уже понято.

И, естественно, именно поэтому профессор Квиррелл не сможет преподавать Боевую магию в следующем году. Профессору МакГонагалл даже не придётся его увольнять, он просто...

...умрёт.

— Нет, — голос Гарри немного дрожал. — Должен быть способ...

— Я не дурак и не особенно жажду умереть. Я уже искал. Я зашёл так далеко, просто чтобы не сорвать учебный план, поскольку времени оказалось меньше, чем я предполагал и... — голова озарённой лунным светом фигуры отвернулась. — Не думаю, что хочу это обсуждать, мистер Поттер.

— Но тогда почему... — дыхание Гарри снова сбилось. — Почему кровь единорога не хранится во всех аптечках, чтобы сохранить жизнь тем, кто стоит на пороге смерти из-за того, что им откусили ноги?

— Из-за необратимых побочных эффектов, — тихо отозвался профессор Квиррелл.

— Побочных эффектов? Побочных эффектов?! Какой побочный эффект с медицинской точки зрения может быть хуже, чем СМЕРТЬ?! — последнее слово Гарри уже практически выкрикнул.

— Не все думают так же, как мы, мистер Поттер. Правда, замечу ради справедливости, кровь следует пить из живого единорога, и он в процессе должен умереть. Иначе, что бы я тут делал?

Гарри отвернулся и уставился на окружавшие их деревья.

— Завести в святого Мунго стадо единорогов. Доставлять пациентов туда каминной сетью или портключами.

— Да, это бы сработало.

Внутри Гарри всё бурлило, но внешне его чувства выдавало лишь застывшее лицо и дрожь в руках. Ему хотелось закричать, найти какую-то отдушину... сделать что-то, невыразимое словами. Наконец, Гарри направил палочку на дерево и выкрикнул:

— *Диффиндо!*

Раздался резкий хруст, и поперёк ствола появилась трещина.

— *Диффиндо!*

Ещё одна трещина. Это заклинание Гарри выучил только десять дней назад, после того как всерьёз задумался о самообороне. Теоретически это было заклинание второго курса, но прорывавшемуся наружу гневу было всё равно, и Гарри уже освоил это заклинание в достаточной мере, чтобы не истощить себя сразу, так что силы у него ещё оставались.

— *Диффиндо!*

На этот раз он целился в ветку, и та с шумом рухнула на землю.

— На этом я вас оставляю, — тихо сказал профессор Квиррелл. Он поднялся на ноги и надел капюшон. Кровь единорога всё ещё светилась на его чёрном плаще.

Глава 101

Меры предосторожности. Часть 2

Гарри тяжело дышал. Вокруг него лежали поваленные деревья. Трудно было поверить, что такие разрушения в лесу способен устроить первокурсник. Режущим заклинанием нельзя срубить дерево, поэтому Гарри начал трансфигурировать поперечные сечения стволов. Он свалил несколько деревьев, но ему не стало лучше, внутри по-прежнему клочкотали эмоции. Но пока он крушил деревья, он по крайней мере не думал о том, что эти эмоции невозможно выпустить.

Когда магические силы у Гарри кончились, он принялся обрывать и ломать ветки голыми руками. Руки кровоточили, но эти раны утром сможет вылечить мадам Помфри. У волшебников неизлечимые шрамы оставляет лишь Тёмная магия.

Вдруг Гарри услышал, как в лесу что-то движется. Звук напоминал стук лошадиных копыт. Гарри стремительно развернулся и вскинул палочку. Пока он работал руками, его магия частично восстановилась. Ему в голову впервые пришла мысль, что он в Запретном лесу один и при этом шумит.

Однако под лунный свет, вопреки ожиданиям Гарри, вышел не единорог. Нижняя часть существа напоминала лошадиную, а верхняя представляла собой обнажённый мужской торс. Лицо кентавра обрамляли длинные светлые волосы, его глаза были почти такими же голубыми, как у Дамблдора, с переходом к сапфировому.

В одной руке кентавр держал длинное деревянное копье с очень большим металлическим наконечником. Край наконечника в лунном свете не блестел. Гарри однажды читал, что блестят только тупые клинки.

— Итак, — у кентавра оказался низкий, звучный и мужественный голос. — Вот и ты, и вокруг тебя — разрушения. Я чувствую в воздухе запах крови единорога, крови невинного, убитого ради спасения своей жизни.

Внезапный приступ страха вернул Гарри к реальности, и он быстро ответил.

— Это не то, чем кажется.

— Я знаю. Сами звёзды провозглашают твою невинность. Какая ирония, — кентавр сделал шаг по небольшой поляне ближе к Гарри, не опуская копьё. — Странное слово — «невинность». Оно подразумевает отсутствие знания, как невинность ребёнка, и также отсутствие вины. Только совершенно невежественные не несут никакой ответственности за последствия своих действий. Они не ведают, что творят, и потому у них не может быть намерения навредить — вот что значит это слово.

Гулкий голос не создавал эха в лесу.

Глаза Гарри на мгновение метнулись к кончику копья. Он осознал, что ему следовало взяться за Маховик времени сразу, как только он увидел кентавра. Теперь же, если Гарри попытается засунуть руку под мантию, кентавр, если окажется достаточно быстр, сможет ударить его копьём.

— Однажды я прочёл, — ответил Гарри немного нетвёрдым голосом, пытаясь подобрать столь же глубокомысленные слова в ответ, — что неверно думать о детях как о невинных, потому что незнание — не то же самое, что отсутствие выбора. Дети не в состоянии причинить большой вред друг другу во время своих потасовок, потому что у них для этого недостаточно сил. Некоторые взрослые такой вред причиняют. Но другие взрослые — нет. И разве эти другие взрослые не более невинны, чем дети?

— Мудрость волшебников, — отозвался кентавр.

— Вообще-то, мудрость маглов.

— О лишённых магии я знаю немного. В последнее время Марс был тусклым, но теперь он становится ярче, — кентавр сделал ещё один шаг вперёд и теперь оказался почти на расстоянии удара от Гарри.

Гарри не решился взглянуть на небо.

— Это значит, что Марс приближается к Земле, по мере того как обе планеты вращаются вокруг Солнца. Марс отражает то же количество света, что и всегда, он всего лишь становится ближе. Что вы подразумевали, говоря: «звёзды провозглашают твою невинность»?

— Ночное небо говорит с кентаврами. Так мы узнаём то, что узнаём. Или ныне волшебникам не рассказывают даже об этом? — по лицу кентавра пробежала тень презрения.

— Я... пытался разузнать о кентаврах, когда читал о прорицании. Большинство авторов просто высмеивают прорицание кентавров, не объясняя причин. Волшебники не придерживаются правил аргументации — они считают, что насмешки над идеей или её автором

позволяют отбросить эту идею так же, как и свидетельства против неё... Я думал, что рассказы про использование кентаврами астрологии — такие же насмешки, как и всё остальное.

— Почему? — нараспев произнёс кентавр, с любопытством склонив голову набок.

— Потому что движение планет предсказуемо на тысячи лет вперёд. Если я поговорю с нужными маглами, то смогу показать вам схему, как именно будут расположены планеты через десять лет при наблюдении с этого места. Вы сможете сделать по ней предсказание?

Кентавр покачал головой.

— По схеме? Нет. Свет планет, комет, неуловимое движение самих звёзд — всего этого я не увижу.

— Орбиты комет тоже определены на тысячи лет вперёд, поэтому они не могут иметь существенного отношения к текущим событиям. А свету звёзд, чтобы достичь Земли, нужны годы, и сами звёзды практически не движутся — во всяком случае, невооружённым глазом этого не заметить. Поэтому напрашивается предположение, что у кентавров есть природный дар к прорицаниям, который вы, так сказать, проецируете на ночное небо.

— Возможно, — задумчиво произнёс кентавр. Он опустил голову. — Другие бы набросились на тебя за такие слова, но я всегда стремился узнать то, чего я не знаю. Почему ночное небо может предсказывать будущее — это мне, конечно, неизвестно. Даже само это умение достаточно трудно освоить. Могу лишь сказать, сын Лили, что, даже если ты говоришь правду, непонятно, какой в ней прок.

Гарри позволил себе немного расслабиться. Если кентавр обращается к нему «сын Лили», значит, Гарри для него больше, чем просто вторгшийся в лес чужак. Кроме того, нападение на ученика Хогвартса наверняка чревато очень серьёзными последствиями для обитающего в лесу племени кентавров, и кентавру скорее всего это известно...

— Маглы поняли, что в истине кроется сила. Она есть в каждой частичке истины, и эти частички связаны друг с другом. И обрести эту силу можно, лишь открыв как можно больше истин. При этом нельзя защищать ложные убеждения, нельзя даже говорить, что ложное убеждение полезно. Может показаться неважным, действительно ли ваши предсказания основаны на звёздах или вы лишь проецируете на звёзды свои врождённые умения. Но, если вы в самом деле хотите понять прорицание или роль звёзд в прорицании, истина о предсказаниях кентавров будет иметь значение для других истин.

Кентавр медленно кивнул.

— Стало быть, люди без палочек стали мудрее волшебников. Подумать только! Скажи мне, сын Лили, говорят ли исполненные мудрости маглы о том, что небеса вскоре опустеют?

— Опустеют? — переспросил Гарри. — Э-э... нет?

— Другие кентавры этого леса избегают встречи с тобой, ибо мы клянёмся не препятствовать тому, что предначертано небом. Потому что, если наши судьбы переплетутся с твоей, возможно, часть вины за то, что грядёт, будет и на нас. Лишь я один посмел приблизиться к тебе.

— Я... я не понимаю.

— Нет. Ты невинен, как и говорят звёзды. А убить невинного ради спасения самого себя — это ужасное деяние. Совершившему такое суждена проклятая жизнь, полужизнь. Ибо любой кентавр, конечно же, будет изгнан, если он лишит жизни жеребёнка.

Копьё ударило, словно молния — слишком быстро, чтобы отреагировать — и вышибло из рук волшебную палочку.

Следующий мощный удар угодил Гарри в солнечное сплетение. Он рухнул на землю, лоя ртом воздух и пытаясь сдержать рвотные позывы. Попытался схватить Маховик времени, спрятанный под мантией, но удар тупого конца копья отбросил его руку в сторону, едва не сломав пальцы. Гарри повторил попытку другой рукой, но копьё ударило и по ней...

— Мне жаль, Гарри Поттер, — сказал кентавр. Вдруг он вздёрнул голову, и его глаза расширились. Копьё взлетело вверх и отбило красный сгусток заклинания. Кентавр уронил копьё и отчаянно отпрыгнул в сторону — мимо него пролетела зелёная вспышка света. За ней последовала вторая. Третья его настигла.

Кентавр упал и больше не двигался.

Гарри с трудом успокоил дыхание, пошатываясь, поднялся на ноги, подобрал свою палочку. Всё это получилось у него не сразу.

— Что это было? — прохрипел он.

Чувство тревоги, мощное настолько, что казалось почти осязаемым, приблизилось снова.

— П-профессор Квиррелл? Что вы здесь делаете?

— Ну, — задумчиво сказал мужчина в чёрной мантии, — вам нужно было отвести душу и устроить громкую истерику в Запретном лесу посреди ночи, а мне нужно было выйти за пределы вашей способности чувствовать меня и быть наготове. Нельзя взять и оставить ученика одного в Запретном лесу. По-моему, это очевидно, после всего, что случилось.

Гарри не мог оторвать взгляд от лежавшего кентавра.

Лошадиное тело не дышало.

— Вы... вы убили его, это была Авада Кедавра...

— Я не всегда понимаю, что другие люди считают морально допустимым, мистер Поттер. Но даже я знаю, что с точки зрения традиционной морали приемлемо убить нечеловеческое существо, которое вот-вот прикончит ребёнка-волшебника. Наверняка вас не волнуют различия между человеческим и нечеловеческим, но он собирался вас убить. Вряд ли его можно назвать невинным...

Гарри прижал дрожащую руку к рту. Профессор Защиты замолчал.

— Что ж, — продолжил профессор после небольшой паузы, — я озвучил свою точку зрения, и вы можете над ней подумать. Копья кентавров могут отражать многие заклинания, но никто не станет пытаться отразить заклинание определённого зелёного оттенка. Поэтому полезно изучить какое-нибудь зелёное парализующее заклинание. В самом деле, мистер Поттер, вам пора бы уже понимать, как я действую.

Профессор Защиты подошёл к телу кентавра, и Гарри непроизвольно сделал шаг назад, затем ещё один. Что-то внутри него отчаянно кричало: «СТОЙТЕ! НЕ НАДО...»

Профессор Квиррел присел и прижал палочку к голове кентавра. Подержал некоторое время.

И кентавр поднялся, его глаза были пусты, он снова дышал.

— Забудь всё, что было, — приказал профессор Защиты. — Уходи прочь и забудь всё, что было этой ночью.

Кентавр ушёл, четыре лошадиные ноги двигались неестественно синхронно.

— Теперь вы довольны? — сардонически поинтересовался профессор.

Гарри не оставляло ощущение, будто у него в голове что-то сломалось.

— Он пытался меня убить.

— О, ради Мерлина, да, он пытался вас убить. Привыкайте. Лишь скучных людей никогда не пытаются убить.

Голос Гарри прозвучал хрипло:

— Почему... почему он хотел...

— Могло быть бесчисленное множество разных причин. Я бы солгал, если бы сказал, что мне самому никогда не приходила в голову мысль вас убить.

Гарри смотрел на деревья, за которыми скрылся кентавр.

Ощущение, будто у него в голове что-то сломалось, не проходило, и Гарри сомневался, что это может означать что-то хорошее.

Известия, что Драко Малфоя чуть не съел какой-то ужас, оказалось достаточно, чтобы вызвать Дамблдора оттуда, куда он уезжал, разбудить лорда Малфоя и мужа-красавца леди Гринграсс и обеспечить присутствие Амелии Боунс. К самому факту существования упомянутого ужаса со скепсисом отнёсся даже Дамблдор, после чего заговорили о вероятности применения чар Ложной памяти. Гарри (после некоторого внутреннего спора о последствиях того, что люди будут верить в бродящего на свободе демона) сказал, что на самом деле не помнит, как прикладывал те же усилия, которые напугали дементора, что Тёмная сущность просто ушла. Именно так кто-то создавал бы Ложную память, если бы не знал, как именно Гарри напугал дементора. В связи с этим были упомянуты имена Беллатрисы Блэк, Северуса Снейпа и Квиринуса Квиррелла как волшебников, способных справиться со всеми, кто был на поляне, и наложить чары Ложной памяти, а Гарри знал, что Люциус подозревает Дамблдора. Авроры давали показания, дискуссия ходила по кругу, присутствующие обменивались гневными взглядами и едкими замечаниями. Где-то после двух часов ночи последовали предложения, голосования и вердикты.

— Ты полагаешь, — тихо спросил директор Дамблдор, когда все ушли и они с Гарри остались вдвоём, — что ты сделал Хогвартс лучше?

Гарри сидел, уперевшись локтями в колени и уткнув лицо в ладони. Профессор МакГонагалл, у которой использование Маховика времени не вошло в привычку настолько, как у директора и Гарри, после окончания совещания сразу же ушла спать.

— Да, — ответил Гарри после длительных колебаний. — С моей точки зрения, директор, происходящее в Хогвартсе наконец... наконец стало нормальным. Когда кто-то посылает четырёх детей ночью в Запретный лес, реакция должна быть именно такой. Начинается большая суматоха, появляются служители порядка, а ответственных за случившееся увольняют.

— Ты считаешь, что это хорошо, — всё так же тихо спросил Дамблдор, — когда человека, которого ты считаешь ответственным, как ты выразился, увольняют.

— Да, так и есть.

— Аргус Филч служил здесь десятилетиями.

— А когда ему дали сыворотку правды, — устало сказал Гарри, — Аргус Филч признался, что послал одиннадцатилетнего мальчика в Запретный лес в надежде, что с тем случится что-то ужасное, потому

что считал, что отец мальчика в ответе за смерть его кошки. Присутствие в компании с Драко ещё трёх учеников Филча не волновало. Я бы потребовал тюремного заключения, но в вашем понимании тюрьма — это Азкабан. Я также замечу, что по отношению к детям в Хогвартсе Филч вёл себя крайне недружелюбно, и я полагаю, гедонистический индекс школы после его увольнения возрастет. Хотя вас, кажется, это не волнует.

По глазам директора за стёклами очков-полумесяцев нельзя было ничего прочесть.

— Аргус Филч — сквиб. Работа в Хогвартсе — всё, что у него есть. Точнее, всё, что у него было.

— Смысл школы не в том, чтобы обеспечивать работой служащих. Я понимаю, что вы провели с Филчем больше времени, чем с любым учеником, но переживания Филча не должны из-за этого становиться для вас важнее. У учеников тоже есть чувства.

— Тебя это совсем не заботит, да, Гарри? — тихо спросил Дамблдор. — Судьбы тех, кто пострадал по твоей вине?

— Я забочусь о невинных, — ответил Гарри. — Например, о мистере Хагриде. Как вы могли заметить, я выступал за то, чтобы рассматривать его действия как небрежность, а не злой умысел. Меня вполне устраивает, что мистер Хагрид здесь работает, если он не поведёт кого-нибудь в Запретный лес снова.

— Я думал, что теперь, когда Рубеус оправдан, он мог бы учить Уходу за волшебными существами после того, как Сильванус уйдёт в отставку. Но большая часть обучения проходит в Запретном лесу. И теперь, в результате твоих действий, Рубеусу не суждено стать учителем.

— Но... вы сами сказали, что у мистера Хагрида слепое пятно в том, что касается волшебных существ, опасных для волшебников. Что на этой почве у мистера Хагрида когнитивное искажение, и он в самом деле не мог представить, что Драко и Трейси страдают, поэтому не видел ничего плохого в том, чтобы оставить их одних в Запретном лесу. Это неправда?

— Это правда.

— Но разве тогда мистер Хагрид не будет худшим учителем по Уходу за волшебными существами из всех возможных?

Старый волшебник пристально посмотрел на Гарри сквозь очки-полумесяцы и хрипло произнёс:

— Даже мистер Малфой не заметил ничего плохого. Нет ничего удивительного в том, что кто-то купился на игру Аргуса. А Рубеус мог бы дорасти до этой должности. Это было... всё, что он хотел, его самая большая мечта...

Гарри устался на свои колени. Накатившая на него усталость оценивалась как минимум в десять процентов от максимальной, которую он когда-либо испытывал.

— Ваша ошибка заключается в когнитивном искажении, которое мы называем «пренебрежение масштабом». Неспособности умножать. Вы думаете о том, как счастлив будет мистер Хагрид, когда узнает эту новость. Представьте будущие десять лет и тысячи учеников, занимающихся Уходом за волшебными существами, десять процентов которых заработают ожог от огневиц. Никто из учеников не пострадает настолько, насколько будет счастлив мистер Хагрид, но при этом получится сотня пострадавших учеников и лишь один счастливый учитель.

— Возможно, — ответил старый волшебник. — А твоя ошибка, Гарри, в том, что во время своего умножения ты не чувствуешь боли тех, кого ранишь.

— Может быть, — Гарри по-прежнему смотрел на свои колени. — Может быть, всё ещё хуже. Директор, если меня невзлюбил кентавр, что это значит?

Что это значит, когда представитель расы магических существ, известных своим даром прорицания, читает тебе лекцию о людях, не задумывающихся о последствиях, извиняется, а затем пытается проткнуть копьём?

— Кентавр? — переспросил директор. — Когда ты... а, Маховик времени. Из-за тебя я не смог вернуться во время до произошедшего. Это бы привело к парадоксу.

— Из-за меня? Наверное, — Гарри отстранённо покачал головой. — Извините.

— За очень редкими исключениями, — сказал Дамблдор, — кентавры вообще не любят волшебников.

— В моём случае всё было несколько более конкретно.

— Что тебе сказал кентавр?

Гарри не ответил.

— А, — помедлил директор. — Кентавры много раз ошибались, а если и есть кто-то, кто способен сбить с толку сами звёзды, то это ты.

Гарри поднял голову и увидел, что голубые глаза за стёклами очков-полумесяцев снова смотрят на него мягко.

— Не стоит об этом слишком переживать, — сказал Альбус Дамблдор.

Забота

3 июня 1992 года.
Профессор Квиррелл был очень болен. После того как он напился крови единорогов в мае, некоторое время казалось, что ему стало лучше. Но ореол могущества не продержался и дня. К майским идам руки профессора Квиррелла опять дрожали, хотя и едва заметно. Видимо, курс лечения профессора Защиты был прерван слишком рано.

Шесть дней назад, во время обеда, профессору Квирреллу стало плохо.

Мадам Помфри попыталась запретить профессору Квирреллу вести уроки, и профессор наорал на неё при всех. Он кричал, что всё равно умирает и поэтому будет использовать оставшееся время по собственному усмотрению.

В итоге Мадам Помфри, часто моргая, запретила профессору Защиты абсолютно всё, кроме ведения уроков. Она спросила, найдётся ли доброволец, который поможет ей перенести профессора Квиррелла в палату в лазарете Хогвартса. Больше сотни учеников вскочили, и лишь половина из них носила зелёное.

Профессор Защиты больше не сидел за преподавательским столом во время еды. Он не колдовал на уроках. Самые старшие ученики — семикурсники, которые набрали больше всего баллов Квиррелла и уже сдали в мае ТРИТОН по защите, — помогали ему вести занятия. Они по очереди левитировали его из лазарета в класс и носили ему еду. Профессор Квиррелл проводил занятия по Боевой Магии, не вставая с кресла.

Смотреть, как умирает Гермиона, было гораздо больнее, но в тот раз всё кончилось намного быстрее.

Есть лишь один настоящий Враг.

У Гарри уже появлялась эта мысль — после смерти Гермионы. И теперь, вынужденный день за днём, неделю за неделей наблюдать, как умирает профессор Квиррелл, он уже никуда не мог от неё деться.

Есть лишь один настоящий Враг, с которым я должен встретиться лицом к лицу, — думал Гарри, глядя, как профессор

Защиты заваливается на бок в своём кресле, а семикурсник, помогавший с уроками в тот день, подхватывает его. — *Всё остальное лишь тени и помехи.*

Гарри снова и снова прокручивал в голове пророчество Трелони, размышляя, что, быть может, настоящий Тёмный Лорд вообще не имеет никакого отношения к Волдеморту. «Родится у тех, кто трижды бросал ему вызов» было очень похоже на отсылку к братьям Певереллам и трём Дарам Смерти, хотя Гарри не совсем понимал, как Смерть могла пометить его как равного — что вроде бы подразумевало какое-то умышленное действие с её стороны.

Есть лишь один настоящий Враг, — думал Гарри. — Потом он придёт за профессором МакГонагалл, за мамой и папой, даже за Невиллом когда-нибудь. Если только к тому времени рана мира не будет вылечена.

Гарри ничего не мог сделать. Мадам Помфри уже применяла все возможные магические средства, чтобы помочь профессору Квирреллу, а магия, судя по всему, намного опередила магловские технологии в лечении.

Гарри ничего не мог сделать.

Ничего не мог сделать.

Ничего.

Совсем ничего.

* * *

Гарри поднял руку и постучал в дверь, на случай, если человек за ней больше не мог почувствовать его присутствие.

— В чём дело? — донёсся из комнаты напряжённый голос.

— Это я.

Долгая пауза.

— Войдите, — сказал голос.

Гарри скользнул внутрь, закрыл за собой дверь и наложил чары Квиетус. Он остановился как можно дальше от профессора Квиррелла, на тот случай, если его магия доставляла профессору неудобства.

Хотя чувство тревоги постепенно ослабевало, затухало с каждым днём.

Профессор Квиррелл лежал на больничной койке, лишь его голова была приподнята на подушке. Его грудь прикрывало одеяло из пушистого материала, красное с чёрными стежками. Перед его глазами парила книга, обрамлённая бледным свечением. Такое

же свечение окружало и стоявший у кровати чёрный куб. Значит, не чары профессора Защиты, а какое-то устройство.

Это была книга Эпстайна «Думай, как физик» — та самая книга, которую Гарри давал Драко пару месяцев назад. Прошло уже несколько недель, как Гарри перестал беспокоиться о возможности злоупотребления ею.

— Эта... — начал профессор Квиррелл и нехорошо закашлялся. — Эта книга поразительна... если бы я только понял раньше... — смех, смешанный с ещё одним приступом кашля. — Почему я решил, что не должен владеть... искусством маглов? Что оно окажется... бесполезным для меня? Почему мне не пришло в голову попробовать... проверить экспериментально... так вы говорите? На случай... если моё предположение... неверно? Теперь я вижу... что проявил чудовищную глупость...

Гарри слова давались ещё сложнее, чем профессору Квирреллу. Мальчик молча вытащил из кармана сложенный платок и положил его на пол, затем развернул. В платке лежал небольшой белый камень, круглый и гладкий.

— Что это? — спросил профессор Защиты.

— Это... Это единорог. Трансфигурированный.

Гарри сверился с книгами и узнал, что поскольку он слишком молод, чтобы думать о сексе, то может подходить к единорогу без опаски. Эти книги ничего не говорили о том, что единороги разумны. Гарри уже отметил, что все магические существа, наделённые интеллектом, имеют хотя бы частично гуманоидную внешность, от русалидов до кентавров и великанов, от эльфов до гоблинов и вейл. У всех были сходные с человеческими эмоции, о многих было известно, что они скрещиваются с людьми. Гарри уже сделал вывод, что магия не создаёт новый разум, а лишь видоизменяет существ с человеческими генами. Единороги же были непарнокопытными и нисколько не напоминали гуманоидов. Они не разговаривали, не использовали орудия труда, они почти наверняка были всего лишь волшебными лошадьми. Если считается нормальным съесть корову, чтобы накормить себя на день, то никак не может быть неправильным выпить кровь единорога, чтобы отсрочить смерть на недели. Жизнь животного или жизнь человека — приходится выбирать.

Поэтому Гарри надел свою Мантию и отправился в Запретный лес. Он обыскал Рощу единорогов и наконец увидел её — гордое создание с чистой белой шерстью, фиолетовой гривой и тремя голубыми пятнами на боку*. Гарри подошёл ближе, и на него ис-

пытающе уставились сапфировые глаза. Он несколько раз выстукал каблуком по земле последовательность 1-2-3. Единорог никак не отреагировала. Гарри нагнулся, взял её копыто в свою руку и выстукал им ту же последовательность. Единорог лишь смотрела на него с любопытством.

И всё же, скармливая единорогу кубики сахара, пропитанные Сонным зельем, Гарри чувствовал себя убийцей.

Ибо магия придаёт их существованию такую значимость, какую ни одно обычное животное иметь не может... убить невинного ради спасения самого себя — это ужасное деяние. Пока белый единорог зевала, укладывалась на землю и закрывала глаза в последний раз, у Гарри в голове непрестанно крутились эти две фразы, одна — профессора МакГонагалл, другая — кентавра. Трансфигурация длилась час, и на глаза у Гарри постоянно наворачивались слёзы. Да, единорог в этот момент не умирала, но скоро она непременно умрёт, и не в природе Гарри было отказываться от какой-либо ответственности. Гарри оставалось лишь надеяться, что если он убивает единорога не ради спасения самого себя, если этим он спасает друга, то это в конечном итоге допустимо.

Брови профессора Квиррелла поднялись к линии волос. В его голосе прорезалось что-то от прежней обычной резкости:

— Я запрещаю вам делать это вновь.

— Я догадывался, что вы так скажете, — Гарри сглотнул. — Но этот единорог уже... уже обречён, так что нет смысла отказываться от него, профессор...

— Почему вы это сделали?

Если профессор Защиты правда этого не понимал, то он соображает хуже, чем все, кого Гарри встречал в жизни.

— Я постоянно думал о том, что ничего не могу сделать, — сказал Гарри. — И мне это надоело.

Профессор Квиррелл закрыл глаза. Его голова откинулась на подушку.

— Вам повезло, — тихо произнёс профессор Защиты, — что защиты замка... не среагировали на трансфигурированного единорога... как на чуждое для Хогвартса создание... мне придётся... вынести камень за пределы Хогвартса, чтобы им воспользоваться... но я могу это устроить. Я скажу, что хочу посмотреть на озеро... будьте добры, продлите трансфигурацию перед уходом — этого времени должно быть достаточно... оставшихся у меня сил хватит, чтобы развеять чары, которые наложили на стадо, чтобы оповестить о смерти одного

из единорогов... Они не сработали, потому что единорог не умер, его всего лишь трансфигурировали... вам очень повезло, мистер Поттер.

Гарри кивнул. Он открыл рот, но сразу же закрыл его. Слова опять застревали в горле.

Ты уже просчитал ожидаемую полезность, если это сработает и если нет. Ты уже прикинул вероятности, ты перемножил, ты уже выкинул результат и принял ответ интуиции, которая теперь знакома со всеми фактами. Ответ остался прежним. Так скажи его вслух.

— Вы знаете, — неуверенно начал Гарри, — хоть какой-нибудь способ, которым можно спасти вашу жизнь?

Глаза профессора Защиты открылись.

— Почему... ты меня спрашиваешь об этом, мальчик?

— Я слышал... что есть одно заклинание, один ритуал...

— Ни слова больше, — сказал профессор Защиты.

Через мгновение на кровати лежала змея.

Даже у змеи глаза были потухшими.

Она не подняла голову.

— Продолжай, — прошипела змея, двигая лишь кончиком языка.

— Есть... *Ес-сть* один ритуал, я *с-слышал* про него от *с-смотрителя ш-школы*, он *с-считает*, что Тёмный Лорд *мог* *ис-спользовать* его, чтобы пережить *с-смерть*. Он *называетс-ся*... — Гарри запнулся, с удивлением осознав, что знает, как произносить это слово на Парселтанге, — *Крес-страж*. Я *с-слыш-шал*, для него *требуетс-ся* чья-то *с-смерть*. Но если ты в любом *с-случае* умираеш-шь, ты можеш-шь попытатс-ся переделать ритуал, *нес-смотря* на *рис-ск*, который *нес-сут* новые чары, чтобы он *ис-пользовал* другую жертву. *Ес-сли* тебе *удас-стс-ся*, это изменит *вес-сь* мир — хоть я и ничего не знаю об этих чарах. *С-смотритель ш-школы с-считает*, что они *отрывают кус-сочек души*, но не *предс-ставляю*, как это может быть *правдой*...

Змея зашипела, смеясь. Это был странный резкий смех, почти истерический.

— Ты *рас-сказываеш* об этих чарах мне? Мне? Тебе *с-стоит* быть *ос-сторожнее* в *будущ-щем*, мальчик. Впрочем, не важно. Я узнал о чарах *Крес-стража* давным давно. Они *лиш-шены с-смыс-сла*.

— Лишены смысла? — от удивления Гарри перешёл на человеческий.

— Эти чары бес-смыс-сленны, даже ес-ли душ-ши с-су-ществуют. Отрывают кус-сочек душ-ши? Это ложь. Уловка, чтобы с-скрыть нас-стоящ-щий с-секрет. Лиш-шь тот, кто не верит в общ-щеизвестную ложь, будет думать дальш-ше, с-смотреть за завес-су, поймёт, как работают чары. Требуе-мое убийс-ство — вовс-се не жертвенный ритуал. Внезапная с-смерть иногда с-создаёт призрака, ес-ли магия выплёс-ски-ваетс-ся и ос-оставляет с-след. Чары Крес-стража направляют вс-сплес-ск через воли-шебника, с-создают твой с-собственный призрак вмес-сто призрака убитого, запечатляют призрак в ос-собом ус-стройс-стве. С-следующ-щая жертва подбирает Крес-страж, ус-стройс-ство перенос-сит в жертву твои вос-споминания. Но лиш-шь те вос-споминания, которые были на момент с-создания ус-стройс-тва. Ты видиш-шь изъян?

У Гарри запершило в горле.

— Нет непрерывнос-сти... — в змеином языке отсутствовало слово «сознание» — с-себя, ты продолжаеш-шь о чём-то думать пос-сле с-создания крес-стража, потом ты умираеш-шь, и новые вос-споминания не вос-станавливаютс-ся...

— Конечно, ты видиш-шь. А ещ-щё Запрет Мерлина меш-шает передавать моц-щные чары через такое ус-стройс-ство, потому что оно не живое по-настоящ-щему. Тёмные воли-шебники, что пыталис-сь таким путём вернутьс-ся к жизни, оказывалис-сь с-слабее, были повергнуты с-с лёгкос-тью. Никто не продержалс-ся долго. Личнос-ть меняется, с-смеш-ши-ваетс-ся с-с личнос-тью жертвы. С-смерть не побеждаетс-ся на с-самом деле. Нас-стоящий ты оказываеш-шьс-ся поте-рян, как ты и с-сказал. С-сейчас мне это не по вкус-су. Хотя когда-то и я с-серьёзно задумывался над ис-пользованием этого устройс-тва.

На больничной кровати вновь лежал человек. Профессор Защиты вздохнул, а потом с надрывом раскашлялся.

— Вы можете мне дать полные инструкции к заклинанию? — секунду помедлив, спросил Гарри. — Возможно, мне удастся найти способ его улучшить, уменьшить недостатки. Работающий и этичный способ.

Например, переносить память в тело клона с пустым мозгом, а не в невинную жертву, что будет также способствовать чистоте переноса... Впрочем, это не решает других проблем.

Последовал краткий звук, который мог быть смешком.

— Знаешь, мальчик, — прошептал профессор Квиррелл, — я думал... научить тебя всему... передать все ключи к тайнам, что мне ведомы... от одного живого сознания — другому... чтобы позже, найдя верные книги, ты смог бы понять... я бы передал тебе, моему наследнику, все свои знания... мы бы начали, стоило тебе лишь попросить... но ты так и не попросил.

Даже скорбь, окружавшая Гарри, словно толща воды, отступила перед размахом упущенных возможностей.

— Мне нужно было просто?... Я не знал, что мог просто!..

Снова кашляющий смех.

— Ах да... невежественный маглорождённый... по воспитанию, пусть и не по крови... да, ты таков. Но я... передумал... я решил, что тебе не стоит идти по моим стопам... В конечном счёте это оказался не лучший путь.

— Ещё не слишком поздно, профессор! — воскликнул Гарри. Какая-то его часть упрекала его за эгоизм, но другой части удалось перекричать её, ведь это поможет и другим людям.

— Нет, слишком поздно... и ты меня... не переубедишь... я передумал... как и сказал... у меня слишком много тайн... о которых лучше не знать... да посмотри на меня!

Гарри нехотя посмотрел.

Он увидел лицо без морщин, но старое и перекосившееся от боли, на быстро лысеющей голове. Раньше оно казалось просто худым, теперь заострилось, лишилось мышц и жира, как и руки — словно исхудавшее тело Беллатрисы Блэк, которое Гарри видел в Азкабане...

Гарри непроизвольно отвернулся.

— Ты видишь, — прошептал профессор. — Я не люблю шаблонных фраз... мистер Поттер... но правда в том... что искусства, называемые Тёмными... действительно не идут человеку на пользу... в итоге.

Профессор Квиррелл сделал вдох, потом выдох. На какое-то время в лазарете воцарилась тишина, за ними наблюдали лишь богато украшенные камни стен.

— Между нами осталось... что-то невысказанное? — наконец спросил профессор Квиррелл. — Я не умру сегодня... прямо сейчас... но я не знаю... как долго ещё смогу разговаривать.

— Осталось, — Гарри снова сглотнул. — Осталось многое, очень многое, но... может, это и не лучший вопрос, но я не хочу... оставить его без ответа... змею?

На кровати лежала змея.

— Я узнал, как работает С-смертельное проклятие. Требуется нас-стоящей ненавис-сти, не прос-то ненавис-сти, говорят, нужно хотеть с-смерти противника. В тюрьме с-с пожирателями жизни ты ис-пользовал С-смертельное проклятие на охраннике, с-сказал, что не хотел его с-смерти — это была ложь? Здесь-с, с-сейчас-с, между нами ты можеш-шь с-сказать правду, даже ес-сли опас-саеш-шьс-ся, что это выс-ставит тебя в плохом с-свете, с-сейчас это не важно, учитель. Я хочу знать. Должен знать. Не брош-шу тебя, в любом с-случае.

На кровати лежал человек.

— Слушай внимательно, — прошептал профессор. — Я дам тебе головоломку... загадку одного опасного заклинания... когда ты разгадаешь загадку... ты поймёшь ответ на свой вопрос... ты слушаешь?

Гарри кивнул.

— У Смертельного проклятия... есть ограничение. Чтобы использовать его однажды... в бою... ты должен ненавидеть достаточно сильно... хотеть, чтобы противник умер. Чтобы использовать Авада... Кедавр дважды... ты должен ненавидеть достаточно... чтобы убить дважды... желать перерезать их глотки собственными руками... смотреть, как они умирают... а потом сделать это ещё раз. Очень немногие... способны ненавидеть настолько... чтобы убить кого-то... пять раз подряд... им просто... надоест, — профессор Защиты сделал несколько вдохов, прежде чем продолжить. — Но если ты углубишься в историю... то обнаружишь Тёмных волшебников... которые могли использовать Смертельное проклятие... снова и снова. В девятнадцатом веке была одна ведьма... она называла себя Тёмное Евангелие... авроры называли её А.К. МакДауэлл*. Она могла использовать Смертельное проклятие... дюжину раз... за один бой. Задай себе вопрос... как задал его себе я... какой секрет... был известен ей? Что смертоноснее ненависти... и не имеет предела?

У Авада Кедавра есть второй уровень, прямо как у чар Патронуса...

— На самом деле, мне всё равно, — ответил Гарри.

Профессор Защиты издал булькающий смешок.

— Славно. Ты учишься. Теперь ты понимаешь... — последовала трансформация, — я не желал с-смерти охранника. Ис-пользовал С-смертельное проклятие, но без ненавис-сти.

И снова человек.

Гарри с трудом проглотил комок в горле. Всё оказалось одновременно и лучше и хуже, чем он предполагал. Очень в духе профессора

Квиррелла — без сомнения, человека с треснувшей душой. Впрочем, он никогда и не претендовал на цельность.

— Ещё... что-нибудь? — спросил человек в кровати.

— Профессор, вы совершенно уверены, — сказал Гарри, — что не слышали о средстве, способном вас спасти? Что-нибудь из преданий волшебников? Может, если найти и объединить все три Дара Смерти, или есть какой-нибудь древний артефакт, запечатанный Мерлином с помощью некой загадки, которую никто так и не смог разгадать? Вы уже видели кое-что из того, на что я способен. Вы знаете, что я хорошо умею разгадывать головоломки. Что я могу обнаружить недоступное другим волшебникам. Я... — голос Гарри сорвался. — Для меня ваша жизнь гораздо предпочтительней вашей смерти.

Повисло долгое молчание.

— Есть единственное, — прошептал профессор Квиррелл. — Единственное... что может помочь... а может и не помочь... но заполучить это... за пределами ваших и моих сил...

О, да это всё было просто подготовкой к дополнительному квесту, — заметил Внутренний критик Гарри.

Остальные субличности заорали, чтобы Критик заткнулся. В жизни всё иначе. Древние артефакты можно найти, но не за месяц и не когда вы первокурсник, которому запрещено покидать Хогвартс.

Профессор Квиррелл сделал глубокий вдох. Выдохнул.

— Извините... это прозвучало... чересчур драматично. Не надеживайте себя... Мистер Поттер, вы спрашивали... о чём-нибудь... не важно, насколько это бесперспективно. Есть... один предмет... называемый...

Змея появилась на кровати.

— *Философс-ский Камень*, — прошипела змея.

Если всё это время существовало безопасное массово воспроизводимое средство, дающее бессмертие, и никому до этого не было дела, Гарри сорвётся и всех поубивает.

— Я читал о нём в одной книге, — прошипел Гарри. — С-счёл типичным мифом. Нет причин, почему одно и то же у-устройс-ство может давать бес-смертие и бес-с-конечное золото. Разве что кто-то прос-то с-сочиняет с-счас-стливые ис-стории. Не говоря уже о том, что каждый разумный человек должен был бы ис-с-кать с-способы, как с-сделать больше кам-ней или как выкрас-сть его с-создателя, чтобы он их делал. Например ты, учитель.

Раздалось шипение холодного смеха.

— Размыш-шляешь мудро, но недос-таточно мудро. Как и с-с чарами Крес-стража, абс-сурднос-ть с-скрывает ис-стинный с-секрет. Нас-стоящий Камень — не то, о чём говорит легенда. Нас-стоящая с-сила — не в том, что утверждают ис-тории. Предполагаемый с-создатель Камня — не тот, кто его изготовил. Кто владеет им с-сейчас-с — нос-сит не то имя, с-с которым был рождён. Однако Камень — и правда моц-цное целительное ус-стройс-ство. Ты с-слышал, чтобы кто-то о нём говорил?

— Только читал в книге.

— Владелец Камня хранит множес-ство знаний. Обучил с-смотрителя ш-школы многим с-секретам. С-смотритель не с-сказал ничего о владельце Камня, ничего о с-самом Камне? Никаких подс-казок?

— Не припомню ничего такого, — честно ответил Гарри.

— Ах, — выдохнула змея. — Ах, увы.

— Могу с-спрос-сить с-смотрителя...

— Нет! Не с-спраш-шивай его, мальчик. Он плохо вос-спримет вопрос-с.

— Но ес-сли Камень прос-сто лечит...

— С-смотритель ш-школы в это не верит и никогда не по-верит. Слиш-шком многие ис-скали Камень или ис-скали знаний владельца Камня. Не с-спраш-шивай. Нельз-зя с-спраш-шивать. Не пытайс-ся заполучить Камень с-сам. Я запрещ-щаю.

На кровати снова возник человек.

— Я... достиг предела... — сказал профессор Квиррелл. — Я должен... набраться силы... прежде чем отправиться... в лес... с твоим подарком. А сейчас уходи... но поддержи трансфигурацию... перед уходом...

Гарри коснулся волшебной палочкой белого камня, лежащего на платке, обновляя чары трансфигурации.

— Чар должно хватить на один час и пятьдесят три минуты, — сказал Гарри.

— Ты делаешь... успехи.

По сравнению с началом школьного года его трансфигурация теперь держалась гораздо дольше. Заклинания второго курса да-вались ему легко, без напряжения, что было неудивительно — ему исполнится двенадцать меньше чем через два месяца. Гарри даже мог использовать чары Забвения, если бы кому-то потребовалось забыть все воспоминания, связанные с левой рукой. Он медленно, с самого низа, поднимался по лестнице силы.

На ум пришла потенциально печальная мысль, мысль о том, что с открытием одной двери закрывается другая, но Гарри её отбросил.

* * *

Дверь лазарета закрылась за Гарри. Мальчик-Который-Выжил шёл быстро и целеустремлённо, на ходу запахивая Мантию невидимости. Предположительно, вскоре профессор Квиррелл попросит о помощи, и трое старшекурсников проводят профессора Защиты в какое-то тихое место, например, в лес, под предлогом желания посмотреть на озеро или чего-то в этом духе. В место, где профессор Защиты сможет безопасно съесть единорога, после того как спадёт трансфигурация, наложенная Гарри.

И затем профессору Квирреллу станет лучше на какое-то время. Он вновь обретёт прежнюю силу, но на гораздо более короткий срок. Это не продлится долго.

Кулаки Гарри сжались, напряжение растеклось по рукам в пальцы. Если бы курс лечения профессора Защиты не был прерван Гарри и аврорами, которых он же и привёл в Хогвартс...

Глупо винить себя. Гарри знал, что это глупо, но его мозг всё равно продолжал это делать. Он искал, аккуратно перебирал и отмечал причины, по которым в этом была его вина, независимо от того, насколько глубоко ему приходилось копать.

Как будто мозг Гарри умел огорчаться только тогда, когда что-то происходило по его вине.

Трое семикурсников с серьёзным и обеспокоенным видом разминулись с невидимым Гарри в коридоре, ведущем в лазарет, где их ждал профессор. Так выглядят другие люди, когда они огорчены?

Или же, на каком-то уровне, им действительно было *всё равно*, как и думал профессор Квиррелл?

У Смертельного проклятия есть второй уровень.

Мозг Гарри решил загадку сразу же, как только её услышал, как будто бы это знание всегда было внутри него, выжидая, чтобы стать явным.

Гарри однажды читал в какой-то книге, что противоположностью счастья является не грусть, а скука. Автор писал, что, когда ты хочешь быть счастливым, ты ищешь не то, что сделает тебя счастливым, а то, что тебя увлечёт. И по той же логике ненависть не была полной противоположностью любви. Даже ненависть является в своём роде уважением, которое ты испытываешь к чьему-то существованию.

Если кто-то заботит тебя настолько, что ты предпочёл бы видеть его мёртвым, а не живым, значит, ты думаешь о нём.

Эта мысль посетила его уже давно, ещё перед судом, в разговоре с Гермией, когда она сказала что-то о предвзятости магической Британии и привела серьёзные и свежие аргументы. И Гарри тогда подумал, но не стал говорить, что, по крайней мере, магическая Британия позволила ей учиться в Хогвартсе, чтобы выражать своё презрение.

В отличие от некоторых людей, живущих в некоторых странах, которые, как *говорят*, являются такими же людьми, как и все остальные, и которые, как *говорят*, считаются разумными существами, более ценными, чем любой единорог. Но кому, тем не менее, не позволено жить в магловской Британии. Как минимум, по этой причине у маглов не было права задира́ть нос перед волшебниками. Маглорождённым в магической Британии приходилось несладко, но их, по крайней мере, туда впускали, поэтому они могли получить направленные в них плевки лично.

Что смертоноснее ненависти и не имеет предела?

— Равнодушие, — прошептал Гарри вслух секрет заклинания, которое он никогда не сможет использовать, и продолжил свой путь в библиотеку, чтобы найти и прочитать хоть что-то о Философском Камне.

Экзамен

4 июня 1992 года.
В гостиной Слизерина Дафна Гринграсс писала письмо своей леди-матери (та на удивление упорно не желала делиться властью, хотя и была не в состоянии управлять ситуацией непосредственно здесь, в Хогвартсе), когда через дверной портрет в гостиную ввалился Драко Малфой, шатаясь под тяжестью, должно быть, дюжины томов. Следом за ним появились Винсент и Грегори, каждый из которых тащил ещё столько же. Сопровождавший Малфоя аврор заглянул в комнату, после чего удалился в неизвестном направлении.

Драко огляделся, а затем, судя по всему, его посетило какое-то озарение, и он направился к Дафне. Винсент и Грегори последовали за ним.

— Поможешь мне прочесть эти книги? — запыхавшись, спросил Драко.

— Эм-м? — занятия уже закончились, оставались только экзамены, да и вообще, с каких это пор сами Малфои просят Гринграссов помочь с домашним заданием?

— Все эти книги, — многозначительно произнёс Драко Малфой, — мисс Грейнджер брала в библиотеке между первым и шестнадцатым апреля. Я думал посмотреть, нет ли в них каких-нибудь улик, но теперь мне пришла в голову мысль, что ты можешь мне помочь, поскольку ты знала мисс Грейнджер лучше.

Дафна уставилась на книги.

— Генерал прочитала всё это за две недели? — в сердце что-то кольнуло, но она подавила это ощущение.

— На самом деле, я не знаю, прочитала ли мисс Грейнджер их все, — ответил Драко и назидательно поднял палец. — Более того, мы даже не знаем, читала ли она из этого хоть что-нибудь и брала ли их вообще. В смысле, всё, что мы наблюдаем, — это записи в библиотечном журнале...

Дафна с трудом подавила стон. Малфой уже несколько недель разговаривал подобным образом. Некоторым людям однозначно

не стоит заниматься расследованиями таинственных убийств — это очень странно влияет на их разум.

— Мистер Малфой, я не смогла бы прочесть все эти книги и за целое лето. Даже если бы забросила все другие дела.

— Тогда, может, ты их хотя бы пролистаешь? — предложил Драко. — Ну, на случай, если там найдутся загадочные записи на полях её почерком, или закладки, или...

— Я тоже смотрела эти пьесы, мистер Малфой, — Дафна закатила глаза. — Может, наши авторы лучше справятся...

— Мы обречены! — завизжала Милисента Булстроуд, врываясь в гостиную Слизерина из нижних помещений.

Все молча уставились на неё.

— Это профессор Квиррелл!

В воздухе повисло напряжение — ещё чуть-чуть и разрешатся давние споры.

— Ну, наконец-то, — сказал кто-то, пока Милисента пыталась восстановить дыхание. — Сколько ему оставалось, чтобы сорваться? Дней десять?

— Одиннадцать, — поправил семикурсник, принимавший ставки.

— Ему вдруг стало немного лучше, и теперь он устроит первокурсникам экзамен по *Защите!* Внезапно! Через пятьдесят минут!

— Экзамен по *Защите?* — тупо повторила Панси. — Но у профессора Квиррелла не бывает экзаменов.

— *Министерский* экзамен! — крикнула Милисента.

— Но ведь профессор Квиррелл не учил ничему из программы Министерства, — возразила Панси.

Дафна, мысленно ругаясь, уже летела в свою комнату за учебником *Защиты*, к которому не притрагивалась с сентября.

* * *

За партой сзади кто-то плакал. Тихие всхлипы обеспечивали подходящий фон для царящей в классе атмосферы отчаяния. Дафна оглянулась, ожидая увидеть позади себя пухленькую и надеясь, что это не Ханна, и удивилась, обнаружив там коттевранку. Впрочем, это тоже можно было понять.

Перед всеми лежали экзаменационные пергаменты, которые следовало перевернуть по звонку.

Пятьдесят минут на подготовку — это ужасно мало, но лучше, чем ничего. Теперь Дафне было стыдно, что она не сообщила

предупредить Пуффендуй, Когтевран и Гриффиндор. Всего три дня назад, в начале июня, снова начали начислять факультетские баллы, но Комитету Вспомогательных Защитных Сил по-прежнему следовало содействовать единству факультетов.

Четырьмя партами левее заплакала ещё одна когтевранка. Если Дафне не изменяла память, это была Кэтрин Тан из Армии Драконов, которая как-то на её глазах совершенно хладнокровно вступила в бой сразу с тремя Солнечными Солдатами.

Самой Дафне, чтобы успокоиться, хватило лишь пары минут судорожного чтения. Им предстоял всего лишь экзамен, а не какое-то убийство или что-то в этом духе. Если практически все первокурсники сдадут почти пустые пергаменты, то получится, что ни у кого нет причин стыдиться. Но Дафна понимала, что когтевранцы и пуффендуйцы скорее всего не разделяют эту точку зрения, хотя она им и не слишком сочувствовала.

— Он злой, — дрожащим голосом пробормотала ещё одна когтевранка. — Абсолютно Тёмный волшебник до мозга костей. На все сто процентов. Сам Тёмный Лорд Гриндевальд не поступил бы так с детьми. Он хуже Сами-Знаете-Кого.

Дафна рефлекторно посмотрела на профессора Квиррелла. Тот сидел, накренившись в сторону, но глаза его смотрели бдительно. Ей показалось, что профессор Защиты на мгновение улыбнулся. Нет, ей наверняка почудилось, он никак не мог это услышать.

Прозвенел звонок.

Дафна перевернула пергамент.

Вверху стояли штампы Министерства, Попечительского совета Хогвартса и Департамента магического образования, а также руны для обнаружения жульничества. Ниже была строка для имени, список правил поведения на экзамене и колдография грозящей пальцем Линдси Гэньон, директора Департамента магического образования.

Примерно с середины страницы начинались экзаменационные вопросы.

Первый вопрос гласил: *Почему детям так важно держаться подальше от незнакомых существ?*

Повисла напряжённая тишина.

Кто-то — кажется, из гриффиндорцев — расхохотался. Профессор Квиррелл никак не отреагировал, и смех подхватили другие.

Никто ничего не сказал, но ученики дружно начали переглядываться. Наконец, смех затих, и все, будто сговорившись, посмотрели на профессора Квиррелла. Тот с доброжелательной улыбкой на лице наблюдал за происходящим.

Дерзкая злоеющая улыбка Дафны сделала бы честь Годрику Гриффиндору или Гриндевальду. Девочка склонилась над пергаментом и написала: *Потому что моё Оглушающее проклятие, мой Древнейший Клинок и мой Патронус от всех не спасут.*

* * *

Гарри Поттер перевернул последнюю страницу своей экзаменационной работы.

Когда он прочёл первый настоящий вопрос («Как вы заставите замолчать Визжащего Угря?»*), даже ему пришлось подавить небольшую нервозность, вызванную каким-то крохотным остатком детства. На своих уроках профессор Квиррелл практически не уделял никакого внимания неожиданным и в то же время бесполезным вопросам, которые, как воображал какой-то идиот, должны составлять первый курс обучения Защите. В принципе, когда Гарри сообщили о внезапном экзамене, он мог бы воспользоваться своим Маховиком времени, чтобы просмотреть учебник первого курса, но это было бы нечестно и могло повлиять на оценки остальных из-за изменения максимального разброса. Несколько секунд он тупо смотрел на вопрос, а затем вывел «Чарами молчания» и добавил инструкции по использованию чар, на случай если проверяющий Министерства не поверит, что Гарри умеет использовать это заклинание.

Как только Гарри решил просто *правильно* отвечать на все вопросы, работа пошла очень быстро. Самым практичным ответом на большую часть вопросов было «Оглушающее проклятие», а оптимальным решением для изрядной части остальных — что-то вроде «Развернуться и уйти» или «Выбросить сыр и купить новую пару туфель».

Последний экзаменационный вопрос был сформулирован так: «Как вы поступите, заподозрив, что под вашей кроватью может находиться жутикозмея?» В начале года Гарри бегло просмотрел учебник Защиты, и теперь вспомнил официально одобренный Министерством ответ на этот вопрос — «Сообщу родителям». Тогда он сразу обратил внимание на этот неожиданный ответ, потому он ему и запомнился.

Немного поразмыслив, Гарри написал:

Уважаемый проверяющий Министерства!

Боюсь, мне следует оставить ответ на этот вопрос в тайне, однако позвольте мне заверить Вас, что жутикозмея вряд ли доставит мне беспокойства больше, чем горный тролль, дементор

или Сами-Знаете-Кто. Пожалуйста, уведомите своё начальство, что я считаю стандартный ответ дискриминирующим по отношению к маглорождённым и что я ожидаю скорейшего исправления этого недоразумения. Надеюсь, моё непосредственное вмешательство не понадобится.

С уважением, Мальчик-Который-Выжил.

Гарри широким росчерком подписал последний лист пергамента, положил его в стопку, отложил перо и выпрямился.

Затем огляделся. Несмотря на то, что голова профессора Квиррелла наклонилась набок, мальчику показалось, что тот смотрит в его сторону. Остальные пока ещё писали. Некоторые молча плакали, но всё равно писали. Помимо прочего, профессор Защиты учил: пока бой не окончен, нужно сражаться.

Прошла вечность, и официально отпущенное время истекло. Вместо профессора по классу прошла и собрала пергаменты семикурсница.

Когда была собрана последняя работа, профессор Квиррелл выпрямился.

— Мои юные ученики, — тихо произнёс он. Семикурсница направляла свою палочку на рот профессора Защиты, поэтому каждый слышал его голос, как будто он раздавался совсем рядом. — Я понимаю... некоторые из вас, наверное, сильно испугались... Этот страх отличается от страха оказаться перед палочкой врага... но вы должны победить и такой страх. Теперь... я могу вам это сказать. По традиции Хогвартса... оценки объявляются на второй неделе июня. Но в моём случае... думаю, можно сделать исключение, — профессор улыбнулся своей привычной бесстрастной улыбкой, слегка перекошенной, словно ему нужно было скрывать гримасу боли. — Понимаю, вы волнуетесь... вы не готовились к этому экзамену... на моих занятиях мы это не проходили... а я совсем забыл упомянуть... что будет экзамен... хотя вы и сами должны были понимать... что он будет. Но я только что магически проверил... то, что вы написали во время этого... ужасно, ужасно важного экзамена... хотя, конечно, только оценка Министерства является официальной... и поставил ваши итоговые оценки с учётом этих результатов... Эти оценки магическим образом появились на этих пергаментах, — профессор Квиррелл постучал по стопке пергаментов, лежащих на краю стола, — и теперь вам их раздадут... Прекрасное волшебство... правда?

На лицах некоторых когтеврэнцев читалось негодование, но подавляющее большинство явно выдохнуло с облегчением, а несколько

слизеринцев даже хихикнули. Гарри тоже рассмеялся бы, если бы ему не было так больно смотреть, как профессор Квиррелл задыхается во время своей речи.

Семикурсница, стоящая рядом с профессором, направила палочку на стопку пергаментов и произнесла слова на магической псевдолатыни. Пергаменты взмыли в воздух и, разделяясь в полёте, двинулись к каждому ученику.

Гарри дождался, пока его пергамент приземлится на парту, затем развернул его.

На пергаменте красовалось $CO+$, что означало «Сверх Ожиданий». Это была вторая оценка, считая сверху, наивысшей считалось «Великолепно».

В другом мире, который давным-давно исчез, маленький мальчик по имени Гарри, получив лишь вторую сверху оценку, кричал бы от негодования. Нынешний Гарри молча сидел и размышлял. Профессор Квиррелл что-то хотел этим сказать, и вряд ли оценка была важна сама по себе. Профессор намекал, что Гарри справился относительно хорошо, но не раскрыл свой потенциал полностью? Или оценку следовало понимать буквально, мол, Гарри действительно превзошёл ожидания профессора Защиты?

— Все вы... справились с экзаменом, — продолжил профессор Квиррелл, после того как все ученики посмотрели свои итоговые оценки и повсюду раздались вздохи облегчения, а Лаванда Браун торжествующе вскинула вверх кулак с зажатым в нём пергаментом. — Все ученики первого курса справились с экзаменом по Боевой Магии... кроме одного человека.

Многие с ужасом переглянулись.

Гарри молчал. Он сразу же понял, о ком пойдёт речь. Гарри считал, что профессор в этом совершенно не прав, но понимал, что никогда и ни при каких обстоятельствах не смог бы убедить профессора Защиты не говорить то, что он сейчас скажет.

— Все в этом зале... получили как минимум «Удовлетворительно». Невилл Лонгботтом... сдававший экзамен в доме Лонгботтомов... получил «Великолепно». Но одна ученица, которой нет с нами... получила отметку «Отвратительно», которая навсегда останется в её личном деле... поскольку провалила единственный важный экзамен... который ей выпал в этом году. Я бы поставил ей оценку ещё ниже... но это было бы дурным тоном*.

В зале воцарилась полная тишина, хотя многие возмущённо уставились на профессора.

— Кто-нибудь может посчитать, что эта оценка... несправедлива. Что мисс Грейнджер столкнулась с экзаменом... к которому её не готовили. Что ей не сказали... что в этот день будет экзамен.

Профессор Защиты судорожно втянул воздух.

— Это реализм, — сказал профессор Квиррелл. — Самый важный экзамен... может наступить в любой момент... нужно подготовиться к нему лучше... чем она. Что касается остальных... те из вас, кто заслужил «Сверх Ожиданий» или выше... получили мои рекомендательные письма... для определённых организаций за пределами Британии... где вы сможете закончить ваше обучение. Они свяжутся с вами... когда вы достаточно повзрослеете... если вы по-прежнему будете достойны... и не провалите какой-нибудь важный экзамен. И помните... с этого дня... вы должны тренироваться самостоятельно... вам не следует полагаться на будущих профессоров Защиты. Ваш первый курс Боевой Магии завершён. Все... свободны.

Профессор Квиррелл откинулся назад и закрыл глаза. Судя по всему, он не замечал начавшуюся вокруг оживлённую болтовню.

Через некоторое время почти все ученики вышли, и остался лишь один, замерший на выверенном расстоянии от профессора Защиты.

Профессор Защиты открыл глаза.

Гарри молча поднял пергамент с оценкой «СО+».

Профессор Защиты улыбнулся, и улыбка коснулась его уставших глаз.

— Таковую же отметку... я получил на своём первом курсе.

— С-сп-сп... — Гарри не мог заставить себя сказать «спасибо», слово застряло во внезапно пересохшем горле. Профессор Защиты наклонил голову и испытующе посмотрел на него, но Гарри лишь резко поклонился и вышел из класса.

Глава 104

Истина. Часть 1. Загадки и ответы

13 июня 1992 года.
В Хогвартсе заканчивалась последняя неделя учёбы. Профессор Квиррелл был ещё жив, хотя и едва-едва. Предполагалось, что сегодняшний день, как и почти всю прошедшую неделю, он проведёт на больничной койке.

По традиции экзамены в Хогвартсе проводились в первую неделю июня, результаты объявлялись во вторую, в воскресенье второй недели устраивался прощальный пир, а в понедельник после этого Хогвартс-экспресс отвозил учеников в Лондон.

Давным-давно, когда Гарри впервые прочитал о таком распорядке, он задумался, чем именно ученики занимаются всё остальное время второй недели июня. «Ждут результатов экзамена» звучало не слишком содержательно. Когда Гарри выяснил ответ, он очень удивился.

Но теперь почти закончилась и вторая неделя. Наступила суббота. От всего учебного года остался лишь прощальный пир 14-го числа и поездка на Хогвартс-Экспрессе 15-го.

А ответов всё не было.

Ничего не прояснилось.

Убийцу Гермiony до сих пор не нашли.

Почему-то Гарри казалось, что к концу учебного года правда обязательно откроется, как обычно бывает в конце детективных романов. И уж точно всё станет понятно к тому моменту, когда профессор Защиты... умрёт. Не может так быть, чтобы профессор Квиррелл покинул этот мир, не получив ответов, не увидев решение загадки во всей его красе. Эта история должна закончиться не экзаменами, определённо не смертью, но исключительно раскрытием истины...

Но, если не принимать всерьёз самую последнюю теорию Драко Малфоя о том, что профессор Спраут задавала и проверяла меньше

домашних работ в то время, когда кто-то подставил Гермиону, что в свою очередь доказывало, что у профессора Спраут была возможность всё это подготовить, истина оставалась нераскрытой.

А вместо этого, словно приоритеты мира больше соответствовали образу мышления всех остальных, год заканчивался решающим матчем по квиддичу.

В воздухе над стадионом летали, пикировали и кружились волшебники на метлах. Они ловили, бросали друг другу, блокировали и иногда кидали сквозь парящие кольца красновато-пурпурный усечённый тетраэдр, именуемый кваффлом. Стадион сотряслся от криков радости и разочарования. Учеников в мантиях с синими, зелёными, жёлтыми и красными оторочками переполнял энтузиазм, который так легко испытывают люди в тех случаях, когда никто не требует действий от них лично.

Гарри в первый раз пришёл на матч по квиддичу и уже решил, что этот раз станет последним.

— Кваффл у Дэвиса! — гремел усиленный голос Ли Джордана. — Ещё десять очков получит Когтевран через семь... шесть... пять... обалдеть, вот это да! В самый центр центрального кольца! Дэвис забивает очередной гол, я никогда не видел такой серии... Я предлагаю уже сейчас объявить Дэвиса капитаном на будущий год, когда Бортан уйдёт...

Голос Ли резко оборвался, и над стадионом разнёсся голос профессора МакГонагалл:

— Это личное дело команды Когтеврана, мистер Джордан. Пожалуйста, ограничьтесь комментированием матча.

— И кваффл у Слизераина... Флинт пасует прекраснейшей...

— Мистер Джордан!

— Довольно милой Шэрон Вискайно, чьи волосы развеваются как хвост кометы. Она несётся к кольцам Когтеврана — и её преследуют два блаждера! Пьюси на хвосте у Шэрон... что ты делаешь, Инглби?.. она уворачивается, чтобы избежать... ЭТО СНИТЧ? ДАВАЙ, ЧЖОУ ЧАНГ, ДАВАЙ, ХИГГС УЖЕ... ДА ЧТО ВЫ ТВОРИТЕ?

— Успокойтесь, мистер Джордан!

— КАК ТУТ МОЖНО УСПОКОИТЬСЯ? НИКОГДА В ЖИЗНИ НЕ ВИДЕЛ НАСТОЛЬКО КОШМАРНОЙ ИГРЫ! И снитч исчез — возможно навсегда, раз уж его так бездарно упустили... Пьюси направляется к воротам, Инглби рядом нет...

Когда-то очень давно, возможно, даже в совершенно ином мире, профессор Квиррелл пообещал, что Кубок школы выиграет либо

Слизерин, либо Когтевран. Либо каким-то образом выиграют оба, поскольку он заявил, что выполнит три желания. И пока казалось, что два из трёх могут сбыться.

На данный момент гонку за Кубком школы с отрывом примерно в пятьсот баллов возглавлял Пуффендуй. Пуффендуйцы старательно делали свою домашнюю работу и старательно держались подальше от неприятностей. Судя по всему, последние лет эдак семь профессор Снейп в стратегических целях снимал с них довольно много баллов. У Слизерина, праздновавшего победу все эти годы, по-прежнему было преимущество благодаря определённой щедрости своего декана, с которой он раздавал им баллы, и этого хватало, чтобы держаться вровень с Когтевраном, который брал своё успехами в учёбе. Гриффиндор плёлся в конце, как и подобает факультету нонконформистов — в том, что касалось учёбы и соблюдения дисциплины, гриффиндорцы ничем не отличались от слизеринцев, но у них не было профессора Снейпа. Даже Фред с Джорджем в этом году едва вышли в ноль.

Если Когтевран и Слизерин хотели за оставшиеся два дня догнать Пуффендуй, им обоим следовало откуда-то взять очень много баллов.

Насколько было известно, профессор Квиррелл не сделал абсолютно ничего для достижения нужного результата. Всё происходило само собой, просто один единственный профессор провёл в Хогвартсе курс по творческому решению задач.

Сезон заканчивался игрой между Когтевраном и Слизерином. Команда Гриффиндора, которая поначалу считалась главным претендентом на Кубок по квиддичу, вышла из борьбы, после того как её новый ловец Эмметт Шир упал с, судя по всему, неисправной метлы во время второй игры. Из-за этого также пришлось второпях изменять расписание оставшихся матчей.

Нынешняя игра — последняя в этом году — не закончится, пока не поймают снитч.

Очки квиддичных матчей напрямую добавляются к общим баллам факультетов.

И знаете, похоже, сегодня ловцы Слизерина и Когтеврана просто не... могли... поймать... снитч.

— СНИТЧ ЖЕ БЫЛ У ТЕБЯ НАД ГОЛОВОЙ. ТЫ ЧТО, ОСЛЕП, ПРИДУРОК?!

— Выбирайте выражения, мистер Джордан, или я удалю вас со стадиона! Хотя, соглашусь, это было ужасно.

Гарри был вынужден признать, что Ли Джордан и профессор МакГонаггалл прекрасно исполняли юмористическую программу

с Джорданом в роли комика и МакГонагалл в роли «серьёзного» персонажа. Он уже даже немного жалел, что пропустил предыдущие игры. Этой стороны профессора МакГонагалл он раньше не видел.

Гарри сидел на открытой трибуне, отведённой пуффендуйцам. Несколько рядами ниже на скамье виднелись широкие плечи Седрика Диггори. Перед зоркими глазами супер-пуффендуйца, который сам был ловцом и капитаном квиддичной команды, только что в очередной раз едва не столкнулись Чжоу Чанг и Теренс Хиггс.

— У когтевранцев ловец новый, — сказал Седрик. — Но Хиггс на седьмом курсе. Я играл против него. Он может гораздо лучше.

— Ты думаешь, это стратегия? — спросил кто-то из соседей Седрика.

— Это имело бы смысл, если бы Слизерину не хватало очков, чтобы завоевать Кубок по квиддичу, — ответил Седрик. — Но они уже и так нас обошли. О чём они думают? Они могли бы выиграть прямо сейчас!

Игра началась в шесть вечера. Обычно игры продолжались где-то часов до семи, когда пора было идти ужинать. Световой день в Шотландии в июне длинный, закат наступал не раньше десяти вечера.

Часы Гарри показывали шесть минут девятого, Слизерин только что забил очередной гол, счёт стал 170:140, и тут Седрик Диггори вскочил на ноги и заорал:

— Вот ублюдки!

— Точно! — воскликнул мальчик рядом с ним и тоже вскочил. — Чем они вообще занимаются, очки набивают?

— Нет! — закричал Седрик Диггори. — Они... они пытаются украсть у нас Кубок!

— Но мы же им и так уже не соперники...

— Не Кубок по квиддичу! Кубок школы!

Мысль быстро разошлась по трибуне, сопровождаемая яростными выкриками.

Гарри воспринял это как сигнал к действию.

Он вежливо попросил подвинуться ведьму с Пуффендую, сидящую по соседству, и пуффендуйца, сидящего на ряд выше. Затем Гарри вытащил из своего кошелька гигантский свиток, который развернулся в двухметровый баннер и завис в воздухе. Чары любезно наложил шестикурсник-когтевранец, у которого была репутация человека, разбирающегося в квиддиче ещё меньше, чем Гарри.

На баннере сияли огромные фиолетовые буквы:

ПРОСТО КУПИТЕ ЧАСЫ

2 : 06 : 47

Ниже был нарисован снитч, перечёркнутый крест-накрест мигающими красными линиями.

* * *

Счётчик времени прибавил секунду, потом ещё одну секунду, и ещё одну...

Вместе со временем на счётчике увеличивалось и число пuffedуидев, решивших сесть поближе к баннеру Гарри.

Когда наступило девять вечера, а игра всё не кончалась, около баннера можно было заметить и довольно много гриффиндорцев.

Когда солнце село и Гарри понадобился Люмос, чтобы читать книги (он уже давно не обращал внимание, что там происходит на поле), к ним присоединилось и значительное число когтевранцев, решивших, что здравомыслие важнее патриотизма.

А также профессор Синистра.

И профессор Вектор.

А когда на небе начали появляться звёзды, и профессор Флитвик.

Решающая квиддичная игра года... затянулась.

* * *

Когда Гарри всё это планировал, кое-что он не учёл. Он не ожидал, что будет торчать здесь аж — Гарри глянул на часы — в четыре минуты двенадцатого. В данный момент Гарри читал учебник по трансфигурации для шестого курса. Точнее, книга лежала у него на коленях, подсвечиваемая магловской светящейся палочкой, а Гарри выполнял одно из упражнений. На прошлой неделе, когда выпускники-когтевранцы обсуждали свои оценки на ТРИТОНах, Гарри подслушал, что практическая часть заданий по трансфигурации на старших курсах включает в себя несколько упражнений по «изменению формы», для выполнения которых в основном требуется самоконтроль и точное мышление, а не грубая сила. Гарри сильно стукнул себя по лбу за то, что не догадался раньше прочитать все учебники старшекурсников, и твёрдо решил освоить это самое «изменение формы». Профессор МакГонагалл разрешила Гарри выполнять упражнения, при которых требовалось управлять, каким образом трансфигурируемый объект

принимает итоговую форму — например, трансфигурировать перо, чтобы сначала появлялся стержень, а затем бородаки. И сейчас Гарри выполнял аналогичное упражнение с карандашами, сначала создавая стержень, затем деревянную оболочку и в конце добавляя ластик. Как Гарри и подозревал, фокусирование внимания и магии во время трансформации конкретной части карандаша оказалось похожим на умственные усилия, используемые в частичной трансфигурации, которую, кстати, можно было бы использовать, чтобы симулировать тот же эффект, частично трансфигурируя лишь внешние слои объекта. Впрочем, изменение формы оказалось относительно легче.

Гарри закончил с очередным карандашом и взглянул на поле: да, игра по-прежнему была фантастически скучной. Судя по унылому тону Ли Джордана, тому давно уже всё надоело.

— Ещё десять очков, — Ли зевнул. — Типа круто... и кто-то опять завладел кваффлом... а мне уже всё равно, кто.

Оставшиеся на трибунах зрители тоже практически не обращали внимания на игру. Почти все, кто не ушёл со стадиона и при этом не спал, похоже, открыли для себя новый, гораздо более интересный спорт — дебаты, как изменить правила Кубка школы и/или квиддича. Спор уже накалился до состояния, когда все оказавшиеся поблизости профессора с трудом удерживали ситуацию на грани громких воплей и явной драки. К сожалению, в споре участвовало значительно больше двух фракций. Какие-то ненормальные зануды предлагали разумно звучащие альтернативы тому, чтобы убрать снитч из игры полностью. Это могло оттянуть часть голосов и задушить идею реформ.

С опозданием Гарри сообразил, что было бы очень неплохо, если бы Драко развернул на слизеринской трибуне свой баннер со словами «СНИТЧ — ЭТО КРУТО». Это придало бы обсуждению необходимую полярность. Гарри ранее украдкой осмотрел слизеринскую трибуну, но Драко не увидел. И Северуса Снейпа, который тоже мог бы оказаться достаточно любезен, чтобы сыграть злобную оппозицию, нигде не было видно.

— Мистер Поттер? — окликнул Гарри кто-то.

Рядом с сидением обнаружился невысокий пuffedуец с одного из старших курсов. Гарри никогда с ним раньше не пересекался. Пuffedуец сжимал чистый пергаментный конверт. Конверт был запечатан, но оттиска на воске не было.

— Что это? — спросил Гарри.

— Это же я, — ответил пuffedуец. — С конвертом, который ты мне дал. Я знаю, ты сказал не разговаривать с тобой, но...

— Тогда не разговаривай со мной, — прервал его Гарри.

Пуффендуч бросил конверт Гарри и с обиженным видом ушёл. Гарри слегка поморщился, но, с учётом особенностей перемещений во времени, вряд ли он поступил неверно...

Гарри сломал восковую печать и вытащил из конверта содержимое. Им оказалась не магловская бумага, которую ожидал увидеть Гарри, а пергамент. Но почерк принадлежал ему самому и выглядел именно так, как если бы Гарри писал пером, а не ручкой. Пергамент гласил:

Остерегайся созвездия
и помоги смотрящему на звёзды.
Пройди невидимым для союзников пожирателей жизни,
а также для мудрых и благонамеренных.
Шесть и семь в квадрате,
в месте, что под запретом и чертовски глупо.

Гарри запомнил текст с первого прочтения, сложил записку и, вздохнув, засунул её в карман мантии. «Остерегайся созвездия», ну надо же... Гарри полагал, что загадку, которую он сам загадал для себя же, разгадать должно быть проще... впрочем, отдельные части были вполне очевидны. Видимо, Гарри из будущего опасался, что записку могут перехватить, и, хотя Гарри из настоящего обычно не думал о местных аврорах, как о союзниках дементоров из Азкабана, возможно, это был лучший способ сказать «аврор» так, чтобы об этом не догадался кто-нибудь ещё, кто прочтёт пергамент и приложит все усилия, чтобы его расшифровать. Обратный перевод идиомы с парселтанга, которую он использовал во время Инцидента в Азкабане... пожалуй, подходил, — решил Гарри.

Записка утверждала, что профессору Квирреллу нужна помощь и что всё должно пройти незамеченным для авроров, а также Дамблдора, МакГонагалл и Флитвика. Поскольку без Маховика тут точно уже не обошлось, очевидным решением было выйти в туалет, переместиться в прошлое и вернуться на стадион сразу же после своего ухода.

Гарри начал вставать, но потом задумался. Его пуффендуйская сторона говорила что-то про «пойти без сопровождения авроров», «не сказать ничего профессору МакГонагалл» и интересовалась, не сдурела ли его будущая версия.

Гарри снова развернул пергамент и ещё раз взглянул на текст.

После внимательного изучения Гарри понял, что загадка не предполагает ему взять кого-нибудь с собой. Драко Малфой... его нет

на игре, потому что будущий Гарри несколько часов назад взял его в качестве поддержки? Но это бессмысленно, ещё один первокурсник вряд ли что-то существенно улучшит в плане безопасности...

...как бы Драко Малфой ни относился к квиддичу, он бы обязательно пришёл на игру, чтобы посмотреть, как Слизерин выигрывает Кубок Школы. С ним что-то случилось?

Неожиданно Гарри перестал чувствовать усталость.

Уровень адреналина в крови начал расти. Но нет, в этот раз всё будет не так, как с троллем. Послание ясно сказала Гарри, когда прийти. Он не опоздает, только не в этот раз.

Гарри глянул на Седрика Диггори, который определённо разрывался между горсткой когтевранцев, которые доказывали, что снитч следует сохранить, потому что такова традиция и правила есть правила, и группой пuffedуицев, объясняющих, что несправедливо, когда ловец гораздо важнее остальных игроков.

Седрик Диггори прекрасно учил Гарри и Невилла дуэльному искусству, и Гарри казалось, что они неплохо поладили. Что ещё важнее, Седрик ходил на все дополнительные предметы, и, значит, у него наверняка был свой Маховик времени. Может, Гарри стоит взять Седрика с собой назад во времени? Палочка супер-пuffedуица не будет лишней в какой-нибудь неприятной ситуации...

* * *

Позже и раньше:

Часы Гарри показывали 23:45. Поскольку он вернулся во времени на пять часов назад, это означало 18:45.

— Пора, — пробормотал Гарри в пустоту и двинулся в правый коридор третьего этажа над главной лестницей.

«Место, что под запретом» в другой ситуации означало бы Запретный лес, и, если бы кто-нибудь перехватил сообщение, он наверняка бы так и подумал. Но Запретный лес огромен, и его следовало считать множеством разных мест. Там нет очевидной фокальной точки, где можно было бы встретиться или обнаружить событие, которое следовало бы предотвратить.

Но после добавления модификатора «чертовски глупо» в Хогвартсе оставалось лишь одно подходящее запретное место.

И таким образом Гарри ступил на кривую дорожку, по которой, если слухи не врал, прошли уже все первокурсники Гриффиндора. Коридор на третьем этаже, с правой стороны. Таинственная дверь,

за которой скрывалась череда комнат, заполненных опасными и потенциально смертельными ловушками, непреодолимыми совершенно для всех и уж тем более для первокурсников.

Гарри понятия не имел, какого рода ловушки его ожидали. Если задуматься, это означало, что ученики, которые там побывали, оказались удивительно щепетильны, чтобы не портить загадку для остальных. Возможно, где-то там висит табличка с текстом: «Сделайте одолжение, не рассказывайте другим, искренне ваш, директор Дамблдор». Гарри знал лишь, что первая дверь открывалась заклинанием *Алохомора*, а в последней комнате находилось волшебное зеркало, которое показывало твоё отражение в каком-то весьма привлекательном окружении, что, видимо, и являлось большим призом.

Коридор третьего этажа освещался тусклым синим светом, который, казалось, исходил из ниоткуда. Своды были затянуты паутиной, будто коридор не использовался веками, а не всего лишь год.

В кошелье у Гарри лежало множество полезных магловских штук, множество полезных волшебных штук, а также всё, что по его мнению могло оказаться квестовыми предметами. (Гарри заранее попросил профессора МакГонаггал порекомендовать ему кого-нибудь, кто мог бы увеличить вместимость кошелье, и она просто сделала это сама.) Гарри воспользовался чарами, которые удерживали его очки на носу, как бы он ни крутил головой — он выучил это заклинание для битв. На случай, если он потеряет сознание, Гарри обновил трансфигурации, которые он постоянно поддерживал — на маленьком драгоценном камне в кольце на руке и ещё одну. Вряд ли Гарри подготовился в буквальном смысле к чему угодно, но он был готов настолько, насколько вообще считал возможным.

Пятиугольные плитки пола поскрипывали у Гарри под ногами и исчезали позади, как секунды, становящиеся прошлым. Было почти 18:49 — «шесть и семь в квадрате». Для владеющих магловской математикой это очевидно, для остальных — не очень.

Когда Гарри был уже готов завернуть за угол, в голове что-то как будто кольнуло, и он услышал тихий голос.

— ...разумно подождать... пока кое-кто из ключевых фигур... не покинет замок...

Гарри замер, затем начал как можно тише красться вперёд, чтобы лучше слышать профессора Квиррелла, и остановился, не доходя до угла.

Последовал громкий кашель, затем тихий голос за углом заговорил снова.

— Но если им тоже нужно... покинуть замок... в это время... они могут посчитать... эта финальная игра... лучше всего оттянет на себя внимание... из оставшегося в этом году... хотя это и предсказуемо. И потому я посмотрел... какие важные люди... не присутствуют на игре... и я увидел, что директор отсутствует... всей моей магии недостаточно... чтобы найти его... с тем же успехом... он может находиться в другой реальности... Я заметил, что вы тоже отсутствуете... и решил направиться... к вам. Поэтому я здесь... а что вы тут делаете?

Гарри затаил дыхание.

— И как же вы узнали, где я нахожусь? — раздался голос Северуса Снейпа, такой громкий, что Гарри чуть не подпрыгнул.

Тихий кашляющий смех.

— Проверьте свою палочку... нет ли на ней Следа.

Северус произнёс что-то на волшебной псевдо-латыни и возмутился:

— Вы наложили чары на мою палочку? Да как вы посмели?!

— Вы подозреваемый... как и я... вы очень стараетесь, но ваше фальшивое возмущение тщетно... а теперь скажите мне... что вы здесь делаете?

— Я охраняю эту дверь, — послышался голос профессора Снейпа. — И попрошу вас покинуть это место!

— Кто дал вам право... приказывать мне... дорогой коллега?

— Директор, кто же ещё, — после некоторой паузы спокойно ответил голос Северуса Снейпа. — Он приказал мне присматривать за этой дверью, пока идёт матч по квиддичу, и, как профессор, я должен повиноваться его прихотям. Я собираюсь поднять этот вопрос на ближайшем совете попечителей, но сейчас я делаю то, что должен. А теперь прошу вас покинуть коридор, как того желает директор.

— Что? Вы хотите, чтобы я поверил... что вы бросили своих слизеринцев... во время самого важного... матча этого года... и замахали хвостом... по одному лишь слову Дамблдора? Пожалуй... должен вам сказать... это и впрямь довольно правдоподобно. Тем не менее... думаю, будет разумно... если я за вами присмотрю... пока вы охраняете эту чудесную дверь, — послышался шелест ткани и глухой звук падения, как будто кто-то тяжело уселся на пол, или, быть может, просто упал.

— О, во имя Мерлина... — голос Снейпа звучал рассерженно. — А ну, вставай!

— Ба-блю-а-бу-бла... — сказал профессор Защиты в режиме зомби.

— Вставай! — сказал Снейп, и послышался глухой удар.

Помоги смотрящему на звёзды...

Гарри вышел из-за угла, хотя, возможно, он поступил бы так же и без послания из будущего. Неужели профессор Снейп только что пнул профессора Квиррелла? Это было бы безрассудно смело с его стороны, даже будь профессор Квиррелл уже мёртв и похоронен.

Закруглённую сверху дверь из тёмного дерева обрамляла каменная арка, сложенная из покрытого пылью мрамора. Там, где маглы установили бы дверную ручку с замком, виднелось только кольцо из полированного металла — без малейшего намёка на замочную скважину. По бокам от двери горела пара факелов, отбрасывая вокруг зловещие оранжевые отблески. Перед дверью стоял профессор зельеварения в своей обычной запятанной мантии. Слева под оранжевым факелом сгорбился и глядел куда-то в пространство прислонившийся к стене профессор Защиты. Его глаза мерцали, словно они находились в каком-то промежуточном состоянии между осознанностью и пустотой.

— Что, — с нажимом произнёс профессор зельеварения, — вы тут делаете, Поттер?!

Судя по выражению лица и тону голоса, Снейп был весьма недоволен появлением Гарри. И уж точно сейчас он не был тем соратником по советам, куда никогда не приглашался профессор Защиты.

— Я не знаю, — сообщил Гарри. Он и правда не понимал, какую роль ему здесь следует играть, и в отчаянии прибегнул к простой честности. — Я думал, возможно, мне стоит последить за профессором Защиты.

Профессор зельеварения холодно смерил его взглядом.

— Где ваш сопровождающий, Поттер? Ученики не должны шалить по этим коридорам в одиночку!

В голове у Гарри было совершенно пусто. Игра уже шла вовсю, а правила ему так никто и не рассказал.

— Я не знаю, как на это ответить...

Холодное выражение на лице Снейпа дрогнуло.

— Возможно, мне следует вызвать авроров, — сказал он.

— Подождите! — выпалил Гарри.

Рука профессора зельеварения зависла над мантией.

— Почему? — спросил он.

— Я... я просто думаю, что, наверное, вам не стоит вызывать их...

В руке профессора мгновенно появилась палочка.

— *Нуллус конфундио!* — Чёрный сгусток заклинания вырвался и попал в Гарри, несмотря на его попытку увернуться. За этим последовали ещё четыре заклинания, содержащие слова *Полифлюкс* и *Матморфус* — эти заклинания Гарри вежливо переждал, стоя на месте.

Никакого эффекта от заклинаний не последовало, и Северус Снейп уставился на Гарри с тёмным блеском в глазах, теперь, по видимому, вполне искренним.

— Я требую, — тихо сказал профессор зельеварения, — чтобы вы объяснились, Поттер.

— Я не могу объясниться, — вздохнул Гарри. — Ещё не Время.

На слове «время» Гарри широко раскрыл глаза и посмотрел в упор на профессора зельеварения, пытаясь передать тому ключевую информацию. Северус Снейп замешкался.

Гарри отчаянно пытался сообразить, кто здесь кем притворяется. Поскольку профессор Квиррелл не входил в круг доверия Дамблдора, Северус играл роль злобного зельевара Хогвартса, которого послал сюда директор... При этом, возможно, Дамблдор его действительно сюда послал, а, возможно, и нет.... Но профессор Квиррелл то ли думал, то ли притворялся, что думает, что кому-то следует следить за профессором Снейпом... А самого Гарри направил сюда будущий Гарри, и он понятия не имеет зачем... И вообще, почему они все стоят около двери в запретный коридор директора?

И тут...

Позади Гарри...

Послышался приближающийся топот множества бегущих ног.

Профессор Снейп немедленно ткнул палочкой в направлении профессора Защиты, создав вокруг него тёмное пятно.

— *Муффлиато*, — прошипел зельевар. — Мистер Поттер, если вы должны быть здесь, прячьтесь! Надевайте вашу мантию-невидимку! Я обязан охранять дверь, на случай, если сюда пожалует он. Сегодня случилось... *происшествие*, которое, как считает директор, устроено, чтобы отвлечь его...

— Кто...

Северус метнулся вперёд и быстро коснулся палочкой его головы. У Гарри появилось обычное для заклинания Разнаваждения ощущение, будто у него над головой разбили яйцо. Руки Гарри исчезли, а за ними и всё остальное.

Тьма, окутавшая часть стены, медленно рассеялась. Снова появилась съёжившаяся фигура профессора Защиты. Тот молчал.

Гарри на цыпочках отошёл подальше, затем развернулся и стал ждать.

Приближающаяся группа завернула за угол...

— Что вы здесь делаете? — раздалось несколько одновременных выкриков.

Перед профессором Снейпом стояли три ученика в мантиях со слизеринской зелёной оторочкой и один — в мантии с пуффендуйской жёлтой. Теодор Нотт, Дафна Гринграсс, Сьюзен Боунс и Трейси Дэвис.

— Дети, — профессор Снейп явно начал закипать, — где ваши сопровождающие?! Первокурсникам разрешено передвигаться по Хогвартсу только в сопровождении учеников шестого или седьмого курса! Особенно вам!

Теодор Нотт поднял руку.

— Мы, э-э-э... В Легионе Хаоса это называется улучшением навыков командной работы. Понимаете, мы вдруг поняли, что никто из нас до сих пор не успел побывать в запретном коридоре директора, а осталось довольно мало времени... И нам это разрешил Гарри Поттер. Профессор, он особенно подчеркнул, что вы не должны вмешиваться.

Северус Снейп повернул голову в сторону стоящего на цыпочках Гарри. Его нахмуренные брови предвещали скорую бурю, а в глазах сверкала тёмная ярость.

Я?.. Может быть. У Гарри оставался ещё один оборот Маховика, поэтому подобного развития событий исключать было нельзя.

— У Гарри Поттера нет права раздавать подобные разрешения, — обманчиво спокойным тоном ответил профессор зельеварения. — Объяснитесь, живо.

— Что, серьёзно? — воскликнула Сьюзен Боунс. — Твоя уловка действительно заключалась в том, чтобы сказать профессору Снейпу, что Гарри Поттер нам это разрешил?

Девочка с Пуффендуя повернулась к профессору Снейпу и заговорила удивительно твёрдым голосом:

— Профессор, это правда и это срочно. Драко Малфой пропал, и мы думаем, что он пошёл сюда...

— Если мистер Малфой пропал, — сказал профессор Снейп, — *почему* об этом не известили авроров?!

— Потому что, потому что есть причины! — закричала Дафна Гринграсс. — Нет времени объяснять, вы обязаны нас пропустить!

— Вы — четвёрка идиотов, — такого едкого тона в исполнении профессора Снейпа Гарри ещё не слышал. — У вас сложилось впечатление, что это какое-то приключение? Что ж, вы ошиблись. Могу вас заверить, что мистер Малфой не проходил через эту дверь.

— Мы считаем, что у мистера Малфоя есть мантия-невидимка, — быстро ответила Сьюзен Боунс. — Вы не припомните, может, дверь открывалась без причины?

— Нет, — отрезал профессор. — А теперь убирайтесь. На сегодня это место закрыто.

— Это запретный коридор Дамблдора! — заявила Трейси. — Сам директор сказал, чтобы сюда никто не ходил. Какое вы имеете право запрещать то, что уже запретил директор?

— Мисс Дэвис, — произнёс зельевар, — вам стоит прекратить общаться с гриффиндорцами, особенно по имени Лаванда Браун. И если через минуту вы по-прежнему будете здесь, я отправлю запрос о вашем переводе в Гриффиндор.

— Вы не посмеете! — взвизгнула Трейси.

Сьюзен Боунс сосредоточенно нахмурилась.

— Гм. Профессор Снейп, а вы случайно не открывали дверь сами, чтобы что-нибудь проверить?

Профессор Снейп замер. Затем повернулся и взялся правой рукой за металлическое кольцо...

Гарри следил за правой рукой Снейпа, поэтому не обратил внимание на движение его левой руки, пока не раздался внезапный вскрик.

— Вообще-то, нет, — ответил профессор Снейп, держа за воротник хватающую воздух голову Драко Малфоя. Остальная часть Драко по-прежнему была скрыта мантией-невидимкой. — Впрочем, прекрасная попытка.

— Что?! — вскрикнули Трейси и Дафна.

Сьюзен Боунс ударила себя по лбу.

— Просто не могу поверить, что я на это купилась.

— Итак, мистер Малфой, — тихо произнёс профессор Снейп. — Вы подговорили ваших друзей разыграть эту сценку... просто в надежде пройти через эту дверь? И зачем же?

— Думаю, мы можем ему доверять... — сказал Теодор Нотт. — Мистер Малфой, нам следует доверять ему, это тот самый профессор, который всегда встанет на нашу сторону!

— Нет! — заорал Драко, которого по-прежнему держал за воротник профессор Снейп. — Не смей! Ничего не говори!

— Мы должны рискнуть! — завопил Теодор. — Профессор Снейп, мистер Малфой наконец разгадал, что происходило весь этот год и почему: Дамблдор пытается отнять Философский Камень у Николаса Фламель! Потому что Дамблдор думает, что никто не должен быть бессмертным! Поэтому Дамблдор попытался убедить Фламеля, что Тёмный Лорд возвращается и ему нужен Камень, чтобы родиться, и попросил Фламеля отдать Камень. Но Фламель вместо этого положил Камень в магическое зеркало, которое спрятано там

внизу, и Дамблдор ищет способ, как его достать, и скоро он за ним придёт, и мы должны добыть Камень первыми! Дамблдор станет совершенно всемогущим, если он получит Философский Камень!

— Что?! — воскликнула Трейси. — Раньше ты говорил по-другому!

— Это... — Дафна выглядела испуганной, но решительной. — Это не важно. Профессор Снейп, пожалуйста, вы обязаны мне поверить. Я просмотрела книги, которые брала в библиотеке Гермиона. Перед тем как кто-то её убил, она собирала информацию о Философском Камне. В её заметках сказано: если камень будет в зеркале слишком долго, может случиться что-то опасное. Мы должны немедленно вынести его из замка.

Сьюзен Боунс закрыла лицо руками.

— Я не с ними. Я просто пришла, чтобы предотвратить какой-нибудь ещё больший идиотизм.

Северус Снейп смотрел на Теодора Нотта и его спутников. Затем он повернул голову к Драко Малфой.

— Мистер Малфой, — протянул зельевар. — Как вам удалось раскрыть план Дамблдора?

— Я сделал выводы из свидетельств! — воскликнула парящая голова Драко.

Профессор Снейп повернулся обратно к Теодору Нотту.

— Как вы намеревались достать этот Камень из волшебного зеркала, если это якобы не смог сделать даже Дамблдор? Ответьте немедленно!

— Мы заберём зеркало целиком и отошлём его Фламелью, — сказал Теодор. — Мы же не хотим забрать Камень себе, нам просто нужно помешать Дамблдору его похитить.

Профессор Снейп кивнул, словно что-то подтверждая, и посмотрел на остальных учеников.

— Скажите, не замечал ли кто-нибудь из вас, что кто-то другой ведёт себя необычно? Особенно, если этот кто-то владеет неким необычным предметом или способен использовать заклинания, неизвестные первокурсникам? — палочка, зажатая в правой руке профессора Снейпа, теперь указывала на Сьюзен Боунс. — Мисс Боунс, я вижу, что мисс Гринграсс и мисс Дэвис стараются не смотреть в вашу сторону. Если этому есть нормальное объяснение, с вашей стороны будет мудро изложить его, причём немедленно.

Лицо Сьюзен Боунс не изменилось, но её волосы стали ярко-красными.

— Думаю, не имеет смысла молчать об этом и дальше. Всё равно послезавтра я заканчиваю школу.

— Двойные ведьмы заканчивают школу аж на шесть лет раньше? — воскликнула Трейси Дэвис. — Это нечестно!

— Боунс — двойная ведьма?! — вскричал Теодор.

— Нет, она — Нимфадора Тонкс, метаморфомаг, — заметил профессор Снейп. — Принимать облик другого ученика — это серьёзное нарушение правил, как вам прекрасно известно, мисс Тонкс. Ещё не поздно исключить вас из Хогвартса — всего за два дня до выпуска, что будет ужасной трагедией — с вашей точки зрения, конечно. Мне же кажется, что это будет очень весело. А теперь объясните, что именно вы здесь делаете.

— Это многое объясняет, — пробормотала Дафна Гринграсс. — Гм, а настоящая Сьюзен Боунс существует, или Дом Боунс угасает и поэтому вас втайне...

Красноволосая Сьюзен Боунс закрыла лицо ладонью.

— Да, мисс Гринграсс, настоящая Сьюзен Боунс существует. Она просто посылает меня, когда вы все собираетесь влезть в абсурдно большое количество неприятностей. Профессор Снейп, я здесь, потому что Драко Малфой пропал, а вот они настаивали, что нужно его искать, а не звать авроров. Настоящая мисс Боунс заявила, что нет времени объяснять причины, и теперь я понимаю, что это были какие-нибудь глупости. Но младшие ученики не должны ходить одни, их должны постоянно сопровождать ученики шестого или седьмого курсов. Теперь мы нашли Драко Малфоя и можем уйти. Пожалуйста? Пока всё это не стало ещё более нелепым?

— Во имя Мерлина, что здесь происходит?!

— Ага, — протянул профессор Снейп. Он по-прежнему стоял рядом со съёжившейся фигурой профессора Защиты. Одна его рука направляла палочку на красноволосую Сьюзен Боунс, другая всё так же сжимала воротник чуть ниже висящей в воздухе головы Драко Малфоя. — Профессор Спраут, как я понимаю.

— Это не то, чем кажется, — вылезла вперёд Трейси Дэвис.

Из-за угла выскочила низенькая коренастая фигура профессора травоведения. Она уже успела выхватить палочку, хотя и не направляла её ни на кого конкретно.

— Я даже не хочу думать, чем это кажется! Вы все, опустите палочки, живо! Включая вас, профессор!

Отвлекающий манёвр. Гарри совершенно ясно это понял. Он оставался невидимым и не вмешивался, но всё, что он видел, было

не тем, что происходило на самом деле, это была не настоящая история, всё это кто-то подстроил. Появление профессора Спраут развеяло остатки доверия к происходящему, такие совпадения не происходят просто ради комедийности момента. Кто-то умышленно создаёт весь этот хаос, но зачем? Гарри искренне надеялся, что он не вернулся назад во времени и не подстроил всё это, потому что происходящее было очень похоже на то, что сделал бы он сам.

Северус Снейп опустил палочку и отпустил Драко Малфоя.

— Профессор Спраут, — протянул зельевар, — я здесь, потому что директор приказал мне охранять эту дверь. Всех остальных здесь быть не должно, и я прошу вас проследить, чтобы они отсюда убрались.

— Милая история, — отрезала профессор Спраут. — Зачем бы Дамблдору ставить охранять дверь в его парк развлечений именно вас? Не похоже, что он хотел держать учеников подальше от него, о нет, они должны пойти туда и застрять в моих Дьявольских силках! Сьюзен, девочка, у тебя ведь есть зеркало для связи? Позови авроров.

Наблюдающий Гарри мысленно кивнул. Это имело смысл. Авроры заберут всех без исключения присутствующих из этой ужасно запутанной ситуации, и после этого дверь останется без охраны.

Но что после этого следует делать Гарри? Идти в запретный коридор самому? Или посмотреть, кто сюда придёт, когда уйдут остальные?

Громкий прерывистый кашель привлёк все взгляды к лежащему профессору Защиты.

— Снейп... слушайте... — прохрипел профессор Квиррелл. — Почему... Спраут... здесь....

Зельевар посмотрел вниз.

— Изменение памяти... подразумевает... профессор... — профессор Защиты опять закашлялся.

— Что?!

Головоломка в голове у Гарри наконец сложилась, и его охватило смятение. Все её кусочки он уже не раз обдумывал, и очередное повторение сделало картину ужасно правдоподобной.

Кто-то изменил память Гермионе, чтобы она поверила, что пыталась убить Драко.

Только профессор Хогwartса мог это сделать, не подняв тревоги.

Поэтому настоящему злоумышленнику нужно было всего лишь использовать легилименцию или Империиус на профессоре Хогwartса.

И декан Пуффендуча была последней, кого могли заподозрить.

Профессор Спраут вскинула палочку. Снейп успел поднять голову и без слов создал полупрозрачную стену перед собой. Но сгусток

магии, слетевший с палочки профессора Спраут, был тёмно-коричневого цвета, и у Гарри появилось ощущение ужасной опасности. Щит Северуса, казалось, исчез ещё до того, как его коснулся этот коричневый сгусток. Зельевар попытался увернуться, но заклинание попало ему в правую руку. Профессор Снейп сдавленно вскрикнул, его рука судорожно дёрнулась, и он выронил палочку.

Следующий сгусток с палочки Спраут был такого же ярко-красного цвета, как и Оглушающее проклятие, но светился ярче и летел гораздо быстрее. На Гарри опять нахлынуло чувство тревоги. Заклинание швырнуло профессора зельеварения на дверь, после чего он рухнул на пол и больше не двигался.

К этому времени розововолосая Сьюзен Боунс окружила себя ячеистой синей дымкой и начала стрелять проклятиями в профессора Спраут. Профессор Спраут не обращала на них внимания — она вызывала лианы, которые опутали младших учеников, попытавшихся сбежать. Всех, кроме Драко Малфоя, который опять исчез под своей мантией-невидимкой.

Не-Сьюзен-Боунс перестала кидаться проклятиями. Она чуть опустила палочку, сделала глубокий вдох и громко выкрикнула заклинание, и в щит, окружающий профессора Спраут, начали вгрызаться светящиеся золотые черви. С пустым выражением лица профессор травоведения повернулась к не-Сьюзен. Позади неё в воздух поднялась ещё одна порция лиан. Эти были тёмно-зелёного цвета и, судя по всему, имели собственные щиты.

Гарри Поттер шепнул пустому на вид воздуху:

— Атакуй Спраут. Помоги Боунс. Не убивай.

— Да, мой лорд, — шепнул в ответ Лесат Лестрейндж, укрытый Мантией невидимости, после чего ринулся в бой.

Гарри посмотрел на свои руки и неприятно удивился, обнаружив, что заклинание Разнаваждения на нём уже не столь совершенно, как раньше. При каждом движении Гарри можно было заметить искажения в воздухе...

Гарри медленно попятился назад и нырнул за угол, затем вытащил своё зеркало для связи... которое оказалось пустым и заблокированным. Ну, конечно. Гарри пролевитировал зеркало так, чтобы он мог смотреть за угол и наблюдать за этим... отвлекающим манёвром? *Что происходит, почему?*

Профессор Спраут и фигурка Сьюзен Боунс двигались в дуэльном танце среди листьев и вспышек света. Неожиданно откуда-то из пустого воздуха яркой зеленью полыхнуло заклинание Улучшенного пронзаю-

щего бура и наполовину прогрызло внешний слой щитов профессора Спраут. Та развернулась и выпустила широкий жёлтый всполох туда, откуда появилось заклинание, но, судя по всему, никого не задела.

Жёлтые всполохи, синие грани, тёмно-зелёные растения-лианы и кружащиеся пурпурные лепестки...

Когда Спраут начала выстреливать во все стороны дуги тёмно-красных проклятий, одно из них задело что-то в воздухе. Несмотря на Мантию невидимости можно было заметить, как проклятие чем-то поглотилось и погасло. Лесат — по-прежнему невидимый — рухнул на пол.

Но это дало время не-Сьюзен-Боунс. Она выпрямилась, перевела дыхание и что-то громко выкрикнула. На Гарри в очередной раз накатил ужас. Яркая белая искра прошла повреждённые щиты и растительную броню профессора Спраут и сбила её с ног.

Не-Сьюзен-Боунс упала на колени, тяжело дыша, её мантия липла к телу от пота.

Она оглядела лежащие вокруг тела оглушённых и обвитых лианами.

— Что это было, — сказала не-Сьюзан. — Что. Что. Что?!

Никто не ответил. Жертвы лиан не двигались, но было видно, что, по крайней мере, они дышали.

— Малфой... — хватая ртом воздух произнесла розововолосая Сьюзен. — Драко Малфой, ты где? Ты тут? Вызови наконец авроров! Мерлин побери... *Хоменум Ревелио!*

Гарри обнаружил, что снова стал видимым. И одновременно он заметил в зеркале наполовину скрытую мерцающей мантией фигуру Драко Малфоя за спиной у не-Сьюзен. Малфой направил палочку в прореху в окружающей девочку синей дымке.

Гарри озарило. Мысли двигались слишком медленно и в то же время слишком быстро. Он открыл рот, чтобы выкрикнуть предупреждение...

Опасайся созвездия.

Существует созвездие Дракона.

Если можно контролировать профессора, то можно контролировать и ученика

— Пригнись! — крикнул Гарри, но опоздал. Сгусток красного света почти в упор ударил в затылок не-Сьюзен и швырнул её на пол.

Гарри вышел из-за угла и выпалил:

— *Сомниум Сомниум Сомниум Сомниум Сомниум Сомниум.* Мерцающая фигура Драко Малфоя рухнула.

Гарри перевёл дыхание, а затем сказал: «*Ступефай!*» и убедился, что Оглушающее проклятие действительно попало в Драко.

(Никогда нельзя точно сказать, попало ли усыпляющее проклятие в цель. Гарри посмотрелся достаточно фильмов ужасов — а ещё была памятная история с Солнечным Отрядом, — чтобы больше никогда не допускать эту ошибку.)

Немного подумав, Гарри выпустил ещё одно Оглушающее проклятие и в профессора Спраут.

Сжимая палочку, Гарри смотрел на лежащие тела и тяжело дышал. У него не осталось магии, чтобы отправить патронуса с сообщением Дамблдору, а ведь он совершенно обязан был об этом подумать сразу же, когда всё это началось. Гарри потянулся к обронённому зеркалу, чтобы проверить, не заработало ли оно.

А потом он засомневался.

Записка из будущего просила избегать авроров, и Гарри до сих пор не знал, что вообще происходит.

Съёжившийся профессор Квиррелл мучительно закашлялся, вытянул руку и, опираясь на стену, медленно поднялся на ноги.

— Гарри, — прохрипел профессор Квиррелл. — Гарри, ты здесь?

Впервые профессор назвал его по имени.

— Я здесь, — сказал Гарри. Без какого-либо вмешательства сознания его ноги двинулись вперёд.

— Пожалуйста, — сказал профессор. — Пожалуйста, у меня... мало времени. Пожалуйста, помоги мне добраться... до зеркала... помоги... достать Камень.

— Философский Камень? — уточнил Гарри. Он оглянулся на лежащие тела, но больше не мог разглядеть Драко, заклинание, снимающее невидимость, развеялось. — Вы думаете, мистер Нотт прав? По-моему, Дамблдор не стал бы...

— Не... Дамблдор, — выдохнул профессор Квиррелл. — Потому что... Спраут...

— Понимаю, — сказал Гарри. Если бы за всем этим стоял Дамблдор, ему было бы совершенно ни к чему брать под контроль Спраут, чтобы получить возможность использовать чары Памяти.

— Зеркало Желаний... древняя реликвия... может скрывать что угодно... Камень может быть там.. многие хотят получить Камень... один из них послал Спраут.

Гарри быстро повторил:

— Зеркало за этой дверью — древняя реликвия, которая может скрывать предметы, и, возможно, именно там спрятан Философский Камень. Если Камень внутри зеркала, то его, наверное, хотят запо-

лучить многие. Один из них контролирует Спраут, и теперь понятно, зачем... только... это не объясняет, зачем он напал на Гермину.

— Гарри, пожалуйста, — мучительно медленно произнёс профессор Квиррелл. Он дышал с большим трудом. — Это единственное... что может спасти мою жизнь... теперь я понял... что не хочу умирать... пожалуйста, помоги мне...

И почему-то это стало последней каплей.

К Гарри опять вернулось то чувство отстранения, которое посетило его при появлении профессора Спраут. Опять появились сомнения в реальности происходящего. По мнению его Внутреннего Критика всё было слишком похоже на постановку. Совпадение по времени, вероятности, так много людей пришедших к этой двери, отчаяние профессора Защиты... вся эта ситуация казалась ненастоящей. Возможно, он смог бы разобраться, если бы заранее всё продумал, а не бросился бы бежать по первому зову приключения. За прошедший год он пережил очень многое и кое-чему всё-таки научился. Инстинкт, рождённый из прошлой катастрофы, говорил Гарри, что если он сейчас просто ринется вперёд, то всё снова закончится печальной беседой, и он будет чувствовать себя идиотом. В очередной раз!

— Дайте мне подумать, — сказал Гарри. — Дайте мне минуту, прежде чем мы пойдём.

Он отвернулся от профессора Защиты, рассматривая тела, лежащие на полу в разных позах без сознания. За год накопилось уже очень много кусочков головоломки, может, если к ним добавить ещё один, они соберутся в единую картину...

— Гарри... — сказал профессор Защиты срывающимся голосом, — Гарри, я умираю...

Лишняя минута ни на что не повлияет, он болел ЦЕЛЫЙ ГОД, и, НЕВЕРОЯТНО, чтобы вопрос жизни и смерти для него решался прямо в эту последнюю минуту, и, что бы ни случилось с Герминуой — это другая история...

— Я знаю! — сказал Гарри. — Я буду думать быстро!

Гарри устался на тела и попытался сосредоточиться. Не было времени для сомнений, протестов — никаких остановок и критики. Просто схватиться за первое, что придёт в голову, и с этим работать ...

На задворках разума Гарри мелькали эвристики и обрывки некой абстрактной идеи. Времени облекать их в слова не было. Они вспыхивали у него в голове, обрисовывая основные контуры задачи и пути к её решению.

Я замечаю, что я озадачен тем, что...

При анализе проблемы в первую очередь нужно понять, что именно кажется наиболее невероятным...

Наиболее вероятны простые объяснения, про отдельные маловероятные события следует помнить, но не строить на их основе гипотезы...

Профессор Снейп уже был здесь, когда пришёл профессор Квиррелл. Затем (с помощью Маховика времени) появился Гарри, затем явился отряд искателей приключений и обнаружился Драко (который был частью отряда), затем примчалась профессор Спраут.

Слишком много людей появилось одновременно, слишком много совпадений. Совершенно невероятно, чтобы так много разных заинтересованных сторон оказались в одном и том же месте в течение пяти минут, здесь просто обязана быть скрытая связь.

Назовём того, кто контролировал профессора Спраут и приказал ей наложить на Гермину заклинание Ложной памяти, кукловодом. Спраут сюда прислал он.

Профессор Снейп сказал, что директор отправил его охранять дверь из-за некоего *происшествия*. Предположим, это отвлекающий манёвр кукловода, тогда присутствие Северуса понятно.

Гарри уже сомневался, что кукловод подчинил Драко, эта гипотеза пришла Гарри в голову под влиянием момента. Вполне возможно, Драко пытался избавиться от не-Сьюзен, чтобы спокойно пробраться в коридор...

Нет, неправильный подход, зайди с другой стороны, попробуй объяснить такое своевременное появление Драко и компании, не трать время на споры с собой, просто рассмотри гипотезу, что кукловод прислал Драко или спровоцировал его появление.

С тремя участвующими сторонами разобрались.

Гарри привела сюда собственная записка — здесь поработало перемещение во времени.

Остаётся профессор Защиты. По его словам, он следил за Снейпом, но для профессора Квиррелла такая причина выглядит не слишком убедительно и не позволяет Гарри чувствовать себя менее озадаченным. Допустим, появление профессора Квиррелла в нужный момент тоже обеспечил кукловод, и он же подтолкнул Гарри сделать временную петлю.

Мысли Гарри упёрлись в стену, следующий шаг умозаключений никак не давался.

Но тупо смотреть на стену было некогда.

Мгновенно переключившись, мозг Гарри набросился на задачу с другой стороны.

Профессор Квиррелл, основываясь на том, что заклинание Ложной памяти на Гермиону мог наложить лишь другой профессор, вычислил, что Спраут находится под контролем. Отсюда следует, что кукловод подставил и убил Гермиону. Следовательно, кукловод подробно осведомлён о жизни Хогвартса и, вполне вероятно, активно интересуется Мальчиком-Который-Выжил и его друзьями.

В сознании Гарри наконец всплыло соответствующее воспоминание: Дамблдор говорил, что вернейший путь Лорда Волдеморта к жизни сокрыт в Хогвартсе. Примем как гипотезу, что инструмент воскрешения — Философский Камень, спрятанный в зеркале... *почему же Дамблдор поставил зеркало в коридоре, куда проберётся даже первокурсник, нет, не тот вопрос, сейчас это совершенно неважно...* и профессор Квиррелл говорил, что Философский Камень обладает великой целительной силой, тут всё сходится.

Но если в зеркале от Тёмного Лорда спрятан именно Философский Камень, значит, там находится единственное, что может спасти жизнь профессора Защиты...

Мозг Гарри попытался промедлить, уклониться, он почувствовал, куда всё это может завести.

Но времени на промедления не было.

...и это тоже было слишком невероятным совпадением, если, конечно, не считать себя обитателем книжной истории и не принять происходящее, как потрясающий поворот сюжета.

Мог бы предполагаемый Тёмный Лорд также манипулировать профессором Квирреллом, чтобы профессор Защиты обнаружил, что именно может его спасти в нужный момент, чтобы Гарри и профессор Квиррелл пошли и достали из зеркала воскрешающий инструмент, который может даже не быть Философским Камнем, а затем показался бы аватар Тёмного Лорда или какой-нибудь ещё его слуга и отобрал бы этот инструмент, что объяснило бы все одновременности и отменило бы все совпадения?

Или профессор Квиррелл с самого начала знал, что единственный предмет, который способен спасти его жизнь, спрятан внутри этого зеркала, и именно поэтому он согласился преподавать Защиту в Хогвартсе, и теперь он наконец пытается заполучить его? Но в этом случае зачем ждать, пока его болезнь достигнет такой стадии, почему не попытаться добыть этот предмет раньше, и почему Спраут оказалась здесь в то же время, что и профессор Квиррелл...

Мысли Гарри опять застопорились.

Его внутренний глаз посмотрел туда, куда боялся смотреть.

В записке, которую я послал себе, было сказано помочь смотрящему на звёзды. Я бы не послал себе такую записку, если бы я уже не выяснил в будущем, что так и надо поступить... быть может, записка просто советует мне поторопиться...

Маленькое замешательство сменилось сознательным обдумыванием вопроса.

Зашифрованное сообщение на пергаменте... одна или две строчки казались не совсем правильными, они не походили на шифр, который Гарри ожидал бы увидеть от себя...

— Гарри, — прошептал умирающий голос профессора Квиррелла позади. — Гарри, пожалуйста.

— Я почти закончил с размышлениями, — услышал Гарри собственный голос и понял, что сказал чистую правду.

Разверни ситуацию.

Посмотри на неё с точки зрения Врага, оттуда, где Враг втайне от тебя строит свои собственные умные планы.

В Хогвартсе есть авроры, а твоя цель — Гарри Поттер — теперь настороже. Гарри Поттер позовёт авроров при первых признаках опасности или пошлёт патронуса Альбусу Дамблдору. Если рассмотреть это как головоломку, то одним из творческих решений будет...

...подделать якобы отправленное назад во времени сообщение Гарри Поттеру от самого себя, попросить Гарри Поттера не звать на помощь, сказать ему явиться в то время и место, где ты хочешь его видеть. Таким образом, жертва сама откажется от всех своих мер предосторожности. Даже защита в виде скептицизма будет обойдена авторитетом его самого из будущего.

Это даже не сложно. Можно изменить память первому попавшемуся ученику, чтобы он помнил, как Гарри Поттер вручил ему конверт, который следует ему же и отдать, только попозже.

Ты можешь изменить память этому ученику, потому что ты — профессор Хогвартса.

Ты не пойдёшь на дополнительные усилия, чтобы похитить карандаш и магловскую бумагу из кошель Гарри Поттера. Вместо этого ты подделаешь почерк Гарри Поттера на пергаменте, который в ходу у волшебников. Ты сможешь подделать почерк Гарри Поттера, потому что ты видел его на проверенной тобой работе министерского экзамена.

Ты назовёшь Драко Малфоя «созвездием», потому что знаешь, что Гарри Поттер интересуется астрономией, а ты волшебник,

ты изучал астрономию и выучил названия всех созвездий. Но такой шифр не естественен для Гарри Поттера, Гарри Поттер использовал бы слово «подмастерье».

Ты назовёшь профессора Квиррелла «смотрящим на звёзды» и скажешь Гарри Поттеру помочь ему.

Ты знаешь, что «дементоры» на парселтанге звучат как «пожиратели жизни», и ты считаешь, что Гарри Поттер воспринимает авроров как союзников дементорам.

Ты закодируешь 6:49 вечера как «шесть и семь в квадрате», потому что прочитал магловскую книгу по физике, которую тебе дал Гарри Поттер.

И кто же ты в таком случае?

Гарри заметил, что его дыхание ускорилося. Его сердце колотилось, но Гарри заставил себя дышать как обычно — ведь профессор Квиррелл наблюдал за ним.

Что если, гипотетически, именно профессор Квиррелл был кукловодом и подделал сообщение Гарри? Это бы объяснило синхронное появление всех пяти сторон, участвовавших в комедии, и в этом случае профессор Квиррелл взял под контроль профессора Спраут, просто чтобы иметь возможность переложить на неё вину за вмешательство в чью-то память, когда всё утрясётся. Но...

Но зачем профессору Квирреллу рисковать хрупким союзом между Гарри и Драко, организовывая покушение на убийство и подставляя Гермиону...

(которое профессор Квиррелл «обнаружил» и «предотвратил» якобы с помощью следящего заклинания, наложенного на Драко)

Зачем профессору Квирреллу убивать Гермиону...

(если его первая попытка избавиться от неё не сработала)

Если профессор Квиррелл был злодеем, то он мог лгать обо всём, связанном с крестражами, и, возможно, вовсе не совпадение, что единственный предмет, который способен спасти его жизнь, при этом может воскресить Тёмного Лорда. Что если Тёмный Лорд это тоже как-то подстроил...

(однажды Дэвид Монро таинственно исчез, якобы он погиб от рук Тёмного Лорда)

На Гарри накатило ужасное предчувствие, что-то не связанное со всеми этими рассуждениями, догадка, которую он не мог облечь в слова. Даже если забыть про все эти логические доводы, он и профессор Защиты были некоторым образом очень похожи, и подделка сообщения, отправленного назад во времени, была

творческой идеей, которую и сам Гарри мог бы использовать, чтобы обойти защиту своей жертвы...

И в этот миг Гарри наконец осознал то, что обязан был понять с самого-самого начала.

* * *

Профессор Квиррелл умён.

Профессор Квиррелл умён в том же смысле, что и Гарри.

Профессор Квиррелл умён в точно таком же смысле, что и таинственная Тёмная Сторона Гарри.

И если вы спросите себя, когда Мальчик-Который-Выжил приобрёл свою таинственную Тёмную Сторону, сразу напрашивается ответ: в ночь 31 октября 1981 года.

* * *

И...

И...

И профессор Квиррелл знал пароль, который, по мнению Беллатрисы Блэк, знал Тёмный Лорд, и его присутствие вызывало у Мальчика-Который-Выжил чувство тревоги, и его магия разрушительным образом взаимодействовала с магией Гарри, и его любимым заклинанием была Авада Кедавра, и, и, и...

Понимание захлестнуло Гарри, словно вода из прорвавшейся гигантской плотины оно неслось по его разуму неудержимым потоком.

Есть только одна реальность, которая создаёт все наблюдаемые факты.

Если наблюдаемые факты указывают в различных направлениях, это означает, что вы ещё не додумались до истинной гипотезы.

И во всех таких случаях, когда в голову наконец приходит правильная гипотеза, с ней сходится всё, несмотря на отрицание и ужас. Она сметает все сомнения и все эмоции, которые встают у неё на пути.

...и, значит, «Дэвид Монро» и «Лорд Волдеморт» — просто один человек, который играл в Войне Волшебников за обе стороны, и именно поэтому, как и подозревал Хмури, семья Монро была убита, прежде чем они могли повстречаться с «Дэвидом Монро»...

Реальность приняла форму единого целого, логически согласованного положения вещей, которое без привлечения лишних сущностей объясняло имеющиеся факты.

Гарри не подпрыгнул, его дыхание не сбилось. Он старался ничем не выдать ужас и мучения, которые переполняли его разум.

Ведь сзади за ним наблюдал Враг.

— Хорошо, — сказал Гарри вслух, когда осмелился поверить, что его голос будет звучать, как обычно. Он продолжал смотреть на лежащие тела, не поворачиваясь к профессору Квирреллу, потому что не был уверен, что может контролировать своё лицо. Мальчик вытер рукавом пот со лба, стараясь, чтобы жест получился естественным. С испариной или бешеным стуком сердца в груди Гарри справиться не мог... — Давайте пойдём за Философским Камнем.

Гарри нужно было лишь улучшить секунду, чтобы воспользоваться своим Маховиком времени.

Ответа сзади не последовало.

Тишина затянулась.

Гарри медленно повернулся.

Профессор Квиррелл стоял прямо и улыбался.

В руке он сжимал чёрный металлический предмет, направленный на правую руку Гарри. Судя по хватке профессора, он прекрасно знал, как пользоваться полуавтоматическим пистолетом.

У Гарри пересохло во рту, даже его губы дрожали от переизбытка адреналина, но он смог выдать:

— Здравствуйте, Лорд Волдеморт.

Профессор Квиррелл кивнул.

— Здравствуй, Том Риддл.

Истина.

Часть 2

Том Риддл.

Слова эхом отдавались в голове у Гарри, отзвуки резонировали и тут же затухали, разбитые шаблоны тщетно пытались выстроиться в новую целостную картину.

Том Риддл это...

Том Риддл был...

Загадкой...

Но не только это требовало его внимания.

Профессор Квиррелл направлял на него пистолет.

И по какой-то причине Лорд Волдеморт до сих пор не выстрелил.

— Что вам нужно? — с трудом выговорил Гарри.

— Твоя смерть, — откликнулся профессор Квиррелл, — не входит в список того, что я собираюсь озвучить. У меня было достаточно времени, чтобы убить тебя. Судьбоносная битва между Лордом Волдемортом и Мальчиком-Который-Выжил — плод воображения Дамблдора. Я знаю, где живёт твоя семья в Оксфорде, и я знаю, что такое снайперская винтовка. Ты бы погиб ещё до того, как получил палочку. Надеюсь, Том, это понятно?

— Абсолютно, — прошептал Гарри. Его трясло, тело отрабатывало программу, созданную, чтобы убегать от тигров, а не применять сложные заклинания и тем более думать. Но тем не менее Гарри понял, что человек, направивший на него пистолет, ждёт от него конкретного действия, точнее, вопроса. Поэтому Гарри его задал.

— Почему вы зовете меня Томом?

Профессор Квиррелл смерил Гарри взглядом.

— Почему я зову тебя Томом? Ответь сам. Я не сказал бы, что твой интеллект оправдал все мои надежды, но уж на это его должно хватить.

Ответ появился у Гарри на языке ещё до того, как мозг успел сосредоточиться на вопросе.

— Том Риддл — ваше имя. Наше имя. Лорд Волдеморт — это Том Риддл, в смысле, был им, в смысле... не знаю.

— Неплохо, — кивнул профессор Квиррелл. — Один раз ты уже победил Тёмного Лорда, и второго раза не будет. Я уже уничтожил Гарри Поттера, почти ничего не оставив, я стёр различия между нашими душами, позволив нам существовать в одном мире. Теперь ты видишь, что про сражение со мной тебе лгали, и можешь разумно действовать в собственных интересах. Или не можешь, — пистолет слегка качнулся вперёд, и на лбу у Гарри выступили капли пота. — Бросай палочку. Быстро!

Палочка упала на пол.

— Шаг назад, — потребовал профессор Квиррелл.

Гарри подчинился.

— Подними руки к шее иними Маховик времени, касаясь исключительно цепочки. Положи его на пол, потом сделай ещё шаг назад.

Гарри опять подчинился. Даже в состоянии шока мозг искал способ повернуть Маховик времени, сделать неожиданный выигрышный ход, но Гарри понимал, что профессор Квиррелл уже представил себя на месте Гарри и перебирает те же варианты.

— Сними кошель, положи на землю, сделай шаг назад.

Гарри послушался.

— Отлично, — сказал профессор Защиты. — Итак. Мне пора обрести Философский Камень. Этих четырёх первокурсников я собираюсь взять с собой, предварительно стерев их последние воспоминания, но так, чтобы они помнили свой исходный замысел. Снейпа возьму под контроль и поставлю охранять дверь. Я планирую убить его за предательство моей другой ипостаси, когда Камень будет у меня. Трёх наследников благородных Домов я прихвачу с собой и поработаю над тем, чтобы в будущем они всегда были мне верны. И, да будет тебе известно, я взял заложников. Я уже привёл в действие заклинание, которое убьёт сотни учеников Хогвартса, в том числе многих, кого ты называешь друзьями. Если я добуду Камень, с его помощью я смогу остановить это заклинание. Если мне помешают или если я решу не останавливать заклинание — сотни учеников погибнут, — профессор Квиррелл говорил всё также спокойно. — Ты заинтересован как-нибудь повлиять на то, что произойдёт? Я бы улыбнулся, услышав от тебя «нет», но вряд ли на это стоит надеяться.

— Я бы попросил вас, профессор, этого не делать, — сумел выдать Гарри. Горе и ужас охватывали его, лезвия, испарывающие эмоциональную связь, причиняли такие же страдания, как если

бы вонзались в плоть. *Почему, профессор Квиррелл, почему всё так обернулось, пусть всё будет не так, не так, по-другому...*

— Хорошо, — сказал профессор Квиррелл, приглашающе взмахнув пистолетом. — Разрешаю тебе предложить взамен что-нибудь, нужное мне. Это редкая привилегия. Когда Лорд Волдеморт что-то хочет, обычно он не торгуется, мальчик.

Часть разума Гарри лихорадочно перебирала варианты в поисках чего-нибудь, что может оказаться для Лорда Волдеморта или профессора Квиррелла более ценным, чем дети-заложники или смерть Снейпа.

Другая его часть, та, что никогда не переставала думать, уже знала ответ.

— Вы уже знаете, что вы хотите от меня, — Гарри чувствовал тошноту, душа истекала кровью. — Скажите сами.

— Ты поможешь мне добыть Философский Камень.

Гарри слотнул. Его взгляд против воли перескакивал с пистолета на лицо профессора Квиррелла и обратно.

Он понимал, что книжный герой в такой ситуации ответил бы: «Нет». Но теперь, когда он сам очутился на месте героя, ответ «Нет» казался бессмысленным.

— Я разочарован, что ты задумался, — сказал профессор Квиррелл. — Совершенно очевидно, что в данный момент ты должен принять все мои условия, потому что у меня на руках все козыри. Я учил тебя, как поступать в таких ситуациях: тебе следует сразу же притвориться, что ты проиграл. Спротивляясь, ты не добьёшься ничего, кроме боли. Ты должен был вычислить, что выгоднее ответить сразу, не вызывая моё недоверие, — профессор Квиррелл с любопытством разглядывал Гарри. — Может, Дамблдор забил тебе голову чепухой про благородное сопротивление? Меня всегда забавляли подобные моральные принципы — ими так легко манипулировать. Заверяю тебя, я легко могу продемонстрировать, что и с моральной точки зрения сопротивление будет выглядеть гораздо хуже, и советую подчиниться, пока я этого не сделал.

Пистолет всё так же смотрел на Гарри, но профессор Квиррелл взмахнул второй рукой, и Трейси Дэвис, медленно вращаясь, взмыла в воздух. Её руки и ноги раскинулись звездой...

...и не успела свежая волна адреналина добраться до сердца Гарри, как Трейси снова опустилась на пол...

— Решай, — сказал профессор Квиррелл. — Моё терпение уже на исходе.

Надо было отвечать сразу, чтобы ему не успела прийти мысль оторвать Трейси ноги. Хотя, нет, директор говорил, нельзя показывать Лорду Волдеморту, что я буду подчиняться, если он станет угрожать моим друзьям, потому что тогда он будет шантажировать меня снова и снова... Только ведь его слова — не шантаж, он постоянно именно так и действует...

Гарри несколько раз глубоко вдохнул. Часть сознания, действующая на автопилоте, вопила другим субличностям, что он никак не может позволить себе пребывать в ступоре. Шок рано или поздно заканчивается, нейроны всё так же передают сигналы, при работающем мозге разум может отключиться, только если «Я» Гарри посчитает, что разум должен отключиться...

— Я и не собирался испытывать ваше терпение, — сказал Гарри. Голос сорвался, и это было хорошо. Лорд Волдеморт, подумав, что Гарри до сих пор в шоке, может дать ему немного времени. — Однако, если у Лорда Волдеморта и была репутация человека, который держит своё слово, то мне об этом неизвестно.

— Понимаю твои опасения, — ответил профессор Квиррелл. — Есть простое решение, и я планировал прибегнуть к нему в любом случае. *Змеи не с-способны лгать*. Учитывая моё крайнее отвращение к человеческой глупости, я бы советовал тебе воздержаться от фраз вроде «Что вы хотите этим сказать?» Ты достаточно умён, а у меня нет времени на пустые беседы, столь ценимые заурядными людьми.

Гарри глотнул. *Змеи не способны лгать*.

— *Два плюс-с два будет четыре*. — Гарри хотел сказать, что два плюс два будет три, но слово «четыре» само сорвалось с языка.

— Хорошо. Когда Салазар Слизерин накладывал на себя и всех своих детей проклятие *Змееуста*, на самом деле, он хотел обеспечить своим потомкам возможность верить друг другу на слово, какие бы интриги они ни плели против других. — профессор Квиррелл принял позу, знакомую Гарри по урокам Боевой магии. Он словно надел привычную маску, но пистолет в его руке всё так же смотрел на Гарри. — Окклюменция позволяет обмануть Сыворотку правды, но не проклятие *Змееуста*, можешь это тоже проверить. А теперь слушай. *Пойдём с-со мной, обеща-щай ис-спользовать вс-се с-силы, чтобы добыть Камень, и тогда эти дети ос-станутс-ся здесь, и я не причиню им зла. Я дейс-ствительно взял заложников, с-сотни учеников с-сегодня умрут, ес-сли я не ос-становлю за-пуц-щенный план. Получив Камень, я с-сохраню им жизни. Да,*

и запомни, хорошенько запомни: *меня нельзя по-настоящему убить ни одним с-спос-собом, извес-стным мне, ес-сли я не получу камень, это не помеш-шает мне вернутьс-ся и не с-спас-сёт ни тебя, ни других от моего гнева.* Тебе в голову наверняка приходят разные горячие мысли. Так вот, мальчик, ничего хорошего они тебе не принесут. Отдаю должное твоей способности раздражать меня и советую воздержаться.

— Вы говорили, что настоящая сила Камня отличается от той, что приписывают ему легенды, — голос Гарри для него самого звучал странно. — И говорили это на парселтанге. Прежде, чем я соглашусь вам помочь, объясните, что он делает на самом деле.

Если среди перечисленного окажется что-нибудь, дающее абсолютную власть над вселенной, совершенно ничто не сможет оправдать существенное возрастание вероятности исхода, при котором Лорд Волдеморт получит Камень.

— О, — улыбнулся профессор Квиррелл, — ты начал думать. Уже лучше — в награду я предложу тебе ещё один стимул помогать мне. Вечная жизнь и молодость, создание золота и серебра. Предположим, владелец Камня действительно получает всё это. Какую же силу даёт Камень?

То ли адреналин, бурлящий в крови, наконец поспособствовал работе мозга, то ли помогла информация о том, что свидетельства не лгут и ответ существует.

— Он делает трансфигурацию постоянной.

Гарри замер, услышав то, что произнёс его собственный язык.

— Правильно, — сказал профессор Квиррелл. — Таким образом, тот, кто владеет Камнем, может трансфигурировать человека.

Измученный разум Гарри пережил очередное потрясение, когда понял, какой стимул ему предлагают.

— Ты выкрал останки мисс Грейнджер и трансфигурировал их в неприметный объект, — продолжил профессор Квиррелл. — Ты должен хранить его при себе, чтобы поддерживать трансфигурацию. Ага, ты посмотрел на кольцо у себя на пальце. Конечно, камнем в кольце мисс Грейнджер быть не может, верно? Слишком очевидно. Нет, я бы предположил, что ты трансфигурировал останки в само кольцо, чтобы аура трансфигурированного камня замаскировала трансфигурацию кольца.

— Да, — выдавил Гарри. Это была ложь, и он бросил взгляд на кольцо умышленно. Гарри ожидал, что кольцо вызовет подозрения, он даже пытался спровоцировать их, чтобы в очередной раз

подтвердить свою непричастность, но никто ничего не заподозрил. Наверное, Дамблдор просто почувствовал, что в стали нет магии.

— Элегантно и правильно, — сказал профессор Квиррелл. — Идём со мной, помоги мне достать Камень, и я воскрешу для тебя Гермionу Грейнджер. Её смерть дурно подействовала на тебя, и я не прочь это изменить. Насколько я тебя понимаю, таково твоё величайшее желание. Я сделал тебе немало одолжений, мне не трудно сделать ещё одно, — профессор Спраут с пустыми глазами поднялась с земли и наставила палочку на Гарри. — *Помоги мне обрести Камень транс-сфигурации, и я приложу все силы, чтобы вернуть твоей подружке истинную и долгую жизнь. Учти, мальчик, у меня кончается терпение, и тебе не понравится, что случится дальше.*

Последнюю фразу профессор Квиррелл прошипел так, что в голове возник образ змеи, готовой напасть.

* * *

Даже теперь.

Даже теперь, после череды потрясений, когда мир перевернулся с ног на голову, даже теперь мозг Гарри не перестал быть мозгом. Уже готовые нейронные цепи продолжали достраивать логические связи.

Гарри понимал: если держишь человека под прицелом, не обязательно делать настолько щедрое предложение.

Разве только тебе отчаянно нужна его помощь, чтобы достать из волшебного зеркала Философский Камень.

Строить планы было некогда. Но, если профессор Квиррелл приложил столько усилий, лишь чтобы заручиться его поддержкой... Гарри очень хотел потребовать, чтобы профессор Квиррелл в обмен на помощь пообещал в будущем никого не убивать, но был практически уверен, что тот ответит: «Не носи чушь». На болтовню времени не было, поэтому верхнюю планку допустимого придётся угадывать...

У профессора Квиррелла сузились глаза, губы разошлись...

— Я готов помочь, — сорвалось с языка Гарри, — но взамен мне нужно ваше обещание, что по завершении вы не повернётесь против меня. Я хочу, чтобы вы не убивали профессора Снейпа или кого-либо ещё в Хогвартсе как минимум неделю. И мне нужны ответы — правда обо всём, что здесь происходило, и всё, что вы знаете о моей природе.

Светло-голубые глаза бесстрастно изучали его.

Сдаётся мне, можно было попросить что-нибудь получше, — сказал внутренний слизеринец Гарри. — Однако, думаю, отсутствие времени нас оправдывает, и, что бы ни пришлось делать дальше, информация точно не помешает.

Сейчас Гарри было не до этого голоса. Холодные мурашки пробежали по его спине, когда он услышал свои слова, обращённые к человеку, наставлявшему на него пистолет.

— На этих условиях ты обещаешь помочь мне достать Камень? — уточнил профессор Квиррелл.

Гарри, не в силах говорить, кивнул.

— *С-соглас-сен, — прошипел профессор Квиррелл. — Помоги мне, и ты получиш-шь ответы на с-свои вопрос-сы — о прош-шлых с-событиях, но не о моих планах. Я не намереваюс-сь в бу-дуущ-щем поднимать на тебя руку или магию, ес-сли ты с-сам не поднимеш-шь руку или не обратиш-шь магию против меня. Неделю не с-стану убивать никого в пределах ш-школы, ес-сли не буду вынужден. Обещ-щай, что не будеш-шь пытат-ся предупредить обо мне или с-сбежать. Обещ-щай приложить вс-се с-силы, чтобы помочь мне обрес-сти Камень. И я верну твоей подруге ис-стинную жизнь и здоровье, и ни я, ни с-служащ-щие мне не попытаемс-ся причинить ей вред, — кривая ухмылка. — Обещ-щай, мальчик, и будет с-сделка.*

— Обещаю, — прошептал Гарри.

ЧТО? — завопили другие части его разума...

Ну, он держит нас под прицелом, — отметил слизеринец. — У нас же нет выбора, остаётся извлечь максимум пользы.

Сволочь ты, — сказал пуффендуец. — Думаешь, Гермиона этого хотела бы? Мы тут говорим о Лорде Волдеморте, мы вообще представляем, скольких он убил и ещё убьёт?

Протестую. Мы идём на компромисс с Лордом Волдемортом не ради Гермионы, — заявил слизеринец. — У него, вообще-то, пистолет, и другим способом мы его остановить не сможем. К тому же мама с папой посоветовали бы делать, как он говорит.

Профессор Квиррелл не сводил с Гарри глаз.

— Произнеси полное обещание на парселтанге.

— Я помогу вам обрес-сти Камень... Боюс-сь, не могу обеща-щать, что приложу вс-се с-силы, ибо душ-ша к тому не лежит. Но я с-собираюс-сь пос-старат-ся. Не с-сделаю ничего, ес-сли буду думать, что это разозлит вас-с. Не позову

на помощ-щь, ес-сли буду думать, что вы убьёте приш-шедших или погибнут заложники. Мне жаль, учитель, это вс-сё, что я могу обеща-щать.

Решение принято, и разум сразу успокоился. Гарри пойдёт с профессором Квирреллом, поможет ему достать Камень, спасёт заложников, и... и... Гарри не знал, что будет дальше, но собирался что-нибудь придумать.

— Тебе на самом деле жаль? — усмехнулся профессор Квиррелл. — Полагаю, этого хватит. Впрочем, учти ещё два обстоятельства. Первое: *у меня ес-сть план, как ос-становить даже с-смотрителя ш-школы, ес-сли он вс-станет у нас-с на пути.* Второе: время от времени я буду задавать вопрос на парселтанге, не предал ли ты меня. *С-делка заключена.*

* * *

Профессор Спраут обернула палочку Гарри блестящей тканью, затем положила её на пол и снова направила свою палочку на Гарри. Лишь после этого профессор Квиррелл опустил пистолет — тот словно испарился — поднял свёрток с палочкой и спрятал в складках мантии.

Со спящего тела Лесата Лестрейнджа сняли Истинную Мантию Невидимости, и профессор Квиррелл тоже забрал её себе, как и Маховик времени, и кошель Гарри.

Несколько минут у профессора Квиррелла ушли на заклинания Обливиэйт, а также чары Ложной памяти, в том их варианте, когда жертва сама заполняет пробелы, опираясь на собственные догадки. Профессор Спраут смотрела на спящих детей с таким сердитым и озабоченным выражением, будто они — жертвы несчастного случая на уроке травоведения. Ученики взмыли в воздух и поплыли следом за ней по коридору.

Профессор Квиррелл вернулся к лежащему на полу профессору зельеварения, склонился над ним и дотронулся палочкой до его лба.

— *Алиенис нервус мобиле лигнум.*

Затем он сделал шаг назад и начал двигать в воздухе пальцами, будто управляя марионеткой.

Профессор Снейп плавным движением оттолкнулся от земли и занял своё место перед дверью.

— *Алохомора,* — сказал профессор Квиррелл, направив палочку на запретную дверь. Похоже, ситуация забавляла его. — Мальчик, не окажешь мне честь?

Гарри сглотнул. Он уже жалел о том, что принял единственно верное решение.

Странное ощущение: делать что-нибудь, понимая, что поступаешь неправильно. Не эгоистично, а просто неправильно на каком-то глубинном уровне.

Но человек сзади держал пистолет — стоило Гарри помедлить, и оружие снова появилось в руке профессора.

Гарри положил ладонь на дверное кольцо и несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь хоть как-то успокоить мысли. Пройти через все испытания, не дать себя застрелить, не допустить смерти заложников, изменить ход событий к лучшему, найти подходящие возможности и ими воспользоваться. Решение не было хорошим, но остальные варианты казались ещё хуже.

Гарри толкнул запретную дверь и шагнул внутрь.

Истина.

Часть 3

Гарри шагнул в запретный коридор Дамблдора и сразу же с визгом выпрыгнул наружу. При этом он столкнулся с профессором Снейпом, и они оба рухнули на пол.

Снейп поднялся и снова встал перед дверью. Его голова повернулась в сторону Гарри.

— Я охраняю эту дверь по приказу директора, — заявил зельевар своим привычным язвительным тоном. — Немедленно убирайтесь, или я вычту баллы с вашего факультета.

Снейп-марионетка выглядел крайне жутко, но внимание Гарри в первую очередь занимала огромная трёхголовая собака, рывок которой так его напугал. Цепи, удерживающие собаку за три ошейника, остановили её лишь в нескольких метрах от Гарри.

— Это... это... это... — произнёс Гарри.

— Да, — ответил профессор Квиррелл откуда-то сзади. — Перед тобой действительно постоянный обитатель этой комнаты, в которую запрещён вход всем ученикам, особенно первокурсникам.

— *Это небезопасно даже по меркам волшебников!*

Внутри комнаты гигантская чёрная зверюга издала многоголосый вой. Из трёх зубастых пастей полетели капли белой слюны.

Профессор Квиррелл вздохнул.

— Её зачаровали не есть учеников, а просто выплёвывать их за дверь. А теперь, как ты порекомендуешь справиться с этим опасным существом?

— Э-э, — думать под несмолкающий рёв стража комнаты было нелегко, — Э-э. Раз оно похоже на Цербера из магловской легенды про Орфея и Эвридику, то нам нужно спеть, оно уснёт, и мы сможем пройти...

— *Авада Кедавра.*

Трёхглавое чудовище рухнуло на пол.

Гарри оглянулся на профессора Квиррелла. У того на лице читалось крайнее разочарование, словно он хотел поинтересоваться, ходил ли Гарри вообще на его уроки.

— Ну, я вроде как предположил, — Гарри всё ещё пытался восстановить дыхание, — что если использовать способы, недоступные первокурсникам, может сработать сигнал тревоги.

— Ложь. Просто, столкнувшись с проблемой в реальной жизни, ты забыл всё, чему тебя учили. Что касается возможной тревоги, то я потратил несколько месяцев, чтобы сбить с толку все здешние защитные чары и ловушки.

— Тогда зачем вы послали меня первым?

В ответ профессор Квиррелл лишь улыбнулся, и это выглядело гораздо более зловеще, чем обычно.

— Не важно, — пробормотал Гарри и медленно зашёл в комнату. Его до сих пор трясло.

Сплошной камень подсвечивался бледно-голубым светом, льющимся из сводчатых ниш в стенах. Создавалось впечатление, что за окнами стоит пасмурный день, хотя здесь не было никаких окон. В дальнем конце комнаты в полу виднелся деревянный люк с кольцом. В центре лежала мёртвая гигантская собака с тремя безжизненными головами.

Гарри повернулся к одной из сводчатых ниш и осмотрел её. Там ничего не было, только исходящее из ниоткуда голубое свечение. Он направился к следующей, на ходу внимательно разглядывая стены.

— Что, — спросил профессор Квиррелл, — ты делаешь?

— Исследую комнату, — ответил Гарри. — Здесь может быть подсказка, или какая-нибудь надпись, или ключ, который пригодится нам потом, или что-нибудь...

— Ты серьёзно? Или ты умышленно пытаешься задержать нас? Отвечай на парселтанге.

Гарри обернулся.

— *С-серьёзно,* — прошипел Гарри. — *Пос-ступал бы так же, ес-сли бы ш-иёл с-самос-стоятельно.*

Профессор Квиррелл слегка помассировал лоб.

— Признаться, — сказал он, — если б ты исследовал, скажем, гробницу Амон-Сета, твой подход имел бы смысл. Поэтому я не назову тебя идиотом. Тем не менее. Это фальшивая загадка, игра, предназначенная убедить первокурсников, что они столкнулись с чем-то серьёзным. Мы просто спустимся в люк.

Под люком обнаружилось гигантское растение, эдакая диффенбахия-переросток, разве что потемнее своего прообраза. От централь-

ного ствола отходили широкие листья, образуя винтовую лестницу. Ещё из него торчали усы-лианы, свисающие вниз. У земли листья и усы раскинулись особенно широко, будто обещаая поймать того, кто поскользнётся во время спуска. В остальном комната внизу ничем не отличалась от верхней: те же каменные стены и сводчатые ниши, светящиеся бледно-голубым светом.

— Сразу напрашивается мысль: достать из кошелька метлу и спуститься на неё. Или бросить вниз что-нибудь тяжёлое, чтобы проверить, не ловушка ли эти усы, — сказал Гарри, глядя вниз. — Но, догадываюсь, вы скажете, что мы просто спустимся по этим листьям.

Расположение листьев не оставляло сомнений в том, что это лестница.

— После вас, — отозвался профессор Квиррелл.

Гарри осторожно поставил ногу на лист и обнаружил, что тот действительно выдерживает его вес. На всякий случай он ещё раз окинул взглядом верхнюю комнату. Однако труп гигантской собаки мешал сосредоточиться на чём-нибудь ещё.

— Профессор Квиррелл, — Гарри решил опустить фразу «у вашего подхода к преодолению препятствий есть определённые недостатки», — что, если кто-нибудь заглянет сюда и увидит, что Цербер мёртв?

— К этому времени он наверняка заметит, что что-то не так со Снейпом, — ответил профессор Квиррелл. — Но если ты настаиваешь...

Профессор Защиты подошёл к трёхглавому телу и прижал к нему палочку. Похожие на латынь слова сопровождались нарастающим чувством тревоги — Мальчик-Который-Выжил опять ощущал силу Тёмного Лорда.

Заклинание закончилось словом «*Инфериус*», и одновременно с этим чувство тревоги дошло до пика: «СТОЙТЕ! НЕ НАДО...»

Трёхглавая собака встала, и шесть тусклых пустых глаз снова уставились на дверь.

Гарри смотрел на здорового инфернала. Внутри него словно образовалась чудовищная сосущая пустота. Пожалуй, нынешние ощущения занимали третье место по отвратительности из всех, что он испытывал за время своей жизни.

Однажды он уже наблюдал этот процесс и чувствовал то же самое, только в тот раз не было слов на латыни.

Кентавр, напавший на него в запретном лесу, был мёртв. Профессор Защиты выстрелил в него настоящей Авада Кедаврой, а не фальшивой.

Где-то в дальнем уголке сознания Гарри до сих пор теплилась мысль, что, если ему удастся воскресить Гермиону, то он сможет вернуться к этике Бэтмена — кодексу «Никто не умрёт». Большинство людей проживают всю жизнь так, что, в какие бы переделки они не попадали, из-за них никто не погибает.

Но у него уже не получится.

А ведь он в тот день даже не понял, что потерял все шансы прожить жизнь по этому кодексу. Воскресни Гермиона прямо сейчас, в любом случае окажется, что Гарри не удалось пройти через всё так, чтобы никто не умер.

Он даже не узнал, как звали того кентавра.

Вслух Гарри ничего не сказал. Профессор Защиты или подтвердит его подозрения на парселтанге, или солжёт на человеческом языке. В любом случае у него появится дополнительный повод для подозрений в адрес Гарри. Он ещё не знал, как остановит профессора Квиррелла, боялся сделать что-нибудь, что может быть расценено как предательство, скорее, даже был не в состоянии заранее — пока не представилась возможность победить — решить, что он на это готов. Но теперь он понимал — согласие между ним и Волдемортом невозможно. Ибо не могут их несхожие души существовать в одном мире.

И это понимание, это осознание их несхожести, словно призвало силу той части разума, которую Гарри считал своей Тёмной Стороной. После убийства тролля Гарри не пытался обращаться к своей Тёмной Стороне. Но она никогда не была чем-то отдельным. Каким-то образом ему досталась часть памяти Тома Риддла. Гарри не знал, как это произошло, но, если предположить, что всё так и было, то он мог использовать все отголоски мыслительных способностей, которые получил в виде своей Тёмной Стороны. Не в отдельном режиме, как он думал раньше, а просто обращаясь к нейронным связям, которые были склонны выстраиваться в цепочки, поскольку однажды уже были частью единого сознания.

К сожалению, это не отменяло обстоятельства, что в распоряжении профессора Квиррелла есть все те же способности, куда больший жизненный опыт и ещё пистолет.

Гарри развернулся, шагнул на гигантское растение и начал спускаться по винтовой лестнице из листьев. Понадобилось немало времени, но Гарри сумел до некоторой степени прийти в себя, хотя печаль тяжёлым камнем лежала у него на сердце. Нельзя сказать, что он стал совершенно хладнокровен и собран, но по крайней мере

он вновь обрёл способность размышлять и действовать. Гарри подыграет профессору Квирреллу, дождётся, когда тот вернёт Гермиону к жизни, а потом найдёт способ его остановить. Или сперва одолеет профессора Квиррелла, а Камень достанет сам. Что-нибудь обязательно произойдёт, выпадет шанс, предоставится возможность как-нибудь остановить Волдеморта и при этом воскресить Гермиону...

Гарри спускался вниз.

Трёхглавый пёс остался сторожить дверь в покинутой комнате.

Истина.

Часть 4

Спуск по винтовой лестнице из листьев гигантской диффенбахии по ощущениям напоминал прогулку по мягкой лесной почве. Листья выдерживали вес Гарри, хотя и слегка пружинили под ногами. Гарри с беспокойством посматривал на усы диффенбахии, но те оставались неподвижными.

Лишь когда Гарри спустился до самого низа, усы неожиданно ожили и скрутили его по рукам и ногам.

После непродолжительной борьбы Гарри решил не сопротивляться.

— Любопытно, — сказал парящий сверху профессор Квиррелл. Он спускался по воздуху, не касаясь ни листьев, ни усов растения. — Как я вижу, растению ты в состоянии проиграть без особых трудностей.

Паника уже не мешала восприятию Гарри, и он пригляделся к профессору Защиты. Тот держался прямо, летел без видимых усилий, и чувство тревоги в его присутствии ощущалось очень сильно. Но его глаза оставались впалыми, а руки — исхудавшими. Болезнь профессора не была обманом. Напрашивалось предположение, что недавно он съел ещё одного единорога и временно восстановил часть сил.

И профессор Защиты продолжал разговаривать так, словно он всё ещё носил маску профессора Квиррелла, а не Лорда Волдеморта, что с точки зрения Гарри, возможно, было плюсом. Гарри не понимал, зачем профессор так себя ведёт — хотя, возможно, у того были какие-то планы на Гарри, — но решил, что ему следует подыграть.

— Профессор, вы умышленно позволили мне попасть в эту ловушку, — ответил Гарри так, как он обычно разговаривал с профессором Квирреллом. *Роли, маски, напомнить ему, как всё было раньше...* — Будь я один, я бы воспользовался метлой.

— Возможно. А как бы с этой задачей справился обычный первокурсник? Конечно, если бы у него была палочка.

Теперь растение тянуло свои усы к профессору Квирреллу, но он парил вне их досягаемости.

Тут Гарри вспомнил, что профессор Спраут упоминала Дьявольские силки, которые, согласно учебнику травоведения, любили прохладные тёмные места, например, пещеры — хотя, как листовенное растение могло жить в темноте, оставалось лишь гадать.

— Навскидку я бы сказал, что это Дьявольские силки, и, по идее, они должны избегать света или тепла. Наверное, первокурсник мог бы использовать Люмос? Я бы использовал *Инфламаре*, но я изучил это заклинание только в мае.

Палочка профессора Защиты рассекла воздух, и из неё выстрелили струи жидкости. С лёгким всплеском они ударили в стебель — в те места, откуда росли усы. Послышалось тихое шипение. Усы, которые удерживали Гарри, мгновенно выпустили его и принялись отчаянно молотить по разрастающимся ранам на поверхности растения, словно пытаясь избавиться от источника боли. Гарри показалось, будто растение беззвучно кричит.

Профессор Квиррелл опустил на пол.

— Теперь оно боится света, тепла, кислоты и меня.

Удостоверившись, что кислота не попала ни на его мантию, ни на пол, Гарри сошёл с листьев. Ему начало казаться, что профессор Квиррелл пытается донести до него какую-то мысль, но Гарри не понимал, какую именно.

— Профессор, я думал, мы здесь по делу. Конечно, я не могу вам помешать, но разве разумно тратить столько времени на подобные игры?

— О, у нас есть время, — усмехнулся профессор Квиррелл. — Если бы нас здесь обнаружили, да ещё и под охраной инфернала, случился бы большой переполох, и ты на своём квиддичном матче о нём бы услышал. И в этом случае ты бы вёл себя по-другому, и разговаривал бы со Снейпом иначе.

У Гарри по спине побежали мурашки. Что бы он ни сделал, чтобы победить профессора Квиррелла, этого не заметят в школе. Уж точно это не заметят на квиддичном матче, поскольку никакого переполоха на трибунах не было. Даже если удастся позвать на помощь достаточно сил, чтобы одолеть Лорда Волдеморта, будет нелегко сделать так, чтобы это не заметили профессор МакГонагалл, профессор Флитвик и остальные, присутствовавшие на матче.

Тяжело сражаться с умным врагом.

И тем не менее... Тем не менее, на месте профессора Квиррелла Гарри не стал бы вести неторопливые беседы и играть в психоло-

гические игры. У профессора Квиррелла есть какая-то причина, по которой он тратит здесь время. Но какая? Где-то должно прозойти что-то ещё?

— Кстати, ты меня ещё не предал? — спросил профессор Квиррелл.

— *Ещё-ещё тебя не предал*, — прошипел Гарри.

Профессор Защиты указал пистолетом, который он теперь держал в левой руке, на большую деревянную дверь в конце комнаты. Гарри подошёл и открыл её.

* * *

Следующая комната была меньшего диаметра, но с более высоким потолком. И из закруглённых ниш падал не голубой свет, а белый.

По комнате носились сотни крылатых ключей. Маленькие крылышки суматошно колотили по воздуху. Понаблюдав за ключами пару секунд, Гарри заметил, что один из них выделяется золотым цветом — таким же, как у снитча. Впрочем, летал он медленнее, чем снитч в настоящем квиддичном матче.

В другом конце комнаты была дверь с большой, заметной замочной скважиной.

Слева у стены стояла метла — школьная рабочая лошадка «Чистомёт-7».

— Профессор, — сказал Гарри, уставившись на стаи мечущихся ключей, — вы обещали ответить на мои вопросы. Ради чего всё это? Если кто-то считает, что его дверь нельзя открыть без ключа, он будет хранить ключ в надёжном месте и выдавать дубликаты только доверенным лицам. Он не станет приделывать ключу крылья и оставлять рядом метлу! Так какого же чёрта мы тут делаем и что здесь происходит? Напрашивается мысль, что по-настоящему охраняет Камень лишь магическое зеркало, но зачем всё остальное?.. И зачем поощрять первокурсников сюда приходить?

— Честно говоря, я и сам не уверен, — ответил профессор Защиты, который тоже зашёл в комнату и встал справа от Гарри на значительном расстоянии. — Но я отвечаю, как и обещал. Стиль Дамблдора — совершить дюжину поступков, каждый из которых выглядит безумно, причём значимыми из них будут только восемь, максимум девять. Я думаю, что Дамблдор хотел, чтобы всё выглядело так, словно он предлагает мне послать за Камнем кого-нибудь из учеников. И в этой ситуации Лорд Волдеморт — каким его представляет Дамблдор — подумает,

что послать ученика — не слишком умная мысль. Представь Дамблдора, который впервые задумался над вопросом, как ему охранять Камень. Представь, как он размышляет, использовать ли для охраны Зеркала по-настоящему опасные ловушки. Представь, как его воображение рисует картину, где какой-то юный ученик, действующий по моей воле, подвергает себя опасности. Я думаю, что именно этого Дамблдор пытается избежать, и поэтому делает вид, что он хочет, чтобы я использовал именно такую стратегию, намекая, что она не так уж умна. Хотя, конечно, быть может, я неправильно понимаю, как, по мнению Дамблдора, будет рассуждать Лорд Волдеморт.

Профессор Квиррелл ухмыльнулся такой привычной для Гарри ухмылкой.

— Хитрые планы — это не конёк Дамблдора. Он этим занимается, потому что у него нет иного выхода. Дамблдор умён, упорен, способен учиться на своих ошибках, но таланта к построению хитрых планов у него нет совершенно. И уже только по этой причине его действия удивительно сложно предсказать.

Гарри отвернулся, уставившись на дверь в противоположном конце комнаты. *Для него это не игра, профессор.*

— Полагаю, что от первокурсника здесь ожидается, что он проигнорирует метлу и поймает ключ с помощью заклинания *Вингардиум левиоса*. Это же не игра в квиддич, поэтому никакие правила не запрещают так сделать. А какое абсурдно могущественное заклинание примените на этот раз вы?

Возникла пауза, заполненная лишь жужжанием ключей.

Гарри ещё на несколько шагов отступил от профессора Квиррелла.

— Пожалуй, мне не стоило так говорить?

— Ну, что ты, — ответил профессор Квиррелл. — Я думаю, вполне разумно говорить что-нибудь подобное величайшему Тёмному волшебнику в мире, когда он стоит всего в дюжине шагов от тебя.

Профессор Квиррелл убрал палочку в левый рукав, при том что именно в левой руке он иногда держал пистолет.

Затем профессор Защиты засунул пальцы себе в рот и вытащил оттуда нечто, внешне похожее на зуб. Профессор подкинул его в воздух. Падая вниз, фальшивый зуб превратился в волшебную палочку. В сознании Гарри вспыхнуло странное ощущение узнавания, словно что-то в нём распознало в этой палочке... частицу самого себя.

Тринадцать с половиной дюймов, тис, сердцевина из пера феникса. Когда-то давно эту информацию сообщил ему создатель палочек Олли-как-его-там, и Гарри её запомнил, поскольку посчитал,

что это Важно Для Сюжета. Теперь Гарри казалось, что тот разговор и сопутствующие ему мысли случились где-то в прошлой жизни.

Профессор Защиты поднял палочку с пола и начертил в воздухе огненную руну, зазубренные линии которой словно источали злобу. Гарри инстинктивно отступил ещё на шаг. Профессор Квиррелл произнёс:

— Аз-рет. Аз-рет. Аз-рет.

Пылающая руна начала испускать огонь, и языки этого огня тоже были... острыми, как зазубренные края руны. Пламя было обжигающе алым, краснее, чем кровь, и резало глаза как свет от дуги сварочного аппарата. Сочетание такой яркости и такого оттенка само по себе казалось неправильным, как будто ничто с таким интенсивным оттенком красного не должно было давать столько света. И это обжигающе-алое пламя было прорезано чёрными прожилками, которые словно высасывали свет из огня. А где-то в глубине, переплетение алого и чёрного складывалось в извивающиеся силуэты хищников, которые перетекали из одного в другой. Кобра, гиена, скорпион...

— Аз-рет. Аз-рет. Аз-рет.

К тому времени, когда профессор Квиррелл повторил слово в шестой раз, чёрно-алое пламя уже достигло размеров небольшого куста.

Под пристальным взглядом профессора изменения в проклятом огне замедлились и пламя приняло форму чёрно-кровавого пылающего феникса.

И откуда-то к Гарри пришла ужасная уверенность, что, если этот чёрно-огненный феникс встретится с Фоуксом, то истинный феникс погибнет и возродиться уже не сможет.

Профессор Квиррелл взмахнул палочкой, и чёрно-алый огонь пронёсся через комнату. Один взмах крыльев, и дверь вместе с частью арки исчезла в пламени. Проклятый огонь ринулся дальше.

Сквозь дыру Гарри успел разглядеть огромные статуи, которые начали поднимать мечи и булавы, но в следующий миг среди них промчался чёрный огонь, раскалывая их и сжигая.

Покончив со статуями, чёрно-алый феникс метнулся назад через дыру и завис над левым плечом профессора Квиррелла. Обжигающе-яркие алые когти замерли в дюйме от профессорской мантии.

— Иди, — сказал профессор Квиррелл. — Теперь путь свободен.

Гарри зашагал вперёд. Ему пришлось погрузиться в образ мышления его темной стороны, чтобы оставаться в нужной мере спокойным. Перешагнув через тлеющие остатки двери, он оглядел шахматную доску, усеянную обломками гигантских фигур. Чередующиеся плитки чёрного и белого мрамора начинались в пяти метрах от дыры в сте-

не, занимали всю ширину комнаты и заканчивались в пяти метрах от двери в противоположной стене. Потолок располагался гораздо выше, чем могла достать любая из статуй.

— Я бы предположил, — способности Тёмной Стороны позволяли сохранять голос ровным, — что от первокурсника ожидалось, что он воспользуется метлой из предыдущей комнаты и пролетит над статуями? Ведь всё равно метла была не нужна, чтобы получить ключ.

Профессор Квиррелл позади засмеялся, и это был смех Лорда Волдеморта.

— Дальше, — голос профессора звучал холоднее и выше. — Иди в следующую комнату. Я хочу увидеть, как ты справишься с тем, что в ней.

Дамблдор создавал это для первокурсников, — напомнил себе Гарри. — Ничего опасного не будет.

Он прошёл по шахматной доске между обломками, взялся за дверную ручку и толкнул дверь.

* * *

Через мгновение Гарри захлопнул дверь и отскочил назад. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы успокоить дыхание и взять себя в руки. Из-за двери по-прежнему доносился громкий рёв и грохот, словно от ударов каменной дубиной об пол.

— Полагаю, — голос Гарри стал таким же холодным, — что, поскольку Дамблдор вряд ли бы поместил здесь настоящего горного тролля, следующее испытание — это иллюзия, воссоздающая моё худшее воспоминание. Что-то вроде дементора с проекцией памяти во внешний мир. Очень забавно, профессор.

Профессор Квиррелл приблизился к двери, и Гарри посторонился. Не только из-за чувства тревоги, которое сейчас было особенно сильным, но и потому, что Тёмная Сторона Гарри — а, может быть, и простые инстинкты — рекомендовали ему держаться подальше от чёрно-алого пламени, парившего над плечом профессора.

— Хм. Просто троль, как ты и сказал. Что ж, ладно. Я надеялся узнать о тебе что-нибудь поинтереснее. То, что находится внутри, зовётся Кокохеккус*. Или богарт обыкновенный.

— Богарт? Что он... нет, кажется, я знаю, что он делает.

— Богарт, — профессор Квиррелл снова заговорил тем голосом, каким обычно читал лекции, — тяготеет к редко открываемым тёмным замкнутым пространствам, таким как, например, заброшенный

сервант на чердаке. Он предпочитает одиночество и принимает тот облик, который, по его мнению, отпугнёт нежелательного гостя.

— Отпугнёт? — переспросил Гарри. — Я же убил того тролля.

— Ты выскочил из комнаты, даже не задумавшись. Боггарт не продумывает угрозу, а полагается на инстинктивную реакцию. В противном случае, он выбрал бы что-нибудь более правдоподобное. Как бы то ни было, стандартное заклинание против боггартов, безусловно, Адский огонь.

Профессор Квиррелл махнул палочкой, и чёрный огонь спрыгнул с его плеча и пролетел через дверной проём.

Из комнаты донёсся короткий писк и больше ничего.

Они проследовали в комнату, где раньше обитал боггарт. Теперь профессор Квиррелл шёл первым. После исчезновения мнимого горного тролля комната оказалась просто ещё одним большим залом, залитым холодным синим светом.

Взгляд профессора Квиррелла казался далёким, задумчивым. Он пересёк комнату, не дожидаясь Гарри, и сам распахнул дверь в противоположной стене.

Гарри следовал за ним, стараясь держаться подальше.

* * *

В следующей комнате стоял котёл, стойка с ингредиентами в бутылочках, разделочные доски, палочки для помешивания и прочие принадлежности зельеварения. Свет, исходивший из сводчатых ниш, был белым, а не синим, вероятно, потому что для приготовления зелий была важна правильная цветопередача. Профессор Квиррелл уже стоял рядом с котлом и внимательно просматривал длинный пергамент, взятый им со стола. Дверь в следующую комнату преграждала завеса из фиолетового огня, который выглядел бы довольно устрашающим, если бы над плечом профессора Квиррелла не парило тёмное пламя, по сравнению с которым фиолетовый огонь казался бледным и слабым.

Способность Гарри верить в происходящее уже давно махнула рукой и уехала в дальние края, поэтому он ничего не сказал о том, что цель настоящих систем безопасности — отличить персонал, которому вход разрешён, от всех остальных. Это означает, что проверка должна выдавать разные результаты для людей, которым следует дать доступ, и для тех, кому не следует. Например, проверить, знает ли пришедший кодовую комбинацию, которую сообщают лишь доверенным людям —

это хорошая идея. А проверить, сумеет ли пришедший сварить зелье по заботливо приложенной инструкции — плохая.

Профессор Квиррелл бросил пергамент в сторону Гарри, и тот спланировал на пол между ними.

— Что ты по этому поводу скажешь? — спросил профессор Квиррелл, отступив на несколько шагов, чтобы Гарри мог подойти и поднять пергамент.

— Ничего, — ответил Гарри, изучив написанное. — Проверка, может ли вошедший решить до смешного простую логическую головоломку о порядке ингредиентов, всё равно не поможет отличить тех, кому вход разрешён, от остальных. И даже более интересные головоломки — о трёх идолах или о колонне людей в разноцветных шляпах — всё равно не имеют ничего общего с системой безопасности.

— Посмотри на обратную сторону, — сказал Профессор Квиррелл. Гарри перевернул двухфутовый пергамент.

Другая сторона оказалась полностью исписана мелким почерком. Гарри никогда не видел настолько длинного рецепта для изготовления зелья.

— Что за...

— *Зелье сияния*, чтобы погасить фиолетовый огонь, — ответил профессор Квиррелл. — Оно готовится путём добавления одних и тех же ингредиентов снова и снова, с лёгкими вариациями. Представь себе группу ретивых первокурсников, которые прошли все предыдущие комнаты и думают, что они вот-вот доберутся до волшебного зеркала. И тут они сталкиваются с этим заданием. Воистину, эта комната — дело рук профессора зельеварения.

Гарри демонстративно посмотрел на чёрный огонь над плечом профессора Квиррелла.

— Огонь не может победить огонь?

— Этот может, — ответил профессор Квиррелл. — Но я не уверен, что ему следует это делать. Что, если эта комната — ловушка?

У Гарри не было никакого желания застрять здесь и готовить зелье сияния ради смеха или по какой-то иной причине, из-за которой они с профессором Квирреллом шли через все эти комнаты так медленно. Рецепт требовал аж тридцатью пятью разными способами добавить колокольчики, четырнадцать раз добавить «прясть светлых волос»...

— Быть может, это зелье выделяет газ, смертельный для взрослых волшебников, но не для детей. Или происходит ещё что-нибудь смертельное — вариантов можно придумать сотни, если, конечно, говорить серьёзно. А мы говорим серьёзно?

— Эту комнату сотворил Северус Снейп, — произнёс профессор Квиррелл, ещё раз задумчиво осматриваясь. — Снейп в этой игре совсем не посторонний. Ему не хватает интеллекта Дамблдора, зато есть готовность убивать, которой у Дамблдора никогда не было.

— Ну, что бы тут ни происходило, детей это никак не удержало, — заметил Гарри. — Множество первокурсников здесь прошли. А если каким-то образом можно остановить всех, кроме детей, то, с точки зрения Дамблдора, это заставит Волдеморта взять с собой ребёнка. Я так понимаю, именно этого он пытался избежать.

— Верно, — профессор Квиррелл почесал переносицу. — Но, видишь ли, в этой комнате нет сигнальных чар, которые есть в других. Нет никаких хитрых защит, которые можно было бы разрушить. Меня словно приглашают проигнорировать зелье и просто войти. Но Снейп знает, что Лорд Волдеморт это поймёт. Если бы тут действительно была поставлена ловушка на тех, кто не станет варить зелье, было бы мудрее поставить защитные чары и здесь, чтобы не выдать, что эта комната чем-то отличается от других.

Гарри сосредоточенно нахмурился.

— То есть... единственный смысл убрать отсюда все системы обнаружения в том, чтобы вы не прошли по этой комнате бульдозером.

— Полагаю, Снейп рассчитывает, что я всё это пойму, — сказал профессор Защиты. — Но дальше я не могу предсказать, на каком уровне, по его мнению, я буду играть. Я терпелив, и я выделил достаточно времени на это предприятие. Но Снейп не знает меня, он знает лишь Лорда Волдеморта. Несколько раз ему доводилось видеть, как Лорд Волдеморт срывался на крик и действовал импульсивно, что выглядело непродуктивно. Рассмотрим вопрос с точки зрения Снейпа: профессор зельеварения Хогвартса говорит Лорду Волдеморту, что, если он хочет пройти дальше, он должен набраться терпения и следовать инструкциям. Словно Лорд Волдеморт — простой школьник. Мне не сложно было бы улыбнуться и подчиниться, отомстить я могу и позже. Но Снейп не знает, что Лорду Волдеморту это будет легко.

Профессор Квиррелл взглянул на Гарри.

— Ты же видел, как я парил в воздухе над Дьявольскими силами?

Гарри кивнул. Затем он заметил, что озадачен.

— Мой учебник по заклинаниям утверждает, что волшебники не в состоянии левитировать себя.

— Верно, — ответил профессор Квиррелл, — именно так сказано в твоём учебнике по заклинаниям. Ни один волшебник не может

левитировать себя или иной объект, поддерживающий его вес, это всё равно что пытаться поднять себя за волосы. Тем не менее, Лорд Волдеморт умеет летать самостоятельно. Как? Ответ как можно быстрее.

Если первокурсник способен ответить на этот вопрос...

— Вы заставили кого-то наложить чары для метел на ваше нижнее бельё, а затем стёрли ему память.

— Не совсем, — ответил профессор Квиррелл. — Чары для метел можно наложить лишь на длинный, узкий и твёрдый предмет. Ткань не подойдёт.

Гарри нахмурился.

— Какой длины должен быть предмет? Можно ли закрепить на одежде несколько коротких палок от метел и летать с их помощью?

— Я действительно сперва привязывал зачарованные палки к рукам и ногам, но лишь для того, чтобы научиться новому способу полёта.

Профессор Квиррелл закатал рукав мантии и продемонстрировал голую руку.

— Как ты видишь, сейчас в моём рукаве ничего нет.

Гарри учёл новое ограничение.

— Вы заставили кого-то наложить чары для метел на ваши кости?!

Профессор Квиррелл вздохнул.

— И это считалось одной из самых пугающих способностей Волдеморта, во всяком случае, мне так говорили. Даже после всех этих лет и некоторого количества вынужденной легилименции я всё равно до конца не понимаю, что не так с обычными людьми... Но ты не один из них. Настало твоё время внести свой вклад. У тебя более свежий опыт общения с Северусом Снейпом, чем у меня. Расскажи мне, что ты думаешь об этой комнате.

Гарри заколебался и попытался принять задумчивый вид.

— Замечу, — сказал профессор Квиррелл, в то время как чёрно-огненный феникс на его плече, казалось, вытянул голову и бросил суровый взгляд на Гарри, — если ты сознательно позволишь мне потерпеть неудачу, я посчитаю это предательством. Напоминаю, что Камень является ключом к воскрешению мисс Грейнджер и что в моих руках жизни сотен учеников.

— Я помню, — ответил Гарри, и сразу же в его необыкновенно-изобретательном мозгу родилась идея.

Гарри не был уверен, что должен её озвучить.

Молчание затянулось.

— Ты уже что-нибудь придумал? — спросил профессор Квиррелл. — Отвечай на парселтанге.

Нет, с умным противником, который может в любое время заставить тебя сказать правду, так легко не справиться.

— Северус, по крайней мере нынешний Северус, с большим уважением относится к вашему интеллекту, — сказал Гарри в ответ. — Я думаю... Думаю, он ожидал бы, что Волдеморт поверит, что Северус не поверит, что Волдеморт может пройти испытание на терпение, но Северус ожидал бы, что он его пройдёт.

Профессор Квиррелл кивнул.

— Правдоподобная теория. Ты веришь в неё? Отвечай на Парселтанге.

— Да, — прошипел Гарри.

Может оказаться небезопасно удерживать информацию, даже просто мысли и идеи...

— Таким образом, цель этой комнаты — задержать Волдеморта на час. И, если бы я хотел убить вас, веря в то, во что верит Дамблдор, я бы попробовал Поцелуй дементора. Я имею в виду, они думают, будто вы — бестелесный дух. Кстати, это так?

Профессор Квиррелл замер.

— Дамблдору не пришлось бы это в голову, — ответил профессор Защиты через некоторое время. — Но Северусу могло.

Профессор Квиррелл уставился в пространство и начал постукивать пальцем по щеке.

— У тебя есть власть над дементорами. Можешь сказать, есть ли они поблизости?

Гарри закрыл глаза. Если здесь и были пустоты мира, то он их не ощущал.

— Я их не чувствую.

— Ответь на Парселтанге.

— *Не чувствую пожирателей жизни.*

— Но ты был честен со мной, когда предполагал такую возможность? Это не было частью хитроумного трюка?

— *Был честен. Никаких трюков.*

— Возможно, существуют какие-то способы спрятать дементоров и приказать им напасть и съесть душу, владеющую чужим телом, если они такую заметят... — профессор Квиррелл по-прежнему постукивал по щеке. — Вполне вероятно, что меня можно посчитать таковой. Или им можно приказать съесть всякого, кто проходит через комнату слишком быстро, или всякого, кто не ребёнок. Принимая во внимание, что я держу Гермиону и сотни других учеников в заложниках, используешь ли ты свою

власть над дементорами, чтобы защитить меня, если они покажутся?
 Ответь на парселтанге.

— *Не знаю,* — прошипел Гарри.

— *С-считаю, пожиратели жизни не с-смогут уничтожить меня,* — прошипел профессор Квиррелл. — *Я прос-сто брош-шу это тело, ес-сли они подберутс-ся с-слиш-шikom близко. В этот раз вернус-сь быс-стрее, и тогда ничто не ос-становит меня. Буду пытать твоих родителей нес-сколько лет за твоё с-сопротивление. С-сотни заложников умрут, в том чис-сле те, кого ты называеш-шь друзьями. С-спраш-шиваю с-нова. Ис-пользуеш-шь ли ты с-свою влас-сть над пожирателями жизни, чтобы защ-щитить меня, ес-сли пожиратели жизни появятс-ся?*

— *Да,* — прошептал Гарри.

Печаль и ужас, которые подавлял Гарри, нахлынули снова, а у его Тёмной Стороны не было готовых шаблонов, чтобы справиться с такими эмоциями. *Почему, профессор Квиррелл? Почему вы так поступаете...*

Профессор Квиррелл улыбнулся.

— Это мне напомнило. Ты меня ещё не предал?

— *Ещ-щё тебя не предал.*

Профессор Квиррелл подошёл к принадлежностям для зельеварения и принялся одной рукой рубить корешок. Нож двигался настолько быстро, что становился почти невидимым, при этом казалось, что профессор не прилагает существенных усилий. Феникс Адского огня отлетел в дальний угол и замер там.

— В силу множества неопределённостей, видимо, разумнее потратить время и пройти эту комнату так, как это сделал бы первокурсник, — сказал он. — Мы можем разговаривать, пока ждём. У тебя, кажется, были вопросы? Я обещал ответить, так спрашивай.

Глава 108

Истина. Часть 5. Ответы и загадки

Взмахом палочки профессор Защиты установил котёл. Ещё один взмах — и под котлом загорелся огонь. Небольшое круговое движение пальца — и ложка с длинной ручкой сама по себе начала помешивать содержимое котла. Затем профессор Защиты принялся отмерять из большой банки порцию цветов — судя по всему, колокольчиков. Голубые лепестки, казалось, светились в белом свете, исходящем от стен, и заворачивались внутрь, будто желая уединения. Первый цветок тут же отправился в котёл, и ложка продолжила перемешивать зелье.

Профессор Защиты занял такое положение, из которого он легко мог видеть Гарри, лишь слегка повернув голову, и Гарри понимал, что находится в поле его периферийного зрения.

В углу комнаты ждал феникс Адского огня. Стены рядом с ним начали поблёскивать — камень плавился от высокой температуры. Пылающие крылья отбрасывали алые отблески, придавая всем предметам в комнате кровавый оттенок, и отражались красными искорками в стоящей на столе стеклянной посуде.

— Время идёт, — сказал профессор Квиррелл. — Задавай вопросы, если они у тебя есть.

Почему, профессор Квиррелл, почему, ну почему вы должны быть таким, зачем превращаться в чудовище, зачем становиться Лордом Волдемортом, я знаю, наши желания не совпадают, но я совсем не понимаю, чего же надо хотеть, чтобы лучший способ получить желаемое был именно таким...

Вот что хотел узнать Гарри.

А вот что Гарри на самом деле требовалось узнать... так это какой-нибудь способ выбраться из ситуации, в которой он скоро

окажется. Но профессор Защиты упомянул, что не собирается рассказывать о своих планах. Казалось странным уже то, что профессор Защиты вообще согласился о чём-то рассказывать, это наверняка нарушало одно из его правил...

— Я думаю, — сообщил Гарри.

Профессор Квиррелл слегка улыбнулся. Он измелывал в ступке первый волшебный ингредиент зелья — светящийся красный шестиугольник.

— Я прекрасно тебя понимаю, — сказал он, — но не стоит думать слишком долго, мальчик.

Цели: Защитить людей от лорда Волдеморта, найти способ убить или нейтрализовать его, но сначала добыть Камень и оживить Гермиону...

...убедить профессора Квиррелла ОСТАНОВИТЬСЯ...

Гарри сглотнул, подавляя эмоции и стараясь не заплакать. Слезы вряд ли произведут хорошее впечатление на Лорда Волдеморта. Профессор Квиррелл уже хмурился, хотя, судя по направлению его взгляда, сейчас он рассматривал какой-то листок, ярко окрашенный в белый, зелёный и фиолетовый цвета.

Очевидного способа достичь этих целей Гарри не видел, во всяком случае, пока. У него не было никакого плана, оставалось лишь задавать вопросы, выбирая те, что с большей вероятностью обеспечат его полезной информацией.

То есть мы можем просто спрашивать о том, что нас больше всего интересует? — уточнила когтевранская сторона Гарри. — *Я только за.*

Заткнись, — оборвал её Гарри. Но затем немного подумал и решил больше не притворяться, что ему не нравится эта идея.

В голову Гарри пришли четыре темы — самые важные и любопытные. Четыре вопроса, четыре предмета разговора, которые нужно постараться уместить в то время, пока варится зелье.

Четыре вопроса...

— Первый вопрос, — начал Гарри. — Что на самом деле произошло ночью тридцать первого октября 1981 года? — *Чем эта ночь отличалась от всех прочих ночей...* — Мне бы хотелось услышать полную историю, если вас не затруднит.

Вопрос о том, как и почему Лорд Волдеморт пережил свою мнимую смерть, казался важным для планирования будущих действий.

— Я ожидал этого вопроса, — сказал профессор Квиррелл, бросая цветок колокольчика и какой-то белый сверкающий камень

в зелье. — Для начала, замечу: всё, что я говорил тебе раньше про заклинание крестража — чистая правда. Ты должен это понимать, ведь я говорил на парселтанге.

Гарри кивнул.

— Узнав подробности заклинания, ты уже через пару секунд озвучил его главную проблему и начал размышлять, как можно было бы его улучшить. Как ты думаешь, ход мыслей юного Тома Риддла чем-то отличался?

Гарри покачал головой.

— А вот и ошибаешься, — усмехнулся профессор Квиррелл. — Каждый раз, когда ты доводил меня до отчаяния, я напоминал себе, каким я сам был идиотом, причём в возрасте вдвое старше. В пятнадцать лет я сделал себе крестраж по инструкции из одной книги, использовав смерть Абигейл Миртл от взгляда василиска Слизерина. Покинув Хогвартс, я планировал каждый год делать новый крестраж и называл это запасным планом на случай, если другие надежды заполучить бессмертие не оправдаются. Теперь-то я понимаю, что юный Том Риддл хватался за соломинку. Мысль, что не стоит довольствоваться заклинанием, которое я уже изучил, а следует сделать новый, лучший крестраж... она не приходила мне в голову, пока я не понял всю недалёкость обычных людей и не осознал, какие из их глупостей я и сам копировал. Но со временем я приобрёл привычку, которую ты унаследовал от меня, привычку всегда задаваться вопросом, как можно что-то улучшить. Удовлетвориться заклинанием из книги, хотя оно — лишь слабая тень того, что я хотел на самом деле? Абсурд! И тогда я решил создать заклинание получше.

— Сейчас вы по-настоящему бессмертны? — несмотря на всё происходящее, этот вопрос был важнее войн и стратегий.

— Именно, — ответил профессор Квиррелл. Он оторвался от работы над зельем и повернулся к Гарри. В его глазах сквозило торжество, которого Гарри никогда там прежде не видел. — Среди всех Темнейших искусств, которые я смог разыскать, среди всех оказавшихся под Запретом секретов, к которым я получил ключи от чудовища Слизерина, среди всей мудрости, хранимой волшебниками, я нашёл лишь намёки и крохи того, что мне требовалось. И потому я собрал все эти крохи воедино, соткал из оборванных нитей новое полотно. Я создал новый ритуал, основанный на новых принципах. В течение многих лет этот ритуал пылал в моём разуме, совершенствовался в моём воображении, я размышлял о его смысле, вносил небольшие поправки и ждал, когда замысел приобретёт

окончательную форму. И наконец я решился провести ритуал, жертвенный ритуал, придуманный мною, основанный на принципе, не проверенном никакой известной магией. И я выжил и жив до сих пор, — профессор Защиты говорил со спокойным триумфом, как будто содеянное было настолько велико, что никакие слова не могли передать всё его величие. — Я по-прежнему использую слово «крестраж», но лишь из сентиментальности. Это совершенно новое заклинание, величайшее из всех моих творений.

— В качестве одного из вопросов, на которые вы пообещали ответить, я хотел бы узнать, как использовать это заклинание, — сказал Гарри.

— Отклоняется, — профессор Защиты снова повернулся к котлу и бросил в него белое перо в серых пятнышках и цветок колокольчика. — Сперва я думал, что, возможно, научу тебя этому ритуалу, когда ты подрастёшь, ибо любой Том Риддл будет стремиться к бессмертию. Но я передумал.

Гарри попытался вспомнить, намекал ли раньше профессор Квиррелл на что-нибудь подобное. Иногда бывает тяжело извлечь из памяти то, что надо. В голове мелькнула фраза профессора: «Может быть, вы узнаете, когда подрастёте...»

— Тем не менее, ваше бессмертие удерживается материальными «якорями», — произнёс вслух Гарри. — В этом его сходство со старым заклинанием крестража, и это ещё одна причина оставить старое название, — Гарри понимал, что сильно рискует, но ему нужно было знать точно. — Если я неправ, вы всегда можете опровергнуть меня на парселтанге.

На лице профессора Квиррелла появилась злая улыбка.

— Ты догадался верно, мальчик, хотя это тебе ничего не даст.

К сожалению, умному Врагу не составило бы особого труда прикрыть уязвимость, о которой сразу же подумал Гарри. В другой ситуации Гарри не стал бы сам рассказывать, как с ней справиться — вдруг Врагу эта идея не пришла в голову. Но в данном случае он и так это однажды сделал.

— Один крестраж вы утяжелили и бросили в действующий вулкан, чтобы он опустил в мантию Земли, — мрачно сказал Гарри. — Я так планировал расправиться с дементором, если не смог бы его уничтожить. А потом вы спросили меня, куда бы я спрятал некий предмет, если бы не хотел, чтобы его нашли. Один крестраж спрятан где-то в земной коре, на глубине нескольких километров.

Один крестраж вы бросили в Марианскую впадину. Один летает где-то в стратосфере, невидимый. Вы и сами не знаете, где именно, потому что стёрли подробности из своей памяти. И последний крестраж — это золотая табличка на «Пионере-11», ради которой вы проникли в НАСА. Вот откуда ваше звёздное заклинание берёт изображение звёзд. Огонь, земля, вода, воздух и пустота.

«В этом есть что-то от загадки», — сказал в тот раз профессор Защиты, и потому Гарри запомнил тот разговор. Что-то от Риддла.

— Верно, — сказал профессор Защиты. — Меня несколько потрясла скорость, с которой ты это вспомнил, но, полагаю, это ничего не меняет. Все пять крестражей находятся вне досягаемости — и моей, и твоей.

Это утверждение могло быть и ложным, особенно если существует способ как-то отследить магическую связь и определить местоположение... Наверняка Волдеморт приложил все усилия, чтобы их не нашли... но, не исключено, что со всем, сделанным с помощью магии, может справиться другая магия. По меркам волшебников Пионер-11, конечно, далеко, но НАСА точно знает, где он. А если с помощью магии можно как-то обойти уравнение реактивного движения Циолковского, добраться до него, вероятно, гораздо проще.

Внезапно в голову Гарри пришла тревожная мысль. Никакое правило не обязывало профессора Защиты говорить правду о том, какой именно межзвёздный зонд он превратил в крестраж. И, если Гарри не изменяла память, связь с Пионером-10 оборвалась вскоре после того, как он миновал орбиту Юпитера.

И вообще, что мешало профессору Квирреллу сделать крестражи из обоих зондов?

Следующая мысль напрашивалась сама, и её точно не стоило озвучивать Врагу, который мог о ней не подумать. Но вероятность того, что этот Враг не додумался до этой мысли, казалась крайне низкой.

— *С-скажи мне, учитель,* — прошипел Гарри, — *убьёт ли тебя разруш-шение этих пяти вещь-щей?*

— *Почему ты с-спраш-шиваешь-шь?* — в ответе профессора Защиты послышались переливы шипения, которые на парселтанге передавали змеиную насмешку. — *Ты предполагаешь-шь, что я с-скажу «нет»?*

Гарри не знал, как ему ответить, но он сильно подозревал, что это не имеет никакого значения.

— *Ты думаешь-шь верно, мальч-чик. Уничтожение этих пяти вещь-щей не с-сделает меня с-смертным.*

Горло Гарри снова пересохло. Если цена создания крестража не была невообразимо высокой...

— *С-сколько воли-шебных якорей ты с-создал?*

— *Не с-стал бы отвечать на такой вопрос-с, но ты явно уже догадалс-ся, —* улыбка профессора стала шире. — *Не знаю ответа. Перес-стал с-считать где-то пос-сле с-ста с-семи. Прос-то завёл привыч-чку с-создавать крес-страж пос-сле каждого с-скрытного убийс-тва.*

Свыше СОТНИ тайных убийств, прежде чем Лорд Волдеморт перестал считать. И что ещё хуже...

— Ваше заклинание бессмертия всё ещё требует человеческой жертвы? Почему?!

— *Великое творение поддерживает жизнь и магию внутри ус-стройс-ств, с-созданных пожертвованием жизни и магии дру-гих. —* снова шипящий змеиный смех. — *Так понравилос-сь ложное опис-ание с-старого крес-стража и так разочаровалс-ся, когда выяс-снил ис-тину. Мыс-сли об улучш-шенном крес-страже ш-шли в том же рус-сле.*

Гарри не слишком понимал, зачем профессор Защиты делится с ним этими жизненно важными сведениями, но у того наверняка была какая-то причина, и это Гарри нервировало.

— Значит, вы действительно лишённый тела дух, завладевший Квинрусом Квирреллом.

— *Да. Я вернус-сь быс-стро, ес-сли это тело будет убито. Буду оч-чень разозлён и мс-стителен.* Говорю тебе это, чтобы ты не попытался выкинуть какую-нибудь глупость.

— Я понял, — сказал Гарри.

Мальчик изо всех сил старался упорядочить свои мысли и вспомнить, о чём хотел спросить дальше. Профессор Защиты в это время повернулся обратно к зелью. Левой рукой он высыпал в котёл раздробленные ракушки, правой — бросил ещё один колокольчик.

— Так что произошло 31 октября? Вы... пытались превратить младенца в крестраж, нового или старого типа. Вы сделали это умыш-ленно, потому что вы сказали Лили Поттер, — Гарри набрал воздуха. Теперь, когда он знал, откуда берётся этот страх, он мог противостоять ему. — «Прекрасно, я принимаю твои условия. Тебе — умереть, а ребёнку — жить. А теперь брось палочку, чтобы я мог убить тебя».

Теперь Гарри понимал, что он вспомнил почти всю ту сцену с точки зрения Лорда Волдеморта и лишь самый конец видел глазами маленького Гарри Поттера.

— Что вы сделали? И почему вы это сделали?

— Пророчество Трелони, — коротко ответил профессор. Он тронул колокольчик кусочком меди и бросил цветок в котёл. — После того, как Снейп принёс мне пророчество, я много дней над ним размышлял. Пророчества — это всегда нетривиально. Как бы мне сформулировать, чтобы ты не навоображал какой-нибудь ерунды... хорошо, я объясню тебе и буду весьма недоволен, если ты продемонстрируешь свою глупость. Меня очаровало утверждение пророчества, что кто-то окажется равным мне, ибо это могло означать, что этот человек сможет поддержать умную беседу. Меня пятьдесят лет окружали идиоты, которые не могли связать двух слов. Упускать такую возможность, не поразмыслив над ней, я не собирался. А потом, видишь ли, у меня появилась «блестящая» идея, — профессор вздохнул. — Мне пришло в голову, как я могу выполнить пророчество по-своему, к своей выгоде. Я собирался отметить ребёнка, как равного себе, используя старое заклинание крестража таким образом, чтобы мой собственный дух отпечатался на чистом разуме младенца. Это была бы более чистая копия меня самого, ибо у ребёнка ещё не было своей личности, которая могла бы смешаться с моей. Через несколько лет, когда мне бы надоело править Британией и захотелось заняться другими делами, я бы устроил всё так, чтобы другой Том Риддл появился и уничтожил меня, а потом правил спасённой им Британией. Мы бы играли против друг друга бесконечно посреди мира глупцов, развлекаясь таким образом. Я знаю, какой-нибудь драматург непременно предсказал бы, что в итоге мы уничтожим друг друга. Но я долго размышлял над этим и пришёл к выводу, что мы оба просто откажемся играть в подобной драме. Таково было моё решение, и я был уверен, что оно не изменится. Оба Тома Риддла будут слишком умны, чтобы пойти по этому пути. Мне казалось, пророчество намекало, что, если я уничтожу Гарри Поттера, почти ничего не оставив, то наши души не будут столь несхожи и мы сможем существовать в одном мире.

— Но что-то пошло не так, — сказал Гарри. — Что-то вызвало взрыв, сорвавший крышу дома Поттеров в Годриковой Лошине, подарило мне шрам на лбу и оставило ваше сожжённое тело.

Профессор Квиррелл кивнул. Движения его рук, работавших над зельем, замедлились.

— Резонанс нашей магии, — тихо произнёс он. — Когда я сделал душу младенца похожей на свою собственную...

Гарри вспомнил, как в Азкабана с его патронусом столкнулось Смертельное проклятие профессора. Ту обжигающую, разрывающую боль в лбу, как будто его голова была готова развалиться пополам.

— Не могу сосчитать, сколько раз я возвращался мыслями к той ночи, снова и снова прокручивая свою ошибку, размышляя, какими мудрыми поступками я мог её предотвратить, — заметил профессор Квиррелл. — Позже я пришёл к выводу, что мне следовало бросить палочку и принять свою анимагическую форму. Но в ту ночь... в ту ночь я инстинктивно пытался взять под контроль хаотические колебания своей магии, несмотря на то, что чувствовал, как сгораю изнутри. Это было неверное решение, и я проиграл. В итоге моё тело было уничтожено, несмотря на то, что я перезаписал разум младенца Поттеров. Каждый из нас уничтожил другого, почти ничего не оставив. А затем... — профессор тщательно контролировал выражение своего лица. — А затем, когда я очнулся внутри крестражей, оказалось, что моё великое творение работает не так, как я надеялся. Я должен был свободно вылететь из моих крестражей и завладеть телом любого человека, который даст мне разрешение или который окажется слишком слаб, чтобы отказать. Именно эта часть моего великого творения сработала не так, как я ожидал. Как и в случае первоначального заклинания крестража, я мог овладеть только жертвой, которая дотронулась до самого крестража... а я спрятал свои бесчисленные крестражи в таких местах, где их никто никогда не сможет найти. Тебе стоит верить своим инстинктам, мальчик, *сейчас не лучшее время, чтобы смеяться.*

Гарри промолчал.

Некоторое время в зелье не требовалось добавлять новые ингредиенты, котёл просто кипел.

— Почти всё время я смотрел на звёзды, — тихо произнёс профессор Квиррелл. Он поднял голову от котла и уставился на освещённые белым светом стены комнаты. — Мне оставалось надеяться лишь на крестражи, которые я спрятал в период безнадёжного идиотизма моей юности. В тот период вместо того, чтобы пользоваться непримечательными булыжниками, я превращал в крестражи древние медальоны и прятал их в колодцах с ядом посреди озера с инферналами, а не забрасывал их портключом в море. Если бы кто-то нашёл один из этих крестражей и преодолел мою идиотскую защиту... но на это было мало надежды. Я сомневался, что когда-нибудь снова обрету тело. Но всё же я стал бессмертным. Я избежал худшего из всех исходов, с этим моё великое творение справилось. Мне было почти не на что надеяться и почти нечего бояться. Я решил, что не сой-

ду с ума, ибо это никак не облегчило бы мою участь. Я созерцал звёзды и размышлял. Время шло, Солнце позади меня становилось всё меньше и меньше. Я размышлял об ошибках прошедшей жизни, их оказалось так много. В своём воображении я создавал новые могущественные ритуалы, которые я мог бы опробовать, если когда-нибудь снова обрету возможность использовать магию и буду уверен, что это не повредит моему бессмертию. Я всегда считал себя достаточно терпеливым, но теперь я мог размышлять над древними загадками куда более тщательно. Я знал, что, если мне удастся вырваться на свободу, я стану гораздо сильнее, чем был в предыдущей жизни, но я практически не ожидал, что это случится, — профессор Квиррелл повернулся обратно к котлу. — Через девять лет и четыре месяца после той ночи, странствующий авантюрист по имени Квири-нус Квиррелл преодолел защиту одного из моих ранних крестражей. Остальное ты знаешь. А теперь, мальчик, можешь сказать то, что, как мы оба знаем, ты сейчас думаешь.

— Гм, — произнёс Гарри, — мне кажется, не слишком умно...

— Да, мистер Поттер. Говорить это мне — глупо. Очень глупо. Глупее не бывает. Но я *знаю, что ты думаешь об этом*, и ты будешь продолжать так думать, а я буду всё это понимать, пока ты не скажешь. Так что, говори.

— Ну, э-э. Я осознаю, что постфактум решение более очевидно и уж точно не предлагаю вам исправить ошибку прямо сейчас, но, если вы — Тёмный Лорд, и, так уж случилось, что вы услышали о ребёнке, про которого предсказывается, что он победит вас, то существует одно заклинание, которое нельзя заблокировать, остановить и которое неизменно срабатывает на любом живом существе, у которого есть мозг...

— Да, спасибо, мистер Поттер, за последние девять лет эта мысль приходила мне в голову несколько раз, — язвительно ответил профессор Квиррелл, после чего взял ещё один цветок колокольчика и растёр его пальцами. — После того, как я на собственном опыте понял всю важность этого принципа, я положил его в основу своего курса Боевой магии. Среди правил молодого Тома Риддла это стояло не на первом месте. Только собственный печальный опыт учит нас, какие принципы должны стоять в списке приоритетов выше, а какие — ниже. Пока они — лишь простые слова, они все звучат одинаково убедительно. Теперь кажется, что было бы лучше послать к дому Поттеров Беллатрису Блэк вместо себя. Но одно из моих правил гласило, что ради таких важных дел я должен идти сам, а не посылать доверенного лейтенанта. Действительно, я размышлял,

не стоит ли использовать Смертельное проклятие. Но я задумался, а что, если оно каким-то образом отскочит от младенца и поразит меня, и пророчество тем самым выполнится. Как я мог знать заранее?

— Воспользовались бы топором, сложно представить, что выполняющее пророчество заклинание выстрелит в вас из топора, — вырвалось у Гарри до того, как он сообразил заткнуться.

— Я решил, что безопаснее всего — попробовать исполнить пророчество на моих условиях, — продолжил профессор. — Естественно, в следующий раз, когда я услышу пророчество, которое окажется мне не по нраву, я не буду ему подыгрывать. Я буду уничтожать все причины, по которым оно может сбыться, на всех стадиях! — профессор Квиррелл сдавил розу в кулаке, будто пытаясь выжать из неё сок. — А теперь все думают, что Мальчик-Который-Выжил каким-то образом неуязвим для Смертельного проклятия, несмотря на то, что это проклятие не разрушает дома и не оставляет после себя сожжённые тела. Люди не могут даже предположить, что Лорд Волдеморт использовал какое-то другое заклинание!

Гарри по-прежнему молчал. Ему пришла в голову мысль, что Тёмный Лорд мог избежать ошибки другим очевидным способом. Не исключено, что воспитанному маглами заметить этот способ легче, чем привыкшему смотреть на мир глазами волшебников.

Гарри ещё не решил, стоит ли доносить до профессора Квиррелла эту мысль — тут были как свои плюсы, так и минусы.

Спустя какое-то время профессор Квиррелл взял следующий ингредиент зелья, что-то напоминающее прядь волос единорога.

— Хочу тебя предупредить, — заметил он, — не думай, что я снова буду ждать девять лет, если тебе удастся каким-то образом уничтожить моё тело. При первой же возможности я переместил крестражи в более удачные места, но теперь это даже не важно. Благодаря тебе я узнал, где найти Воскрешающий камень. Конечно, он не возвращает умерших, но он содержит куда более древнюю магию, чем моя, которая позволяет отображать подобие души. Камень Кадма признал меня своим хозяином и подчинился моей воле, ибо я тот, кто победил смерть. Я сделал его частью своего великого творения, — профессор Квиррелл слегка улыбнулся. — Когда-то давно я размышлял, не сделать ли из него крестраж, но воздержался, поскольку понял, что кольцо содержит магию неизвестной природы... ах, какая ирония судьбы. Но я отвлёкся. Ты, именно ты, мальчик, был так небрежен со своими секретами и принёс мне эту идею, ты освободил мою душу, и теперь она может летать, где захочет, и соблазнять самую

подходящую жертву. Это катастрофа для всех моих противников, и сотворил её твой рисунок мокрым пальцем на чайном блюде. Мир станет гораздо безопасней для всех, если ты научишься добродетелям, которые с детства впитывают дети волшебников. *И вс-сё, что я только что с-сказал — чис-стая правда.*

Гарри закрыл глаза и помассировал свой лоб. Если бы он увидел себя со стороны, то понял бы, что сейчас он очень похож на профессора Квиррелла в глубоких раздумьях.

Задача «победить профессора Квиррелла» выглядела чрезвычайно сложной даже по меркам невероятно трудных задач, которые Гарри уже доводилось решать. Если на самом деле профессор хотел сообщить Гарри об этой сложности, то у него прекрасно получилось. Гарри всерьёз начал размышлять, не стоит ли ему предложить свои услуги в качестве «не убивающего» наместника Волдеморта на посту правителя Британии, если сам профессор Квиррелл согласится не убивать людей направо и налево. Хотя бы большую часть времени.

Но вряд ли он согласится.

Гарри сидел на полу, уставившись на свои руки. Печаль плавно переходила в отчаяние. Лорд Волдеморт, который дал Гарри его Тёмную Сторону, слишком много времени размышлял обо всём, в том числе о собственном процессе мышления... и в результате появился хладнокровный, рассудительный, но всё ещё спокойно относящийся к убийствам профессор Квиррелл.

Профессор добавил щепотку золотых волос в зелье сияния, и это напомнило Гарри, что время идёт: пряди волос добавлялись реже, чем колокольчики.

— Второй вопрос, — сказал Гарри. — Расскажите мне о Философском Камне. Он делает трансфигурацию постоянной, но делает ли он что-то ещё? Возможно ли изготовить больше Камней, и почему эта задача так сложна?

Профессор Квиррелл склонился над зельем, и Гарри не мог видеть его лица.

— Хорошо. Я расскажу тебе историю Камня в том виде, в каком я сам её знаю. Сила у Камня только одна. Он придаёт созданному волшебством постоянство, превращает временное в навеки настоящее. Обычные заклинания на это совершенно не способны. Сотворённые объекты, вроде замка Хогвартс, требуют постоянной подпитки из какого-нибудь источника магии. Даже метаморфаги не способны отращивать себе золотые ногти и срезать их на продажу. Теория гласит, что проклятие метаморфага лишь преобразует

их плоть, как магловский кузнец молотом и клещами меняет форму железа, — а золота в их телах нет. История не сохранила свидетельств о том, что кто-нибудь — даже сам Мерлин — создавал золото из ничего. Поэтому даже до начала детальных исследований можно догадаться, что Камень, несомненно, очень древний артефакт. Однако, Николас Фламелъ известен миру лишь каких-то шесть столетий. Как по-твоему, мальчик, какой очевидный вопрос должен задать тот, кто хочет узнать историю Камня?

— Э-э, — Гарри потёр лоб, пытаясь собраться с мыслями. Если Камень существует с древних времён, а Николас Фламелъ известен миру лишь шесть столетий... — Не было ли другого волшебника-долгожителя, который исчез примерно в то же время, когда появился Николас Фламелъ?

— Близо, — кивнул профессор Квиррелл. — Ты помнишь, шесть веков назад жила Тёмная Леди, которую называли бессмертной — чародейка Баба Яга? Утверждается, что она могла заживлять любые свои раны, по своему желанию превращаться в кого угодно... очевидно, она владела Камнем Постоянства. И однажды, в рамках старого и уважаемого перемирия, Баба Яга согласилась преподавать Боевую магию в Хогвартсе, — профессор Квиррелл выглядел... очень сердитым, Гарри редко видел его таким. — Но ей не доверяли, и потому было использовано одно проклятие. Некоторые проклятия легче осуществить, когда они единообразно связывают тебя и остальных. Например, как слизеринское проклятие змеестов. В данном же случае, подпись Бабы Яги и подписи всех учеников и преподавателей Хогвартса поместили в древнее устройство, известное, как Кубок Огня. Баба Яга поклялась не проливать ни единой капли крови учеников и не брать у них ничего, что принадлежало бы им. А ученики поклялись не проливать ни единой капли крови Бабы Яги и не брать у неё ничего, что принадлежало ей. И вот все они оставили свои подписи, и Кубок Огня засвидетельствовал их клятву и должен был покарать нарушителя.

Профессор Квиррелл взял новый ингредиент — тонкую золотую нить, обёрнутую вокруг сгустка чего-то мерзко выглядящего.

— В то время на шестой курс Хогвартса перешла некая ведьма по имени Перенель. И хотя Перенель лишь недавно расцвела красотой юности, её сердце уже было чернее, чем сердце Бабы Яги...

— Это вы называете её злой? — вырвалось у Гарри, прежде чем он осознал, что только что допустил ошибку *ad hominem tu quoque*.

— Не перебивай, мальчик, я рассказываю историю. На чём я остановился? Ах, да, Перенель, прекрасная и алчная. За несколько

месяцев Перенель соблазнила Тёмную Леди галантным обхождением и флиртом, напускными робостью и невинностью. Сердце Тёмной Леди было завоёвано, и они стали любовниками. А затем, однажды ночью Перенель шепнула, что она слышала про силу Бабы Яги, позволяющую менять внешность, и о том, как эта мысль воспламенила её страсть. И вот Перенель убедила Бабу Ягу прийти к ней с Камнем в руке, чтобы ради наслаждений принять разные обличья в течение одной ночи. И в том числе Перенель упростила Бабу Ягу принять мужской облик, и они возлегли вместе, как мужчина и женщина. Но до той ночи Перенель была девственницей. И так как в те дни все были довольно старомодны, Кубок Огня расценил это как пролитие крови Перенель, и как взятие ей принадлежащего. Таким образом, Бабу Ягу уловкой вынудили нарушить клятву, и Кубок сделал её беззащитной. Затем Перенель убила ничего не подозревавшую Бабу Ягу, пока та спала в её постели, убила Тёмную Леди, которая любила её и пришла в Хогвартс под знаком перемирия. Так настал конец соглашения, по которому Тёмные волшебники и ведьмы преподавали Боевую магию в Хогвартсе. В течение следующих веков Кубок Огня использовался для проведения бессмысленных межшкольных соревнований, а затем валялся в какой-то забытой комнате в Шармбатоне, пока я его, наконец, не украл.

Профессор Квиррелл бросил бледный, бежево-розовый прутик в котёл, и цвет зелья сменился на белый, едва ингредиент коснулся поверхности.

— Но я отвёлся. Перенель взяла Камень у Бабы Яги и приняла облик и имя Николаса Фламеля. Но личность Перенель она тоже сохранила, объявив себя женой Фламеля. Они появлялись вместе на публике, но это можно было устроить многими способами.

— А как же изготовление Камня? — удивился Гарри. Его мозг обрабатывал услышанное. — Я видел алхимический рецепт в одной книге...

— Ещё одна ложь. Перенель изобразила, словно «Николас Фламель» заслужил право вечной жизни, совершив великое волшебство, которое мог бы попробовать каждый. Она указала другим ложный путь, чтобы никому не приходило в голову искать тот единственный настоящий Камень Бабы Яги, как когда-то искала его сама Перенель, — профессор Квиррелл выглядел довольно мрачно. — Не удивительно, что я потратил годы, пытаясь создать Камень по тому фальшивому рецепту. Теперь ты спросишь — почему я не похитил, не пытал и не убил Перенель, когда узнал правду.

На самом деле, в голову Гарри пришёл не этот вопрос.

Профессор Квиррелл продолжил:

— Дело в том, что Перенель предвидела и предвосхитила стремления Тёмных волшебников, вроде меня. «Николас Фламель» публично дал Нерушимую клятву в том, что никакие пытки или принуждения не вынудят его отдать Камень. Он заявил, что обещает охранять бессмертие от алчущих его, якобы ради всеобщего блага. Я боялся, что Камень будет потерян навеки, если Перенель умрёт, не сообщив, где он спрятан. Клятва, которую она дала, не позволяла ничего добиться пытками. Кроме того, я надеялся заполучить знания Перенель, если мне удастся найти подходящий способ вытащить их из неё. Хотя Перенель изначально не обладала большими знаниями, она держала в заложниках жизни волшебников куда более великих, чем она сама, предлагая крохи лечения в обмен на секреты и небольшое восстановление юности в обмен на силу. Перенель не снисходила до того, чтобы дать другим полное омоложение, но если тебе доводилось слышать про какого-нибудь седобородого волшебника, который дожил до двухсот пятидесяти лет, можешь быть уверен, что тут приложила руку Перенель. За прошедшие века Перенель набрала такую силу, что смогла взрастить Альбуса Дамблдора как противовес Тёмному Лорду Гриндевальду. Когда я появился под именем Лорда Волдеморта, Перенель ещё больше усилила Дамблдора, выдавая ему по капле накопленных знаний каждый раз, когда Волдеморт, казалось, получал преимущество. Мне следовало придумать что-то умное, чтобы разрешить эту ситуацию, но мне это так и не удалось. Я не нападал на неё напрямую, ибо я не был уверен в своём великом творении. Нельзя было исключать, что однажды я и сам приду к ней выпрашивать хоть толику юности, — профессор Квиррелл бросил в котёл сразу два колокольчика, и они, коснувшись пузырящейся жидкости, словно слились в один. — Но теперь у меня нет причин сомневаться в моём творении и потому я решил, что настало время взять Камень силой.

Гарри помедлил.

— Я бы хотел услышать ответ на парселтанге, является ли всё сказанное правдой?

— *Ничто из сказанного не является ложью, насколько мне известно*, — прошипел профессор Квиррелл. — В своей истории я заполнил некоторые лакуны — я не держал свечку, когда Перенель соблазняла Бабу Ягу. *Считаю, с-самое ос-новное передано правдиво.*

Гарри заметил, что слегка озадачен.

— Тогда я не понимаю, почему Камень оказался в Хогвартсе. Разве не лучше всего было спрятать его под какой-нибудь случайной скалой в Гренландии?

— Возможно, Перенель внушали уважение мои выдающиеся способности к поиску, — ответил профессор Защиты. Он обмакнул цветок колокольчика в банку с жидкостью, обозначенную принятым в зельеварении символом дождевой воды. Казалось, внимание профессора целиком поглотил котёл.

Мы с профессором Защиты очень похожи друг на друга. Если не в одном, так в другом. Если я попробую вообразить, что бы я сделал на его месте...

— Вы обманом заставили всех поверить, что у вас есть какой-то способ найти Камень? — озвучил свою мысль Гарри. — Чтобы Перенель положила Камень в Хогвартс, где Дамблдор сможет охранять его?

Профессор Защиты вздохнул, не отводя взгляд от котла.

— Полагаю, тщетно скрывать от тебя эту хитрость. Да, после того, как я завладел телом Квиррелла и вернулся, я воплотил в жизнь стратегию, которая пришла мне в голову, пока я созерцал звёзды. Первым делом, я позаботился о том, чтобы стать профессором Защиты в Хогвартсе — чтобы не вызвать подозрений, мне следовало получить эту должность до начала активных действий. После этого я подстроил, чтобы одна из экспедиций взломщиков заклинаний, организованных Перенель, обнаружила фальшивую, но выглядящую подлинной надпись, гласящую, что с помощью Короны Змеи можно найти Камень, где бы он ни был спрятан*. Незамедлительно после этого Корона была украдена, прежде чем Перенель смогла её выкупить. Кроме того, я оставил явные следы того, что вор обладал способностью разговаривать со змеями. В итоге Перенель решила, что я могу гарантированно найти, где спрятан Камень, и потому Камню нужен охранник достаточно могущественный, чтобы одолеть меня. Таким образом Камень оказался в Хогвартсе, во владениях Дамблдора. Естественно, как я и планировал, поскольку уже получил доступ в Хогвартс на этот год. Полагаю, я рассказал о Камне всё, что могло бы тебя заинтересовать, исключая мои планы на будущее.

Гарри нахмурился. Профессору Квирреллу не следовало ему об этом рассказывать. Разве что для будущего обмана Перенель эта стратегия уже не важна?.. Или, быть может, профессор Защиты так быстро ответил, чтобы все сочли, что он блефовал вдвойне, и на самом деле Корона Змеи может находить Камень...

Гарри решил не уточнять рассказанное на парселтанге.

Ещё одну прядь светлых волос, почти белых, но не седых, профессор осторожно опустил в котёл, снова напомнив Гарри, что время ограничено. Гарри задумался, но больше вопросов, связанных с Камнем, ему в голову не пришло. Никто не знал рецепта производства Философских камней, и как изобрести такой рецепт тоже было совершенно непонятно. С объективной точки зрения это, вероятно, была худшая новость, услышанная сегодня.

Гарри сделал глубокий вдох.

— Третий вопрос, — сказал он. — Что на самом деле стояло за всеми событиями этого школьного года? Все ваши планы и все планы, о которых вам известно.

— Хм, — задумался профессор Квиррелл, бросая ещё один цветок колокольчика в зелье вместе с кусочком какого-то растения, напомнившего крохотный крест. — Надо подумать... самое шокирующее открытие — это профессор Защиты, оказавшийся Волдемортом.

— Это уж точно, — пробормотал Гарри с изрядной долей направленного на себя сарказма.

— Тогда с чего мне начать?

— Зачем вы убили Гермиону? — вопрос сам сорвался с губ.

Взгляд внимательных бледных глаз профессора Квиррелла переместился с кипящего зелья на Гарри.

— Кто-нибудь посчитал бы, что причина вполне очевидна, но, полагаю, мне не стоит винить тебя в том, что ты не доверяешь очевидному. Чтобы понять цель тайного плана, посмотри на последствия и спроси себя, кому это могло понадобиться. Я убил мисс Грейнджер, чтобы улучшить ситуацию, в которую ты попал, оказавшись в долгу у Люциуса Малфоя, ибо я не планировал, что он получит настолько серьёзный рычаг влияния на тебя. Признаться, я впечатлён тем, насколько большую выгоду ты извлёк из её смерти.

Гарри разжал зубы, что потребовало определённых усилий.

— Я оказался в долгу перед Люциусом из-за вашей попытки подставить Гермиону — обвинить её в покушении на убийство Драко, а затем отправить в Азкабан! Зачем вам это потребовалось?! Вам не понравилось, как она влияет на меня?

— Не носи чушь, — сказал профессор Квиррелл. — Если бы я желал лишь убрать мисс Грейнджер, я бы не стал вмешивать в это Малфоев. Я наблюдал твою игру с Драко Малфоем и нашёл её забавной, но я знал, что долго она не продлится — Люциус обязательно узнает и вмешается, после чего твоя глупость принесёт

тебе большие неприятности, ибо Люциус принимает подобное близко к сердцу. Если бы ты только смог просто проиграть на суде Визенгамота, проиграть, как я учил тебя, то всего лишь через две недели появилось бы железное свидетельство того, как Люциус Малфой, посчитав, что сын его предал, использовал Империйус на профессоре Спраут, чтобы наложить Охлаждающее кровь проклятие на мистера Малфоя и чары Ложной памяти на мисс Грейнджер. Люциус оказался бы сметён с политической шахматной доски, отправлен в изгнание, а, может, даже в Азкабан. Богатство Дома Малфоев унаследовал бы Драко Малфой, и он оказался бы полностью под твоим влиянием. Вместо этого мне пришлось оборвать свою интригу на середине. Ты умудрился полностью нарушить ход моего плана, пожертвовав суммой вдвое превышающей всё твоё состояние и предоставив Люциусу Малфоя отличную возможность доказать, что он искренне заботится о собственном сыне. Должен заметить, у тебя какой-то поразительный талант портить любые интриги.

— И вы, конечно, думали, — заметил Гарри, а его Тёмная Сторона старалась поддерживать его голос ровным и спокойным, — что две недели в Азкабане только пойдут на пользу мисс Грейнджер, и она перестанет оказывать на меня дурное влияние. И потому вы каким-то образом подготовили публикации в газетах, требующие её заключения в Азкабан, а не какого-то иного наказания.

На губах профессор Квиррелла мелькнула слабая улыбка.

— Быстро соображаешь, мальчик. Да, я подумал, что она может стать твоей Беллатрисой. К тому же, такой результат постоянно напоминал бы тебе, стоит ли уважать закон, и помог бы тебе сформировать подобающее отношение к Министерству.

— Ваш замысел был абсурдно сложным и не имел никаких шансов на успех, — Гарри понимал, что ему следовало бы быть более тактичным и что сейчас он совершает то, что профессор Квиррелл обычно называл «глупостью», но в данный момент ему было просто наплевать.

— Ничуть не более сложным, чем план Дамблдора добиться ничьей в Рождественской битве трёх армий, и лишь слегка сложнее, чем другой мой план, который должен был убедить тебя, что это Дамблдор шантажировал мистера Забини. Вы упускаете, мистер Поттер, что от этих планов не требовалось увенчаться успехом во что бы то ни стало, — профессор Квиррелл, улыбаясь, продолжал мимоходом помешивать зелье. — Есть планы, успех в которых необходим любой ценой, и в этих случаях основная идея обязана быть предельно простой и следует принимать любые меры предосторожности. А есть

планы, неудача в которых допустима, и в этом случае можно расслабиться или проверить пределы своих способностей обращаться со сложностями. Провал упомянутых планов не ставил под угрозу мою жизнь, — профессор Квиррелл уже не улыбался. — А вот наше путешествие в Азкабан относилось к первому типу, и потому твои выходы там меня совершенно не обрадовали.

— Что именно вы сделали с Гермионой? — какая-то часть Гарри удивилась, насколько ровным голосом он это произнёс.

— Стирание и модификация памяти. Любые другие заклинания могли потревожить охранные чары Хогвартса, или впоследствии их заметили бы авроры, которые проверили бы её память. Я не хотел рисковать. Отчасти то, что ты справедливо назвал переусложнением, возникло потому, что первоначальный вариант моего плана не сработал, и мне пришлось его изменить, — казалось, профессору было не слишком приятно об этом вспоминать. — Я принял облик профессора Спраут, подошёл в коридоре к мисс Грейнджер и предложил ей тайную помощь против её врагов. Моя первая попытка убедить её провалилась. Я стёр ей память и попробовал ещё раз, по-другому. Вторая попытка провалилась. Третья попытка провалилась. Десятая попытка провалилась! От досады я начал перебирать всю мою коллекцию личин, включая те, что были бы более уместны для разговора с мистером Забини. И ничего не срабатывало. Ничего! Этот ребёнок совершенно не собирался нарушать свой детский кодекс чести.

— Уж вам-то не стоит называть её ребёнком, профессор, — голос Гарри ему самому казался странным. — Её кодекс сработал! Он помешал вам обмануть её. Деонтологические этические ценности нужны именно потому, что аргументам, убеждающим переступить через них, следует верить гораздо реже, чем кажется*. Вам не стоит критиковать её правила, ведь они сработали так, как и были должны.

Когда они воскресят Гермиону, Гарри расскажет ей, что у самого Лорда Волдеморта не получилось убедить её поступить дурно, и именно потому он убил её.

— Справедливо, я полагаю, — сказал профессор Квиррелл. — Говорят, даже остановившиеся часы дважды в сутки показывают правильное время, и мне не кажется, что мисс Грейнджер на самом деле поступала рационально. И тем не менее, правило десятое: не следует разглаживать противника после того, как ему удалось сорвать твои планы. Но вернёмся к твоему вопросу. После двух часов неудачных попыток я осознал, что проявляю излишнее упрямство, и что, на самом деле, не обязательно, чтобы мисс Грейнджер в точно-

сти выполнила ту часть плана, что я приготовил для неё. Я отказался от своих первоначальных намерений и внушил мисс Грейнджер, будто она видела, как мистер Малфой строит против неё козни, причём это происходило при таких обстоятельствах, что она не могла сообщить об этом ни тебе, ни учителям. И, наконец, мне повезло, что сам мистер Малфой создал повод для моего вмешательства, — профессор Квиррелл бросил в котёл цветок колокольчика и обрывок пергамента.

— Почему охранные чары сообщили, что Гермиону убил профессор Защиты?

— Когда Дамблдор представлял меня защитным чарам Хогвартса в качестве профессора Защиты, у меня во рту был горный тролль, превращённый в фальшивый зуб, — профессор слегка улыбнулся.

— Другое живое орудие нельзя трансфигурировать, больше никто не проживёт после отмены трансфигурации те шесть часов, которые необходимы, чтобы её нельзя было отследить с помощью Маховика времени. Тот факт, что был использован именно горный тролль, явно свидетельствовал, что убийце требовалось орудие, которое можно безопасно трансфигурировать. Если добавить к этому показания защитных чар и собственное знание Дамблдора о том, как он представил меня Хогвартсу, можно вычислить, кто ответственен за произошедшее — теоретически. Однако, по своему опыту я знаю, что, когда ответ заранее не известен, разгадать такую головоломку гораздо сложнее, поэтому я решил, что не слишком рискую. Да, кстати, у меня к тебе тоже есть вопрос, — профессор Защиты внимательно посмотрел на Гарри. — Что всё-таки выдало меня там, в коридоре перед этими залами?

Гарри отложил все остальные эмоции, чтобы взвесить цену и выгоду честного ответа, и пришёл к выводу, что профессор выдаёт ему гораздо больше информации, чем получает (*зачем?*) и что лучше не создавать впечатления, будто Гарри что-то умалчивает.

— В основном, мне показалось слишком невероятным, что все появились в коридоре Дамблдора в одно и то же время. Я пытался рассмотреть гипотезу, что все прибывшие кем-то координировались, включая вас.

— Но я же сказал, что следовал за Снейпом, — заметил профессор Защиты. — Разве это было неправдоподобным?

— Это было похоже на правду, но... — сказал Гарри. — Гм. Хорошее объяснение не должно включать в себя правдоподобные версии, о которых стало известно после события. Хорошее объяснение должно предсказывать вероятности заранее. Именно поэтому наука требует от людей сначала делать предсказания, а не верить

объяснениям, приходящим в голову уже после события. Я не предсказал бы заранее, что вы станете следить за Снейпом и появитесь подобным образом. Даже если бы я заранее знал, что вы можете отследить палочку Снейпа, я бы не ожидал от вас таких действий. Так как ваше объяснение не убедило меня в том, что я бы смог предсказать такой исход заранее, он так и остался маловероятным. Я начал размышлять, а не мог ли тот, кто управлял Спраут, так же подстроить и ваше появление. А потом до меня дошло, что та записка самому себе на самом деле пришла не от будущей версии меня, и это полностью вас выдало.

— Вот как, — вздохнул профессор Защиты. — Что ж, думаю, всё вышло только к лучшему. Ты всё понял слишком поздно. А если бы ты оставался в неведении и дальше, это принесло бы не только выгоды, но и неудобства.

— А чего вы вообще пытались достичь? Я так старался разобраться лишь потому, что всё происходящее казалось слишком странным.

— Это должно было указывать на Дамблдора, а не на меня, — нахмурился профессор Квиррелл. — На самом деле, предполагалось, что в ближайшие несколько часов мисс Гринграсс в этом коридоре не появится.... хотя, наверное, после того, как я заставил мистера Малфоя подкинуть специально подготовленную для неё улику, неудивительно, что они объединились. Если бы с мистером Ноттом не увязалась эта компания, развитие событий выглядело бы не настолько нелепо. Но поскольку я — специалист по управлению магией на поле боя, я сумел провести стычку, как мне было нужно. Пожалуй, в конце всё смотрелось несколько по-дурацки, — профессор Защиты бросил в котёл дольку персика и колокольчик. — Но давай оставим разговор о Зеркале, пока мы не доберёмся до него. У тебя ещё остались вопросы, касающиеся прискорбной, хоть и, надеюсь, временной кончины мисс Грейнджер?

— Да, — ровным голосом произнёс Гарри. — Что вы сделали с близнецами Уизли? Дамблдор думал... я хочу сказать, вся школа видела, как директор подошёл к близнецам после ареста Гермионы. И Дамблдор думал, что вы, в смысле, Волдеморт, удивились, зачем он сделал это, и что вы проверили близнецов Уизли, обнаружили и забрали их карту и затем стёрли им память.

— Дамблдор был совершенно прав, — сказал профессор Квиррелл и покачал головой, словно чему-то удивляясь. — Он допустил полнейшую глупость, оставив Карту Хогвартса в руках этих двух идиотов. Когда я завладел Картой, увиденное меня неприятно потрясло.

Она верно отображала наше с тобой имя! Идиоты Уизли думали, что в карте какая-то неисправность, особенно после того, как ты получил Мантию и Маховик. Если бы Дамблдор оставил Карту себе... если бы Уизли хоть раз упомянули о странностях Карты Дамблдору... но, к счастью, они этого не сделали.

Верно отображала наше с тобой имя...

— Я хотел бы это увидеть, — сказал Гарри.

Не отрывая взгляда от котла, профессор Квиррелл вытащил из мантии сложенный пергамент, прошипел ему «*Покажи окрестнос-сти*» и бросил его Гарри. Пергамент устремился к мальчику, вызвав усиление чувства обречённости, и мягко опустился к его ногам.

Гарри подобрал пергамент и развернул его.

Сначала лист был пуст. Затем на нём начали появляться контуры стен и дверей, проведённые от руки — их словно рисовало невидимое перо. Появилось изображение цепочки комнат: большинство было пустыми, последняя комната несла неразборчивую подпись по центру, как будто сама Карта пыталась показать своё недоумение, а внутри предыдущей комнаты было написано два имени, одно соответствовало тому месту, где сидел Гарри, а другое — месту, где стоял профессор Квиррелл.

Том М. Риддл.

Том М. Риддл.

Гарри не мог оторвать взгляд от пергамента, по спине побежали мурашки. Одно дело — услышать, как Лорд Волдеморт назвал тебя Томом Риддлом, и другое дело — обнаружить, что магия Хогвартса с этим согласна.

— *Ты что-то с-делал с этой картой, чтобы дос-тичь такого рис-сунка, или с-сам удивилс-я, увидев это?*

— *С-сам удивилс-я,* — ответил профессор Квиррелл, с оттенком шипящего смеха. — *Никаких фокус-сов.*

Гарри сложил Карту и бросил её обратно в сторону профессора. Какая-то сила подхватила пергамент в воздухе и направила его в карман мантии профессора Квиррелла.

— Ещё я хочу сообщить, что это Снейп наводил мисс Грейнджер и её приспешниц на хулиганов и иногда вмешивался, защищая их.

— Это я знаю, — ответил Гарри.

— Любопытно, — сказал профессор Квиррелл. — А Дамблдор тоже об этом знает? Отвечай на парселтанге.

— *Нет, нас-сколько мне извес-тно,* — прошипел Гарри.

— Поразительно, — сказал профессор. — Возможно, тебя заинтересует ещё один факт: *С-сос-тавителю зелий прии-шлос-*

сь работать с-скрытно, потому что его план противос-стоял плану с-смотрителя ш-школы.

Гарри несколько секунд обдумывал услышанное. Профессор Квиррелл в это время дул на зелье в котле, словно охлаждая его, несмотря на то, что под котлом по-прежнему горел огонь. Затем он добавил в него щепотку земли, каплю воды и колокольчик.

— Пожалуйста, объясните, — попросил Гарри.

— Неужели ты никогда не задавался вопросом, почему в качестве декана Слизера Дамблдор выбрал Северуса Снейпа? Утверждение, что это просто прикрытие для его работы шпионом Дамблдора, ничего не объясняет. Снейпу достаточно было дать должность профессора зельеварения, ему необязательно было становиться деканом. Снейпа вообще можно было сделать Хранителем Земель и Ключей, если уж Дамблдор так нуждался в его присутствии в Хогвартсе! Зачем его делать деканом Слизера? Наверняка тебе приходило в голову, что, с точки зрения дамблдоровских претензий на мораль, работа Снейпа на этой должности не могла пойти на пользу слизеринцам?

Нет, эта мысль не приходила в голову Гарри... именно в таких выражениях.

— Я задавался этим вопросом. Но я не рассматривал его именно в таком виде.

— А теперь ответ для тебя очевиден?

— Нет.

— Разочаровываешь. Ты недостаточно научился цинизму, ты не осознал всей «гибкости» того, что моралисты называют моралью. Чтобы понять план, смотри на последствия и спрашивай, не являются ли они задуманными. Дамблдор намеренно ослаблял факультет Слизера — не смотри на меня так, мальчик, *я говорю ис-тину*. В течение последней Войны волшебников, моими приспешниками становились слизеринцы, а другие слизеринцы поддерживали меня в Визенгамоте. Посмотри на это с точки зрения Дамблдора и вспомни, что он по своей природе не понимает путей Слизера. Представь, как Дамблдор всё сильнее и сильнее печалится, что из этого факультета Хогвартса происходит столько дурного. А после заметь, что он назначает главой Слизера Снейпа. Северуса Снейпа! Человека, который не станет учить свой факультет ни хитрости, ни целеустремлённости, человека, который не будет требовать от них дисциплины, и сделает своих учеников слабыми! Человека, который будет задевать учеников других факультетов и заставит их испытывать отвращение к самому имени Слизера! Человека, чья фамилия была неизвестна в маги-

ческой Британии и, конечно же, не принадлежала к благородным, и, вдобавок, ходящего в каких-то лохмотьях! Ты думаешь, Дамблдор, который всё это устроил и который имел мотив всё устроить именно таким образом, не представлял последствий? Полагаю, Дамблдор говорил себе, что, если будущие Пожиратели Смерти окажутся ослаблены, то в следующей Войне волшебников будет спасено больше жизней, — профессор Квиррелл бросил в котёл небольшую льдинку, и та, коснувшись бурлящей поверхности, медленно растаяла. — Если процесс продлится достаточно долго, ни один ребёнок не захочет идти учиться в Слизерин. Факультет упразднят, и, если Шляпа продолжит называть его имя, это станет меткой позора для детей, которых затем всё равно распределят между другими тремя факультетами. С этого дня в Хогвартсе останется три хороших факультета — храбрости, учёбы и усердия, и не будет факультета Плохих детей, как если бы три основателя Хогвартса изначально оказались достаточно мудры, чтобы отказать Салазару Слизерину. Такой финал, как я полагаю, и задумывал Дамблдор. Краткосрочная жертва ради высшего блага, — профессор Квиррелл сардонически улыбнулся. — А Люциус позволил всему этому случиться, не протестовал и даже, подозреваю, не заметил, что что-то пошло не так. Боюсь, во время моего отсутствия, моим бывшим слугам эта битва умов оказалась совершенно не по зубам.

Принять эту точку зрения было довольно трудно. После некоторого размышления Гарри решил, что сейчас не время разбираться в этом деле. Верил ли Лорд Волдеморт в свои обвинения против Дамблдора, было не важно — Гарри придётся оценить их самостоятельно.

Профессор Квиррелл упомянул своих *слуг* и тем самым напомнил Гарри кое о чём... Гарри решил, что обязан задать этот вопрос. Конечно, он услышит плохие новости. В любой другой день они повергли бы его в ужас. Но сегодня они станут лишь одной из волн потопа.

— Беллатриса Блэк, — произнёс Гарри. — Расскажите мне правду о ней.

— Она была не в себе ещё до нашей встречи, — ответил профессор Квиррелл. Он взял что-то напоминавшее бело-серое резиновое кольцо и держал его над котлом, под воздействием пара резинка стала чёрной. — Не стоило использовать на ней легилимендию. Но на миг заглянув в её голову, я понял, как легко будет заставить её влюбиться в меня, что я и сделал. И с тех пор она служила мне вернее всех, ей единственной я почти мог доверять. Я не собирался давать ей то, чего она хотела от меня, и потому я отправил её в пользование братьев Лестрейндж, и все трое были счастливы, каждый по своему.

— Сомневаюсь, — сказал Гарри практически на автопилоте. — Будь это правдой, Беллатриса не помнила бы братьев Лестрейндж, когда мы нашли её в Азкабане.

Профессор Квиррелл пожал плечами.

— Возможно, ты прав.

— Но какого чёрта мы там вообще делали?

— Мне нужно было узнать, куда Беллатриса дела мою палочку. Я заранее сообщил Пожирателям Смерти о своём бессмертии, надеясь — как оказалось, напрасно — на то, что они останутся вместе хотя бы на несколько дней, если появятся известия о моей смерти. Беллатриса получила инструкции разыскать мою палочку там, где моё тело будет убито, и отнести её на определённое кладбище, где ей явится мой дух.

Гарри сглотнул. В его воображении возникла картина, как Беллатриса Блэк ждёт, ждёт, ждёт на кладбище, отчаивается всё сильнее... не удивительно, что она уже не думала о последствиях, когда напала на дом Лонгботтомов.

— Что вы сделали с Беллатрисой после её освобождения?

— *Отправил её в тихое место, вос-становить с-илы*, — ответил профессор Квиррелл с холодной улыбкой. — У меня остались на неё планы, точнее на некоторую её часть, а про свои планы на будущее я говорить не буду.

Гарри сделал глубокий вдох, стараясь восстановить душевное равновесие.

— Были ещё какие-нибудь тайные планы в течение этого учебного года?

— О, их было множество, но практически все остальные, из тех, что я могу сходу припомнить, тебя не касались. Я потребовал учить первокурсников чарам Патронуса, потому что хотел, чтобы ты встретился с дементором, а затем я устроил так, что твоя палочка упала рядом с клеткой, и дементор смог продолжать воздействовать на тебя через неё. *Злой умысел отсутствовал, я лишь надеялся, что ты восстановишь часть истинной памяти*. Также, именно поэтому я подстроил, чтобы некоторые ведьмы притянули тебя вниз, когда ты падал с крыши, это позволило мне спасти твою жизнь, просто на тот случай, если запланированный на ближайшее время инцидент с дементором вызовет какие-то подозрения на мой счёт. *Тоже не было злого умысла*. Я организовал некоторые из нападений на группу мисс Грейнджер. Я специально старался, чтобы эти нападения провалились, потому что действительно не люблю

хулиганов. С-считаю, это вс-се с-секретные планы, что кас-салис-сь тебя в этом ш-школьном году, ес-если я ничего не забыл.

Вот тебе жизненный урок, — сказал внутренний пuffedу-ец. — Старайся сопротивляться желанию то и дело манипулировать жизнями других людей. Например, как получилось с Падмой Патил. Если ты не хочешь превратиться в такого, как он.

Профессор Квиррелл аккуратно всыпал в котёл щепотку красно-коричневого порошка, и Гарри задал свой четвёртый и последний вопрос — наименее важный, но всё же значимый.

— В чём заключалась ваша цель во время Войны Волшебников? — спросил Гарри. — В смысле, в чём... — голос Гарри дрогнул. — В чём был смысл всей этой войны?

Мозг мальчика непрерывно повторял: *Зачем, зачем, зачем нужен был Лорд Волдеморт...*

Профессор Квиррелл поднял бровь.

— Тебе ведь рассказали про Дэвида Монро?

— Да, во время Войны Волшебников вы были одновременно и Дэвидом Монро, и Лордом Волдемортом, эту часть я понял. Вы убили Дэвида Монро, приняли его облик и уничтожили всю его семью, чтобы вас не разоблачили...

— Верно.

— Вы планировали, что, какая бы сторона ни победила в Войне Волшебников, вы всё равно окажетесь у власти. Но почему одна из сторон должна была быть именно Волдемортом? В смысле, я хочу сказать, разве не легче добиться общественной поддержки кому-то, кто менее... менее Волдеморт?

Молоток в руках профессора Квиррелла с необычайно громким стуком превратил в труху крылья белой бабочки и очередной колокольчик.

— Вообще-то, я планировал, — едко произнёс профессор Защиты, — что Лорд Волдеморт проиграет Дэвиду Монро. Однако, я не учёл абсолютную убогость... — профессор Квиррелл остановился. — Нет, я расскажу по порядку. Слушай, мальчик, когда я изобрёл своё величайшее творение и достиг пика своего магического мастерства, я решил, что настало время взять политическую власть в свои руки. Я знал, что это не доставит мне удовольствия и мне придётся посвящать своё время делам, которые не назовёшь приятными. Но я знал, что маглы рано или поздно уничтожат мир, или начнут войну с волшебниками, или случится и то, и другое сразу, и с этим нужно что-то делать, если я не хочу бродить всю мою вечность по мёртвому или почти мёртвому миру. Я обрёл бессмертие, и мне

нужна была новая цель, чтобы занять ближайшие десятилетия. Помешать маглам разрушить всё казалось задачей подходящего масштаба и сложности. Меня постоянно забавляло, что из всех людей именно я оказался единственным, кто всерьёз за эту задачу взялся. Впрочем, для смертных насекомых, возможно, и не имеет смысла заботиться о конце их мира. Зачем им утруждаться и терпеть какие-то неудобства на пути к могиле? Но я отвлёкся. Я видел, как Дамблдор победил Гриндевальда и получил власть, и решил, что сделаю то же самое. Давным-давно я отомстил Дэвиду Монро — мы учились в Слизерине на одном курсе и он раздражал меня — и мне пришла мысль также похитить его облик, уничтожить его семью и стать наследником его Дома. И, кроме этого, я задумал великого врага, с которым будет сражаться Дэвид Монро, самого ужасного Тёмного Лорда, которого можно вообразить, запредельно умного, гораздо более опасного, чем Гриндевальд, ибо его интеллект не допустит тех ошибок, которые привели Гриндевальда к краху. Этот Тёмный Лорд своей величайшей хитростью разрушал бы союзы, выступающие против него, своим ораторским искусством он бы снискал величайшую верность своих последователей. Он бы стал самым жутким Тёмным Лордом, который когда-либо угрожал Британии или миру. Вот кого должен был победить Дэвид Монро.

Раздалось ещё два стука — молоток профессора Квиррелла расплющил колокольчик и ещё какой-то бледный цветок.

— Однако, хотя мне уже доводилось играть роль Тёмного волшебника во время моих странствий, прежде мне никогда не приходилось принимать личность полноценного Тёмного Лорда — с политической программой и всякими мелкими сошками на побегушках. Мне не хватало опыта, и я помнил историю Тёмного Евангелия — о том, каким провалом обернулось её первое появление на публике. Позже она заявляла, что планировала назвать себя Ходячей Катастрофой и Апостолом Тьмы, но от волнения представилась как Апостроф Тьмы. После этого ей пришлось сравнять с землёй две деревни, чтобы её начали воспринимать всерьёз.

— Поэтому вы решили сперва поставить небольшой эксперимент, — сказал Гарри. У него появилось тошнотворное чувство, потому что он уже понял, что было дальше. Перед ним было его отражение, следующий шаг оказался именно таким, какой сделал бы и сам Гарри, если бы у него полностью отсутствовало представление об этике, если бы он внутри был пуст. — Чтобы узнать, за какие нужно дёргать ниточки, и чтобы при этом ваши ошибки

не помешали основному плану, вы создали личность, которую потом не жалко было бы выбросить.

— Правильно. Перед тем, как стать поистине ужасным Тёмным Лордом, с которым должен будет сражаться Дэвид Монро, я ради тренировки создал личность Тёмного Лорда со сверкающими красными глазами, бессмысленно жестокого к своим приспешникам, чья политическая программа состояла из неприкрытых личных амбиций, смешанных с теорией чистоты крови в изложении пьяниц из Лютного переулка. Первых приспешников я набирал в тавернах, выдавал им плащи и маски-черепи и говорил, что теперь им следует представляться Пожирателями Смерти.

Тошнотворное чувство понимания усилилось.

— И вы называли себя Волдемортом.

— Именно так, генерал Хаоса, — ухмыльнулся профессор Квиррелл. — Я хотел сделать анаграмму собственного имени, но это бы получилось, только если бы мне посчастливилось иметь среднее имя «Марволо», а это уже была бы натяжка. На самом деле, если тебе любопытно, наше среднее имя — Морфин. Но я отвлёксся. Я считал, что карьера Волдеморта продлится лишь несколько месяцев, максимум — год, а затем авроры перебьют моих приспешников и одноразовый Тёмный Лорд исчезнет. Как ты понимаешь, я чрезмерно переоценил своих оппонентов. К тому же, что бы Тёмные лорды ни вытворяли в пьесах, я никак не мог заставить себя пытаться своих приспешников, когда они приносили мне плохие вести. Я никак не мог заставить себя защищать принципы чистоты крови столь же бессвязно, как это делают пьяницы в Лютном переулке. Я не стремился проявлять свой ум, когда отправлял своих приспешников на задания, но я и не давал им абсолютно бессмысленных приказов... — в других обстоятельствах грустная улыбка профессора Квиррелла могла бы показаться очаровательной. — Месяц спустя мне в ноги упала Беллатриса Блэк, а ещё через три месяца за рюмкой дорогого огневиски со мной торговался Люциус Малфой. Я вздохнул, оставил всякую надежду на род волшебников и в качестве Дэвида Монро начал бороться со страшным Лордом Волдемортом.

— И что же случилось...

— Случилась полная неадекватность абсолютно всех институтов британской магической цивилизации! — прорычал профессор Квиррелл. — Тебе не понять этого, мальчик! Я не мог это понять! Это нужно было видеть, и даже тогда в это было трудно поверить! Ты замечал, наверное, что, когда твои сокурсники разговаривают

о том, чем занимаются их семьи, примерно трое из четырёх упоминают ту или иную работу в Министерстве. Возможно, тебе интересно, как может существовать страна, где трое из четырёх граждан занимаются бюрократией. Ответ в том, что если бы они не мешали друг другу заниматься своим делом, для них всех не нашлось бы работы! Авроры были хороши как бойцы-одиночки, они сражались с Тёмными волшебниками и только лучшие выживали, чтобы тренировать новичков. Но в руководстве у них творился полный бедлам. Министерство было столь занято перекладыванием бумаг, что во всей стране никто не мог эффективно противостоять нападениям Волдеморта — кроме меня, Дамблдора и горстки необученных добровольцев. Ленивый, неумелый, трусливый бродяга по имени Мундунгус Флетчер считался важной фигурой в Ордене Феникса — он ведь был безработным, он мог не тратить время на иные занятия! Я попытался ослабить атаки Волдеморта, чтобы понять, может ли он в принципе проиграть — и сразу же Министерство начало отряжать меньше авроров, чтобы противостоять мне! Я прочёл «Маленькую красную книжицу» Мао, я обучил своих Пожирателей Смерти партизанской тактике — и ради чего?!* Ради чего?! Я воевал со всей магической Британией и в каждом столкновении у меня оказывался численный перевес! От отчаяния я приказал своим Пожирателям Смерти последовательно убивать всех некомпетентных руководителей Департамента магического правопорядка. Несмотря на судьбу своих предшественников, одна канцелярская крыса за другой вызывалась занять высокий пост и радостно потирала руки, предвкушая повышение. Каждый из них надеялся, что он-то сможет договориться с Лордом Волдемортом. Мы их убивали семь месяцев, и ни один Пожиратель Смерти так и не поинтересовался, а зачем мы это делаем. И даже после этого, когда директором стал Бартемиус Крауч, а главой авроров — Амелия Боунс, заметного улучшения не произошло. Я бы достиг больших успехов, даже сражаясь в одиночку! Помощь Дамблдора постоянно упиралась в его моральные нормы, а помощь Крауча — в его уважение к закону.

Профессор Квиррелл усилил огонь под котлом.

— И со временем, — произнёс Гарри, превозмогая боль в сердце, — вы решили, что играть роль Волдеморта гораздо забавней.

— Из всех ролей, которые я когда-либо играл, эта меня раздражала меньше всего. Если Лорд Волдеморт говорил, что нужно что-то сделать, люди ему просто подчинялись и не спорили! Мне не надо было подавлять своё желание использовать *Круцио* на идиотах — это было частью роли. Если кто-то портил мне игру, я просто говорил

Авадакедавра — не важно, было ли это мудро со стратегической точки зрения, — и он меня больше не беспокоил.

Профессор Квиррелл небрежно порезал маленького червя на кусочки.

— Но истинное прозрение для меня наступило в тот день, когда Дэвид Монро пришёл просить въездную визу для одного азиатского инструктора по тактике боя, а министерский чиновник, самодовольно улыбаясь, ему отказал. Я поинтересовался у этого чиновника, понимает ли он, что я пытаюсь спасти его собственную жизнь, но он лишь снова улыбнулся. В ярости я отбросил маски и осторожность. Я воспользовался легилимендией, я погрузил пальцы в выгребную яму его тупости и вырвал из его разума истину. Я не понимал и очень хотел понять! С помощью легилимендии я заставил крошечный мозг этого чиновника прожить альтернативные варианты этого разговора, я хотел увидеть, что он подумает, если на моём месте окажутся Люциус Малфой, Лорд Волдеморт или Дамблдор.

Руки профессора Квиррелла замедлились, когда он начал аккуратно снимать тонкую стружку с куска свечного воска.

— В тот день я осознал одну человеческую особенность. Она нетривиальна, поэтому я и не понимал её раньше. Впрочем, я попытаюсь тебе её описать. Теперь я понимаю, почему Дамблдор не правит миром, пусть он и председатель Международной Конфедерации. Люди открыто отзываются о Дамблдоре дурно, гордо критикуют его, иногда даже в лицо. Но повторить то же самое Люциусу Малфою они не посмеют. Ты сам действовал неуважительно по отношению к Дамблдору. Ты понимаешь, почему ты так себя вёл?

— Я... не уверен, — ответил Гарри. Сразу напрашивалась гипотеза, что дело в остаточных нейронных связях, доставшихся от Тома Риддла.

— Волки, собаки, даже куры сражаются друг с другом за доминирующие позиции. Из разума того чиновника я наконец понял, что он чувствовал превосходство Люциуса Малфоя, чувствовал превосходство Волдеморта, но не чувствовал превосходства Дэвида Монро или Альбуса Дамблдора. Когда мы приняли сторону добра и присягнули на верность свету, в нас перестали видеть угрозу. В Британии каждый ощущает превосходство Люциуса Малфоя. Ибо, если кто-то в открытую выступит против Люциуса, то Люциус может заставить его выплатить старый долг, или натравить на его магазин министерских бюрократов, или растоптать в «Ежедневном пророке». А превосходства самого могущественного волшебника в мире никто

не чувствует, ибо все знают, что он, — губы профессора Квиррелла скривились, — герой из легенд, до неприличия скромный и ни при каких обстоятельствах не опускающийся до мести. Скажи, мальчик, ты хоть раз видел драму, где герой перед тем, как согласится спасти страну, требует золота хотя бы в размере адвокатского гонорара?

— Вообще-то, в магловских произведениях таких героев очень много. Сразу приходит на ум Хан Соло...*

— Что ж, в магической драме так не бывает. Там все герои скромны, как Дамблдор. У волшебников драма — это фантазия о могущественном рабе, который никогда по-настоящему не возвысится, никогда не потребует уважения к себе, никогда даже не попросит ему заплатить. Теперь ты понимаешь?

— Кажется... да, — ответил Гарри. Фродо и Сэмюис из «Властелина Колец», судя по всему, соответствовали архетипу героя, в котором совершенно никто не видит угрозу. — И вы хотите сказать, что именно так люди и думают о Дамблдоре? Не верю, что ученики Хогвартса считают его хоббитом.

— В Хогвартсе Дамблдор всё-таки наказывает за кое-какие выпады против его власти, и потому в некоторой степени его боятся — впрочем, ученики всё равно спокойно насмеются над ним, и не только шёпотом. За пределами этого замка над Дамблдором глумятся, его начали называть безумцем, а он, как дурак, подыгрывает таким разговорам. Стоит принять роль спасителя из пьес, и люди увидят в тебе раба, которым они вправе распоряжаться, и кого они могут с наслаждением критиковать, ибо это привилегия господ — сидеть и давать ценные указания, пока рабы трудятся. Лишь у древних греков, в легендах, что сложены во времена, когда люди ещё не погрязли столь глубоко в своих заблуждениях, можно увидеть достойных героев. Гектор, Эней — эти герои сохраняли своё право на мщение тем, кто оскорблял их, они могли требовать золото и драгоценные камни в уплату за службу, и никто не думал их этим попрекать. И если бы Лорд Волдеморт завоевал Британию, он мог бы снизить и по случаю победы продемонстрировать своё благородство. Никто бы не принял его добрую волю как должное, и никто бы не посмел сказать ему слова поперёк, если бы его деяния пришлись не по вкусу. Победив, он бы завоевал истинное уважение. В тот день в Министерстве я осознал, что, завидуя Дамблдору, я был таким же глупцом, как и он. Я осознал, что с самого начала пошёл по неверному пути. Ты и сам свободно порицал Дамблдора и не смел так же свободно порицать меня. Готов поспорить, что так

было даже в твоих мыслях, ибо тут затронуты глубокие инстинкты. Ты знал, что насмешка над сильным и мстительным профессором Квирреллом может дорого тебе обойтись, а неуважение к слабому и безвредному Дамблдору сойдёт тебе с рук.

— Спасибо вам, профессор Квиррелл, — выдавил Гарри сквозь боль, — за этот ценный урок. Вы правы насчёт того, как работал мой разум.

Впрочем, вероятно, память Тома Риддла тоже имеет какое-то отношение к тому, что иногда он срывался на Дамблдора без серьёзной причины. С профессором МакГонаггалл Гарри себя так не вёл... однако, надо заметить, что та могла снять баллы с Когтеврана, и от неё не исходила такая же аура терпимости, как от Дамблдора... Нет, профессор Квиррелл всё равно прав, Гарри проявлял бы больше уважения даже в мыслях, если бы ему не казалось, что не уважать Дамблдора безопасно.

Значит, вот какими были Дэвид Монро и Лорд Волдеморт...

Но ответа на самый загадочный вопрос Гарри так и не получил, и он не был уверен, что ему следует этот вопрос задавать. Если каким-то образом Лорд Волдеморт умудрился не подумать об этом, и за девять лет раздумий профессор Квиррелл тоже об этом не подумал, то, возможно, мудрее промолчать... Хотя, быть может, и нет — агония Войны Волшебников не принесла блага Британии.

Гарри решил.

— Кое-что постоянно сбивало меня с толку. Почему Война Волшебников длилась так долго? В смысле, может, я недооцениваю сложности, с которыми столкнулся Лорд Волдеморт...

— Ты хочешь знать, почему я не подчинил Имперкусом каких-нибудь сильных волшебников, которые и сами могли подчинять Имперкусом других, не сразил самых сильных волшебников, которые могли бы устоять против моего Имперкуса, и не захватил Министерство где-то, скажем, дня за три.

Гарри молча кивнул.

Некоторое время профессор Квиррелл с задумчивым видом кусочек за кусочком бросал в котёл мелко нарезанную траву. Если Гарри помнил правильно, этот ингредиент нужно было добавить после выполнения примерно четырёх пятых рецепта.

— Услышав от Снейпа пророчество Трелони, — наконец заговорил профессор, — я принялся размышлять о прошлом и о будущем и сам задумался над этим вопросом. Если бы меня в те годы спросили, почему бы мне просто не воспользоваться Имперкусом, я бы ответил,

что, прежде чем я обращу взор на другие страны, мне нужно, чтобы все увидели, как я правлю, как я в открытую распоряжаюсь министерскими бюрократами. Я бы заметил, что быстрая и тихая победа может повлечь трудности в дальнейшем. Я бы заметил, что Дамблдор и его великолепное умение обороняться — это серьёзное препятствие. И привёл бы схожие оправдания для любого другого быстрого пути к победе. Почему-то для перехода к решающей фазе действий никогда не наступал нужный момент. Всегда находилось что-нибудь, что следует сделать раньше. Затем я услышал пророчество и понял, что момент настал, что само Время обратило на меня внимание. Понял, что медлить больше нельзя. Я оглянулся на прошлое и осознал, что я вот таким образом откладывал решающие действия уже годами. Думаю... — какие-то кусочки травы до сих пор падали с его руки, но, похоже, профессор Квиррелл не обращал на это внимание, — когда под светом звёзд я размышлял о своём прошлом, я решил, что слишком привык играть против Дамблдора. Он умён, он искренне старался быть хитрым, он не ждал, пока я ударю, а сам удивлял меня. Его странные ходы срабатывали причудливым и непредсказуемым образом. Оглядываясь назад, я понимаю, что Дамблдора можно было уничтожить множеством достаточно очевидных способов. Но, думаю, какая-то часть меня не хотела снова раскладывать пасьянс вместо игры в шахматы. Только перспектива создать ещё одного Тома Риддла, противника более достойного, чем Дамблдор, заставила меня задуматься об окончании войны. Да, теперь это звучит по-идиотски, но иногда наши эмоции глупее, чем мы готовы признать. Я ни за что бы не стал вести себя так умышленно. Это нарушало бы правила девять, шестнадцать, двадцать и двадцать два, и какое бы там удовольствие я ни получал, это было бы слишком. Но я постоянно решал, что нужно ещё кое-что сделать, нужно набрать ещё больше сил, что я просто обязан поставить ещё одну фигуру на нужное место, и только после этого я смогу оставить развлечения и перейти к гораздо более утомительному правлению Британией... Что ж, даже я не застрахован от подобных ошибок, если не понимаю, что совершаю их.

И в этот миг Гарри понял, что произойдёт в конце, когда они добудут Философский Камень.

В конце профессор Квиррелл его убьёт.

Профессор Квиррелл не хочет убивать его. Вероятно, Гарри — единственный человек в мире, против которого профессор Квиррелл не смог бы использовать Смертельное проклятие. Но по какой-то причине профессор Квиррелл считает, что должен убить Гарри.

Именно поэтому профессор Квиррелл решил, что необходимо долго варить *зелье сияния*. Именно поэтому профессор Квиррелл так легко согласился ответить на эти вопросы, наконец рассказать о своей жизни кому-то, кто в состоянии его понять. Точно таким же образом Лорд Волдеморт оттягивал конец Войны Волшебников, чтобы подольше поиграть против Дамблдора.

Гарри не мог точно вспомнить, какими словами профессор Квиррелл ранее говорил, что он не будет убивать Гарри. Ничего прямолинейного вроде «Я совершенно никоим образом не собираюсь тебя убивать, если только ты своими действиями не принудишь меня к этому, выкинув какую-нибудь глупость». Гарри и сам не хотел требовать подобного обещания и настаивать на строгих формулировках, поскольку понимал, что ему нужно будет нейтрализовать Лорда Волдеморта, и боялся, что, если они попытаются обменяться действительно обязывающими обещаниями, строгие формулировки выдадут его намерения. Так что наверняка в обещаниях профессора были лазейки.

Осознание возможной скорой гибели не вызвало серьёзного потрясения. Оно лишь напомнило, что следует поторапливаться. Какая-то часть Гарри и раньше это понимала и лишь ждала повода, чтобы представить разуму на рассмотрение. За время разговора прозвучало очень много всего, и профессор Квиррелл не стал бы рассказывать такие подробности человеку, которому отведено прожить больше, чем несколько часов. Чудовищное одиночество, о котором рассказывал профессор Квиррелл, могло объяснить, почему он решил нарушить свои правила и рассказать всё это Гарри — при условии, что Гарри скоро умрёт. А мир, вообще-то, не похож на пьесы, где злодей, раскрывший свои планы, всегда терпит неудачу при последующей попытке убить героя. Но смерть Гарри определённо присутствует где-то в будущих планах профессора.

Гарри сглотнул и попытался успокоить дыхание. Профессор Квиррелл только что добавил в *зелье сияния* несколько волосков из лошадиной гривы, и, если Гарри не изменяла память, это означало, что зелье почти готово. К тому же в куче осталось уже не так много колокольчиков.

Вероятно, с учётом сложившихся обстоятельств, стоило прекратить так уж сильно беспокоиться о риске и вести разговор более активно.

— Если я укажу на одну из ошибок Лорда Волдеморта, накажет ли он меня за это?

Профессор Квиррелл приподнял брови.

— Нет, если ошибка действительно была. Я бы не советовал читать мне морали. Но я не казню ни носителя дурных вестей, ни подчинённого, который искренне пытается указать на проблему. Даже в роли Лорда Волдеморта я был не в состоянии опуститься до подобной тупости. Конечно, встречались глупцы, которые принимали моё поведение за слабость и пытались самоутвердиться, принижая меня своими публичными наставлениями. Они считали свои поучения критикой, которую я обязан терпеть, — профессор Квиррелл улыбнулся своим воспоминаниям. — Пожиратели Смерти становились только лучше без таких умников, и я не советую тебе повторять подобную ошибку.

Гарри кивнул, холодок пробежал по его спине.

— Э-э, когда вы рассказали мне о том, что произошло в Годриковой лощине в ночь на Хэллоуин, я имею в виду, в 1981 году, гм... Я понял, что в ваших рассуждениях есть ещё один пробел. Вы могли избежать провала. Но, м-м, мне кажется, что у вас есть «слепое пятно», один класс стратегий вы просто не рассматриваете, даже не замечаете их впоследствии...

— Надеюсь, ты не собираешься сказать какую-нибудь глупость, вроде «попробуйте не убивать людей», — сказал профессор Квиррелл. — В этом случае я несколько огорчусь.

— *С-сис-стема ценнос-стей не при чём. Ес-сть нас-стоящ-щая ош-шибка в контекс-сте ваш-ших замыс-слов. Вы накажете меня, ес-сли я с-сыграю роль учителя и дам вам урок? Или ес-сли ош-шибка прос-стая и очевидная и вы почувс-твуете с-себя глупо?*

— Нет, — прошипел профессор Квиррелл. — *Нет, ес-сли урок с-стоящ-щий.*

Гарри глотнул.

— Э-э. Почему вы не проверили вашу систему крестражей до того, как она вам реально потребовалась?

— Проверил? — возмущённым тоном переспросил профессор Квиррелл. Он оторвал взгляд от готовящегося зелья. — В каком смысле, «проверил»?

— Почему вы не проверили, что ваша система крестражей работает правильно, до того, как она вам понадобилась на Хэллоуин?

Профессор Квиррелл сказал с отвращением:

— Это абсурд... Я не хотел умирать, мистер Поттер, а это был единственный способ проверить моё великое творение! Какой смысл мне было рисковать своей жизнью раньше срока? Чем бы мне это помогло?

Гарри глотнул появившийся в горле ком:

— *С-сущ-ществовал с-спос-соб проверить заклинание Крестража, не умирая.* Это важный урок. Теперь вы понимаете?

— Нет, — помолчав, ответил профессор Квиррелл.

Он аккуратно растёр один из оставшихся цветков колокольчика с прядью длинных светлых волос и затем бросил в зелье, которое сейчас радостно бурлило. На столе осталось лишь два колокольчика.

— И я надеюсь, что в твоём уроке есть смысл, ради твоего же блага.

— Предположим, профессор, я выучил улучшенное заклинание Крестража и хочу его использовать. Как я поступлю?

Профессор Квиррелл немедленно ответил:

— Ты найдёшь кого-нибудь, чей моральный облик вызывает у тебя отвращение и чья смерть, как ты сможешь себя убедить, спасёт чужие жизни, и убьёшь его, чтобы создать крестраж.

— А затем?

— Сделаешь ещё крестражи, — ответил профессор Защиты.

Он поднял со стола банку с чем-то похожим на чешую дракона.

— До этого, — сказал Гарри.

Немного погодя, профессор Защиты потрянул головой.

— Я всё равно не понимаю. Прекращай эту игру и скажи.

— Я бы создал крестражи для моих друзей. Если бы в целом мире был хотя бы один человек, о котором вы бы по настоящему заботились, хотя бы один человек, который придавал бы смысл вашему бессмертию, кто-то, с кем бы вы хотели прожить вместе вечно... — Гарри закашлялся. — В этом случае... В этом случае идея создать крестраж для кого-то ещё не оказалась бы для вас настолько контринтуитивной, — Гарри часто заморгал. — Вы не замечаете стратегий, в которых нужно делать добро для других, не замечаете настолько, что это мешает вам достигать ваших собственных эгоистичных целей. Вы думаете... что это не в вашем стиле. И эта... часть вашего представления о себе... стоила вам девяти лет.

Профессор Защиты с помощью пипетки добавлял по капле масло мяты в котёл.

— Да... — произнёс он медленно. — Я понял. Мне следовало обучить Рабастана улучшенному ритуалу крестража и заставить его проверить моё изобретение. Да, теперь я понимаю, что это совершенно очевидно. Если уж на то пошло, я мог бы приказать Рабастану попробовать записать свою личность в какого-нибудь младенца и посмотреть, что получится. И только потом отправиться в Годрикову Лошину создавать тебя, — профессор Квиррелл изумлённо покачал

головой. — Что ж. Я рад, что понял это только сейчас, а не десять лет назад. У меня и так было достаточно причин, чтобы корить себя.

— Вы не замечаете хороших способов делать то, что хотите сделать, — Гарри почувствовал, что почти кричит от отчаяния. — Даже если добрая стратегия более эффективна, вы её не видите, потому что вы считаете, что вы не можете быть хорошим!

— Справедливое наблюдение, — сказал профессор Квиррелл. — Более того, теперь, когда ты мне на это указал, я сразу же придумал несколько хороших вещей, которые я могу сделать прямо сегодня для достижения своих целей.

Гарри уставился на него.

Профессор Квиррелл улыбался:

— Вы преподали мне хороший урок, мистер Поттер. Отныне и до тех пор, пока я не освою этот приём, я собираюсь прилежно отслеживать хитрые стратегии, которые включают совершение добрых поступков в отношении других людей. Возможно, пойду и попрактикуюсь в добрых делах, пока мой разум не свыкнется с этим.

По спине Гарри пробежал холодок.

Судя по всему, профессор Квиррелл сказал это без малейшего колебания.

Лорд Волдеморт был абсолютно уверен, что ничто и никогда не сможет его исправить. И это его совершенно не пугало.

Предпоследний цветок колокольчика медленно погрузился в зелье.

— Есть ли у тебя ещё ценные уроки для Лорда Волдеморта, мальчик? — спросил профессор Квиррелл.

Он поднял взгляд от зелья и улыбнулся, словно знал в точности, о чём Гарри думает.

— Да, — голос Гарри почти дрогнул. — Если ваша цель — обрести счастье, то, совершая добрые дела для других, вы получите больше удовольствия, чем совершая их для себя...

— Ты в самом деле решил, что я никогда об этом не задумывался? — улыбка исчезла с лица профессора. — Ты думаешь, я дурак? Закончив Хогвартс, я странствовал по миру многие годы, прежде чем вернулся в Британию уже Лордом Волдемортом. Я сыграл столько ролей, что мне наскучило их считать. Ты думаешь, я никогда не пробовал сыграть героя, просто чтобы почувствовать, что это такое? Ты не слышал имени Александра Чернышова? Под этим именем я отыскал безнадёжную дыру, где правил один Тёмный волшебник, и освободил её несчастных обитателей от оков. Они рыдали от благодарности. Я ничего особенного не почувствовал.

Я остался там и убил следующих пятерых Тёмных волшебников, которые пытались захватить это место. Я тратил свои собственные галлеоны — ну, не мои собственные галлеоны, но в данном случае это не важно — чтобы облагородить их маленькую страну и привнести туда какое-то подобие порядка. Они ещё больше пресмыкались предо мной и называли каждого третьего младенца Александром. Я всё равно ничего не чувствовал. Поэтому я мысленно кивнул, отметил, что честно попробовал побыть героем, и пошёл своей дорогой.

— Неужели вы были счастливы в роли Лорда Волдеморта? — голос Гарри едва не срывался на крик.

Профессор Квиррелл помедлил, затем пожал плечами.

— Как я понимаю, ты и так знаешь ответ.

— Тогда зачем?! Зачем быть Волдемортом, если это всё равно не приносит вам счастья?! — голос Гарри сорвался. — Я — это вы, я создан на вашей основе, и я точно знаю, что профессор Квиррелл — это не просто маска! Я точно знаю, что он — это тот, кем вы могли бы быть! Почему бы вам им не остаться? Снимите своё проклятье с должности профессора Защиты и просто оставайтесь здесь! Воспользуйтесь Философским Камнем, чтобы принять облик Дэвида Монро, и отпустите на свободу настоящего Квирина Квиррелла. Если вы скажете, что не будете больше убивать людей, я поклянусь не говорить никому, кто вы на самом деле, просто будьте профессором Квирреллом всегда! Ваши ученики будут ценить вас, как ученики моего отца ценят его...

Профессор Квиррелл усмехнулся, продолжая помешивать зелье.

— Мальчик, в магической Британии живут примерно пятнадцать тысяч волшебников. Когда-то их было больше. Они боятся называть моё имя, и у них есть на это причины. Ты простишь меня, потому что тебе понравились мои уроки Боевой магии?

Поддерживаю, — заявил внутренний пуффендуец. — Действительно, что за бред?

Гарри весь дрожал, но по-прежнему не сводил глаз с профессора.

— Не мне прощать вас за всё то, что вы сделали. Но это лучше ещё одной войны.

— Ха, — ответил профессор Защиты. — Если тебе удастся найти Маховик Времени, который отправляет назад на сорок лет и может менять историю, позаботься сказать это Дамблдору до того, как он откажет Тому Риддлу в должности профессора Защиты. Но увы, боюсь, профессор Риддл был бы недолго счастлив в Хогвартсе.

— Но почему?!

— Потому что меня всё равно бы окружали идиоты, а я не мог бы их убивать, — спокойно ответил профессор Квиррелл. — Убивать идиотов — одна из главных радостей в моей жизни, и я бы предпочёл, чтобы ты не отзывался об этом занятии дурно, пока сам не попробуешь.

— Наверняка есть хоть какое-нибудь занятие, которое принесло бы вам больше счастья, — голос Гарри опять сорвался. — Обязано быть.

— Почему? — спросил профессор Квиррелл. — Это какой-то научный закон, с которым я пока не сталкивался? Поведай мне о нём.

Гарри открыл рот, но не смог подобрать слов. Должно быть что-то, просто обязано, и ему нужно просто найти правильные слова...

— И ты тоже, — продолжил профессор Квиррелл, — не имеешь права говорить о счастье. Ты и сам не ставишь счастье выше всего на свете. Ты с этим определился в начале, в самом начале этого года, когда Распределяющая шляпа предложила тебе Пуффендуй. Мне она предлагала то же самое, и я отказался, так же, как и ты. Я — Том Риддл, и ты — Том Риддл, к чему лишние слова?

Профессор Защиты опять повернулся к котлу.

Гарри не успел придумать, что ответить. Профессор Квиррелл уронил в котёл последний колокольчик, и оттуда вырвалась стайка светящихся пузырьков.

— Полагаю, здесь мы закончили, — сказал профессор Защиты. — Если у тебя есть ещё вопросы, с ними придётся подождать.

Гарри неловко встал на ноги. Профессор Квиррелл поднял котёл и вылил на фиолетовый огонь у двери удивительно огромное количество сияющей жидкости — больше, чем могло бы поместиться в дюжине таких котлов.

Фиолетовый огонь потух.

— А теперь — к Зеркалу, — объявил Профессор. Он достал Мантию невидимости и пролевитировал её к ногам Гарри.

Отражения

«**Д**аже величайший артефакт можно победить с помощью более слабого, но специализированного». Эти слова произнёс профессор Защиты после того, как Истинная мантия невидимости чёрными складками растеклась у ног Гарри.

«Зеркало Идеального Отражения имеет власть над всем, что оно отражает, и власть эта, как утверждается, непреодолима. Но поскольку Истинная мантия невидимости создаёт идеальное отсутствие изображения, с её помощью можно обойти способности зеркала, не бросая им вызов напрямую».

Затем последовал ряд вопросов на парселтанге с целью удостовериться, что Гарри в настоящий момент не намеревается выкинуть какую-нибудь глупость или сбежать, а также дополнительные напоминания, что профессор Квиррелл в состоянии чувствовать его присутствие, знает заклинания, позволяющие обнаружить Мантию, и держит в заложниках сотни учеников плюс Гермiony.

После этого профессор приказал Гарри надеть Мантию, открыть дверь, которую ранее охранял фиолетовый огонь, и пройти в комнату за ней. Сам профессор остался на приличном расстоянии от двери, чтобы его не было видно через проём.

Стены последней комнаты были облицованы белым мрамором, и их освещал мягкий золотой свет.

В центре комнаты стояла простая, без каких-либо украшений, золотая рама, и в этой раме был проход в ещё одну освещённую золотым светом комнату, где была дверь в ещё одну комнату зелий — во всяком случае, именно так говорил Гарри его мозг. Зеркало преобразовывало свет настолько идеально, что требовалось сознательное усилие, чтобы понять, что комната за золотой рамой — лишь отражение. (Впрочем, возможно, это было бы легче понимать, не будь Гарри невидимым.)

Зеркало не касалось пола, у золотой рамы не было ножек. Оно не выглядело парящим, казалось, оно будто зафиксировано на этом месте, более прочно и более неподвижно, чем сами стены. Словно Зеркало было прибито к системе отсчёта, связанной с Землёй.

— Зеркало там? Оно движется? — донёсся властный голос профессора Квиррелла из комнаты зелий.

— *Зеркало здесь-сь*, — прошипел в ответ Гарри. — *Не движется-ся*.

Послышался новый приказ:

— Обойди Зеркало и встань позади него.

Сзади золотая рама выглядела сплошной, отражений не показывала, о чём Гарри и сообщил на парселтанге.

— Теперь сними Мантию, — скомандовал профессор Квиррелл — по-прежнему из комнаты зелий. — Сразу же доложи, если Зеркало повернётся к тебе.

Гарри снял Мантию.

Зеркало осталось прибитым к системе отсчёта, связанной с Землёй, и Гарри доложил об этом.

Вскоре послышались свист и шипение, и феникс Адского огня проплавил дыру в мраморной стене позади Гарри. Свет в комнате сразу же приобрёл красноватый оттенок. За фениксом из свежепроделанного коридора вышел профессор Квиррелл. Его строгие чёрные туфли ничуть не пострадали от ходьбы по раскалённой до красна поверхности.

— Что ж, — сказал профессор, — одной потенциальной ловушкой меньше. А теперь... — он вздохнул. — Теперь мы подумаем, какими способами мы можем достать Камень из Зеркала, а ты попытаешься эти способы реализовать — ибо я предпочёл бы не отражаться в Зеркале. Честно предупреждаю, эта часть может оказаться утомительной.

— Я так понимаю, что Адским огнём эту задачу не решить?

— Ха, — воскликнул профессор Квиррелл и взмахнул рукой.

Зловещий феникс метнулся вперёд, по оставшимся мраморным стенам пробежали извивающиеся тени от красного света. Гарри инстинктивно отпрянул.

Алый ужас промчался мимо профессора Квиррелла, врезался в золотую заднюю поверхность Зеркала и в тот же миг исчез.

Огня не стало, к свету в комнате больше не примешивался алый оттенок.

На золотой поверхности не осталось ни царапины. Рама не светила, поглощённым теплом. Зеркало просто осталось на месте — совершенно невредимое.

По спине у Гарри побежали мурашки. Если бы он играл в «Подземелья и драконов» и ведущий сообщил бы ему о таком результате, Гарри предположил бы, что столкнулся с иллюзией, и сделал бы спасбросок на недоверие.

В центре задней поверхности зеркала появилась последовательность рун неизвестного алфавита. Чёрное отсутствие света в некоторых участках поверхности создавало ровный горизонтальный ряд маленьких линий и кривых. Гарри пришла в голову мысль, что Адский огонь уничтожил какую-то небольшую скрывающую иллюзию, какое-то слабое заклинание, которое добавили, чтобы дети не видели эти буквы...

— Сколько лет этому Зеркалу? — спросил Гарри, понизив голос почти до шёпота.

— Никто не знает, мистер Поттер, — на лице профессора Защиты появилось что-то похожее на почтение, он потянулся рукой к рунам, но так и не коснулся пальцами золота. — Думаю, мои догадки здесь мало чем отличаются от ваших. Некоторые легенды, которые могут быть, а могут не быть выдумкой, гласят, что Зеркало идеально отражает само себя, и потому его существование абсолютно устойчиво. Настолько устойчиво, что Зеркало осталось невредимым, когда всё остальное, сотворённое Атлантами, исчезло, когда все последствия их деяний оказались вычеркнуты из Времени. Теперь вы понимаете, почему меня повеселило предложение использовать Адский огонь.

Профессор Квиррелл опустил руку.

Даже после всего пережитого за сегодня, Гарри почувствовал благоговение, если сказанное было правдой. После всех откровений золотая рама блестела не ярче, чем раньше, но можно было вообразить, как она уходит в глубину веков, к цивилизации, которая оказалась стёрта из реальности...

— Что... что именно делает Зеркало?

— Прекрасный вопрос, — ответил профессор Квиррелл. — Ответ заключён в рунах, написанных на золотой раме. Прочти их мне.

— Мне этот алфавит не знаком. Руны выглядят так, словно их случайным образом куриной лапой нацарапали толкиновские эльфы.

— Всё равно прочти. *Не опасно.*

— Руны гласят: «яинелмер тсейннавора илопарт скэ еынна восалгос а оцил ёовтен юавы закопя»*, — Гарри почувствовал, как по спине опять побежали мурашки.

Он понял, что на самом деле означает руна «яинелмер». Она означала яинелмер. А дальше руны говорили, что с яинелмер нужно делать тсейннавора, пока оно не станет илопарт, а затем взять часть, которая одновременно скэ и еынна. Гарри словно всё это знал, словно мог с обоснованной уверенностью ответить «да», если бы кто-то спросил его, можно ли про юавы сказать восалгос или

оцил. Но затем Гарри попробовал связать эти понятия с какими-нибудь другими и потерпел неудачу.

— *Мальчик, ты понимаешь с-смысл этих с-слов?*

— *Кажется, нет.*

Профессор Квиррелл слегка вздохнул, не сводя глаз с золотой рамы.

— Мне было интересно, может ли изучавший магловскую науку постичь смысл Слов Ложного Понимания. Судя по всему, нет.

— Возможно... — начал Гарри.

Когтевранец, ты серьёзно? — спросил внутренний слизеринец. — *Что, вот прямо сейчас?*

— Возможно, если я узнаю о Зеркале больше, я смогу ещё раз попробовать понять эти слова, — заявила когтевранская сторона Гарри, взявшая управление на себя.

Края губ профессора Квиррелла дёрнулись вверх.

— Как и в случае большинства других древних предметов, исследователи понаписали о Зеркале достаточно лжи, и теперь сложно о нём что-то сказать с уверенностью. Зеркало точно существовало ещё при Мерлине, ибо известно, что Мерлин его использовал. Также известно, что Мерлин оставил после себя письменные инструкции не прятать Зеркало, несмотря на то, что подобные силы при других обстоятельствах могли бы вызвать обоснованное беспокойство. Мерлин писал, что легче уничтожить мир куском сыра, чем Зеркалом, учитывая, сколько сил приложили его создатели, чтобы Зеркало не уничтожило мир.

Это утверждение показалось Гарри не слишком обнадеживающим.

— Знаменитые волшебники, чей скептицизм был известен и чьи слова в других случаях оказывались достоверны, свидетельствовали ещё о нескольких фактах, касающихся Зеркала. Самая примечательная способность Зеркала — создавать иные реальности, впрочем, размеры этих реальностей не превышают размера пространства, видимого через Зеркало. Известно, что в эти реальности можно помещать людей и другие объекты. Некоторые авторитеты уверяли, что из всего, созданного магией, лишь Зеркало обладает истинной моральной ориентацией. Однако, я не слишком понимаю, что это может означать на практике. Я понимаю, что моралисты назовут проклятье Круциатус «злом», а чары Патронуса — «добром», но мне не приходит в голову, какие ориентиры моралист может назвать более истинными. Впрочем, к примеру, утверждается, что фениксы приходят в наш мир из реальности, которая возникает внутри этого Зеркала.

Гарри не сводил глаз с золотой рамы Зеркала, и в его голове не слишком связно всплывали слова вроде «охранять» и прочие другие, которые его родители считали неподобающими.

— Я странствовал по свету и узнал много историй, которые мало кто слышал, — продолжал профессор Защиты. — Почти все они казались мне выдумками, но некоторые, похоже, имели отношение к реальности. В одном месте, где нога человека не ступала уже несколько веков, на металлической стене я обнаружил надпись о том, что несколько жителей Атлантиды предвидели конец их мира и попытались создать артефакт великой силы, чтобы предотвратить неминуемую катастрофу. Записи на стене гласили, что, если бы их труды увенчались успехом, реальность стала бы совершенно устойчивой и могла бы выдержать даже передачу неограниченной магии, способной исполнять желания. И при этом — что, как утверждается, намного сложнее — артефакт каким-то образом предотвращал бы неминуемые катастрофы, которые, как ожидал бы любой вменяемый человек, последовали бы, если такая магия стала бы доступна. Меня это заинтересовало, поскольку история, записанная на тех металлических плитах, утверждала, что вся остальная Атлантида проигнорировала этот проект и просто жила своей жизнью. Иногда создателей артефакта хвалили за их благородный труд, но практически все остальные обитатели Атлантиды считали, что у них есть дела поважнее, чем помогать создателям артефакта. Даже аристократия Атлантиды не обращала внимания на то, что кто-то иной может обрести безграничные силы, хотя человек, менее искушённый в цинизме, мог бы посчитать, что уж это привлечёт их внимание. Творцов артефакта мало кто поддерживал, и, хотя условия их работы нельзя назвать чересчур тяжёлыми, им приходилось терпеть бессмысленные неудобства. В итоге время вышло, Атлантида оказалась уничтожена, и работу над артефактом закончить не успели. Я в этой истории вижу некоторые подробности, с которыми знаком по своему опыту, но которые редко встречаются в обычных сказках, — губы профессора изогнулись в улыбке. — Впрочем, возможно, лишь из-за собственных вкусов я выделяю эту легенду среди сотен других. Однако, здесь видна отсылка к утверждению Мерлина, что творцы Зеркала создавали его таким, чтобы оно не уничтожило мир. Для наших же целей более важно, что легенда может объяснять, откуда у Зеркала появилась ранее неизвестная способность, которую, судя по всему, активировали Дамблдор или Перенель: показывать вставшему перед Зеркалом иллюзию мира, где выполнилось одно из его

желаний. Это вполне разумная предосторожность, которую логично встроить в устройство, выполняющее желания, чтобы его работа не привела к чему-то ужасному.

— Ух-ты, — прошептал Гарри, причём совершенно всерьёз. Перед ним была Магия с большой буквы «М». Магия, подобная волшебству из книги «Как стать волшебником»*, а не просто собрание случайных нарушающих физику трюков, которые можно проделать палочкой.

Профессор Квиррелл указал на золотую раму.

— Последнее свойство зеркала, признаваемое почти всеми легендами, заключается в том, что, какими бы неизвестными способами Зеркалом ни управляли — о Ключе к нему нет достоверных сведений — нельзя приказывать Зеркалу реагировать на конкретных людей. То есть, Перенель не может приказывать Зеркалу: «Отдай Камень только Перенель». Дамблдор не может заявить: «Отдай Камень лишь тому, кто желает отдать его Николасу Фламелью». Зеркалу присуща слепота, которую философы приписывают идеальному правосудию — оно реагирует на всех, кто является перед ним, по одному и тому же правилу, независимо от того, что это за правило. Таким образом, обязано существовать правило, позволяющее получить доступ к реальности, где спрятан Камень, и любой может им воспользоваться. Теперь ты понимаешь, почему именно ты, именуемый Мальчиком-Который-Выжил, будешь воплощать идеи, которые мы с тобой придумаем. Ибо сказано, что Зеркало обладает моральной ориентацией, и приказы, которое оно получило, возможно, с ней связаны. Я прекрасно осведомлён, что, согласно общепринятой терминологии, тебя назовут «добрым», а меня — «злым», — профессор Квиррелл довольно мрачно улыбнулся. — Поэтому в качестве нашей первой попытки — хотя, будь уверен, не последней — мы посмотрим, как поступит Зеркало, если ты попробуешь получить Камень для того, чтобы спасти жизни Гермионы Грейнджер и сотен твоих товарищей.

— А самый первый вариант этого плана, — сказал Гарри, который наконец начал понимать, — вы придумали в пятницу моей первой недели в Хогвартсе, и он предполагал, что Камень достанет золотое дитя Дамблдора, Мальчик-Который-Выжил, бескорыстно и благородно пытаясь спасти жизнь своего умирающего учителя, профессора Квиррелла.

— Конечно, — ответил профессор Квиррелл.

Гарри подумал, что в этой идее было что-то поэтичное, но обстоятельства сегодняшнего дня несколько мешали восхищаться изяществом этого плана.

Тут Гарри пришла в голову другая мысль.

— Гм, — сказал Гарри. — Вы думаете, Зеркало — ловушка для вас...

— Совершенно немислимо, чтобы Дамблдор не предусмотрел здесь ловушку.

— В смысле, это ловушка на Лорда Волдеморта. Но это не может быть ловушка на него лично. Должно быть какое-то правило, которое лежит в её основе, ловушка срабатывает в ответ на некоторое обобщённое качество, присущее Лорду Волдеморту.

Гарри, непроизвольно нахмурившись, уставился на золотую раму.

— Именно так, — ответил профессор Квиррелл и тоже нахмурился.

— Дело в том, что в самый первый четверг этого учебного года сумасшедший директор Дамблдор, который только что на моих глазах сжёг курицу, заявил мне, что у меня нет никаких шансов попасть в его запретный коридор, поскольку я не знаю заклинания *Алохомора*.

— Понятно, — протянул профессор Квиррелл. — Ну надо же. Хотел бы я, чтобы ты упомянул об этом немного пораньше.

Никому из них не потребовалось произносить вслух очевидную мысль, что этот образчик дважды реверсивной психологии с успехом привёл к тому, что Гарри держался от запретного коридора Дамблдора как можно дальше.

Гарри продолжал размышлять:

— Как вы думаете, Дамблдор подозревает, что я, в его терминах, крестраж Лорда Волдеморта, или, по крайней мере, некоторые аспекты моей личности скопированы с Лорда Волдеморта?

Гарри понял, что вопрос глупый, ещё не успев договорить эту фразу. Он видел столько очевиднейших свидетельств...

— Дамблдор совершенно точно не мог этого не заметить, — заявил профессор Квиррелл. — Это довольно очевидно. Что ещё он мог подумать? Что ты актёр из пьесы, автор которой — идиот и никогда не встречал настоящих одиннадцатилетних детей? Надо быть полным дебилом, чтобы поверить... а, неважно.

Они вдвоём смотрели на Зеркало и молчали.

Наконец профессор Квиррелл вздохнул.

— Боюсь, я перехитрил самого себя. Ни ты, ни я не осмелимся отразиться в Зеркале. Видимо, мне следует приказать профессору Спраут вернуть стёртую мной память мистеру Нотту и мисс Гринграсс... Видишь ли, ещё одна большая сложность, связанная с Зеркалом, заключается в том, что правило, согласно которому оно рассматривает отражённые желания, игнорирует внешние воздействия, такие как заклинания

Ложной памяти или Конфундус. Зеркало отражает лишь стремления, берущие начало в самом человеке. Для него важно состояние разума, к которому человек пришёл в результате собственного выбора — это известно из нескольких источников. Именно поэтому я скормил мистеру Нотту и мисс Гринграсс разные истории о том, почему необходимо достать Камень, и тем самым подготовил их к появлению перед Зеркалом, — профессор Квиррелл потёр переносицу. — Я придумал подобные истории и для других учеников, чтобы по моему сигналу они тоже были готовы предстать перед Зеркалом с нужными мыслями... но, чем ближе становился сегодняшний день, тем сомнительней мне казалась эта идея. Впрочем, если мы не придумаем ничего лучше, имеет смысл попробовать варианты с Ноттом и Гринграсс. Однако, не исключено, что Дамблдор создавал эту головоломку специально, чтобы противостоять хитрости Волдеморта. И он мог в этом преуспеть. Если ты придумаешь альтернативный план, который я сочту достаточно хорошим, чтобы попробовать, *я обещаю не причинять вреда той пеш-шке, что вс-станет перед Зеркалом, ни с-сейчас, ни в буду-щем, и я с-считаю, что не наруш-шу это обеща-ние*. И я снова напоминаю тебе о том, что моя неудача не спасёт заложников: мисс Грейнджер и всех остальных.

И опять старший Том Риддл и младший молча смотрели на Зеркало.

— Подозреваю, профессор, — через некоторое время заговорил Гарри, — что все ваши гипотезы, основанные на том, что кто-то захочет достать Камень ради благой и честной цели, — ошибочны. Директор не поставил бы такое условие.

— Почему?

— Потому что директор знает, как легко поверить, что ты поступаешь правильно, даже если это не так. Об этом он бы подумал в первую очередь.

— *Я ус-слыш-шал ис-тину или ложь?*

— *Был чес-стен*, — прошипел в ответ Гарри.

Профессор Квиррелл кивнул.

— Тогда это ценное замечание.

— Я не слишком понимаю, почему вы считаете, что эту задачу вообще можно решить, — продолжил Гарри. — Достаточно поставить условие, скажем, левая рука должна держать маленькую синюю пирамидку и две большие красные пирамидки*, а правая рука должна втирать майонез в хомяка...

— Нет, — сказал профессор Квиррелл. — Нет, вряд ли. Из легенд неясно, какие правила можно задать, но, по-моему, пра-

вило должно быть связано с изначальным предназначением Зеркала — оно должно иметь какое-то отношение к глубинным желаниям и стремлениям, возникающим у человека. Втирание майонеза в хлеба к таковым не относится, во всяком случае, для подавляющего большинства людей.

— Хех, — отозвался Гарри. — Может, правило в том, что человек вообще не должен хотеть воспользоваться Камнем... Нет, это слишком просто, это решается с помощью истории, которую вы дали мистеру Нотту.

— В некоторых вопросах, возможно, вы понимаете Дамблдора лучше меня, — сказал профессор Квиррелл. — Поэтому я спрошу вас: как Дамблдор использовал бы свою идею о принятии смерти, чтобы охранять Камень? Ибо, по его мнению, этого я не понимаю больше всего, и здесь он недалёк от истины.

Гарри задумался. Он рассмотрел несколько идей и отбросил их. И тут ему в голову пришла ещё одна. Сначала Гарри хотел её утаить... но потом представил будущий разговор, во время которого профессор Квиррелл спросит на парселтанге, не придумал ли он что-нибудь.

— Считает ли Дамблдор, что с помощью Зеркала можно достигнуть загробного мира? Мог ли он положить Камень в то, что по его мнению, является загробным миром, чтобы Камень мог достать только тот, кто верит в загробную жизнь?

Профессор Квиррелл хмыкнул.

— Вероятно... да, звучит вполне правдоподобно. Используя способность зеркала показывать людям их самые глубокие желания... Альбус Дамблдор увидел бы себя вместе со своей семьёй. Он увидел бы, как воссоединился с ними после смерти, ведь он хочет умереть сам, а не оживить их. Его брат Аберфорт, сестра Ариана, родители Кендра и Персиваль... думаю, Дамблдор отдал бы Камень именно Аберфорту. Распознало ли бы Зеркало, что Камень отдан именно Аберфорту? Или подойдёт любой покойный родственник человека, если этот человек верит, что дух его родственника вернёт ему Камень? — профессор Квиррелл вышагивал по небольшому кругу, стараясь держаться подальше от Гарри и от Зеркала. — Но это только одна идея. Давайте придумаем ещё.

Гарри начал постукивать себя по щеке пальцем, затем резко отдернул руку, осознав, у кого он позаимствовал этот жест.

— Что если Камень в Зеркало положила Перенель? Может быть, она приказала Зеркалу отдать Камень только тому, кто его туда положил изначально?

— Перенель знает пределы собственных способностей, потому-то она и прожила так долго, — ответил профессор Квиррелл. — Она не переоценивает свой интеллект, гордясь ей не свойственно, иначе она лишилась бы Камня давным-давно. Перенель не станет придумывать хорошее правило для Зеркала самостоятельно, ведь мастер Фламель может оставить это дело в руках мудрого Дамблдора... Впрочем, правило «вернуть Камень только тому, кто помнит, как его положил в Зеркало» подошло бы и в случае, когда сам Дамблдор поместил туда Камень. Такое правило было бы сложно обойти, поскольку я не могу просто заставить Конфундусом кого-то поверить, что он поместил Камень в Зеркало... Мне бы пришлось создать фальшивый Камень, фальшивое Зеркало и организовать представление... — На этих словах профессор Квиррелл нахмурился. — Но Дамблдор вполне в состоянии вообразить, что при наличии времени Волдеморт способен это устроить. Если это вообще возможно, Дамблдор сделал бы ключом к Зеркалу такое состояние ума, которое, по его мнению, я не смогу вызвать у пешки... или правило, которое, по мнению Дамблдора, Волдеморт никогда не поймёт, например, правило, включающее принятие собственной смерти. Именно поэтому я счёл твою предыдущую идею правдоподобной.

Тут Гарри пришла в голову ещё одна идея.

Он засомневался, что это хорошая идея.

...впрочем, нельзя сказать, что у него был большой выбор.

— *Arguendo**, — сказал Гарри. — Мы не можем с уверенностью сказать, что необходимо, чтобы достать Камень. Но достаточное условие обязано включать Альбуса Дамблдора, и, быть может, кого-то ещё, в таком состоянии разума, когда они верят, что Тёмный Лорд побеждён, угроза исчезла и настало время забрать Камень и вернуть его Николасу Фламелью. Что-то в таком состоянии разума этого человека — скажем, Дамблдора, — необходимо, чтобы получить Камень, и, по мнению Дамблдора, Лорд Волдеморт не способен понять или скопировать это «что-то». Мы не можем точно определить, что именно. Но всего разума Дамблдора в упомянутом состоянии должно быть достаточно.

— Разумно, — сказал профессор Квиррелл. — И что?

— Таким образом, подойдёт следующая стратегия, — осторожно произнёс Гарри. — Стоя перед Зеркалом, изобразить подобное состояние разума Дамблдора со всеми возможными подробностями. И это состояние разума должно быть вызвано внутренними силами, а не внешними.

— Но как мы это сделаем без легилименции или заклинания Конфундус, ведь и то, и другое внешнее.... ха. Я понял, — льдистобледные глаза профессора, казалось, пронзили Гарри насквозь. — Ты предлагаешь, чтобы я использовал Конфундус против себя самого, как ты ударил себя проклятием во время своего первого урока Боевой магии. Таким образом, это будет внутреннее воздействие, а не внешнее, моё состояние ума окажется следствием моего собственного выбора. Скажи мне, мальчик, ты сделал это предложение с умыслом загнать меня в ловушку? Скажи на парселтанге.

— Ты попросил мой разум изобрести стратегию, и, возможно, такой умысел на него повлиял, как знать? Осознавал, что ты отнесёшься с подозрением, задашь этот самый вопрос. Решить тебе, учитель. Может ли это быть ловушкой для тебя, мне ведомо не больше, чем тебе. Не называй это предательством, если ты решишь и проиграешь.

У Гарри появилось сильное искушение улыбнуться, но он подавил его.

— Очаровательно, — профессор Квиррелл, наоборот, улыбнулся. — Судя по всему, некоторые опасности, исходящие от изобретательного ума, нельзя нейтрализовать даже допросом на парселтанге.

* * *

По приказу профессора Квиррелла Гарри надел Мантию невидимости. Как сказал профессор на парселтанге: «*чтобы считающий себя зрителем школы не увидел тебя*».

— С Мантией или без, ты будешь в поле действия Зеркала, — добавил профессор Квиррелл. — Если из него польётся лава, ты тоже сгоришь. Мне кажется, что такая симметрия будет уместна.

Профессор Квиррелл указал на точку перед Зеркалом, но на некотором расстоянии от него, справа от двери, через которую Гарри вошёл в комнату. Гарри не спорил. Он всё больше и больше сомневался, так ли уж плохо будет, если оба Риддла погибнут, пусть и вместе с сотнями учеников-заложников. Несмотря на все свои добрые намерения, Гарри пока демонстрировал, в основном, лишь идиотизм, а вернувшийся Лорд Волдеморт был угрозой всему миру.

(Впрочем, в любом случае, Гарри не верил, что Дамблдор воспользуется лавой. Наверняка он достаточно зол на Волдеморта, чтобы отбросить обычную сдержанность, но лава не остановит навеки сущность, которая, по мнению Дамблдора, является лишённой тела душой.)

Затем профессор Квиррелл направил палочку на пол рядом с Гарри, и вокруг того появился мерцающий круг. Профессор сказал, что этот круг вскоре превратится в Великий Скрывающий Круг, который не позволит кому-либо извне увидеть или услышать того, кто находится внутри. Даже если Гарри снимет свою Мантию или закричит, мнимый Дамблдор его не заметит.

— Ты *не будешь* выходить из этого круга, пока он активен, — заявил профессор Квиррелл. — Это вызовет взаимодействие с моей магией, а под заклинанием Конфундус я могу не вспомнить, как справиться с резонансом, который уничтожит нас обоих. Более того, поскольку я не хочу, чтобы ты бросался ботинками... — профессор Квиррелл ещё раз шевельнул палочкой и внутри, почти касаясь границ Великого Скрывающего Круга, появилась мерцающая полусфера, накрывшая Гарри. — *Этот барьер взорвётся, ес-ли его кос-нёш-шьс-ся ты или какой-нибудь материальный предмет.* Возможно, после этого по мне ударит резонанс, но ты тоже умрёшь. Теперь скажи мне на парселтанге, что ты не собираешься выходить из круга, снимать свою Мантию и вообще не собираешься выкинуть что-нибудь импульсивное или идиотское. Скажи, что ты будешь тихо ждать в круге под Мантией, пока всё не кончится.

Гарри повторил слова обещания.

Мантия профессора Квиррелла превратилась в чёрную с золотом — такую мантию Дамблдор надевал в официальных случаях. После чего профессор Квиррелл поднёс волшебную палочку к своему виску и закрыл глаза.

Несколько минут он стоял неподвижно, а затем произнёс:

— *Конфундус.*

Выражение лица стоящего мужчины сразу же изменилось, казалось, по нему растекалась глубокая усталость. Глаза, в которых вроде бы ничего не изменилось, теперь выглядели старше, несколько морщин стали гораздо заметнее. Мужчина несколько раз моргнул, как будто был чем-то озадачен, и опустил палочку.

На губах появилась печальная улыбка.

Неторопливо, словно в его распоряжении было всё время мира, мужчина направился к Зеркалу.

Когда он пересёк границу отражаемого Зеркалом пространства, ничего не случилось. Мужчина посмотрел в Зеркало.

Гарри не мог сказать, что он там видел. Для Гарри плоская идеальная поверхность по-прежнему отражала лишь комнату, по-прежнему казалась проходом в ещё одну комнату.

— Ариана, — выдохнул мужчина. — Мать, отец. Брат мой, всё кончено.

Мужчина замолчал, словно слушая кого-то.

— Да, всё кончено, — сказал он. — Волдеморт предстал перед этим зеркалом и оказался в ловушке, придуманной Мерлином. Теперь он лишь ещё один запечатанный ужас.

Снова наступила тишина.

— Хотел бы я последовать твоему совету, брат мой, но так будет лучше, — мужчина склонил голову. — Смерть ему более недоступна. Его участь достаточно ужасна.

На этих словах Гарри стало довольно неудобно. Дамблдор бы так не сказал, это скорее соответствовало поверхностному стереотипу... Но собеседником и не был дух настоящего Аберфорта, просто профессор Квиррелл воображал, что Дамблдор воображает Аберфорта таким, и этот дважды отражённый образ Аберфорта ничего не заметил...

— Настало время возвратить Философский Камень, — сказал мужчина, считаящий себя Дамблдором. — Теперь ему следует вернуться в руки мастера Фламеля.

Тишина.

— Нет, — ответил мужчина. — Мастер Фламель хранил Камень ото всех ищущих бессмертия многие годы, и, я думаю, в его руках он будет в безопасности... Нет, Аберфорт, я уверен, у него благие намерения.

Гарри казалось, что все его нервы натянуты как струна, и он ничего не мог с этим сделать. Ему было трудно дышать. Конфундус профессора Квиррелла оказался всё же несовершенным. Личность профессора Квиррелла просачивалась наружу, она заметила очевидный вопрос: почему, если бессмертие столь ужасно, Камень в руках Николаса Фламеля — это нормально? Даже если профессор Квиррелл понимал, что Дамблдор никогда не задумается об этом вопросе, он не включил в свой Конфундус утверждение «представление Дамблдора об Аберфорте об этом не подумает». В Зеркале отражался разум профессора Квиррелла, образ, возникший благодаря интеллекту Тома Риддла...

— Уничтожить? — переспросил мужчина. — Возможно. Я не уверен, что уничтожить Камень реально, иначе мастер Фламель давным-давно так бы и поступил. Мне не раз приходило в голову, что он сожалеет, что вообще создал его... Аберфорт, я обещал ему. К тому же, мы с тобой гораздо младше мастера Фламеля и не столь мудры. Философский Камень должен вернуться в руки своего создателя.

У Гарри перехватило дыхание.

В левой руке у мужчины появился кусок алого стекла неправильной формы, величиной примерно с первую фалангу большого пальца Гарри. Сияющая поверхность алого стекла казалась влажной, словно мужчина в руке держал кровь, застывшую и принявшую угловатую форму.

— Спасибо, брат мой, — тихо произнёс мужчина.

Камень должен выглядеть именно так? Знает ли профессор Квиррелл, как должен выглядеть настоящий Камень? Вернуло бы Зеркало при таких обстоятельствах настоящий Камень или выдало бы его копию?

А затем...

— Нет, Ариана, — мягко улыбнулся мужчина. — Боюсь, теперь мне нужно идти. Потерпи, моя милая, уже скоро я присоединюсь к тебе по-настоящему... Почему? Да, действительно, почему мне нужно идти... теперь, когда Камень у меня, мне стоит отойти от Зеркала и подождать, пока со мной свяжется мастер Фламель, но я не совсем понимаю, почему мне надо отходить от Зеркала для этого... — мужчина вздохнул. — Увы, я старею. Хорошо, что эта ужасная война кончилась. Полагаю, ничего страшного не случится, если я немного побеседую с тобой, моя дорогая, раз ты так хочешь.

У Гарри начала болеть голова. Какая-то его часть пыталась сообщить, что он уже некоторое время не дышит, но её никто не слушал. Конфундус профессора Квиррелла оказался несовершенным. Образ Арианы в представлении Дамблдора в представлении профессора Квиррелла хотел говорить с Дамблдором, и, возможно, не хотел ждать, потому что на каком-то уровне профессор понимал, что на самом деле загробной жизни не существует. И изначально заложенный импульс уйти сразу же после получения Камня не устоял перед аргументами Риддла-Арианы...

Внезапно Гарри успокоился и снова начал дышать.

В любом случае, он практически ничего не может сделать. Профессор Квиррелл не дал Гарри возможности вмешаться. Что ж, пусть профессор Квиррелл пожинает последствия своего решения. А если эти последствия ударят и по Гарри... пусть так и будет.

Мужчина, считавший себя Дамблдором, в основном терпеливо кивал, иногда что-то отвечая своей любимейшей сестре. Иногда он неловко бросал взгляд в сторону, словно очень хотел уйти. Но он подавлял это желание огромным терпением, вежливостью и заботой о своей сестре, которые были у Альбуса Дамблдора в представлении профессора Квиррелла.

Гарри сразу заметил, когда заклинание Конфундус спало. Выражение лица мужчины изменилось, теперь это снова было лицо профессора Квиррелла.

И в то же самое мгновение изменилось и Зеркало. Гарри больше не видел в нём отражения комнаты. Вместо него появилось изображение настоящего Альбуса Дамблдора, словно он стоял за Зеркалом и был виден сквозь него.

Настоящий Дамблдор смотрел сурово и мрачно.

— Здравствуй, Том, — сказал он.

Отражения.

Часть 2

Спустя миг мрачное выражение на лице Альбуса Дамблдора сменилось замешательством.

— Квиринус? Что...

В воздухе повисла тишина.

— Да уж, — сказал Альбус Дамблдор. — Я чувствую себя полным дураком.

— Надеюсь, так и есть, — невозмутимо ответил профессор Квиррелл. Если появление Дамблдора и оказалось для него потрясением, то по его виду это было совершенно незаметно. Лёгким движением руки он превратил свою мантию обратно в профессорскую одежду.

Мрачность Дамблдора вернулась и удвоилась.

— Надо же, я изо всех сил искал тень Волдеморта, и так и не заметил, что профессор Защиты Хогвартса — изъеденная недугом, полумёртвая жертва, которой завладел куда более могущественный дух. Я бы подумал, что у меня началось старческое слабоумие, однако, это упустили из виду слишком многие.

— В самом деле? — профессор Квиррелл приподнял брови. — Неужели меня так сложно узнать без светящихся красных глаз?

— Увы, именно так, — спокойно ответил Альбус Дамблдор. — Ты идеально сыграл свою роль, должен признаться, что я полностью тебе поверил. Квиринус Квиррелл казался таким — как бы это сказать? — ах, да, вменяемым.

Профессор Квиррелл усмехнулся. Любой сторонний наблюдатель решил бы, что они с Дамблдором просто беседуют на отвлечённые темы.

— Я никогда, знаете ли, и не был безумцем. Лорд Волдеморт для меня был такой же игрой, как и профессор Квиррелл.

Альбус Дамблдор, однако, не выглядел, как человек, который просто наслаждается отвлечённой беседой.

— Я подозревал, что ты так ответишь. Жаль говорить тебе, Том, но любой, кто способен сыграть роль Волдеморта, и есть Волдеморт.

— А, — профессор Квиррелл назидательно поднял палец. — В твоём рассуждении, старик, есть логическая дыра. Любого, кто играет роль Волдеморта, на языке моралистов следует назвать «злом», здесь мы сойдёмся. Но, возможно, настоящий я — абсолютное и непростибельное зло, удивительно отличающееся от меня в роли Волдеморта.

— А вот это, — сквозь зубы ответил Альбус Дамблдор, — меня совершенно не волнует.

— То есть, ты наверняка считаешь, что очень скоро от меня избавишься, — сказал профессор Квиррелл. — Весьма любопытно. Моё бессмертное существование наверняка зависит от того, смогу ли я как можно скорее понять, в какую ловушку ты меня поймал, и как из неё выбраться.

Профессор Квиррелл на секунду замолчал.

— Но давай для начала бессмысленно потянем время и поговорим о другом. Как получилось, что ты дожидался меня внутри Зеркала? Я думал, ты будешь совсем в другом месте.

— Я и есть в другом месте, но, к несчастью для тебя, одновременно я и в Зеркале. Я всегда был здесь, с самого начала.

— Что ж, — со вздохом сказал профессор Квиррелл, — значит, моя маленькая попытка тебя отвлечь пропала зря.

Тут Альбус Дамблдор не сдержал ярости.

— Отвлечь?! — прорычал он. Сапфировые глаза гневно сверкнули. — Ты убил мастера Фламеля, чтобы меня отвлечь?!

Профессор Квиррелл посмотрел на Дамблдора возмущённо:

— Несправедливость твоего обвинения меня оскорбляет. Я вовсе не убивал того человека, который был известен тебе, как Фламель. Я просто приказал сделать это другому.

— Но как ты мог?! Даже ты, как ты осмелился? Он был хранителем всего нашего знания! И все эти тайны навеки утрачены для волшебного мира из-за тебя!

Улыбка профессора Квиррелла стала резкой.

— Знаешь, я всё никак не могу понять, как это твой извращённый ум считает, что для Фламеля бессмертие допустимо, но при этом, когда к бессмертию стремлюсь я, это делает меня чудовищем.

— Мастер Фламель никогда не опускался до бессмертия! Он... — у Дамблдора дрогнул голос. — В его жизни просто давно закончился вечер, а он, ради всех нас, так и не ложился спать, растягивал и растягивал свой день...

— Не знаю, помнишь ли ты, — как будто невзначай спросил профессор Квиррелл, — как однажды к тебе в кабинет пришёл Том

Риддл? Как я умолял тебя, на коленях умолял представить меня Николасу Фламелю, чтобы я мог попроситься к нему в ученики и когда-нибудь изготовить ещё один Философский Камень для себя? Если хочешь знать, это была моя последняя попытка остаться хорошим человеком. Но ты отказал мне и, вдобавок, прочёл нотадию о том, как недобродетельно бояться смерти. Я ушёл от тебя в гневе и отчаянии. Я решил, что если меня в любом случае будут называть злом — просто за то, что я не хочу умирать, — то мне незачем оставаться хорошим. И через месяц я убил Абигейл Миртл, чтобы получить своё бессмертие другим способом. Потом я больше узнал о Фламеле, но твоё лицемерие всё так же выводит меня из себя, и именно поэтому я всегда старался причинить тебе и твоим людям больше страданий, чем я бы причинял иначе. Мне часто казалось, что ты и сам это понял, но у нас никогда не было возможности поговорить откровенно.

— Нет, — не дрогнув ответил Альбус Дамблдор. — Я отказываюсь принимать даже малейшую долю ответственности за то, во что ты превратился. К этому целиком и полностью привели твои, и только твои решения.

— Почему-то меня это не удивляет, — сказал профессор Квиррелл. — Мне теперь даже любопытно, а какую ответственность ты на себя принимаешь? Я давно пришёл к выводу, что у тебя есть какая-то выдающаяся способность заглядывать в будущее. Ты совершал слишком много поступков, которые казались бессмысленными, но каким-то абсурдным образом они оборачивались тебе на пользу. Так скажи мне, ты заранее знал, каким будет исход в тот канун Дня всех святых, когда я оказался на время повержен?

— Да, я знал, — ответил Альбус Дамблдор, спокойным, холодным тоном. — В этом я признаю свою ответственность, но тебе этого всё равно никогда не понять.

— Ты устроил так, чтобы Северус Снейп услышал пророчество и передал его мне.

— Я позволил этому случиться, — ответил Дамблдор.

— И я явился туда, взбудораженный тем, что теперь, наконец, знаю своё будущее, — профессор Квиррелл покачал головой, изображая грусть. — А великий герой Дамблдор пожертвовал своими невольными пешками, Лили и Джеймсом Поттерами, только чтобы избавиться от меня на несколько лет.

Взгляд Дамблдора был твёрдым, как камень:

— Джеймс и Лили охотно бы сами пожертвовали ради этого жизнью, если б только знали.

— И своим ребёнком тоже? — спросил профессор Квиррелл. — Почему-то я сомневаюсь, что Поттеры были бы рады оставить его на пути Сами-Знаете-Кого.

Дамблдор едва различимо вздрогнул.

— Для Мальчика-Который-Выжил всё закончилось довольно неплохо. Ты ведь хотел превратить его в себя, да? А вместо этого сам превратился в труп, а Гарри Поттер стал тем волшебником, которым следовало бы быть тебе, — в глазах за стёклами очко-полумесяцев появилось что-то похожее на привычные для Дамблдора искорки. — Всё ледяное великолепие Тома Риддла, укрощённое, чтобы служить теплоте и любви Джеймса и Лили. Интересно, что ты почувствовал, когда увидел, каким бы мог стать Том Риддл, если бы только вырос в любящей семье?

Профессор Квиррелл насмешливо скривил губы:

— Я был удивлён, можно даже сказать, шокирован столь бездонной глубиной наивности мистера Поттера.

— Полагаю, весь юмор ситуации от тебя ускользнул, — теперь Альбус Дамблдор, наконец-то, улыбнулся. — Как же я смеялся, когда всё понял! Когда увидел, что ты создал Доброго Волдеморта, чтобы он противостоял Злому — как я смеялся! Сам я никогда не подходил на эту роль, но Гарри Поттер, когда повзрослеет, прекрасно с ней справится.

Альбус Дамблдор перестал улыбаться.

— Хотя, полагаю, что Гарри придётся найти и победить какого-то другого Тёмного Лорда, поскольку тебя здесь уже не будет.

— Ах, да. Точно, — профессор Квиррелл попытался отойти от зеркала, но остановился прямо перед той точкой, в которой Зеркало перестало бы его отражать, если бы отражало. — Интересно.

Теперь улыбка Дамблдора стала гораздо холоднее:

— Нет, Том. Никуда ты не уйдёшь.

Профессор Квиррелл кивнул и спросил:

— Так что конкретно ты сделал?

— Ты отверг смерть, — ответил Дамблдор. — И теперь, если я уничтожу твоё тело, твой дух лишь снова вернётся, как бессловесная скотина, которая не понимает, что её гонят прочь. Так что я отсылаю тебя за пределы самого Времени, и ты будешь пребывать в вечно застывшем мгновении, откуда ни я, ни кто-либо другой не сможет тебя вернуть. Возможно, когда-нибудь это удастся Гарри Поттеру, если пророчество говорит правду. Может быть, он захочет спросить у тебя, кто виноват в гибели его родителей. Для

тебя пройдёт только миг — если, конечно, ты вообще вернёшься. В любом случае, Том, желаю тебе испить полную чашу.

— Хм, — сказал профессор Квиррелл, проходя мимо того места, где тихо, в ужасе, стоял Гарри, но снова остановился у другого края Зеркала. — Так я и подозревал. Для запечатывания ты использовал старый метод Мерлина, в сказании Тофериуса Чанга он именуется Процессом безвременья. Если легенды верны, теперь, когда процесс уже идёт столько времени, ты его и сам не сможешь остановить.

— Так и есть, — ответил Альбус Дамблдор, но в глазах его вдруг появилось беспокойство.

И Гарри, который молча стоял справа от двери и едва сдерживал ужас, почувствовал что-то в воздухе. Почувствовал, как рядом с Зеркалом сгущается *нечто*. Что-то даже более чуждое, чем сама магия. Что-то совершенно непредставимое, о чём нельзя сказать вообще ничего, кроме его чуждости и мощи. Поначалу эта сущность чувствовалась слабо, теперь с каждым мигом её присутствие ощущалось всё сильнее и сильнее.

— Но ты всё ещё можешь изменить направленность эффекта, если, конечно, Чанг был в этом прав, — заметил профессор Квиррелл. — Почти все свойства Зеркала работают в обе стороны, так говорят легенды. И ты можешь запереть то, что находится по другую сторону Зеркала. Отправить в безвременье самого себя. Если захочешь, конечно.

— И зачем бы мне этого хотеть? — напряжённо спросил Дамблдор. — Ты, наверно, сейчас скажешь мне, что взял заложников? Бесполезно, Том, ты — дурак, полный дурак! Ты должен был понимать, что ничего я тебе не предложу взамен, сколько б заложников ты ни взял.

— Ты всегда отставал от меня на один шаг, — ответил профессор Квиррелл. — Позволь представить тебе моего заложника.

Гарри всей кожей почувствовал, как вокруг него сгустилась ещё одна сила — магия Тома Риддла. Мантию невидимости сорвало с его плеч, мерцающая чёрная ткань полетела к профессору Квирреллу.

Тот поймал её и быстро накинул на себя. Меньше чем за секунду он опустил на лоб капюшон и исчез.

Альбус Дамблдор пошатнулся, словно лишившись опоры.

— Гарри Поттер, — выдохнул директор. — Что ты здесь делаешь?!

Гарри Поттер смотрел на изображение Альбуса Дамблдора, на лице которого проступали ужасные потрясение и горечь.

На Гарри обрушилось нестерпимое, невыносимое чувство стыда и вины. Непредставимая сущность вокруг него ощущалась уже необычайно сильно. Без всяких слов он понял, что времени больше нет, и что с ним всё кончено.

— Это я во всём виноват, — жалким голосом, еле выдавив из горла слова, сказал Гарри. — Я дурак, я всегда был дураком. Вы не должны меня спасать. Прощайте.

— Вы только поглядите, — пропел откуда-то голос невидимого профессора Квиррелла, — я больше не отражаюсь в Зеркале.

— Нет, — выдохнул Альбус Дамблдор. — Нет, нет, НЕТ!

В одну его руку из рукава выскользнула длинная тёмно-серая волшебная палочка, а в другой, словно из ниоткуда, оказался короткий каменный жезл.

Он с силой отбросил и то, и другое в стороны — ощущение чуждой силы в этот миг уже стало непереносимым — и исчез.

В Зеркале снова самым привычным образом отражалась залитая золотым светом комната со стенами из белого мрамора. Никаких следов Альбуса Дамблдора в нём не было.

Глава 111

Провал. Часть 1

Тёмный Лорд смеялся. Из пустоты доносился дикий хохот профессора Защиты, высокий страшный смех Волдеморта. Настоящий смех Тёмного Лорда, отбросившего всякие притворство и сдержанность.

В голове у Гарри царила полная неразбериха. Он по-прежнему не сводил глаз с Зеркала, где только что был Альбус Дамблдор. Охвативший Гарри ужас совершенно не давал возможности подумать и что-нибудь понять. Разум пытался вернуться во времени и отменить всё произошедшее, но подобной магии просто не существовало, и реальность оставалась на месте.

Он проиграл, он потерял Дамблдора, потерял безвозвратно. А значит, он проиграл войну.

А Тёмный Лорд всё смеялся и смеялся.

— Ах, ха-ха, ах-ха-ха-ха! Профессор Дамблдор, ах, профессор Дамблдор, столь подходящий конец для нашей игры! — ещё один взрыв дикого смеха. — Даже в самом конце ты пожертвовал не тем, чем надо, ибо фигура, на которую ты поставил всё, уже была в моей власти! Вся твоя ловушка с самого начала никуда не годилась, ибо я мог покинуть это тело в любой момент! А, ха-ха-ха-ха-ха, аха! Ты так и не научился хитрости, жалкий старый дурак!

— Вы... — выдавил Гарри. — Вы...

— А-ха-ха-ха-ха! Да, мальчик, ты с самого начала был моим заложником, именно ради этого я взял тебя с собой. Ха, ха-ха-ха-ха! Тебе потребуется не один десяток лет, чтобы научиться играть против настоящего Тома Риддла, — Тёмный Лорд откинул капюшон Мантии, показала его голова, затем он снял мантию целиком. — И теперь, мальчик, *ты помог мне, да, на с-самом деле, а значит приш-шло время вос-скресить твоего друга-девочку. Чтобы с-сдержатъ обещ-щание*, — улыбка Тёмного Лорда была ледяной, действительно ледяной. — Кажется, ты сомневаешься? Учти, сейчас я мог бы тебя убить, ибо директора Хогвартса, которого об этом

оповестят, больше нет. Сомневайся во мне, сколько пожелаешь, но не забывай об этом, — в его руке снова оказался пистолет. — А теперь пошли со мной, глупый мальчишка.

И они ушли.

Они вышли через дверь в комнату зелий, и Тёмный Лорд прогнал вернувшийся фиолетовый огонь взмахом палочки. Они прошли через комнату, где был боггарт, комнату с разрушенными шахматными статуями и через прожжённую дверь в комнату ключей. Тёмный Лорд вылетел из люка, а Гарри чуть погодя с трудом взобрался по спиральной лестнице из листьев. Усы Дьявольских силков дёргались из стороны в сторону, словно от страха. Мальчик-Который-Выжил отчаянно пытался не расплакаться, и мыслительные способности его Тёмной Стороны не помогали, возможно, потому что Волдеморт никогда не знал и не имел дела с чувством вины.

Они прошли мимо гигантского трёхглавого инфернала. Тёмный Лорд что-то прошептал, и пёс рухнул на люк и снова стал трупом.

Они прошли мимо Северуса Снейпа, стоящего на страже, который сообщил, что охраняет дверь и что они должны уйти, или он снимет баллы с их факультета.

Не замедляя шага, Тёмный Лорд ткнул палочкой в сторону Северуса и произнёс: «Хякудзю монтаук»*. Зельевар пошатнулся и снова безжизненно вытянулся около двери.

— Что... — сказал Гарри, следуя за Тёмным Лордом. — Что вы с ним...

— Всего лишь исполнил свой долг перед верным слугой. Это не убьёт его, я же обещал тебе.

Тёмный Лорд снова расхохотался.

— Заложники... — Гарри было очень тяжело говорить нормально. — Ученики... Вы говорили, что остановите то, что убьёт их...

— Да. *Хватит беспокоиться, с-делаю это по пути отс-сюда.*

— Отсюда?

— Мы уходим, мальчик, — Тёмный Лорд всё ещё улыбался.

У Гарри появилось дурное предчувствие, которое тут же затерялось в море остальных дурных предчувствий.

Тёмный Лорд теперь сверялся с тем, что он назвал Картой Хогвартса. Линии на ней, нарисованные словно от руки, казалось, двигались, пока они шли. Часть разума Гарри, размышлявшая, что делать, если они наткнутся на патруль авроров (Тёмный Лорд мог бы мгновенно их убить или стереть им память), оставила и эту надежду.

Они спустились по главной лестнице на второй этаж, никого не встретив.

Тёмный Лорд свернул в коридор, которого Гарри не знал, и направился вниз по ещё одной лестнице. Они спускались всё ниже и ниже, окна сменились факелами, а значит Тёмный Лорд и Гарри теперь были в подземельях Слизерина.

Впереди показался кто-то в мантии Хогвартса.

Тёмный Лорд, не сбавляя шага, направился к этому человеку.

Гарри следовал за ним.

Художественная резьба на стене изображала Салазара Слизерина с палочкой в руках, который сражался с каким-то гигантом, покрытым сосульками. У стены стояла шести- или семикурсница Слизерина. Ведьма никак не отреагировала на приближение профессора Квиррелла и на сопровождавшего его Гарри. Пистолет в руках профессора Защиты её также нисколько не смутил. Она вообще вела себя так, будто ничего не видела.

Тёмный Лорд достал из складок мантии кнат и бросил его девушке.

— Клаудия Алисия Табор. Слушай мой приказ. Отнеси этот кнат к магическому кругу, который я показал тебе под трибунами квиддичного стадиона, и положи его в центр. Затем сотри себе память о последних шести часах.

— Да, лорд, — поклонившись, сказала ведьма и ушла.

— Я думал... — сказал Гарри. — Я думал, вам нужен Камень, чтобы...

Тёмный Лорд всё ещё улыбался, он вообще не прекращал улыбаться.

— Этого я на парселтанге не говорил, мальчик. На парселтанге я лишь сказал, что пустил в ход план, в результате которого ученики погибнут, и что я останавливаю исполнение этого плана, если получу Камень. Всё остальное говорилось на человеческом языке. Даже если бы я не получил Камень, я бы прервал ритуал Кровавой Крепости* — конечно, если бы меня не обнаружили и не задержали. Ученики Хогвартса — ценный ресурс, и на их тренировку я уже потратил немало времени.

Затем Тёмный Лорд прошипел стене:

— *Откройся.*

Гарри заметил крошечную змейку в левом верхнем углу резьбы. И в этот миг стена медленно начала отодвигаться назад, открывая за собой вход в огромную трубу. В нос ударил затхлый запах пыли. Стены трубы поросли мхом, кроме того, её перегораживало большое количество паутины.

— Пауки... — проворчал Тёмный Лорд. Он вздохнул и на этот краткий миг вновь стал похож на профессора Квиррелла.

Тёмный Лорд шагнул в гигантскую трубу, выжигая паутину перед собой. Гарри, не видя вариантов лучше, последовал за ним.

Труба разделилась на две, затем ещё раз. Тёмный Лорд сначала выбрал левый проход, затем правый.

Путь преградила внушительная металлическая стена.

— *Откройся*, — прошипел Тёмный Лорд, и в металле появилась трещина. Казалось, стена складывается сама в себя.

За стеной в обе стороны уходил длинный каменный тоннель.

— Нам придётся немного прогуляться, — сказал Тёмный Лорд. — У тебя есть ещё вопросы, мальчик?

— Прямо сейчас... Я... Мне ни один не приходит в голову.

В ответ снова раздался холодный смех. Они направились по тоннелю направо.

Ни тогда, ни после Гарри не понимал, как долго они шли. Света от сгорающей паутины не хватало, чтобы разглядеть стрелки на наручных часах, а посмотреть время перед входом в трубу Гарри не догадался. Ему казалось, что они прошли под землёй многие, многие мили.

Разум Гарри с трудом пытался в последний раз сосредоточиться. То, что этот раз окажется последним, казалось очень вероятным, если Тёмный Лорд действительно убьёт его, когда всё закончится... Однако, Тёмный Лорд говорил, что воскресит Гермиону, а это казалось бессмысленным в случае смерти Гарри... неужели Тёмный Лорд просто следует своему обещанию, может, иначе он не смог бы дать его на парселтанге... почему он не застрелил Гарри сразу...

Действительно, — обратилась какая-то последняя работающая часть его мозга ко всем остальным частям, — самое время что-нибудь придумать. Что-нибудь, что Тёмный Лорд не предусмотрел, что-нибудь, что мы можем сделать без нашего кошель, нашей палочки и нашего Маховика времени, что-нибудь, что профессор Квиррелл от нас не ожидает... думай, думай, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, придумай что-нибудь. Не отключайся, не важно, что ты испуган, не важно, что мы никогда не были в часе от смерти. НЕ ВРЕМЯ ОТКЛЮЧАТЬСЯ!

В голове Гарри по-прежнему было пусто.

Предположим, — сказала эта последняя работающая часть, — предположим, мы примем, как данность, что мы победили или хотя бы не умерли. Если кто-то СКАЗАЛ ТЕБЕ КАК ФАКТ,

что ты выжил, или даже победил, каким-то образом всё закончилось хорошо, как бы это могло получиться?

Некорректный приём, — прошептал когтевранец. — Вселенная так не работает, мы просто умрём.

Кто-нибудь поймёт, что нас нет, — подумал пuffedуец. — И Шизоглаз Хмури появится со взводом авроров и спасёт нас. Я думаю, пришло время признать, что мы не более компетентны, чем обычные представители закона.

Нас спасут только наши собственные действия, — сказал последний голос. — Думать обо всём остальном бессмысленно.

Проблема номер два, — сказал гриффиндорец. — Гарри Поттер никуда не исчезал, он прямо сейчас на матче по квиддичу, у всех на виду. Профессор Квиррелл подумал и об этом, в том числе поэтому он послал фальшивую записку. Проблема номер три. Сомневаюсь, что Шизоглаз Хмури и взвод авроров смогут победить Тёмного Лорда, и уж точно они не успеют раньше, чем он убьёт нас. Я не уверен, что весь ДМП сможет победить Тёмного Лорда, если он будет сражаться по-настоящему, а Дамблдора больше нет. Проблема номер четыре. Матч по Квиддичу не был прерван. Не исключено, что это единственная причина, почему профессор Квиррелл вообще захотел добавить в свой план такой усложняющий фактор, как наша компания на этой прогулке.

Если размышлять в другом направлении, — осмелился вставить слизеринец, — возможно, профессор Квиррелл прикажет кому-нибудь стереть нам память. Ну или применить легилименцию, Империиус, Конфундус, да мало ли что — наши способности к окклюменции не идеальны. Таким образом Тёмный Лорд получит умного — ну, в некоторой степени — лейтенанта, который может ему пригодиться. Эта гипотеза тоже отвечает на вопрос, почему профессор Квиррелл так охотно рассказывал свои секреты: он знал, что нам сотрут память. И это объясняет, зачем покидать пределы охранных чар Хогвартса. Тёмный Лорд сможет позвать Беллатрису, та аппарирует и всё сделает...

Вся эта цепочка рассуждений совершенно некорректна, и я отказываюсь принимать участие, — сказал когтевранец.

Какие чудесные последние слова, — ответил последний голос. — А теперь заткнись и думай.

Грубо обтёсанные каменные плиты туннеля оставались позади одна за другой. Периодически Гарри наступал на что-то влажное, а иногда чуть не падал на неровной поверхности. Нейроны его мозга

продолжали передавать сигналы и воображали голоса, которые разговаривали друг с другом, кричали друг на друга... Сам Слушатель оставался нем от ужаса и стыда.

Гриффиндорец с пуффендуйцем обсуждали, не стоит ли совершить самоубийство, бросившись на пистолет Тёмного Лорда или проглотив маленький камень из стального кольца Гарри. Они не могли решить, станет судьба мира лучше или хуже, если Тёмный Лорд получит подконтрольного ему Гарри. Если Тёмный Лорд в любом случае победит, возможно, лучше, чтобы он победил побыстрее.

И через гомон этих обсуждений по-прежнему пробивался последний голос. Этот голос прорывался даже через самое глубокое отчаяние. *Что ещё Тёмный Лорд всегда говорил на человеческом языке и никогда на парселтанге? Кто-нибудь помнит? Что-нибудь подобное, ну хоть что-нибудь?*

Это всё было слишком давно. Даже события этого дня, казалось, ушли далеко в прошлое. Тёмный Лорд сказал ему на парселтанге, что пришло время оживить Гермиону, а всё остальное он говорил на английском. Разговор был совсем недавно, но даже его Гарри вспоминал лишь с большим трудом. До того... до того был Скрывающий Круг, когда профессор Квиррелл прошипел, что барьер взорвётся, если его коснуться. Профессор Защиты сказал по-английски, чтоб Гарри не снимал Мантию и не пытался покинуть Круг, сказал по-английски, что после этого по профессору ударит резонанс, но Гарри и сам погибнет. Сказал по-английски, что если Гарри коснётся его магии и профессор Квиррелл не вспомнит, как прервать резонанс, это убьёт их обоих...

Предположим, это не убьёт нас обоих, — сказал последний голос. — На Хэллоуин в Годриковой Лощине тело Тёмного Лорда сгорело, а мы отделались шрамом на лбу. Предположим, резонанс между нами грозит Тёмному Лорду смертью гораздо сильнее, чем нам. Что, если всё это время мы могли убить Тёмного Лорда, просто бросившись вперёд и дотронувшись руками до любой незащищённой части его кожи? И затем наш шрам начнёт кровоточить, но не более того. Чувство, что нужно остановиться, не подходить ближе, было унаследовано из худших воспоминаний Тёмного Лорда о его ошибке в Годриковой Лощине, оно могло и не относиться к Мальчику-Который-Выжил.

Внутри возникла крохотная надежда.

Возникла и угасла.

Тёмный Лорд может просто отбросить в сторону свою палочку, — пробубнил коттевранец. — Профессор Квиррелл может

принять анимагическую форму. И даже если Тёмный Лорд умрёт, он захватит тело кого-нибудь ещё и вернётся, и затем будет пытаться наших родителей, чтоб наказать нас.

Мы можем добраться до родителей раньше, — сказал последний голос. — Мы можем их спрятать. Если мы убьём нынешнее тело Тёмного Лорда, мы сможем забрать у него Философский Камень, а с его помощью мы создадим ядро армии сопротивления.

Тёмный Лорд шагнул вперёд по каменному коридору, держа не меньше чем в четырёх метрах от Гарри. В руке он по-прежнему сжимал пистолет.

Если мы бросимся вперёд, он почувствует наше приближение через резонанс, — сказал пuffedуец. — Он мгновенно отлетит вперёд, он умеет, чары для мётел позволяют ему летать. Он отлетит вперёд, обернётся и выстрелит из пистолета. Он знает о резонансе, он уже об этом подумал. Не может быть, чтобы Тёмный Лорд не учёл этот вариант. Он будет готов, он ожидает этого.

Ещё одна мысль на эту тему, — сказал последний голос. — Предположим, мы в состоянии спокойно использовать магию против профессора Квиррелла, а он не может использовать магию против нас.

Почему это должно быть правдой? — спросил когтевранец. — Вообще-то, у нас есть свидетельство, что это не так. В Азкабана, когда Авада Кедавра профессора Квиррелла ударила по нашему патронусу, голову словно разорвало на части...

Предположим, причина была исключительно в том, что его магия вышла из под контроля. Предположим, если мы выстрелим в него, скажем, Люминосом, ничего плохого не случится.

Почему? — спросил когтевранец. — Откуда взялось такое предположение?

Потому что, — подумал Гарри, — это объясняет, почему профессор Квиррелл не потрудился предупредить меня, чтобы я в Азкабана не касался его никакой магией. Потому что, насколько я помню, профессор Квиррелл никогда не говорил на парселтанге, что мне самому будет плохо, если я попытаюсь применить магию в его адрес. Он мог бы меня об этом предупредить, но не предупредил, хотя предупреждал о многом другом. Отсутствие свидетельства есть слабое свидетельство отсутствия.

Некоторое время субличности Гарри молча размышляли над этой мыслью.

Вообще-то, у нас даже палочки нет, — сказал когтевранец. В какой-то момент мы можем получить её обратно, — отозвался последний голос.

Но даже если так, — подумал Гарри, и мрачная безнадежность вернулась, — Тёмный Лорд знает о резонансе. Он уже подумал обо всём, что я могу с этим сделать, он уже подготовил ответ. Вот, в чём я ошибался с самого начала. Я недооценивал интеллект Тёмного Лорда, я не думал, что он, возможно, знал всё, что я знаю, видел всё, что я вижу, и заранее это учёл.

В таком случае, — сказал последний голос, — если мы победили, то наверняка сделали это с помощью чего-то, о чём он не знает.

Дементоры, — предложил гриффиндорец.

Тёмный Лорд знает, что мы можем уничтожить, отпугнуть и, возможно, контролировать дементоров, — сказал когтевранец. — Он не знает, как именно, но он знает, что у нас есть такая способность, да и вообще, где мы возьмём дементора?

Может быть, — предложил пукфендуец, — всю систему крестражей Тёмного Лорда замкнёт резонансом, если мы схватим его и будем держать, пожертвовав своей жизнью, чтобы уничтожить его навсегда.

Чепуха, — сказал когтевранец. — Но, полагаю, перед смертью не повредит немного повитать в приятных фантазиях, не важно, насколько они глупые.

Если Лорд Волдеморт достаточно сильно боится смерти, — продолжил пукфендуец, — если он хотел больше никогда не думать о смерти, то, возможно, у системы крестражей всё-таки есть какие-нибудь конструктивные недостатки в этом духе. Волдеморту никогда не приходило в голову протестировать систему крестражей на ком-нибудь ещё, это может указывать на то, что он не смог обстоятельно обдумать эту тему...

То есть, его страх смерти — смертельно опасная слабость? — спросил когтевранец. — Вряд ли. Думаю, человек, создавший более сотни крестражей, мог позаботиться о паре механизмов на случай, если что-то пойдёт не так.

Мозг Гарри продолжил размышлять.

Подлинная асимметрия в магическом резонансе между ними... казалась крайне маловероятной, с чего бы магическому эффекту действовать асимметрично? Но магическая отдача могла сильнее бить по более сильному волшебнику, более мощная магия могла резонировать опаснее. Эти гипотезы объясняли наблюдавшиеся события

в Годриковой Лощине (Волдеморт взрывается, младенец выживает), а также наблюдавшиеся события в Азкабанае (Волдеморт теряет много сил после отдачи своей сильной магии, по Мальчику-Который-Выжил — первокурснику — отдача слабой магии бьёт гораздо слабее). Или же резонировала только непосредственно задействованная магия, что тоже могло объяснить оба наблюдения. Всё это даже могло объяснить, почему профессор Квиррелл не спешил предупредить Гарри, чтобы тот не использовал на нём магию. Хотя, возможно, профессор Квиррелл старался не поднимать тему резонанса по другой очевидной причине: Гарри мог провести связь со случившимся в Годриковой Лощине и, в результате, получил бы огромную подсказку.

Та часть, которая всё это время была охвачена виной и горем, воспользовалась возможностью и заметила, что если говорить о забывчивости, то, когда события в Хогвартсе приняли серьёзный оборот, Гарри просто ОБЯЗАН был пересмотреть решение, которое он принял в Первый Четверг по приказу профессора МакГонагалл: не говорить Дамблдору о чувстве тревоги, которое Гарри ощущал рядом с профессором Квирреллом. Да, Гарри сомневался, кому можно доверять, довольно долго казалось вполне вероятным, что Дамблдор — злодей, а профессор Квиррелл — его героический противник, но...

Дамблдор бы понял.

Дамблдор бы понял сразу же.

Гарри не доверял ему, и мудрый старый волшебник с настоящим фениксом на плече не узнал правду. Гарри не рассказал ему обо всех значимых фактах. Не рассказал, потому что полностью пренебрёг необходимостью пересмотреть решение, принятое в четвёртый день учебного года. Чувство тревоги оказалось помечено знаком «об этом нельзя говорить Дамблдору», и даже после Азкабана, даже после смерти Гермионы, даже после всего, Гарри просто забыл заново поставить этот вопрос на обсуждение и пересмотреть выводы.

Гарри окатила ещё одна волна стыда и горя. Последний голос временно замолчал, чем охотно воспользовались остальные.

Спустя как минимум несколько миль и множество мрачных мыслей, каменный тоннель закончился.

Тёмный Лорд поднялся по каменным ступеням, и Гарри последовал за ним.

Они оказались в тёмном сыром каменном здании. Грязные старые каменные двери распахнулись сами по себе.

За дверями Гарри заметил мраморные плиты с именами и датами, поднимающиеся из голой земли. Ничего похожего на ровные

ряды в расположении надгробий не было. Кладбище выглядело совершенно заброшенным.

Горбатая Луна уже ярко светила над головой, хотя ночь ещё только вступала в свои права.

Увидев кладбище, Гарри остановился. Тревога в его голове орала, что он должен быть где угодно, лишь бы не здесь, но никаких возможностей последовать её совету не было. Даже когда каменные двери мавзолея захлопнулись позади Гарри и запечатались, рёв тревоги остался без ответа.

Тёмный Лорд прошёл в центр заброшенного кладбища. Он остановился и описал палочкой небольшой круг над головой.

Раздался грохот, и из земли поднялся алтарь из чёрного камня, покрытый серыми символами. Ширина алтаря была не меньше двух метров. А затем вокруг него на равном расстоянии друг от друга с треском выросли шесть обелисков из тёмного мрамора, тускло блестящие под темнеющим вечерним небом.

Тревога в голове Гарри кричала всё громче, а ответить ей по-прежнему было нечего.

— Это, — сказал Тёмный Лорд тоном профессора Квиррелла, — мастерская, которую я создал для себя. Сюда удобно попасть и из Хогвартса, и из Хогсмида.

Тёмный Лорд простёр руку к алтарю.

— Именно здесь оживёт мисс Грейнджер, и именно здесь я заново обрету своё настоящее тело. Разумеется, сначала я займусь собой. *Использовать магию для воскрешения девочки прощше в настоящем теле,* — эти слова сопровождались странным змеиным смехом. — *При воскрешении девочки придётся использовать магию, которую другие считают Тёмной, но не сомневайся, девочка от этого не пострадает и не станет безобразной. Будет выглядеть, как и раньше, её разум будет её собственным, и ни я, ни мои слуги не причинят ей вреда в будущем.*

Во рту у Гарри пересохло, его разум работал с трудом.

— Пожалуйста, профессор, скажите на парселтанге, чего вы на самом деле хотите добиться воскрешением мисс Грейнджер?

— *Сделать так, чтобы твой друг-девочка снова давала тебе советы и сдерживала тебя. Чтобы она снова стала частью мира, о котором ты заботишься. Да, мальчик, я собираюсь её воскресить, в первую очередь, именно по этой причине.*

Эти слова тоже сопровождались змеиным смехом. Судя по всему, Тёмный Лорд видел в происходящем что-то очень забавное.

Внутри Гарри затеплилась крохотная искра надежды. Но вместе с ней появились сильное замешательство и страх, что, на самом деле, идеальный окклюмент способен лгать на парселтанге. Гарри не понимал, зачем Тёмному Лорду воскрешать Гермиону, если следующим шагом он планирует убить Гарри или превратить его в своего раба...

Может, он просто совершенно не понимал профессора Квиррелла, может почему-то модель Тома Риддла в голове у Гарри оказалась абсолютно неверной... может, Мальчику-Который-Выжил сотрут память о последнем дне и бросят где-нибудь вместе с растерянной Гермионой Грейнджер, а Лорд Волдеморт в это время отправится завоёвывать мир?..

Надежда разгоралась, но она проистекала из растерянности Гарри, и потому в ней не было никакого смысла. Эта надежда никак не стыковалась с Тёмным Лордом, высмеивающим Дамблдора и хохочущим над его поражением. У Гарри не получалось построить хоть какую-то непротиворечивую теорию о мотивах профессора Квиррелла, в которую укладывались бы поступки, на которые Гарри сейчас надеялся.

Я понятия не имею, что будет дальше.

Тёмный Лорд подошёл к алтарю, опустился на колени и, как показалось Гарри, погрузил руку глубоко в сам камень алтаря, после чего извлёк оттуда фиал с жидкостью, которая в сгустившихся сумерках казалась чёрной.

Когда Тёмный Лорд снова заговорил, его голос звучал резко и отчётливо.

— Кровь, кровь, кровь, столь мудро сокрытая, — сказал Тёмный Лорд.

И вслед за этим запели обелиски вокруг алтаря. Голоса, раздававшиеся из неподвижных камней, ритмично выводили слова на языке, который был старше, чем латынь.

Апокатастити, апокатастити, апокатастити то сома му эми*.

Апокатастити, апокатастити, апокатастити то сома му эми.

Каждая фраза заканчивалась эхом, будто поющим голосам не удавалось сохранять общий ритм. Кровь вылилась из фиала и, казалось, зависла над алтарём, медленно расплываясь в воздухе и обретая форму.

Апокатастити, апокатастити, апокатастити то сома му эми (эми).

Апокатастити, апокатастити, апокатастити то сома му эми (эми).

Высокая фигура лежала на алтаре, и даже в сумеречном свете она выглядела слишком бледной.

Профессор Защиты сунул руку в карман мантии и вытащил маленький кусок красного стекла неправильной формы.

Он положил его бледному телу на грудь.

Некоторое время — по крайней мере, пару минут — Камень просто лежал. Этот кусок красного стекла неправильной формы не светился, не сверкал и вообще никоим образом не проявлял своё могущество.

Затем Камень сдвинулся, совсем чуть-чуть, слегка повернувшись.

Профессор Защиты убрал Камень обратно в карман и принялся ощупывать фигуру, лежащую на алтаре. Он коснулся пальцами её глаз, ткнул палочкой в грудь...

После чего запрокинул голову и расхохотался.

— Невероятно, — сказал Тёмный Лорд знакомым Гарри голосом профессора Защиты. — Оно зафиксировалось в этой форме! Прикосновение Камня превратило заурядную конструкцию, существующую за счёт магии, в настоящую материю. И я при этом ничего не почувствовал! Ничего! Я боялся, что стал жертвой обмана, что Камень — фальшивка, но все мои проверки утверждают, что материя — настоящая! Вынужден признать, что это жутковато даже по моим меркам.

Затем профессор Защиты начал обходить алтарь кругом. Он шёл и что-то тихо пел — Гарри не мог различить слова.

После пятого круга Тёмный Лорд вложил свою палочку в руку фигуры, лежащей на алтаре.

Возложил обе руки на лоб тела.

И произнёс:

— Фал. Тор. Пан.

Без всякого предупреждения сверкнула вспышка и, словно молния, озарила светом всё кладбище. Гарри отшатнулся, его руки непроизвольно потянулись ко лбу. В шраме словно что-то стрельнуло.

Профессор Защиты рухнул.

А слишком высокая для человека фигура на алтаре села.

Она плавно развернулась и встала на землю. Ростом она превосходила обычного человека почти на голову. Руки и ноги выглядели худыми и бледными, но тем не менее казалось, что они обладают чудовищной силой.

Гарри отшатнулся ещё на шаг, по-прежнему прижимая руки к шраму. Хотя расстояние было большим, Гарри ощущал ужасное предчувствие витавшее в воздухе, как будто прежде чувство тревоги

всё время было «не в фокусе», а теперь обрело чёткость и сгустилось в физическую боль в шраме на лбу.

Волдеморт на самом деле должен выглядеть именно так? Этот нос... у него такой вид, словно во время воскрешения что-то пошло неправильно...

Слишком высокая фигура запрокинула голову и расхохоталась. Она подняла руки, чтобы взглянуть на них. Раскрытая ладонь левой руки напоминала половину бледного паука с четырьмя слишком длинными лапами, пальцы ласкали палочку, лежавшую в другой руке. Ветер поднял опавшие листья — они закружились в танце вокруг слишком высокой фигуры, плотно облекая её и превращаясь в рубашку с высоким воротником и длинную мантию. А Лорд Волдеморт всё смеялся. Гарри помнил, как во время того кошмара с дементором из его собственного горла исходил точно такой же безрадостный смех, смех точно такого же тона и тембра.

В гаснущих сумерках сверкнули красные глаза, зрачки в них были узкими, как у кошки.

Дрожащее, покинутое Волдемортом тело, поднялось на ноги. Еле слышно для Гарри Квиринус Квиррелл выдохнул:

— Свободен... свободен...

— *Ступефай*, — раздался высокий холодный голос Волдеморта, и Квиринус Квиррелл снова рухнул на землю. Затем по мановению другой руки Волдеморта его тело поднялось в воздух и отлетело в сторону.

Волдеморт отошёл от алтаря, повернулся и посмотрел на Гарри, и шрам Гарри отозвался вспышкой боли.

— Боишься, мальчик? — прошипел Волдеморт, словно даже в человеческой речи Тёмного Лорда оставалось что-то от парселтанга. — Хорошо. Помести девочку на алтарь и отмени свою трансфигурацию. *Приш-ило время вос-скрес-сить её.*

Это действительно случится? Мы на самом деле собираемся это делать?

Гарри глотнул. Он был совершенно растерян, но искорка надежды на невозможное заглушила страх. Гарри подошёл к алтарю, снял свой левый ботинок, свой левый носок и снял с пальца ноги кольцо. Оно и было Гермией Грейнджер, трансфигурированной в форму, идентичную кольцу, которое дали Гарри в качестве портключей на случай экстренной необходимости. Гарри слегка пожалел, что у него сейчас нет настоящего портключа, но лишь слегка. Северус говорил, что любой Пожиратель внутреннего круга обязательно

поставил бы чары против портключей. Волдеморт позади снова рассмеялся, на этот раз удивлённо-одобрительно.

— Мне нужна моя палочка, чтобы отменить трансфигурацию, — сказал Гарри вслух.

— Нет, не нужна, — голос высок и жесток. — Ты научился поддерживать трансфигурацию просто прикосновением, без использования палочки. Точно также ты можешь без палочки и прекратить собственную трансфигурацию, просто приказав своей магии рассеяться. А теперь сделай это.

Гарри сглотнул и прикоснулся к кольцу. Ему потребовалось три попытки, чтобы очистить свой разум, прежде чем он смог вытолкнуть магию из кольца. Тем же способом, который он когда-то освоил, чтобы создавать крохотный поток магии, втекающий в кольцо.

Чары разрушались гораздо медленнее, чем при использовании *Фините инкантатем*. Внешне процесс напоминал ускоренную трансфигурацию, запущенную в обратную сторону. Кольцо деформировалось, начало расширяться, пустое пространство в центре заполнилось. Изменились цвета и структура.

Безногое тело мёртвой девочки распласталось на алтаре, одна рука свесилась с края — отмена трансфигурации оставила её в такой позе. Из рваных культей бёдер уже не текла кровь. У мёртвой девочки было лицо Гермiony Грейнджер, но искажённое и бледное. Именно это лицо Гарри видел в задней комнате лазарета, этот образ запечатлелся в его разуме за тридцать долгих минут трансфигурации, этот образ он воспроизводил четыре ещё более долгих часа, создавая фальшивое тело.

Мёртвая девочка была обнажённой, ибо её одежда не была частью её и не трансфигурировалась.

В голове промелькнули часы, проведённые в лазарете, вспомнились кошмары последующих дней. Гарри отбросил эти мысли.

— Отойди, — велел Волдеморт. — Дальше моя работа.

Гарри сглотнул и отступил от алтаря к дверям мавзолея, где он стоял до того.

— Температура её тела — около пяти градусов по Цельсию, в смысле, я охлаждал его до такой температуры, чтобы её мозг не повредился... — его голос колебался. *Он и правда собирается это сделать?* На самом деле? Наверняка он запланировал какую-то ловушку, и Гарри просто её не замечал. Волдеморт сказал, что ни он, ни его люди не причинят Гермione вреда, что её тело и разум будут её собственными, — *зачем ему это?*

Волдеморт снова подошёл к алтарю и взмахом руки разместил тело в центре алтаря. Высокий голос проговорил ровно и отчётливо:

— Плоть, плоть, плоть, столь мудро сокрытая.

Обелиски снова начали петь.

Апокатастити, апокатастити, апокатастити то сома му эми (эми).

Апокатастити, апокатастити, апокатастити то сома му эми (эми).

Новая плоть растекалась из обрубков бёдер девочки, расплываясь всё дальше, словно слизь, постепенно затвердевая.

Обелиски прекратили петь. На алтаре лежало невредимое обнажённое тело.

Оно не было похоже на Гермиону. Гермиона Грейнджер стояла бы и говорила, она была бы одета в школьную форму Хогвартса.

Волдеморт поднял руку, затем зашипел, будто от раздражения. Резкий жест — и мантия спящего Квиринуса Квиррелла разорвалась пополам, фиолетово-зелёный галстук тоже порвался, а пиджак стянуло и отнесло к Волдеморту. Какая-то часть Гарри вздрогнула, это выглядело, словно Тёмный Лорд Волдеморт напал на профессора Квиррелла.

Волдеморт неторопливо засунул руку в пиджак, и тот дёрнулся, будто в нём что-то сломалось. После этого Волдеморт начал вытряхивать содержимое пиджака на землю. Оттуда высыпались кошелек Гарри, его Маховик Времени, метла, пистолет Волдеморта, Мантия невидимости и множество амулетов, колец и странных устройств, незнакомых Гарри.

И, наконец, кусок красного стекла, который Тёмный Лорд положил на грудь Гермионе Грейнджер и там оставил.

Шли минуты. Тёмный Лорд вытащил из кучки вещей у алтаря некий амулет и надел. Также он достал оттуда четыре коротких деревянных стержня с ремешками на них и потратил некоторое время, прикрепляя их под мантией, по-видимому, к верхней части плеч и бёдер. Тёмный Лорд поднялся в воздух, двинулся влево, вправо, вверх, вниз. Сперва его слегка покачивало, затем полёт стал уверенным.

Кусок красного стекла повернулся, чуть-чуть.

Тёмный Лорд Волдеморт опустил на землю и ткнул палочкой в тело Гермионы Грейнджер.

— *У нас-с появилос-сь затруднение,* — прошипел Волдеморт.

Гарри к этому времени уже был практически уверен, что Волдеморт его обманет или что-нибудь ещё пойдёт не так, и поэтому услышанное отозвалось лишь тупой болью, а не резким ударом.

— *Какое затруднение?*

— *Тело девочки вос-становлено. Материя вос-создана. Но не магия, не жизнь... это тело мёртвого магла,* — Волдеморт отвернулся от алтаря и начал расхаживать взад-вперёд. — Полный ритуал решил бы эту проблему. Но это требует времени... времени и крови врага Грейнджер, и я не думаю, что Драко Малфоя всё ещё можно считать таковым, а я не могу отдать свою кровь не по своему желанию... глупо, — голос Волдеморта зазвучал тихим шипением. — Глупо. Я должен был предвидеть это и подготовиться. Её мозг можно разбудить электрическим разрядом, я достаточно знаю медицину маглов для этого... но вернётся ли к ней магия? Этого я не знаю и подозреваю, что если она очнётся маглом, то останется маглом навсегда. Однако, я не могу придумать ничего лучше, — Тёмный Лорд поднял палочку.

— Стойте, — выпалил Гарри, чувствуя, что к нему вернулась надежда. *Ей нужна искра жизни и магии, только искра, дальше всё пойдёт само...*

Волдеморт обернулся и уставился на него. Змееподобное лицо выражало лёгкое удивление.

— *Возможно, я с-смогу с-с этим с-справиться-ся,* — прошипел Гарри. — *Требуется палочка. Нет намерений использовать против тебя,* — Гарри ничего не сказал о том, что его намерения не изменятся, он просто выпалил идею достаточно быстро, пока у него ещё не сформировалось каких-то конкретных намерений.

— А вот это я желаю видеть, — прошипел Волдеморт.

Тёмный Лорд наклонился к куче вещей около алтаря и поднял палочку Гарри, по-прежнему завернутую в ткань. Он бросил палочку в сторону Гарри, та скользнула по воздуху и упала к ногам мальчика. После этого Тёмный Лорд отлетел назад, куча вещей поплыла за ним.

Гарри развернул палочку и шагнул вперёд.

Мы вернули себе палочку, это — первый шаг, — сказал последний голос, голос надежды.

Ни одна из частей Гарри не представляла, каким будет шаг второй, но, тем не менее, с первым шагом он справился.

Перед Гарри на каменном алтаре, освещаемом светом сумерек, лежало восстановленное тело Гермионы Грейнджер, всё ещё обнажённое и мёртвое.

— Лорд Волдеморт, — сказал Гарри. — Прошу вас, пожалуйста, дайте ей одежду, мне так будет проще.

— Да будет так, — прошипел Волдеморт.

Тело обнажённой девочки поднялось в воздух, и одновременно шрам Гарри пронзила вспышка боли. За ней последовала вторая

вспышка боли — пожухлые листья закружились вокруг тела и превратились в подобие школьной формы Хогвартса. Правда, оторочка оказалась не синей, а красной. Руки Гермионы Грейнджер сложились у неё на груди, ноги выпрямились, и её тело опустилось обратно.

Гарри посмотрел на неё.

Теперь она снова выглядела как человек.

Сейчас она выглядит спящей, а не мёртвой. Чтобы присмотреться, дышит ли она, заметить, что нет, и сделать выводы, требуется сознательное усилие. Но если не приглядываться, если положиться на чистые ощущения, можно было бы подумать, что Гермиона уже жива.

Наверняка Гермиона Грейнджер не одобрила бы всю эту ситуацию в целом. Но это не означало, что она предпочла бы остаться мёртвой при том, что всё остальное не изменится. Впрочем, всё остальное тоже изменится.

Потому что ты хочешь жить, потому что я уверен, что ты хотела бы жить...

Дрожащей левой рукой Гарри коснулся лба Гермионы. Лоб оказался тёплым, а не охлаждённым до пяти градусов по Цельсию. Либо Волдеморт повысил температуру её тела до нормальной, либо это произошло в результате ритуала. Это означало, что мозг Гермионы сейчас тёплый и, между прочим, не получает кислорода.

Он понял, что медлить нельзя.

Гарри принял нужную стойку и направил палочку на мёртвое тело Гермионы Грейнджер. В её теле была лишь одна неправильность — оно было мертво. Всё остальное — в полном порядке, нужно изменить всего лишь одну деталь.

Смерть, тебе здесь не место.

— *Эспекто*, — воскликнул Гарри, чувствуя, как *жизнь и магия* наполняют и питают чары Патронуса, — **ПАТРОНУМ!**

Девочку в школьной форме Хогвартса окутала сияющая аура серебряного пламени, словно патронус родился внутри неё.

Гарри пошатнулся. Ему показалось, будто часть его куда-то исчезла. Интуиция, а может, и память Тома Риддла, подсказала Гарри, что жизнь и магия, которую он только что вдохнул в Гермиону, никогда не вернутся к нему. Он потерял не всю свою жизнь и не всю свою магию, отнюдь, прошло не так много времени, чтобы потратить слишком много, но сколько бы он сейчас ни потратил, оно ушло безвозвратно.

Гермиона Грейнджер дышала, казалось, она просто спала, её грудь ритмично поднималась и опускалась. Сумеречное небо ещё более

потускнело, и Гарри не мог видеть, возвращается ли к ней привычный румянец, но, наверняка, оно так и было, иначе и быть не могло. Она выглядела мирно спящей, не потому, что смерть выглядит как мирный сон, а потому что она на самом деле спала, с её телом было всё в порядке, и ничто не причиняло ей боли.

Одна из субличностей Гарри, которая каким-то образом умудрилась не заговорить раньше, тихо указала, что они всё ещё на кладбище, недавно победивший Лорд Волдеморт по-прежнему контролирует ситуацию, и что его догадка, что Гермиона хотела бы жить, — всего лишь догадка.

С улыбкой на лице Гарри медленно опустил палочку. Он остановил праздничный фейерверк в своей голове, он не кричал и не бегал маленькими кругами, как профессор Флитвик, но это...

Это...

ЭТО, — сказал Гарри у себя в голове. — *Это я бы назвал «Шаг второй».*

— Интересно, — произнёс холодный высокий голос. — Твой патронус использует не только твою магию, но и жизнь... Я подозревал что-то подобное, это слишком могущественное волшебство для первокурсника, чтобы порождаться одной лишь магией. И всё же тут кроется ещё какая-то загадка, поскольку какое-нибудь простое использующее жизненные силы заклинание здесь бы не справилось... В качестве счастливой мысли ты представлял, как она возвращается к жизни? И этого хватило? — Лорд Волдеморт опять принялся поигрывать своей палочкой, в глазах с узкими красными зрачками блеснул мрачный интерес. — Подозреваю, когда однажды в своей вечности я наконец пойму это заклинание, я буду чувствовать себя несколько по-дурачки. Теперь отойди от девочки. *Я намереваюсь с-сделать кое-что ещё, чтобы дать ей лучш-шие ш-шанс-сы на долгую жизнь.*

Гарри неохотно сделал шаг назад, его опять начало переполнять напряжение. Он чуть не споткнулся о какое-то надгробье.

Тёмный Лорд вернулся к алтарю и коснулся пальцем лба Гермионы Грейнджер.

Затем он слегка ударил её пальцем по лбу и очень тихо — Гарри едва расслышал — произнёс:

— *Реквескус.*

Волдеморт махнул рукой в сторону одного из обелисков. Тот начал вращаться и, наконец, лёг на землю вершиной от алтаря.

— Поразительно, — прошепел Волдеморт. — Она жива, обладает магией, и ты не сделал её ещё одним Томом Риддлом, как я боялся.

Нервы Гарри опять натянулись, как струна. Он засунул палочку за пояс сзади, он совершенно не хотел напоминать Волдеморту, что палочка осталась у него.

— Что вы сейчас с ней делаете?

Ещё один обелиск повернулся и лёг на землю.

— *С-сущ-щес-твует с-старый забытый ритуал: принес-сти в жертву воли-шебное с-сущес-ство и передать его магичес-скую с-сущ-щнос-сть человеку. Много ограничений. С-сущ-щнос-сть передаётс-ся временно, ли-щ-шь на нес-сколько час-сов. Человек иногда умирает пос-сле. Но Камень с-сделает результат вечным.*

На земле через равные промежутки лежали четыре обелиска. Два оставшихся отлетели прочь.

Волдеморт поднёс руку ко рту, потом остановился и снова раздражённо зашипел. Он протянул руку в сторону спящего Квинруса Квиррелла, и у того изо рта вылетели два зуба — в темноте их было почти не видно. Один зуб упал в грудку вещей, второй опустился перед алтарём.

Секундой спустя Гарри вскрикнул и отшатнулся.

Гигантская и бесформенная фигура, бугристая кожа, ноги толщиной с древесные стволы, голова, похожая на кокос, водружённый на каменную глыбу.

В кругу обелисков стоял горный тролль. Он не шевелился. Казалось, будто он спит.

— Что вы делаете?!

Рот Волдеморта растянулся в широкой улыбке. Это выглядело крайне жутко, складывалось впечатление, словно у него слишком много зубов.

— *Пожертвую с-своё запас-ное орудие, и девочка получит с-спос-собнос-сть регенерировать, как у тролля. Ес-сли почему-то транс-сфигурационная болезнь не ис-счезла пос-сле предыдущ-щего ритуала, она вылечитс-ся. И ни один нож не с-сразит девочку, режущ-щее проклятье будет ей не с-страш-но, и болезни тоже.*

— Зачем... зачем вам это? — голос Гарри дрожал.

— *Пос-сле с-стольких ус-сий, чтобы вос-скрес-сить её, с-соверш-шенно не с-собираюс-сь допус-кать, чтобы она умерла с-снова.*

Гарри глотнул.

— Я очень сильно озадачен.

Волдеморт *тренируется совершать добрые поступки?* Эта гипотеза не казалась удовлетворительным объяснением.

— Держись подальше, — холодно сказал Волдеморт. — Этот ритуал Темнее предыдущего.

Тёмный Лорд снова запел, kloчующие мягкие звуки заполняли воздух и казались живыми. У Гарри опять появилось мрачное предчувствие, он отступил ещё на шаг.

И тут его шрам снова пронзила боль. Гарри вскрикнул. Горный тролль рассыпался пеплом, повисшим в воздухе. Затем пепел превратился в пыль, которую, в свою очередь, словно сдуло в никуда. Всё исчезло.

Гермиона Грейнджер мирно спала. Какое бы усыпляющее заклинание ни наложил на неё Волдеморт, оно прекрасно справилось.

— Гм, — тихо сказал Гарри. — Сработало?

— Диффиндо.

Гарри сдавленно вскрикнул и рванулся вперёд, но сразу же остановился. Во-первых, он понял глупость своих действий, во-вторых, внезапно возникшая глубокая рана на ноге Гермионы закрылась почти так же быстро, как и появилась. Через пару секунд на коже осталась лишь тонкая полоска крови.

На тело Гермионы опять опустился Камень. Через некоторое время он повернулся. Волдеморт провёл рукой над девочкой и снова рассмеялся.

— Чудесно.

Ещё один зуб влетел в круг обелисков и завис в воздухе. Спустя мгновение там, где раньше стоял тролль, появился единорог. Его глаза были тусклыми, а голова — опущена.

— А единорог зачем?! — воскликнул Гарри.

— *С-спос-собнос-ть крови единорога с-сохранять жизнь прекрас-но дополнит тролльс-ское ис-сцеление. С-с этого дня девочке будут с-страш-ны лиш-шь Адс-ский огонь и С-смер-тельное проклятие, — короткий змеиный смешок. — К тому же, ос-сталс-я лиш-шний единорог, почему бы не ис-пользовать.*

— У крови единорога есть побочные эффекты...

— *Только ес-сли с-сила крови единорога похищ-щаетс-я. Пос-ле этого заклинания с-сила единорога будет принадлежать девочке, с-словно она с-с ней родилас-сь.*

Снова началось мрачное песнопение, и kloчующие слова заполнили воздух.

Гарри смотрел и абсолютно ничего не понимал.

К чёрту понимание, что я вижу?

Я вижу, как Тёмный Лорд Волдеморт тратит огромнейшие усилия на то, чтобы воскресить Гермиону Грейнджер и со-

хранить ей жизнь в дальнейшем. Словно он думает, что его собственная жизнь каким-то образом зависит от того, жива Гермiona Грейнджер или нет.

Озадаченная часть Гарри пыталась понять, что ей делать. На ум сразу пришло «сделай предсказание, основанное на лучшей на данный момент гипотезе», но это ничем не помогало. После победы злодея сюжет должен был развиваться не так.

Опять боль в шраме. Гарри словно ударили по лбу. Единорог покачулся и рассыпался в пыль, как и тролль до него.

Тёмный Лорд ещё раз положил Камень Гермione на грудь и сложил её руки вокруг него.

Некоторое время Волдеморт смотрел, как идёт невидимый процесс, затем, не трогая Камень, повернулся и хмыкнул.

— О, да, — прошипел он. — Это подойдёт. Мальчик, дневник, который я тебе дал, у тебя с собой? Дневник знаменитого учёного?

Мозг Гарри не сразу сообразил, о чём говорит Волдеморт. В октябре в ресторане «У Мэри», в Комнате Мэри он получил ценный подарок от друга. За этой мыслью последовала волна ужасной печали, ибо тот профессор Квиррелл теперь навсегда потерян или вовсе никогда не существовал. Но это чувство возникало у Гарри уже не первый раз, и мозг его проигнорировал.

— Да, — ответил Гарри вслух. — Кажется, он в моём кошельке. Можно я проверю?

Гарри точно знал, что дневник в кошельке. Он сложил туда всё, что хоть как-то могло ему понадобиться из того, что у него было. Всё, что могло оказаться квестовым предметом.

Кошель-скрытень Гарри вылетел из кучи вещей у алтаря и упал к ногам Гарри.

— Дневник Роджера Бэкона, — сказал Гарри, схватив кошель, и дневник появился. Профессор Квиррелл говорил, что дневнику не страшен даже огонь, поэтому Гарри бросил его к алтарю Волдеморта. Мальчик даже не вздрогнул — сейчас были более серьёзные поводы для беспокойства, чем бережное обращение с книгами. Даже с этой книгой.

Волдеморт подобрал дневник и принялся его изучать. Казалось, он всерьёз углубился в это занятие.

Гарри как можно более тихо и незаметно повесил кошель себе на пояс сзади, там, где его не будет видно. Рядом с палочкой.

Шаг третий, кошель.

— Да, — прошипел Волдеморт, перелистывая страницы. — Это вполне подойдёт.

Камень шевельнулся, и Тёмный Лорд другой рукой убрал его в карман мантии.

— С какими тайными целями вы дали мне этот дневник? — спросил Гарри. Он уже прицепил кошель к поясу и теперь держал обе руки так, чтобы Волдеморт мог видеть, что в них ничего нет. — Я поначалу пытался немного переводить, но это продвигалось не быстро...

На самом деле, процесс шёл просто мучительно медленно, и у Гарри изменились приоритеты.

— *Дневник был именно тем, чем кажется, — подарком, чтобы заманить тебя на мою сторону, —* Волдеморт, не глядя, чертил палочкой в воздухе сложные фигуры. Другой рукой он сжимал дневник. На миг Гарри показалось, что он видит тёмный след в воздухе, но в лунном свете об этом трудно было судить с уверенностью. — А теперь, милый мальчик, — в высоком голосе Волдеморта послышалась мрачная усмешка, а его палочка небрежным движением на миг коснулась лба Гермионы Грейнджер, — я превращаю этот дневник в гораздо более ценный подарок, в знак того, как много мудрости я почерпнул от тебя. Ибо, пока живы звёзды, я хочу, чтобы ты никогда не лишался Гермионы Грейнджер, которая способна дать тебе мудрый совет и сдержать твои порывы. *Авадакедавра.*

Зелёный стукот Смертельного проклятия сверкнул быстрее, чем Гарри мог успеть вызвать патронуса. Быстрее, чем он мог пошевелиться, даже быстрее, чем он вскрикнул и потянулся за палочкой.

Неподвижное тело Квиринуса Квиррелла умерло, даже не дёрнувшись. Зелёный луч ударился в него, и всё.

Темнота в воздухе — анти-свет линий, начертанных Волдемортом только что — казалось, сверкала. Дневник Роджера Бэкона потемнел, его словно коснулась порча, а тело Гермионы Грейнджер окутало какое-то мерцание.

Шрам Гарри отозвался ошеломительной вспышкой боли, будто на его лоб поставили клеймо, и Гарри, повинуясь рефлексам Тома Риддла, невольно дёрнулся в сторону.

Волдеморт тоже кричал. Он уронил дневник и теперь вопил, схватившись руками за голову.

Шанс...

Это сказал последний голос надежды. Гарри отчаянно старался думать, старался понять, что делать. Пытаться убить Волдеморта сейчас совершенно бессмысленно, это его лишь разозлит, никакое оружие не убьёт его, пока существует хотя бы один из его сотен крестражей...

Но, тем не менее, казалась вполне стоящей идея временно лишить Волдеморта тела, забрать Камень, Гермиону и убежать.

Правой рукой Гарри уже вытащил палочку. Левой он неуклюже потянулся за спину, коснулся кошель и беззвучно начал рисовать пальцем буквы.

— Нет! — выкрикнул Волдеморт. Он отнял руки от головы и, словно в замешательстве, уставился на тело Гермионы. — Нет, нет!

В руку Гарри прыгнул предмет из кошель, и мальчик очень осторожно двинулся вперёд, сокращая расстояние между собой и Волдемортом до того, которое в результате непродолжительных экспериментов он счёл достаточным.

— Моё великое творение... — охнул Волдеморт. В его высоком голосе слышалась паника. — Не могут их несхожие души существовать в одном мире... Всё пропало, всё сломалось! Крестраж, я должен сделать крестраж прямо сейчас...

Волдеморт, не сводя глаз с Гермионы Грейнджер, снова принялся чертить палочкой в воздухе сложные фигуры.

Гарри вскинул пистолет и трижды спустил курок.

Глава 112

Провал. Часть 2

Уже в тот миг, когда Гарри вскинул пистолет, он понимал, что совершает ошибку. Его передний мозг осознал это и попытался остановить руку. Но почему-то тошнотворная уверенность в ошибке распространилась по телу недостаточно быстро, чтобы предотвратить нажатие пальца на спусковой крючок...

Эхо выстрелов разнеслось по кладбищу и затихло.

За долю секунды до выстрелов, Волдеморт ткнул палочкой вниз, и между ними выросла широкая стена из кладбищенской земли, которая поглотила все три пули.

Мгновением позже шрам Гарри пронзил вспышка боли, а по всему телу, казалось, пробежали мурашки. И после этого кошель, одежда, пистолет, вообще всё, что было у Гарри, исчезло. Он оказался голым, у него осталась лишь палочка в правой руке и очки, которые он зачаровал, чтобы они не слетали с носа. Стальное кольцо сорвалось с мизинца настолько резко, что оцарапало кожу. Трансфигурированный камень пропал вместе с ним.

— Это, — послышался голос Волдеморта из-за земляной стены, — было абсолютно предсказуемо. Ты правда думал, что я вслух закричу, что моё бессмертие разрушено? Специально, чтобы ты это услышал? Ты действительно в это поверил, глупый мальчишка? Опустить палочку и не поднимать её больше никогда, или умрёшь на месте.

Гарри сглотнул и направил палочку вниз.

— Вы бы разочаровались во мне, — ответил Гарри непривычно высоким голосом. — В смысле, если бы я упустил такую возможность.

Времени думать не было, и рот Гарри автоматически произносил какие-то слова, стараясь умиловить злого властелина, который, возможно, питал к Гарри отеческие чувства, и которого Гарри только что неудачно попытался убить.

Вышедший из-за земляной стены Волдеморт снова улыбался той самой ужасной улыбкой, при которой казалось, что у него слишком много зубов.

— Я обещал не поднимать руку или палочку против тебя, если ты не поднимешь руку или палочку против меня.

— Я стрелял пулями, — сказал Гарри всё ещё высоким голосом. — Это не рука и не заклинание.

— Моё проклятие считает иначе. Ты упустил один кусочек головоломки. Ты думал, я положусь на удачу в вопросе мира между нами? Перед тем, как я создал тебя, я наложил проклятие на себя и на всех остальных Томов Риддлов, которые произойдут от меня. Проклятие, которое помешает любому из нас угрожать бессмертию другого до тех пор, пока на его собственное бессмертие не покусится этот другой. Но произошла типичная нелепая ошибка, и, судя по всему, проклятие связало лишь меня, но не подействовало на младенца, который потерял собственную личность, — Тёмный Лорд тихо, но очень злоеде усмехнулся. — *Но ты с-сейчас-с попыталс-ся разруш-шить мою вечную жизнь, глупый мальчиш-ика. Проклятие с-снято, и я могу убить тебя, когда пожелаю.*

— Ясно, — ответил Гарри. Теперь ему действительно стало всё ясно. Вот почему Волдеморт рассказал ему про свою систему крестражей: ему нужно было, чтобы Гарри умышленно попытался лишить его бессмертия. Разум Гарри лихорадочно перебирал варианты действий, но ситуация казалась безвыходной. В лунном свете Гарри заметил, что его кошель и одежда теперь лежат ещё одной кучкой около алтаря — вне досягаемости.

— Теперь вы меня убьёте? — У Гарри всё ещё была палочка, вероятно, потому что Тёмный Лорд из-за диссонанса не мог отобрать её — как и очки — своей магией. *Самому выстрелить заклинанием? Нет, Волдеморт просто снова ткнёт палочкой вниз и опять создаст щит, а затем пристрелит меня. Что ещё можно сделать? ЧТО?*

— Ещё один дурацкий вопрос. Если бы нас больше ничего не связывало, я бы уже убил тебя.

Волдеморт вновь взмахнул палочкой, и земляная стена рухнула. Неторопливо он вернулся к кучке вещей около алтаря. Тёмный Лорд протянул руку и дневник Роджера Бэкона прыгнул в неё.

— Это — *дейс-твительно крес-страж* девочки, моя *улучш-шенная верс-сия*, — в его другой руке возник пергамент. — Это — ритуал для её *воскреш-шения*, на с-лучай, ес-ли его *придётся проделать с-нова*. *Инс-струкции чес-тные, ловуш-шек нет. Запомни, дух девочки-ребёнка не сможет с-свободно летать, как призрак, пос-кольку Вос-скреш-шающий Камень — это*

мой крес-страж, а не её. Не потеряй её крес-страж, или её дух окажется в нём заперт, — Волдеморт нагнулся, поднял кошель Гарри и скормил ему дневник и пергамент. — Запомни это на случай, если что-то дальше пойдёт не так.

— Я не понимаю, что происходит, — сказал Гарри. Ему просто больше ничего не оставалось. — Пожалуйста, объясните мне.

Тёмный Лорд смерил Гарри мрачным взглядом.

— *Когда девочку пос-стигла с-смерть, с-сопровождал ш-школьную прорицательницу. С-слыш-шал пророчество, что ты с-станеш-шь нес-слыханной разруш-шительной с-силой. С-станеш-шь невообразимой опас-снос-стью, опас-снос-стью апокалиптичес-ского мас-си-штаба. Вот почему я приложил с-столько ус-силий, чтобы отменить убийс-ство девочки, которое я с-сам с-соверш-шил, и с-сохранить ей жизнь и дальш-ше.*

— Вы... — что. — Вы уверены? — что?

— *Не с-смею с-сообщ-щать тебе подробнос-ти. Пророчес-ство, которое я ус-слыш-шал о с-себе, привело к тому, что я ис-полнил его. Я не забыл ту катас-строфу, — Волдеморт, сжимая в левой руке пистолет, отступил ещё дальше от Гарри, красные зрачки-щёлочки не отрывались от Мальчика-Который-Выжил. — Вс-сё это, вс-сё, что я с-сделал, предназначено для того, чтобы разруш-шить вс-се причины, по которым это пророчес-ство может с-сбытьс-ся, разруш-шить на вс-сех с-стадиях. Если в том, что произойдёт с-сегодня дальш-ше, мне с-суждено потерпеть неудачу, то ты, идиот-ребёнок, которому предначертано разруш-шать, будеш-шь обязан убить с-себя ради с-спас-сения девочки. Иначе всё, что ты с-считаешь ценным, погибнет от твоей с-собс-твенной руки.*

— Я... — голос Гарри поднялся ещё на октаву вверх. — Я... — ещё на октаву. — Я правда-правда не буду делать этого, честное слово!

— *Заткнис-сь, дурак. Молчи, пока я не разреш-шу тебе говорить. Держи с-свою палочку направленной вниз и не под-нимай её, пока я не с-скажу. Иначе ты умрёш-шь на мес-сте. Заметь, я с-сказал это на парс-селтанге, — Волдеморт снова приблизился к алтарю.*

Целую секунду разум Гарри не мог обработать, что же он видит, а затем он понял, что Волдеморт держит человеческую руку, отрезанную по плечо. Рука казалась слишком тонкой.

Тёмный Лорд прижал палочку к отрезанной руке, к точке где-то над локтем, и пальцы руки дёрнулись, словно живые. В ту-

склом лунном свете Гарри увидел, как на руке появилась Тёмная Метка — прямо под палочкой.

Через несколько секунд послышался хлопок аппарации, и на кладбище появилась первая фигура, укутанная в мантию с капюшоном. Спустя ещё мгновение послышался ещё один хлопок, за ним ещё один.

Под капюшонами блестели серебристые маски-черепа, а мантии были столь черны, что даже не отражали лунный свет.

— Повелитель! — закричал один из людей в чёрной мантии, третий из прибывших. Тембр голоса, раздававшегося за маской-черепом, казался каким-то странным. — Повелитель... прошло столько времени... мы потеряли надежду...

— Молчать! — раздался высокий голос Тёмного Лорда Волдеморта. У этой слишком высокой фигуры уже не было ничего общего с профессором Квирреллом. — Направьте палочки на Мальчика-Который-Выжил и следите за ним! Не отвлекайтесь ни на что! Оглушите его сразу же, если он начнёт двигаться или если он начнёт говорить!

Ещё хлопки. Между могилами, за деревом, во всех тёмных уголках появлялись всё новые и новые люди в чёрных одеждах, масках и капюшонах. Некоторые из них издавали радостные восклицания, хотя многие из этих восклицаний звучали довольно вымученно. Другие выходили вперёд, словно приветствуя своего Повелителя. Волдеморту приказывал всем одно и то же. Разве что некоторые должны были ударить Гарри Поттера Круциатусом, если он пошевелится, другим приказывалось задержать Гарри Поттера, если он начнёт двигаться, третьим было сказано стрелять заклинаниями и проклятиями, четвёртым — рассеивать его магию.

К тому моменту, когда люди в чёрных мантиях с масками-черепами перестали прибывать, Гарри насчитал тридцать семь хлопков.

И все прибывшие теперь стояли перед Гарри полукругом — чтобы никто не оказался на чьей-то линии огня — и направляли на него палочки.

Гарри же по-прежнему направлял свою палочку вниз, поскольку ему было сказано, что он умрёт, если попробует поднять её. Он не говорил ни слова, поскольку ему было сказано, что он умрёт, если попробует заговорить. Он старался не дрожать, что было совсем не просто, поскольку он был голым, а с наступлением ночи температура падала.

Знаешь, — сказал последний голос, голос надежды, в голове Гарри, — *кажется, дела наши довольно плохи даже по моим меркам.*

Последнее испытание

Высоко в безоблачном небе плыла горбатая Луна. Посреди темноты во всём своём великолепии сияли звёзды и Млечный путь. Всё это освещало тридцать семь масок-черепов, поблёскивающих над чёрными одеждами, и одетого в ещё более тёмную мантию Лорда Волдеморта, чьи глаза сверкали красным.

— Приветствую вас, мои Пожиратели Смерти, — раздался уверенный, высокий и жуткий голос Волдеморта. — Нет, не смотрите на меня, идиоты! Не спускайте глаз с мальчишки Поттера! С нашей последней встречи прошло десять лет, десять долгих лет. И всё же вы откликнулись на мой вызов, словно мы расстались вчера... — Тёмный Лорд Волдеморт подошёл к одной из фигур в капюшонах и постучал пальцами по маске. — И явились в напех трансфигурированной пародии на настоящие доспехи Пожирателя Смерти, с детским заклинанием искажения голоса. Объяснитесь, мистер Честный.

— Наши старые маски и мантии... — сказала фигура, по чьей маске постучал Волдеморт. Даже через искажающую тембр маску был слышен страх. — Пока вас не было, повелитель, мы... мы в них не сражались... поэтому я не поддерживал их чары... а потом вы призвали меня сюда, в маске, и я... я всегда верил в вас, повелитель, но я не знал, что вы вернётесь именно сегодня... мне очень жаль, что я вызвал ваше недовольство...

— Достаточно, — Тёмный Лорд сделал несколько шагов и встал позади другого человека. Тот, кажется, дрожал, хотя палочку он держал ровно и его маска по-прежнему смотрела в сторону Мальчика-Который-Выжил. — Быть может, я более благосклонно отнёсся бы к подобному пренебрежению, если бы вы следовали моим планам во всём остальном... мистер Советник. Однако, я возвращаюсь и вижу... что? Страну, завоёванную во имя меня? — высокий голос стал ещё выше. — Нет! Я вижу, как вы в Визенгамоте играете в заурядную политику! Я вижу, что ваши братья до сих пор томятся в Азкабане! И я вынужден признать, что я разочарован...

очень разочарован... Вы думали, что меня больше нет, что Тёмная Метка мертва, и потому мои цели стали для вас не важны. Я прав, мистер Советник?

— Нет, повелитель! — закричал человек в маске. — Мы знали, что вы вернётесь... но, но мы не могли сражаться с Дамблдором без вас...

— *Круцио*.

Ужасный пронзительный крик из-под маски разорвал ночь. Он длился несколько долгих, очень долгих секунд.

— Встань, — сказал Тёмный Лорд рухнувшему на землю человеку. — Направь палочку на Гарри Поттера. Никогда не лги мне больше.

— Да, повелитель, — всхлипнул Пожиратель, с трудом поднимаясь на ноги.

Волдеморт снова принялся расхаживать позади одетых в чёрное фигур.

— Полагаю, вам всем интересно, что здесь делает Гарри Поттер... Почему он приглашён на вечеринку в честь моего возрождения.

— Я знаю, повелитель! — воскликнул кто-то. — Вы собираетесь доказать своё могущество, убив его на глазах у всех нас, чтобы не осталось никаких сомнений, кто из вас сильнее! Показать, что ваше Смертельное проклятье может убить даже так называемого Мальчика-Который-Выжил!

Воцарилась тишина. Никто из людей в масках не смел проронить ни звука.

Тёмный Лорд Волдеморт, одетый в рубашку с высоким воротником и тёмную мантию, медленно повернулся к только что говорившему Пожирателю Смерти.

— Эта глупость, — прошептал Волдеморт голосом ледяным, как смерть, — мне кажется несколько чрезмерной, мистер Бледный. Вы слышали теорию о том, как я умер, и пытались спровоцировать меня повторить мою ошибку? — Лорд Волдеморт парил в воздухе, поднимаясь всё выше над землёй. — Я так понимаю, ты предпочитаешь лениться вместо того, чтобы служить мне? Да, *Макнейр*?

Заговорившего Пожирателя Смерти внезапно окружила голубая дымка. Он развернулся, резким движением направил палочку на Тёмного Лорда и выкрикнул:

— *Авада Кедавра!*

Волдеморт просто слегка повернулся, и зелёный сгусток пролетел мимо.

— *Авада Кедавра!* — ещё раз выкрикнул Пожиратель Смерти. Свободной рукой он делал пассы, и с каждым новым жестом

к дымке его щитов добавлялись новые цвета и слои. — Помогите мне, братья мои! Если мы все...

Пожиратель Смерти разлетелся на семь пылающих кусков. Прижжённые края плоти светились ещё какое-то время.

— Никому не сводить глаз и палочек с Гарри Поттера, — низким и устрашающим голосом повторил Волдеморт. — А действия Макнейра были просто абсолютной глупостью, ибо я повелеваю вашими Метками, и так будет всегда. Я бессмертен.

— Повелитель, — обратился к Волдеморту другой Пожиратель. — Девочка на алтаре... она послужит нам для Тёмного Пира? Мне кажется, она не подходит для такого радостного случая. Повелитель, я мог бы найти лучше, если вы позволите мне отлучиться ненадолго...

— Нет, мистер Дружелюбный, — похоже, Волдеморта несколько развеселили эти слова. — Маленькая ведьма, которую вы видите на алтаре — не кто иная, как Гермиона Грейнджер.

— Что?! — воскликнул кто-то, после чего быстро затараторил: — Я прошу прощения, повелитель, прошу прощения, умоляю вас...

— *Круцио*, — в этот раз крик продлился лишь пару секунд, похоже, для Волдеморта это было лишь формальностью. После этого Волдеморт снова заговорил так, словно его что-то забавляло. — Ради своих собственных целей я воскресил эту грязнокровку Темнейшей магией. Никто из вас ничем не побеспокоит её. Если я узнаю, что мой маленький эксперимент пострадал от ваших рук, лучше вам будет умереть самостоятельно. У этого приказа нет никаких исключений, что бы ни произошло дальше — даже если она, например, сбежит.

За этими словами последовал холодный высокий смех, словно только что прозвучала шутка, которую больше никто не понял.

— Повелитель, — донёсся дрожащий, искажённый голос из-под одной из масок-черепов. — Повелитель, пожалуйста... Я бы никогда не осмелился перечить вам, вы же знаете, я покорен вашей воле... Однако, умоляю, повелитель, позвольте мне вернуться, чтобы лучше служить вам и дальше... Я прибыл сюда в спешке, оставив... Повелитель, столь многие из нас исчезли, люди будут удивляться, они заметят наше отсутствие. Ещё немного, и у меня не будет алиби.

И снова раздался высокий холодный смех.

— А, мистер Белый, самый неверный из моих слуг. Я до сих пор не решил, переживёте ли вы своё наказание. Мистер Белый, теперь вы мне нужны гораздо меньше, чем когда-то. Пройдёт два дня, и мои Пожиратели Смерти смогут появляться открыто. Мои силы возросли, и сегодня я избавился от Дамблдора, — несколько

Пожирателей Смерти поражённо ахнули, но Волдеморт не обратил на это внимания. — Завтра я убью Боунс, Крауча, Хмури и Скримджера, если они не сбегут. Оставшиеся из вас пойдут в Министерство и Визенгамот и наложат проклятье Империи на тех, на кого я укажу. Наше ожидание завершилось. К закату завтрашнего дня я объявлю себя лордом-правителем Британии!

Теперь ахнули уже почти все Пожиратели, но одна из фигур расхохоталась.

— Вы находите меня забавным, мистер Грим?

— Мои извинения, повелитель, — ответил смеявшийся. Его палочка идеально чётко указывала на Гарри Поттера. — Я был рад услышать, что вы расправились с Дамблдором. Я потерял веру в то, что вы вернётесь, и трусливо сбежал из Британии в страхе перед ним.

Волдеморт усмехнулся. Эхо жуткого звука разнеслось по кладбищу.

— Я прощаю вас за вашу откровенность, мистер Грим. Я не ожидал вас увидеть сегодня, вы более компетентны, чем я подозревал. Но прежде чем обсуждать более приятные вещи, мы обязаны уделить внимание одному вопросу. Скажите мне, мистер Грим, если бы Мальчик-Который-Выжил дал вам клятву, могли бы вы ему поверить?

— Повелитель... Я не понимаю... — растерянно ответил мистер Грим. Один или два других Пожирателя Смерти обернулись было взглянуть на Волдеморта, но тут же вновь повернулись масками к Гарри.

— Отвечайте, — прошипел Волдеморт. — Это не ловушка, мистер Грим. Отвечайте правдиво, или последствия для вас будут печальны. Вы ведь знали родню мальчишки? Они были честными людьми? Если мальчишка добровольно принесёт вам клятву, даже зная, что вы Пожиратель Смерти, вы сможете поверить его словам? Отвечайте! — пронзительно выкрикнул Волдеморт.

— Я... да, Повелитель, наверное, смогу...

— Славно, — холодно произнёс Волдеморт. — Возможность поверить должна существовать, иначе ею нельзя пожертвовать. А связывающим для Нерушимого обета станет... кто из вас пожертвует своей магией? Это будет довольно длинный обет.... гораздо длиннее, чем обычно... потребуются довольно много магии... — Волдеморт улыбнулся своей ужасной улыбкой. — Связывающим станет мистер Белый.

— Нет! Пожалуйста! Повелитель, умоляю! Я служил вам лучше всех... изо всех сил...

— *Круцио*, — прервал его Волдеморт.

Искажённые маской крики мистера Белого длились, казалось, целую минуту.

— Скажи спасибо, если я оставлю тебе жизнь! Теперь, мистер Грим, мистер Белый, подойдите к мальчишке. Сзади, идиот! Не перекрывайте линию огня остальным! Да, все остальные обязаны стрелять в Гарри Поттера, если он попытается сбежать. Даже если при этом под удар попадут ваши собратья-Пожиратели.

Мистер Грим спокойно проследовал на указанное ему место. Мистеру Белому потребовалось на это больше времени — казалось, что он весь дрожит.

— Что это будет за Обет, повелитель? — спросил мистер Грим.

— Ах, да, — ответил Волдеморт. Тёмный Лорд продолжал мерять шагами пространство позади полукруга Пожирателей Смерти. — Сегодня... хотя я вряд ли могу ожидать, что вы поверите мне... сегодня, мои Пожиратели Смерти, мы делаем работу Мерлина. Да! Пред нами стоит великая опасность — мальчишка, чьему небывалому безрассудству предназначено стать причиной настолько огромных разрушений, что даже я сам едва могу их вообразить. Мальчик-Который-Выжил! Мальчик, пугающий дементоров! Стаду, что мнит себя хозяевами этого мира, стоило бы сильнее обеспокоиться на его счёт, когда они увидели это зрелище. Никчёмные... поголовно!

— Простите... — запинаясь, сказал ещё кто-то из Пожирателей. — Повелитель... безусловно, если всё так, как вы сказали... Повелитель, почему бы нам не убить его прямо сейчас?

Волдеморт расхохотался странным горьким смехом. После чего заговорил вновь — высоким чётким голосом.

— Мистер Грим, мистер Белый, Гарри Поттер. Объясняю вам смысл клятвы. Слушайте внимательно. Вы обязаны понять смысл Обета, который сейчас будет дан, поскольку этот смысл тоже свяжет вас и потому вы обязаны понимать его одинаково. Ты, Гарри Поттер, поклянёшься не уничтожать мир, поклянёшься не рисковать, когда существует опасность уничтожить мир. Этот Обет не может принудить тебя к активным действиям, и, значит, он не подтолкнёт тебя к какой-нибудь глупости. Мистер Грим, мистер Белый, вы понимаете? Мы имеем дело с пророчеством о разрушительной силе. Пророчеством! Пророчества иногда сбываются неожиданным образом. Мы обязаны принять меры, чтобы этот Обет сам по себе не привёл пророчество в исполнение. Мы не смеем формулировать Обет так, что он принудит Гарри Поттера просто стоять и наблюдать за катастрофой, которая уже зародилась по его вине, поскольку для того, чтобы её предотвратить, ему нужно пойти на какой-то меньший риск. Обет не должен и заставлять его выбирать риск поистине огромных

разрушений, чтобы избежать неминуемых малых разрушений. Но всё безрассудство Гарри Поттера, — Волдеморт почти кричал, — вся его беспечность, все его грандиозные схемы и благие намерения... он не будет рисковать тем, что всё это приведёт к беде! Он не будет играть с судьбой Земли! Никаких исследований, которые могут привести к катастрофе. Никакого срывания печатей, никакого открывания врат! — Волдеморт опять заговорил спокойно. — Но если однажды обнаружится, что сам этот Обет влечёт за собой разрушение мира, ты, Гарри Поттер, в такой ситуации будешь обязан его проигнорировать. Ты не доверишь самому себе принятие такого решения, ты будешь обязан честно рассказать всё другу, которому доверяешь, и пренебречь обетом лишь в случае его согласия. Вот какова цель и смысл Обета. Он влияет лишь на действия, которые Гарри Поттер выбрал бы самостоятельно, зная, что ему предназначено стать орудием разрушения. Ибо, чтобы была возможность пожертвовать выбором, выбор должен существовать. Вы понимаете, мистер Белый?

— Я... думаю, да... о, повелитель, умоляю, пусть Обет будет покороче...

— Молчи, дурак, от тебя сегодня будет больше пользы, чем за всю предыдущую жизнь. Мистер Грим?

— По-моему, повелитель, мне нужно выслушать это ещё раз.

Волдеморт улыбнулся своей слишком широкой улыбкой и повторил всё то же самое другими словами.

— А теперь... — холодно продолжил Волдеморт. — Гарри Поттер, ты по-прежнему будешь держать свою палочку опущенной и позволишь мистеру Гриму коснуться твоей палочки своей. Ты произнесёшь те слова, которые я прикажу. Всем остальным: если Гарри Поттер скажет что-то иное, оглушите его.

— Да, повелитель, — ответил хор из тридцати четырёх голосов.

Гарри замёрз и дрожал, причём не только потому, что он стоял голым посреди ночи. Он не понимал, почему Волдеморт просто не убил его. Казалось, что события развиваются по заданному сюжету — и задал этот сюжет Волдеморт. Гарри не понимал, что будет дальше.

— Мистер Белый, — сказал Волдеморт, — дотроньтесь вашей палочкой до палочки Гарри Поттера и повторите эти слова. Магия, что течёт во мне, скрепи этот Обет.

Мистер Белый произнёс эти слова. Даже несмотря на искажающий эффект маски, казалось, что у него разрывается сердце.

За спиной у Волдеморта на незнакомом Гарри языке запели обелески. Они повторили свои слова трижды, после чего замолчали.

— Мистер Грим, — сказал Волдеморт. — Подумайте, почему вы могли бы поверить этому мальчишке, если бы он давал клятву добровольно. Подумайте об этой возможности поверить и принесите её в жертву со словами...

— Да станет моё доверие к тебе, — сказал мистер Грим, — твоими оковами.

Затем настала очередь Гарри повторять слова Волдеморта, и Гарри заговорил.

— Я клянусь, — голос Гарри дрожал, но он говорил, — что не буду... уничтожать мир... по собственной воле... Я не буду рисковать... судьбой мира... Если меня принудят... я предпочту меньшие разрушения большим... Я не буду следовать этому Обету... если посчитаю, что он ведёт к разрушению мира... и друг... в чьей честности я уверен... согласится в этом со мной. По моей собственной свободной воле... — Гарри произносил слова ритуала и чувствовал, как сила сплетается в сияющие нити, которые обвивают его палочку и палочку мистера Грима, обвивают его руку в том месте, где её касается палочка мистера Белого, обвивают его «Я» на каком-то абстрактном уровне, само существование которого Гарри весьма беспокоило. Гарри чувствовал, как призывает силу собственного свободного выбора, и знал, что следующие его слова принесут её в жертву и после этого повернуть назад будет уже нельзя.

— Да будет так, — холодно и чётко произнёс Волдеморт.

— Да будет так, — повторил Гарри. И в этот миг он понял, что сущность Обета перестала быть чем-то, по поводу чего он может решать, делать так или не делать. Сущность Обета стала путём, по которому будут двигаться его разум и тело. Эту клятву он не сможет преступить, даже пожертвовав при этом жизнью. Как вода течёт вниз, как калькулятор складывает числа, так и Обет стал принципом, по которому будет существовать Гарри Поттер.

— Обет дан, мистер Белый?

Казалось, мистер Белый плакал.

— Да, повелитель... Я потерял так много, пожалуйста, я был наказан достаточно.

— Возвращайтесь на свои места, — приказал Волдеморт. — Хорошо. Не сводить глаз с мальчишки Поттера. Будьте готовы сразу же стрелять, если он попытается сбежать, поднять палочку или сказать хоть слово...

Одетый в чёрное Тёмный Лорд парил в воздухе. Снова в левой руке он держал пистолет, в правой — палочку. Он оглядел кладбище.

— Так лучше. А теперь мы будем убивать Мальчика-Который-Выжил.

Мистер Белый пошатнулся. Мистер Грим опять расхохотался, к нему присоединились и другие Пожиратели.

— Я сделал это не для забавы, — холодно сказал Волдеморт. — Мы имеем дело с пророчеством, идиоты. Мы отрезаем нити судьбы по одной. Осторожно, очень осторожно, потому что мы не знаем, когда мы столкнёмся с сопротивлением. Сейчас мы будем действовать в следующем порядке. Сначала Гарри Поттер будет оглушён. Потом ему отрежут руки и ноги и прижгут раны. Мистер Дружелюбный и мистер Честный обследуют его на наличие следов какой-либо необычной магии. Один из вас выстрелит в мальчишку несколько раз из моего магловского оружия, а затем все из вас, кто на это способны, поразят его Смертельным проклятием. Только после этого мистер Грим разможжит ему череп обычным могильным камнем. Я осмотрю труп, после чего он будет сожжён Адским огнём. Затем мы проведём здесь экзорцизм на случай, если от Гарри Поттера останется призрак. Я лично задержусь здесь на шесть часов, потому что я не до конца доверяю собственным защитным чарам против временных петель, а четверо из вас обследуют окрестности на предмет чего-либо необычного. И даже после этого мы должны будем бдительно следить, не появятся ли новые следы существования Гарри Поттера, на случай, если Дамблдор воспользовался каким-то невообразимым трюком. Если кому-то из вас приходит в голову упущенный мной способ дополнительно удостовериться, что с угрозой Гарри Поттера покончено, пусть говорит и я щедро его вознагражу... Ну же, во имя Мерлина, говорите!

Пожиратели Смерти стояли, словно поражённые громом. Ни один из них не произнёс ни слова.

— Бесполезны все до единого, — сказал Волдеморт с горьким презрением. — Сейчас я задам Гарри Поттеру последний вопрос. Ответ на него предназначен лишь для моих ушей, поэтому Гарри Поттер будет отвечать на парселтанге. Немедленно стреляйте в него, если он ответит чем-то, кроме шипения, если он попытается сказать хоть слово на человеческом языке.

И Волдеморт зашипел сам:

— *С-сказано, что ты будешь-шь владеть с-силой, что мне не извес-стна. Я узнал от тебя о магловс-ских ис-скус-ствах и уже их изучаю. С-секрет твоей влас-сти над пожирателями жизни, как ты с-сказал, я должен понять с-сам. Ес-сли ты вла-*

дееш-шь ещ-щё какой-то с-силой, какой и я с-смогу обладать, с-скажи мне о ней с-сейчас-с. В противном с-случае я намерен пытаться некоторых из тех, кто дорог тебе. Час-сть жизни я тебе уже обеща-щал, но не вс-се. Грязнокровки из твоей ма-ленькой армии. Твои драгоценные родители. Вс-се они будут с-страдать, и с-страдания покажутс-ся им вечнос-стью, а затем я пош-шлю их, с-сломанных, в тюрьму к пожирателям жизни, помнить о с-своих с-страданиях до с-самой с-смерти. За каждую неизвес-стную мне с-силу, про которую ты мне с-скажешь, как ей пользо-ваться, а также за любой другой интерес-ный мне с-секрет, ты с-сможешь назвать одного человека, и под моей влас-тью он получит почес-сти и заш-щиту. Это я тебе обеща-щаю, и обеща-ние это с-собираюс-сь с-сдержать, — улыбка Волдеморта теперь вызывала впечатление змеи, показывающей клыки, и среди змей такое выражение означало обещание, что в того, кто стоит перед клыками, они сейчас вонзятся. — Не трать время на мыс-сли о бегс-стве, ес-сли заботиш-шьс-ся о с-своих близких. У тебя ес-сть шес-стьдес-сят с-секунд, чтобы начать рас-сказывать то, что я хочу знать. А пос-сле начнётс-ся твоя с-смерть.

От автора

Это ваше последнее испытание.

У вас 60 часов.

Ваше решение должно, как минимум, позволить Гарри избежать немедленной смерти, несмотря на то, что он голый, у него есть лишь его палочка, а перед ним стоят 36 Пожирателей Смерти плюс воскрещённый Волдеморт в полной силе.

Если рабочее решение будет отправлено до 00:01 PST (8:01 UTC) 3 марта 2015 года, история продолжится до 121 главы.

В противном случае вы получите короткий и печальный конец.

Учите следующее:

Гарри обязан достичь успеха благодаря собственным усилиям. Кавалерия не придёт. Все, кто мог бы помочь Гарри, считают, что он на квиддичном матче.

Гарри может использовать только то, что уже описано в книге. За ближайшие 60 секунд он не в состоянии изобрести невербальную беспалочковую легилименцию.

Волдеморт — злодей, и его нельзя уговорить стать добрым. Разговаривая с Волдемортом, нельзя изменить его функцию полезности.

Если Гарри поднимет палочку или заговорит не на парселтанге, Пожиратели Смерти выстрелят сразу же.

Если простейшая линия времени подразумевает, что Гарри умрёт, если он не в состоянии получить свой Маховик времени без помощи Маховика времени, то Маховик времени в игре не участвует.

Лгать на парселтанге невозможно.

С учётом всех этих ограничений, Гарри позволено использовать весь свой потенциал рационалиста, не важно, какие промахи он допускал раньше. Теперь или никогда!

Конечно, «рациональное решение», если вы используете слово «рациональное» правильно, лишь излишне вычурный способ сказать «лучшее решение», или «решение, которое мне нравится», или «решение, которым я бы воспользовался на его месте», и вообще вам стоило бы использовать последнюю формулировку. (Слово «рациональный» мы используем, лишь чтобы описывать способ мышления, безотносительно каких-то конкретных решений.)

А согласно принципу Винджа, чтобы точно знать, что сделает кто-то умный, вы обязаны быть не менее умным, чем он*. Спросить кого-то «Какой ход посчитает лучшим идеальный игрок?» значит спровоцировать вопрос: «Какой ход, по-твоему, лучший?»

Поэтому, фактически, когда я говорю, что Гарри позволено использовать весь свой потенциал рационалиста, это означает, что Гарри позволено решить эту задачу тем способом, каким решите её ВЫ. Гарри может прийти в голову любая идея, которую вы в состоянии описать мне.

Но нельзя, например, сказать «Гарри должен убедить Волдеморта отпустить его», если вы не можете объяснить, как именно.

Правила fanfiction.net позволяют лишь один отзыв на главу. Пожалуйста, присылайте ТОЛЬКО ОДИН отзыв на главу 113 с одним решением.

Если вы ранее не участвовали в интернет-обсуждениях предыдущих глав, я не рекомендую сейчас к ним присоединяться. Лучше попробуйте придумать решение самостоятельно, не читая других отзывов. Вы сможете узнать, как вы справились с задачей, когда выйдет глава 114.

Я желаю всем удачи или, скорее, смекалки.

Глава 114 появится в 18:00 UTC во вторник, 3 марта 2015 года.

ДОБАВЛЕНО:

Даже помня про эффект свидетеля, я полагаю, что неучастие в испытании всех тех, у кого есть более важные дела, крайне мало меняет вероятность спасения Гарри (потому что выгода от дополнительных участников уменьшается при возрастании их числа, а на данный момент над задачей думает уже очень много людей).

Поэтому, если у вас нет времени — не участвуйте.

Как и любой автор, я обожаю нежный вкус страданий моих читателей, он лучше любого шоколада. Но я не хочу навредить вам.

Точно так же, если вы страшно ненавидите такие штуки — не участвуйте! Другим этот экзамен нравится. Просто приходите через несколько дней. Я даже не ожидал, что это надо объяснять.

Напоминаю вам, что у вас есть часы на размышление. Не спешите предлагать решения, Люк*.

И честно-честно говорю вам, Гарри не может изобрести новые магические возможности или обойти ранее заявленные ограничения на них за следующие 60 секунд.

Автор дописал это спустя несколько часов после публикации. — *Прим. перев.*

Как вы могли заметить по приведённым датам, формально, испытание для читателей уже состоялось. Однако, мы всё же советуем вам потратить хотя бы пять минут на размышления: что же может сделать Гарри в описанной ситуации? — *Прим. перев.*

Глава 114

Заткнись и сделай невозможное

Высоко в безоблачном небе плыла горбатая Луна. Посреди темноты во всём своём великолепии сияли звёзды и Млечный путь. Невообразимо далёкие светила молча взирали на кладбище.

В тот миг, когда Гарри осознал, что у него нет никакой возможности спасти всех, голоса в его голове утихли, слились воедино. Весь его разум поглотила единственная цель.

Пятьдесят секунд.

Сорок секунд.

Взгляд Гарри скользнул по кладбищу и остановился на ближайшем к нему Пожирателе Смерти.

Тридцать секунд?

Двадцать секунд?

— *Время почти выш-шло, —* прошепел Волдеморт.

— *Я дейс-ствительно знаю с-секреты, которые тебе хотелось бы узнать, —* прошепел Гарри, не поднимая взгляда на Тёмного Лорда. — *Но, мне кажется, с-самым ценным знанием для тебя будут мои размыш-ления, как может быть разруш-шен мир. Однако, ес-ли я с-сообщ-щу эти мыс-сли, это может привес-сти к разруш-шению мира. Не знаю пророчес-ство, но, ес-ли оно с-сущ-щес-твует, довольно выс-сока вероятнос-сть, что любое моё дейс-ствие может привес-сти к этому. С-с другой с-стороны, возможно, ес-ли я рас-скажу тебе, разруш-ение мира не с-случитс-ся, пос-кольку ты, кажется, заинтерес-сован предотвратить его. Не в с-сос-стоянии принять реш-шение с-самос-стоятельно. Требуе-тся разбудить девочку-друга, чтобы проконс-сультирова-тьс-я. Обет требует.*

На некоторое время воцарилась тишина. После чего Тёмный Лорд, парящий позади полукруга Пожирателей Смерти, начал испускать звуки, которые по мнению Салазара Слизерина соответствовали змеиному смеху.

— *Значит, ты знаеи-шь, как разруи-шить мир?* — раздалось холодно-весёлое шипение.

— *Не с-стану умыш-иленно предс-ставлять с-способ. Ты мог подс-строить, чтобы твой с-слуга украл мои мыс-сли. Обет запрещ-щает. Но, думаю, с-смогу изобре-сти с-способ, ес-сли девочка с-скажет попытаться.*

Взгляд Гарри медленно переместился на другого Пожирателя Смерти, затем на третьего.

Снова змеиный смех.

— *Умно. Придуманная тобой тактика зас-служивает похвалы. Но нет.*

— *Знаю, это раздражает, но, когда на кону мир и твоя вечнос-ть, разве не лучи-ше...*

— *Ес-сли занимаюсь такими с-сложнос-стями и от-кладывать твой конец, рис-ск для мира лии-шь увеличитс-ся. Я с-сам ос-свою магловс-кие науки и подумаю обо вс-сём, что ты мог бы вообразить. А теперь рас-сказывай о с-секретах, которые ты можеи-шь мне поведать, или вс-сё закончитс-ся.*

Гарри медленно продолжал переводить взгляд с одного Пожирателя на другого. Мальчик не смотрел на Тёмного Лорда, тот оставался лишь парящей чернотой на периферии зрения. Рот Гарри продолжал говорить, но речь занимала только половину его внимания.

— *Мне приш-шла мыс-сль, которую ты, учитель, мог не учес-ть. Нес-смотря на вс-се твои предос-сторожнос-сти, попытка убить меня может провалитьс-ся из-за некоторых ос-собых обс-стоятельс-ств, и, не ис-ключено, что это при-ведёт к тому, что позже я разруи-шу мир. В иной с-ситуации я не с-счёл бы это вероятным, но, раз с-существует пророчес-ство, это вполне возможно.*

Волдеморт неподвижно завис в воздухе.

— *Каких обс-стоятельс-ств?*

— *Не обязан рас-сказывать.*

В шипящих звуках теперь слышался холодный гнев.

— *Хоть я и понимаю прекрас-сно твоё отчаяние и твои попытки выкрутитс-ся, эта бес-седа начинает меня раздра-жать. Ты не с-сможеш-шь переубедить меня: ос-ставить тебя в живых будет больш-шим рис-ском. Ты должен рас-сказать мне с-свою мыс-сль, чтобы не подвергать мир опас-нос-ти. Говори!*

— *Нет. Обет не обязывает меня с-совершать какие-либо активные дейс-ствия.*

Тёмный Лорд уставился вниз на Гарри Поттера, который лишь скользнул взглядом по разъярённому лицу, а затем его глаза вернулись к следующему Пожирателю Смерти. Некоторые из Пожирателей слегка изменили позы, но все они по-прежнему стояли с поднятыми палочками и молчали. Эмоции за серебряными масками-черепами было невозможно прочесть.

Тёмный Лорд снова рассмеялся.

— *Думаешь-шь, с-сможешь-шь пережить с-свою с-смерть?* Нет, мальчик, с-с тобой мои крес-стражи не с-связаны. Я бы об этом знал. Или ес-сть иная причина, по которой ты думаешь-шь, что с-сможешь-шь выжить, нес-смотря на все запланированные мной дейс-ствия, чтобы убить тебя?

Гарри не позволял себе отвлекаться. Повторяющиеся неудачи не имели значения, они только вели к следующему действию в цепи, но ему всё ещё было нужно это самое следующее действие...

— *А теперь рас-сказывай с-секреты,* — прошипел Тёмный Лорд. — *Или я...*

— *Пожиратели жизни будут прес-следовать тебя повс-сюду, вечно тебя ненавидеть и ис-скать тебя, где бы ты ни был. Ес-сли у меня с-сейчас-с получилос-сь с-сделать то, что я хотел, ты с-станешь-шь их целью! С-секрет Чар Защ-щитника будет недос-ступен тебе ещ-щё долгое время, возможно, ты никогда его не узнаешь-шь! С-секрет лучш-шей защ-щиты против по-жирателей жизни умрёт вмес-сте с-со мной!*

— *Мне это начинает надоедать...* — голос Тёмного Лорда умолк. — *Ага, яс-сно. Пожиратели жизни дейс-твуют с-со-глас-сно ожиданиям. Ты говоришь-шь мне, что за мной будут охотитьс-ся, я ожидаю, что за мной будут охотитьс-ся, и они охотятс-ся за мной. Это редкос-сть, но не что-то нес-слы-ханное. Ценный с-секрет, да. Вижу много с-спос-собов ис-пользо-вать,* — безжалостная улыбка. — *Я позволяю тебе выбрать человека, который будет с-спас-сён.*

— *Выбираю с-себя.*

— *Пос-советовал бы тебе умереть с-с дос-стоинс-ством, но, зная с-себя, понимаю тш-щетнос-сть подобных с-слов. Ты разо-злил меня и впус-тую потратил мой щ-щедрый дар, я забираю его обратно. Ещ-щё с-секреты?*

— *Да. Тоже вес-сьма интерес-ные. До некоторых из них с-сам ты догадаешь-шьс-я нес-скоро, если вообш-ще догадаешь-шьс-я. Ес-сли я с-скажу вс-сё, что не подвергает рис-ску с-суш-*

щес-ствование мира, ты согласишься не мучить никого из моих друзей и с-семьи? Вес-сь этот разговор начал-ся, потому что ты не ос-тавил мне возмозжно-сти с-спасти вс-сех.

На несколько секунд Тёмный Лорд неподвижно замер в воздухе.

А взгляд Гарри продолжал медленно скользить по кладбищу, и его рука всё так же крепко сжимала палочку.

В тот миг, когда Гарри понял, что не осталось способа спасти всех...

Он не мог произносить заклинания на английском. Но трансфигурация не требовала слов.

Ничто не контактировало с его палочкой, кроме воздуха, который невозможно трансфигурировать. Но Волдеморт не знал о частичной трансфигурации, и с её помощью Гарри трансфигурировал крошечный кусочек материала самой палочки.

— *Ты тянеш-шь время, — сказал Тёмный Лорд. — Про-сто, чтобы отс-срочить с-смерть? Или с-с другой целью?*

Гарри промолчал. Его незаметные никому действия замедлились, пока его разум искал, как продолжить разговор даже вопреки воле Тёмного Лорда.

— *Открой мне с-свою цель, или разговор окончен, и твои друзья будут с-страдать до с-самой с-смерти!*

— *Опус-сти оружие маглов и не направляй палочку в мою с-сторону, — ответил Гарри, изо всех сил стараясь, чтобы его шипение прозвучало как можно холоднее и опаснее. — Ничего не приказывай с-своим с-слугам. Я дейс-ствительно обладаю с-спос-собнос-стями, о которых тебе неведомо. Могу ис-пользовать одну из с-спос-собнос-стей, чтоб вызвать моц-цный взрыв почти мгновенно, не произнос-ся заклинаний. Убьёт твоё новое тело, вс-сех с-слуг, отброс-сит Камень неизвес-тно куда.*

При своём нынешнем уровне подготовки Гарри мог трансфигурировать один кубический миллиметр практически мгновенно, лишь усилием воли и магией.

Один кубический миллиметр антимагии.

Это не было угрозой всему миру.

Волдеморт словно окаменел.

— *Ты каким-то образом блефуеш-шь.*

— *Не блефую. Я утверждаю на змеином языке, что могу с-сделать это почти мгновенно, думаю, до того, как меня коснётся какое-либо заклинание. Ты вс-сё ещ-щё очень мало знаеш-шь о науке. Моц-цшь, которую я призову, с-сильнее, чем процес-с, питающ-щий звёзды.*

— Тебе помеш-шает Обет, — прошипел Волдеморт. — Ты не можем-шь рис-сковать с-сущ-щес-твованием мира. Нельзя рис-сковать, ис-ключено, никаких умных идей!

— Не рис-скую миром. Я оценил мощ-щность взрыва, она нес-сравнимо меньш-ше.

— Ты не знаешь-шь этого НАВЕРНЯКА, дурак! Не можешь-шь быть УВЕРЕН! — шипение Волдеморта становилось всё выше.

— Ес-сть причины для увереннос-сти. Обет не ос-стано-вит меня.

На лице Волдеморта всё явственнее проступала ярость, но в его шипении слышался и оттенок страха.

— Боль, что ис-спытают вс-се, кто дорог тебе, будет невообразимой...

— Заткнис-сь. Вс-се твои угрозы для меня уже ничего не значат, пос-кольку теория игр велит мне их игнорировать*. Ты угрожаешь-шь мне лиш-шь потому, что ожидаешь-шь мой на то ре-акции, — это Гарри тоже осознал до крайности ясно. — Предложи мне что-нибудь, чего я хочу, учитель. Ради с-своего нового тела, ради того, чтобы с-сохранить Камень, ради жизни с-своих с-слуг.

Рот Гарри говорил автоматически, основное внимание было сконцентрировано на другом.

В лунном свете блестит полоска серебра...

Из крошечной точки на конце палочки Гарри, из кубического миллиметра, ставшего основой, тянулась тонкая нить трансфигурированного паучьего шёлка. Она бы порвалась сразу, если б кто-нибудь попробовал её разорвать. Кто-нибудь мог бы заметить отблеск от этой нити, но вряд ли этот отблеск привлёк бы серьёзное внимание. Гарри был способен очень быстро трансфигурировать такую нить, ведь её толщина составляла всего лишь десятую долю миллиметра, десять сантиметров длины давали меньше кубического миллиметра объёма, а Гарри был способен трансфигурировать кубический миллиметр за доли секунды. Гарри трансфигурировал нить в направлении от себя, увеличивая её длину с максимально возможной скоростью, при которой не было риска для трансфигурации.

Нить паучьего шёлка протянулась к капюшону очередного Пожирателя Смерти, обвила его вокруг шеи и вернулась обратно к центру паутины.

Лицо Волдеморта теперь ничего не выражало.

— Ты не имеешь-шь права уйти отс-сюда живым. С-со мной бы с-соглас-силис-сь даже разумные люди из тех, кого называют

хорош-шими, это я с-скажу даже на парс-селтанге. Но ес-сли ты с-соглас-сиш-шьс-ся умереть, как подобает хорош-шему человеку, я буду хорош-шо обращ-щаться с-с твоими друзьями и вс-се они получат мою защ-щиту.

Капюшон последнего Пожирателя Смерти захлестнула петля. Паутина была закончена. Петли теперь обвивали шеи всех Пожирателей Смерти. Концы этих петель соединялись с центральным кругом, а от этого центрального круга три нити уходили в центр. Вся паутина по-прежнему соединялась с изначальной нитью,ходящей от палочки Гарри.

Спустя несколько секунд почти невидимые, отражающие лунный свет нити стали чёрными.

Волокна тоньше, прочнее и острее стальной проволоки, нити, сплетённые из углеродных нанотрубок. Каждая трубка представляла из себя единую молекулу.

Гарри прошипел.

— Хочу, чтобы ты также пообещ-щал хорош-шо обращ-щаться с народами, которые окажутс-ся под твоей влас-стью. Не с-соглаш-шус-ь на меньш-шее.

Волдеморт безмолвно парил в воздухе. На змеином лице зарождалась ярость.

Из тёмной паутины поползли вверх две последние чёрные нити, уже состоящие из нанотрубок. Они легко протянулись по воздуху к самому Тёмному Лорду, одна поднялась над рукавом левой руки, в которой Волдеморт держал пистолет, другая — над рукавом правой, в которой он сжимал тисовую палочку. Гарри создал нити с некоторым запасом, с учётом того, что они будут опускаться под собственным весом. Каждая из нитей образовала петлю и прошла через неё, создавая скользящий узел. Затем Гарри трансфигурировал нити в более короткие, они начали затягиваться вокруг рукавов...

Краем сознания Гарри почувствовал покалывание от того, что магия Волдеморта коснулась его собственной. Глаза Тёмного Лорда расширились, его рот распахнулся.

И Гарри трансфигурировал сходящиеся к центру чёрной паутины чёрные нити в такие же нити, но в четыре раза короче. Круг сжался, все нити резко дёрнулись и петли затянулись.

(Падают тёмные одежды)

Гарри не смотрел на Пожирателей, он не видел падающие маски и кровь. На краю сознания он почувствовал выбросы магии, такие же, какие чувствовал в момент смерти Гермiony. Но он проигно-

рировал их. Взгляд Гарри был прикован к рукам Тёмного Лорда, которые вместе с палочкой и пистолетом полетели вниз. Палочка Гарри взметнулась вверх...

— *СТУПОФАЙ!*

Красный сгусток цвета Оглушающего проклятья с огромной скоростью понёсся в направлении Волдеморта.

В тот же миг, не обращая внимания на раны, Тёмный Лорд рванулся вниз и вправо.

А красный сгусток Рыскающего сногшибателя — тайного заклинания, придуманного профессором Флитвиком, — развернулся в воздухе и врезался в Волдеморта.

В шраме Гарри вспыхнула жгучая боль. Он закричал, взгляд затуманила красная пелена. От этой боли и полнейшего изнеможения Гарри выронил палочку.

И боль сразу же начала отступать...

Заткнись и сделай невозможное. Часть 2

Сознание Гарри захватило что-то вроде диссоциативной фуги*. Состояние полного сосредоточения частично исчезло, частично осталось с ним. Все его субличности молчали. Возможно, какая-то часть его разума умышленно заставила их заткнуться, потому что понимала, что произойдёт в противном случае. То, что он только что совершил...

Мысль исчезла, освободив место для беспокойства о другом.

Гарри стоял на заброшенном кладбище посреди беспорядочно расположенных надгробий.

В свете Луны и звёзд виднелись лежащие на земле тела в чёрных мантиях. Почва вокруг них отличалась от обычной кладбищенской земли: она казалась влажной и в лунном свете отливала красным. Из капюшонов мантий выкатились несколько голов, можно было разглядеть их волосы — длинные и короткие, тёмные и светлые. Серебряные маски остались на головах, и потому волосы обрамляли черепа, не лица...

И эта мысль исчезла, освободив место для беспокойства о другом.

На алтаре спала девочка в мантии Хогвартса с красной оторочкой. Рядом с алтарём были свалены в кучу вещи Гарри.

На земле лежал слишком высокий бледный мужчина с нечеловеческим лицом, из обрубков его рук струилась кровь.

Как только Тёмный Лорд Волдеморт очнётся, он уничтожит всё, что тебе дорого.

Дамблдора, который мог бы остановить его, больше нет.

ЗаклЮчить Волдеморта в тюрьму невозможно, поскольку он в состоянии покинуть своё тело в любой момент.

Убить его навсегда невозможно. Для этого необходимо уничтожить больше сотни крестражей, один из которых — табличка на Пионере-11.

Инструменты: одна волшебная палочка. В этот раз её можно направлять куда угодно. Можно произносить заклинания.

У тебя пять минут.

Думай.

Пошатываясь, Гарри приблизился к алтарю, опустился рядом с ним на колени и подобрал свой кошель.

Затем направился к телу Волдеморта.

После того как Тёмный Лорд потерял сознание, чувство тревоги уменьшилось. Теперь, когда Гарри приблизился к телу, оно достигло ужасающей силы. Шрам тоже заболел.

Гарри проигнорировал внутренний вопль. Этот вопль порождался последним воспоминанием Тома Риддла, которое оказалось выжжено в мозгу Гарри, самым последним шаблоном, который достался младенцу перед тем, как Том Риддл взорвался. Это было чувство возрастающего ужаса и смуты, вызванное резонансом, который вырвался из-под контроля. Гарри теперь понимал, что означает это чувство, о чём оно предупреждает, и поэтому не обращать на него внимание стало легче. Он поставил на то, что эффект резонанса в большей степени бьёт по тому, кто использует магию, и сила удара пропорциональна магической силе волшебника, и в итоге выиграл.

Гарри взглянул на тело Волдеморта и глубоко вздохнул — через рот, поскольку нос забивал медный запах, который Гарри старательно игнорировал.

Мальчик опустился на колени рядом с телом, вытащил из кошелька набор целителя и наложил самозатягивающиеся жгуты сначала на левое запястье Волдеморта, затем на правое.

Заботиться о Волдеморте казалось совершенно неправильным. На задворках сознания какая-то часть Гарри понимала, что с несколькими людьми только что произошло нечто очень плохое. И если Волдеморта постигнет такая же ужасная участь, это будет лишь достижением равновесия, это будет справедливо. Сейчас Гарри чувствовал себя Бэтменом, который больше заботится о Джокере, чем о жертвах Джокера*. Ему показалось, будто он очутился в книге комиксов, авторы которой безостановочно заламывают руки по поводу этичности убийства Главных Злодеев, в то время как на заднем плане продолжают погибать невинные. Заботиться о главном злодее сильнее, чем о его приспешниках, обращать на его судьбу гораздо

больше внимания, чем на судьбу его низкоранговых последователей, было каким-то изъяном человеческой природы.

Всё с тем же чувством «неправильности» Гарри поднялся на ноги. Жгуты на запястьях Волдеморта затянулись. Гарри не оставляло ощущение, что он делает что-то чудовищное с точки зрения этики.

Гарри не мог избавиться от этого чувства, даже несмотря на увещевания разума о том, что телу Волдеморта никак нельзя позволить умереть. Душа Тёмного Лорда, которую он для себя создал, должна оставаться прикованной к его мозгу. Нельзя допустить, чтобы она освободилась.

Гарри сделал шаг назад от лежащего без сознания Волдеморта. По-прежнему глубоко дыша через рот, он направился к груде своих вещей. Гарри сразу же повесил себе на шею Маховик Времени, чтобы получить возможность сбежать и вернуться, если это потребуется. После чего оделся и собрал всё остальное.

Больше сотни крестражей...

Безумие. Гарри не мог подобрать иного слова. Волдеморту слишком боялся смерти, и, судя по всему, это плохо повлияло на его мышление. Магловский эксперт по безопасности сравнил бы подход Волдеморта с постройкой секции стены в сотню метров высотой посреди пустыни. Лишь очень любезный противник стал бы перелезать через эту стену. Любой разумный человек просто обошёл бы её, и увеличение высоты стены ничего бы не изменило.

Если забыть о том, что задача якобы не решается, и не бояться этого, то она даже перестаёт быть сложной, особенно по сравнению с предыдущей.

Родителей Невилла, например, проклятием Круциатус довели до неизлечимого безумия. Даже две сотни улучшенных крестражей не спасли бы их, они бы просто отражали один и тот же повреждённый разум.

Если проклятие Круциатус — единственный способ навеки остановить Волдеморта, его использование становится этически оправданным. Это будет правосудием, восстановлением равновесия, это покажет, что жизнь Джокера стоит не больше, чем жизнь самого ничтожного его прислужника...

Гарри нужно лишь вызвать патронуса, отправить его к... Аластору Хмури?... и попросить прибыть сюда. Впрочем, нет, скорее всего, патронус не появится, если вызывать его с *такой* целью. Возможно, Гарри следует просто решиться, что он расскажет обо всём Хмури и воспользуется Маховиком времени сразу же после выхода за пределы защитных чар Волдеморта.

Таким образом, Волдеморта вполне можно довести до неизлечимого безумия.

Это был бы даже не самый безжалостный вариант. Если палочка остаётся связанной с жизнью и магией Тёмного Лорда, куда бы ни отправился его дух, то самым безжалостным будет бросить её в яму Азкабана.

Гарри вернулся к телу Волдеморта. Он по-прежнему старался дышать ровно, несмотря на обжигающие ощущения в горле. Какая-то часть Гарри помнила, что перед ним также лежит и профессор Квиррелл, пусть у него сейчас и другое тело. Пусть даже смена личности выглядела идеальной, а значит, профессор Квиррелл был лишь одной из многих масок...

Впрочем, Волдеморт не планировал убивать Гарри мучительно. Не подумал приказать своим последователям выстрелить в Гарри Круциатусом, когда Гарри начал его раздражать. В случае, когда твой противник — Волдеморт, это всё-таки что-то значит. Возможно, у него всё же сохранились остатки каких-то родственных чувств к другому Тому Риддлу.

...но неправильно принимать это во внимание.

Или правильно?

Гарри посмотрел на звёзды. Здесь, под слоем атмосферы, звёзды мерцали и выглядели вставленными в мнимый купол ночного неба. Через небосвод протянулась длинная сияющая лента Млечного Пути. И всё это казалось таким близким, словно Гарри мог вскочить на метлу и достать звёзды рукой.

Какое решение от него на этом распутье ждут дети детей детей?

Ответ казался очевидным, если, конечно, он не пришёл от той части Гарри, которая до сих пор беспокоилась о профессоре Квирреле.

Всё, что Гарри сделал, сделать было необходимо. Он предотвратил гораздо большие злодеяния. Он не смог бы остановить Волдеморта, если бы Пожиратели Смерти выстрелили. Но действия Гарри нельзя уравновесить трагедией для ещё одного разумного существа, в которой нет необходимости, пусть даже речь идёт о Волдемorte. Эта трагедия лишь ляжет ещё одним камешком в гору скорби, давным-давно сложившуюся на древней Земле.

Прошлое уже в прошлом. Ты сделал то, что был должен, и не причинил ни капли вреда больше необходимого. Даже для того, чтобы всё уравновесить и сделать симметричным.

Дети детей детей не желали бы Волдеморту смерти, пусть его приспешникам и пришлось умереть. Они не хотели бы, чтобы Вол-

деморт страдал, если эти страдания не служат для чего-то большего, сравнимого с отсутствием его страданий.

Гарри глубоко выдохнул и отпустил свою... не то, чтобы ненависть... не совсем ненависть... даже сейчас он не мог ненавидеть своего создателя, но тем не менее что-то Гарри отпустил. Чувство, что он должен ненавидеть Волдеморта, что он обязан ощущать какую-то ненависть за нескончаемый список преступлений, которые тот совершил без какой бы то ни было внятной причины и даже не ради собственного счастья...

Всё в порядке, — прошептали ему звёзды. — Это нормально — не ненавидеть его. Это не значит, что ты плохой человек.

В итоге ему остался лишь один вариант, и, поскольку Гарри это уже понял, не имело смысла мучиться и переживать. Является ли этот вариант лучшим, покажет лишь время.

Гарри сделал глубокий вдох, собираясь с силами. Для заклинания, которое он хотел применить, не нужна была особая точность, но тем не менее оно являлось одним из самых мощных в его арсенале.

Гарри снова подумал, как же несправедливо, что Волдеморт не мог умереть вместе со своими последователями, почувствовал, как при мыслях о безжалостности по венам пробежал холодок. А затем Гарри отпустил этот холодок, позволил ему вытечь наружу, под звёздный свет. Ведь Тёмная Сторона всегда была лишь позаимствованными шаблонами работы сознания, лишь ещё одним неудачным способом мышления, от которого нужно избавиться.

Гарри посмотрел на мирно спящую на алтаре Гермиону. Только сейчас он позволил себе заплакать. Что теперь будет с ней? Гарри не знал, какой путь выберет Гермиона, но, по крайней мере, она жива, чтобы этот выбор сделать. Её существование не оборвалось из-за их дружбы. Гарри не понимал, насколько шаткой была его надежда, пока не заметил, насколько он удивлён тем, что эта надежда осуществилась. Иногда реальность оказывается лучше ожиданий.

Эту мысль Гарри тоже вложил в готовящееся заклинание.

Накапливаемая сила вибрировала внутри него, словно всё его тело стало частью палочки. Поверхность из остролита начала мерцать белым светом, хотя, возможно, Гарри это просто казалось из-за слёз в глазах. И он мысленно придал своему заклинанию форму. Гарри не очень хорошо мог контролировать это заклинание, но необходимый шаблон был прост, он включал в себя...

Абсолютно всё. Забудь всё. Тома Риддла, профессора Квиррелла, забудь всю свою жизнь, всю эпизодическую память, забудь огорчения и горечь, неверные решения, забудь Волдеморта...

И в самый последний миг Гарри пришла ещё одна мысль, милосердная мысль...

Но если у тебя есть хотя бы одно по-настоящему счастливое воспоминание, не о том, как ты мучил людей, не о том, как ты смеялся над их болью, а тёплое чувство после помощи кому-нибудь или от того, что кто-то помог тебе... Вряд ли их будет много, пусть это будет что-нибудь из детства, но если у тебя есть какие-нибудь по-настоящему счастливые воспоминания, то сохрани их, сохрани только их...

Гарри почувствовал, как в нём расцветает что-то светлое, и понял, что сделал правильный выбор. Он вложил в палочку и это ощущение...

— ОБЛИВИЭЙТ!

И всё накопленное хлынуло наружу.

Со сдавленным криком мальчик рухнул набок. Он выронил палочку, его руки беспомощно схватились за шрам. Но внезапная боль в голове сразу же начала утихать. Перед затуманенным взором поплыли сияющие снежинки, серебряные искорки, похожие на крошечные частички патронауса.

Серебристое свечение длилось всего мгновение и затем исчезло.

Профессор Квиррелл исчез.

От него почти ничего не осталось.

И теперь его душа будет не так уж сильно отличаться от души самого Гарри.

Пророчество исполнилось.

Каждый из них переделал другого по своему подобию.

Гарри свернулся калачиком — прямо на земле — и начал всхлипывать.

Он немного поплакал.

Но через некоторое время, пошатываясь, встал и снова поднял палочку. Работа на сегодня была ещё не закончена.

* * *

Гарри прижал палочку прямо к обрубку руки Волдеморта. В шраме начала пульсировать боль, но никто не взорвался.

И Гарри начал трансфигурацию.

Очертания оглушённого тела человека-змеи стали меняться. Преобразование шло медленно, хотя и гораздо быстрее, чем в прошлый раз, когда Гарри трансфигурировал тело Гермионы. Трансфигурация продолжалась, и боль в шраме утихала. Когда голова человека-змеи начала становиться прозрачной и уменьшаться, боль почти прекратилась.

Это заклинание Гарри придётся поддерживать и бодрствуя, и во сне. Потом, когда Гарри станет старше и могущественнее, возможно, с чьей-нибудь помощью он отменит трансфигурацию лишённого памяти Тома Риддла и исцелит его тело силой Камня. Но это произойдёт не раньше, чем будущий Гарри придумает, что делать с волшебником, у которого почти полная амнезия, но при этом есть вредные мыслительные привычки и очень отрицательные эмоциональные реакции — Тёмная Сторона, как она есть — плюс большое количество знаний — как теоретических, так и практических — о могущественной магии. Эту часть Гарри изо всех сил старался не стереть, потому что когда-нибудь она может понадобиться ему самому.

И, между прочим, как магия чар Хогвартса не считала трансфигурированного единорога мёртвым, так и крестражи Волдеморта не посчитают мёртвым трансфигурированного Волдеморта и не попытаются его вернуть.

Во всяком случае, Гарри на это надеялся.

Он надел стальное кольцо с крошечным зелёным изумрудом на мизинец. Изумруд коснулся кожи, и в шраме кольнуло последний раз. После этого боль исчезла и больше не появлялась.

Гарри пошатнулся и обессилено уселся на торчащий из земли камень. Некоторое время он отдыхал после трансфигурации, отгоняя прочь изнеможение, которое пыталось захватить его разум. *Не время отключаться, нужно ещё кое-что сделать.*

Гарри, по-прежнему дыша через рот, глубоко вздохнул, сказал: «Люмос» и оглядел кладбище.

Тела в чёрных мантиях и маски-черепа, окружённые лужами крови...

Гермиона Грейнджер, спящая на алтаре.

Мантия Волдеморта и окровавленные руки, лежащие там, где пал Тёмный Лорд.

Квиринус Квиррелл в изодранной мантии, рухнувший там, где его настигло Смертельное проклятье.

Гарри вообразил, как кто-то другой смотрит на эту сцену и пытается понять, что произошло. Мальчик покачал головой. Нет, так не пойдёт, совсем не пойдёт.

Гарри заставил себя оттолкнуться от камня и поморщился, когда его разум — да и его тело — запротестовали. Сегодня он не терял много крови, его не били, но почему-то его тело восприняло всё случившееся напряжение, как будто ему изрядно досталось.

Гарри, шатаясь, подошёл к месту, куда упал Волдеморт, и поднял оставшуюся от него левую руку.

Даже на ней можно было разглядеть небольшое количество змеиных чешуек. По руке было отчётливо видно, что это рука Волдеморта. Замечательно.

Гарри подошёл к алтарю, на котором спала Гермиона, аккуратно положил отрубленную руку ей на шею и осторожно сдвинул пальцы руки, чтобы они сжимали горло девочки. Прodelать это было нелегко: спящая Гермиона казалась столь безмятежной и невинной, а отрубленная рука Волдеморта выглядела очень уродливо. Гарри просто заткнул ту часть своего разума, которая обо всём этом подумала, поскольку сейчас такие размышления были совершенно неуместны.

Несколько слабых Режущих чар превратили практически идеальный срез, оставленный нановолокном, в гораздо более неровный. Это было важно: срез на руках должен был отличаться от среза на шеях Пожирателей Смерти. Многочисленные *Диффиндо* разбросали маленькие куски кисти Волдеморта по рубашке Гермионы. Мальчику пришлось напомнить себе, что это тоже часть плана.

Гарри повторил всё то же самое с правой рукой, расположив её симметрично левой.

Заклинанием *Инфламаре* Гарри поджёл мантию Волдеморта, а затем разложил её опалённые обрывки вокруг Гермионы.

Пистолет Волдеморта и его палочка отправились в кошель Гарри. Камень Постоянства мальчик положил в обычный карман. Гарри не знал, что случится, если Камень окажется в кошельке.

В куче вещей, вытряхнутых из мантии Квиррелла, нашлась палочка, которую Волдемо́рт использовал в роли Квиррелла. Гарри подошёл к телу Квиррелла, распрямил его, как смог, и вложил эту палочку ему в руку. Из глаз Гарри предсказуемо потекли слёзы. Мальчик вытер их рукавом.

По-прежнему дыша через рот, Гарри ещё раз вздохнул, снова сказал: «Люмос» и снова оглядел кладбище.

Чёрные мантии, маски-черепа, Гермиона Грейнджер, лежащая на алтаре, отрубленные руки Волдеморта, сжимающие её за горло, и разбросанные вокруг опалённые обрывки мантии Волдеморта. Мёртвый Квиринус Квиррелл в изодранных одеждах и с палочкой в правой руке.

Это подойдёт.

Осталось лишь привлечь внимание.

Магия у Гарри была уже почти на исходе. Но его всё-таки хватило на то, чтобы трансфигурировать древесный лист в спущенный трёхметровый метеозонд.

Из кошелья Гарри появились баллон с ацетилен-кислородной смесью, динамитная шашка и катушка бикфордова шнура. *«Будь готов! Вот бойскаута девиз! Будь готов, что в твою явится жизнь горный тролль и чёрт знает, кто ещё...»*

Гарри наполнил метеозонд ацетилен-кислородной смесью. После детонации появится очень большое избыточное давление, возможно, достаточное для создания звукового удара.

Прикрепил к метеозонду динамитную шашку. Для детонации это было перебором, но пусть будет.

Прикрепил к динамитной шашке бикфордов шнур на 60 секунд, но пока не стал его поджигать.

Надел Мантию невидимости, найденную в куче вещей у жертвенного алтаря.

Достал свою метлу из кошелья.

Наложил чары тишины на Гермияну Грейнджер. Со всем шумом они совершенно точно не справятся, да и вряд ли Гермияна необратимо пострадает, если у неё лопнут барабанные перепонки, но Гарри показалось, что так будет вежливей.

Вот и всё. Чары тишины оказались последней каплей. По крайней мере на ближайший час у Гарри кончилась магия.

Гарри сел на метлу и медленно поднялся в воздух вместе с метеозондом, наполненным ацетилен-кислородной смесью. Взлетев выше деревьев, он увидел замок Хогвартс, мерцающий в лунном свете в нескольких километрах. Гарри постарался как можно точнее оценить расстояние и угол, под которым эта точка видна из замка.

Поднявшись достаточно высоко над лесом, Гарри зажигалкой поджёг бикфордов шнур, ведущий к динамитной шашке, которая, в свою очередь, была прикреплена к метеозонду. Затем Гарри развернул метлу и понёсся прочь — но не напрямую к замку, так он мог оказаться слишком близко к пути, по которому шли прошлый Гарри и профессор Квиррелл, профессор не должен почувствовать ещё одного Гарри...

Печаль опять легла на сердце свинцовым грузом. Гарри проигнорировал её.

Тридцать один тысяча, тридцать два тысяча, тридцать три тысяча...

Досчитав до сорока и не желая рисковать своими барабанными перепонками, Гарри бросил взгляд на часы, засёк точное время и один раз повернул Маховик времени.

Послесловие. Мне есть что защищать. Часть 0

Анна была довольна, что финал Кубка по квиддичу затянулся. Вопросы, связанные с Кубком школы, её, как гриффиндорку, волновали мало — вряд ли Гриффиндор сможет его выиграть хоть когда-нибудь. Прошлогодний же финал Кубка Мира по квиддичу, на который её семья купила очень дорогие билеты, закончился в течение десяти минут, что оказалось ужасным разочарованием. Современные квиддичные матчи становились всё короче и короче из-за того, что снитч ловили слишком быстро. Эта проблема активно обсуждалась среди фанатов. В то время как производители мётел постоянно совершенствовали свои чары, никто не менял правила, регламентирующие скорость снитча, и поэтому матчи заканчивались всё быстрее и быстрее. В итоге на профессиональном уровне квиддич свёлся к состязанию, у кого глубже карманы, чтобы купить для своего ловца экспериментальную гоночную метлу получше. При таком положении вещей остальные игроки с тем же успехом могли наблюдать за игрой с трибун.

Все понимали, что с этим надо что-то делать, ситуация ухудшалась на протяжении столетий, а в последнее время стала совершенно невыносимой. Но Комитет по квиддичу Международной Конфедерации Магов погряз в привычных для МКМ сварах и яростных склоках между представителями Германии и Болгарии, которые не могли договориться, как именно следует изменить правила. Анне казалось очевидным, что нужно просто ускорить снитч так, чтобы игра длилась четыре-пять часов, как в начале девятнадцатого века — во время Золотого века квиддича. Но бельгийцы считали, что игра на профессиональном уровне должна длиться два часа, как во время *La Belle Époque*, когда в квиддиче задавала тон Бельгия. Сумасшедшие итальянцы хотели вернуть игры четырнадцатого века, длившиеся

неделю. А совсем спятившие британские сторонники чистоты крови продолжали утверждать, что иногда случающиеся игры длиной в день лишь подтверждают, что в старые добрые времена всё было лучше, и уж метлы точно не могли с тех пор стать быстрее. Эти фанатики словно забыли, что Запрет Мерлина работает вовсе не так.

Анна на сто процентов поддерживала Гарри Поттера в том, что для Хогвартса настало время перестать обращать внимание на этих мямлей и ретроградов. Нужно просто изменить правила, и начинать надо здесь и сейчас. Но не стоит полностью убирать снитч — это приведёт к возвращению «куиддича» одиннадцатого века. И неважно, что директриса Пуффендуй добавила снитч в игру именно потому, что один из её учеников очень хотел играть, но не подходил ни на одну из привычных ролей. Идея снитча прижилась повсюду, потому что игра, которая может закончиться в любую минуту, становится более захватывающей.

Последние полчаса Анна во весь голос отстаивала эту точку зрения, уже мало обращая внимания на саму игру. Благодаря удачному стечению обстоятельств, её место оказалось рядом с Мальчиком-Который-Выжил и его плакатом, и потому ей удалось обозначить свою позицию с самого начала.

В глубине души Анна понимала, что, если правила квиддича действительно начнут меняться здесь и сейчас, это станет самым важным достижением в её жизни. Анна почти физически ощущала, как вокруг неё усиливается давление Времени, будто в этот самый день решается судьба квиддича, и она находится в самом центре событий... Впрочем, её оценки по прорицаниям были явно недостаточны, чтобы она могла в самом деле чувствовать нечто подобное.

Краем глаза Анна заметила, что в какой-то момент Мальчик-Который-Выжил встал и направился в уборную.

Анна обратила внимание на усталый вид Гарри Поттера, когда тот возвращался назад. Его даже немного шатало, но форма выглядела очень опрятно, словно он только что переоделся.

Полчаса спустя Анна заметила, как Гарри Поттер слегка покачнулся и ссутулился, а потом поднял руки к лицу и, похоже, стал тереть шрам на лбу. Анна немного забеспокоилась — все знали, что с Гарри Поттером *что-то не так*, и, если у Поттера болит шрам, возможно, это означает, что запечатанный у него во лбу ужас вот-вот вырвется и всех сожрёт. Но она отбросила эту мысль и продолжила на пределе голосовых связок объяснять факты из истории квиддича окружающим её невеждам.

И конечно же она заметила, как Гарри Поттер встал, всё ещё прижимая ладони ко лбу. Когда он опустил руки, Анна увидела, что его знаменитый шрам-молния воспалился и кровоточит. Кровь медленно стекала Поттеру на нос.

Анна прервалась на полуслове. Окружающие её ученики начали оборачиваться, чтобы посмотреть, что случилось.

— Профессор МакГонагалл? — голос Гарри Поттера дрожал, и в уголках его глаз Анна заметила слёзы. Это её потрясло: Мальчик-Который-Выжил не был похож на человека, который способен расплакаться. — М-м, профессор МакГонагалл? — сказал Гарри чуть громче. Казалось, ему тяжело говорить.

Профессор МакГонагалл, спорившая с квиддичной командой Пуффендуя, обернулась. Глаза ведьмы широко распахнулись, и она бросилась к Гарри, расталкивая людей на своём пути.

— Гарри! Твой шрам!

Молчание волной распространялось по трибунам.

— Похоже, — голос Гарри по-прежнему дрожал, но говорил он уже громче, — похоже, он возвращается. Кажется, я вижу... через разум Волдеморта...

Услышав имя Сами-Знаете-Кого, Анна отшатнулась и чуть не упала с трибуны. Ученик постарше, стоявший рядом с ней, испуганно вскрикнул, но этот крик почти никто не расслышал из-за вопля Мальчика-Который-Выжил:

— ОН ИХ УБИВАЕТ!

Теперь на Гарри Поттера смотрела половина стадиона.

— Ритуал! — выкрикнул Гарри Поттер. — Кровь слуг! Кровь и жизнь! Он призвал их, он забрал их головы, их кровь, их жизни, чтобы вернуть свою собственную... **ТЁМНЫЙ ЛОРД ВОССТАЛ! ВОЛДЕМОРТ ВЕРНУЛСЯ!**

Мадам Хуч пронзительно свистнула, и те игроки, которые всё ещё двигались в воздухе, начали замедляться.

Анна не понимала, шутит Гарри Поттер или нет. Подобная выходка даже Мальчику-Который-Выжил будет стоять таких неприятностей, какие Анне нелегко даже вообразить.

Палочка профессора МакГонагалл взметнулась в позицию для чар тишины, но Гарри Поттер схватил её за руку.

— Подождите... — выдохнул он уже тише, но дальнейшие его слова всё равно прозвучали достаточно громко, так что Анна и другие ученики, стоявшие рядом, отчётливо их услышали. — Его можно остановить... Я вижу его мысли, вижу его

ошибку... сейчас его можно остановить... ПУТЬ ВСЁ ЕЩЁ ОТКРЫТ! ОНА ИДЁТ ЗА НИМ! УБИТАЯ ВОЛДЕМОРТОМ! — Гарри опять кричал. Анна недоуменно открыла рот. — ВЕРНИСЬ! ВЕРНИСЬ, ВЕРНИСЬ, ОЖИВИ И ОСТАНОВИ ЕГО! ОСТАНОВИ ЕГО, ГЕРМИОНА!

Гарри Поттер неожиданно замолчал и оглядел уставившихся на него учеников.

Анна уже почти было решила, что всё это просто невероятно бестактный розыгрыш, когда вдалеке послышался грохот.

Гарри Поттер покачулся и упал на колени. Сердце Анны чуть не выпрыгнуло из груди. Ученики вокруг оживлённо загалдели.

Профессор МакГонагалл опустилась рядом с Поттером. Анне всё ещё удавалось расслышать его слова:

— Сработало, — выдохнул Гарри Поттер. — У неё получилось, его больше нет.

— Что?! — воскликнула профессор МакГонагалл, затем обернулась. — Тихо! Всем молчать! Гарри, что случилось?

Гарри Поттер затараторил быстро, но громко:

— Волдеморт... попытался возродиться... он призвал Пожирателей Смерти и убил их! Похитил их кровь и жизни... Там было тело Гермионы — не знаю, зачем, может Волдеморт планировал его как-то использовать... Волдеморт вернулся, воскресил себя, но Гермиона последовала за ним! Она его уничтожила! Его нет, всё кончено. Это произошло на кладбище недалеко от Хогвартса, — Гарри Поттер, всё ещё шатаясь, поднялся на ноги. — Думаю, где-то там, — он указал примерно в том же направлении, откуда донёсся грохот. — Не знаю точно, как далеко. Звук шёл секунд двадцать, поэтому, наверное, минуты две на метле...

Движением настолько гладким, что оно казалось неосознанным, профессор МакГонагалл приняла нужную позу:

— *Экспекто Патронум.*

Затем обратилась к явившейся светящейся кошке:

— Ступай к Альбусу, скажи ему, что он должен немедленно явиться...

— Дамблдора нет! — закричал Гарри Поттер. — Профессор МакГонагалл, директора нет! Тёмный Лорд поймал его в ловушку, он обратил какую-то ловушку директора против него самого! Дамблдор заперт вне Времени, его нет!

Голоса перепуганных учеников вокруг зазвучали пронзительнее и напряжённее.

— Ступай к Альбусу! — приказала профессор МакГонаггалл своему патронусу.

Кошка из лунного света лишь печально смотрела на неё. У Анны от ужаса перехватило дыхание, её словно кто-то ударил в живот. Это был не розыгрыш — всё, абсолютно всё было по-настоящему.

— Профессор МакГонаггалл, Гермиона жива! — Гарри Поттер опять повысил голос. — Она в самом деле жива, она не инфернал или что-то в этом духе, и она всё ещё на кладбище!

— Метлу! — гаркнула профессор МакГонаггалл. Она повернулась к игрокам, неподвижно зависшим над квиддичным полем. — Мне нужна метла. **БЫСТРО!**

Анна даже потянула руку вверх, протестуя против этого решения, но затем спохватилась. В это время к трибуне примчались ловцы Когтеврана и Слизерина (что было очень разумно со стратегической точки зрения, потому что они всё равно ничего не делали).

Гарри Поттер уже вытаскивал ещё одну — многоместную — метлу из своего кошелька.

Профессор МакГонаггалл заметила, что он делает, и резко мотнула головой.

— Вы, мистер Поттер, останетесь здесь. Если, конечно, у вас нет какой-то очень серьёзной причины, чтобы лететь. Я отправляюсь немедленно.

— Вам нельзя! — пропищал профессор Флитвик. Он успел прокопать крошечный тоннель сквозь толпу и несколько раз даже пробежал у кого-то между ног. Глаза профессора были похожи на блюдца, он выглядел так, словно собирался упасть в обморок. — Минерва, вы обязаны остаться в Хогвартсе! Вы... вы... — судя по всему, профессору Флитвику было трудно говорить.

Профессор МакГонаггалл развернулась к нему и замерла. Кровь отхлынула от её лица.

Затем она выдернула метлу из рук Гарри Поттера и вручила маленькому профессору-полугоблину.

— Филиус, — решительно заговорила она. Панические нотки исчезли из её голоса, её шотландский акцент звучал решительно — так же, как на занятиях по трансфигурации. — Осмотрите кладбище, про которое говорил мистер Поттер, найдите мисс Грейнджер. Аппарируйте её в святого Мунго и оставайтесь там вместе с ней.

— Мне кажется... — хрипло произнёс Гарри Поттер, — мне кажется, там в бою использовалась трансфигурация. Профессор Квиррелл пытался сражаться с Волдемортом... будьте осторожны...

Филиус Флитвик, уже забирающийся на метлу, кивнул.

— Профессор Квиррелл мёртв! — взвыл Гарри Поттер. В его голосе отчётливо слышалась боль. — Он мёртв! Его убил Тёмный Лорд! Его тело... — Гарри Поттер закашлялся. — Оно там, на кладбище.

Анна опять чуть не упала, её словно ударили в живот второй раз. Профессор Квиррелл был... одним из её самых любимых учителей. Он заставил её полностью поменять своё мнение о Слизерине. Краем сознания Анна понимала, что он, скорее всего, очень скоро умрёт, но слышать, что он действительно, по-настоящему умер...

Мальчик-Который-Выжил опустил на скамью, словно ноги его больше не держали.

Профессор МакГонаггал повернулась к толпе и коснулась пальочкой своего горла.

— КВИДДИЧ ЗАКОНЧЕН, — прогремел её усиленный голос. — ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ В СПАЛЬНИ...

— Нет! — выкрикнул Гарри Поттер.

Профессор МакГонаггал обернулась к нему.

По лицу Мальчика-Который-Выжил текли слёзы. Казалось, его выкрик удивил его самого ничуть не меньше, чем всех остальных.

— Это последний план профессора Квиррелла, — срывающимся голосом сказал Гарри Поттер. Он посмотрел на игроков, которые парили неподалёку, будто обращаясь к ним напрямую. — Его последний план.

Профессор МакГонаггал отлевитировала Гарри Поттера в лазарет. Остальные профессора разбежались следить неизвестно за чем. На стадионе остались лишь профессор Синистра и мадам Хуч. По трибунам с бешеной скоростью распространялись слухи. Анна повторяла всё, что смогла запомнить из услышанного. Что-то случилось с Дамблдором, кто-то из Пожирателей Смерти был призван, а затем убит (нет, Гарри Поттер не сказал, кто именно), профессор Квиррелл отправился сражаться с Тёмным Лордом и погиб, Сами-Знаете-Кто вернулся и погиб снова, профессор Квиррелл мёртв, он мёртв.

Большинство учеников ушли в замок — поспать, если получится.

Анна осталась на стадионе и досмотрела игру, не обращая внимание на то, что тело требовало сна, а глаза периодически застилали слёзы.

Команда Когтеварана билась достойно.

Но ни одна команда не смогла бы победить слизеринцев сегодня.

Забрезжил рассвет, и Слизерин выиграл решающую игру, Кубок по квиддичу и Кубок школы.

Мне есть что защищать. Минерва МакГонагалл

На следующее утро все ученики тихо собрались вокруг четырёх столов Большого Зала Хогвартса. Среди них был и Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес. Прошлой ночью он рухнул от истощения сил и утром проснулся в лазарете с тяжёлой головой и с Философским Камнем в левом носке.

Профессорский стол выглядел так, словно по нему прошла чума.

Трон Дамблдора исчез. Среди кресел, стоящих за профессорским столом, в центре зияла пустота.

Северусу Снейпу креслом служило парящее сиденье — магический заменитель инвалидной коляски.

Профессор Спраут отсутствовала. Судя по тому, что Гарри услышал прошлой ночью, судебные легилименты исследуют, не осталось ли в её разуме команд, принуждающих её к чему-нибудь ещё, но, скорее всего, против неё не будут выдвигать никаких обвинений. В разговоре с профессором МакГонагалл и аврами Гарри из всех сил настаивал, что профессор Спраут наверняка лишь жертва. Мальчик-Который-Выжил заявил, что не заметил каких-либо свидетельств вины Спраут в разуме Волдеморта.

Профессор Флитвик отсутствовал. Вероятно, он до сих пор был с Гермионой.

Профессор Синистра отсутствовала. Гарри не знал, почему её здесь нет и где она находится.

Мозг Гарри словно окоченел, и это окоченение укрывало его, будто спасательное одеяло. Оно защищало, но легче от этого не становилось. Перед внутренним взором то и дело всплывали картины, как люди в чёрных мантиях падают, как брызжет кровь, но в следующее мгновение эти картины исчезали. Гарри обработает их позже,

не сейчас. Сейчас не лучший момент, через какое-то время справиться с ними будет сравнительно легче.

В глубине души Гарри даже боялся, что больно не будет, что платить не придётся. Но этот страх тоже можно было отложить на потом.

Завтрак на столах так и не появился. Сидящие рядом с Гарри ученики притихли в испуганном ожидании. Совам запретили влетать и вылетать из Хогвартса в начале прошлой ночи.

Двери Большого Зала снова отворились, и вошла заместитель директора Минерва МакГонаггалл. Она была одета в строгую чёрную мантию, но её привычная остроконечная шляпа отсутствовала. Каштаново-седая коса была уложена кольцами на макушке, словно профессор всё-таки собиралась надеть шляпу позже. Гарри впервые видел Минерву МакГонаггалл с непокрытой головой.

Профессор прошла за кафедру, стоящую перед профессорским столом.

Все взгляды устремились к ней.

— Боюсь, у меня много новостей, — объявила Минерва. Её голос звучал печально, хотя и, как всегда, по-шотландски чётко. — И почти все они ужасны. Первое. Сегодня именно я обращаюсь к вам, потому что директор Хогвартса Альбус, — голос Минервы дрогнул, — Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор пропал. Сами-Знаете-Кто заточил его в ловушку вне Времени, и мы не знаем, вернётся ли он к нам хоть когда-нибудь. Мы... мы потеряли, возможно, величайшего директора, который когда-либо управлял Хогвартсом.

Вдоль столов пронёсся шелест ужаса — никто громко не ахал и не стонал, просто очень многие резко втянули воздух. Сильнее всего этот шелест звучал со стороны Гриффиндорского стола, чуть меньше — от столов Пуффендуя и Когтеврана. Дурные вести уже слышали все, но теперь их подтвердили официально.

— Второе. Сами-Знаете-Кто ненадолго вернулся, но теперь он снова мёртв. От него остались лишь руки, сжимавшие горло мисс Грейнджер. Больше он не будет представлять угрозы, во всяком случае, мы так считаем, — Минерва МакГонаггалл перевела дыхание. — Третье. Профессор Квиррелл погиб с палочкой в руке, сражаясь Сами-Знаете-с-Кем. Его нашли недалеко от места, где Сами-Знаете-Кто был вновь повержен. Профессор погиб от его Смертельного проклятья.

Официальное подтверждение этой новости вызвало новый шелест ужаса, в этот раз — со всех четырёх столов.

Минерва снова перевела дыхание.

— Прошлой ночью мы также потеряли, возможно, величайшего профессора Защиты в истории Хогвартса. Одни его преподавательские заслуги... Наш профессор Защиты носил много имён, но настоящее его имя — Дэвид Монро. Поскольку он был последним из благородного и Древнейшего Дома Монро, его похороны — его вторые похороны, на этот раз настоящие — пройдут в Древнейшем Зале Визенгамота через два дня. Но в нашем замке состоится прощание с профессором Защиты Хогвартса, с нашим профессором Квирреллом. Этот человек погиб как учитель Хогвартса, и более благородной смерти учителя Хогвартс ещё не знал.

Гарри слушал молча, изо всех сил стараясь сдержать слёзы. Сказанное профессором МакГонагалл даже не было правдой и тем более не было чем-то неожиданным. Но слушать всё равно было больно. Сидящий рядом Энтони Голдштейн утешающим жестом накрыл руку Гарри своей, и Гарри не стал её сбрасывать.

— Четвёртое. Чрезвычайно неожиданная и счастливая новость. Гермiona Грейнджер жива и находится в полном здравии, телесном и душевном. Сейчас её обследуют в Святого Мунго на предмет каких-то непредвиденных последствий того, что с ней случилось, но, учитывая её предыдущее состояние, она выглядит на удивление прекрасно.

Если бы эта новость не сопровождалась всеми остальными или если бы она оказалась более неожиданной, она бы вызвала ликование среди когтевранцев и гриффиндорцев. Сейчас же Гарри заметил лишь несколько мимолётных улыбок. Возможно, они прыгали от счастья раньше, но сейчас просто молчали. Гарри всё понимал. Он и сам не кричал от радости, сейчас это казалось неуместным.

— И, наконец... — голос Минервы МакГонагалл дрогнул, но она заговорила громче. — Боюсь, некоторым ученикам я должна сообщить самую ужасную новость. Судя по всему, Волдеморт призвал тех, кто раньше служил ему. Многие из них подчинились, возможно, из так ужасно понимаемой верности или из страха за свои семьи. По-видимому, для ритуала, завершающего воскрешение Сами-Знаете-Кого, требовалась жертва, а быть может, он обвинил бывших последователей в своём предыдущем поражении. Было найдено тридцать семь тел — у Сами-Знаете-Кого осталось больше последователей, избежавших Азкабана, чем мы думали. Вынуждена сообщить... — голос Минервы МакГонагалл снова дрогнул. — Боюсь, что среди покойных оказались родители многих наших учеников...

нет, нет, нет, нет, нет, нет, НЕТ, НЕТ, НЕТ, НЕТ!!

Гарри видел абсолютный ужас, написанный на лице Драко Малфоя, и не мог отвести от него взгляд, словно глаза притягивало каким-то чудовищным магнитом. Ватный кокон вокруг мыслей Гарри разорвало в клочья, словно папиросную бумагу.

Как же он не подумал, как же он не догадался...

Где-то позади кто-то уже рыдал, но в целом в зале всё ещё было очень тихо.

— Шейла, Флора и Гестия Кэрроу. Потеряли прошлой ночью обоих родителей. Отцов потеряли следующие ученики: Роберт Джагсон. Этан Джагсон. Сара Джагсон. Майкл Макнейр. Райли и Рэнди Руквуды. Лили Лу. Саша Шпрох. Дэниэл Гибсон. Джейсон Гросс. Элси Амброз...

Может, Люциус понял, может, он оказался достаточно умён, чтоб не прийти, может, он понял, что это Волдеморт устроил покушение на Драко...

— ...Теодор Нотт. Винсент Крэбб. Грегори Гойл. Драко Малфой. На этом всё.

За столом Гриффиндора кто-то было заплотировал, но тут же получил от своей соседки такую оплеуху, что магл на его месте не досчитался бы зубов.

— Тридцать очков с Гриффиндора, и отработки в течение первого месяца следующего года, — голосом МакГонаггалл впору было дробить камни.

— Ложь! — заорал вскочивший из-за стола высокий слизеринец. — Ложь! Ложь! Тёмный Лорд вернётся, он... он покажет вам всем, что значит...

— Мистер Джагсон, — заговорил Северус Снейп. Его голос дрожал, он был совершенно не похож на его привычный голос и звучал негромко, но слизеринец всё равно замолчал. — Роберт. Тёмный Лорд убил твоего отца.

Роберт Джагсон испустил жуткий, яростный вопль и бросился прочь из Большого Зала, а Драко Малфой съёжился, словно от невыносимой боли, и издал звуки, которые никто не услышал, поскольку Зал утонул в гомоне голосов.

Гарри приподнялся со скамьи и замер.

что ты скажешь Драко, тебе нечего ему сказать, ты не можешь просто взять и подойти к нему, и делать вид, что ты его друг...

ты хочешь всё исправить, ты хочешь, чтобы стало лучше, но ты не сможешь это исправить, ты не сможешь исправить то, что ты сделал с ним, что ты сделал с Винсентом и Грегори, что ты сделал с Теодором...

Мир в глазах Гарри расплывался — он едва видел, как Падма Патил встала и направилась к столу Слизерина, к Драко, и как Симус направился к Теодору.

И поскольку Гарри прочёл отцовскую коллекцию фэнтези и фантастики, поскольку он десятки раз читал о том, как другие герои оказывались в такой ситуации, перед его внутренним взором появился образ Шизоглаза Хмури, человека в шрамах по имени Аластор. И этот образ говорил, — точно тем же голосом, которым он обращался к Альбусу Дамблдору в его воспоминании, — что Пожиратели Смерти направляли на Гарри палочки, что они сами выбрали принять Тёмную Метку, что их преступления искупить невозможно и даже воображения Гарри, скорее всего, не хватит, чтобы эти преступления хотя бы представить. Что они отказались от деонтологической защиты, которой обладают все хорошие люди, и сами причислили себя к тем, кем можно было пожертвовать, если на это появятся веские причины. Что Гарри было необходимо спасти своих ни в чём не повинных родителей от пыток и Азкабана, что нужно было защитить мир от Волдеморта. Что самые обычные авроры и судьи, совершая обыкновенное правосудие, не совсем однозначное, но всё же необходимое для общества, вынуждены совершать гораздо более спорные с моральной точки зрения поступки, чем убийство закоренелых Пожирателей Смерти, направляющих на тебя палочки. Если содеянное Гарри — неправильно, если неправильно даже более морально спорные поступки, чем совершённое им, то человеческое общество в нынешнем его виде не могло бы существовать. Никто в здравом уме не стал бы винить Гарри за его действия. Невилл не стал бы винить его, профессор МакГонагалл не стала бы винить его, Дамблдор не стал бы винить его, даже Гермиона сказала бы, что он поступил правильно, как только бы узнала.

И всё это было правдой.

Но правдой было и другое. Некоторая часть Гарри в тот миг считала, что после уничтожения ведущих сторонников чистоты крови перестраивать магическую Британию станет проще и удобней. Это соображение не было важным, но оно было учтено в те мгновения, наполненные лихорадочными мыслями. Гарри оценивал, не приведут ли его действия к катастрофическим последствиям в долгосрочной перспективе, и пришёл к выводу, что всё будет нормально. Но в тот момент он забыл, что у Пожирателей Смерти есть дети в Хогвартсе и что один из Пожирателей — отец Драко. Даже если бы он об этом не забыл, это ничего бы не изменило. Совсем ничего бы не изменило.

Тем не менее, именно так работал мозг Гарри, когда у него были считанные секунды на размышления.

По крайней мере, если у детей Пожирателей Смерти появятся какие-нибудь финансовые трудности, помочь им будет довольно просто. Трансфигурировать золото и сделать его постоянным с помощью Камня... Впрочем, создание такого количества золота может стать опасным для экономики волшебного мира или вызвать возражения со стороны гоблинов, которые не понимают принципов монетаристской теории. А ведь Гарри мог предложить рынку кое-какие полезные услуги...

Теперь мысли Гарри разорвали и второй ватный кокон.

— Как я понимаю, — Минерва говорила не громко, но её голос перекрыл весь остальной шум в зале, — прошлой ночью некоторые ученики остались сиротами. Если вы в итоге окажетесь под опекой Хогвартса, пожалуйста, знайте, что я отнесусь к этой обязанности со всей серьёзностью. Вы получите всю возможную поддержку. Хранилищем вашей семьи будут управлять честно и добросовестно. Я приложу все усилия, чтобы обходиться с вами так же, как я обходилась бы со своими детьми, и я буду защищать вас так же, как защищала бы собственных детей. Не больше, не меньше. Надеюсь, это ясно ВСЕМ В ХОГВАРТСЕ.

Ученики быстро закивали.

— Хорошо, — сказала Минерва опять обычным голосом. — Тогда нам осталось ещё одно.

Из бокового входа печально и торжественно появилась профессор Синистра. Вместо привычной коричневой мантии сегодня на ней была белая, а вместо остроконечной шляпы она надела квадратную со множеством кисточек, посеревшую от времени.

В руках профессор Синистра несла Распределяющую шляпу.

С видом человека, который исполняет ритуал, уходящий вглубь веков, Аврора Синистра преклонила колено перед Минервой МакГонагалл и протянула ей Шляпу обеими руками.

Минерва МакГонагалл приняла Распределяющую шляпу из рук профессора Синистры и водрузила её себе на голову.

На миг воцарилась тишина.

— ДИРЕКТРИСА!

— Поскольку Альбус Дамблдор не мёртв, — ученикам пришлось напрячь слух, чтобы расслышать эти слова Минервы, — а лишь отсутствует, я принимаю этот пост только в качестве исполняющей обязанности директора. До возвращения Дамблдора.

Раздался пронзительный крик, и появился Фоукс. По низкой спирали он полетел по Большому Залу. Он летел над каждым столом и пел. Он пел о безупречной верности, которая переживёт любой обычный огонь. «Ждите», — казалось, говорила песня феникса. — «Ждите его возвращения и будьте верны».

Фоукс трижды облетел вокруг Минервы МакГонагалл, касаясь её крылом. По щекам Минервы потекли слёзы. А затем феникс вылетел в окно, расположенное под самой крышей, и исчез.

Мне есть что защищать. Профессор Квиррелл

В голубом безоблачном небе сияло яркое солнце. Шотландская зелень сверкала в его лучах, рассыпавшихся искрами отражённого белого света при прохождении каждой росинки, при отражении от каждого листика, чья поверхность располагалась под нужным углом.

Гарри отказался произносить речь. Уже во второй раз отказался. Ещё несколько недель назад — в мае — профессор Флитвик ему это предлагал, он хотел дать Гарри время написать текст заранее. Тогда Гарри тоже сказал «нет».

Потому речь произносил шестикурсник Гриффиндора, Оливер Габрика, занявший четвёртое место по количеству баллов Квиррелла среди всех учеников. Также он был генералом армии. В однотонной чёрной мантии высокий семнадцатилетний парень выглядел не особенно удачно. Вместо красного галстука на нём был фиолетовый, какой иногда носил профессор Квиррелл.

Учитывая обстоятельства, говорил Оливер Габрика экспромтом. Речи, составленные заранее, были забракованы. В левой руке гриффиндорец держал пергамент, но совсем в него не заглядывал.

Оливер говорил в тишине, изредка нарушаемой сдавленными всхлипами. Его голос дрожал:

— Профессор Квиррелл был тяжело болен. Думаю, будь он в полной силе, Сами-Знаете-Кто не смог бы победить его так легко, а возможно, и вовсе не смог бы. Говорят, в своё время Дэвид Монро был единственным, кого Сами-Знаете-Кто действительно боялся. Но... — Оливер запнулся. — Профессор Квиррелл был не в полной силе, он был тяжело болен. Ему даже ходить было тяжело. Но он вышел встретить Тёмного Лорда лицом к лицу, в одиночку.

Гриффиндорец немного помолчал, давая ученикам время поплакать. Наконец, Оливер вытер слёзы рукавом и снова заговорил.

— Мы не знаем, что именно произошло, — сказал Оливер. — Наверное, Тёмный Лорд смеялся над ним. Может быть, издевался над профессором, вызывая его на бой, когда тот не мог даже выпрямиться. Ну, теперь-то он больше не смеётся, верно?

Ученики энергично закивали. Насколько мог видеть Гарри, кивали все — от гриффиндорцев до слизеринцев.

— Может быть, Тёмный Лорд знал, как излечить профессора Квиррелла. В конце концов, Сами-Знаете-Кто вернулся из мёртвых. Может быть, он предложил профессору Квирреллу жизнь, если тот согласится служить ему. Профессор Квиррелл улыбнулся и сказал Тёмному Лорду, что пришло время сыграть в игру «Кто тут самый опасный волшебник в мире».

Не знаешь — не выдумывай. Но Гарри не сказал ничего. Так мог бы сказать Тёмный Лорд, так мог бы ответить профессор Квиррелл.

— Пусть нам и не рассказывают всех подробностей, — продолжил Оливер, — но мы можем догадаться, что случилось потом. Мы все знаем, что Гермиону Грейнджер — одну из лучших учениц профессора — в этом году убил тролль. Наверняка это подстроил Тёмный Лорд, как и то покушение с помощью Охлаждающих чар. Профессор Квиррелл знал, что за этим стоял Тёмный Лорд, и поэтому он выкрал тело мисс Грейнджер и сохранил его...

Ну, за это нельзя его винить.

— А потом профессор Квиррелл встретился с Тёмным Лордом лицом к лицу. Тёмный Лорд убил профессора Квиррелла. А Гермиона Грейнджер вернулась к жизни. Говорят, сейчас она жива и здорова, и, возможно, даже более чем. Когда Тёмный Лорд попытался схватить её, всё что от него осталось — обожжённая мантия и его руки вокруг горла мисс Грейнджер. И точно так же, как Гарри Поттера защитила от Смертельного проклятья любовь и жертва его матери, желание профессора Квиррелла сразиться с Тёмным Лордом в одиночку наверняка призвало дух Гермионы Грейнджер оттуда, где он был... — голос Оливера прервался.

— Не совсем так, — хрипло произнёс Гарри с первого ряда. Он был просто обязан что-то сказать по этому поводу, пока всё не зашло слишком далеко. Если оно уже не зашло. — Дэвид Монро был могущественным волшебником, никто, кроме его самого и меня, даже не знал, насколько могущественным. Вряд ли можно вернуть

кого-то к жизни, просто пожертвовав собой. Никому не стоит предпринимать подобных попыток.

Какая чудесная история. Всё должно было случиться именно так. Обязано было случиться именно так!

— Я не так много знаю о человеке, скрывавшемся под личностью профессора, — сказал Оливер Габрика, когда смог взять себя в руки. — Я знаю, что Дэвид Монро не был счастливым человеком. Ему никогда не удавалось вызвать патрона.

В глазах Гарри снова стали собираться слёзы. Это неправильно, так не честно, Волдеморт убил столько людей, он должен был умереть вместе со своими последователями, он не заслуживает особого обращения. Но дело было не в слабости Гарри, ведь остались крестражи, Волдеморта нельзя было просто убить. Значит, Гарри может признать это — признать, что он рад, действительно рад, что профессор Квиррелл не исчез полностью...

— Но я... знаю, — сказал Оливер. На его щеках блестели слёзы. — Профессор Квиррелл... счастлив, где бы он... ни был сейчас.

На левой руке Гарри ярко блестел в свете утреннего солнца крошечный изумруд.

Он не в раю, не у какой-то далёкой-далёкой звезды, не в каком-то ином месте. Это другая, лучшая личность. Я покажу тебе, когда-нибудь я покажу тебе, как быть счастливым...

Оливер впервые за время выступления опустил взгляд на пергамент, который держал в руке. После чего заговорил уверенней.

— Без сомнений, профессор Квиррелл был самым лучшим профессором Боевой магии за всё время существования Хогвартса. Наверняка даже Салазар Слизерин, какие бы заклинания он ни знал, не был и наполовину таким хорошим учителем как профессор. В начале этого года профессор Квиррелл сказал, что его уроки послужат нам надёжной основой в искусстве Защиты. Так и будет. Всегда. В следующем году мы сами будем учить новых учеников, и не важно, кто станет следующим профессором. Старшие будут учить младших. Так мы справимся с проклятьем должности профессора Защиты. Мы не будем сидеть и ждать, пока нас кто-то научит. И мы позаботимся, чтобы то, чему нас учил профессор Квиррелл, всегда помнили в стенах Хогвартса.

Гарри посмотрел на профессора — нет, директрису МакГонагалл, — и увидел, как та молча кивнула. Она выглядела грустной, решительной и гордой.

— Нам ещё не дали увидеть мисс Грейнджер, — голос Оливера дрогнул. — Девочку-Которая-Ожила. Но, глядя на неё, я всегда

буду думать о профессоре Защиты. Его жертва живёт в ней, точно так же, как то, чему он нас учил, живёт в нас, — Оливер бросил взгляд в сторону Гарри, затем снова посмотрел в пергамент. — Профессору Квирреллу, лучшему слизеринцу за всю историю, такому, каким должен быть каждый слизеринец, троекратное ура!

— Урраааа! Урраааа! Урраааа!

Насколько мог судить Гарри, не промолчал никто.

Мне есть что защищать. Альбус Дамблдор

Гарри стоял перед горгульями, охранявшими кабинет директора... нет, директрисы. Его направила сюда профессор Синистра, сказав, что вопрос срочный, но горгульи Гарри не пропускали.

Утренние эксперименты показали, что Камень делает постоянной одну трансфигурацию каждые три минуты пятьдесят четыре секунды, независимо от размера трансфигурированного объекта. Один раз, когда Гарри, устроившись в тёмном чулане, освещал Философский Камень самым мощным своим фонарём, ему показалось, что он заметил внутри куска малинового стекла россыпь маленьких точек. Но увидеть их ещё раз он так и не смог и теперь подозревал, что они ему просто привиделись. Никаких других волшебных свойств у Камня Гарри не обнаружил. На мысленные команды Камень тоже не реагировал.

Гарри решил, что до завтрашнего полудня он обязан найти способ, как использовать Камень без риска, что кто-то наложит на него руку. Очень тяжело было не думать о том, что прямо сейчас происходит по всему миру, о том, что происходило всегда с начала времён.

Десять минут спустя появилась Минерва МакГонагалл. Она шла быстрым шагом с грудой бумаг в руках. На ней снова была Распределяющая шляпа.

Проскрежетал камень: горгульи отвесили директрисе низкий поклон.

— Новый пароль — «Непостоянство», — сказала Минерва горгульям, и те расступились. — Прощу прощения, мистер Поттер, меня задержали...

— Я понял.

Минерва зашагала вверх по длинной спиральной лестнице, не дожидаясь, пока ступеньки сами доставят её к дверям кабинета. Гарри последовал за ней.

— Сейчас у нас встреча с Амелией Боунс — директором Департамента магического правопорядка, Аластором Хмури, с которым вы уже знакомы, и Бартемиусом Краучем — директором Департамента международного магического сотрудничества, — на ходу сообщила Минерва. — Они такие же преемники Дамблдора, как вы и я.

— Как... как там Гермиона? — у Гарри впервые появилась возможность задать этот вопрос.

— Филиус сказал, что она, судя по всему, в шоке. На мой взгляд, это неудивительно. Она сразу спросила, где вы, ей ответили, что вы на квиддичном матче, она спросила, где вы на самом деле, и отказалась разговаривать с кем бы то ни было, пока ей не дадут поговорить с вами. Её доставили в святого Мунго, где... — похоже, директрису что-то несколько смущало, — стандартные диагностические чары показали, что мисс Грейнджер — здоровый единорог в прекрасной физической форме, разве что её гриву нужно тщательно расчесать. При этом чары для определения действующей магии утверждали, что она постоянно трансформируется в другую форму. Какой-то Невыразимец до того, как Филиус его... э-э, выдворил, произнёс несколько заклинаний, которые ему, возможно, не следовало бы знать, и заявил, что душа Гермионы здорова, но находится по меньшей мере в миле от её тела. На этом старшие лекари сдались. Сейчас она находится в палате с крысами и мухами...

— Где?!

— Прошу прощения, мистер Поттер, это трансфигурационный жаргон. Мисс Грейнджер находится в изолированной комнате с клеткой с ручными крысами и коробкой с мухами-однодневками. Логично предположить, что, какие бы тайны ни скрывались за её воскрешением, они оставили след, из-за которого чары лекарей показывают чепуху. Но если к завтрашнему утру с крысами и вторым поколением мух-однодневок ничего не случится, мисс Грейнджер сможет вернуться в Хогвартс сразу же, как проснётся.

Гарри по-прежнему не представлял... совершенно не представлял, что подумает Гермиона о своём воскрешении, особенно с учётом всех обстоятельств. Вряд ли, конечно, Гермиона начнёт кричать, что он сделал всё неправильно. Это всего лишь стереотип, засевший у Гарри в голове. Когда Гарри придумывал эту легенду, он был измотан и плохо соображал, причём в силу вполне веских причин. Наверняка Гермиона поймёт. Но он не мог предсказать, что именно она подумает...

— Интересно, что подумает мисс Грейнджер, когда узнает, что она ещё и победила Сами-Знаете-Кого, — задумчиво произнесла Минерва. Она поднималась по движущейся лестнице настолько

быстро, что у Гарри, пытавшегося угнаться за ней, сбилось дыхание. — И что люди теперь верят в весьма любопытные теории о ней.

— Вы имеете в виду, что она всегда считала себя обычной гениальной школьницей, а теперь для множества людей она — Девочка-Которая-Ожила и каждый хочет пожать её руку? — сказал Гарри. *Хотя она даже не помнит, как делала что-нибудь, чтобы заслужить такое отношение. Хотя всё сделал кто-то другой, другие люди шли на жертвы, но лавры достались ей. Хотя она совершенно не уверена, действительно ли она достойна такого обращения, и сомневается, что сможет когда-нибудь стать человеком, которого воображают окружающие...* — Да уж, совершенно не могу представить себя в такой ситуации.

Возможно, мне не стоило вмешивать её во всё это. Но у людей должно быть хоть что-нибудь, во что они смогут верить, иначе чёрт знает, что они понапридумывают. Глупо чувствовать себя виноватым. Мне так кажется.

Вместе они достигли верхней ступеньки и вошли в кабинет, заполненный десятками странных предметов. В центре стоял большой стол и массивный трон за ним.

Минерва закрыла глаза и провела рукой над одним из предметов — тем, что с золотыми бормотушками. Затем она сняла Распределяющую шляпу и повесила её на вешалку, где уже висели три домашних тапочка на левую ногу. После чего она трансфигурировала массивный трон в простое мягкое кресло, а огромный стол — в круглый столик, вокруг которого выросли ещё четыре кресла.

У Гарри запершило в горле. Безо всяких объяснений он понимал, что смена стола и кресел должна была произойти более торжественно. Гораздо торжественнее, чем сейчас, ведь новая директриса впервые устраивалась в своём новом кабинете. Но, очевидно, времени на церемонии не было.

Минерва опустилась в кресло, которое раньше принадлежало Дамблдору, и взмахом палочки зажгла в камине огонь. Гарри молча занял одно из кресел у стола, слева от Минервы.

Почти сразу же пламя в камине ярко вспыхнуло изумрудным цветом, и из него вылетел вращающийся Аластор Хмури с уже поднятой палочкой. Скользя взглядом по кабинету, он направил палочку точно на Гарри и произнёс: «Авада Кедавра».

Всё произошло так быстро и так неожиданно, что к тому моменту, когда Аластор Хмури договорил заклинание, Гарри разве что успел схватиться за палочку.

— Просто проверка, — сказал Аластор директрисе, которая уже целилась в него своей палочкой. Судя по выражению её лица, ей явно не хватало слов. — Если бы прошлой ночью Волди захватил тело мальчика, сейчас он бы попытался уклониться. И мне ещё нужно проверить Грейнджер.

Аластор Хмури сел справа от Минервы.

В ту долю секунды, когда Аластор начал произносить заклинание, первой реакцией Гарри было попробовать создать серебристый свет патронуса. Но он не успевал, совершенно не успевал поднять палочку достаточно быстро, чтобы у него появились хоть какие-то шансы.

М-да, если кое-кто воображал себя неуязвимым, то теперь с этим покончено. Спасибо за ценный урок, мистер Хмури.

Пламя камина снова вспыхнуло зелёным и выплюнуло ещё одного гостя. Настолько старой, угрюмой и грозной ведьмы Гарри никогда не видел. Она выглядела такой жёсткой и упёртой, что на ум приходило сравнение с грубой трёхногой табуреткой. Палочки в руках у старой ведьмы не было, но аура власти исходила от неё даже сильнее, чем от Дамблдора.

— Это директор Амелия Боунс, мистер Поттер, — сказала директриса МакГонагалл, вернувшая себе привычное самообладание. — И ещё мы ожидаем директора Крауча...

— Среди мёртвых Пожирателей Смерти было опознано тело Бартемиуса Крауча-младшего, — старая ведьма заговорила без какого-либо вступления, даже не дойдя до стола. — Для нас это стало полнейшей неожиданностью и, боюсь, оказалось жестоким ударом для Бартемиуса, причём двойным. Сегодня его с нами не будет.

У Гарри внутри что-то ёкнуло, но он сумел не показать этого.

Амелия Боунс заняла кресло справа от Хмури.

— Директриса МакГонагалл, — всё так же без колебаний и промедлений продолжила старая ведьма, — Дамблдор оставил меня хранителем Непрерывной Линии Мерлина, но она не отзывается на мою руку. Визенгамот должен получить Верховного чародея, которому можно доверять, причём немедленно. Ситуация в Британии очень быстро меняется. Мне нужно знать, что сделал Дамблдор, прямо сейчас!

— Дерьмо, — пробормотал Хмури. Его волшебный глаз дико вращался. — Это нехорошо, совсем нехорошо.

— Понятно, — Минерва МакГонагалл выглядела встревоженной. — Я не могу сказать с уверенностью, но Альбус... скажем так, он точно предчувствовал, что может не пережить эту войну. Но, по-

моему, он не ожидал, что через пару часов мисс Грейнджер вернётся из мёртвых и убьёт Волдеморта. Думаю, Альбус такого совсем не ожидал. Я не представляю, как теперь поведёт себя то, что он оставил...

Амелия Боунс подскочила в кресле.

— Вы намекаете, что, возможно, эта Грейнджер унаследовала Непрерывную Линию Мерлина? Но это же катастрофа! Двенадцатилетняя девочка, непроверенная... Альбус не мог быть настолько безответственным, чтобы оставить Линию кому угодно, кто победит Волдеморта. Вообще кому угодно!

— Дело в том, — ответила Минерва, распрямляя пальцами документ, который она принесла с собой и который лежал теперь перед ней на столе, — что на самом деле Альбус считал, что знает, кто победит Волдеморта. Об этом было пророчество. Подтверждённое пророчество. Но, судя по всему, оно не сбылось, или... я просто не знаю, мадам Боунс! У меня с собой письмо мистеру Поттеру, которое я должна вручить ему в случае смерти или исчезновения Альбуса, и другое письмо, которое, по указанию Альбуса, мистер Поттер должен будет прочесть только после того, как он победит Волдеморта. Я не знаю, что мне делать с этим письмом теперь. Возможно, мисс Грейнджер сможет его открыть, а, возможно, открыть его теперь не сможет никто...

— Погодите, — сказал Шизоглаз Хмури. Он вытащил из мантии длинную узловатую палочку из серого дерева. Гарри узнал её: это была палочка Дамблдора, ни у кого больше в Хогвартсе не было похожей. Хмури положил её на стол. — Альбус оставил мне кое-какие инструкции. Прежде чем мы продолжим, возьми эту палочку, сынок.

Гарри на секунду задумался.

Альбус Дамблдор пожертвовал собой ради меня. Он доверял Хмури. Скорее всего, это не ловушка.

И Гарри потянулся к палочке.

Палочка подпрыгнула и пролетела над столом прямо в руку Гарри. В тот миг, когда пальцы мальчика сомкнулись на рукояти, он словно услышал песнь — гимн славе и битве, зазвучавший у него в голове. Из рукояти хлынула волна белого пламени, пронеслась по всей палочке, всё разрастаясь и разрастаясь, и вырвалась из кончика грандиозным снопом искр. Сквозь древесину Гарри почувствовал силу и сдерживаемую угрозу, словно от волка на цепи.

А ещё Гарри посетило отчётливое ощущение скептицизма, словно палочка в какой-то степени была разумной и удивлялась, как это её угораздило оказаться в руках первокурсника Хогвартса.

— Так и знал, — сказал Шизоглаз Хмури в ответ на озадаченные взгляды. — Значит, отнюдь не мисс Грейнджер победила Волди. Я и не сомневался.

— Что... — бесцветным голосом произнесла Амелия Боунс.

Шизоглаз Хмури ответил ей уважительным кивком.

— Альбус сказал, что эта палочка переходит к тому, кто победит её предыдущего владельца. Сам он забрал её у старины Гринди, да. Затем Волди победил Альбуса, вчера. Разъяснять дальше нужно?

Амелия Боунс с открытым ртом уставилась на Гарри.

— Возможно, дело не в этом, — сказал Гарри. На него накатила очередной приступ ужасной вины. — В смысле, Волдеморт взял меня в заложники, потому что я... я сглупил, и Дамблдор пожертвовал собой, чтобы спасти меня. Может, палочка посчитала это за победу над Дамблдором. Ну, впрочем, я в самом деле победил Волдеморта. Однако, думаю, лучше, если никто не узнает, что я там вообще был.

Бип. Тик. Ууу. Динь. Тыщ.

— Наверняка тебе пришлось приложить *некоторые* усилия, — сказал Шизоглаз. Человек в шрамах медленно склонил голову в жесте глубочайшего уважения. — Не вини себя слишком сильно за потерю Дамблдора, Дэвида и Фламеля, сынок. Неважно, насколько глупо ты себя вёл. В итоге ты победил. Мы, все вместе взятые, так и не смогли. Просто, на всякий случай, хочу уточнить, сынок: вы с Дэвидом уничтожили и крестраж Волди? И ты точно уверен, что это был настоящий крестраж?

Гарри помедлил. Взвесив вероятные последствия правдивого рассказа и возможные бедствия в результате молчания, мальчик покачал головой. Он всё равно планировал рассказать об этом хотя бы МакГонагалл, чтобы та знала, что именно теперь находится в её школе.

— На самом деле, у Волдеморта было... довольно много крестражей. Так что я просто стёр ему почти всю память, а затем трансфигурировал в это, — Гарри поднял руку и молча указал на изумруд в своём кольце.

Шмяк. Выу. Шмяк. Шмяк.

— Ха, — хмыкнул Хмури, откидываясь в кресле. — Если не возражаешь, сынок, мы с Минервой наложим на это твоё кольцо кое-какие сигнальные и охранные чары. На всякий случай — вдруг ты однажды забудешь поддержать трансфигурацию. И тебе теперь не стоит охотиться за другими Тёмными волшебниками. Правда не стоит, просто живи себе тихой и спокойной жизнью, — покрытый шрамами аврор достал носовой платок и вытер бусинки пота, проступившие

у него на лбу. — Однако, парень, вы молодцы — и ты, и Дэвид, покойся он с миром. Полагаю, это была его идея? Отлично сработано.

— В самом деле, — Амелия Боунс, похоже, уже справилась со своими эмоциями. — Мы все в неоплатном долгу перед вами. Но, повторюсь, нам нужно срочно разобраться с Непрерывной Линией Мерлина.

— Я считаю, — медленно произнесла Минерва МакГонагалл, — что лучше всего будет прямо сейчас передать мистеру Поттеру письма Альбуса.

На верху её стопки бумаг теперь лежал конверт, а также свёрнутый в свиток пергамент, запечатанный серой лентой.

Сначала директриса передала Гарри конверт, и Гарри открыл его.

* * *

Гарри Поттер! Если ты читаешь эти строки, значит, я пал в борьбе с Волдемортом и миссия перешла в твои руки.

Возможно, тебя это поразит, но я всем сердцем желал именно такого конца. Ведь сейчас, когда я пишу это письмо, всё ещё не исключено, что Волдеморт погибнет от моей руки. И, значит, со временем я сам стану тьмой, которую ты должен будешь одолеть, чтобы обрести свою полную силу. Ибо однажды было предсказано, что, возможно, тебе придётся поднять руку на своего учителя, на того, кто создал тебя, на того, кого ты любил. Сказано, что, возможно, ты станешь моей погibelью. Если ты читаешь эти строки, значит, тому не суждено было случиться, и я рад, что так вышло.

Тем не менее, я бы хотел уберечь тебя от такой судьбы, я не хотел бы оставлять тебя сражаться с Волдемортом в одиночку. Сейчас, когда я пишу эти строки, я клянусь защищать тебя, пока у меня есть силы. Защищать любой ценой. Но, если я потерпел поражение, знай: я рад, пусть это и эгоистично.

Когда меня не станет, никто не сможет противостоять Волдеморту как равный. Кроме тебя. Тень Волдеморта, длинная и страшная, падёт на Магическую Британию, повсюду воцарятся страдания и смерть. И тень эта исчезнет, лишь когда ты уничтожишь её источник, вычистишь самое её сердце. Как ты это сделаешь, я не знаю. Если Волдеморту неведома та сила, которой ты владеешь, то и мне она не известна. Тебе должно найти ту силу внутри себя, тебе должно научиться направлять её,

тебе должно стать последним судьёй Волдеморта, и я умоляю тебя: не соверши ошибку, проявив к нему милосердие.

Я оставил Хмури на сохранение свою палочку. Не смей использовать её против Волдеморта. Ибо, когда хозяин этой палочки терпит поражение, она переходит к победителю. Когда ты одолеешь того, кто одолел меня, палочка подчинится тебе по-настоящему, но, если ты попытаешься обратить её против Волдеморта раньше, будь уверен, она предаст тебя. Любой ценой не дай ей попасть в руки Волдеморта. Я бы посоветовал тебе не пользоваться этой палочкой вовсе, но всё-таки это артефакт огромной силы, и он может тебе пригодиться в каких-то чрезвычайных обстоятельствах. Однако, если ты возьмёшь её в руки, помни: она может предать тебя в любой миг.

В моё отсутствие Визенгамотом неминуемо завладеет Малфой. Непрерывную Линию Мерлина я передаю тебе. Амелия Боунс станет регентом до твоего совершеннолетия или до тех пор, пока ты не обретёшь свою полную силу. Но она не сможет долго противостоять Малфоя, когда меня не станет, а ему будет давать советы вернувшийся Волдеморт. Думаю, Министерство вскоре падёт, и Хогвартс останется последней крепостью. Ключи от замка я оставил Минерве, но повелителем замка будешь ты, и она окажет тебе любую посильную помощь.

Орден Феникса теперь возглавляет Аластор. Прислушивайся к его словам, к тому, что он советует, к тому, что он тебе сообщает. Едва ли я сожалею о чём-то сильнее, чем о том, что прислушивался к словам Аластора слишком мало или слишком поздно.

Не сомневаюсь, что в итоге ты победишь Волдеморта.

И эта победа станет лишь началом пути, который тебе предначертан. В этом я тоже уверен.

Когда ты уничтожишь Волдеморта, когда ты спасёшь нашу страну, тогда, надеюсь, ты сможешь посвятить себя истинному смыслу твоей жизни.

Поэтому поспеши начать.

Посмертно (или что там со мной произошло) твой,
Дамблдор.

P.S. Пароли, которые следует произносить в моем кабинете: «цена феникса», «судьба феникса» и «яйцо феникса». Минерва может передвинуть эти комнаты туда, где тебе будет удобней в них попадать.

* * *

Гарри свернул пергамент и, задумчиво нахмурившись, вложил его обратно в конверт. Затем он взял у директрисы свиток, запечатанный серой лентой. Гарри коснулся её длинной серой палочкой, и лента сразу же соскользнула. Мальчик развернул свиток и начал читать.

* * *

Дорогой Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес!

Если ты читаешь это письмо, значит ты победил Волдеморта. Мои поздравления!

Надеюсь, ты успел отпраздновать свою победу раньше, чем открыл этот свиток, поскольку новости в нём не самые радостные.

Однажды во время Первой Войны Волшебников я осознал, что Волдеморт побеждает и вскоре всё окажется под его дланью.

В отчаянии я спустился в Отдел Тайн и назвал пароль, никогда в истории Непрерывной Линии Мерлина не произносившийся, совершил запретное, но всё-таки не абсолютно запретное.

Я прослушал каждое пророчество, что когда-либо было записано.

И так я узнал, что Волдеморт — это далеко не самая страшная моя беда.

Я обнаружил, что провидцы и прорицатели всё чаще и чаще предсказывают, что нашему миру суждено быть уничтоженным.

И ты, Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес, — один из тех, кому предначертано уничтожить его.

По правде говоря, мне следовало положить конец самой возможности такого течения событий. Я приложил все усилия, чтобы избавиться от всех остальных потенциальных угроз, о которых я узнал в тот день ужасных откровений. И тебе я был обязан даже не дать родиться.

Однако, когда пророчества апокалипсиса говорят о тебе — именно о тебе, а не о ком-то другом, — в них есть лазейки, хотя и почти незаметные.

Всегда «он — конец мира», но никогда «он — конец жизни».

Даже когда говорилось, что ты разорвёшь на части сами звёзды на небесах, не было сказано, что ты разорвёшь на части людей.

И поэтому, когда стало ясно, что этому миру не суждено выжить, я поставил на тебя, Гарри Джеймс Поттер-Эванс-

Веррес, буквально всё. Ни одно пророчество не упоминало, как наш мир может быть спасён, но я нашёл пророчества, которые указывали на лазейки в неминуемом уничтожении. Я принялся исполнять странные и сложные условия, которые сулили осуществление этих пророчеств. Я постарался сделать так, чтобы Волдеморт узнал одно из них, и тем (как я и боялся) обрёк твоих родителей на верную смерть и сделал тебя таким, какой ты есть. Я написал странную подсказку в учебнике по зельеварению твоей матери, хотя совершенно не понимал, зачем это надо, но, как оказалось, благодаря этой подсказке Лили помогла своей сестре, и это обеспечило тебе искреннюю любовь Петунии Эванс. Под покровом невидимости я проник в твою спальню в Оксфорде и дал тебе зелье, которое обычно выписывают ученикам, использующим Маховики времени, и твой день увеличился на два часа. Когда тебе было шесть лет, я разбил камень, лежащий на подоконнике в твоей комнате, и до сих пор не представляю зачем.

Всё это я делал в отчаянной надежде, что ты сможешь провести нас сквозь глаз бури, что ты каким-то образом уничтожишь этот мир, но спасёшь людей, его населяющих.

Теперь, когда ты, победив Волдеморта, сдал экзамен, я передаю в твои руки всё, что у меня есть. Все инструменты, которые я в состоянии тебе дать: Непрерывную Линию Мерлина, командование Орденом Феникса, все мои богатства и все мои сокровища, Старшую Палочку — один из Даров Смерти, верность тех моих друзей, которые прислушаются к моим словам. Я оставил Хогвартс на попечение Минервы, ибо, полагаю, у тебя не будет на него времени, но даже он в твоём распоряжении, если ты потребуешь.

Я не даю тебе лишь одно: пророчества. Как только меня не станет, они будут уничтожены. И никакие пророчества в дальнейшем не будут записываться, ибо сказано, что ты не должен их увидеть. Если тебя это печалит, поверь мне — даже твой гений не в состоянии постичь, какого разочарования ты избежал. Я погибну, или ты меня потеряешь, или что-то ещё нас с тобой разделит — естественно, пророчества на этот счёт не ясны — и я так и не узнаю, какое будущее в итоге свершится и почему я должен делать то, что я делаю. Всё это — совершенно безумные загадки, и тебе не придётся иметь с ними дела.

На шахматной доске может быть только один король.

Есть только одна фигура, чья ценность превышает всего.

И эта фигура — не мир, а люди, его населяющие: равно волшебники и маглы, гоблины и домовые эльфы, и все прочие.

И пока в живых остаётся хоть кто-то из нас, эта фигура всё ещё в игре, пусть даже сами звёзды угаснут в небесах.

И если эта фигура будет побита, игре конец.

Знай цену остальным своим фигурам и играй на победу.

Альбус

* * *

Гарри ещё долго держал свиток пергамента и смотрел в пустоту. Вот как.

Иногда фразы «Это всё объясняет» явно недостаточно, однако, это всё объясняло.

Продолжая всё так же смотреть в пространство, Гарри рассеяно скатал пергамент.

— Что там? — спросила Амелия Боунс.

— Это письмо-исповедь, — ответил Гарри. — Оказывается, это Дамблдор убил мой ручной камень.

— Не время для шуток! — воскликнула старая ведьма. — Ты действительно настоящий преемник Непрерывной Линии Мерлина?

— Да, — рассеянно ответил Гарри. Его разум был поглощён мыслями, которые при любом объективном количественном исчислении были гораздо важнее.

Старая ведьма неподвижно застыла в кресле. Затем она повернула голову и встретилась взглядом с Минервой МакГонагалл.

В это время мозг Гарри, жонглировавший непомерно большим количеством вероятностей на непомерно большом числе временных горизонтов, некоторые из которых простирались буквально на миллиарды лет и включали в себя разборку звёзд, объявил когнитивное банкротство и начал всё заново. *Ладно, что я должен сделать в первую очередь, чтобы спасти мир... нет, ещё конкретней, что я должен сделать именно сегодня... ну, кроме того, что мне вообще надо определиться, что нужно сделать. Лучшие поскорее выяснить, что Дамблдор мне оставил в комнате под названием «Яйцо феникса»...*

Гарри поднял глаза от свёрнутого пергамента и посмотрел на профессора... вернее, на директрису МакГонагалл, на Шизоглаза Хмури и на морщинистую старую ведьму, словно видел их впервые. Впрочем, Амелию Боунс он и в самом деле видел, можно сказать, впервые.

Амелия Боунс, глава Департамента магического правопорядка. Альбус Дамблдор считал, что она вполне способна управлять Визенгамотом хотя бы некоторое время. Её содействие может оказаться бесценным, возможно, даже совершенно необходимым для... для того, чтобы справиться с чем бы то ни было, что ждёт Гарри в будущем. Её выбрал Дамблдор, а ведь он прочёл пророчества, которых Гарри не знает.

И при этом Амелия Боунс думала, что назначена хранителем Непрерывной Линии Мерлина и станет следующим Верховным чародеем, но теперь обнаружила, что эту должность, судя по всему, получил одиннадцатилетний мальчишка.

И сейчас, — сказал голос пuffedундуйца в голове, — сейчас ты будешь вежливым. Ты не будешь вести себя как обычно, в смысле, как полный идиот. Потому что от твоего поведения может зависеть судьба всего мира. А может и нет. Мы этого даже не знаем.

— Я ужасно извиняюсь за всё это, — произнёс Гарри Поттер и замолк, чтобы посмотреть, произведёт ли какой-либо эффект его вежливость.

— Кажется, Минерва думает, — сказала старая ведьма, — что ты не обидишься на честность.

Гарри кивнул. Его когтевранская сторона хотела добавить оговорку, что попытка его банально принизить, возмущаясь, что он не терпит критики, за честность засчитана не будет, но пuffedундеец наложил вето. Гарри выслушает всё, что Амелия Боунс собирается сказать.

— Не хотелось бы говорить дурно об отсутствующем, — начала старая ведьма, — но с незапамятных времён Непрерывная Линия Мерлина переходила к тем, кто *всёцело* показал себя не только как достойный человек, но и как достаточно мудрый, чтобы выбрать себе преемника — и достойного, и мудрого. Одна единственная ошибка в этой цепи — и преемственность может прерваться навсегда! Со стороны Дамблдора было безумием передать Линию тебе в таком юном возрасте, пусть даже при условии твоей победы над Сам-Знаешь-Кем. «Дамблдор не выполнил свой долг» — вот, что все подумают, — старая ведьма помедлила, судя по всему, внимательно наблюдая за реакцией Гарри. — Думаю, будет лучше, если никто за пределами этой комнаты никогда об этом не узнает.

— Эм... — начал Гарри, — вы... не слишком высокого мнения о Дамблдоре, как я понял?

— Я думала... — сказала старая ведьма. — Ладно. Альбус Дамблдор был лучшим волшебником, чем я, лучшим *человеком*, чем я, в настолько многих отношениях, что мне будет сложно их перечислить. Но у него были свои недостатки.

— Потому что эм-м... Я к чему. Дамблдор *знал* всё, что вы только что сказали. О том, что я слишком юн и как устроена Линия. Вы ведёте себя так, будто Дамблдор был не в курсе этих фактов или попросту проигнорировал их, принимая решение. Да, порой глупые люди, вроде меня, принимают настолько безумные решения. Но не Дамблдор. Он не был безумен, — Гарри сглотнул, избавляясь от внезапно нахлынувших слёз. — Я думаю... Я начинаю понимать... С самого начала Дамблдор был единственным разумным человеком во всей этой истории. Единственным, кто поступал правильно по хоть сколько-то правильным причинам...

Мадам Боунс выругалась себе под нос — тихо, но настолько грубо, что Минерву МакГонаггал передёрнуло.

— Простите, — беспомощно сказал Гарри.

Шизоглаз широко осклабился, его лицо в шрамах исказилось в улыбке.

— Я всегда знал, что Альбусу что-то известно, что-то, чем он никогда не делился с нами. Парень, ты даже не представляешь, насколько мне тяжело не заглядывать своим Глазом в этот свиток.

Гарри быстро скормил свиток кошелю-скрытню.

— Аластор, — воскликнула Амелия. — Ты же здравомыслящий человек, ты же не думаешь, что мальчишка способен влезть в шкуру Дамблдора! Ну не прямо сейчас же!

— Дамблдор, — это имя оставило странный привкус на языке Гарри, — действительно сделал одно неверное предположение. Он думал, мы — все вместе — будем сражаться с Волдемортом несколько лет. Он не знал, что я одержу победу над Волдемортом так быстро. Я поступил правильно: долгая война унесла бы гораздо больше жизней. Но Дамблдор полагал, что у вас будут годы, чтобы изучить меня, довериться мне... но вместо этого всё закончилось за один вечер, — Гарри сделал глубокий вдох. — Не могли ли бы вы просто представить, что мы сражались с Волдемортом долгие годы и я завоевал ваше доверие и всё такое прочее? Чтобы я не получил штраф за то, что победил быстрее, чем рассчитывал Дамблдор?

— Пока ты всего лишь первокурсник Хогвартса! — сказала старая ведьма. — Ты никак не можешь занять место Дамблдора, что бы он ни планировал!

— Ясно, опять проблема с тем, что я выгляжу на одиннадцать лет, — Гарри потёр переносицу под очками. *Полагаю, я мог бы просто воспользоваться Камнем и изменить свою внешность, чтобы выглядеть на все девяносто...*

— Я не дура, — сказала старая ведьма. — Я понимаю, что ты не обычный ребёнок. Я видела, как ты разговаривал с Люциусом Малфоем, наблюдала, как ты испугал дементора, и была свидетелем того, как Фоукс ответил на твой призыв. Любой разумный человек, который присутствовал на заседании Визенгамота, — то есть я и максимум ещё двое — мог догадаться, что ты вобрал в себя частицу разорванной души Волдеморта в ночь его не-смерти, но укротил её и смог использовать его знания в своих интересах.

На какое-то время в кабинете воцарилась тишина.

— Ну да, разумеется, — сказала Минерва МакГонагалл. Она вздохнула и немного осела в директорском кресле. — И Альбусу это было известно с самого начала, но он умышленно не стал хоть как-то меня об этом предупреждать.

— Точно, — произнёс Хмури. — Так и знал. Ну да. Абсолютно очевидно. Не удивлён совершенно.

— Полагаю, это достаточно близко к правде, — сказал Гарри. — Эм-м, и? Что именно вас беспокоит?

— Меня беспокоит то, — совершенно спокойным тоном ответила Амелия Боунс, — что ты — бурлящая, нестабильная смесь первокурсника Хогвартса и Сам-Знаешь-Кого.

Она замолчала, словно ожидая что-то.

— Я работаю над этим, — сказал Гарри, поскольку, кажется, она ждала его ответа. — В сущности, я справляюсь всё лучше и лучше. И что ещё важнее, Дамблдор был в курсе.

Старая ведьма продолжила:

— Ты отдал своё состояние и влез в долги к Люциусу Малфой, чтобы спасти свою лучшую подругу от Азкабана. Этим ты продемонстрировал свои выдающиеся моральные качества, но также продемонстрировал, что не сможешь удерживать Визенгамот в узде. Теперь я понимаю, что ты поступил так ради себя, тебе это было необходимо, чтобы не сойти с ума и сдерживать живущую в тебе тьму. Тем не менее, наследник Мерлина не имеет права так поступать. Сентиментальный лидер может оказаться гораздо хуже, чем эгоистичный. Альбус, повелитель и слуга феникса, балансировал на грани. Но даже он выступил в тот день против тебя.

Амелия указала рукой на Шизоглаза Хмури.

— У Аластора есть твёрдость. Есть хитрость. Но всё же у него нет талантов, необходимых для работы в правительстве. В тебе же, Гарри Поттер, пока нет ни твёрдости, ни способности пойти на жертвы, чтобы руководить даже Орденом Феникса. А учитывая, кто ты есть, тебе вообще не стоит пытаться брать на себя такую роль. Уж точно не сейчас, в твоём возрасте. Дай время обеим частям своей души сплавиться воедино. А до тех пор не пытайся быть Верховным чародеем. Если Альбус считал, что ты справишься с этой должностью, значит, он увлёкся, создавая красивую историю, и забыл о практической стороне дела. Мне всё-таки кажется, что с ним такое случалось.

Гарри даже приподнял брови от удивления.

— Э... что именно, по-вашему, происходит здесь? — он слегка стукнул пальцем по виску.

— Как мне представляется, внутри тебя душа мальчика, по-прежнему чистая и честная, изо всех сил сдерживает частицу духа Волдеморта, который пытается подчинить эту душу своей воле и при этом издевается, называя её слабой и сентиментальной... ты только что хихикнул?

— Простите. Но, честное слово, настолько плохо не было никогда. На самом деле, это больше похоже на кучу плохих привычек, которые мне нужно побороть.

Директриса МакГонаггалл откашлялась.

— Мистер Поттер, по-моему, в начале этого года всё было именно настолько плохо, — сказала она.

— Плохие привычки, сцепленные друг с другом и запускающие одна другую. Да, проблема чуть более серьёзная, — Гарри вздохнул. — А вы, мадам Боунс... м-м-м... Прошу прощения, если я неправ, но смею предположить, что вы несколько расстроены тем, что Линия перешла к одиннадцатилетнему мальчику?

— Расстроена, но не по той причине, о которой ты подумал, — спокойно ответила старая ведьма. — Хотя подозревать меня с твоей стороны естественно. Я понимаю, что должность Верховного чародея — вовсе не синекура, даже по сравнению с ужасами Департамента магического правопорядка. Я бы сказала, что согласилась занять её, потому что Альбус меня уговорил, но, по правде говоря, я просто не хотела тратить его время на спор, в котором всё равно бы проиграла. Я понимала, что возненавижу эту должность, и понимала, что меня это не остановит. Минерва говорит, что тебе не чужд здравый смысл, особенно когда тебе о нём напоминают. Ты действительно можешь представить себя за кафедрой Визенгамота? Ты уверен, что

это не частица Сам-Знаешь-Кого в тебе воображает, что достойна этой должности, а то и вовсе жаждет её?

Гарри снял очки и помассировал лоб. Его шрам до сих пор побаливал — он вчера растёр его до крови, чтобы ситуация выглядела достаточно драматично.

— Мне в самом деле не чужд здравый смысл, и, да, быть Верховным чародеем звучит как «получить на свою голову огромную кучу неприятностей», и эта должность мне действительно ни капельки не подходит. Проблема в том, что... м-м... я не уверен, что Линия Мерлина — это только про то, чтобы быть Верховным чародеем. Есть... м-м... я подозреваю... что помимо этого она связана с кучей других странных штук. И Дамблдор предполагал, что я возьму на себя ответственность за...эти другие штуки. И эти другие штуки... возможно, они просто с ума сойти как важны.

— Дерьмо, — сказал Хмури. И повторил: — Дерьмо. Парень, тебе точно можно было говорить об этом нам?

— Не знаю, — сказал Гарри. — Если тут есть инструкция, я в неё пока не заглядывал.

— Дерьмо.

— А что если эти другие вопросы также потребуют твёрдости и способности идти на жертвы? — всё так же спокойно спросила Амелия Боунс. — Что если ты столкнёшься с испытаниями, похожими на то, что было перед Визенгамотом? Я стара, Гарри Поттер, и не впервые сталкиваюсь с загадками. Ты только что видел, я угадала сущность твоей природы практически с первого взгляда.

— Амелия, — заговорил Шизоглаз Хмури, — что случилось бы, если бы тебе пришлось прошлой ночью сражаться Сама-Знаешь-с-Кем?

Старая ведьма пожала плечами:

— Полагаю, я бы погибла.

— Ты бы проиграла, — сказал Аластор Хмури. — А Мальчик-Который-Выжил не только победил Волди, он всё провернул так, что, в то время, как Волди себя воскресил, его лучшая подруга — Гермиона Грейнджер — вернулась из мёртвых! Будь я проклят, будь я дважды проклят, если это случайность. И в то, что это была идея Дэвида, я тоже не верю. Ами, суть в том, что никто из нас не знает, что именно должен делать преемник Мерлина. Однако, мы не спятили нужным образом, чтобы подойти для этого дерьма.

Амелия Боунс нахмурилась.

— Аластор, ты знаешь, что я и раньше имела дело со странными вещами. И справлялась с ними, по-моему, довольно неплохо.

— Ага. Ты разбиралась с дерьмом, чтобы можно было вернуться к нормальной жизни. Ты не настолько спятила, чтобы строить из этого дерьма целые замки и селиться в них, — Хмури вздохнул. — Ами, ты ведь наверняка понимаешь, почему Альбусу пришлось оставить этому бедному пареньку чёрт-знает-какую-работу.

Старая ведьма стиснула кулаки на столе.

— Ты представляешь, какая катастрофа ждёт Британию при таком раскладе? Пусть я слишком нормальная, но я не могу этого допустить! Я не для того работала столько лет, чтобы сейчас всё пошло прахом!

— Прошу прощения, — произнесла директриса МакГонаггалл с чётким шотландским акцентом, — есть ли какая-нибудь причина, по которой мистер Поттер не может просто проинструктировать Линию, что до достижения им совершеннолетия мадам Боунс является его регентом на должности Верховного чародея, но не в делах Отдела Тайн? Если Альбус смог назначить Линии регента только до поражения Волдеморта, значит, она вполне способна выполнять подобные сложные приказы.

Некоторое время присутствующие впитывали этот внезапный холодный душ здравого смысла.

Гарри открыл было рот, чтобы согласиться назначить Амелию Боунс своим регентом по части Визенгамота, но снова замешкался.

— Гм, — начал Гарри. — Гм. Мадам Боунс, я бы правда предпочёл, чтобы вы руководили Визенгамотом вместо меня.

— То есть, мы пришли к соглашению, — сказала старая ведьма. — Так и договоримся?

— Но...

Остальные участники беседы раздосадовано откинулись на спинки кресел.

— В чём дело, мистер Поттер? — спросила директриса голосом, значившим, что она надеется, что ничего серьёзного.

— Гм. Не исключено, что довольно скоро мне придётся сделать пару вещей, которые могут оказаться... политически неоднозначными. И в обмен на передачу мадам Боунс политической силы Линии, я бы хотел от неё... гм, сотрудничества в некоторых вопросах.

Амелия Боунс обменялась ещё одним долгим взглядом с Минервой МакГонаггалл. Затем она снова повернулась к Гарри Поттеру.

— Твоё требование просто возмутительно! — сказала Амелия Боунс. — Твоё колебание говорит о том, что ты слаб, не привык торговаться и, скорее всего, прогнёшься, если я нажму в ответ.

Гарри прикрыл глаза.

А открыл их уже слегка Тёмный Гарри.

— Хорошо, — сказал Гарри, — давайте я перефразирую. Я не собираюсь вмешиваться в вашу работу ежедневно и даже ежемесячно, но Дамблдор передал ответственность за всё мне, и я не могу её просто отбросить. Я не собираюсь внезапно слать сов со странными письмами, сначала мы будем всё обсуждать, но в какой-то момент, возможно, мне придётся отдавать вам указания. Если вы откажетесь, мне, возможно, придётся забрать обратно функции Линии, связанные с Визенгамотом, и взять прямое управление на себя. Вы это стерпите?

— А если я скажу «нет»? — спросила старая ведьма.

Ещё чуть темнее...

— Прямо сейчас у меня нет других вариантов. Я мог бы для начала спросить Августу Лонгботтом, кто, по её мнению, подойдёт для этой должности, и действовать исходя из этого. Но, не исключено, что нам следует как можно точнее следовать плану Дамблдора. Ведь я не знаю, почему он делал то, что делал, а он считал, что некоторое время Верховным чародеем будет Амелия Боунс. Я не собираюсь потрясать тут перед вами именем Мерлина, но... впрочем, к чёрту, я таки собираюсь потрясать перед вами именем Мерлина, это может быть, а может и не быть безумно важно.

Старая ведьма обвела взглядом собравшихся за столом.

— Меня не слишком устраивают такие условия, — сказала она спустя некоторое время. — Но скоро нужно будет призывать Визенгамот к порядку. Пусть пока будет так.

Старая ведьма неспешно вытащила из мантии короткий жезл из тёмного камня.

Она положила жезл на стол перед Гарри.

— Прими то, что принадлежит тебе, — сказала она. — А затем, будь добр, верни её назад.

Гарри протянул руку, чтобы взять жезл.

В мгновение, когда пальцы Гарри коснулись тёмного камня...

...ничего не случилось.

Что ж, возможно, Мерлин не любил устраивать представления. Это бы объяснило, почему его последнее наследие выглядело как маленький невзрачный тёмный жезл. Для его роли больше ничего не требовалось, и потому он выглядел именно так.

Гарри поднял жезл и нахмурился.

— Я бы хотел назначить Амелию Боунс регентом по вопросам, связанным с Визенгамотом, — тут Гарри пришла в голову мысль,

что следует определить условия прекращения регентства. — До тех пор, пока я не скажу, что её регентство окончено.

Гарри скривился. Он ожидал от Линии большего, а она оказалась всего лишь ключом к некоторым местам в Отделе Тайн, где хранились интересные вещи, или к печатям, за которыми Мерлин и его преемники прятали то, что нельзя было уничтожить, но следовало изъять из общего оборота. На этом возможности Линии практически заканчивались.

И обойти Запрет Мерлина Линия тоже не позволяла. Даже если на кону стоит судьба галактики. Даже человеку, который выглядит здоровомыслящим, дал Нерушимый Обет и искренне верит, что в противном случае мир вот-вот будет уничтожен.

Мерлин мечтал о долговечном мире, который будет существовать не каких-то несколько столетий, а многие эоны. Ничто не помешает миру существовать вечно, если убирать все по-настоящему опасные силы и не выпускать их обратно. Напротив, одна дыра в защитных механизмах — и уничтожение мира становится вопросом времени. Однажды Линия Мерлина попадёт в руки не тому человеку. Явно недостойного Линия, возможно, отвергнет, но рано или поздно она попадёт в руки человека, чьи изъяны для неё будут незаметны. Когда имеешь дело с людьми, подобное неизбежно. Гарри следует помнить об этом, если он решит что-нибудь запечатать для будущих преемников Линии. Плюсы, которые принесёт запечатанное в ближайшие тысячи лет, должны перевешивать минусы от катастрофы в результате неверного использования, которое когда-нибудь обязательно случится.

Гарри печально — но очень тихо — вздохнул. *Мерлин, ты идиот...*

Эта мысль не открыла никаких последних замков.

Прямо сейчас в Отделе Тайн ничего не горело, так что Гарри осторожно положил Линию обратно на стол.

— Спасибо, — сказала старая ведьма и подняла жезл из тёмного камня. — Ты не знаешь, как им пользоваться, чтоб призвать Визенгамот к порядку? Или... впрочем, неважно, я просто стукну им о кафедру. Естественно, для всей страны, Верховный чародей — я. О том, что это не так, будем знать только мы четверо.

Гарри помедлил. Затем он вообразил огромное количество сов, которых он получит, если станет известно, что он в состоянии отменить любое решение Верховного чародея. А также, как это повлияет на авторитет Амелии на переговорах.

— Прекрасно.

Амелия спрятала жезл обратно в мантию.

— Не скажу, что иметь дело с тобой приятно, Мальчик-Который-Выжил, но всё могло оказаться намного хуже. Большое спасибо и на том.

Поведение мадам Боунс заставило Гарри задуматься о текущем балансе сил. Все решили, что основная идея, как победить Волдеморта, принадлежала Дэвиду Монро. Довольно логичная мысль. И это означает, что Гарри до сих пор недооценивают. Возможно, потребуется какой-нибудь кризис, который Гарри нужно будет успешно разрешить, и только тогда Амелия Боунс начнёт к нему прислушиваться. Или хотя бы поверит, что он способен не облажаться...

— Итак, — сказал Гарри, — можете ли вы рассказать о каких-нибудь странностях, о которых вы бы поведали Дамблдору, будь он здесь?

— Раз уж ты спрашиваешь... — задумчиво протянула Амелия. — Три обстоятельства мне в самом деле показались странными. Во-первых, мы совершенно не представляем, в результате какого именно ритуала были принесены в жертву Пожиратели Смерти и воскрешён Сами-Знаете-Кто. Ни в одной известной легенде не упоминается ничего подобного, а магические следы ритуала были полностью уничтожены. Насколько могут судить мои авроры, все головы упали с плеч в силу естественных причин. Исключение — Уолден МакНейр, который был убит магическим огнём и который перед этим использовал свою палочку для Смертельного проклятия. Действительно, крайне загадочный ритуал, — и Амелия Боунс очень внимательно посмотрела на Гарри Поттера.

Гарри на миг задумался, как бы поаккуратнее сформулировать свой ответ. Волдеморт утверждал, что установил защитные чары, поэтому Гарри был уверен, что никакой вернувшийся во времени аврор его не видел, но тем не менее...

— Мне кажется, мадам Боунс, что вам не стоит так уж тщательно расследовать это дело.

Старая ведьма слегка усмехнулась.

— Нельзя допустить, чтобы люди думали, будто мы проводим расследование столькоких благородных смертей спустя рукава. Когда мне пересказали твои слова о последней битве Дэвида, я позаботилась направить следователей, на чьё качество работы всегда можно... положиться. А именно, аврора Шноббса и аврора Колона, которых уважают и далеко за пределами моего департамента*. Читать их отчёт было весьма интересно, — Амелия немного помолчала. — Есть вероятность, что от Августуса Руквуда остался призрак...

— Изгоните его прежде, чем кто-нибудь поговорит с ним, — прервал её Гарри. Сердце в груди застучало слишком сильно.

— Да, сэр, — сухо ответила старая ведьма. — Я слегка ослаблю связь его души с нашим миром, и никто ничего не заметит — призрак просто не сможет материализоваться. Второе. Среди вещей Тёмного Лорда нашли всё ещё живую человеческую руку...

— Беллатриса, — сказал Гарри. Его мозг наконец осознал некоторые факты, на которые он раньше не обратил внимания из-за травматических переживаний. — Это рука Беллатрисы Блэк, — *Лесата Лестрейнджа не упомянули среди учеников, потерявших родителей.* — О, проклятье, она же всё ещё на свободе, точно. Её можно как-нибудь найти с помощью этой руки?

Амелия Боунс скривилась.

— Понятно. Как я сказала, среди вещей Тёмного Лорда нашли живую человеческую руку, но её оказалось легко испепелить.

— Какой идиот... — Гарри остановился на полуслове. — Нет, не идиот. Потому что немедленное уничтожение Тёмных объектов — принцип департамента. Потому что в прошлом уже случались инциденты с кольцами, которые следовало сразу же бросать в вулкан. Верно?

Хмури и Амелия синхронно кивнули.

— Хорошая догадка, сынок, — сказал Хмури.

По всем законам жанра последствия давней глупости Гарри будут ещё долго преследовать его каким-нибудь ужасным образом, но попытаться изменить сценарий стоило.

— Полагаю, об этом вы уже подумали, — произнёс Гарри, — но напрашивающийся следующий шаг — сообщить в ваш аналог международного розыска о худой ведьме без левой руки. Ах, да, и добавьте к уже назначенному вознаграждению двадцать пять тысяч галлеонов лично от меня — директриса, всё нормально, пожалуйста, доверьтесь мне.

— Хорошо сказано, — старая ведьма слегка наклонилась вперёд. — Остался третий и последний вопрос... настоящая загадка событий прошлой ночи, и мне любопытно, что вы на это скажете, Гарри Поттер. Среди трупов нашли голову и тело Сириуса Блэка.

— Что?! — Хмури даже подскочил на месте. — Я думал, он в Азкабане!

— А он действительно там, — ответила мадам Боунс. — Мы сразу же проверили. Стражи Азкабана доложили, что Сириус Блэк по-прежнему в своей камере. Голову и тело Блэка доставили в морг святого Мунго. Причина смерти та же, что и у других Пожирате-

лей Смерти, то есть, его голова внезапно упала с плеч. Мне также сообщили, что Сириус Блэк этим утром сидел в углу своей камеры, раскачиваясь взад-вперёд и сжимая голову руками. Двойников у кого-то ещё из Пожирателей Смерти не обнаружено. Пока.

Повисла тишина, нарушаемая тиканьем и уханьем различных устройств. Собравшиеся размышляли.

— Э-э... — заговорила Минерва. — Это невозможно даже по стандартам Сами-Знаете-Кого. Ведь так?

— В твоём возрасте, дорогая, я бы подумала точно также, — ответила Амелия. — В моём личном списке странных вещей этот случай занимает шестое место.

— Видишь, сынок? — сказал Хмури. — Это ещё раз показывает, почему никто, даже я сам, не может быть параноиком в достаточной степени. — Аврор в шрамах задумчиво наклонил голову, его яркий голубой глаз продолжал своё постоянное вращение. — Ближец, спрятанный от остального мира? Вальпурга Блэк родила двойню, не смогла убить одного, но знала, что старина Поллукс этого потребует... не, я бы на это не купился.

— Есть идеи, мистер Поттер? — спросила Амелия Боунс. — Или это ещё один вопрос, который моему департаменту не стоит расследовать слишком тщательно?

Гарри закрыл глаза и задумался.

Сириус Блэк выслеживал Питера Петтигрю вместо того, чтобы сбежать из страны, как подсказывал бы здравый смысл.

Блёка обнаружили посреди улицы, его окружали трупы и он смеялся.

От Петтигрю остался лишь палец.

Петтигрю был шпионом Света — не двойным агентом, а просто человеком, который рыщет повсюду и выискивает информацию.

Одна из теорий заговора по поводу Петтигрю гласила, что он был анимагом, поскольку ещё в Хогвартсе он славился умением вынюхивать секреты.

Дементоры высасывают всю магию вокруг себя.

Профессор Квиррелл упоминал некий тип магии, который перестраивает плоть, как магловский кузнец меняет форму металла с помощью молота и клещей...

Гарри открыл глаза.

— Питер Петтигрю был тайным метаморфомагом?

Амелия Боунс изменилась в лице. Она издала короткий хрип и обмякла в кресле.

— Вообще-то, да... — медленно сказала Минерва. — А что?

— Сириус Блэк наложил на Питера Петтигрю Конфундус, — услышал Гарри свой собственный терпеливый голос, — заставил его сменить облик и притвориться Блэком. К тому времени, когда Конфундус перестал действовать, Питер оказался в Азкабане и не смог поменять облик обратно. Питер Петтигрю кричал о том, что произошло, пока не сорвал голос, но авроры привыкли, что оказавшиеся в Азкабане говорят всё, что угодно, лишь бы оттуда выбраться, и потому не обращали внимания*.

Теперь даже лицо Шизоглаза Хмури посерело от ужаса.

— Теперь кажется очевидным, — похоже, голос Гарри действовал полностью на автомате, — что вам следовало бы что-то заподозрить, когда удалось отправить именно этого Пожирателя Смерти в Азкабан без суда.

— Мы думали, что Малфой в смятении, — прошептала старая ведьма. — Что он только пытается спасти себя. Мы тогда смогли схватить и других Пожирателей, например, Беллатрису...

Гарри кивнул. Ему казалось, что его шея и голова двигаются по велению нитей кукловода.

— Самую фанатичную и преданную прислужницу Тёмного Лорда. Естественное ядро оппозиции для любого, кто принялся бы оспаривать власть Люциуса над Пожирателями Смерти. Вы думали, что Люциус в смятении.

— Вытащите его оттуда, — произнесла Минерва МакГонагалл. — Вытащите его оттуда! — выкрикнула она.

Амелия Боунс вскочила со своего кресла, метнулась к камину...

— Стойте.

Все изумлённо уставились на Гарри, и изумлённее всех — Минерва МакГонагалл.

Голосом Гарри словно завладел кто-то другой.

— Нам нужно обсудить ещё четыре вопроса. Невинный человек находился в Азкабане десять лет, восемь месяцев и четырнадцать дней. Он может пробыть там ещё несколько минут. Да, эти четыре вопроса настолько важны.

— Ты... — прошептала Амелия Боунс. — Ты не должен пытаться брать на себя такую роль, в твоём возрасте...

— Первое. Думаю, мне следует взглянуть на полные полицейские отчёты о каждом Пожирателе Смерти, который попал в Азкабан, пока Люциус был «в смятении». Вы справитесь с этим за вечер?

— За час, — сказала Амелия Боунс. Кровь отхлынула от её лица.

Гарри кивнул.

— Второе. Азкабан закрывается. Вам нужно немедленно начать готовить перевод узников в Нурменгард или другие надёжные тюрьмы без дементоров и предоставить им лечение от воздействия дементоров.

— Я... — начала Амелия. Старая ведьма, казалось, растеряла свою уверенность и словно уменьшилась в размерах. — Я... сомневаюсь, что даже после произошедшего... скандала, остатки Визенгамота согласятся... А дементоров нужно кормить, возможно, меньше, чем мы их кормили, но им нужны жертвы, или они разлетятся по миру и начнут охотиться на невинных...

— Неважно, что скажет Визенгамот, — ответил Гарри. — Потому что...

У него запершило в горле.

— Потому что... — Гарри сделал глубокий вдох, набираясь решительности. Он словно наяву видел то, что неизбежно случится в будущем, видел путь к этому будущему, залитый золотым солнечным светом. *Это тоже записано в книге Времени, которую я не должен видеть?* — Потому что, если я правильно понимаю, что будет дальше, очень скоро Гермиона Грейнджер, Девочка-Которая-Ожила, явится в Азкабан и уничтожит всех дементоров.

— Невозможно! — вырвалось у Шизоглаза Хмури.

— Мерлин, — прошептала Амелия Боунс, — о, Мерлин. Так вот что случилось с дементором, которого Дамблдор «потерял». Вот почему они боятся тебя — и её теперь тоже? — её голос задрожал, — Да что же это, что же это такое?

Если Гермиона верит, что Смерть можно победить...

Верила она раньше или нет — теперь она точно поверит.

— Официально выданный портключ в Азкабан будет кстати... — голос Гарри снова сорвался, слёзы потекли по щекам.

Она не может умереть, у меня её крестраж.

Но Гермионе не нужно знать об этом. Ещё неделю.

Если она захочет рискнуть своей жизнью, чтобы положить конец...

— Хотя, наверное, она и сама сможет туда добраться...

— Гарри? — окликнула его директриса МакГонагалл.

Гарри плакал, воздух тяжёлыми рывками выходил из его лёгких, но он не прекращал говорить. Он не имел права тратить время на слёзы. Из-за Питера Петтигрю. Из-за всех остальных во всём мире.

— Третье. Где-то в границах защитных чар Хогвартса. В хорошо защищённом месте. Но куда в экстренных случаях от границы чар

можно будет попасть через портал. Будет создана надёжно охраняемая 6-6-больница. Охрана должна быть очень сильной и должна дать Нерушимые Обеты. Мне... мне неважно сколько золота будут стоить эти Обеты, это теперь совсем неважно. И... и Аластор Хмури разработает систему безопасности. Пусть он даст полную волю своей паранойе, никаких ограничений по бюджету, разумности или здравому смыслу не будет. Но эта больница должна появиться как можно скорее.

Останавливаться ради того, чтобы проплакаться, было нельзя.

— Гарри, — сказала директриса, — они оба думают, что ты сошёл с ума, они не так хорошо тебя знают. Объясни всё по порядку.

Но Гарри просто опустил руку в кошель, показал слово пальцами и с трудом вытащил пятикилограммовый кусок золота, размером с два его кулака — результат его утренних экспериментов. Золото опустилось на стол с глухим стуком.

Хмури потянулся, коснулся золота палочкой, после чего издал что-то нечленораздельное.

— Это стартовый бюджет, Аластор, на случай, если деньги нужны прямо сейчас. Николас Фламелъ не создавал Философский Камень, он украл его. Дамблдор не знал об этом, но Монро знал. Если разобраться, как Камень работает, то с его помощью можно полностью восстанавливать здоровье и возвращать юность одному человеку каждые двести тридцать четыре секунды. Триста шестьдесят человек в день. Сто тридцать четыре тысячи исцелений в год. Этого хватит, чтобы ни один волшебник в мире, и ни один гoblin, ни один домовый эльф, вообще никто больше не умирал, — Гарри снова и снова вытирал льющиеся слёзы. — У Фламеля на руках больше крови, чем у сотни Волдеморов, крови тех, кого он мог спасти, но не стал. Всё это время, Хмури, стоило Фламелю только пожелать, Философский Камень мог исцелить ваши шрамы и вернуть вам ногу. Дамблдор не знал этого. Я уверен, что он не знал, — губы Гарри дрогнули в улыбке. — Я не представляю вас молодой, мадам Боунс, но уверен, что вам пойдёт. Заодно у вас будет больше энергии, чтобы не давать Визенгамоту лезть в мои дела. Потому что, если у них возникнет мысль, что они как-то могут контролировать Камень — через налоги, регулирование, ещё что-нибудь, то Хогвартс объявит независимость от Британии и станет отдельным государством. Директриса, Хогвартс больше не зависит от золота Министерства, да что там говорить, даже от еды. Вы можете менять программу обучения по своему усмотрению. И, думаю, в скором времени мы можем ввести в программу несколько продвинутых курсов, особенно по магловским дисциплинам.

— Помедленнее! — воскликнула Минерва МакГонагалл.

— Четвёртое... — Гарри вдруг умолк.

Четвёртое. Начните подготовку официальной отмены Статута Секретности и предоставления массовых услуг магического лечения в мире маглов. Тем, кто будет возражать, может быть отказано в услугах Камня...

Гарри не смог разомкнуть губы. Чисто физически не смог.

Если шесть миллиардов маглов творчески подойдут к вопросу, как можно применить магию...

Трансфигурация антиматерии — это всего лишь одна из идей. Даже не самая разрушительная. А кто-нибудь подумает о чёрных дырах или отрицательно заряженных стрепельках*. И даже если чёрные дыры нельзя трансфигурировать, потому что с точки зрения магии нельзя сказать, что они «уже существуют» внутри некоторого радиуса пространства, то всегда можно трансфигурировать кучу ядерного оружия и Чёрную Смерть, которая сможет распространиться до того, как развеется трансфигурация*, и вообще, Гарри не размышлял над этой проблемой и пяти минут, потому что уже имеющихся идей было достаточно. Кто-то подумает об этом, кто-то скажет, кто-то захочет сделать. Вероятность была так близка к единице, что практически от неё не отличалась.

Что будет, если трансфигурировать кубический миллиметр верхних кварков, просто верхних кварков без нижних кварков, которые бы их связали? Гарри даже не мог себе это представить, а верхние кварки уж точно существуют. И будет достаточно одного маглорождённого, который знает названия шести кварков и захочет попробовать. Может, это и есть та мина замедленного действия, что вызовет предсказанный конец света.

Гарри попытался отбросить эти мысли, придумать рациональные контраргументы.

Но тоже не смог.

Это противоречило принципу, по которому существует Гарри Поттер.

Как вода не может не течь вниз, так и Гарри Поттер не мог рисковать, когда под угрозой стоит существование мира.

— Четвёртое? — переспросила Амелия Боунс. Ведьма выглядела так, будто её несколько раз приложили астероидом по лицу. — Что «четвёртое»?!

— Ничего, — отозвался Гарри. Его голос не сорвался. Он не захлёбывался слезами. Он ещё мог спасти сколько-то жизней, и это

было важнее. — Ничего. Верховная чародейка Боунс, я отдал вам регентство в Визенгамоте. Используйте своё новое положение, чтобы объявить международному сообществу, что вскоре целительные свойства Камня будут доступны всем, а до тех пор жизнь всех умирающих пациентов следует продлевать любой ценой, неважно, какая потребуется магия. Это объявление — ваша первоочередная задача. После этого вы можете освободить Питера Петтигрю и приказать своему старому департаменту начать подготовку к закрытию Азкабана. Затем пусть кто-нибудь подготовит список всех заключённых Пожирателей Смерти со стенограммами судебных заседаний и упоминанием, в каких случаях Люциус почему-то был мало заинтересован в том, чтобы их защищать. Спасибо, это всё.

Амелия Боунс развернулась и бросилась в камин, словно сама была объята пламенем.

— И кто-нибудь... — голос Гарри снова дрогнул. Колесо завертелось, и он мог плакать, не боясь, что тратит ценное время. Хотя, как оказалось, подавляющее большинство жизней спасти пока было невозможно. — Кто-нибудь расскажите... расскажите Ремусу Люпину.

Глава 120

Мне есть что защищать. Драко Малфой

В кабинете неподалёку от бывшей вотчины директрисы Мак-Гонагалл сидел мальчик. Его слёзы высохли ещё несколько часов назад. Теперь он просто ждал, когда ему сообщат, что станет с ним, сиротой под опекой Хогвартса, чья жизнь и счастье оказались в руках врагов его семьи. Мальчику сказали сюда прийти, и он пришёл, потому что ему больше ничего не оставалось, потому что больше идти ему было некуда. Винсент и Грегори покинули его — матери призвали их на спешные похороны отцов. Возможно, мальчику следовало поехать с ними, но он не смог себя заставить. Он бы не справился с ролью Малфоя. Пустота переполняла его настолько, что места не осталось даже для притворной обходительности.

Все мертвы.

Его отец мёртв, как и его крёстный отец — мистер МакНейр, как и его второй крёстный — мистер Эйвери. Даже Сириус Блэк, двоюродный брат его матери, каким-то образом умудрился умереть. А последняя выжившая из дома Блэков не была другом ни одному Малфою.

Все мертвы.

В дверь кабинета постучали. Мальчик не ответил. После некоторой паузы дверь отворилась, и на пороге появился...

— Уходи, — сказал Драко Малфой Мальчику-Который-Выжил, но у него не получилось произнести это слово хоть сколько-нибудь убедительно.

— Я ненадолго, — ответил Гарри Поттер, заходя в кабинет. — Нужно принять одно решение, и сделать выбор можешь только ты. Драко отвернулся к стене, потому что даже на то, чтобы просто смотреть на Гарри Поттера, ему уже не хватало сил.

— Ты должен решить, — сказал Гарри, — что будет дальше с Драко Малфоем. Я не подразумеваю ничего зловещего. В лю-

бом случае ты будешь расти богатым наследником Благородного и Древнейшего Дома. Дело в том, — голос Гарри задрожал, — дело в том, что ты не знаешь всей правды, и меня преследует мысль, что, если ты её узнаешь, ты заявишь, что больше не желаешь, чтобы я был твоим другом. А я по-прежнему хочу быть твоим другом. Но просто... не сказать тебе... и постоянно лгать, чтобы быть твоим другом... я так тоже не могу. Это тоже неправильно. Я... я больше не хочу так делать. Я не хочу больше тобой манипулировать. Ты уже достаточно из-за меня пострадал.

Тогда не пытайся быть моим другом, у тебя всё равно не слишком получается. Эти слова появились в сознании Драко, но губы их так и не произнесли. Он чувствовал, что уже практически потерял Гарри — из-за того, как Гарри играл с их дружбой, из-за лжи и манипуляций. И всё же думать о возвращении в Слизерин в одиночку, возможно, без Винсента и Грегори, если их матери разорвут соглашение... Драко не хотел этого, он не хотел вернуться в Слизерин и оказаться на всю жизнь в окружении только тех, кто согласился, чтобы их распределили в Слизерин. Драко всё-таки хватило здравого смысла, чтобы вспомнить, что очень многие его настоящие друзья дружат и с Гарри, что Падма — когтевранка, что даже Теодор — лейтенант Хаоса. От Дома Малфоев остались лишь традиции, и эти традиции утверждали, что глупо говорить победителю войны, чтобы он убрался и не пытался быть твоим другом.

— Хорошо, — опустошённо ответил Драко. — Расскажи мне.

— Именно это я сейчас и сделаю, — произнёс Гарри. — А когда я уйду, придёт директриса и запечатает последние полчаса твоей памяти. Но до того, зная всю правду, ты решишь, хочешь ли ты и дальше иметь дело со мной, — голос Гарри опять дрогнул. — Так вот. Согласно записям, которые я прочёл перед тем, как прийти сюда, вся эта история началась ещё в 1926 году, когда родился волшебник-полукровка по имени Том Морфин Риддл. Его мать умерла при родах, и он воспитывался в магловском приюте, пока профессор Дамблдор не принёс ему письмо из Хогвартса...

Мальчик-Который-Выжил говорил и говорил, и его слова крушили остатки разума Драко, как удары молота.

Тёмный Лорд был полукровкой. Он никогда, даже на долю секунды, не верил в чистоту крови.

Лорд Волдеморт для Тома Риддла был лишь дурной шуткой.

Пожиратели Смерти должны были проиграть Дэвиду Монро, чтобы тот мог захватить власть.

Отказавшись от первоначального плана, Том Риддл не пытался победить по-настоящему, а продолжал играть в Волдеморта, потому что ему нравилось помыкать Пожирателями Смерти.

Волдеморт использовал меня, пытаясь подставить отца и обвинить его в покушении на моё убийство, а затем ещё раз использовал меня, чтобы добраться до Философского Камня. Про Камень Драко не помнил, но ему уже сказали, что его вместе с профессором Спраут использовали как пешку и что против него не будут выдвигать никаких обвинений.

А затем прозвучали последние ужасные слова.

— Ты... — прошептал Драко Малфой. — Ты...

— Именно я прошлой ночью убил твоего отца и всех остальных Пожирателей Смерти. Волдеморт приказал им стрелять в меня сразу же, если я что-нибудь сделаю, поэтому мне пришлось их убить. Волдеморт был угрозой всему миру, и только так я мог его остановить, — казалось, Гарри Поттеру приходилось выдавливать из себя слова. — В тот миг я не думал о тебе, о Теодоре, о Винсенте и Грегори, но, если бы я подумал, ничего бы не изменилось. Я умудрился совершенно не понять, что «мистер Белый» — это Люциус, но, если бы я понял, я всё равно не рискнул бы оставить его в живых, ведь он мог владеть беспалочковой магией. Задолго до всего этого мне приходила в голову мысль, что политический ландшафт стал бы только лучше, если бы все Пожиратели Смерти внезапно умерли. Я всегда считал Пожирателей Смерти ужасными людьми, ещё со дня нашей первой встречи, просто старался тебе этого не показывать. Но если бы твой отец не оказался на том кладбище и мне дали бы кнопку, нажав на которую, я мог бы его убить, то я не стал бы её нажимать — если бы речь шла только о политических соображениях. Что я теперь чувствую, и раскаиваюсь ли я... Да, часть меня вопит в обычном человеческом ужасе из-за того, что я кого-то убил. А другая часть говорит, что, с моральной точки зрения, Пожиратели Смерти отреклись от своего права на жизнь в тот день, когда присоединились к Волдеморту. Они первыми направили на меня палочки, ну и так далее. Но прямо сейчас мне ужасно больно от того, чем это обернулось для тебя. В очередной раз. Мне кажется, — голос Гарри опять немного дрогнул, — будто всё, что я делаю, лишь вредит тебе, несмотря на все мои благие намерения. Что, находясь рядом со мной, ты постоянно что-то теряешь. Поэтому, если ты скажешь мне отныне держаться подальше, я так и сделаю. А если ты захочешь, чтобы я попытался

стать твоим другом по-настоящему, я им стану. Не будет больше никаких манипуляций, никаких попыток тебя использовать, никаких рискованных ситуаций для тебя. Клянусь.

Новый лорд Малфой плакал, открыто плакал перед лицом своего врага, забыв о приличиях и самообладании. Не осталось никого, ради кого стоило бы сдерживаться.

Ложь.

Ложь.

Всё было ложью, ложь громоздилась на горы лжи, лжи, лжи...

— Ты должен умереть, — выдавил Драко. — Ты должен умереть за то, что убил отца.

Эти слова лишь заполнили его ещё большим количеством пустоты, но он не мог их не сказать.

Гарри Поттер лишь покачал головой.

— А если это не вариант?

— Ты должен страдать.

Гарри снова покачал головой.

Мальчик-Который-Выжил потребовал, чтобы лорд Малфой дал ответ.

Лорд Малфой отказался. Он не мог заставить себя произнести ни один из вариантов ответа. Он не хотел, чтобы победитель войны и их общие друзья оставили его в одиночестве. И он не хотел давать Гарри отпущение грехов, которое тот желал.

Так что Драко Малфой отказался отвечать, а затем время для этого отрезка памяти истекло.

* * *

В кабинете неподалёку от бывшей вотчины директрисы МакГонагалл сидел мальчик. Его слёзы высохли ещё несколько часов назад. Теперь он просто ждал, когда ему сообщат, что станет с ним, сиротой под опекой Хогвартса, чья жизнь и счастье оказались в руках врагов его семьи. Мальчику сказали сюда прийти, и он пришёл, потому что ему больше ничего не оставалось, потому что больше идти ему было некуда. Винсент и Грегори покинули его, матери призвали их на спешные похороны отцов. Возможно, мальчику следовало поехать с ними, но он не смог себя заставить. Он бы не справился с ролью Малфоя. Пустота переполняла его настолько, что места не осталось даже для лжи.

Все мертвы.

Все мертвы. Всё с самого начала было напрасно.

В дверь кабинета постучали. После небольшой вежливой паузы дверь отворилась, и на пороге появилась директриса МакГонагалл, одетая примерно так же, как она одевалась в бытность профессором.

— Мистер Малfoy? — окликнула его победивший враг его семьи. — Пожалуйста, пойдёте со мной.

Драко вяло поднялся и вышел вместе с ней в коридор. За дверями он увидел ждущего Гарри Поттера, но его мозг отказался как-либо реагировать.

— Последнее, что я хотел тебе сообщить, — сказал Гарри Поттер. — Я обнаружил запечатанный пергамент, надпись на котором гласила, что внутри находится главное оружие против Дома Малfoy. Надпись также утверждала, что мне не следует читать этот пергамент, пока итог всей войны не повиснет на волоске. Я не хотел говорить тебе, что я нашёл внутри, поскольку посчитал, что в таком случае твоё решение может оказаться предвзятым. Как ты думаешь, если хорошему человеку, который никогда не убивал и не лгал, пришлось сделать выбор между одним и другим, какой выбор был бы хуже?

Драко проигнорировал Гарри Поттера и ушёл вместе с директрисой МакГонагалл. Печально проводивший их взглядом Гарри остался позади.

Они зашли в прежний кабинет директрисы, где та взмахом палочки зажгла огонь в камине, произнесла в зелёное пламя: «Бюро путешествий Гринготтса», — и, строго посмотрев на Драко, шагнула в камин.

За неимением других вариантов Драко Малfoy последовал за ней.

* * *

Она лежала в постели, чувствуя себя этим утром даже более вяло, чем обычно. Она проснулась слишком рано — солнце только взошло, впрочем, сейчас от прямых лучей дом защищали небоскрёбы. В висках слегка отдавалось похмелье, во рту пересохло. Она старалась не злоупотреблять выпивкой (хотя и не понимала почему), но вчера на неё нахлынуло... особенно сильное уныние — словно она потеряла что-то важное. Не в первый раз и не в сотый она подумала о переезде — в Аделаиду или в Перт, может быть, даже в Перт Амбой, если понадобится. Её неотступно преследовало ощущение, что она должна находиться не здесь, а где-то ещё. И хотя ей вполне хватало на жизнь денег, получаемых от страховой компании, шиковать она не могла. У неё не было средств, чтобы колесить по миру

в поисках неизвестности, которой, как подсказывали ей чувства, она принадлежала. Она довольно много смотрела телевизор, брала напрокат видеофильмы о путешествиях, но никакое из мест, увиденных на экране, не казалось ей более «правильным», чем Сидней.

С тех пор, как она потеряла в ДТП свою память — не только память о погибшей семье, которая теперь для неё ничего не значила, но даже воспоминания о том, как пользоваться плитой, — она чувствовала себя замороженной, остановившейся во времени. Она подозревала, нет, она знала: чего бы ни ждало её сердце, какой бы ключ ни было нужно повернуть, чтобы заставить её жизнь снова двигаться, она это тоже потеряла из-за того лишившегося управления микроавтобуса. Почти каждое утро она думала, строила предположения, что же она потеряла, что же исчезло, совершенно исчезло из её жизни и её памяти.

В дверь позвонили.

Она застонала и повернула голову, чтобы посмотреть на экран электронного будильника, стоявшего рядом с кроватью. Часы показывали 6:31 утра. Кто-то совсем спятил? Ну что ж, в таком случае, пусть этот идиот подождёт, пока она, не торопясь, выберется из постели.

Пошатываясь, она встала и, не обращая внимания на вновь зазвеневший звонок, нырнула в ванную и оделась.

Она проковыляла вниз по ступенькам, игнорируя в очередной раз возникшее чувство, что на звонки в дверь за неё должен отвечать кто-то другой.

— Кто там? — сказала она в закрытую дверь. В двери был глазок, но через него ничего не было видно.

— Это Нэнси Мэнсон? — послышался голос женщины, говорящей с чётким шотландским акцентом.

— Да, — осторожно ответила она.

— Эуноэ*, — произнёс голос шотландки. Дверь пронзила вспышка света, Нэнси потрясённо отпрыгнула, но вспышка поразила её и...

Нэнси покачнулась и прижала руку ко лбу. Вспышки света, так просто проходящие сквозь дверь и попадающие в людей, — это... это было... это не было чем-то особенно удивительным...

— Не будете ли вы любезны открыть дверь? — попросила шотландка за дверью. — Война окончена, и ваши воспоминания в скором времени вернутся. Здесь кое-кому нужно вас увидеть.

Мои воспоминания...

Нэнси казалось, что её голова уже переполняется от запрятанного содержимого, которое принялся возвращать её мозг, но всё же она смогла протянуть руку и распахнуть дверь.

Перед ней стояла женщина, одетая как *(совершенно нормальная)* ведьма — в чёрной мантии и остроконечной шляпе...

...и мальчик с короткими белыми волосами, в *(совершенно нормальной)* тёмной мантии с зелёной оторочкой. Мальчик смотрел на неё, раскрыв рот. Его глаза расширились и начали заполняться слезами.

Мантия с зелёной оторочкой и белые волосы...

В её памяти шевельнулось что-то тёплое. Сердце забило сильнее. Она осознала, что, возможно, предмет её десятилетних поисков стоит перед ней прямо сейчас. Где-то глубоко внутри, вокруг её сердца, трескался лёд. Часть её, которая так долго оставалась неподвижной, готовилась вырваться на свободу.

Мальчик смотрел на неё. Её губы беззвучно зашевелились.

В голове всплыло загадочное имя.

— Люциус? — прошептала она.

Мне есть что защищать. Северус Снейп

В кабинете директрисы царила гнетущая тишина. Минерва вернулась, оставив Драко и Нарциссу/Нэнси в святого Мунго — леди Малфой там задержали для проверки, не сказались ли десять лет магловской жизни на её здоровье. Гарри тоже вернулся в кабинет директрисы и теперь... никак не мог определиться с приоритетами. Нужно было сделать столько всего, так много разных дел, что даже директриса МакГонагалл, похоже, не знала, с чего начать, и уж, конечно, не знал и Гарри. Прямо сейчас Минерва снова и снова писала что-то на пергаменте, а затем стирала написанное взмахом руки. Гарри закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Было ли какое-то ещё совершенно неотложное дело...

В большую дубовую дверь, что когда-то вела в кабинет Дамблдора, постучали, и директриса велела ей открыться.

Человек, вошедший в кабинет директрисы, выглядел измотанным. Он уже передвигался без инвалидного кресла, но всё ещё прихрамывал. Чёрная мантия на нём была простой, но чистой, без единого пятнышка. С левого плеча свисал рюкзак из грубой серой кожи с серебряной филигранью, в которую были вплетены четыре зелёных камня, похожих на жемчужины. Похоже, это был один из тех зачарованных рюкзаков, в которых можно поместить содержимое целого магловского дома.

Гарри всё понял с первого взгляда.

Директриса МакГонагалл застыла за своим новым столом.

Северус Снейп поприветствовал её кивком.

— Что это значит? — спросила директриса. Её слова прозвучали... удручённо, словно она тоже, как и Гарри, сразу всё поняла.

— Я увольняюсь с должности профессора зельеварения Хогвартса, — спокойно ответил Северус. — Я не стану дожидаться жалования за последний месяц. Если какие-то ученики особенно сильно пострадали от моих действий, потратьте эти деньги на них.

Он знает. Эта мысль пришла в голову Гарри, но он не мог сформулировать словами, что же именно зельевар знает. Но он понимал, что Северус точно это знает.

— Северус... — глухим голосом начала директриса МакГонагалл. — Профессор Северус Снейп, возможно, вы не осознаёте, как тяжело найти профессора зельеварения, которому можно доверить обучение маглорождённых. Или как сложно найти профессора, достаточно проницательного, чтобы удерживать факультет Слизерин хоть в каком-то подобии порядка...

Северус снова кивнул.

— Полагаю, директриса, что вам это и так понятно, но я самым настоящим образом рекомендую, чтобы следующий декан Слизерина совершенно не походил на меня.

— Северус, вы просто выполняли приказы Альбуса! Вы можете остаться и вести себя по-другому!

— Директриса, — вмешался Гарри. Его собственный голос тоже показался ему глухим, и Гарри этому удивился, ведь он не настолько хорошо знал Северуса Снейпа. — Если он хочет уйти, думаю, вам лучше его отпустить.

Дамблдор использовал его. Может, не совсем так, как думал профессор Квиррелл. Возможно, причиной было какое-то пророчество, а не желание Дамблдора ослабить Слизерин. Но всё же Дамблдор его использовал. Дамблдор давным-давно мог кое-что объяснить Северусу и тем самым освободить его. Понятно, почему Дамблдор не хотел рисковать, но, тем не менее, нельзя сказать, что Северуса использовали по-доброму. Дамблдор использовал его слепоту и горе, и то, что Северус не понимал последствий своих действий на должности профессора зельеварения...

— Хорошо, что я нашёл вас здесь, мистер Поттер, — сказал Северус. — Между нами осталось неоконченное дело.

Гарри не знал, что на это ответить, поэтому просто кивнул.

Некоторое время Северус стоял перед ними и молчал. Казалось, он был не в состоянии заговорить. Наконец, он вроде бы нашёл слова:

— Ваша мать. Лили. Она была...

— Я знаю, — произнёс Гарри сквозь комок в горле. — Вы не обязаны это говорить.

— Лили была прекрасной и порядочной ведьмой, мистер Поттер. Я бы не хотел, чтобы из-за каких-то моих слов вы думали иначе.

— Северус?! — воскликнула Минерва МакГонагалл. Её будто укусили собственные туфли — настолько она выглядела потрясённой.

Бывший профессор зельеварения не сводил глаз с Гарри.

— Между мной и Лили выросла далеко не одна стена, особенно в результате моих неблагоприятных попыток снискать благосклонность чистокровных моего факультета. Если из моих слов вам показалось, что наша с ней дружба прекратилась из-за единственной ошибки в сложной ситуации, если я создал впечатление, будто она не любила меня лишь потому, что была поверхностной, то, надеюсь, ваши книги также рассказали вам, почему глупцы могут так говорить.

— Рассказали, — Гарри не отводил глаз от красивого серого рюкзака, висящего на левом плече Северуса Снейпа. Он был не в силах встретиться взглядом с профессором зельеварения. — Рассказали.

— Однако, — продолжил бывший профессор, — боюсь, мне нечего добавить к тому, что я говорил про вашего отца.

— Северус!

Бывший профессор зельеварения по-прежнему смотрел только на Гарри.

— Тёмная Метка на моей руке не исчезла. Пророчество исполнилось, но не в результате той истории, что вы рассказали толпе. Как вы уничтожили Тёмного Лорда, почти ничего не оставив?

Гарри помедлил.

— Я стёр ему почти всю память и... запечатал его, кажется, волшебники говорят так. Даже если печать сломается, он не сможет вернуться прежним.

Северус на миг нахмурился. Затем пожал плечами.

— Полагаю, это приемлемо.

— Профессор Снейп, — заговорил Гарри, потому что теперь он отвечал и за это, — Орден Феникса перед вами в долгу. У меня есть прекрасная возможность вернуть этот долг — как финансово, так и магически. Быть может, вы желаете начать новую жизнь богатым человеком, или улучшить волосы, или что-то ещё?

— Мне странно это слышать, — тихо протянул бывший профессор зельеварения. — Ради любви Лили я был готов спуститься в любую тьму. И потому я пришёл к Тёмному Лорду, намереваясь купить эту любовь в обмен на пророчество. Едва ли это можно легко простить. А затем, в последующие годы я был профессором зельеварения... и вы на собственном опыте испытали, каково было моим ученикам. Вы считаете, что моя служба Ордену Феникса искупила все мои грехи?

— Люди несовершенны, — казалось, слова застревали у Гарри в горле. — Они всегда совершают ошибки. Вы хотя бы попытались их исправить.

— Возможно, — сказал Северус. — Моим последним заданием было пасть, защищая Камень. Я так и сделал и при этом выжил, чего никак не ожидал, — он прислонился к входной двери, перенеся вес с левой ноги. — Мне бы не пришлось в голову просить вас о прощении, но, раз вы его так легко предлагаете, я принимаю ваше прощение с благодарностью. Отныне мне хочется выбирать не столь плохие пути и, думаю, для этого мне стоит начать всё с начала.

На носу и щеках Минервы МакГонаггалл блеснули слёзы.

— Уверена, вы могли бы начать всё с начала в Хогвартсе, — сказала она, судя по голосу, без особой надежды.

Северус покачал головой.

— Слишком много учеников помнят меня как злого зельевара. Нет, Минерва. Я найду себе новое место, возьму новое имя и найду новую любовь.

— Северус Снейп, все ли ваши желания исполнились? — спросил Гарри, поскольку это входило в его обязанности.

— Убийца Лили уничтожен, — ответил Северус. — Мне этого хватает.

Директриса опустила голову.

— Будьте счастливы, Северус, — прошептала она.

— Я бы хотел дать вам последний совет, — сказал Гарри. — Если вы не против.

— Какой?

— Зацикливание на прошлом может привести к депрессии. Я разрешаю вам вообще никогда и ни при каких обстоятельствах не думать о том, что было раньше. Не стоит считать, что вы обязаны постоянно помнить свою вину перед Лили, или что-то в этом духе. Просто сосредоточьтесь на будущем и на новых людях, которых вы встретите.

— Я обдумываю вашу мудрость, — бесстрастно ответил Северус.

— А ещё попробуйте сменить шампунь.

Северус криво усмехнулся, и Гарри подумал, что, возможно, этот человек впервые улыбается по-настоящему.

— Отвянь, Поттер.

Гарри расхохотался.

Северус расхохотался.

Минерва всхлипывала.

Не сказав больше ничего, свободный человек взял щепотку ды-молётного порошка, бросил его в камин и, прошептав что-то очень тихо, шагнул в зелёное пламя. И с тех пор никто и никогда больше не слышал о Северусе Снейпе.

Мне есть что защищать. Гермиона Грейнджер

И был вечер, и было утро, день последний*. 15 июня 1992 года. Первые лучи предрассветной зари еле-еле освещали краешек неба. К востоку от Хогвартса, там, где взойдёт солнце, над холмистым горизонтом за квиддичным стадионом появилась едва заметная серая полоса.

Каменная терраса, на которой сейчас сидел Гарри, располагалась достаточно высоко, чтобы он смог увидеть рассвет за холмами вдали. Именно такую террасу он попросил, когда описывал, каким хочет видеть свой новый кабинет.

Гарри сидел на подушке, скрестив ноги по-турецки. Предутренний ветер охлаждал его руки и лицо. Ранее он приказал домовым эльфам доставить его трон в блёстках из кабинета, который он занимал, будучи генералом Хаоса... а затем приказал эльфам унести трон обратно, потому что его начали беспокоить мысли: чем обусловлены его вкусы в оформлении и не было ли похожего трона у Волдеморта. И хотя эти соображения сами по себе ничего не решали — этика Гарри никак не запрещала обозревать окрестности, сидя на блестящем троне — Гарри посчитал, что ему нужно время, чтобы тщательно всё обдумать. А пока вполне можно было посидеть и на простых подушках.

Прямо под Гарри располагался его новый кабинет в Хогвартсе — просторная комната с окнами во всю стену, смотрящими на все четыре стороны света. Из мебели сейчас там находились лишь четыре кресла и стол. На крышу вела простая деревянная лестница. Гарри описал директрисе МакГонагалл, каким он представляет свой кабинет, а та надела Распределяющую Шляпу и после этого перечислила Гарри последовательность поворотов, которые приведут его к искомому месту. Кабинет располагался настолько высоко, что

казалось, будто в замке просто не может быть таких высоких этажей, настолько высоко, что увидеть ту часть замка, где сейчас сидел Гарри, снаружи было невозможно. Было бы глупо не воспользоваться такой элементарной предосторожностью против снайперов.

С другой стороны, Гарри совершенно не понимал, где он сейчас находится на самом деле. Если его кабинет невозможно увидеть с земли, то как Гарри видит эту землю? Как фотоны, отражающиеся от неё, попадают к нему? У западного края небосвода пока ещё поблёскивали звёзды, отчётливо различимые в предрассветном воздухе. Эти фотоны — действительно те же самые фотоны, которые родились в гигантских плазменных печах и преодолели невообразимые расстояния? Или Гарри сейчас сидит внутри некоего воображаемого замка Хогвартс? Или это всё «просто магия», без каких-то дальнейших объяснений? Ему нужно найти способ лучше сочитать электричество с магией. Тогда он сможет провести эксперименты с лазерами, направленными вверх и вниз.

И да, теперь у Гарри появился собственный кабинет в Хогвартсе. Официальный титул Гарри пока не получил, однако Мальчик-Который-Выжил уже являлся неотъемлемой частью Школы Чародейства и Волшебства Хогвартс, которая скоро станет домом Философского Камня, а также единственным учреждением в волшебном мире, дающим настоящее высшее образование. Его кабинет не был защищён полностью, но некоторые предварительные заклинания и руны для защиты от подслушивания профессор Вектор уже наложил — как на сам кабинет, так и на террасу на крыше.

Гарри сидел на подушке около края крыши и смотрел вниз на деревья, озёра и луга, усыпанные цветами. Далеко внизу стояли кареты, в которые скоро запрягут скелетоподобных лошадей. По берегу были разбросаны маленькие лодки, которые, когда придёт время, повезут к замку младших учеников. Накануне вечером прибыл Хогвартс-экспресс, и сейчас его вагоны и паровоз ждали на другой стороне южного озера. Всё было готово к отъезду учеников домой после прощального пира этим утром.

Гарри смотрел через озеро на большой старомодный локомотив, который не повезёт его домой в этот раз. Опять не повезёт. Эта мысль вызывала странную печаль и беспокойство. Гарри словно не хватало общения с другими учениками своего возраста — если так вообще можно сказать с учётом того, что значительная часть Гарри родилась в 1926 году. Прошлым вечером в гостиной Когтеврана Гарри почувствовал, что разрыв между ним и другими учениками, увы, стал

ещё больше. Возможно, конечно, эти чувства вызвала оживлённая дискуссия между Падмой Патил и Энтони Голдштейном, которые настолько возбуждённо обменивались предположениями по поводу Девочки-Которая-Ожила, что, казалось, между ними трещал воздух. Гарри знал ответы на их вопросы, Гарри знал все ответы, но не имел права ими поделиться.

Какая-то часть Гарри испытывала искушение поехать в Лондон на Хогвартс-Экспрессе, а затем с помощью дымолётного порошка вернуться в Хогвартс. Но потом Гарри представил, как он находит пять человек, с которыми поедет в одном купе, а потом восемь часов скрывает тайны от Невилла, или Падмы, или Дина, или Трейси, или Лаванды... и эта идея перестала казаться ему привлекательной. Гарри чувствовал, что ему стоило бы так поступить — ради Социализации, — но ему совершенно не хотелось. Он снова встретится со всеми в начале нового учебного года, и к этому времени у него появятся какие-нибудь новые, безопасные темы для разговоров.

Гарри смотрел на юг, через озеро, на гигантский старый локомотив и думал о том, что ждёт его в оставшейся жизни.

Думал о Будущем.

В письме Дамблдора упоминалось, что Гарри разорвёт звёзды в небесах... Что ж, это звучало оптимистично. Любому, получившему правильное воспитание, пришла бы в голову довольно очевидная трактовка — пророчества таким образом описывают будущее, в котором человечество более или менее победило. С по-настоящему взрослой точки зрения, звёзды — это гигантские кучи ценного сыра, которое, к сожалению, загорелось, поэтому их надо разобрать и потушить, — хотя, конечно, нельзя сказать, что Гарри часто смотрел на звёзды именно с такой мыслью. А если вы умеете выкачивать сыр из гигантских водородно-гелиевых резервуаров, это означает, что ваш вид достиг зрелости.

Хотя пророчество могло говорить о чём-то совершенно другом. Не исключено, что Дамблдор неверно понял какие-то слова прорицателя... Впрочем, его послание для Гарри было сформулировано так, словно существовало пророчество о том, что в обозримом будущем Гарри лично разорвёт звёзды. Что в перспективе пугало больше, хотя и не означало, что именно так и будет или что речь идёт о чём-то плохом...

Гарри вздохнул. Прошлой ночью, несколько часов пытаюсь уснуть, он начал понимать, что именно означало последнее послание Дамблдора.

Теперь, когда Гарри видел полную картину, размышления о событиях учебного года 1991-1992 в Хогвартсе вызывали ощущения, очень близкие к промораживающему до костей ужасу.

И причина этого ужаса не сводилась к тому, что Гарри проводил много времени в обществе своего доброго друга Лорда Волдеморта. Теперь это казалось далеко не самым страшным.

Больше всего Гарри пугало видение узкого потока Времени, который Альбус Дамблдор направлял сквозь маленькую замочную скважину судьбы, образ тонкой как волос вероятностной нити, продеваемой в игольное ушко.

Пророчества велели Дамблдору сделать так, чтобы интеллект Тома Риддла скопировался в мозг младенца-волшебника, который вырастет, изучая магловскую науку. Что можно сказать о вероятном Будущем, если первая — или даже лучшая — не ведущая к катастрофе стратегия, которую смогли найти прорицатели, оказалась именно такой?

Гарри размышлял о Нерушимом обете, который он дал. Возможно, если бы не этот Обет, вчерашнее желание Гарри уничтожить Международный Статут Секретности спровоцировало бы катастрофу. И это, в свою очередь, всерьез наталкивало на мысль, что множество пророчеств, которые Дамблдор прочитал и инструкциям которых он следовал, каким-то образом привели к тому, что конфликт между Волдемортом и Гарри специально развивался именно так, чтобы Волдеморт заставил Гарри дать этот Нерушимый обет. Что этот Нерушимый обет был частью узкой замочной скважины Времени, одним из крайне маловероятных условий, позволяющих людям Земли выжить.

И единственным смыслом этого Обета была защита всех от нынешней тупости Гарри.

Представьте, будто вы смотрите видеозапись едва не случившегося ДТП с вашим участием, в котором, как вы помните, чужой автомобиль разминулсЯ с вашим на какие-то сантиметры. А на видео вы в придачу видите гигантскую фуру, которая лишь чудом не влетела в обе ваши машины, и спасло вас только то, что кто-то в нужный момент очень точно бросил камешек, из-за которого и изменилась траектория движения фуры. И если бы не этот камешек, и вас, и всю вашу семью в автомобиле, и всю вашу планету снесла бы эта фура, которая в рамках данной метафоры изображает вашу исключительную невнимательность.

Гарри предупреждали. На каком-то уровне он всё осознал — ведь иначе Обет не остановил бы его. И всё равно он едва

не сделал неверный выбор и чуть не уничтожил мир. Теперь Гарри понимал, что, да, альтернативного Гарри, который не дал бы Обет, вряд ли было бы легко убедить, что лечить маглов магией пока нельзя. Даже если бы этот альтернативный Гарри вообще признал существование опасности, он бы придумал рационально-звучащие контраргументы, попытался бы придумать какой-нибудь хитрый способ обойти проблему и не смирился бы с тем, что нужно отложить эту задачу на несколько лет. И таким образом мир перестал бы существовать. Даже после всех предупреждений, которые получил Гарри, без Нерушимого обета ничего бы не вышло.

Единственная тонкая нить Времени прошла сквозь игольное ушко.

Гарри не знал, что ему делать с этим откровением. У людей не выработались эмоции, чтобы реагировать на подобные ситуации. Ему оставалось лишь ужасаться тому, как близок он был к катастрофе и, возможно, снова окажется близок, если Обету суждено сработать неоднократно. Ему оставалось лишь размышлять...

Размышлять...

Подумать «я не хочу, чтобы подобная ситуация повторилась» явно было недостаточно. Гарри и так никогда не хотел уничтожать мир. Нельзя сказать, что ему не хватало стремления защищать разумное население Земли, собственно, именно это стремление в некотором роде и представляло проблему. Чего Гарри на самом деле не хватало, так это умения более ясно «видеть», желания сознательно признавать то, что он и так подсознательно понимает.

И вся история о том, как Гарри весь прошедший год пытался подружиться с профессором Защиты, тоже не слишком лестно говорила о его интеллекте. Судя по всему, это указывало на ту же самую проблему. О многом Гарри на самом деле знал или всерьёз подозревал, но он оказался не в состоянии осознанно обратить на это внимание. И поэтому он проиграл и едва не погиб.

Мне нужно повысить уровень моей игры.

Именно эту мысль искал Гарри. Ему нужно стать лучше, нужно стать менее глупым, чем сейчас.

Мне нужно повысить уровень моей игры, или я проиграю.

Дамблдор уничтожил записи в Зале пророчеств и сделал так, чтобы новые записи там не появлялись. Судя по всему, существовало пророчество, которое говорило, что Гарри не должен знать эти пророчества. И сразу же напрашивалась мысль — возможно, верная, возможно, нет, — что спасение мира недостижимо сложно для пророчеств. Что победа потребует планов, слишком сложных,

чтобы их могли описать пророки, или что прорицание почему-то не позволяет в принципе эти планы увидеть. Если бы Дамблдор каким-то образом мог спасти мир самостоятельно, вероятно, пророчества объяснили бы ему, как это сделать. Однако, пророчества сказали Дамблдору, как создать условия для появления личности определённого склада, личности, которая, возможно, в состоянии решить задачу, которую пророчества неспособны решить напрямую. Именно поэтому Гарри заставили думать самостоятельно, а не руководствоваться пророчествами. Потому что, если Гарри будет лишь следовать загадочным указаниям, он не вырастет человеком, который справится с той самой неведомой задачей.

А пока Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес по-прежнему оставался ходячей катастрофой, которую нужно сдерживать Нерушимым обетом, чтобы он сразу же не столкнул Землю на путь неизбежного разрушения, хотя его даже предупреждали о возможности такого исхода! И это едва не случилось в буквальном смысле вчера, всего день спустя после того, как он чуть не помог Волдеморту захватить всю планету.

В голове у Гарри крутилась строчка из Толкина, из сцены, в которой Фродо на Роковой горе надевает кольцо, и Саурон внезапно осознаёт, каким полнейшим идиотом он оказался. «И узрел он размах собственной глупости», или как там это звучало*.

Разрыв между нынешним Гарри и тем, каким ему необходимо стать, был огромен.

И Гарри сомневался, что время, жизненный опыт и половая зрелость позволят преодолеть этот разрыв автоматически. Как-то они, конечно, повлияют, но вряд ли значительно. Однако, если Гарри повзрослеет настолько, что разница между ним взрослым и ним сейчас будет столь же велика, как разница между обычным взрослым и обычным одиннадцатилетним ребёнком, возможно, этого хватит, чтобы провести мир сквозь узкую замочную скважину Времени...

Он должен каким-то образом повзрослеть, и традиционные пути ему не помогут.

На ум Гарри пришли строки из другой книги — гораздо менее известного автора*.

«Вы сможете достичь мастерства, только применяя на практике те приёмы, которые вы узнали. Бросайте вызов трудностям и постигайте их смысл. В полную силу используйте все инструменты, владеть которыми вас обучили, пока они не сломаются у вас в руках и вы не окажетесь посреди одних лишь обломков... Я не умею создавать мастеров. Я никогда не знал, как создавать мастеров. Так что

ступайте навстречу своим поражениям... Вам дана способность восстать среди этих обломков с решимостью снова собрать своё Искусство воедино. Я не умею создавать мастеров, но, если бы вас не учили, ваши шансы были бы меньше. Вы шагнёте на новый уровень, когда вам покажется, что Искусство бессильно. Хотя, на самом деле, это вы не нашли в себе сил следовать своему Искусству.»

Нельзя сказать, что Гарри свернул на неверный путь, что дорога к здравомыслию находится за пределами научного знания. Но чтения научных статей оказалось мало. Статьи по когнитивной психологии, описывающие известные ошибки, которые совершает человеческий мозг и тому подобное, помогали, но их было недостаточно. Он не смог достигнуть потрясающе высокой, как он теперь понимал, планки: стать невысказанно, невероятно рациональным человеком, который с самого начала делает всё правильно, а не просто владеет правильным языком для описания всего, что он сделал не так. Теперь Гарри мог переосмыслить произошедшее и воспользоваться разными понятиями, вроде «мотивированного мышления», чтобы разобраться, где он за прошлый год сбился с пути. Это было бы полезно, это помогло бы в будущем вести себя более разумно. Всегда лучше понимать, что ты сделал неверно. Но всё-таки это не позволяло стать человеком, который сможет пройти сквозь узкую замочную скважину Времени. Не позволяло стать взрослым, *возможность* для существования которого по указаниям прорицателей создавал Дамблдор.

Мне нужно думать быстрее, расти быстрее... Насколько я одинок, насколько я буду одинок? Не повторяю ли я ту же ошибку, которую совершил в первой битве профессора Квиррелла, когда не понял, что у Гермионы есть капитаны? Ошибку, которую я совершил, не рассказав Дамблдору о чувстве тревоги, когда я осознал, что, вероятно, Дамблдор не сумасшедший и не злодей?

Было бы легче, если бы у маглов существовали курсы чего-то подобного, но таких курсов не было. Возможно, у Гарри получится нанять Даниэля Канемана, симулировать его смерть, омолодить его с помощью Камня и поручить ему изобретать способы обучения лучше нынешних...*

Гарри вытащил из кармана Старшую Палочку, которую оставил ему Дамблдор, и снова посмотрел на тёмно-серое дерево. Прошлым вечером Гарри пытался думать быстрее, он пытался достроить картину по аналогии с Мантией невидимости и Воскрешающим Камнем. Мантия невидимости обладала легендарной силой прятать своего владельца и тайной силой скрывать своего владельца от са-

мой Смерти в обличье дементоров. Воскрешающий Камень обладал легендарной силой вызывать образ умершего, а затем Волдеморт встроил его в свою систему крестражей, чтобы его дух мог свободно перемещаться. Второй Дар Смерти являлся потенциальной частью некой системы истинного бессмертия, которую Кадм Певерелл так и не закончил, возможно, по этическим соображениям.

И был третий Дар Смерти, Старшая Палочка Антиоха Певелла, которая, согласно легенде, переходила от волшебника к более сильному волшебнику и делала своего носителя неуязвимым для обычных атак. Это было её известное и явное свойство...

Старшая Палочка принадлежала Дамблдору, который пытался предотвратить смерть самого мира.

Возможно, Старшая Палочка всегда переходила к победителю, чтобы найти сильнейшего волшебника из живущих и усилить его ещё больше на случай, если появится какая-то угроза всему виду. Она могла втайне являться инструментом для победы над Смертью в ипостаси уничтожительницы миров.

Но если Старшая Палочка и скрывала какую-то могущественную силу, эта сила не проявилась в ответ на догадку Гарри. Гарри поднимал Старшую Палочку и разговаривал с ней, называл себя потомком Певереллов, который принял миссию их рода, обещал Старшей Палочке, что он приложит все усилия, чтобы спасти мир от Смерти, и возьмёт на себя миссию Дамблдора. Но Старшая Палочка отзывалась на его руку ничуть не сильнее, чем раньше, игнорируя его попытки забежать на несколько шагов вперёд в своей истории. Не исключено, что Гарри нужно нанести свой первый удар по Смерти миров, и только тогда Старшая Палочка признает его. Ведь наследник Игнотуса Певелла уже победил тень Смерти, а наследник Кадма Певелла уже пережил смерть своего тела, когда соответствующие Дары Смерти раскрыли им свои тайны.

По крайней мере Гарри догадался, что, вопреки легендам, Старшая Палочка не содержит сердцевину из «волоса фестрала». Гарри видел фестралов, и это были скелетоподобные лошади с гладкой кожей без какой-либо видимой гривы на похожих на череп головах и без какой-либо растительности на костистых хвостах. Но к Гарри пока не пришло знание, какую сердцевину на самом деле содержит Старшая Палочка. И пока ему не удалось найти нигде на Старшей Палочке знак Даров Смерти — круг-треугольник-линия.

— Полагаю, — пробормотал Гарри, обращаясь к Старшей Палочке, — ты мне так просто не расскажешь?

Узловатая палочка не ответила. От неё по-прежнему исходило лишь ощущение славы и сдержанной силы, скептически наблюдающей за ним.

Гарри вздохнул и убрал самую могущественную палочку в мире в карман школьной мантии. Рано или поздно он разгадает эту загадку. Он надеялся, что справится с ней вовремя.

Может быть, даже быстрее, если кто-нибудь поможет ему с исследованиями.

На каком-то уровне Гарри понимал — нет, ему следует прекратить понимать что бы то ни было «на каком-то уровне» и начать просто понимать — Гарри ясно и сознательно понимал, что размышляет о Будущем в основном, чтобы не думать о приближающемся появлении Гермионы Грейнджер. Которую, когда она проснётся сегодня очень рано утром, выпишут из святого Мунго, и которая с помощью дымолётного порошка вернётся в Хогвартс вместе с профессором Флитвиком. Где она скажет профессору Флитвику, что ей надо немедленно поговорить с Гарри Поттером. Вся эта информация сохранилась в записке, которую Гарри получил от себя самого сегодня утром, когда проснулся в спальне Когтеврана. Солнце к тому моменту уже встало. Гарри прочитал записку и переместился во время до рассветного часа, в который должна была прибыть Гермиона Грейнджер.

На самом деле, она не будет на меня ругаться.

...

Нет, серьёзно, Гермиона не такой человек. В начале года она, быть может, и начала бы ругаться, но теперь она до такого не опустится, у неё хватит самообладания.

...

Что ты хочешь сказать своим «...»? Внутренний голос, если тебе есть что сказать, просто скажи это! Мы пытаемся лучше прислушиваться к своим мыслительным процессам, помнишь?

* * *

Небо уже целиком стало серо-синим. До рассвета оставалось совсем немного, когда Гарри услышал шаги на лестнице, ведущей в его новый кабинет. Гарри поспешно вскочил и принялся отряхивать мантию. Впрочем, он почти сразу же осознал, что он делает, и прекратил. Он только что победил Волдеморта, какого чёрта он так нервничает?

В проёме показалась голова и каштановые кудри юной ведьмы. Девочка огляделась. Затем она поднялась выше. Казалось, она почти

бежит по ступенькам — словно у неё под ногами не лестница, а обычный пол, просто поставленный вертикально. Она оттолкнулась от последней ступеньки и выпрыгнула на крышу. Движение было настолько лёгким, что, если бы Гарри в этот миг моргнул, он бы его пропустил.

Губы Гарри беззвучно произнесли: «Гермиона».

Заготовленные заранее слова вылетели у него из головы.

После, наверное, пятнадцатисекундного молчания Гермиона Грейнджер, наконец, заговорила. На ней была школьная мантия с синей оторочкой и галстук в сине-бронзовую полоску — цвета факультета, которому она по-настоящему принадлежала.

— Гарри, — от ужасно знакомого голоса Гермионы Грейнджер у Гарри из глаз едва не потекли слёзы, — прежде, чем я начну задавать вопросы, я бы хотела сказать «спасибо» за, м-м, за всё, что ты сделал. Я очень тебе благодарна, честно-честно. Спасибо тебе.

— Гермиона, — сказал Гарри и сглотнул. Он никак не мог произнести фразу: «ты мне разрешишь тебя обнять», с которой планировал начать разговор. — Здравствуй. Подожди, я сейчас наложу парочку заклинаний для защиты от подслушивания.

Гарри достал Старшую Палочку, вытащил из кошелька книгу, открыл её на заложенной странице и аккуратно произнёс: *Хоменум Ревелио*. Затем добавил ещё два недавно изученных охранных заклинания. На них у него едва хватало сил, и то только со Старшей Палочкой. Это было немного, но всё же несколько лучше, чем просто полагаться на профессора Вектор.

— У тебя палочка Дамблдора, — сказала Гермиона. Она говорила негромко, но в безмятежном утреннем воздухе её голос прогремел, как лавина. — Она позволяет тебе использовать заклинания четвёртого курса?

Гарри кивнул и мысленно напомнил себе, что ему следует более внимательно подходить к использованию Старшей Палочки на людях.

— Ничего, если я тебя обниму?

Гермиона словно подлетела к нему. Никогда раньше она не двигалась столь грациозно. Казалось, от неё исходит некая аура чистоты и непорочности. Гарри снова вспомнил, как мирно выглядела спящая Гермиона на алтаре Волдеморта...

Гарри будто шарахнуло тонной кирпичей, ну или по крайней мере одним килограммом. Он всё осознал.

И Гарри обнял Гермиону. Она чувствовалась удивительно живой. Гарри захотелось плакать, но он подавил это желание, потому что не знал, вызвано оно воздействием её аурой или нет.

Руки Гермiony обнимали его очень нежно, очень легко. Она будто опасалась сломать его пополам, как использованную зубочистку.

— Итак, — сказала Гермiona, когда Гарри её отпустил. Её юное лицо было столь же серьёзным, сколь чистым и невинным. — Я не сказала аврорам, что ты был там, а также, что всех Пожирателей Смерти убил не Сам-Знаешь-Кто, а профессор Квиррелл. Профессор Флитвик позволил им дать мне только одну каплю Веритасерума, поэтому я могла не говорить. Я просто сказала им, что я помню тролля, а после этого — ничего.

— А, — Гарри обнаружил, что смотрит скорее на нос Гермiony, а не ей в глаза. — И, как по-твоему, что именно произошло?

— Ну-у, — задумчиво протянула Гермiona, — меня съел тролль — честно говоря, мне бы совершенно не хотелось повторять этот опыт в будущем. Затем был очень громкий «бум», и мои ноги снова оказались при мне. Я лежала на каменном алтаре в центре кладбища, в залитом лунным светом лесу, где я никогда раньше не была, и чьи-то отрубленные руки сжимали моё горло. И, понимаете, мистер Поттер, обнаружив, что я нахожусь в столь странной и пугающей ситуации, я решила не повторять ту же ошибку, что и с Трейси в последний раз. Я сразу же поняла, что это устроил ты.

Гарри кивнул:

— Хорошая догадка.

— Я позвала тебя, но ты не ответил, — сказала Гермiona. — Тогда я села и одна из окровавленных рук соскользнула, размазывая по моей рубашке маленькие кусочки плоти, но я не закричала, даже когда огляделась и увидела все эти тела и головы, и осознала, откуда такой запах, — Гермiona перевела дыхание. — Я увидела маски-черепа и поняла, что эти мёртвые люди — Пожиратели Смерти. Я сразу догадалась, что с тобой тут был профессор Защиты, который и убил их всех, но его тело я не заметила. Даже когда профессор Флитвик его осматривал, я не поняла, что это тело профессора Квиррелла. Мёртвым он выглядел... по-другому.

Теперь Гермiona выглядела несколько виновато, Гарри редко видел её такой. Она продолжила тише.

— Мне сказали, что Дэвид Монро пожертвовал жизнью, чтобы вернуть меня из мёртвых — так же, как твоя мама пожертвовала собой ради тебя. Поэтому Тёмный Лорд взорвался снова, когда попробовал прикоснуться ко мне. Я практически уверена, что это не вся правда, но... Я часто очень ужасно думала о профессоре Защиты, мне не следовало так о нём думать.

— Гм, — пробормотал Гарри.

Гермиона сложила руки перед собой в жесте раскаяния и торжественно кивнула.

— Я понимаю, что ты, наверное, слишком тактичен, чтобы сказать мне всё, что ты имеешь право сказать, поэтому я сделаю это за тебя. Ты был прав по поводу профессора Квиррелла, а я ошибалась. Всё, как ты мне и говорил. Дэвид Монро был слегка Тёмным и, конечно, слизеринцем до мозга костей. И с моей стороны ребячеством было считать, что это значит, что он злой.

— Э-э... — произнёс Гарри. Слова давались очень тяжело. — На самом деле, правды об этом никто не знает. Даже директриса не знает. Но, в сущности, ты на сто двадцать процентов была права в том, что он злой. И на будущее я обязательно учту, что, пусть «Тёмный» и «злой» — формально разные характеристики, но они очень сильно коррелируют между собой.

— Ой, — только и ответила Гермиона.

— Ты не скажешь, что ты же мне так и говорила? — спросил Гарри. Его мысленная модель Гермионы вопила: **Я ЖЕ ТЕБЕ ГОВОРИЛА! РАЗВЕ Я НЕ ПРЕДУПРЕЖДАЛА ВАС, МИСТЕР ПОТТЕР? РАЗВЕ Я НЕ ПРЕДУПРЕЖДАЛА? Я ГОВОРИЛА, ЧТО ПРОФЕССОР КВИРРЕЛЛ — ЗЛО-О-О, НО ТЫ МЕНЯ НЕ СЛУШАЛ!!!**

Реальная Гермиона лишь покачала головой.

— Я знаю, что он тебе очень нравился, — тихо ответила она. — Раз я в итоге оказалась права... Я понимала, что тебе, наверное, будет очень больно, когда выяснится, что профессор Квиррелл — злодей, и это будет не лучшее время, чтобы говорить, что я тебя предупреждала. В смысле, я так решила несколько месяцев назад, когда обдумывала всё это.

Спасибо вам, мисс Грейнджер. Гарри был рад услышать такой ответ. Впрочем, другой ответ вызвал бы ощущение, что перед ним не Гермиона.

— И всё же, мистер Поттер, — заговорила Гермиона Грейнджер, постукивая пальцами по своей мантии в районе бедра. — Когда ведьма-медсестра взяла у меня кровь, боль прекратилась практически сразу. А когда я смахнула капельку крови с руки, я не смогла найти место, куда воткнулась игла. Я без особых усилий согнула стальной прут в каркасе моей кровати, и, хотя у меня пока не было возможности это проверить, мне кажется, что я способна бежать очень-очень быстро. Мои ногти жемчужно-белые и отполированные, хотя я не помню,

чтобы я их красила. И зубы у меня тоже жемчужно-белые, что меня, как дочь зубных врачей, несколько нервирует. Я не хочу показаться неблагодарной, просто мне интересно, что именно ты сделал?

— Гм, — пробормотал Гарри. — И, полагаю, тебе ещё интересно, почему ты излучаешь ауру чистоты и невинности?

— Я излучаю ЧТО?

— Эту часть придумал не я. Честное слово, — тихо ответил Гарри. — Пожалуйста, не убивай меня.

Гермиона Грейнджер подняла руки перед собой и, слегка скосив глаза, принялась изучать свои пальцы.

— Гарри, ты хочешь сказать... в смысле, я излучаю невинность, и вся такая быстрая и грациозная, а мои зубы — жемчужно-белые... у меня ногти из аликорна, что ли?

— Аликорна?

— Так называется рог единорога, мистер Поттер, — похоже, Гермиона Грейнджер попыталась надкусить свой ноготь, но без особого успеха. — То есть, получается, если ты возвращаешь девушку из мёртвых, она становится... как это называла Дафна?.. Сверкающей Принцессой Единорогов?

— Не совсем, — ответил Гарри, хотя догадка оказалась пугающе близка к истине.

Гермиона вытащила палец изо рта и нахмурилась.

— И прокусить ноготь я тоже не могу. Мистер Поттер, вы не задумывались над тем, что теперь я физически не в состоянии стричь ногти на руках и ногах?

— У близнецов Уизли есть магический меч, который должен помочь, — предложил Гарри.

— Думаю, — твёрдо произнесла Гермиона Грейнджер, — мне хочется узнать всю историю, мистер Поттер. Потому что, зная вас и зная профессора Квиррелла, я уверена, что всё это результат какого-то плана.

Гарри сделал глубокий вдох, затем медленно выдохнул.

— Прости, это... засекречено. Я смогу рассказать тебе, если ты изучишь окклюменцию. Но... ты действительно этого хочешь?

— Хочу ли я изучать окклюменцию? — слегка удивлённо переспросила Гермиона. — Её же изучают на шестом курсе, не раньше?

— Я её освоил, — сказал Гарри. — У меня была фора, которой нет у других, но, сомневаюсь, что в долгосрочной перспективе это имеет серьёзное значение. В смысле, я уверен, что ты смогла бы освоить производные и интегралы, если бы взялась за них всерьёз,

и не важно, в каком возрасте их обычно изучают маглы. Вопрос в том, э-э, — Гарри старался дышать ровно. — Вопрос в том, хочешь ли ты по-прежнему... заниматься такими вещами.

Гермиона отвернулась и посмотрела на начинающее светлеть на востоке небо.

— Ты хочешь спросить, — тихо произнесла она. — хочу ли я по-прежнему быть героем, раз это уже привело меня однажды к ужасной смерти.

Гарри кивнул, затем, поскольку Гермиона так и не повернулась обратно, ответил:

— Да.

Слово едва не застряло у него в горле.

— Я размышляла над этим, — ответила Гермиона. — Это действительно была исключительно страшная и болезненная смерть.

— Я, э-э, я кое-что устроил просто на случай, если ты по-прежнему хочешь быть героем. Мне пришлось решать довольно быстро, а с тобой я посоветоваться не мог, потому что ожидал, что тебе дадут Веритасерум. Но если ты не хочешь, я могу почти всё отменить, а остальное ты просто проигнорируешь.

Гермиона рассеяно кивнула.

— Например, ты убедил всех, что я... Гарри я вообще хоть как-то участвовала в том, что случилось Сам-Знаешь-с-Кем?

— Нет, это целиком моя заслуга, хотя, пожалуйста, никому об этом не говори. Просто, чтобы ты знала: в тот раз, в ночь Хэллоуина 1981 года, когда Мальчик-Который-Выжил якобы победил Волдеморта, это была победа Дамблдора. А он позволил всем думать, что моя. Так что теперь я один раз победил Тёмного Лорда и один раз получил за это лавры. Думаю, в конечном счёте все это уравновешивается.

Гермиона по-прежнему смотрела на восток.

— От этого мне не слишком уютно, — сказала она через некоторое время. — Люди думают, что я победила Тёмного Лорда Волдеморта, хотя я совершенно ничего не делала... ой, ты же прошёл через то же самое?

— Ага. Прости, что я тебя во всё это втянул. Я... ну, думаю, я просто пытался создать для тебя образ героя в умах людей. У меня была лишь одна возможность, и всё это происходило второпях, и... потом я осознал, что, наверное, мне не следовало этого делать, но уже было слишком поздно, — Гарри прокашлялся. — Впрочем, гм. Если ты считаешь, будто ты должна сделать что-нибудь, соответствующее

тому, что люди думают о Девочке-Которая-Ожила, гм. Возможно, у меня есть идея, что ты можешь сделать. Очень скоро, если захочешь.

Гермиона Грейнджер пристально посмотрела на него.

— Но ты не обязана! — торопливо вставил Гарри. — Ты можешь просто всё игнорировать и быть лучшей ученицей Когтеврана! Если ты предпочитаешь именно это.

— Мистер Поттер, вы пытаетесь мной манипулировать с помощью реверсивной психологии?

— Нет! Честное слово! — Гарри сделал глубокий вдох. — Я изо всех сил пытаюсь не решать за тебя, какой будет твоя жизнь. Мне показалось... Вчера мне показалось, что я вижу, что будет с тобой дальше... Но затем я вспомнил, как часто в этом году я вёл себя как полный идиот. Я подумал кое о каких словах Дамблдора. Я осознал, что просто не имею права определять твоё будущее. Что ты можешь делать со своей жизнью всё, что тебе угодно. Это самое главное — выбирать должна ты. Возможно, после всего случившегося ты не хочешь быть героем, возможно, ты хочешь стать великим исследователем магии, поскольку именно в этом состоит суть Гермионы Грейнджер и неважно, из чего сделаны её ногти. Или ты можешь вместо Хогwartса отправиться в Институт Салемских Ведьм в Америке. Не буду лгать и утверждать, что мне это понравится, но решать в самом деле тебе, — Гарри повернулся к горизонту и широко взмахнул рукой, словно показывая весь мир, лежащий за пределами Хогwartса. — Ты можешь отправиться отсюда совершенно куда угодно. Ты можешь делать со своей жизнью совершенно всё, что тебе угодно. Если ты хочешь быть богатым шестидесятилетним русалидом, я могу это устроить. Серьёзно.

Гермиона медленно кивнула.

— Мне любопытно, как бы ты это сделал, но на самом деле я хочу, чтобы всё это не делали за меня.

Гарри вздохнул.

— Я понимаю. Э-э... — Он помедлил. — Думаю... если тебе от этого станет легче... для меня очень много чего было заранее организовано. В основном это делал Дамблдор, хотя профессор Квиррелл тоже. Возможно, само право на собственный путь в жизни нужно заслужить.

— Да, звучит очень мудро, — ответила Гермиона. — Например, родители заплатили бы за мою учёбу в университете, чтобы когда-нибудь я смогла получить собственную работу. Профессор Квиррелл вернул меня к жизни в виде Сверкающей Принцессы

Единорогов, а ты рассказал всем, что это я убила Тёмного Лорда Волдеморта. Очень похоже, да-да-да.

— Мне действительно очень жаль, — сказал Гарри. — Я понимаю, что мне нужно было сделать всё по-другому, но... у меня было мало времени на планирование, я сильно устал и плохо соображал...

— Я благодарна тебе, Гарри, — прервала его Гермиона уже более мягким тоном. — Ты очень суров к себе, даже слишком. Пожалуйста, не воспринимай мои придирки чересчур серьёзно. Я не хочу быть похожа на девушку, которая возвращается из мёртвых и начинает жаловаться на то, что получила не те суперспособности и что её жемчужно-белые аликорновые ногти неправильного оттенка, — Гермиона опять отвернулась и посмотрела на восток. — Однако, мистер Поттер... если я всё-таки решу, что одной ужасной смерти недостаточно, чтобы пересмотреть мои цели и приоритеты... хотя я этого пока не сказала... что будет дальше?

— Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы поддержать тебя, — твёрдо сказал Гарри. — О каких бы целях и приоритетах ни шла речь.

— Ты уже подготовил для меня миссию, как я понимаю. Милую безопасную миссию, где я ни в коем случае не пострадаю снова.

Гарри провёл рукой по глазам, пытаясь смахнуть неожиданно накотившую внутреннюю усталость. У него в голове словно зазвучал голос Альбуса Дамблдора: *Прости меня, Гермиона Грейнджер...*

— Извини, Гермиона. Если ты встанешь на этот путь, то мне придётся дамблдорить тебя и кое-что скрывать. Манипулировать тобой, пусть и на короткое время. Я действительно считаю, что ты правда уже способна на одно дело, настоящее дело, соответствующее тому, что люди думают о Девочке-Которая-Ожила... возможно, это даже твоё предназначение... но здесь я могу лишь гадать, я знаю намного меньше, чем знал Дамблдор. Ты хочешь рискнуть жизнью, которую ты только что обрела снова?

Гермиона обернулась к нему с расширившимися от удивления глазами.

— Рискнуть жизнью?!

Гарри не кивнул, поскольку это была бы прямая ложь.

— Ты хочешь это сделать? — спросил он вместо ответа. — Миссия, о которой я думаю, может оказаться твоим предназначением — нет, я не слышал каких-то пророчеств на эту тему, это только догадка. И она включает в себя самый настоящий спуск в ад.

— Я думала... — неуверенно заговорила Гермиона. — Я была совершенно уверена, что после всего случившегося ты и профессор

МакГонагалл... ну, ты понимаешь... никогда не позволите мне и близко подойти к чему-то опасному.

Гарри промолчал, чувствуя вину за незаслуженное уважение, которое он только что заработал. Гермiona построила его модель с поразительной точностью, и если бы у неё не было крестража, скорее температура на поверхности Венеры опустилась бы до долей кельвина, чем Гарри позволил бы Гермione рисковать жизнью.

— По стобалльной шкале насколько это действительно спуск в ад? — спросила Гермiona. Теперь она выглядела несколько озабоченно.

Гарри вспомнил Азкабан и мысленно перекалибровал свои шкалы.

— Наверное... восемьдесят семь?

— Гарри, мне кажется, что сначала мне нужно стать постарше. Есть разница между героизмом и полным безумием.

Гарри покачал головой.

— Не думаю, что риск сильно изменится, — сказал он, оставляя в стороне вопрос, насколько на самом деле велик этот риск. — И с этим делом лучше разобраться поскорее, если за него вообще браться.

— А мои родители не имеют права голоса, — произнесла Гермiona. — Или имеют?

Гарри пожал плечами.

— Мы оба знаем, как они проголосовали бы, и ты можешь это учесть, если хочешь. Да, я попросил, чтобы им пока не говорили, что ты жива. Если ты согласишься на эту миссию, они всё узнают, когда ты вернёшься. Мне кажется, так будет несколько... лучше для нервов твоих родителей. Они просто получают один приятный сюрприз, и им не придётся беспокоиться по поводу... всего остального.

— Что ж, это очень предусмотрительно с твоей стороны, — сказала Гермiona. — Спасибо, что ты так заботаешься об их чувствах. Я могу подумать обо всём этом несколько минут?

Гарри указал рукой на подушку напротив своей собственной. Гермiona плавно и грациозно шагнула к ней и уселась лицом к краю крыши. Она по-прежнему излучала мир и спокойствие. С этим точно надо будет что-то сделать, возможно, заплатить кому-нибудь, чтобы изобрели зелье анти-чистоты.

— Я должна решать, не зная, в чём состоит миссия? — спросила Гермiona.

— О, чёрт побери, нет, — воскликнул Гарри, вспомнив похожий диалог перед собственным путешествием в Азкабан. — Надо, чтобы ты сделала выбор добровольно, если ты вообще на это решишься.

В смысле, это требуется для выполнения миссии. Если ты скажешь, что ты по-прежнему хочешь быть героем, я потом расскажу тебе о задании — когда ты поешь, поболтаешь с остальными и придёшь в себя — а затем ты решишь, хочешь ли ты участвовать. И мы заранее — до того, как ты отправишься — проверим, позволило ли тебе твоё воскрешение использовать одно заклинание, которое обычные волшебники считают невозможным.

Гермиона кивнула, и некоторое время они просто сидели и молчали.

К тому моменту, как Гермиона заговорила вновь, небо ещё немного посветлело.

— Я боюсь, — почти шёпотом сказала она. — Не умереть снова, точнее, не только этого. Я боюсь не справиться. У меня была возможность победить троля, а я просто погибла...

— Волдеморт усилил этого троля, превратив его в оружие. А ещё он испортил все твои волшебные предметы — это я просто, чтобы ты знала.

— Я погибла. А ты убил троля. Как-то убил. Насколько я помню, он тебя даже не замедлил, — Гермиона не плакала, на её щеках не блестели слёзы, она просто смотрела вдаль на светящееся небо туда, где взойдёт солнце. — А затем ты вернул меня к жизни в виде Сверкающей Принцессы Единорогов. Я уверена, я бы так не смогла. Боюсь, я никогда не буду на это способна, что бы там люди обо мне ни думали.

— Полагаю, так начнётся твой путь ... — Гарри остановился. — Извини, мне не следует пытаться повлиять на твоё решение.

— Нет, — прошептала Гермиона, по-прежнему не отводя глаз от холмов вдалеке. — Нет, Гарри, мне хотелось бы это услышать, — сказала она громче.

— Ну, хорошо. Полагаю, именно такие у тебя начальные условия. Всё, что было раньше... просто поставило тебя на то же место, с которого я начал в сентябре — до Хогвартса я считал себя просто вундеркиндом, а здесь я внезапно оказался Мальчиком-Который-Выжил, и мне нужно было оправдывать этот «титул». Если ты не хочешь сравнивать себя со мной и моей, — *моими взрослыми мыслительными привычками, скопированными с Тома Риддла*, — Тёмной Стороной... тогда просто вспомни, что ты ярчайшая звезда Когтеврана, ты создала собственную организацию для борьбы со школьными хулиганами, и тебе удалось остаться в здравом уме, когда твою волю пытался подчинить сам Волдеморт, и всё это в двенадцать лет. Я посмотрел старые записи и выяс-

нил, что твои отметки лучше, чем были у Дамблдора на первом курсе, — *не считая оценки по защите, тут уж просто Волдеморт постарался.* — Теперь у тебя есть кое-какие способности и репутация, которую надо оправдывать, и мир вот-вот поручит тебе сложные задачи. Вот откуда всё и начнётся для тебя, точно так же, как началось для меня. Не стоит себя недооценивать, — и тут Гарри плотно закрыл рот, потому что получалось, что на самом деле он уговаривает Гермиону, а это было неправильно. По крайней мере, ему удалось остановиться, прежде чем он спросил: если она, со всеми своими способностями, не может быть героем, то кто вообще, по её мнению, может.

— Знаешь, — сказала Гермиона куда-то в горизонт, так и не глядя на Гарри, — однажды у меня был похожий разговор с профессором Квирреллом — про то, каково это — быть героем. Конечно, профессор тогда занимал противоположную сторону. Тем не менее, сейчас я почему-то чувствовала себя как в тот раз, когда он спорил со мной.

Гарри крепко сжимал губы. Непросто позволять людям принимать собственные решения, ведь это значит, что они имеют полное право на решения неверные, но без этого — невозможно.

Небо вокруг них становилось светлее, и голубая оторочка школьной мантии Гермионы теперь на чёрном фоне казалась ярче. С западной стороны неба уже исчезли звёзды. Гермиона медленно заговорила:

— Профессор Квиррелл сказал мне... он сказал, что однажды был героем. Но люди не помогали ему, и поэтому он всё бросил и ушёл заниматься чем-то более интересным. Я сказала ему, что он был неправ... на самом деле, я сказала ему: «это чудовищно». А профессор Квиррелл сказал, что, может, он и ужасный человек, но как тогда назвать тех людей, которые даже не пытались быть героями? Они были ещё хуже? Я не знала, что ответить. В смысле, неправильно же говорить, что хорошие люди — это только герои, похожие на Гриффиндора... хотя, думаю, с точки зрения профессора Квиррелла, только люди с великими целями имеют право дышать. А я в это не верю. Но вот так просто перестать быть героем, как поступил он — это казалось неправильным. И я просто стояла там как дура. Но теперь я знаю, что мне тогда надо было ему ответить.

Гарри тщательно старался дышать ровно.

Гермиона поднялась с подушки и повернулась к Гарри.

— Я больше не буду брать на себя роль героини, — сказала Гермиона, стоя на фоне светлеющей восточной стороны неба. — Вся

эта идея с самого начала никуда не годилась. Просто есть люди, которые делают, что могут. Что угодно. И ещё есть люди, которые даже не пытаются делать то, что они могли бы, и да, так вести себя неправильно. Я больше не собираюсь становиться героем. Я даже постараюсь больше не думать в терминах героизма. Но я не стану делать меньше, чем я могу... ну, во всяком случае, существенно меньше, всё-таки, я лишь человек, — Гарри никогда не понимал, что таинственного люди находят в Моне Лизе, но ему казалось, что, если бы он сейчас сфотографировал отстранённую радостную улыбку Гермионы, то потом мог бы смотреть на неё часами, ничего не понимая, хотя Дамблдор наверняка понял бы всё с первого взгляда. — Я не выучу свой урок. Я правда буду настолько глупа. Я и дальше буду продолжать делать всё, на что я способна, или, по крайней мере, часть того, что я могу... ну, ты меня понимаешь. Даже если мне придётся снова рисковать жизнью и до тех пор, пока риск того стоит, или если это, ну, не глупо на самом деле. Таков мой ответ, — Гермиона сделала глубокий вдох, на её лице была написана решимость. — Итак, я могу что-нибудь сделать?

У Гарри пересохло в горле. Он потянулся к кошельку и показал пальцами М-А-Н-Т-И-Я, потому что просто не мог говорить, и вытащил дымчатую ткань Мантии невидимости, предлагая её Гермионе в последний раз. Гарри пришлось сказать эти слова через силу:

— Это Истинная мантия невидимости, — произнёс он почти шёпотом, — Дар Смерти, унаследованный от Игнотуса Певерелла его потомками, Поттерами. А теперь она твоя...

— Гарри! — воскликнула Гермиона. Она скрестила руки на груди, будто пытаясь защититься от такого подарка. — Ты не должен этого делать!

— Я правда должен это сделать. Я сошёл с пути, который позволяет быть героем, я не имею права больше рисковать, отправляясь в приключения. А ты... можешь, — Гарри поднял свободную руку и вытер глаза. — Думаю, она была создана для тебя. Для человека, которым ты собираешься стать, — *Оружие против Смерти в обличье тени отчаяния, которая затуманивает разум человека и высасывает надежды на будущее. Думаю, ты будешь биться не только с дементорами, но и с другими обличьями Смерти...* — Я не одалживаю тебя, моя Мантия, но отдаю тебя в руки Гермионы Джин Грейнджер. Защищай её как следует отныне и вовеки.

Гермиона медленно протянула руку и взяла Мантию. Казалось, она сама еле сдерживается, чтобы не расплакаться.

— Спасибо, — прошептала она. — Думаю... конечно, я покончила с разными геройскими понятиями... но, думаю, ты всегда был моим таинственным старым волшебником, с нашей самой первой встречи.

— А я думаю, — с трудом прошептал Гарри в ответ, — даже если ты теперь отрицаешь такой подход, думаю, тебе всегда было предназначено стать — с самого начала этой истории — героем, — *Кем должна стать Гермиона Грейнджер, в кого она должна превратиться, когда вырастет, чтобы пройти сквозь узкую замочную скважину Времени? Я тоже не знаю ответа на этот вопрос, как и не могу вообразить, каким вырасту я. Но её следующие шаги кажутся мне более очевидными, чем мои...*

Гарри выпустил Мантию, и она перешла из рук в руки.

— Она поёт, — сказала Гермиона. — Она поёт мне, — Гермиона подняла руку и вытерла слёзы. — Не верится, что ты это сделал, Гарри.

Гарри другой рукой вытащил из кошелька длинную золотую цепочку с болтающимся на конце закрытым золотым футляриком.

— А это твоя личная машина времени.

Повисло молчание, в течение которого планета Земля немного повернулась и сдвинулась по своей орбите.

— Что? — переспросила Гермиона.

— Её называют Маховик времени. В Хогвартсе есть небольшой запас этих штук, их выдают некоторым ученикам. Я получил свой в начале года — как средство от бессонницы. Он позволяет отправляться в прошлое не дальше шести одночасовых интервалов, и я использовал его, чтобы ежедневно получать дополнительные шесть часов для учёбы. И чтобы исчезнуть из кабинета во время того занятия по зельям, и так далее. Не беспокойся, Маховики не могут изменять историю или создавать парадоксы, уничтожающие вселенную.

— Ты держался вровень со мной на уроках благодаря *машине времени*, которая давала тебе каждый день дополнительные шесть часов на занятия, — судя по всему, какие-то непостижимые причины мешали Гермионе Грейнджер принять эту мысль.

Гарри принял озадаченный вид.

— В этом есть что-то странное?

Гермиона протянула руку и взяла золотую цепочку.

— По меркам волшебников? Думаю, нет, — ответила она. Почему-то её голос прозвучал довольно язвительно. Она надела цепочку на шею, спрятав сам маховик под рубашку. — Впрочем, теперь мне гораздо приятней вспоминать, что я держалась вровень с тобой, так что спасибо.

Гарри откашлялся.

— Кроме того, поскольку Волдеморт полностью уничтожил Дом Монро, а ты за них отомстила, убив Волдеморта — в смысле, так все считают, — я уговорил Амелию Боунс протащить через остатки Визенгамота указ, провозглашающий Грейнджер Благо-родным Домом Британии.

— Мне не послышалось? — сказала Гермиона.

— Так что ты теперь единственная наследница Благородного Дома, и это означает, что по закону, чтобы считаться совершеннолетней, тебе лишь надо сдать Стандарты Обучения Волшебству. Я собираюсь организовать экзамены для нас с тобой в конце лета, так что немного времени на учёбу у нас будет. В смысле, если ты не против.

Гермиона Грейнджер издавала какие-то высокие звуки. Если бы такие звуки слышались из какого-нибудь более неорганического устройства, то они наверняка означали бы поломку двигателя.

— У меня всего два месяца на подготовку к СОВ?!¹

— Гермиона, этот экзамен предполагает, что его в состоянии сдать почти любой пятнадцатилетний волшебник. Обычный пятнадцатилетний волшебник. При наличии магической силы на уровне слабого третьекурсника, выучив нужные заклинания, мы с ним справимся. И после этого будем считаться совершеннолетними. Правда, тебе придётся смириться с оценками «Удовлетворительно» вместо твоих обычных «Превосходно».

Издаваемые Гермионой высокие звуки стали ещё выше.

— Держи свою палочку, — Гарри достал её из своего кошелька. — И вот твой кошель-скрытень, я убедился, что в него вернули всё, что там было на момент твоей смерти, — кошель Гермионы он извлёк из обычного кармана мантии. Гарри не хотелось класть бездонную сумку в бездонную сумку, пусть это и считалось безвредным при условии, что оба артефакта созданы с соблюдением всех мер предосторожности¹.

Гермиона взяла свою палочку, а затем и кошель. Её пальцы слегка тряслись, но каким-то образом движения всё равно смотрелись изящными.

— Так, что ещё... клятва, которую ты давала Дому Поттеров гласила, что ты должна служить «до самой смерти», значит, теперь

¹ Здесь Гарри подразумевает магический предмет из игровой системы D&D под названием «bag of holding», действующий примерно так же, как его кошель-скрытень. Правила старых версий D&D особо указывали, что класть один bag of holding в другой очень опасно. — *Прим.перев.*

ты свободна. И сразу после твоей смерти я заставил Малфоев публично объявить, что с тебя снимаются все обвинения в покушении на убийство Драко.

— Что ж, ещё раз спасибо, Гарри, — сказала Гермиона Грейнджер. — Это так мило с твоей стороны, да и с их тоже, полагаю, — она постоянно проводила пальцами по своим каштановым кудрям, словно приведение в порядок причёски могло вернуть здравый смысл в её жизнь.

— И последнее, пусть и не по значимости: я велел гоблинам начать строительство хранилища в Гринготтсе для Дома Грейнджер, — сообщил Гарри. — Я не стал класть туда деньги — решил, что лучше сначала посоветоваться с тобой. Но если ты собираешься стать супергероем, который исправляет определённые недостатки мира, не помешает, если люди будут считать, что ты принадлежишь к высшим слоям общества и, э-э, думаю, не повредит, если они будут знать, что ты можешь позволить себе адвокатов. Я могу положить в твоё хранилище столько золота, сколько ты захочешь, ведь после того, как Волдеморт убил Николаса Фламелья, Философский Камень оказался у меня.

— Кажется, мне следует потерять сознание, — тоненьким голосом сказала Гермиона, — вот только мои суперспособности мне не дают. И, кстати, откуда они у меня?

— Если тебя это устроит, в среду мистер Бестер начнёт учить тебя окклюменции. Он может заниматься с тобой ежедневно. А пока, думаю, будет лучше, чтобы истинный источник твоих способностей не всплыл наружу из-за того, что какой-нибудь легилимент посмотрит тебе в глаза. В смысле, очевидно же, что этому есть обычное волшебное объяснение, ничего *сверх*-сверхъестественного, но люди слишком склонны поклоняться своему невежеству, и, к тому же, я думаю, Девочка-Которая-Ожила будет более эффективна, если сохранит ореол загадочности. Обещаю, как только ты сможешь сдерживать мистера Бестера и сопротивляться Веритасеруму, я расскажу тебе всю историю, включая секреты, которые тебе придётся хранить в тайне абсолютно от всех.

— Звучит мило, — сказала Гермиона Грейнджер. — Жду с нетерпением.

— Правда, прежде чем я смогу тебе рассказать самые опасные части этой истории, тебе придётся дать Нерушимый обет, что ты не сделаешь ничего, что может разрушить мир. То есть, я в буквальном смысле не способен тебе рассказать это без клятвы, потому что я сам дал Нерушимый обет. Тебя это устроит?

— Конечно, — кивнула Гермиона. — Почему бы это меня не устроило? Я всё равно не хочу разрушать мир.

— Может тебе снова надо присесть? — обеспокоенно спросил Гарри, потому что Гермиона начала слегка покачиваться, словно в ритме произносимых слов.

Гермиона Грейнджер сделала несколько глубоких вдохов.

— Нет, всё совершенно прекрасно, — ответила она. — Я должна знать о чём-нибудь ещё?

— На этом всё. Я закончил, по крайней мере, на сегодня, — Гарри немного помолчал. — Я осознаю, что ты хочешь добиваться всего сама, а не приходить на готовое. Просто... от тебя будет зависеть больше, чем от обычных героев, и самое разумное для меня — обеспечить тебя всеми преимуществами, какие я только могу тебе дать...

— Я прекрасно это понимаю, — сказала Гермиона. — Раньше я этого не понимала, но теперь, когда мне довелось проиграть бой и умереть, всё изменилось.

Ветерок пробежался по её каштановым волосам и мантии. Сейчас на фоне предрассветного неба она выглядела ещё более мирно, и с этим безмятежным видом она подняла руку и медленно сжала её в кулак.

— Если уж я собираюсь этим заняться, то сделаю правильно всё. Нам надо измерить, насколько сильно я могу бить и как высоко прыгать, и придумать безопасный способ проверить, могут ли мои ногти убивать летифолдов, как это делает настоящий рог единорога, и мне стоит потренироваться использовать мою скорость, чтобы уворачиваться от опасных заклинаний, и... наверное, ты сможешь организовать, чтобы кто-нибудь научил меня аврорским штукам, вроде тех, которыми владеет Сьюзен Боунс, — Гермиона снова улыбалась. Её глаза светились странным светом, который всерьёз озадачил бы Дамблдора, но Гарри понял его смысл сразу, правда, ему стало жутковато. — О! И я хочу носить с собой магловское оружие, наверное, лучше скрытно, чтобы никто про него не знал. Когда я сражалась с троллем, я подумала о зажигательных гранатах, но, даже после того, как мне стало наплевать на правила, я поняла, что не смогу их быстро трансфигурировать.

— У меня есть предчувствие, — сказал Гарри, тщательно стараясь подражать шотландскому акценту профессора МакГонагалл, — что мне следует что-нибудь предпринять по этому поводу.

— О, уже слишком, слишком, **СЛИШКОМ** поздно, мистер Поттер. Скажем, ты мог бы достать мне базуку? В смысле, гранатомёт,

а не жевательную резинку. Уверена, никто не ожидает от девочки, что у неё окажется базука, особенно, если эта девочка излучает ауру чистоты и невинности.

— Слушай, — спокойно сказал Гарри, — вот теперь ты начинаешь меня пугать.

Гермиона ответила не сразу — она пыталась балансировать на кончиках пальцев левой ноги, вытягивая руку в одну сторону, а правую ногу — в другую, как балерина.

— Правда? Я просто не понимаю, что я могу сделать такого, чего не может министерский Ударный отряд. Для скорости у них есть метлы, а их заклинания гораздо сильнее любых моих способностей.

Она изящно опустила ногу обратно.

— В смысле, сейчас, когда я могу попробовать пару трюков, не беспокоясь, что меня кто-нибудь увидит, я начинаю думать, что мне действительно очень-очень-очень нравится иметь суперспособности. Но я по-прежнему не вижу, как я могу победить в битве, в которой не смог бы победить профессор Флитвик. Разве что застану Тёмного волшебника врасплох.

Ты можешь рисковать там, где другие не смогут, и повторять попытки, уже учитывая, что именно тебя убило в прошлый раз. Ты можешь экспериментировать с новыми заклинаниями активнее, чем кто бы то ни было, ведь настоящая смерть тебе не грозит.

Но Гарри пока не мог сказать этого вслух, поэтому он ответил:

— Думаю, неплохо думать и о будущем, а не только о том, что ты можешь сделать прямо сейчас.

Гермиона высоко подпрыгнула, трижды хлопнула пятками в воздухе и изящно приземлилась на носки.

— Но ты же говорил, что кое-что я могу сделать уже сейчас. Или ты просто меня проверял?

— Это — особый случай, — ответил Гарри, чувствуя, как утренний воздух холодит его кожу. Гарри всё больше и больше не хотелось говорить супер-Гермионе, что во время Испытания ей придётся столкнуться с самым худшим кошмаром и вся её новоприобретённая физическая сила окажется бесполезной.

Гермиона кивнула, затем бросила взгляд на восток. Она подошла к самому краю крыши и села, свесив ноги. Гарри подошёл к ней и сел рядом, скрестив ноги по-турецки. Правда, он устроился чуть подальше от края.

Где-то далеко, над холмами к востоку от Хогвартса появилась ярко-красная полоска.

Начавшийся восход немного успокоил Гарри. Раз на небе до сих пор есть Солнце, значит, он его ещё не уничтожил, и поэтому в какой-то мере всё пока нормально.

— Кстати, о будущем, Гарри, — заговорила Гермиона. Её голос звучал чуть выше обычного. — Пока я ждала, когда меня выпустят из святого Мунго, у меня было много времени на размышления, и... может, это прозвучит глупо, но есть вопрос, на который я по-прежнему хочу получить ответ. Ты помнишь, о чём мы беседовали в прошлый раз? В смысле, до всего этого?

— О чём? — непонимающе спросил Гарри.

— Ой... Для тебя же прошло два месяца... Наверное, ты уже совсем забыл.

И тут Гарри вспомнил.

— Без паники! — воскликнула Гермиона в ответ на странное полубульканье, которое послышалось из горла Гарри. — Обещаю: что бы ты ни ответил, я не разрыдаюсь, не убегу, и меня не съест тролль, как в прошлый раз! Да, для меня прошло меньше двух дней, но, похоже, в результате этой смерти многое, о чём я раньше беспокоилась, теперь мне кажется гораздо менее важным по сравнению с тем, через что я прошла!

— Ой, — голос Гарри тоже прозвучал выше обычного. — И от серьёзных травм может быть польза, да?

— Только, видишь ли, Гарри, меня до сих пор волнует тот вопрос, потому что для меня с нашей последней беседы прошло довольно мало времени, а мы тогда не закончили, в чём, признаю, виновата только я, потому что не смогла сдержать эмоции, а затем меня съел тролль, чего я определённо не собираюсь допустить снова. Мне пришло в голову, что я должна заверить тебя, что подобный сценарий не будет повторяться всякий раз, когда ты говоришь девушке что-то неправильное, — Гермиона слегка поёрзала на месте, сначала вправо-влево, потом слегка взад-вперёд. — Но, как бы это сказать, даже среди влюблённых подавляющее большинство людей не сделало бы и одной сотой того, что ты сделал для меня. Поэтому, мистер Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес, если это не любовь, то я хочу точно знать, что я для вас. Вы никогда не говорили.

— Хороший вопрос, — сказал Гарри, сдерживая растущую панику. — Ты не против, если я немного подумаю?

Медленно-медленно из-за холмов поднялась ещё небольшая часть спяще-яркого круга.

— Гермiona, — произнёс Гарри, когда солнце уже наполовину поднялось над горизонтом. — Ты когда-нибудь придумывала гипотезы, объясняющие мою загадочную Тёмную Сторону?

— Мне приходила в голову только самая очевидная, — ответила Гермiona, слегка болтая ногами над краем крыши. — Я думала, возможно, когда Сам-Знаешь-Кто умер совсем рядом с тобой, так получилось, что он испустил вспышку магической энергии, которая создаёт призрака, и часть этой энергии впечаталась в твой мозг, а не в пол. Но эта идея никогда не казалась мне правильной, она больше похожа на умное объяснение, которое на самом деле неверно. А теперь в ней ещё меньше смысла, раз Сам-Знаешь-Кто в ту ночь вообще не умирал.

— Неплохо, — ответил Гарри. — Давай вообразим, что мы имеем дело с этим сценарием.

Внутренний рационалист Гарри в очередной раз бился головой о стену из-за того, что умудрился не подумать о каких-нибудь подобных гипотезах. Предположение Гермiony было неверным, но оно было очень разумным, а Гарри так ни разу и не удосужился набросать хоть сколько-то детальную модель. Он лишь смутно подозревал какую-то связь.

Гермiona кивнула.

— Вероятно, ты это и так уже знаешь, но я просто подумала, что мне надо это подчеркнуть: Гарри, ты не Волдеморт.

— Я знаю. И вот, что это значит для меня, — Гарри сделал вдох, обнаружив, что ему до сих пор тяжело произносить то, что он собрался сказать. — Волдеморт... не был счастливым человеком. Я не знаю, был ли он счастливым хоть когда-нибудь, хотя бы один день в своей жизни, — *Он никогда не умел вызывать патронуса.* — Именно по этой причине его мыслительные шаблоны не завладели мной целиком. Моя Тёмная Сторона меня не привлекала, она не давала положительного подкрепления. Дружба с тобой означает, что моя жизнь не пойдёт по пути Волдеморта. И до Хогвартса я был довольно одинок, хотя тогда я этого не понимал, поэтому... да, возможно, я несколько более отчаянно хотел вернуть тебя из мёртвых, чем хотел бы на моём месте среднестатистический мальчишка моего возраста. Хотя я также настаиваю, что моё решение — результат совершенно строгих этических рассуждений, и если другие люди меньше заботятся о своих друзьях, это их проблема, а не моя.

— Понятно, — мягко ответила Гермiona, после чего помедлила. — Гарри, не пойми меня неправильно, но мне не совсем уютно

с этой мыслью. Это большая ответственность, которую я не выбирала, и тебе, по-моему, не стоит возлагать такую ответственность на одного человека.

Гарри кивнул.

— Я знаю. Но это не всё. Было пророчество о том, что я одержу победу над Волдемортом...

— Пророчество?! Про тебя было пророчество?! Правда, Гарри?

— Ага, именно. И часть его гласила: «И Тёмный Лорд отметит его как равного себе, но будет он владеть силой, что неведома Тёмному Лорду». Как по-твоему, что это значит?

— М-м-м, — Гермиона задумчиво забарабанила пальцами по каменной крыше. — Твоя загадочная Тёмная Сторона — отметка Сам-Знаешь-Кого, которой он сделал тебя равным себе. Сила, которая ему неведома... научный подход, верно?

Гарри покачал головой.

— Сперва я тоже об этом подумал — что речь идёт о магловской науке или о методах рационального мышления. Но... — Гарри вздохнул. Солнце уже полностью поднялось над холмами. Гарри чувствовал себя неловко, но решил, что он всё равно скажет то, что собирался. — Профессор Снейп, который изначально услышал пророчество — да, случилось именно так — профессор Снейп сказал, что, по его мнению, речь не может идти просто о науке, что «сила, что неведома Тёмному Лорду» должна быть гораздо более чуждой для Волдеморта. Даже если рассуждать о рациональности... выяснилось, что на самом деле Волдеморт, — мысль «зачем, профессор Квиррелл, зачем» по-прежнему больно колола Гарри в сердце, — вполне был бы способен освоить методы рационального мышления, если бы прочёл те же научные статьи, что и я. Наверное, он не смог бы освоить только одно... — Гарри перевёл дыхание. — В самом конце, во время моего решающего столкновения с Волдемортом, он угрожал отправить моих родителей и моих друзей в Азкабан. Если только я не расскажу интересные ему секреты, причём один секрет спасал бы одного человека. Но я знал, что у меня нет достаточно секретов, чтобы спасти всех. И в тот миг, когда я совсем не увидел способа спасти всех... именно тогда я начал думать по-настоящему. Возможно, впервые в жизни я начал думать. Я думал быстрее Волдеморта, хотя он старше и умнее меня, потому что... потому что у меня была причина, чтобы думать. Волдеморт хотел быть бессмертным, он категорически не хотел умирать, но у него не было желания жить ради чего-нибудь, он просто боялся смерти, и из-за этого страха

совершил ряд ошибок. Думаю, сила, что неведома Волдеморту... заключалась в том, что мне было что защищать.

— О, Гарри, — мягко произнесла Гермиона. Она замялась. — То есть, я для тебя... то, что ты защищаешь?

— Нет, я как раз хочу сказать, что именно тебя Волдеморту отправлять в Азкабан не собирался. Даже если б он захватил мир, с тобой было бы всё в порядке. К тому моменту он уже связал себя обещанием не причинять тебе вреда, потому что... в общем, были причины. Поэтому в самый решающий миг, когда я заглянул вглубь самого себя и нашёл силу, неведомую Волдеморту, я это сделал, чтобы защитить всех, кроме тебя.

Гермиона медленно расплылась в улыбке.

— Кажется, Гарри, я никогда не слышала ничего настолько неромантического.

— Всегда пожалуйста.

— Нет, правда, так гораздо лучше, — сказала Гермиона. — В смысле, теперь это меньше похоже на какую-то одержимость.

— Да, я тебя понимаю.

Они радостно кивнули друг другу и уже более спокойно продолжали вместе наблюдать за рассветом.

— Когда-то я размышлял, — тихо заговорил Гарри, — об альтернативном Гарри Поттере — человеке, которым я мог бы стать, если бы Волдеморту не убил моих родителей, — *Если бы Том Риддл не попытался скопировать себя в меня.* — Наверное, этот другой Гарри не стал бы таким же умным. Скорее всего, он гораздо хуже знал бы магловскую науку, несмотря на то, что его мать была маглорождённой. Но у этого другого Гарри Поттера была бы... теплота в сердце, унаследованная от Джеймса Поттера и Лили Эванс. Он бы заботился о других людях и спасал бы своих друзей. Я в этом уверен, потому что Лорд Волдеморту так себя не вёл никогда, понимаешь... — на глаза Гарри навернулись слёзы. — Получается, что эта часть и есть тот самый остаток.

Солнце уже взошло над горизонтом, золотой свет освещал их обоих, отбрасывая длинные тени на террасу.

— На мой взгляд, ты и так вполне хорош, — заметила Гермиона. — В смысле, вполне возможно, что этот другой Гарри Поттер стал бы хорошим мальчиком, но, наверное, думать за него постоянно приходилось бы мне.

— По традиции, другой Гарри поступил бы в Гриффиндор, как и его родители, и вы бы с ним так и не подружились. Хотя, в своё

время Джеймс Поттер и Лили Эванс были главными старостами Хогвартса, так что вряд ли бы он оказался настолько плох.

— Эта картина прямо стоит у меня перед глазами, — сказала Гермиона. — Гарри Поттер, гриффиндорец, подающий надежды игрок в квиддич...

— Нет. Только не это.

— Вошедший в историю как напарник Гермионы Джин Грейнджер, которая посылала его делать черновую работу и после этого, не выходя из библиотеки, докапывалась до истины — благодаря книгам и собственной великолепной памяти.

— Похоже, тебе очень уж нравится эта альтернативная вселенная.

— Возможно, его лучшим другом стал бы Рон Уизли — самый-самый умный мальчик в Гриффиндоре, и они сражались бы плечом к плечу в моей армии на уроках Защиты, а после помогали бы друг другу с домашней работой...

— Хватит, меня это уже начинает пугать.

— Прости, — ответила Гермиона. Хотя она по-прежнему улыбалась — видимо, каким-то своим мыслям.

— Извинения приняты, — сухо отозвался Гарри.

Солнце в небе поднялось ещё немного выше.

Через некоторое время Гермиона снова заговорила:

— Как по-твоему, мы полюбим друг друга позже?

— Гермиона, я знаю не больше, чем ты. Но почему это вообще так важно? Нет, в самом деле, почему всегда считается, что это так важно? Может, когда мы станем старше, мы полюбим друг друга, а, может, и нет. Может, наша любовь будет долгой, а, может, и нет, — Гарри слегка повернул голову — солнце слишком сильно грело ему щеку, а у него не было солнцезащитного крема*. — Неважно, что будет дальше. Не стоит запихивать наши жизни в какой-то шаблон. По-моему, когда люди навязывают себе шаблоны, они в итоге оказываются несчастными.

— Значит, никаких навязанных шаблонов? — спросила Гермиона. В её глазах мелькнула лукавая искорка. — Это похоже на сложный способ сказать «никаких правил» — что теперь мне кажется гораздо осмысленней, чем в начале года. Если уж я собираюсь быть Сверкающей Принцессой Единорогов, и у меня есть собственная машина времени, то, полагаю, я могу не обращать внимания на правила.

— Я не говорю, что правила — это всегда плохо, особенно, когда они действительно подходят людям. Плохо, когда люди бездумно

следуют правилам, как в случае квиддича. Но разве это не ты отвергла шаблон героя, ради того, чтобы просто делать то, что можешь?

— Полагаю, ты прав, — Гермиона наклонила голову и посмотрела вниз, на землю под стенами Хогвартса. Солнце стало слишком ярким — хотя, как подумал Гарри, сетчатка глаз Гермионы всегда восстанавливается, и потому она может спокойно смотреть на солнце. — Гарри, ты сказал, что думал, будто мне всегда было предназначено стать героем. Теперь мне кажется, что ты совершенно не прав. Если бы мне это было предназначено, всё было бы гораздо проще. Чтобы делать то, что ты можешь, ты должен прилагать для этого все усилия, ты должен делать выбор. Снова и снова.

— Это не обязательно противоречит тому, что тебе предназначено быть героем, — сказал Гарри, вспоминая о взглядах компатибилистов на свободу воли, а также о пророчествах, которые он не должен знать, чтобы осуществить*. — Но мы можем обсудить это позже.

— Ты должен делать выбор, — повторила Гермиона. Одним гладким движением она оттолкнулась, сделала сальто назад и приземлилась на ноги. — И сейчас я его делаю.

— Никаких поцелуев! — воскликнул Гарри, вскакивая на ноги и готовясь уворачиваться. Правда, он сразу же осознал, что Девочка-Которая-Ожила двигается гораздо, гораздо быстрее.

— Я не буду вас снова целовать, мистер Поттер. Пока вы сами не попросите, если это вообще когда-нибудь случится. Но у меня внутри просто бурлит от всех этих тёплых чувств, и я даже немного боюсь, что могу взорваться, если не сделаю хоть что-нибудь, хотя, сейчас я внезапно осознала, что это как-то нездорово, что девочки не знают другого способа выразить благодарность мальчикам, кроме поцелуев, — Гермиона достала палочку и направила её вперёд и вверх, как в тот раз, когда она давала клятву верности Дому Поттеров перед Визенгамотом.

— Чёрт! Не надо, — попытался остановить её Гарри. — Ты представляешь, через что мне пришлось пройти, чтобы освободить тебя от прошлой клятвы?..

— Слушай, не спеши с выводами. Я не собиралась снова клясться в верности твоему Дому. Привыкай верить в моё здравомыслие, если собираешься стать моим таинственным юным волшебником. А теперь, пожалуйста, подними свою палочку.

Гарри медленно достал Старшую палочку и скрестил её с палочкой Гермионы (десять и три четверти дюймов винного дерева), подавляя остатки беспокойства о том, что она делает неверный выбор.

— Может, ты по крайней мере воздержишься от слов вроде «пока смерть не заберёт меня»? Я, кажется, упоминал, что у меня теперь есть Философский Камень. А также от слов типа «до конца этого мира и его магии»? Сейчас подобные фразы нервируют меня гораздо сильнее, чем раньше.

На крыше, покрытой квадратной черепицей, в ярких лучах утреннего солнца лицом друг к другу стоят, скрестив палочки, двое уже-не-совсем-детей в чёрных мантиях с синей оторочкой. У девочки карие глаза и пышные каштановые кудри, её фигура словно излучает силу и красоту, причём не только благодаря магии. У мальчика зелёные глаза, очки, растрёпанные чёрные волосы и недавно воспалившийся шрам. Под ними каменная башня, которую никто никогда не видел с земли, растущая из широкого основания замка Хогвартс. Далеко внизу виднеются зелёные холмы и озеро. Вдалеке стоит красно-чёрная цепочка вагонов вместе с локомотивом. Этот поезд, который нельзя назвать ни магловским, ни полностью волшебным, огромен, но с этой высоты кажется крошечным. Небо почти безоблачно, если не считать слабых мазков оранжево-белого там, где водяная дымка отражает солнечный свет. Лёгкий бриз несёт рассветный холодок и утреннюю сырость, однако огромный сияющий золотой шар уже высоко поднялся над горизонтом, и его лучи дарят тепло всему, чего они касаются.

— Ну, может, теперь ты будешь нервничать меньше, — отвечает герой своему загадочному волшебнику. Она понимает, что не знает всей истории, но тот фрагмент истины, который ей ведом, сияет внутри неё ярко, как солнечный свет, согревая так же, как солнце согревает её лицо. — Я сама выбираю этот путь.

Своей жизнью и магией я клянусь в дружбе Гарри Поттеру,

Клянусь помочь ему и верить в него,

Быть его правой рукой, и... э-э... левой рукой,

И иногда идти туда, куда он не может идти,

Пока смерть не заберёт меня по-настоящему — в смысле, если это вообще произойдёт.

А если этот мир или его магия закончатся, мы разберёмся с этим вместе.

* * *

На этом книга «Гарри Поттер и методы рационального мышления» заканчивается.

Я не буду писать продолжений — я высказал всё, что хотел, и закончу на этом.

С удовольствием разрешаю вам самостоятельно писать новые истории в этой вселенной, если вы захотите.

Если вы хотите прочесть эпилог, который выйдет отдельно (и не скоро)* или какие-нибудь ещё побочные истории, которые я, может быть, напишу, а, может быть, и нет, подписывайтесь на рассылку на сайте hpotter.com. Также в этом случае вы получите уведомление, если я начну новую большую работу над чем-то художественным.

Я рад, что написал эту книгу для вас,

И я польщён, что вы её прочитали.

Многие из вас объявили себя моими друзьями,

и это знание греет меня изнутри.

Живите долго и процветайте* —

ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!

От переводчиков

Дополнительные материалы по рациональному мышлению вы можете найти в списке рекомендуемой литературы:

lesswrong.ru/wiki/Список_литературы_от_CFAR.

Перевод публикуется по лицензии Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International.

Коллектив переводчиков: Дмитрий Новицкий, Александр «Аларик» Бидерман, Глеб Мазурский, Виктор Гавриш, Мария Шадрина, Светлана «Chaika-che» Выприцкая, Юлия Ноздрина, Илья Nighthawk, Анна Новицкая, Юлий Лобарёв, StrangeCat, Sergcold, Polina, You_know_who, baskakov_dima, kle, Elspet, Asya, Dima, Kaplya smysla, Remlin, Constantine, Kuuff, Антон Скобин, Валя Гаврилова, Berik, Alexqwesa, Lavash, Denker.

Комментарии

Стр. 9. «„Меня тревожит этот недостаток скептицизма“, — Симус протянул руку в сторону Эрни, почти соединив при этом указательный и большой пальцы. Энтони Голдштейн почему-то внезапно закашлялся». — Симус и Энтони в точности воспроизводят знаменитую сцену из «Звездных войн», в которой Дарт Вейдер, слегка придушив адмирала Мотти, произносит фразу «I find your lack of faith disturbing» — «Меня беспокоит ваш недостаток веры».

Стр. 16. «...закончила создавать ещё одну пару зелёных очков...» — Это могла бы быть ещё одна отсылка к Стране Оз Фрэнка Баума с её Изумрудным Городом, однако здесь у создания зелёных очков есть практический смысл.

Стр. 33. «Перемирие окончено! ТУНЕЦ!». — В ироническом цикле Ника Поллотты «Бюро-13» «Тунец» — позывной (и боевой клич) особой группы чародеев, телепатов и спецназовцев, сражающейся с разного рода сверхъестественными опасностями.

Стр. 44. «Гэри Селдон создал Основание, чтобы на обломках Галактической Империи выстроить новую империю, а не потому, что ему хотелось выглядеть значительнее, руководя собственной исследовательской группой. Рейстлин Маджере отказался от своего брата потому, что хотел стать богом, а не потому, что плохо разбирался в человеческих отношениях и не хотел просить совета, как их улучшить. Фродо Бэггинс взял Кольцо потому, что был героем, желающим спасти Средиземье, а не потому, что было бы слишком неловко отказаться». — Подробности смотрите в циклах романов Айзека Азимова «Основание» (Foundation, в русских переводах встречаются также варианты «Академия», «Фонд», «Установление» и «Организация»), Маргарет Уэйс и Трейси Хикмэн «Сага о Копье» и во «Властелине колец».

Стр. 56. «Как грянет гром, весь ваш закон становится напрасным. Мы будем слушаться мужей, и будет всё прекрасно». — Гарри цитирует сатирическое стихотворение «Том Смит и его невероятная хлебопечка» (1966) Р.В. Гранта, сочиненное автором для иллюстрации к трактату о свободном рынке в условиях капитализма. Следует отметить, что в оригинале стихотворения современных гендерных коннотаций нет, речь идёт о верховенстве избранных в противовес закону для всех.

Стр. 64. «Также я вижу, вы посещали город Фуюки в 1983 году». — В вымышленном японском городе Фуюки происходит действие визуального романа «Судьба/ночь схватки» (Fate/stay night).

Стр. 67. «...рефлекторно, как собака Павлова...». — Академик Иван Павлов (1849—1936) изучал высшую нервную деятельность, в том числе предположил существование условных и безусловных рефлексов и поставил на собаках ряд опытов, доказывающих эту теорию. Лауреат Нобелевской премии в области физиологии.

Стр. 73. «Когда Гарри было девять, ИРА взорвала британские казармы». — ИРА (Ирландская Республиканская Армия) — военизированная группировка, цель которой — достижение полной независимости Северной Ирландии от Соединённого Королевства. В 70-90-х годах члены ИРА совершили ряд терактов на территории Великобритании. Скорее всего, Гарри вспоминает взрыв в казарме города Дил 22 сентября 1989 года, при котором 11 солдат погибло и ещё около двадцати было ранено.

Стр. 99. «...и верят, что Мерлин победил ужасного Тоторо...». — Тоторо — в аниме Хаяо Миядзаки «Мой сосед Тоторо» (1988) — добродушный хранитель леса, похожий на очень, очень большого кота.

Стр. 109. «Ты уже читал об экспериментах Филипа Тетлока...». — Филип Тетлок — психолог, специалист в области психологии политики и алгоритмов прогнозирования, профессор Университета Пенсильвании.

Стр. 127. «Запрос, отправленный совместно с Отделом Международного Магического Сотрудничества, идентифицирует этот инцидент как «Дело Они» от 1969 года». — Они — в японской мифологии — злобные человекоподобные демоны. «„Дело Они“ от 1969 года» — возможная отсылка к дораме Кэндзи Мисуми «Обитель демонов Они» (1969), истории искушения и потери веры, закончившейся довольно печально.

Стр. 150. «...метод Пенроуза по извлечению энергии из чёрных дыр...». — Роджер Пенроуз — британский физик и математик. Мысленный эксперимент по извлечению энергии из вращающихся чёрных дыр посредством направленного взрыва у горизонта событий чёрной дыры с использованием её гравитационного вихря Пенроуз разработал в 1969 году. С тех пор эксперимент получил развитие: помимо кинетической энергии тела энергия может быть получена в форме гравитационного и электромагнитного излучения. Согласно этой теории энергоэффективность чёрных дыр может значительно (в разы) превышать энергоэффективность ядерной реакции.

Стр. 156. «Другим был двоюродный брат твоей юной подруги Лаванды Браун, и он... — голос мага дрогнул, — он не вернулся, бедняга Джон, и не спас никого из тех, кого собирался спасти». — Возможно, имеется в виду американский аболиционист Джон Браун (1800—1859), лидер вооруженного отряда борцов с рабством, один из первых организаторов школ для чернокожих. В 1858 году он объявил о создании независимого государства на землях западной Канады, куда могли бы стекаться беглые негры. Год спустя при попытке захвата арсенала армии США с целью раздать мушкеты для самообороны освобождённым рабам он был взят в плен южанами и казнён. После смерти он обрёл славу мученика,

а песня неизвестного автора «Тело Джона Брауна лежит в земле сырой, но дух его зовёт нас в бой!» послужила основой Боевого Гимна Республики в Гражданской войне 1861–1865 годов.

Стр. 170. «...я объясню суть бинарного поиска позже, чтобы вы при необходимости смогли сыграть в «Двадцать вопросов» и сузить круг поисков...». — Бинарный поиск — классический алгоритм поиска нужного элемента среди большого числа вариантов. Надо разбить все возможные варианты на две примерно равные части, и выяснить, лежит ли в искомый элемент в одной из них. Если лежит, то можно искать дальше только в этой части, а если нет, значит он лежит в другой части, и надо искать там. Таким образом за один шаг получается отбросить сразу половину вариантов. Например: пусть Вася загадал число от 1 до 1000, и нам надо его угадать. Разобьём весь массив данных на две части: от 1 до 500 и от 501 до 1000. Спросим у загадавшего: «Твоё число больше 500?». Ответ «да» будет означать, что искать надо во второй части массива, ответ «нет» — что в первой. Таким образом загаданное число получится найти за 10 вопросов (а если загадано число в диапазоне от одного до миллиона — то за 20). «Двадцать вопросов» — классическая игра, в которую играют с XIX века. Один игрок задумывает объект, а у другого есть 20 попыток, чтобы его отгадать. Помогает скрасить долгое ожидание.

Стр. 171. «Во-первых, мы говорим о логической задачке такого уровня сложности, что она могла бы появиться в первой главе какой-нибудь книги Рэймонда Смаллиана». — Рэймонд Меррилл Смаллиан — американский математик, пианист, логик, даосский философ и фокусник-престижиджигатор. Автор шести научных и шести философских трудов, а также двенадцати книг логических головоломок.

Стр. 172. «Гарри безусловно планировал когда-нибудь проложить дорогу к магическому бессмертию, — но гораздо более сложным и требующим гораздо больше изобретательности, чем простая привязка уже существующей души к филактерии лица». — Исходно филактерия («сосуд жизни») — в иудаизме кожанная коробочка для листочков с молитвами. В прямом переводе с английского — талисман. В современном фэнтези — некий материальный предмет, хранилище души тёмного мага. Лич — маг-некромант, после смерти или в результате ритуала обретший бессмертие и ставший нежитью. Таким образом, типичная филактерия лица — яйцо с иглой из сказок о Кощее Бессмертном.

Стр. 179. «...второкурсница по имени Саманта Кроули (она никогда не отвечала на вопрос, не родственница ли она)». — Возможный родственник Саманты — Алистер Кроули (1875–1947), британский поэт, оккультист, астролог, герметист, каббалист и таролог. Имел славу чёрного мага и сатаниста. Основал оккультное учение «Телема», написал несколько мистических книг.

Стр. 179. «Лично для меня очевидно, что Грейнджер — мойрейл Поттера, и что Поттер был ауспитцем для Малфоя и Грейнджер». — Мойрейл и аутспиц — виды межличностных отношений уроженцев планеты Альтерния из веб-ко-

микса Homestuck. Мойрейл — «дружба, предназначенная судьбой», в которой есть опекун и опекающий, аутспиц — тройные отношения двух соперников и посредника.

Стр. 180. «Я думаю, Хлоя права, — сказал похожий на иностранца ученик, который всегда представлялся как Адриан Турнепс, хотя на самом деле родители назвали его Чокнутый Дронго». — Этот студент, похоже, перевёлся в Хогвартс напрямую из Незримого Университета в Анк-Морпорке. Во всяком случае, именно там он учился в книге Терри Пратчетта «Роковая музыка» из цикла о Плоском Мире.

Стр. 181. «...даже деревья в лесах вокруг Хогвартса выглядят так, словно они дрожат...». — Отсылка к шутовому термину «эпилептические деревья», обозначающему какую-либо идиотскую теорию. Термин появился в обсуждении сериала «Остаться в живых» для объяснения феномена «шёпота деревьев».

Стр. 189. «Однажды я арестовал молодого японца, который использовал похожий трюк. Он на собственной шкуре обнаружил, что приём с теневыми копиями не тянет против моего глаза». — Очевидно, Хмури довелось арестовывать Наруто, который владел Техникой Теневого Клонирования.

Стр. 201. «...хотя до всей этой вращающейся конической усечённой штуковины было всего метр или два». — Вращающаяся вокруг источника света коническая усечённая штукавина — это, очевидно, абажур, отсылка к понятию Lampshade Hanging (буквально — «навесить абажур»). Термин обозначает ситуацию, когда персонажи, встретившись с нелогичным явлением, замечают его нелогичность и даже говорят, что-то вроде «да такое бывает только в кино» или «что это ещё за роуль в кустах». Автор тем самым показывает зрителю/читателю, что он проделывает этот трюк осознанно. Вот и в мысли Гарри «врупающий» звук в следующий раз проникнет в весьма подходящий момент.

Стр. 202. «... Дэвид Монро...». — Это имя Юдковский позаимствовал в фанфике под названием «Чёрная комедия» (A Black Comedy) автора Nonjon. На момент печати этой книги фанфик не был переведён на русский язык.

Стр. 206. «Впервые я использовал его против волшебника по имени Джералд Грайс, и когда ты закончишь Хогвартс, можешь спросить меня, что он такого сделал». — Джералд Грайс — преступник из вселенной «Хранителей» (Watchmen) Алана Мура. Был заживо сожжён знаменитым Роршахом за то, что убил, расчленил и скормил собакам маленькую девочку.

Стр. 218. «...но я прочитал теории Критча о гедонизме...» — Эндрю Критч — один из основателей Центра прикладной рациональности в Беркли. Он не самый известный и авторитетный исследователь гедонизма (хотя действительно занимается этой темой), зато знакомый автора. Вообще, как мы уже упоминали, в «Методах рационального мышления» множество дружеских камео, это — просто одно из них.

Стр. 219. «...сэр Гарет, владелец транспортной компании «Мэри Сью» в девятнадцатом веке... монополия на О-оси...». — Составная шутка на тему фанфиков. «Мэри Сью» (или «Марти Стью») — термин, обозначающий главного

героя с гипертрофированными достоинствами, способностями и везением. Считается, что о приключениях Мэри Сью авторы пишут для компенсации реальных жизненных неудач. О-оси — отсылка к термину ООС (Out of Character), обозначающему, что характер персонажа в фанфике не соответствует характеру персонажа в каноне.

В оригинале здесь сказано немного иначе: «...сэр Гарет, владелец транспортной компании, выигравшей в девятнадцатом веке „транспортную войну“... и получившей монополию на „тройниковые тройники“...». «Транспортная война» (shipping war) — эвфемизм, означающий что-то вроде «пейринговая война», то есть спор о том, какие персонажи составили бы лучшие пары. «Тройниковые тройники» (oh-tee-threes) — отсылка к устоявшемуся выражению «единственно истинный тройничок» (One True Threesome). То есть, сэр Гарет выиграл пейринговую войну и получил монополию на составление из персонажей тройничков.

Стр. 220. «Номер четырнадцать, „Крозье“, настоящее имя неизвестно». — Вероятно, аллюзия на лидийского царя Крёза (595—546 до н. э.), который одним из первых в истории человечества начал чеканить монету и установил стандарт чистоты металла. Его имя стало нарицательным для обозначения баснословного богатства.

Стр. 224. «Пытался собрать свидетельства по делу „Кто подставил Гермиону Грейнджер“». — Отсылка к фильму Роберта Земекиса «Кто подставил кролика Роджера» (1988), собравшему четырёх «Оскаров».

Стр. 227. «Гарри приложил руку к сердцу, причём анатомически верно, потом помедлил и поднял руку, чтобы коснуться головы примерно на уровне уха». — Вверху за ухом находится участок мозга, называемый anterior insular cortex (передняя островковая кора), который согласно современным представлениям отвечает за эмпатию.

Стр. 232. «Убери руку, пока я не извергнул её во тьму внешнюю». — Гарри внезапно цитирует Иисуса в «Евангелии от Матфея»: «Сыны царства извергнуты будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубовой».

Стр. 233. «Гарри протопал к почти пустому гриффиндорскому столу, сразу отметив, что на обед сегодня брин и шарики Рупо». — Как и уже упоминавшиеся центаврианские шарики Рупо, нарнийский брин — блюдо из «Вавилона-5», напоминающее земные шведские фрикадельки.

Стр. 238. «Поэтому, если кто-нибудь из профессоров Хогвартса услышит приближающегося тролля, ему не составит труда сковать его заклинанием „Вадимовское неразбиваемое что-то там что-то там“». — Название «Вадимовское неразбиваемое что-то там что-то там» построено по принципам именования заклинаний из «вэнсовской» системы магии «Подземелий и драконов».

Стр. 240. «Перспектива менялась, словно в кубе Неккера...» — Куб Неккера — оптическая иллюзия, впервые опубликованная в 1832 году швейцарским кристаллографом Луисом Неккером: куб, нарисованный в плоскости так, что непонятно, какой гранью он обращён к зрителю: зритель может «переключать» интерпретации по собственной воле.

Стр. 247. «Ещё один поворот, пройденный, по прикидкам Гарри, приблизительно на 0,3% от скорости света». — 0,3% скорости света — это примерно 900 км в секунду. Кажется, Гарри несколько преувеличивает.

Стр. 251. «Фуэго!». — В серии книг Джима Батчера «Досье Дрездена» фуэго — заклинание, создающее многометровый столб огня. Вероятно, названо в честь стратовулкана в Гватемале, одного из самых активных вулканов региона.

Стр. 293. «Это обычная инерция мышления, вспомни то крушение самолёта на Тенерифе, когда только несколько людей выбрались и спаслись, а остальные остались на своих местах, хотя самолёт был уже буквально в огне». — Столновение на Тенерифе (1977) считается одной из крупнейших авиакатастроф XX века. Из-за угрозы теракта в аэропорту Лас-Пальмас самолёты перенаправлялись в маленький аэропорт Лос-Родос, не рассчитанный на такую нагрузку. Из-за помех в перенасыщенном сообщении радиозвонков два «Боинга» столкнулись на земле во время маневрирования по взлётно-посадочной полосе. В катастрофе погибло 583 человека, 61 выжил.

Стр. 307. «Это была не блуждающая тварь...» — Отсылка к настольной карточной игре «Манчкин», в которой есть карта «Блуждающая тварь», позволяющая подбросить опасного монстра другому игроку.

Стр. 315. «Профессор Квиррелл сделал короткий шаг влево, затем вперёд, а потом направо. Потом он наклонил голову, словно что-то вычисляя, и двинулся напрямик туда, где стоял Гарри». — Профессор Квиррелл знает, что такое пеленг методом триангуляции.

Стр. 319. «...я признаю, мне несколько раз за жизнь выпадали критические неудачи, но есть некоторая разница между ними и спас-броском, проваленным настолько, что „Пионер-11“ окажется в радиусе взрыва». — В настольных ролевых играх спас-бросок — бросок кубика, который, в случае успешного результата, позволит участнику избежать какого-либо негативного события в игре.

Стр. 319. «Триста двадцать три года назад глупость одного человека уничтожила всю магическую Сицилию». — В 1669 году произошло извержение вулкана Этна, которое длилось почти четыре месяца и изменило очертания береговой линии острова. От потоков лавы пострадало около 50 городков, погибло по разным данным от 20 до 100 тысяч человек.

Стр. 322. «Есть история братьев Элриков. История Доры Кент, которую пытался защитить её сын Саул. Есть история об Рональде Малетте и его роковом вызове самому времени. Перед падением Сицилии там была популярна драма о Преции Тестароссе. В Японии рассказывают сказку про Акеми Хомуру и её потерянную любовь». — Братья Элрики — главные герои манги «Стальной алхимик», пытающиеся воскресить погибшую мать, а после ищущие философский камень для возвращения тела одного из братьев. Дора Кент и Сол Кент — фигуранты скандала, связанного с одной из первых криокомпаний.

В 1987 году 83-летняя женщина скончалась, тело было передано её сыном Солом для криозаморозки. Однако, полиция квалифицировала медицинский процесс как убийство. В процессе следственных мероприятий тело было извлечено из камеры, что сделало криозаморозку невозможной. Рональд Маллетт — физик-теоретик, профессор Университета Коннектикута, занимается изучением возможности путешествий во времени. Преция Тестаросса — тёмная волшебница из аниме «Лиричная волшебница Наноха», в числе прочего — куратор проекта по клонированию. Акеми Хомура — героиня аниме «Девочка-волшебница Мадока Магика», многократно пытавшаяся с помощью путешествий во времени спасти от смерти своих друзей.

Стр. 327. «Для самого Гарри пятью стадиями переживания горя были ярость, раскаяние, решимость, исследования и воскрешение. (А не общеизвестные „пять стадий“, которые, насколько он знал, никто не подтвердил экспериментально.)» — «Общеизвестные „пять стадий“ — это отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие. Выделены американским психологом Элизабет Кюблер-Росс (1926—2004). Эта теория действительно вызывает много критики: состав и порядок стадий у пациентов значительно различаются.

Стр. 338. «Они прошли через широко распахнутые двери Гринготтса, над которыми красовался девиз „Fortius Quo Fidelius“». — «Fortius Quo Fidelius» — девиз на латыни, который переводится как «Сила через верность», или «Лояльность делает сильнее».

Стр. 367. «Я слышала, там живут оборотни, а ещё вампиры, а все знают, что получается, если где-то одновременно оказываются девушка, оборотень и вампир». — Отсылка к бестселлеру Стефани Майер «Сумерки», в котором из девушки, вампира и оборотня получился любовный треугольник на полдесятка книг.

Стр. 368. «Чертенята, которых ты не сможешь увидеть или услышать или вспомнить, даже когда они обглодают твоё лицо». — Отсылка к культовому веб-роману Джона МакКрэя «Червь». В сети доступен любительский перевод.

Стр. 369. «В Дурмстранге нас учат сражаться с Бухгольцской гидрой. Более нудной битвы и представить нельзя! То есть, буквально нельзя. Первогодки не верят, когда мы говорим, что победа возможна! Инструктору приходится отдавать приказ снова и снова, пока до них наконец не дойдёт». — Парисская гидра и Бухгольцская гидра — отсылки к математическим играм из теории графов «Гидра Кирби-Париса» (придумана американским математиком Лоуренсом Кирби и британским математиком Джеффом Парисом) и «Гидра Бухгольца» (придумана немецким математиком Вилфридом Бухгольцом).

Суть заключается в том, что игрок пытается отсечь все вершины у некоторого графа («головы гидры»), но по некоторому заранее заданному правилу у «гидры» появляются новые головы. Хотя в обеих упомянутых играх правила сформулированы так, что кажется, будто «головы» будут расти гораздо быстрее, чем игрок их рубит, математически доказано, что игрок всегда может победить,

пусть это и займёт длительное время. Названия этих игр в свою очередь отсылают к античному мифу о Лернейской гидре.

Стр. 370. *«Аликорн — это рог единорога, — сказал Хагрид уже обычным своим голосом. — Не знаю, откуда вы все взяли, что это единорог с крыльями, я никогда о таких не слышал».* — Хагрид прав: в европейской мифологии аликорн — это рог единорога, однако, в сериале «Мои маленькие пони: Дружба — это чудо» аликорны — это особый вид пони, имеющих и крылья, как у пегасов, и рог, как у единорогов.

Стр. 374. *«На земле в луже серебряной крови, которая расплзлась, словно разлитая ртуть, лежал ещё один единорог. Его шкура была фиолетовой, цвета ночного неба, и рог был того же сумеречного оттенка. На крупе виднелось розовое пятно в форме звезды, окружённое белыми метками».* — Судя по описанию, здесь окончила свой жизненный путь Сумеречная Искорка, главная героиня сериала «Мои маленькие пони: Дружба — это чудо».

Стр. 376. *«Майские иды ещё не настали...»* — В римском календаре иды — день середины месяца.

Стр. 377. *«...и зачем-нибудь стереть аврору все воспоминания, связанные с синим цветом».* — Отсылка к фильму «Вечное сияние чистого разума», в котором персонаж Джима Керри пытается стереть воспоминания, связанные с синеволосой девушкой Клементиной.

Стр. 391. *«Он обыскал Рошу единорогов и наконец увидел её — гордое создание с чистой белой шерстью, фиолетовой гривой и тремя голубыми пятнами на боку».* — Гарри нашёл ещё одну героиню «Моих маленьких пони» — Рарити.

Стр. 396. *«...она называла себя Тёмное Евангелие... авроры называли её А.К. МакДауэлл».* — Евангелина Атанасия Кэтрин МакДауэлл — героиня аниме «Волшебный учитель Нэгима!», древний вампир и сильнейший маг тьмы, чьим именем пугают детей.

Стр. 404. *«Когда он прочёл первый настоящий вопрос („Как вы заставите замолчать Визжащего Угря?“)...*» — Визжащие угри обитают в мире «Принцессы-невесты» Уильяма Голдмана.

Стр. 406. *«Я бы поставил ей оценку ещё ниже... но это было бы дурным тоном».* — Самая низкая оценка в Хогвартсе называется «Троль».

Стр. 454. *«То, что находится внутри, зовётся Кокохеккус».* — В цикле романов Джека Вэнса Demon Princes (на русский переводились как «Властители Зла», «Принцы-демоны», «Звездные Короли», «Князья Тьмы») Кокур Хеккус — имя одного из принцев-демонов, с языка жителей одной из планет Края Света переводится как Машина Смерти.

Стр. 475. *«...с помощью Короны Змеи можно найти Камень, где бы он ни был спрятан».* — Змеинная корона — артефакт из восточноевропейских сказок, ставший весьма популярным в фэнтези. Его волшебные свойства в разных источниках описываются по-разному.

Стр. 478. «Деонтологические этические ценности нужны именно потому, что аргументам, убеждающим переступить через них, следует верить гораздо реже, чем кажется». — Деонтологическая этика — этическая система, в рамках которой считается, что человек должен следовать определённым правилам: если поступок соответствует правилам, он считается этичным. Деонтологическая этика противопоставляется конвенционализму — прагматической этике, в которой поступок оценивается по полезности конечного результата.

Стр. 488. «Я прочёл „Маленькую красную книжицу“ Мао, я обучил своих Пожирателей Смерти партизанской тактике — и ради чего?!» — Мао Цзедун (1893–1976) — лидер Китайской Народной Республики с момента её образования и до своей смерти. Один из самых леворадикальных революционеров XX века. «Красная книжица» — сборник цитат из его речей, изданный тиражом более миллиарда экземпляров (второе место в мире после Библии). Цитаты предписывалось изучать и применять в рамках культа личности Мао. Часть содержания книги посвящена разработанной Мао теории народной войны, которую он называл «самым эффективным средством сопротивления властям, неважно диктаторским, колониальным или оккупационным».

Стр. 490. «Сразу приходит на ум Хан Соло...» — Хан Соло — один из главных героев «классической трилогии» «Звёздных войн». Будучи по основному роду занятий контрабандистом, он действительно начал знакомство с будущими друзьями с того, что потребовал за перевозку двух человек сумму, на которую можно было купить небольшой звездолёт.

Стр. 501. «...яинелмер тсеыннавор илопарт скэ еынна восалгос а оцил ёвотен юавы закопя...» — Согласованные экстраполированные стремления (coherent extrapolated volition) — понятие, введённое Элизеером Юдковским, для описания того, что человек (или даже группа людей, вплоть до человечества) хочет на самом деле. Сильно упрощая — то, к чему человек стремился бы, если бы у него были вся необходимая информация и неограниченные вычислительные мощности.

Стр. 504. «Магия, подобная волшебству из книги „Как стать волшебником“...» — «Как стать волшебником» — роман Дианы Дуэйн 1983 года из цикла «Вселенная Молодых волшебников».

Стр. 506. «...левая рука должна держать маленькую синюю пирамидку и две большие красные пирамидки...» — Отсылка к настольной игре Zendo, построенной на индуктивной логике. Ведущий загадывает некое условие победы и собирает фигуру из цветных пирамидок, которая должна помочь другим игрокам определить загаданное условие.

Стр. 508. «Arguendo...» — Термин используется в судебных прениях или академических дискуссиях и означает примерно: «Предположим, что следующее утверждение верно, пусть оно и недоказано».

Стр. 521. «Не замедляя шага, Тёмный Лорд ткнул палочкой в сторону Северуса и произнёс: „Хякудзю монтатук“». — «Процедура 110 Монтатук» (хякуд-

зю — от яп. числит. 110) — периодическая процедура, которую проводят над одним из объектов, содержащихся под особым надзором в SCP Foundation (во Вселенной одноимённого межавторского веб-проекта это организация, занимающаяся охраной и содержанием паранормальных объектов). Об этой процедуре известно лишь, что она ужасна и что её проведение поручают только особо опасным преступникам (допустимы сексуальные девиации), а у причастных к ней сотрудников есть право на коррекцию памяти перед увольнением. Об объекте — лишь то, что это человек, девушка, носящая номер SCP-231.

В обсуждениях на своём сайте Юдковский пояснил, что по его задумке этим заклятием Волдеморт не пытал Снейпа непосредственно, а заставил его мысленно подвергать чудовищным пыткам Лили.

Название «Монтаук» в свою очередь отсылает к городской легенде о проекте Монтаук (Монток) — предполагаемой серии секретных экспериментов правительства США по исследованию свойств сверхсильных электромагнитных полей для перемещения во времени и телепортации.

Стр. 522. *«Даже если бы я не получил Камень, я бы прервал ритуал Кровавой Крепости...»* — Страшный ритуал из аниме «Судьба/ночь схватки», в котором маг своей кровью запечатывает область пространства силовым барьером и присваивает всю жизненную энергию находящихся внутри людей.

Стр. 530. *«Апокатастити, апокатастити, апокатастити то сома му эми»*. — С греческого ἈΠΟΚΑΤΑΣΤΗΝΕΙ Τὸ ΣΩΜΑ ΜΟΥ ἔΜΟΙ переводится как «восстановись/вернись, моё тело, ко мне».

Стр. 531. *«Фал. Тор. Пан»*. — Во вселенной «Звёздного пути» фал-торпан — вулканический ритуал воссоединения катры (нечто вроде информационного слепка личности) с телом.

Стр. 557. *«А согласно принципу Винджа, чтобы точно знать, что сделает кто-то умный, вы обязаны быть не менее умным, чем он»*. — Вернор Виндж — американский фантаст и профессор математики, сторонник теории технологической сингулярности, согласно которой искусственный интеллект будет настолько превосходить человеческий, что окажется для людей принципиально непознаваемым.

Стр. 558. *«Не спеши предлагать решения, Люк»*. — Люк — главный герой «классической трилогии» «Звёздных войн». Кажется, по числу отсылок «Звёздные войны» прочно удерживают второе место после «Властелина Колец».

Стр. 564. *«Вс-се твои угрозы для меня уже ничего не значат, поскольку теория игр велит мне их игнорировать»*. — Теория игр — раздел прикладной математики, посвящённый изучению оптимальных стратегий в играх. Под игрой в нём понимается процесс, в котором участвуют две и более стороны, ведущие борьбу за реализацию своих интересов. Каждая из сторон имеет свою цель и использует некоторую стратегию, которая может вести к выигрышу или проигрышу — в зависимости от поведения других игроков. Теория игр помогает

выбрать лучшие стратегии с учётом представлений о других участниках, их ресурсах и их возможных поступках.

Стр. 567. «Сознание Гарри захватило что-то вроде диссоциативной fugи». — Диссоциативная fuga — редкое психиатрическое заболевание, при котором больной забывает практически всю информацию, связанную с собственной личностью: кто он такой, чем занимается, как его зовут и так далее.

Стр. 568. «Сейчас Гарри чувствовал себя Бэтменом, который больше заботится о Джокере, чем о жертвах Джокера». — Бэтмен — супергерой, а Джокер — суперзлодей из Вселенной DC Comics. Большая часть их встреч действительно заканчивается тем, что Джокеру удаётся остаться в живых и сбежать, «чтобы вернуться в продолжении».

Стр. 612. «А именно, аврора Шноббса и аврора Колона, которых уважают и далеко за пределами моего департамента». — Капрал Шноббси Шноббс и сержант Фред Колон — цвет анк-морпоркской Городской Стражи из цикла о Плоском Мире Терри Пратчетта. Среди прочих достоинств обладают огромным опытом в вопросах того, как не работать.

Стр. 612. «Питер Петтигрю кричал о том, что произошло, пока не сорвал голос, но авроры привыкли, что оказавшиеся в Азкабана говорят всё, что угодно, лишь бы оттуда выбраться, и потому не обращали внимания». — И не только авроры. «Старый волшебник подошёл к следующей металлической двери, из-за которой раздавалось монотонное бормотание: "Я не всерьёз, я не всерьёз, я не всерьёз..." Красно-золотой феникс на его плече настойчиво крикнул, старый волшебник поморщился, и тут...» (Глава 58). Английское «I'm not serious, I'm not serious, I'm not serious...» звучит почти так же, как «I'm not Sirius, I'm not Sirius, I'm not Sirius...», но Дамблдору, разумеется, такое просто не могло прийти в голову.

Стр. 618. «А кто-нибудь подумает о чёрных дырах или отрицательно заряженных стрепельках». — Чёрные дыры — область пространства-времени, гравитационное притяжение которой настолько велико, что покинуть её не могут даже объекты, движущиеся со скоростью света, в том числе кванты самого света. Стрепелька (странная+капелька), от англ. strangelet — strange+droplet — гипотетический объект, состоящий из «странной материи», образованной кварковым веществом. Столкновение стрепельки с одним ядром атома обычного вещества может породить цепную реакцию, которая превратит всю обычную материю в «странную».

Стр. 618. «...то всегда можно трансфигурировать кучу ядерного оружия и Чёрную Смерть, которая сможет распространиться до того, как развеется трансфигурация». — Чёрная Смерть — бубонная чума, инфекционная болезнь с крайне высокой смертностью и крайне высокой вирулентностью. В ходе эпидемии чумы в XIV веке — болезнь распространилась по всей Евразии от Китая и Монголии, через Индию и Среднюю Азию до Европы и Северной Африки — погибло не менее 60 миллионов человек (во многих регионах — от трети до половины

населения). Во время Второй мировой был разработан штамм чумы с вирулентностью в несколько десятков раз превышающей природную. В настоящее время чума излечивается в 90% случаев, однако постоянно встречаются новые штаммы, требующие разработки дополнительных мер.

Стр. 625. «*Это Нэнси Мэнсон?*». — Возможно, имя-контоминация: юная девушка из хорошей семьи Нэнси Питман была одной из самых фанатично преданных последовательниц знаменитого убийцы Чарльза Мэнсона. Она непосредственно не принимала участия в убийствах, но была в курсе всех преступлений и покрывала его даже после ареста.

Стр. 625. «*Эуноэ, — произнёс голос шотландки*». — Согласно «Божественной комедии» Данте, Эвной — одна из Рек Памяти протекающих в Земном Раю. Если Лета истребляет память о совершённых грехах, то Эвной («добрая память») воскрешает в человеке воспоминания о всех его добрых делах.

Стр. 631. «*И был вечер, и было утро, день последний*». — Прямая цитата из книги «Бытие» «Ветхого Завета».

Стр. 636. «*В голове у Гарри крутилась строчка из Толкина, из сцены, в которой Фродо на Роковой горе надевает кольцо, и Саурон внезапно осознаёт, каким полнейшим идиотом он оказался. „И узрел он размах собственной глупости“, или как там это звучало*». — В русских переводах Толкина нет конкретно этой фразы, однако общий смысл сцены она передаёт верно.

Стр. 636. «*На ум Гарри пришли строки из другой книги — гораздо менее известного автора*». — «Гораздо менее известный автор», которого цитирует Гарри, — это сам Элизер Юджовский. Цитата относится к короткому рассказу «Напутствие» (Final words) из книги «Рациональность: от ИИ до Зомби». Эта книга пока переведена на русский язык лишь частично (упомянутый рассказ ещё не переведён), с переводом можно ознакомиться на сайте lesswrong.ru.

Стр. 637. «*Возможно, у Гарри получится нанять Даниэля Канемана, симулировать его смерть, омолодить его с помощью Камня и поручить ему изобретать способы обучения лучше нынешних*». — Даниэль Канеман — психолог и экономист, объединивший в своих теориях экономику и когнитивистику для объяснения иррациональности отношения человека к риску в принятии решений и в управлении своим поведением. Один из авторов работы по установлению когнитивной основы для общих человеческих заблуждений в использовании эвристик, а также для развития теории перспектив, лауреат Нобелевской премии 2002 года «за исследование формирования суждений и принятия решений в условиях неопределённости».

Стр. 660. «*Гарри слегка повернул голову — солнце слишком сильно грело ему шёку, а у него не было солнцезащитного крема*». — Аллюзия на интернет-фейк «Напутственная речь Курта Воннегута студентам Массачусетского технологического Университета», который на самом деле был колонкой для Chicago Tribune, написанной журналисткой Мэри Шмиц. Суть текста сводится примерно

к следующему: сложно загадывать что-то на будущее, потому что каждая жизнь уникальна, но вот солнцезащитный крем пригодится вам в любом случае.

Стр. 661. «Это не обязательно противоречит тому, что тебе предназначено быть героем, — сказал Гарри, вспоминая о взглядах компатибилистов на свободу воли, а также о пророчествах, которые он не должен знать, чтобы осуществить». — Компатибилизм — учение, в рамках которого понятия свободы воли и моральной ответственности сочетаются с представлением о детерминизме мира (то есть, о том, что в каждый момент времени у мира есть только одно возможное будущее).

Стр. 663. «Если вы хотите прочесть эпилог, который выйдет отдельно (и не скоро)...» — За три года, прошедшие с окончания публикации книги, эпилог так и не появился.

Стр. 663. «Живите долго и процветайте». — Это приветствие жителей планеты Вулкан из сериала «Звёздный путь» очень популярно среди любителей фантастики.

Что читать дальше

Книга «Гарри Поттер и методы рационального мышления» прочитана. Поздравляю!

Она по размеру сопоставима с «Войной и миром». Надеюсь, тебе понравилось (и время было потрачено не зря). Расскажи об этом друзьям, передай им книги в бумажном виде или отправь ссылку на гпимрм.рф.

После прочтения ГПиМРМ тебя могут заинтересовать эти направления: рациональность и физика, эффективный альтруизм, безопасность искусственного интеллекта. Могу посоветовать, с чего начать знакомство с ними.

Элиезер Юджовский в ГПиМРМ показал, как рациональность помогает человеку достигать своих целей, справляясь даже с самыми сложными ситуациями; помогает лучше понимать мир и принимать решения с наибольшей ожидаемой полезностью.

Рациональность разделяется на две части: эпистемическую и инструментальную.

Эпистемическая рациональность — искусство увеличивать соответствие между картой в своей голове и существующей территорией. Другими словами, это учитывающие когнитивные искажения методы систематического улучшения точности наших убеждений (например, в свете новой информации с помощью байесовской теории вероятности) и нахождения истины.

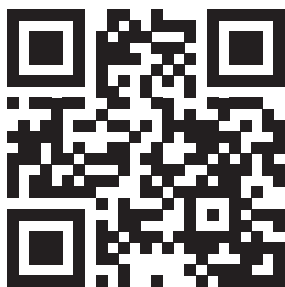
Инструментальная рациональность — методы направления будущего в сторону более желаемых результатов, изменения мира и реализации своих ценностей («своих» не обязательно в значении личных или эгоистичных: своей ценностью может быть любая безразличная вещь).

Эта книга уже познакомила тебя с методами рациональности. Для углубления знакомства советую книгу «Думай медленно... Решай быстро» Даниэля Канемана — нобелевского лауреата по экономике, нанять которого в сто двадцать второй главе подумывал Гарри.

Кроме того, узнать больше о когнитивных искажениях и научиться знакомым Гарри стратегиям общения с людьми, ведения дел, самообразования, учёта рисков для себя и для мира можно из «цепочек» Юдковского, переводы которых ты найдёшь на lesswrong.ru.

Там же, кстати, расположено «Краткое руководство по умным персонажам». Юдковский написал, как создал героев, которые кажутся такими реалистичными: делают то, что делали бы реальные люди с такими целями, бэкграундами, характерами в описанных ситуациях: lesswrong.ru/205.

Если тебе, как и Гарри, интересно, как работает наш мир, стоит прочитать знакомые ему книги Ричарда Фейнмана: увлекательную автобиографию «Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман!», а следом тома «Фейнмановских лекций по физике».

Исследования показывают, что люди — альтруисты: радуются и получают удовольствие, когда другие вокруг них радуются и получают удовольствие, считают хорошим и полезным приносить добро другим.

Гарри Поттер Юдковского хочет сделать мир лучше. Спасти наибольшее число жизней. В реальности тоже есть люди, использующие для этого методы рациональности. Они хотят принести миру больше пользы, и для этого анализируют значимость, недооценённость и разрешимость глобальных проблем человечества, участвуют в их решении, эффективно (так, чтобы результат от этого был максимальным) тратят средства на благотворительность. Философия и движение таких людей называются эффективным альтруизмом.

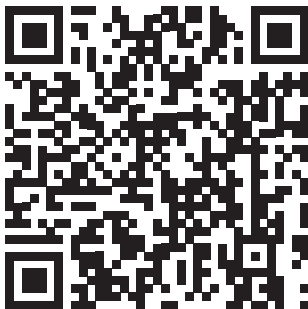
В среднем, за свою жизнь человек работает около восьмидесяти тысяч часов. Хочется провести это время приятно и вместе с тем внести вклад в улучшение мира. Для этого, например, можно влиять на решение важных вам проблем: непосредственно участвуя в работе над ними или много зарабатывая и жертвуя на такую работу деньги.

Если ты ещё не до конца определился со своей карьерой, советую прочитать книгу «80,000 Hours» — руководство по выбору профессии, которая будет приносить удовольствие тебе и пользу миру. Оно написано одноимённым оксфордским проектом после пяти лет исследований и доступно бесплатно тут: 80000hours.ru.

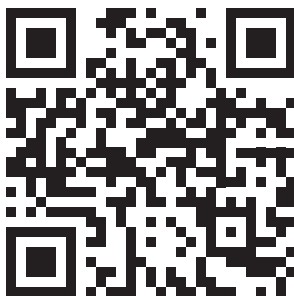

Подробнее узнать об эффективном альтруизме можно на effectivealtruism.ru.

ЭА-организации в качестве одной из приоритетных проблем человечества выделяют безопасность искусственного интеллекта. Элиезер Юджовский — сооснователь и сотрудник Machine Intelligence Research Institute, занимающегося исследованиями именно в этой области. Многие люди — от Стивена Хокинга и Илона Маска до Стюарта Рассела и Ильи Суцкевера — писали о необходимости работы над безопасностью ИИ. Я считаю, что с большой вероятностью искусственный интеллект, превосходящий человеческий, появится в ближайшие несколько десятилетий. Не хочется, чтобы он нас быстро и эффективно уничтожил.

Начать знакомство с темой безопасности искусственного интеллекта можно с книги Ника Бострома «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии» или со статьи Люка Мюльхаузера «Перед лицом сингулярности» — intelligenceexplosion.ru.

Следить за новостями можно тут: vk.com/hpmor_print

Надеюсь, книги получились отличными.

Выражаю огромную и самую искреннюю признательность за упорный труд Лину Лобарёву (автору вёрстки) и Татьяне Anforumeги (авторке обложки). Спасибо чату t.me/hpmorprint за помощь во всех связанных с печатью вопросах. Спасибо Vert Dider, Sci-One, Лентачу, N+1, Образовачу, Скептику, Лекторию Set Up за распространение информации о проекте и о книге. Спасибо всем 7278 участникам краудфандинга. Вместе мы сделали печать «Гарри Поттера и методов рационального мышления» одним из крутейших научно-популярных проектов последних лет.

Спасибо тебе за то, что дошёл до конца. ГПиМРМ — только начало увлекательного пути в мире науки и рациональности. Приятного чтения книг по ссылкам выше!

Михаил Самин,
автор проекта

Оглавление

Глава 78. Цена бесценного. Прелюдия: жульничество	5
Глава 79. Цена бесценного. Часть 1	48
Глава 80. Цена бесценного. Часть 2. Эффект дурной славы	70
Глава 81. Цена бесценного. Часть 3	86
Глава 82. Цена бесценного. Финал	101
Глава 83. Цена бесценного. Послесловие 1	112
Глава 84. Цена бесценного. Послесловие 2	114
Глава 85. Цена бесценного. Послесловие 3. На расстоянии	143
Глава 86. Проверка многомерной гипотезы	159
Глава 87. Гедонистическая осведомлённость	217
Глава 88. Давление времени. Часть 1	233
Глава 89. Давление времени. Часть 2	250
Глава 90. Роли. Часть 1	258
Глава 91. Роли. Часть 2	274
Глава 92. Роли. Часть 3	287
Глава 93. Роли. Часть 4	293
Глава 94. Роли. Часть 5	303
Глава 95. Роли. Часть 6	314
Глава 96. Роли. Часть 7	326
Глава 97. Роли. Часть 8	337
Глава 98. Роли. Финал	355
Глава 99. Роли. Послесловие	364
Глава 100. Меры предосторожности. Часть 1	365
Глава 101. Меры предосторожности. Часть 2	381
Глава 102. Забота	389
Глава 103. Экзамен	401

Глава 104. Истина. Часть 1. Загадки и ответы	408
Глава 105. Истина. Часть 2.....	435
Глава 106. Истина. Часть 3	444
Глава 107. Истина. Часть 4	449
Глава 108. Истина. Часть 5. Ответы и загадки.....	461
Глава 109. Отражения	499
Глава 110. Отражения. Часть 2.....	514
Глава 111. Провал. Часть 1.....	520
Глава 112. Провал. Часть 2.....	543
Глава 113. Последнее испытание	547
Глава 114. Заткнись и сделай невозможное	560
Глава 115. Заткнись и сделай невозможное. Часть 2	567
Глава 116. Послесловие. Мне есть что защищать. Часть 0.....	576
Глава 117. Мне есть что защищать. Минерва МакГонагалл	582
Глава 118. Мне есть что защищать. Профессор Квиррелл.....	589
Глава 119. Мне есть что защищать. Альбус Дамблдор	593
Глава 120. Мне есть что защищать. Драко Малфой	620
Глава 121. Мне есть что защищать. Северус Снейп.....	627
Глава 122. Мне есть что защищать. Гермиона Грейнджер.....	631
От переводчиков	664
Комментарии	665
<i>Михаил Самин. Что читать дальше .....</i>	<i>678</i>

Все права принадлежат правообладателям: в частности, Джоан Роулинг. Оригинальный тираж этой книги (21 000 экземпляров) был напечатан на средства, собранные краудфандингом, и предназначался для участников краудфандинга, а также для отправки на просветительские цели и в библиотеки.

Все собранные деньги потрачены на печать, организаторы этого некоммерческого проекта не извлекают прибыли.

Позже вёрстка была выложена в свободный доступ, чтобы любой желающий мог распечатать себе экземпляр.

Коммерческое использование текста без разрешения правообладателей может преследоваться по закону.

Продажа этой книги незаконна и в зависимости от масштаба может повлечь уголовную, административную или гражданскую ответственность.

Элиезер Шломо Юдковский

Гарри Поттер и методы рационального мышления

Книга третья

Редактура — Михаил Самин
Комментарии — Лин Лобарёв
Дизайн обложки — Татьяна Anforumeru
Вёрстка — Лин Лобарёв

Организатор проекта — Михаил Самин
Электронный адрес: www.mishasamin.me
E-mail: hpmor@mishasamin.xyz
ВКонтакте: vk.com/hpmor_print
Telegram: t.me/hpmorprint

Этот макет можно свободно использовать для печати в личных некоммерческих целях, однако нельзя изменять без разрешения авторов вёрстки.

